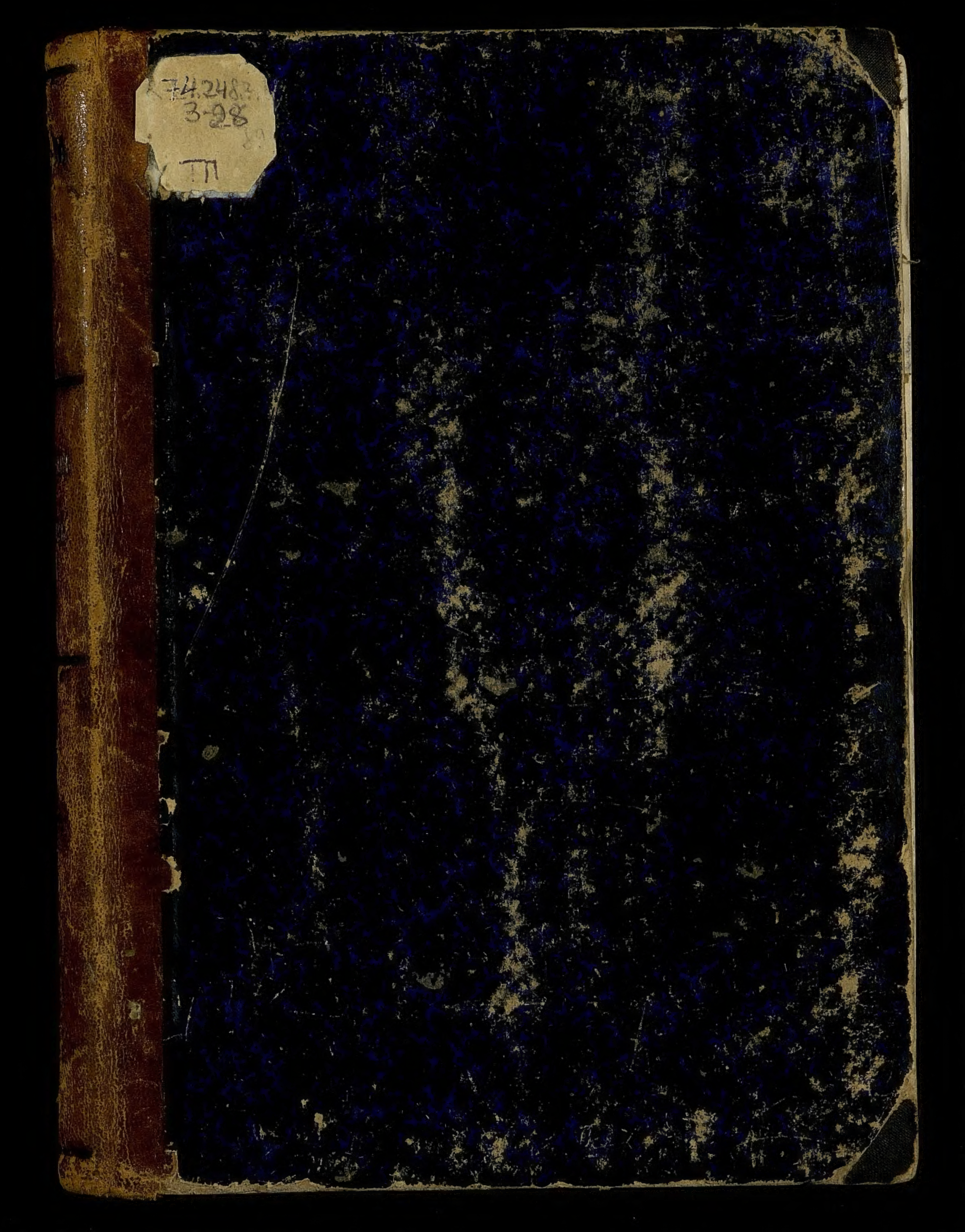

74.2483
3-28
ТП

БИБЛІОТЕКА
ТОБОЛЬСКАГО ГУБЕРНСКАГО МУЗЕЯ.
68.
28 6/56

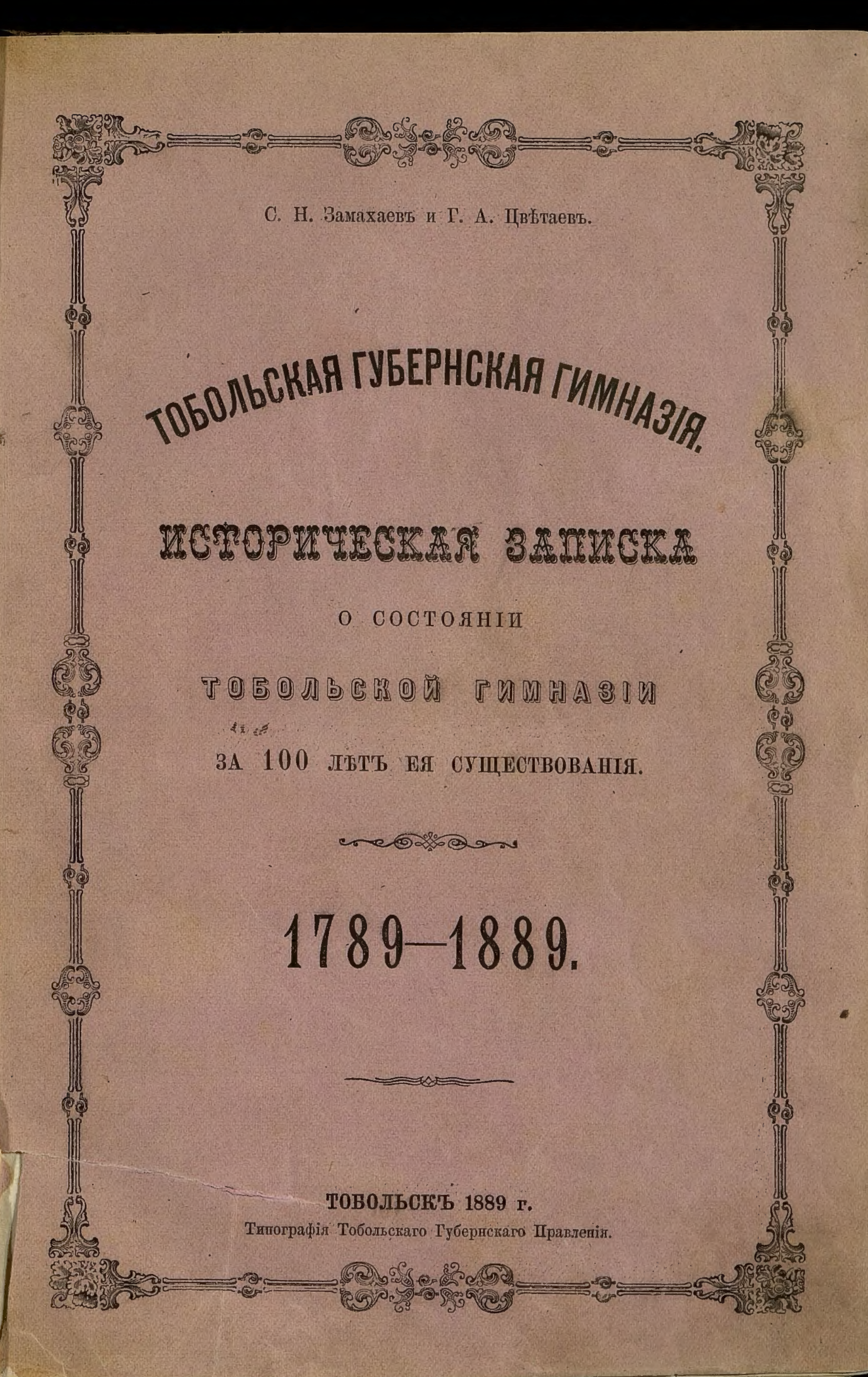
28 6/56

На домъ **не выдается.**

Постановленіе Общаго Собранія отъ 10 февраля 1916 г.

Рост нач. образ. в Тоб. губ. 1907–1916 гг.
см. в конце книги

С. Н. Замахаевъ и Г. А. Цвѣтаевъ.

Тобольская Губернская Гимназія.

Историческая записка

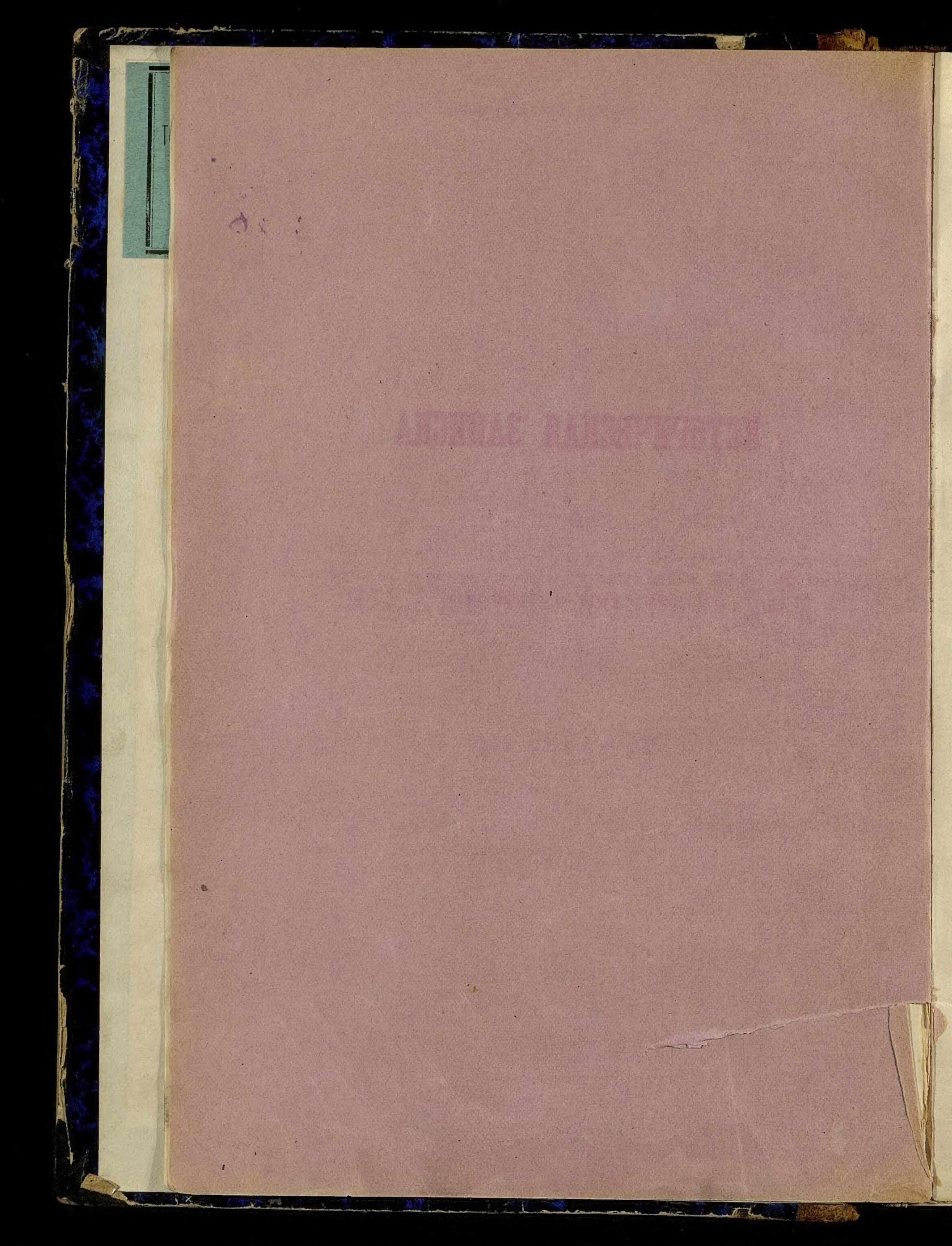
о состояніи

Тобольской гимназіи

за 100 лѣтъ ея существованія.

1789—1889.

ТОБОЛЬСКЪ 1889 г.
Типографія Тобольскаго Губернскаго Правленія.

С. Н. Замахаевъ и Г. А. Цвѣтаевъ.

9/57.1
3-26
Т50
37
3-26.

Библіотека Тобольскаго Музея инв. № 292
84
08
02

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

о

ТОБОЛЬСКОЙ ГИМНАЗІИ.

1789—1889 годъ.

Печатается по постановленію педагогическаго совѣта Тобольской гимназіи, состоявшемуся 26 ноября 1888 года.

К ТМ-24115/1480

ТОБОЛЬСКОЕ ГЛАВНОЕ НАРОДНОЕ УЧИЛИЩЕ.

1789—1810 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. [1])

Рескриптъ Императрицы Екатерины II объ открытіи въ Тобольскѣ главнаго народнаго училища.—Денежныя пожертвованія городскаго общества и частныхъ лицъ въ пользу училища.—Первые учителя училища.—Учебники и учебныя пособія, присланные для училища „Комиссіею объ учреждени училищъ“.—Помѣщеніе училища.—Торжественное открытіе училища.—Рѣчи, сказанныя по этому поводу преосвященнымъ Варлаамомъ и учителемъ Лафитовымъ.—Число поступившихъ учениковъ въ училище и распредѣленіе ихъ по сословіямъ и лѣтамъ.—Извѣщеніе объ открытіи училища въ С.-Петербургскую Академію Наукъ и Московскій университетъ.—Штаты главнаго народнаго училища.—Первое открытое испытаніе учениковъ Тобольскаго главнаго народнаго училища.—Рѣчь учителя Воскресенскаго.

Императрица Екатерина II вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ обратила особенное вниманіе на народное образованіе. Учреждая въ 1775 г. Приказы Общественнаго Призрѣнія, она въ числѣ прочихъ обязанностей возложила на нихъ также и устройство народныхъ школъ во всѣхъ городахъ и многолюдныхъ селеніяхъ. Хотя Приказы и старались, на сколько возможно, исполнить въ точности Монаршую волю, однако ихъ дѣятельность въ этомъ отношеніи большею частью оставалась безъ успѣха. Причиной тому были слишкомъ малыя средства Приказовъ, недостатокъ способныхъ преподавателей, отсутствіе сколько-нибудь сносныхъ учебниковъ и отчасти малое сочувствіе самихъ гражданъ къ этому доброму дѣлу. Но несмотря на всѣ эти препятствія, Императрица не переставала заботиться объ упроченіи дѣла народнаго образованія въ Россіи. Съ этою цѣлью въ 1782 г. она учредила въ С.-Петербургѣ подъ предсѣдательствомъ одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени графа Заводовскаго „Комиссію объ учрежденіи народныхъ училищъ“. Комиссія эта должна была составить учебныя книги, выработать планъ и уставъ народныхъ училищъ, открыть главныя народныя училища во всѣхъ губернскихъ городахъ и малыя училища изъ 2-хъ классовъ во всѣхъ уѣздныхъ и приготовить способныхъ учителей.

---

[1]) Главы I, II и III изложены по документамъ, сохранившимся въ архивѣ Тобольскаго Губернскаго Правленія и переданнымъ директору гимназіи П. И. Панову бывшимъ предсѣдателемъ Тобольскаго Губернскаго Правленія А. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ.

Результаты трудовъ „Комиссіи" вскорѣ обнаружились. Къ концу 1782 года были составлены буквари и разныя руководства. Въ слѣдующемъ 1783 г. въ С.-Петербургѣ открыто было „Главное народное училище", состоявшее изъ 4-хъ классовъ, а при немъ была учреждена учительская семинарія, гдѣ лица, желавшія посвятить себя педагогической дѣятельности въ предполагаемыхъ къ открытію народныхъ училищахъ въ губернскихъ городахъ, получали къ тому спеціальную подготовку. Въ 1786 году былъ выработанъ и самый уставъ народныхъ школъ, который и былъ утвержденъ Императрицею 5-го августа того же года. Тотчасъ послѣ утвержденія устава открыты были училища въ 26 губерніяхъ, а именнымъ указомъ 3 ноября 1788 года повелѣно было открыть главныя народныя училища и въ остальныхъ губерніяхъ, въ томъ числѣ и въ Тобольской.

3-го февраля 1789 года въ Тобольской городской думѣ въ присутствіи правителя Тобольскаго намѣстничества, городскаго головы, именитыхъ гражданъ города, купечества 3-хъ гильдій, мѣщанъ и цѣховыхъ города Тобольска „заслушанъ былъ" присланный исправляющему должность Генералъ-Губернатора Пермскаго и Тобольскаго Генералъ-Поручику Волкову именной Ея Величества Императрицы Екатерины II указъ отъ 3 ноября 1788 объ открытіи въ Тобольскѣ главнаго народнаго училища. Въ указѣ этомъ, между прочимъ, было сказано, что главныя народныя училища хотя и не требуютъ на свое содержаніе большихъ суммъ, но тѣмъ не менѣе содержаніе ихъ едва-ли можетъ быть покрыто процентами съ капиталовъ, находящихся въ распоряженіи Приказовъ Общественнаго Призрѣнія, на обязанность которыхъ возложены расходы по народнымъ училищамъ, почему указомъ поручалось Генералъ-Губернатору сыскать другіе источники доходовъ на этотъ предметъ „безъ отягощенія казны и безъ оскуденія и другихъ полезныхъ заведеній". [1]) Въ числѣ подобныхъ источниковъ дохода указомъ, очевидно, подразумѣвалось пособіе отъ городской думы, что ясно видно изъ словъ самаго указа, въ которомъ сказано: „Снабдивъ города наши разными выгодами, въ городовомъ положеніи изображенными, доставили Мы и доходы на ихъ надобности, между таковыми надобностями просвѣщеніе народное одною изъ первыхъ почитаться долженствуетъ".

Городская дума, находя, что „учрежденіе главнаго народнаго училища въ Тобольскѣ есть великое благо для города, дающее путь къ просвѣщенію", что „содержаніе этого училища не можетъ почесться отяготительнымъ и превышающимъ ея силы, такъ какъ по смѣтѣ видно, что оно не превышаетъ 2500 рублей", [2]) постановила: „пріемлетъ съ удовольствіемъ содержаніе глав-

---

[1]) Дѣло Тобольскаго губерн. архива № 75 за 1789 г.
[2]) Ibidem.

наго народнаго училища на себя, а самый указъ, какъ высокомонаршее Ея Императорскаго Величества благоволеніе, пріемлетъ съ благоговѣйною и чувствительною радостью".

Свое постановленіе городская дума не замедлила привести въ исполненіе: 10 февраля 1789 года ею представленъ былъ правителю намѣстничества „регистръ" пожертвованіямъ, какія выразили желаніе сдѣлать въ пользу учреждаемаго училища жители города. Всѣхъ пожертвованій подписано было на сумму 3118 р., при чемъ эти пожертвованія раздѣлялись по существу на единовременныя, которыхъ подписано было на 2727 руб., и на ежегодные взносы, преимущественно отъ чиновниковъ, съ условіемъ взносить на устройство и содержаніе училища подписанныя ими деньги въ опредѣленной нормѣ, до тѣхъ поръ пока они будутъ состоять на службѣ въ Тобольскѣ. Сумма такихъ пожертвованій простиралась до 391 р. Наиболѣе крупныя пожертвованія изъ числа единовременныхъ заявлены были обществами: купеческимъ 1000 р., мѣщанскимъ 350 р. и цѣховымъ 120 р., частными лицами: именитымъ гражданиномъ Кремлевымъ 1000 р., второй гильдіи купцомъ Русановымъ 100 р.; изъ числа пожертвованій въ видѣ ежегодныхъ взносовъ наиболѣе крупныя суммы заявлены были: правителемъ Тобольскаго намѣстничества Алябьевымъ 100 руб., Тобольскимъ вице-губернаторомъ Селифонтовымъ и оберъ-провіантмейстеромъ Севирюковымъ по 50 руб., экономіи директоромъ Мыльниковымъ, губернскимъ прокуроромъ Бахтинымъ, надворными совѣтниками Мейбомъ и Путьковскимъ, совѣтникомъ намѣстническаго правленія Розитомъ по 25 р. каждымъ. Такимъ образомъ всѣ сословія города Тобольска по мѣрѣ матеріальныхъ средствъ своихъ выразили желаніе оказать матеріальную поддержку открываемому училищу, одно только духовное сословіе не приняло никакого участія въ матеріальномъ обезпеченіи училища. При этомъ „регистрѣ" пожертвованій городской думою представленъ былъ правителю намѣстничества „покорнѣйшій рапортъ", въ которомъ купеческое и мѣщанское общество заявляло, въ случаѣ недостаточности доходовъ Приказа Общественнаго Призрѣнія и города, оказывать содѣйствіе по содержанію главнаго народнаго училища посредствомъ раскладки какъ среди членовъ этихъ обществъ, такъ и среди остальнаго городскаго населенія.

Казалось бы, что при такомъ положеніи дѣла въ финансовомъ отношеніи открываемое училище на будущее время вполнѣ обезпечено; на дѣлѣ же, какъ увидимъ ниже, вышло другое.

Посылая копію съ Высочайшаго рескрипта объ открытіи въ Тобольскѣ главнаго народнаго училища, Генералъ-Губернаторъ Волковъ вмѣстѣ съ тѣмъ препроводилъ въ Тобольскъ и учителей, присланныхъ „Комиссіею объ училищахъ", а также необходимыя учебныя книги и пособія. Вотъ фамиліи первыхъ учителей Тобольскаго главнаго народнаго училища: *Т. Воскресенскій*—предназначался для преподаванія въ III и IV классахъ: латинскаго языка, россійской грамматики, ариѳметики, геометріи, гражданской архитек-

БИ
ТОБОЛЬС

туры, механики и физики; *Иванъ Лафитовъ*—для преподаванія въ тѣхъ же классахъ исторіи политической, географіи и естественной исторіи; *Василій Прудковскій*—для преподаванія всѣхъ предметовъ 2-го класса: пространнаго катихизиса, священной исторіи, книги о должностяхъ человѣка и гражданина, руководства къ чистописанію, первой части ариѳметики, изъясненія евангелія и латинскаго языка; *Иванъ Набережный*—для преподаванія всѣхъ предметовъ 1-го класса: таблицы азбучной, таблицы для складовъ, россійскаго букваря, правилъ для учащихся, сокращеннаго катихизиса, священной исторіи, руководства къ чистописанію, рисованія и латин. языка. Всѣ эти учителя были изъ духовнаго званія, всѣ они имѣли аттестаты изъ семинарій, [1]) къ учительской же должности приготовлялись въ С.-Петербургѣ въ учрежденной „Комиссіею объ училищахъ" учительской семинаріи.

Книги и учебныя пособія, предназначенныя „Комиссіею объ училищахъ" для Тобольскаго главнаго народнаго училища, были присланы при слѣдующемъ реестрѣ съ обозначеніемъ какъ количества экземпляровъ, такъ и цѣны каждаго экземпляра въ отдѣльности.

	Число экземпляр.	Цѣна.	
		рубли.	коп.
Букварей	250	—	9
Правилъ для учащихся	250	—	7
Руководствъ къ чистописанію	250	—	8
Сокращеннаго катихизиса ученическаго .	250	—	9
Пространнаго катихизиса	100	—	32
Священной исторіи	200	—	27
О должностяхъ человѣка, ученическая .	100	—	37
Ариѳметики 1-й части	100	—	27
„ 2-й части	100	—	32
Краткаго землеописанія съ картинами . .	50	—	65
Геометріи	25	—	50
Физики	25	—	40
Механики	25	—	45

[1]) Лафитовъ окончилъ курсъ въ Московской духовной академіи.

	Число экземпляр.	Цѣна.	
		рубли.	коп.
Естественной исторіи 1-й части	25	—	50
„ „ 2-й части	25	—	50
Пространнаго землеописанія	25	—	80
Грамматики	100	—	12
Математич. географіи	50	—	16
Всемірной исторіи	50	—	65
Зрѣлище вселенной:			
съ латинскаго	30	1	20
съ французскаго	20	1	20
О должностяхъ человѣка, учительская	25	—	60
Руководство учителямъ	20	—	13
Уставъ народныхъ училищъ	25	—	45
Таблицъ азбучныхъ: церковной печати	250	—	8
гражданской печати	250	—	8
Для складовъ печати: церковной	10	1	—
Для складовъ печати: гражданской	10	1	—
Рукописей	10	1	—
Телемака	10	1	—
Растущаго винограда:			
1785 г.	3	4	—
1786 г.	3	4	—
Изъясненій евангелія	50	—	47
Всеобщей географіи	50	—	70

Такимъ образомъ для удовлетворенія первоначальнымъ потребностямъ Тобольскаго главнаго народнаго училища „Комиссіею объ училищахъ“ было прислано книгъ на сумму 709 рублей, и за скидкою 20% съ рубля,—уступка, которую дѣлала „Комиссія“ всѣмъ училищамъ вообще,—на сумму 567 р. 20 к.

Учебныя пособія заключались въ слѣдующихъ предметахъ:

	Число экземпляр.	Цѣна.	
		рубли.	коп.
Россійскаго атласа	20	—	50
Глобусовъ земнаго и небеснаго	4	6	—
Картъ: Планиглобій	5	1	—
Америки	5	1	50
Россійской Имперіи	1	5	85
Архитектурныхъ чертежей въ 46 лист.	1	150	—
Геометрическихъ тѣлъ 15 штукъ	1	1	—
Камеръ-обскуры	1	11	90
Готовальня	1	3	—
Фигуръ къ естественной исторіи второй части	25	20	—

БИ
ТОБОЛЬС

Всѣхъ учебныхъ пособій было прислано на сумму 238 р. 25 к., и съ цѣны ихъ уже не полагалось никакой скидки. Большая часть какъ книгъ, такъ и учебныхъ пособій принадлежала изданію „Комиссіи объ училищахъ".

Такимъ образомъ средства для училища были отысканы, учителя, учебныя книги и пособія были присланы, оставалось еще отыскать домъ, удобный для помѣщенія училища. Трудъ этотъ на себя взялъ правитель намѣстничества А. В. Алябьевъ, но, не смотря на всѣ старанія, онъ не могъ найти во всемъ городѣ такого дома. Время же шло, и день, назначенный къ открытію училища, приближался. Тогда Алябьевъ въ силу только крайней необходимости предложилъ городской думѣ принять отъ городничаго находившійся въ его вѣдѣніи домъ бывшаго коронноповѣреннаго Петербургскаго купца Льва Мануйлова, описанный за недоимку питейныхъ сборовъ по откупу. Но когда дума, боясь значительныхъ издержекъ, которыя потребуются на ремонтъ этого дома, такъ какъ онъ былъ очень ветхій и „за ветхостью стоялъ долгое время праздно", [1]) медлила приводить въ исполненіе предложеніе Алябьева, тогда онъ предложилъ казенной палатѣ отдать этотъ домъ подъ помѣщеніе училища съ платою по 20 руб. въ годъ съ тѣмъ, чтобъ и поправки, какія окажутся необходимыми въ этомъ домѣ, приказъ принялъ на себя. Казенная Палата согласилась на эти условія, и домъ тотчасъ былъ принятъ приказомъ въ свое распоряженіе и на скорую руку отремонтированъ. Домъ купца Мануйлова находился за Абрамовымъ мостомъ, въ приходѣ Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста, по Пилядкой улицѣ, состоялъ изъ 2-хъ жилыхъ корпусовъ—одного каменнаго съ подвалами въ нижнемъ этажѣ, другаго деревяннаго; при домѣ находились водочный, пивоваренный и медоваренный заводы. Училищемъ занятъ былъ деревянный корпусъ, длина котораго по улицѣ простиралась въ 10 саженъ, въ поперечникѣ же корпусъ этотъ имѣлъ 7 саженъ. Въ корпусѣ этомъ заключалось 9 комнатъ съ голландскими печами, въ одной же изъ комнатъ былъ каминъ. [2])

Наступило, наконецъ, 11 марта, назначенное днемъ открытія училища. При собраніи всѣхъ чиновниковъ, служащихъ въ Тобольскѣ, и при многочисленномъ присутствіи гражданъ епископъ Тобольскій и Сибирскій Варлаамъ совершилъ молебствіе и освященіе назначеннаго для училища дома, по окончаніи чего имъ сказано было слово, „изъявляющее сердечную благодарность за столь безподобную милость, какую изъявляетъ отъ престола Всеавгустѣйшая Монархиня Матерь отечества, среди безчисленныхъ своихъ попеченій о благѣ своихъ подданныхъ, искореняетъ невѣжество, яко человѣку неприличное и насаждаетъ просвѣщеніе, яко изящнѣйшее средство на усовершенствованіе благосостоянія любезныхъ своихъ подданныхъ, не изъемля ни единаго состоянія". [3]) Послѣ преосвященнаго Варлаама говорилъ рѣчь учитель

---

[1]) Дѣло Тобольскаго Губернскаго Правленія № 109 за 1791 г.

[2]) Дѣло Тобольскаго губернскаго архива № 51 за 1789—1790 г.

[3]) Ibid. № 75 за 1789 г.

Иванъ Лафитовъ. Вотъ эта рѣчь:

Высокопочтеннѣйшее собраніе!

„Среди безчисленныхъ попеченій о доставленіи благосостоянія подданнымъ премудрая Монархиня наша обращаетъ особливо вниманіе свое на науки, яко единое изъ надежнѣйшихъ къ достиженію того средство. Зная совершенно, колико онѣ нужны къ содѣланію Россовъ благополучными, повелѣла открыть во всѣхъ губерніяхъ народныя училища для просвѣщенія юношества каждаго состоянія. Многіе грады дражайшаго отечества нашего чрезъ два уже года наслаждаются симъ благомъ. Уже видимъ отъ того довольныя успѣхи, къ вящему еще умноженію коихъ Державнѣйшая Государыня ободряетъ тщательныхъ попечителей училищъ, являя имъ особливое свое Высочайшее благоволеніе.

Наконецъ се! насталъ вожделѣнный часъ, въ который и сей благословенный градъ начнетъ участвовать съ другими въ семъ неоцѣненномъ отъ престола дарѣ. Съ сего мгновенія, почтеннѣйшіе граждане, юношество ваше (ежели ревностно соотвѣтствовать благодѣтельнымъ о насъ намѣреніямъ общія матери нашея пожелаетъ), вступивъ въ сіе наукамъ посвященное мѣсто, можетъ питать души достойными человѣка плодами просвѣщенія. Здѣсь каждый юноша пойметъ ясно православнаго закона нашего самонужнѣйшіе догматы; здѣсь почерпаетъ правила, довольныя къ содѣланію его добрымъ хозяиномъ. Никогда не будетъ суевѣрный судья многихъ явленій, въ заблужденія непросвѣщенные умы приводящихъ. Познаетъ точное употребленіе различныхъ щедрыя натуры полезныхъ произведеній. Извѣстно будетъ купцу, гдѣ съ выгодою отправлять можно торговлю произведеніями своего отечества, и гдѣ находить потребныя для онаго вещи; увѣдаетъ каждый изъ примѣровъ, что добродѣтель возвышаетъ не только каждаго человѣка особенно, но и цѣлыя государства и области. Кратко сказать: Всепресвѣтлѣйшая Монархиня, чадолюбивая матерь наша, съ тѣмъ учреждаетъ училище, дабы всякій юноша могъ быть истинный и полезный сынъ отечества. Се великое намѣреніе и достойнѣйшее великія обладательницы!

Продли, Боже, благополучное и мудрое владычествованіе Ея, колико того усердіе сердецъ нашихъ желаетъ. Черезъ сіе-бо несомнѣнно того Россія достигнуть уповаетъ, что современемъ народы, приводящіе ее нынѣ въ удивленіе просвѣщеніемъ своимъ, рекутъ о сынахъ ея: не сіи ли дѣти Тектоновы? откуда убо дадеся имъ премудрость сія?“

Ко дню открытія главнаго народнаго училища въ него поступило 88 учениковъ; изъ того числа—49 въ первый, 31 во второй и 8 въ третій классы. Поступившіе ученики распредѣлялись по сословіямъ на дѣтей: чиновниковъ и военнослужащихъ 31, дворянъ 3, священнослужителей 5, купцовъ 7, мѣщанъ 12, цѣховыхъ 4, солдатъ 17, казаковъ 2, дворовыхъ людей 4, крестьянъ 2, бухарцевъ 1. Такимъ образомъ наибольшій контингентъ поступившихъ въ училище дѣтей принадлежитъ сословію чиновниковъ; затѣмъ слѣдовали дѣти солдатъ, мѣщанъ, купцовъ, священнослужителей, цѣховыхъ, дворовыхъ людей,

дворянъ, крестьянъ, казаковъ и бухарцевъ. Всѣ поступившіе ученики принадлежали къ православному вѣроисповѣданію, за исключеніемъ одного магометанина бухарца. Въ каждомъ изъ трехъ классовъ поступившіе ученики распредѣлялись по возрастамъ:

Лѣта.	Въ I классѣ.	Во II классѣ.	Въ III классѣ.
5	3	—	—
6	3	—	—
7	4	—	—
8	5	1	—
9	6	3	—
10	6	4	—
11	5	6	1
12	6	5	2
13	3	3	1
14	3	1	1
15	2	3	1
16	3	—	—
17	—	—	1
18	—	—	1
19	—	—	1
20	—	—	1
25	—	1	—
26	—	1	—
33	—	1	—

Поступившій контингентъ учениковъ во II и III классы открытаго училища несомнѣнно указываетъ на то, что частное обученіе въ Тобольскѣ въ то время значительно было развито. Кто именно были тѣ учителя, которые давали начатки первоначальнаго обученія дѣтямъ, неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ, если не допускать возможности послабленія, какое могло дѣлаться въ пріемѣ тѣхъ учениковъ въ различные классы открываемаго училища, чтобы показать предъ высшею властью успѣшность въ устройствѣ училищъ вообще, нельзя не придти къ тому заключенію, что условія Тобольска въ то время были значительно благопріятнѣе другихъ городовъ Тобольскаго намѣстничества, гдѣ нельзя было отыскать учителя, знающаго „ариѳметическую науку“ [1]).

О состоявшемся открытіи Тобольскаго главнаго народнаго училища правителемъ намѣстничества Алябьевымъ донесено было генералъ-губернатору Волкову. Послѣдній чрезъ Алябьева выразилъ лицамъ, пожертвовавшимъ на училище, „соразмѣрную ихъ усердію признательность и благодарность“ съ прибавленіемъ, что о добрыхъ поступкахъ жертвователей доведено

[1]) Тобольскія губернскія вѣдомости 1884 г. № 22: „Матеріалы къ исторіи народнаго просвѣщенія въ Западной Сибири“, А. Дмитріева-Мамонова.

до свѣдѣнія Ея Императорскаго Величества. 17 марта было послано также извѣщеніе объ открытіи училища въ Императорскую С.-Петербургскую Академію и въ Московскій университетъ для напечатанія о томъ въ газетахъ. Въ извѣщеніи этомъ кратко излагалось совершившееся событіе и присовокуплялось, что въ „нынѣ начавшемъ имѣть бытіе свое училищѣ находятся уже дѣти магометанскаго закона", чѣмъ несомнѣнно мѣстной администраціей желалось произвести нѣкоторый эффектъ, преувеличивъ фактъ поступленія въ число учениковъ одного бухарца, сына старшины и муллы Тобольскихъ бухарцевъ.

Штаты Тобольскаго главнаго народнаго училища были одинаковы со штатами, установленными вообще для главныхъ народныхъ училищъ, и состояли изъ должностей: директора—съ окладомъ жалованья въ размѣрѣ 500 руб. въ годъ, двухъ учителей для 2-хъ высшихъ классовъ съ окладомъ жалованья по 400 руб. въ годъ каждому, одного учителя 2-го класса съ окладомъ жалованья въ годъ 200 р. и одного учителя 1-го класса съ окладомъ жалованья въ годъ 150 р.; затѣмъ полагался учитель иностраннаго „сосѣдственнаго языка" съ окладомъ 300 руб. въ годъ. За обученіе рисованію назначалась сумма въ размѣрѣ 150 р. На содержаніе училищнаго дома: отопленіе, освѣщеніе, наемъ сторожей, а также и на учебныя книги, умноженіе библіотеки и на другія надобности по училищу опредѣлялась сумма въ 900 руб. на годъ. Жалованье служащимъ въ училищѣ выдавалось за каждую треть года по постановленіямъ Приказа изъ суммъ, отпускаемыхъ городскою думою на содержаніе училища; такъ какъ при открытіи училища директора и учителя иностраннаго „сосѣдственнаго языка" не было назначено, а отправленіе обязанности директора училища возложено было правителемъ намѣстничества на директора экономіи Мыльникова, получавшаго вознагражденіе по прямой своей обязанности изъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе Казенной Палаты, и преподаваніе иностраннаго языка въ первое время существованія училища ни на кого не возлагалось, почему и преподаваніе его не производилось, то расходы по содержанію училища вообще въ первое время его существованія представлялись значительно меньшими противъ полагаемыхъ по штатамъ. Обученіе рисованію возложено было во всѣхъ классахъ за опредѣленное по штатамъ вознагражденіе на учителей Прудковскаго и Набережнаго.

Не смотря на значительное сокращеніе расходовъ, открытому училищу въ первое время своего существованія выпало на долю претерпѣвать значительные недостатки; матеріальныя его средства не были обезпечены: поступленіе заявленныхъ пожертвованій на устройство и содержаніе училища, несмотря на сдѣланное распоряженіе правителя намѣстничества о сборѣ ихъ чрезъ сборщиковъ государственныхъ податей и управу благочинія, подвигались очень медленно, средства же Приказа Общественнаго Призрѣнія были настолько ограничены, что онъ не имѣлъ возможности безъ ущерба для богоугодныхъ заведеній, находящихся въ его вѣдѣніи, оказывать необходимую матеріальную поддержку училищу. Послѣдствіемъ такого необезпеченнаго по-

ложенія средствъ училища было то, что Приказъ Общественнаго Призрѣнія за неимѣніемъ средствъ къ поддержкѣ училища обращался въ городскую думу, прося объ оказаніи содѣйствія къ содержанію училища; послѣдняя же, отказываясь неимѣніемъ наличныхъ денегъ, указывала на заявленныя пожертвованія, о сборѣ которыхъ она просила содѣйствія правителя намѣстничества; а такъ какъ сборъ пожертвованій шелъ медленно, то учителя открытаго училища по долгу оставались безъ содержанія за неимѣніемъ источника къ ихъ удовлетворенію.

Между тѣмъ число учениковъ, принимавшихся и послѣ открытія училища, все болѣе и болѣе возрастало и къ концу 1789 г. достигло до 165 человѣкъ. 26 іюня прибылъ въ Тобольскъ генералъ-губернаторъ Пермскаго и Тобольскаго намѣстничествъ Волковъ, а 3 іюля 1789 г. въ присутствіи его, а также правителя Тобольскаго намѣстничества Алябьева, епископа Тобольскаго и Сибирскаго Варлаама, чиновниковъ намѣстничества и многочисленнаго собранія гражданъ г. Тобольска происходило первое открытое испытаніе учениковъ Тобольскаго главнаго народнаго училища. О результатахъ произведеннаго испытанія Приказомъ Общественнаго Призрѣнія посланы были донесенія въ „Коммиссію объ училищахъ", а также отосланы были извѣщенія для припечатанія въ газетахъ въ Императорскую С.-Петербургскую Академію наукъ и Московскій университетъ. [1]) Въ этихъ извѣщеніяхъ писалось, что при испытаніи многіе ученики, не смотря на краткость времени преподаванія съ открытія училища, показали довольные успѣхи и „заслужили за оное положенное отличившимся ученикамъ вознагражденіе, почему нынѣ и открытъ будетъ четвертый классъ. Его Превосходительство правящій д. генералъ-губернатора таковые училища успѣхи благоволилъ удостоить изъявленіемъ особливаго своего удовольствія. Граждане, зрѣвъ первые и толь поспѣшно созрѣвающіе благотворнаго сего заведенія плоды и наполняясь живѣйшимъ воображеніемъ той пользы, которая несомнѣнно должна произойти, когда юношество, воспитанное въ семъ посвященномъ наукамъ мѣстѣ, почерпнувъ истинное богопознаніе и утвердясь въ должности къ Государю, къ отечеству, къ родителямъ, къ обществу и къ ближнимъ..... изъявляли глубочайшее ихъ благоговѣніе и благодарность къ виновницѣ сего толь радостнаго для нихъ благополучія.

По окончаніи открытаго испытанія учитель Воскресенскій, назначенный преподавателемъ въ 4 классъ, обращаясь къ своимъ ученикамъ, вступившимъ въ открытый классъ, между прочимъ, въ рѣчи своей, къ нимъ обращенной, высказалъ: „вы не знаете еще какое удовольствіе и паче какую пользу вы получите отъ познанія тѣхъ наукъ, кои вамъ нынѣ преподаваться будутъ въ высшемъ сего училища классѣ. Вы получите ясное понятіе о геометріи, гражданской архитектурѣ, механикѣ, физикѣ и естественной исторіи, такъ какъ о наукахъ нужнѣйшихъ и полезнѣйшихъ въ общежитіи. Всѣ эти науки сдѣ-

[1]) Дѣло Тоб. губ. архива № 51 за 1789—1790 гг.

лаютъ васъ во всякомъ званіи благополучными и вездѣ доставятъ вамъ первенство предъ другими, что всенародно подтверждено собственною Ея Императорскаго Величества рукою въ уставѣ народныхъ училищъ“.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Участіе Тобольскаго городскаго общества въ содержаніи Тобольскаго главнаго народнаго училища.—Несостоятельность средствъ Тобольскаго городскаго общества.—Дѣятельность Тобольскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія по содержанію Тобольскаго главнаго народнаго училища.—Недостаточность средствъ Приказа.—Распоряженіе „Комиссіи объ учрежденіи училищъ“ по поводу доставленія Приказомъ Общественнаго Призрѣнія свѣдѣній о положеніи народныхъ училищъ.—Статистика учащихся въ училищѣ съ 1790 по 1810 г.—Изданіе при училищѣ ежемѣсячнаго журнала „Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену“.—Распространенность этого журнала.—Характеристика „Иртыша, превращающагося въ Ипокрену“.—Его безсодержательность. —Дѣятельность Тобольскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія по изданію и распространенію этого журнала.—Второе открытое испытаніе.

Обязательство, принятое на себя Тобольскимъ городскимъ обществомъ къ содержанію главнаго народнаго училища, при его открытіи, оказалось мало обезпечивающимъ прочное существованіе этого училища. Затрудненія, какія встрѣтила городская дума при сборѣ пожертвованій въ первый годъ существованія училища, еще болѣе усилились въ слѣдующіе годы. Обращенія городскаго управленія къ Приказу, къ управѣ благочинія и, наконецъ, къ намѣстнической власти объ оказаніи содѣйствія къ сбору необходимыхъ и обѣщанныхъ средствъ на нужды училища мало помогали успѣху дѣла; отказывались во взносѣ обѣщанныхъ пособій даже лица, занимавшія высокое служебное положеніе въ намѣстнической администраціи, какъ напримѣръ—Иванъ Осиповичъ Селифонтовъ, бывшій тогда вице-губернаторомъ Тобольскаго намѣстничества, а въ послѣдствіи, въ 1803 году, генералъ-губернаторомъ Сибири. По этому уже съ 1790 года, т. е. со втораго же года существованія главнаго народнаго училища, сумма сборовъ на содержаніе его значительно уменьшилась сравнительно съ той суммой, какая поступила при его открытіи, простираясь всего до 1068 р. 80 к.; а какъ потребности училища значительно превышали эту цыфру поступленія, то учителя за послѣднюю треть года остались безъ жалованья, ожидая поступленія въ городскую кассу доходовъ слѣдующаго года, такъ какъ городская дума доносила Приказу, что если „выдать учителямъ жалованье за сентябрскую треть, то на таковую выдачу недостаетъ 203 р. 13¾ к., а въ думѣ въ приходѣ суммы не имѣется, кромѣ

полученныхъ городоваго магистрата штрафныхъ денегъ 27 р. 21 к." [1])

Въ последующихъ затѣмъ городахъ сумма сборовъ на содержаніе училища еще болѣе уменьшилась, простираясь въ 1791 г. всего до 332 р. 20 коп., въ 1792 г. до 832 р. 91¼ к., а въ 1793 и 1794 годахъ всего до 200 руб. [2]) Вслѣдствіе такого незначительнаго поступленія сборовъ большая часть потребностей Тобольскаго главнаго народнаго училища, въ виду принятаго на себя городскимъ обществомъ обязательства къ содержанію его, удовлетворялись изъ разныхъ источниковъ городскихъ доходовъ, какъ напримѣръ изъ однопроцентнаго дохода съ питейной прибыли, полностію обращавшагося на нужды училища, а за недостаткомъ и этого дохода—изъ штрафныхъ суммъ и т. п., что несомнѣнно не могло не быть отяготительнымъ для города, лишая его возможности удовлетворять другія насущныя городскія потребности при обращеніи всѣхъ почти доходовъ исключительно на нужды училища, такъ какъ сумма всѣхъ городскихъ доходовъ считая въ томъ числѣ и однопроцентный съ питейной прибыли, не простиралась свыше 1679 р. 33 к. Между тѣмъ потребности училища съ каждымъ годомъ возрастали и представлялась необходимость, дабы не останавливать въ своемъ развитіи недавно открытое учрежденіе, изыскивать источники къ удовлетворенію возникавшихъ потребностей; но такъ какъ доходы города Тобольска, по ограниченности своей, не позволяли расчитывать на нихъ, то въ 1793 году Приказомъ Общественнаго Призрѣнія, по соглашенію съ бывшимъ тогда городскимъ головою гор. Тобольска Ширковымъ, на городскія средства и на попеченіе купеческаго, мѣщанскаго и цѣховаго обществъ отнесено было удовлетвореніе потребностей по главному народному училищу на сумму въ размѣрѣ 1609 руб. Эта сумма предназначалась на жалованье двухъ учителямъ старшихъ классовъ по 400 р. каждому, учителю 2 класса 200 р., учителю 1 класса 150 р., учителямъ обучавшимъ рисованію 150 р., вахмистру 38 р., двумъ сторожамъ 48 р.; а за тѣмъ на эту же сумму отнесены были расходы по отопленію и освѣщенію училищнаго помѣщенія, на что полагалось 285 р. Расходы же по удовлетворенію содержаніемъ директора народныхъ училищъ въ размѣрѣ 500 руб., учителя „сосѣдственнаго" иностраннаго языка въ размѣрѣ 300 р. и платы за наемъ помѣщенія для училища 20 р. въ годъ приняты были на себя Приказомъ Общественнаго Призрѣнія. Приведенное распредѣленіе расходовъ на нужды училища между городскимъ обществомъ и Приказомъ, выставлявшееся послѣднимъ какъ бы значительно облегчающимъ заботы городскаго общества, на самомъ дѣлѣ все таки были не по силамъ этому обществу, исполнявшему однако до 1795 года, хотя съ большими затрудненіями, принятое на себя обязательство, а затѣмъ совершенно отказавшемуся отъ какой либо матеріальной помощи училищу, которое и принято было Приказомъ Обществен-

[1]) Дѣло Тобольскаго губерн. арх. № 51, за 1789—1790 года.

[2]) Дѣло Тоб. губерн. архива № 292 за 1794 г.: о Тобольскихъ главномъ и малыхъ народныхъ училищахъ.

наго Призрѣнія на свое содержаніе съ предположеніемъ возврата затрачиваемыхъ денегъ изъ доходовъ однопроцентнаго сбора отъ питейной прибыли, слѣдуемыхъ городу Тобольску, такъ и съ собираемыхъ въ таможняхъ съ ввозныхъ и вывозныхъ товаровъ. Расчеты Приказы однако не осуществились: малое поступленіе доходовъ, которыми Приказъ возмѣщалъ производимыя имъ издержки на содержаніе училища, привели къ тому, что уже въ 1801 г. сумма перерасходованныхъ Приказомъ денегъ на училище простиралась до 11368 р. 16 к. Въ виду такихъ значительныхъ затратъ Приказъ тогда же началъ возбуждать ходатайство о возмѣщеніи ихъ изъ другихъ источниковъ городскихъ доходовъ Тобольска, а какъ Тобольская городская дума, купеческое, мѣщанское и цѣховое общества не принимали вовсе какихъ либо мѣръ къ возвращенію Приказу издержанныхъ на нужды училища суммъ, то о положеніи дѣла доведено было до свѣдѣнія Правительствующаго Сената, отъ котораго 30 декабря 1801 года и послѣдовалъ къ бывшему тогда Тобольскому губернатору Гермесу указъ, возлагавшій обязанность на губернатора: „войти внимательно въ разсмотрѣніе городскихъ доходовъ и буде найдется упущеніе, то преподать пособіе, равно и употребить попеченіе, дабы помощію сихъ доходовъ народное училище въ содержаніи имѣло должное подкрѣпленіе“. Въ исполненіе этого указа губернаторомъ Гермесомъ донесено было Сенату, что по недостаточности доходовъ г. Тобольска, необходимо обязательное участіе купеческаго, мѣщанскаго и цѣховаго обществъ во взносѣ обѣщанныхъ имъ пособій на содержаніе училища въ размѣрѣ 1609 р. Дѣло это Сенатомъ не скоро было разсмотрѣно; вызывалась необходимость дѣлать еще новыя представленія, возбуждать новыя ходатайства какъ передъ Сенатомъ, такъ и предъ только что образованнымъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ; послѣднее скорѣе разрѣшило дѣло, и по силѣ доклада, поднесеннаго Его Императорскому Величеству Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ, Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, графомъ Викторомъ Павловичемъ Кочубеемъ и Высочайше конфирмованнаго во 2 мая 1805 г., положено было отнести сумму обѣщаннаго пособія на содержаніе Тобольскаго главнаго народнаго училища въ размѣрѣ 1609 рублей къ разряду городскихъ денежныхъ повинностей, располагая сборъ этой суммы на общества къ ежегодному взносу до тѣхъ поръ, пока главное народное училище, на основаніи Высочайшаго указа, состоявшагося 24 января 1803 года, не преобразовано будетъ въ гимназію и съ содержанія Приказа выбудетъ“. Однако это Высочайшее повелѣніе осталось вовсе безъ всякаго исполненія какъ со стороны Тобольскаго общества, такъ и со стороны мѣстной губернской администраціи, вслѣдствіе чего затрачиваемая Приказомъ сумма на содержаніе училища годъ-отъ-году увеличивалась, ставя Приказъ въ затруднительное положеніе, въ особенности потому, что средства его съ 1804 г., вслѣдствіе образованія Томской губерніи, значительно уменьшились, какъ по причинѣ открытія во вновь образованной губерніи особаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, въ фонды котораго, по распоряженію бывшаго тогда Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ Селифон-

това, выдѣлено было изъ суммъ Тобольскаго Приказа 7332 рубля, такъ и по отдѣленію значительной части городовъ ко вновь образованной губерніи, служившихъ источниками для доходовъ Тобольскаго Приказа. Вслѣдствіе такого затруднительнаго положенія Тобольскаго Приказа и неисполнительности Тобольскимъ городскимъ обществомъ принятыхъ на себя обязательствъ, мѣстная губернская администрація продолжала ходатайствовать передъ Правительствующимъ Сенатомъ о разрѣшеніи этого дѣла, съ каждымъ годомъ осложнявшагося. Сенатъ, на обсужденіе котораго поступило соображеніе по возбужденному вопросу бывшаго тогда Сибирскаго генералъ-губернатора Ивана Борисовича Пестеля и двухъ бывшихъ Тобольскихъ губернаторовъ— Гермеса и Шишкова, указомъ, отъ 21 іюня 1809 года, далъ знать генералъ-губернатору Пестелю, что „мнѣніе его о пособіи Тобольскими купеческимъ и мѣщанскимъ обществами на содержаніе главнаго народнаго училища въ содержаніе казны по преобразованіи въ гимназію, равно и о заплатѣ издержанныхъ до сего времени Приказомъ на счетъ общества денегъ изъ доходовъ города, Правительствующій Сенатъ находитъ основательнымъ и оное утверждаетъ“. При семъ Сенатомъ предписывалось генералъ-губернатору: „относительно сего возмѣщенія долговыхъ суммъ при распоряженіи томъ всемѣрно наблюдать, чтобы стѣсненій въ сборѣ сихъ доходовъ, ни остановки въ необходимыхъ городскихъ расходахъ, ни напраснаго промедленія въ заплатѣ долга послѣдовать немогло“. [1]) Но этотъ указъ Сената остался безъ всякаго исполненія какъ со стороны Тобольскаго городскаго общества, такъ и со стороны губернской администраціи, возбуждавшей лишь вопросы о способахъ къ возмѣщенію затраченныхъ Приказомъ суммъ на содержаніе главнаго народнаго училища, но непринимавшей вовсе какихъ либо мѣръ къ дѣйствительному выполненію возлагавшагося на нее попеченія при разрѣшеніи высшею административною властію возбужденныхъ вопросовъ. Послѣдствіемъ такого бездѣйствія Тобольскихъ властей—какъ городскихъ, такъ и губернскихъ было то, что ко времени преобразованія главнаго народнаго училища въ гимназію, т. е. къ 12 марта 1810 года, сумма долга, считавшагося Приказомъ за городомъ, возрасла до 24249 р. 99$^3/_4$ к. На погашеніе этого долга по 1819 годъ отчислялись въ пользу Тобольскаго Приказа доходы, заключавшіеся въ однопроцентномъ сборѣ съ питейныхъ прибылей и по 1822 годъ собиравшееся по таможнямъ съ ввозныхъ и вывозныхъ товаровъ, которыхъ вмѣстѣ съ отчисленнымъ въ пользу же Приказа четверть-%-сборомъ съ купеческихъ капиталовъ, въ размѣрѣ 2011 р. 25 к., поступило въ Приказъ къ 1822 году всего 18180 р. 25$^1/_2$ к. (13422 р. 46 к. однопроцентнаго сбора съ питейной прибыли и 2476 р. 54$^1/_2$ к. сборовъ съ товаровъ). Остальная же сумма долга, послѣ неоднократно производимой провѣрки счетовъ, только тогда уже была

[1]) Дѣло Тоб. губерн. архива № 2097 за 1815—1831 года, по требованіямъ Тобольск. город. думы о возвращеніи въ оную денегъ 2060 р. 57 к., перечисленныхъ якобы Приказу сверхъ употребленныхъ имъ на содержаніе главнаго народнаго училища 24249 рублей.

уплачена городомъ Приказу, когда еще послѣдовалъ указъ Правительствующаго Сената, отъ 24 апрѣля 1829 года, подтверждавшій скорѣйшее окончаніе расчетовъ и когда Тобольская Казенная Палата въ 1830 году увѣдомила, что всѣ счеты о поступленіяхъ по таможнямъ сборовъ и питейные доходы частію утрачены, а частію, хранившіеся въ денежныхъ кладовыхъ, отъ стѣсненія воздуха и сильной сырости, пришли въ ветхость и потому провѣрки вновь произвести невозможно.

Такимъ образомъ Тобольское главное народное училище, по несостоятельности средствъ Тобольскаго городскаго общества, исключительно поддерживалось въ своемъ существованіи средствами Приказа, который на это училище затрачивалъ большую часть своихъ доходовъ, ограничивъ дѣятельность свою въ отношеніи общественнаго призрѣнія.

Приказъ устраивалъ домъ для училища, заботился о содержаніи этого училища, объ увеличеніи книгохранилища при училищѣ, о матеріальномъ положеніи учениковъ, давая имъ пособіе къ существованію и т. п.; для удовлетворенія же нуждъ по общественному призрѣнію Приказъ не имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи ни одной больницы до 1816 года. Вся дѣятельность Тобольскаго Приказа въ отношеніи попеченія объ общественномъ призрѣніи выражалась въ содержаніи: 1) рабочаго и смирительныхъ домовъ, въ которыхъ были устроены столярныя и слесарныя мастерскія, заводы: свѣчной, прядильный и шляпный, помѣщенія для крашенія мебели, кузницы, сараи для пилки лѣса; 2) воспитательнаго дома; 3) дома для сумашедшихъ, и 4) богадѣленъ —мужской и женской. Рабочій и смирительные домы, устроенные отдѣльно для каждаго пола на средства казны и лишь находившіеся въ вѣдѣніи Приказа, въ которыхъ содержалось до 100 человѣкъ, при организаціи въ этихъ домахъ работъ для заключенныхъ, не требовали отъ Приказа расходованія какихъ либо средствъ на ихъ содержаніе, но служили даже источниками дохода; остальныя заведенія не требовали отъ Приказа большихъ расходовъ, такъ какъ были устроены для весьма ограниченнаго числа призрѣваемыхъ. Только при такомъ маломъ развитіи своей дѣятельности на поприщѣ общественнаго призрѣнія и при скудныхъ своихъ средствахъ, не простиравшихся свыше 4 тыс. рублей дохода въ годъ, Приказъ могъ содержать главное народное училище, затрачивая на него ежегодно свыше 2 тыс. рублей дохода въ годъ, не считая тѣхъ затратъ, которыя производились по устройству училищнаго дома, впослѣдствіи переданнаго гимназіи и оцѣненнаго въ 16492 р. 51½ коп. [1])

Не смотря на стѣсненное въ матеріальныхъ средствахъ положеніе, Тобольское главное народное училище въ первые годы своего существованія имѣло значительное число учащихся. Ко времени перваго полугодичнаго

---

[1]) Дѣло Тоб. губ. архива № 946 за 1806 г. „о переводѣ г. гражданскаго губернатора и кавалера Гермеса въ г. Пермь къ таковой же должности и о переводѣ въ Тобольскъ Иркутскаго губернатора Корнилова“.

открытаго испытанія, производившагося въ концѣ Іюня 1790 года, число всѣхъ учениковъ въ училищѣ простиралось до 174 человѣкъ, увеличившись съ начала года на 9 человѣкъ. Это испытаніе производилось въ присутствіи правящаго должность намѣстника Алябьева, епископа Тобольскаго и Сибирскаго Варлаама и многочисленнаго стеченія какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ знатныхъ особъ. Въ извѣщеніяхъ, посланныхъ къ напечатанію въ Императорскую Санктпетербургскую Академію и Московскій университетъ, писалось: „Сіе испытаніе, доказавъ уже въ третій разъ отъ заведенія училища успѣхи юношества, вселило въ сердца зрителей не только вящшую благодарность къ виновницѣ сихъ благъ Россіи, но несомнѣнную надежду событій того намѣренія, съ каковымъ всюду въ отечествѣ нашемъ вводится просвѣщеніе".

Къ концу 1790 года число учениковъ осталось почти безъ измѣненія, увеличившись всего однимъ, при чемъ всѣ они распредѣлялись по сословіямъ на дѣтей:

Чиновниковъ	35
Дворянъ	5
Священнослужителей	4
Купцовъ	16
Мѣщанъ	26
Цѣховыхъ	4
Солдатъ	74
Крестьянъ	2
Казаковъ	4
Дворовыхъ людей	5

По возрасту ученики эти распредѣлялись на:

5 лѣтъ	1
6 „	10
7 „	14
8 „	14
9 „	15
10 „	23
11 „	25
12 „	25
13 „	18
14 „	17
15 „	6
16 „	4
17 „	1
18 „	2

По поводу втораго открытаго испытанія учениковъ, происходившаго въ концѣ 1790 года, въ столичныя газеты извѣщалось: „Приказъ Общественнаго Призрѣнія за нужное почитаетъ увѣрить почтенную публику, что обучающееся

юношество начинаетъ признавать силу и важность премудраго заведенія Великія своея обладательницы и старается поступать соотвѣтственно Ея общественнымъ интересамъ. Истину сихъ словъ доказываетъ сіе четвертое отъ заведенія училища открытое испытаніе". [1]) Однако число учениковъ послѣ первыхъ трехъ лѣтъ существованія училища начало быстро уменьшаться; въ чемъ именно заключалась та причина, отъ которой, не смотря на видимое улучшеніе училищной обстановки, какъ въ отношеніи расширенія помѣщенія для учащихся, такъ и въ отношеніи пріобрѣтенія для училища необходимыхъ научныхъ пособій и т. п., число учениковъ уменьшалось,—неизвѣстно, и сохранившіяся дѣла объ училищѣ не даютъ никакого объясненія этому факту; прослѣдя же жизнь училища за первые годы его существованія, можно предполагать, что въ этой жизни было много искусственнаго, навязаннаго заботами мѣстной администраціи, которая стремилась къ увеличенію контингента учениковъ не путемъ проведенія въ народную массу сознанія о пользѣ просвѣщенія, а мѣрами полицейскими, а за послѣдовавшимъ охлажденіемъ администраціи къ дѣламъ училища, а въ особенности за выбытіемъ изъ Тобольска правившаго должность намѣстника Алябьева, интересовавшагося развитіемъ училищъ, и число учениковъ главнаго народнаго училища стало быстро уменьшаться.

По недостатку большаго числа дѣлъ, относящихся до училища, которыя или утрачены, или сгнили въ сырыхъ архивахъ, нѣтъ возможности прослѣдить исторію училища послѣдовательно, а приходится ограничиться лишь нѣкоторыми годами, за которые еще сохранились дѣла и то, частію, уже истлѣвшія.

Изъ сохранившихся дѣлъ видно, что въ 1792 году, ко времени перваго полугодичнаго испытанія, число учениковъ простиралось до 149 человѣкъ, а къ концу года уже до 140 человѣкъ, распредѣлявшихся по сословіямъ и классамъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Сословія.	Въ I классѣ.	Во II классѣ.	Въ III классѣ.	Въ IV классѣ.	Итого.
Дѣтей: чиновниковъ	8	6	7	7	28
дворянъ	1	1	1	—	3
Священнослужителей	—	—	7	1	8
Купцовъ	1	4	1	—	6
Мѣщанъ	5	3	—	1	9
Цѣховыхъ	—	—	—	1	1
Казаковъ	—	—	—	1	1
Солдатъ	53	15	2	3	73
Крестьянъ	1	—	—	—	1
Дворовыхъ людей	3	1	2	—	6
Вольноотпущенныхъ	2	1	—	—	3
Сельскаго сословія	1	—	—	—	1
Итого	76	31	20	13	140

[1]) Дѣло Тобольскаго губерн. арх. № 51 за 1789—1790 годы.

По возрасту и классамъ ученики эти распредѣлялись:

Число лѣтъ.	Въ I классѣ.	Во II классѣ.	Въ III классѣ.	Въ IV классѣ.	Итого.
5 лѣтъ . .	2	—	—	—	2
6 „ . .	2	—	—	—	2
7 „ . .	5	—	—	—	5
8 „ . .	8	—	—	—	8
9 „ . .	17	2	—	—	19
10 „ . .	12	4	—	—	16
11 „ . .	12	4	—	—	16
12 „ . .	12	9	—	1	22
13 „ . .	3	8	5	2	18
14 „ . .	—	—	4	3	7
15 „ . .	—	—	2	4	6
16 „ . .	—	—	2	2	4
17 „ . .	1	—	—	2	3
18 „ . .	—	—	2	1	3
19 „ . .	—	—	6	1	7
20 „ . .	1	—	—	—	1
36 „ . .	1	—	—	—	1
Итого .	76	27	21	16	140

Открытыя испытанія за этотъ годъ производились при такой же обстановкѣ, какъ и въ предшествовавшіе годы, при чемъ на второмъ открытомъ испытаніи директоромъ народныхъ училищъ Дохтуровымъ произнесена была рѣчь, напечатанная въ полномъ своемъ объемѣ въ столичныхъ газетахъ вмѣстѣ съ извѣщеніями о ходѣ испытанія. Въ этой рѣчи Дохтуровъ перечислялъ великія дарованія Императрицы: „Богъ въ ней послалъ истинную Мать не единымъ Россамъ,—но и всему роду человѣческому. Непостижимый Творецъ природы благословляетъ всѣ Ея намѣренія, ибо они есть благія и человѣколюбивыя и гласомъ своимъ по дѣламъ Ея вѣщаетъ всему міру: зри великую Екатерину; Она, Она докажетъ тебѣ не изреченіемъ единымъ, а самымъ дѣломъ, сколь есть нуженъ государь для благотворенія общества человѣческаго, и научитъ примѣромъ своимъ, какъ можно быть совокупно монархомъ и отцомъ подданныхъ своихъ. Мнѣ кажется, что не только каждый день, но каждый часъ царствованія Ея въ исторіи займетъ мѣсто, которое служить будетъ наставленіемъ государямъ какъ истинно содѣлывать себя великими, сопрягая сіе съ благосостояніемъ всего подданнаго имъ народа и всего рода человѣческаго. Чему вступающіе въ храмъ сей научаются? Они научаются во первыхъ познавать Бога, святому закону Его и вѣрѣ, ими исповѣдуемой; потомъ благимъ правиламъ, юношеству свойственнымъ, истиннымъ и любезнымъ правиламъ человѣка и гражданина. Черезъ сіе поучаются они быть усердными и вѣрными подданными государю, полезными своему отечеству, послушными и покорными къ родителямъ, благорасположенными супругами, человѣколюбивыми и благоразумными родителями, бережливыми драгоцѣннаго

здравія и имущества, кроткими, щедрыми, милосердыми, человѣколюбивыми согражданами. Словомъ, они поучаются быть истинными человѣками и друзьями человѣчества". [1])

Въ 1795 году, ко времени перваго открытаго испытанія, число учениковъ простиралось до 88 человѣкъ, а къ началу 1796 года уменьшилось до 76, распредѣлявшихся по сословіямъ и классамъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

По сословіямъ.	Въ I классѣ.	Во II классѣ.	Въ III классѣ.	Въ IV классѣ.	Итого.
Дѣтей: чиновниковъ	2	5	1	3	11
купцовъ	1	1	—	—	2
дворянъ	—	—	—	1	1
мѣщанъ	9	3	1	—	13
казаковъ	3	2	—	—	5
солдатъ	9	21	9	3	42
дворовыхъ людей	1	—	—	—	1
ссыльныхъ	—	—	—	1	1
Итого	25	32	11	8	76

По возрасту и классамъ ученики эти распредѣлялись:

Число лѣтъ.	Въ I классѣ.	Во II классѣ.	Въ III классѣ.	Въ IV классѣ.	Итого.
6 лѣтъ	3	—	—	—	3
7 "	4	—	—	—	4
8 "	1	—	—	—	1
9 "	1	5	—	—	6
10 "	7	14	1	—	22
11 "	2	2	—	1	5
12 "	7	8	—	—	15
13 "	—	2	4	1	7
14 "	—	1	4	1	6
15 "	—	—	2	2	4
16 "	—	—	—	2	2
18 "	—	—	—	1	1
Итого	25	32	11	8	76 [2])

Вотъ всѣ тѣ немногія данныя, которыя сохранились въ дѣлахъ архива о числѣ и составѣ учениковъ Тобольскаго главнаго народнаго училища съ 1789 по 1810 годъ. Изъ этихъ данныхъ видно, что число учениковъ съ

[1]) Дѣло Тоб. губерн. архива № 151 за 1792 г.: „Копія съ извѣщенія, посланнаго Тобольскимъ Приказомъ Общественнаго Призрѣнія въ Московскую университетскую типографію для припечатанія въ публичныхъ вѣдомостяхъ".

[2]) Дѣло Тоб. губерн. архива № 343 за 1795 г.: о Тобольскихъ главномъ и малыхъ народныхъ училищахъ.

перваго года существованія училища значительно стало уменьшаться и въ одно пятилѣтіе съ 1790 по 1796 годъ число учениковъ уменьшилось болѣе, чѣмъ въ 2 раза—съ 175 человѣкъ на 76. Уменьшеніе учениковъ послѣдовало по всѣмъ сословіямъ; значительно сократилось даже число учениковъ изъ солдатскихъ дѣтей, не смотря на то, что послѣдніе за неимѣніемъ удобнаго помѣщенія для гарнизонной школы, согласно распоряженію правящаго должность Пермскаго и Тобольскаго генералъ-губернатора Волкова, обязательно съ 1790 года должны были обучаться въ главномъ народномъ училищѣ, насколько позволитъ помѣщеніе, занимаемое послѣднимъ. Если же выдѣлить учениковъ изъ солдатскихъ дѣтей, обучавшихся въ главномъ народномъ училищѣ по распоряженію мѣстной администраціи и потому лишь только, что для ихъ обученія не было въ Тобольскѣ довольно обширнаго помѣщенія, въ которомъ могли бы обучаться одновременно всѣ солдатскія дѣти числомъ болѣе 200, то окажется, 1) что число учащихся въ Тобольскомъ главномъ народномъ училищѣ было незначительно, 2) что въ составѣ учениковъ съ начала существованія училища по количеству учащихся первое мѣсто занимаютъ дѣти чиновниковъ, а съ 1798 г.—дѣти мѣщанъ; число учениковъ изъ купеческаго сословія, уменьшаясь въ своемъ составѣ съ перваго же года существованія училища, къ 1796 году выражалось только въ количествѣ двухъ представителей этого сословія. Остальныя сословія, хотя и въ незначительномъ числѣ высылавшія дѣтей своихъ для обученія въ главное народное училище въ первые годы его существованія, видимо вскорѣ же какъ бы охладѣли къ этому учрежденію, такъ какъ уже къ 1796 году въ составѣ учащихся въ главномъ народномъ училищѣ вовсе не встрѣчается дѣтей изъ сословій духовнаго и крестьянскаго, а изъ дворянскаго сословія, дворовыхъ людей и ссыльныхъ всего осталось по одному ученику.

Въ отношеніи возраста учениковъ въ первые годы существованія училища замѣчается особенно большая разность въ лѣтахъ учащихся въ первыхъ двухъ классахъ, гдѣ ученики соединялись для совмѣстнаго обученія отъ 8 до 33-лѣтняго и отъ 5 до 36-лѣтняго возраста. Принятіе въ число учениковъ лицъ столь зрѣлаго возраста было совершенно несогласно съ цѣлію учрежденія народныхъ училищъ. Въ указѣ Императрицы Екатерины II по поводу учрежденія народныхъ училищъ говорилось, что такъ какъ „сѣмена нужныхъ и полезныхъ знаній сѣять еще должно въ малолѣтствѣ въ сердцахъ отроческихъ, дабы они въ юношескихъ лѣтахъ возрастали, а въ мужскихъ созрѣвали, плодъ приносили, то для сего учреждаются нынѣ такія заведенія, гдѣ на основаніи общихъ предписаній преподавать будутъ оное юношеству“. Такое отступленіе отъ общаго смысла учрежденія было сознано впослѣдствіи, такъ какъ съ 1792 года уже не встрѣчаются въ числѣ учениковъ главнаго народнаго училища лица, вышедшія изъ юношескаго возраста.

Съ перваго же года существованія главнаго народнаго училища при немъ началъ издаваться журналъ подъ названіемъ: „Иртышъ превращающійся въ Ипокрену“. Изданіе этого журнала началось въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1789 г.

и продолжалось въ 1790 и 1791 годахъ; затѣмъ оно прекратилось. Журналъ выходилъ ежемѣсячными небольшими выпусками въ 8-ю долю листа и печатался въ количествѣ 300 экземпляровъ. Всѣхъ выпусковъ „Иртыша превращающагося въ Ипокрену“ вышло въ свѣтъ 24.[1]) Подписная цѣна за полный годовой экземпляръ полагалась въ размѣрѣ 3 рублей, печатаніе производилось въ Тобольскѣ въ типографіи купца Корнильева за плату по 15 копѣекъ за каждый экземпляръ ежемѣсячнаго выпуска. Экземпляры первыхъ четырехъ выпусковъ за 1789 г. были отпечатаны Корнильевымъ „безвозмездно, изъ благотворенія“. При началѣ изданія журнала и ежегодно при его возобновленіи правителемъ Тобольскаго намѣстничества Алябьевымъ въ видахъ болѣе успѣшнаго распространенія журнала не только давались предложенія комендантамъ и городничимъ ввѣреннаго управленію его намѣстничества относительно приглашенія лицъ къ подпискѣ на полученіе журнала, но и дѣлались обращенія къ правителямъ другихъ намѣстничествъ не только Сибирскихъ, но и Россійскихъ объ „оповѣщаніи“ жителей тѣхъ намѣстничествъ о томъ, не пожелаетъ ли кто получать издаваемый въ Тобольскѣ журналъ. Не смотря на стремленіе мѣстной Тобольской администраціи къ наибольшему распространенію журнала, подписка на него все-таки шла очень неуспѣшно не только въ предѣлахъ тѣхъ намѣстничествъ, куда обращался Алябьевъ съ просьбою объ оповѣщеніи жителей, но и въ предѣлахъ самаго Тобольскаго намѣстничества. Расходившійся съ начала своего выхода въ свѣтъ и въ продолженіе 1790 года въ количествѣ 186 экземпляровъ годовыхъ, т. е. немногимъ болѣе половины всего своего изданія, журналъ этотъ въ 1791 году имѣлъ всего 106 годовыхъ подписчиковъ.

По намѣстничествамъ и городамъ число подписчиковъ въ 1789 и 1790 годахъ было слѣдующее.

Въ Тобольскомъ намѣстничествѣ было 99 подписчиковъ:

въ Тобольскѣ . . .	61	въ Курганѣ . . .	1
Томскѣ	15	Каинскѣ . . .	1
Сургутѣ	5	Березовѣ . . .	6
Нарымѣ . . .	1	Омскѣ	2
Туринскѣ. . . .	2	Петропавловскѣ	5

Въ Колыванскомъ намѣстничествѣ 13:

въ Колывани	10
Семипалатинскѣ . . .	3

Въ Пермскомъ намѣстничествѣ 41:

въ Перми	9
Красноуфимскѣ . .	5
Чердыни . . .	3
Осѣ	4
Камышловѣ . . .	1

---

[1]) Съ сентября 1790 г. по генварь 1791 г. журналъ не издавался.

въ	Алопосьѣ	1
	Кунгурѣ	11
	Ирбитѣ	5
	Верхотурьѣ	2

Въ Вятскомъ намѣстничествѣ 28:

въ	Вяткѣ	6
	Орлѣ	2
	Слободскѣ	1
	Яринскѣ	2
	Нолинскѣ	5
	Уржумѣ	5
	Елабугѣ	5
	Сарапулѣ	2
	Глазовскѣ	3

Въ Ярославскомъ намѣстничествѣ 5, всѣ въ г. Ярославлѣ.

Не смотря на небольшое число расходившихся экземпляровъ, раіонъ распространенности журнала былъ довольно обширенъ. Правда, что большая часть подписчиковъ состояла изъ чиновниковъ, которые являлись какъ бы обязательными подписчиками на журналъ, рекомендовавшійся къ полученію начальствомъ; поэтому вполнѣ понятно, почему въ каждомъ изъ перечисленныхъ городовъ въ числѣ первыхъ подписчиковъ были камендантъ, городничіе, а за ними земскіе исправники, винные пристава и др.

Не рошедшіеся въ продажу экземпляры вслѣдствіе сдѣланнаго Алябьевымъ распоряженія по Приказу Общественнаго Призрѣнія раздавались въ награду отличившимся ученикамъ при открытыхъ испытаніяхъ въ силу устава о народныхъ училищахъ, которымъ полагалось „отличившимся въ наукахъ раздавать каждому изъ сихъ отличившихся по учебной книгѣ въ хорошемъ переплетѣ“. Въ виду выполненія этой статьи устава Приказомъ Общественнаго Призрѣнія раздаваемые въ награду экземпляры „Иртыша превращающагося въ Ипокрену“, состоявшіе изъ одного выпуска за мѣсяцъ, поручалось переплетать содержателю типографіи Корнильеву за плату по 4 копѣйки за каждый экземпляръ; а такъ какъ по неуспѣшности распространенія журнала ежемѣсячныхъ выпусковъ оставалось значительное количество въ распоряженіи Приказа, то „въ отвращеніе гибели отъ мышеяденія“ всѣ оставшіеся экземпляры по окончаніи изданія журнала переплетены были заразъ, затѣмъ въ продолженіи долгаго времени служили наградами „для отличившихся въ успѣхахъ учениковъ“. Однимъ словомъ, въ виду неуспѣха въ подпискѣ на „Иртышъ превращающійся въ Ипокрену“ журналъ этотъ составлялъ лишь отягощеніе для матеріальныхъ средствъ Приказа, потому что денегъ, полученныхъ съ подписчиковъ, не доставало даже на то, чтобъ покрыть расходы по печатанію; къ тому же еще и самая подписка на полученіе журнала производилась довольно своеобразно: журналъ высылался не тѣмъ только лицамъ, которыя внесли деньги за него, а всѣмъ тѣмъ, о желаніи которыхъ получать

его Приказу дѣлались увѣдомленія и донесенія изъ разныхъ мѣстъ, гдѣ только находились желающіе; по полученнымъ такимъ образомъ свѣдѣніямъ Приказъ и выполнялъ требованія, а между тѣмъ денегъ, слѣдуемыхъ за высланный журналъ, все таки не получалось; поэтому Тобольскому Приказу еще долгое время, въ продолженіи болѣе 20 лѣтъ (съ 1789 по 1812 годъ), привелось вести переписку о взысканіи денегъ съ бывшихъ подписчиковъ, изъ которыхъ нѣкоторые вовсе не были отысканы, многіе оказались давно умершими. Въ послѣднемъ случаѣ Приказъ обращалъ взысканіе на наслѣдниковъ. Съ кого только Приказу не пришлось производить такихъ взысканій! Въ числѣ недоимщиковъ оказались бывшій Преосвященный Тобольскій и Сибирскій Варлаамъ, сенаторъ тайный совѣтникъ Качка, бывшій главный начальникъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, командующій Сибирской дивизіею генералъ-маіоръ Шрандманъ и другіе.

По содержанію своему журналъ этотъ представлялся совершенно безъинтереснымъ; онъ не имѣлъ даже опредѣленной программы. Въ предисловіи къ изданію объявлялось: „находя весьма нужнымъ доставить учителямъ свойственное званію ихъ упражненіе, посредствомъ коего и среди исполненія возложенной на нихъ почтенной должности достигали-бъ и они дальнѣйшихъ способностей, къ вящему усовершенствованію толь изящнаго заведенія, Тобольское главное народное училище предпріяло издавать ежемѣсячникъ, наполняя оный всякаго рода какъ сочиненіями, такъ и переводами въ стихахъ и прозѣ“, при этомъ приглашались и „любители наукъ“ помѣщать свои сочиненія и переводы въ издаваемыхъ ежемѣсячникахъ. [1]) Но такъ какъ первые учителя Тобольскаго главнаго народнаго училища не имѣли достаточной умственной подготовки и развитія къ тому, чтобъ „упражненіями“ своими приносить дѣйствительную пользу, даже самимъ себѣ, въ цѣляхъ дальнѣйшаго развитія своихъ способностей и пріобрѣтенія знанія, а на проживаніи въ то время въ Тобольскѣ „любителей наукъ“ вовсе не было, а если и записывались въ составъ такихъ любителей, то лишь мѣстные чиновники, дерзавшіе печатать свои вирши для просвѣщенія всеобщаго, и юношества въ особенности, то, естественно, нельзя было и ожидать какого либо серьезнаго результата отъ предпринятаго изданія журнала. Словцовъ въ своемъ сочиненіи: „Историческое обозрѣніе Сибири“, приводя краткія свѣдѣнія объ издававшемся въ Тобольскѣ журналѣ „Иртышъ превращающійся въ Ипокрену“, совершенно вѣрный задаетъ вопросъ, не „Ипокрена ли превратилась въ Иртышъ“? „Вмѣсто того“, говоритъ Словцовъ, продолжая характеристику журнала, „чтобы заняться сообщеніемъ современныхъ въ Сибири происшествій, изложеніемъ мѣстныхъ историческихъ отрывковъ или описаній торговли, хлѣбопашества и вообще хозяйственнаго быта, издатели пустились обезьянничать въ словесности и поэзіи пошлой.“ [2]) И дѣйствительно, всякій сбродъ

[1]) Иртышъ превращающійся въ Ипокрену 1789 г., выпускъ за Сентябрь мѣсяцъ.

[2]) Словцовъ. Историческое обозрѣніе Сибири. Книга первая, историческая выписка о пяти Сибирскихъ городахъ.

поэтическихъ произведеній печатался въ этомъ журналѣ; въ составленіи виршей въ особенности отличался Иванъ Бахтинъ, бывшій въ то время прокуроромъ Тобольскаго намѣстничества. Произведенія этого поэта настолько были хороши, и настолько самъ поэтъ былъ глубокомысленъ, что, помѣщая свои произведенія, онъ еще дѣлалъ къ нимъ примѣчанія такого содержанія: „сей „Сонъ“ и послѣдующіе стансы были отосланы лѣтъ семь тому назадъ къ напечатанію и какъ въ извѣстныхъ доселѣ періодическихъ сочиненіяхъ нигдѣ не включены, то здѣсь и помѣщаются.“ Значитъ, уже хороши были „Сонъ“ и стансы Бахтина, когда ниодно „періодическое сочиненіе“ не взялось ихъ напечатать!

Въ настоящее время въ виду того, что „Иртышъ превращающійся въ Ипокрену“ въ продолженіе долгаго времени раздавался ученикамъ главнаго народнаго училища въ награду и притомъ отдѣльными выпусками за мѣсяцъ, собраніе полнаго изданія журнала составляетъ библіографическую рѣдкость, имѣя за собою значеніе перваго издававшагося журнала въ Сибири.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Изданныя „Комиссіею о народныхъ училищахъ“ руководства для преподаванія въ училищахъ: катихизисъ,—краткая священная исторія,—изреченія евангельскія,—правила для учащихся,—о должностяхъ человѣка и гражданина,—зрѣлище вселенныя.—Программа испытаній учениковъ Тобольскаго главнаго народнаго училища.—Преподаваніе татарскаго языка.—Обученіе учениковъ церковному пѣнію.—Выпускъ учениковъ.—Пособіе ученикамъ.—Библіотека при училищѣ.—Физическій и минералогическій кабинеты.—Подготовленіе учителей изъ семинаристовъ.—Составъ учителей Тобольскаго главнаго народнаго училища.—Недостатокъ учителей.—Аттестація учителей.—Зданіе училища.

Преподаваніе производилось по руководствамъ, изданнымъ „Комиссіею о народныхъ училищахъ“.

Для обученія закону Божію употреблялись учебники:

1) Пространный катихизисъ съ доказательствами изъ священнаго писанія.

2) Сокращенный катихизисъ безъ вопросовъ.

3) Сокращенный катихизисъ съ вопросами.

Наиболѣе употребительнымъ въ Тобольскомъ главномъ народномъ училищѣ былъ сокращенный катихизисъ безъ вопросовъ; другіе два катихизиса —пространный и сокращенный съ вопросами—пріобрѣтались училищемъ въ маломъ числѣ экземпляровъ, хранившихся въ его книгохранилищѣ. Всѣ эти учебники, употреблявшіеся въ народныхъ училищахъ, составлены были, по

мнѣнію однихъ, извѣстнымъ педагогомъ Янковичемъ-де-Миріево, по мнѣнію другихъ, которое считается болѣе правильнымъ, митрополитомъ Платономъ. [1]) Извѣстный дѣятель по преподаванію закона Божія, протоіерей Соколовъ, разсматривая катихизисы: сокращенный (32 стр.) и пространный (124 стр.) въ педагогическомъ отношеніи и въ отношеніи ихъ къ школѣ и жизни говоритъ: „Мы видимъ, что они стараются сохранить связь съ жизнью, сберечь нравственное направленіе; но въ тоже время принимаютъ въ себя новый элементъ: стремятся утвердить вѣроученіе и нравоученіе на философскихъ началахъ, метчая этимъ поразить невѣріе и вольномысліе..... забывая, что ихъ должны выучить довѣрчивыя дѣти, неповинныя ни въ какомъ вольнодумствѣ." „Естественнымъ результатомъ такихъ учебниковъ было задалбливаніе уроковъ почти безъ всякаго пониманія и, слѣдовательно, отсутствіе убѣжденій и философскихъ, и религіозныхъ." „Сокращенный катихизисъ былъ сжатымъ извлеченіемъ изъ пространнаго и, слѣдовательно, по своему содержанію былъ столь же мало пригоденъ для школъ. Облегченіе для учениковъ состояло только въ томъ, что было легче зазубрить 32, чѣмъ 124 страницы." [2]) Такимъ образомъ недостатки, какіе замѣчались въ преподаваніи катихизиса въ Тобольскомъ главномъ народномъ училищѣ, происходили какъ отъ неопредѣленія особыхъ законоучителей, при возложеніи вообще преподаванія закона Божія на учителей присланныхъ „Комиссіею о народныхъ училищахъ", такъ и отъ существовавшихъ тогда учебниковъ. Трудно было ожидать правильнаго веденія дѣла отъ учителей, на которыхъ возлагалось преподаваніе почти всѣхъ предметовъ, въ классѣ проходимыхъ, въ томъ числѣ и закона Божія, а потому и неудивительно, что преподаваніе закона Божія находилось въ запущеніи и ученики далеко не успѣвали проходить того, что положено было программою, выходя изъ училища безъ всякой нравственно-религіозной подготовки.

4) Краткая священная исторія ветхаго и новаго завѣта.

Эта исторія была составлена Янковичемъ-де-Миріево.

По отзыву протоіерея Соколова исторія эта представляетъ „довольно полный, но сжатый очеркъ библейской исторіи съ дополненіями изъ церковной."

5) Изъясненія евангельскія, которыми должно было дополняться преподаваніе закона Божія, составлены были, по мнѣнію однихъ, Янковичемъ-де-Миріево, по мнѣнію другихъ,—Сидорскимъ. Въ предисловіи къ этой книгѣ сдѣланы были указанія относительно пользованія ею въ школѣ. Изложеніе этой книги, по свидѣтельству протоіерея Соколова, „отличается простотою и ясностью языка. Объясненіе евангелій имѣло большое значеніе въ программѣ преподаванія закона Божія; изъ него ученики знакомились со свящ. писаніемъ и особенно съ фактической стороной евангельской исторіи." [3])

Изъ этихъ двухъ послѣднихъ учебниковъ краткая священная исторія только и проходилась въ Тобольскомъ главномъ народномъ училищѣ и то не

---

[1]) Руководство къ преподаванію общеобразовательныхъ предметовъ, изд. Весселя т. I.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

во всей полнотѣ. Изъясненія же евангельскія хотя и имѣлись въ книгохранилищѣ училища, но вовсе не употреблялись.

Обученіе чтенію велось буквосочетательнымъ способомъ по букварю и по азбучнымъ таблицамъ, а письму по прописямъ, причемъ ученики задалбливали правила чистописанія по руководству чистописанія, изданному „Комиссіей о народныхъ училищахъ.“ Въ букваряхъ давался сначала весь алфавитъ, прописной и строчной, затѣмъ шли склады въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ, двойные, тройные и проч. Извѣстно, какъ тяжело было учиться по подобнымъ букварямъ и какъ медленно шло обученіе грамотѣ. Не смотря на всѣ затрудненія, какія выражались въ буквосочетательномъ способѣ для обученія грамотѣ, и на практиковавшійся уже тогда санкритическій методъ обученія грамотѣ, основанный на развитии способа письма—чтенія (schreib—leseunterricht), и взаимнаго обученія по системѣ Беля и его послѣдователя Ланкастера, у насъ не дѣлалось никакихъ попытокъ къ облегченію способовъ обученія юношества грамотѣ. Первая Ланкастерская школа съ примѣненіемъ метода взаимнаго обученія учреждена была Сперанскимъ въ Иркутскѣ въ началѣ 20-хъ годовъ настоящаго столѣтія, когда министерствомъ народнаго просвѣщенія предложено было университетамъ (25 мая 1821 года), дабы они приняли себѣ за правило всѣ нынѣ находящіяся въ округѣ училища устроить именно по методѣ Ланкастеровой. [1])

Кромѣ этихъ главныхъ предметовъ элементарнаго курса—закона Божія и роднаго языка наисущественную часть въ первыхъ двухъ классахъ главнаго народнаго училища составляло чтеніе въ первомъ классѣ книги „Правила для учащихся“, а во второмъ „О должностяхъ человѣка и гражданина.“ Книга „Правила для учащихся“, заключавшая въ себѣ различныя наставленія о поведеніи учениковъ, представлялась просто инструкціею учащимся, которую однако не только читали ученикамъ, но и заставляли заучивать. Книга „О должностяхъ человѣка и гражданина“, имѣвшая связь съ первою книгою, начиналась разсужденіемъ о благополучіи вообще. „Всякъ человѣкъ желаетъ себѣ благополучія. Для пріобрѣтенія этого мы обязаны: 1) напоять душу нашу добродѣтелью; 2) пещись надлежащимъ образомъ о тѣлѣ нашемъ; 3) исполнять общественныя должности, на которыя мы отъ Бога опредѣлены, и 4) знать правила хозяйства.“ Затѣмъ слѣдовало изложеніе обязанностей. Первая часть говорила объ образованіи души и раздѣлялась на пять главъ. Вторая часть, излагавшая попеченіе о тѣлѣ, состояла изъ двухъ главъ: о здравіи и благопристойности. Третья часть говорила о должностяхъ общественныхъ и раздѣлялась на пять главъ: о союзѣ общественномъ вообще и супружескомъ союзѣ, о союзѣ родителей и дѣтей, о союзѣ господъ и слугъ, о союзѣ гражданскомъ вообще. Четвертая часть о домоводствѣ состояла изъ четырехъ главъ: что есть домоводство, намѣреніе онаго и различіе, что требуется къ доброму домоводству? [2]) Полнѣе другихъ въ этой книгѣ были развиты части:

[1]) Сборн. распоряж. по Министерству народнаго просвѣщенія т. I.

[2]) Руководство къ преподав. общ. правилъ, изд. Весселя т. I.

о любви къ отечеству, о наукахъ, художествахъ, промыслахъ и рукодѣліяхъ. Обѣ эти книги сухія, скучныя, нравоучительнаго содержанія, нисколько не пригодныя для чтенія младшаго возраста, какъ недоступныя дѣтскому уму, не только читались ученикамъ Тобольскаго главнаго народнаго училища, но заучивались ими безмысленно.

Для изученія иностранныхъ языковъ назначалась книга „Зрѣлище вселенныя." Эта книга была переводомъ съ сочиненія великаго педагога—Славянина Амоса Каменскаго „Orbis pictus", появившагося еще въ 1658 году [1]) и имѣвшаго величайшую извѣстность, переведеннаго на многіе языки и выдержаршаго множество изданій.

Въ этомъ трудѣ въ первый разъ примѣнялся наглядный способъ обученія. [2])

Въ уставѣ народныхъ училищъ, гдѣ давалось наставленіе учителямъ иностранныхъ языковъ, объяснялось, какимъ образомъ должно читать эту книгу и въ примѣръ приводилась первая статья этой книги, надписанная: „Изображеніе міра сего." [3])

Книга эта употреблялась и въ Тобольскомъ главномъ народномъ училищѣ при изученіи татарскаго языка.

О томъ, какія именно были требованія учителей Тобольскаго главнаго народнаго училища въ познаніяхъ отъ учениковъ, можно судить по нижеслѣдующей программѣ открытаго испытанія, произведеннаго въ концѣ 1792 года.

Въ 1-мъ классѣ испытаніе производилось по слѣдующимъ предметамъ:

1) Изъ складовъ Россійскихъ буквъ и совокупнаго чтенія.
2) Изъ священной исторіи до 2 отдѣленія.
3) Изъ сокращеннаго катихизиса до заповѣдей.
4) Изъ чистописанія до 3-й части.
5) Изъ правилъ для учащихся до втораго главнаго правила.

При этомъ прилагаемы были и прописи учениковъ этого класса.

Во 2-мъ классѣ:

1) Изъ ариѳметики сначала до именованныхъ чиселъ.
2) Изъ книги „О должностяхъ человѣка и гражданина" до главы четвертой, до должностей къ самому себѣ.
3) Изъ чистописанія сначала до правила, какъ должно однорѣчіе съ строки переносить на другую.
4) Изъ священной исторіи отъ потопа до Моисея.

При этомъ прилагаемы были прописи и опыты рисовальнаго искусства.

---

[1]) Полное заглавіе этого замѣтательнаго труда: „Orbis sensualium pictus, haec est, omnium fundamentalium in mundo rerum et in vita actionum nomenclatura, ad ocularem demonstrationem deducta" Nürnb. 1658.

[2]) С. Миропольскій. Обученіе грамотѣ.

[3]) П. С. Р. З. № 16421.

Въ 3-мъ классѣ:

1) Изъ ариѳметики съ начала до тройнаго правила.
2) Изъ грамматики до глаголовъ.
3) Изъ всемірной исторіи—введеніе въ карѳагенскую исторію.
4) Изъ Россійской географіи: границы, пространство, моря, горы, рѣки и водныя сообщенія.
5) Математическая географія, естественная и введеніе въ политическую.

При этомъ прилагаемы были и рисунки этого разряда.

Въ 4-мъ классѣ:

1) Изъ алгебры—объ уравненіи первой степени.
2) Изъ геометріи—лонгиметрія.
3) Изъ механики—о силахъ вообще до машинъ.
4) Изъ гражданской архитектуры—объ основаніяхъ.
5) Изъ естественной исторіи—въ прозябаемомъ царствѣ до деревъ.
6) Изъ всеобщей географіи—объ Африкѣ.
7) Изъ всеобщей исторіи—Пруссія.
8) Изъ Россійской географіи—Сѣверная полоса.
9) Изъ Россійской исторіи 1 и 2 періоды.

При этомъ прилагаемы были и рисунки учениковъ этого разряда. [1])

Эта программа ярко обнаруживаетъ всѣ недостатки, существовавшіе въ преподаваніи въ Тобольскомъ главномъ народномъ училищѣ; сопоставляя эту программу съ требованіями устава о народныхъ училищахъ, оказывается, что ни въ одномъ изъ классовъ училища не было выполнено того, что требовалось уставомъ. Священная исторія по уставу должна была проходиться въ первомъ классѣ и только повторяться во второмъ, гдѣ начиналось изученіе пространнаго катихизиса, такъ какъ сокращенный катихизисъ долженъ былъ проходиться весь въ первомъ классѣ; между тѣмъ, какъ оказывается, ни священная исторія, ни сокращенный катихизисъ не проходились полностію въ первомъ классѣ Тобольскаго главнаго народнаго училища; при чемъ курсъ священной исторіи, не пройденный въ первомъ классѣ, ограничивался во второмъ всего свѣдѣніями до Моисея, а о пространномъ катихизисѣ и не пройденной части сокращеннаго катихизиса и не упоминается.

При такихъ требованіяхъ свѣдѣнія учениковъ Тобольскаго главнаго народнаго училища должны были ограничиваться всего изъ священной исторіи до Моисея и изъ сокращеннаго катихизиса до заповѣдей.

Книги „Правила объ учащихся“ и „должностяхъ человѣка и гражданина“, чтеніе которыхъ уставомъ опредѣлялось полностію—первой ученикамъ перваго класса и второй ученикамъ втораго класса, зазубривались безсмысленно по частямъ. Такимъ образомъ изъ первыхъ двухъ классовъ училища, составлявшихъ какъ бы одно цѣлое по соотвѣтствію своей программы съ

---

[1]) Дѣло Тобол. губер. архива № 151 1792 г.: „копія съ извѣщенія, посланнаго Тобольскимъ Приказомъ въ Московскую типографію для напечатанія въ публичныхъ вѣдомостяхъ“.

малыми народными училищами, ученики не могли выносить никакого цѣльнаго представленія о какомъ нибудь изъ преподававшихся предметовъ; все, чему они могли съ пользой научиться,—это чтенію, письму безъ знанія правилъ чистописанія и первымъ четыремъ правиламъ ариѳметики. Курсъ 3-го класса, который по правиламъ устава долженъ былъ состоять изъ чтенія, изъясненій Евангелія, повторенія пространнаго катихизиса съ доказательствами изъ свящ. писанія, изученія второй части ариѳметики, первой части всемірной исторіи, введенія во всеобщую Европейскую географію, начала землеописанія Россійскаго государства и россійской грамматики, а также и изъ упражненій въ правописаніи,—значительно былъ измѣненъ.

Преподаванія закона Божія вовсе не производилось въ 3-мъ классѣ. Курсы всеобщей исторіи и грамматики были сокращены. Программа 4 класса также подверглась значительному измѣненію. По уставу въ этомъ классѣ полагалось повторять россійскую географію, исторію всеобщую, россійскую грамматику (упражняя при этомъ юношество въ письменныхъ въ общежитіи употребительныхъ сочиненіяхъ, какъ-то: въ письмахъ, счетахъ, роспискахъ и тому подобное), преподавать россійскую исторію, географію всеобщую и математическую съ задачами на глобусѣ, основанія географіи, механики, физики, естественной исторіи и гражданской литературы. Между тѣмъ оказывалось, что наиболѣе существенный предметъ—грамматика съ упражненіями вовсе не былъ введенъ въ курсъ этого класса, а такъ какъ требованія познаній изъ грамматики въ 3-мъ классѣ ограничивались всего лишь до глаголовъ, то очевидно, что и знаніе въ грамматикѣ учениковъ, окончившихъ курсъ 5-ти лѣтняго ученія въ Тобольскомъ главномъ народномъ училищѣ, простиралось всего до глаголовъ. Курсъ остальныхъ наукъ, преподававшихся въ послѣднемъ классѣ училища, не обнимая ниодного предмета въ цѣломъ, ограничивался отрывочными свѣдѣніями.

Приведенныя отступленія, какія допускались въ Тобольскомъ главномъ народномъ училищѣ, отъ опредѣленной уставомъ 1786 года программы преподаванія, совершенно измѣняли главное существенное направленіе въ воспитаніи юношества, какое имѣлось въ виду тѣмъ уставомъ.

Народныя училища, согласно уставу 1786 года, должны были имѣть религіозно-нравственное направленіе, такъ какъ цѣль народнаго образованія ясно выражалась въ указѣ Императрицы Екатерины II по поводу обнародованія вышеупомянутаго устава: „Воспитаніе юношества было у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ толико уважаемо, что почитали оное средствомъ утвердить благо общества гражданскаго: да сіе и неоспоримо, ибо предметы воспитанія, заключающіе въ себѣ чистое и разумное понятіе о Творцѣ и Его святомъ законѣ и основательныя и непоколебимыя правила вѣрности къ государю и истинной любви къ отечеству и своимъ гражданамъ суть главныя подпоры общаго государственнаго благосостоянія.“ [1]) Чѣмъ же прежде всего

---

[1]) П. С. Р. З. № 16421.

могло достигаться преподанное направленіе, какъ не изученіемъ воспитывавшимся юношествомъ закона Божія? Но, какъ оказывается, программа этого предмета всего болѣе и подверглась сокращенію, вслѣдствіе чего, вмѣстѣ съ сокращеніемъ программъ предназначенныхъ къ чтенію въ народныхъ училищахъ книгъ нравственнаго содержанія, въ системѣ преподаванія Тобольскаго главнаго народнаго училища совершенно утрачивалось то направленіе въ воспитаніи юношества, какое имѣлось въ виду правительственною властью.

Съ 1793 года введено было преподаваніе татарскаго языка; сначала предполагалось ввести преподаваніе киргизскаго языка, но какъ невозможно было найти лицо способное преподавать этотъ языкъ, то и положено было замѣнить этотъ языкъ татарскимъ, какъ понятнымъ для торгующихъ на грацахъ Тобольской губерніи киргиз-кайсаковъ, хивинцевъ и бухарцевъ, а также полезнымъ для внутренняго обращенія по значительному числу татарскаго населенія въ Тобольской губерніи. Въ продолженіи перваго года преподаваніе татарскаго языка производилось священникомъ Тобольскаго Софійскаго собора Іосифомъ Гигановымъ [1]) безвозмездно во всѣхъ классахъ училища, и такъ какъ руководствъ къ преподаванію этого языка никакихъ не было при училищѣ, то Гигановымъ переведенъ былъ для учениковъ краткій словарь и сочинены начальныя основанія татарской грамматики, правила правописанія и о производствѣ словъ. [2]) Съ 1794 года Гиганову опредѣлено было жалованье въ размѣрѣ 250 руб. въ годъ съ назначеніемъ ему помощника за вознагражденіе по 50 руб. въ годъ. [3]) Программа преподаванія татарскаго языка по классамъ заключалась въ слѣдующемъ:

Въ 1-мъ классѣ:

Познаніе буквъ и складовъ, чтеніе по таблицамъ, состоящимъ изъ самоупотребительныхъ словъ.

Во 2-мъ классѣ:

Чистый выговоръ словъ; начало грамматики, чтеніе по таблицамъ краткой священной исторіи, переведенной учителемъ.

Въ 3-мъ классѣ:

Грамматика, сочиненная учителемъ. Переводы „Зрѣлище вселенныя.“

Въ 4-мъ классѣ:

Синтаксисъ или сочиненіе словъ, переводы съ россійскаго на татарскій и съ татарскаго на россійскій языкъ.

Классъ татарскаго языка былъ весьма многочисленъ по числу учениковъ; въ немъ обучалось болѣе половины всего числа учениковъ, бывшихъ

---

[1]) Отецъ Іосифъ Гигановъ былъ въ тоже время преподавателемъ татарскаго языка въ Тобольской семинаріи.

[2]) Въ 1802 году былъ напечатанъ въ С.-Петербургѣ при Академіи Наукъ „Букварь татарскаго и арабскаго письма съ приложеніемъ словъ со знаками, показывающими ихъ выговоръ, сочиненный въ Тобол. главн. народ. учил. бухарцемъ Ніятъ-Бакой Антометевымъ подъ руководствомъ учителя татарскаго языка соборнаго священника Іосифа Гиганова.“

[3]) Дѣло Тобольск. губерн. архива № 292 за 1794 годъ.

въ то время въ училищѣ. Такъ, напримѣръ, въ 1795 году изъ числа 76 учениковъ обучалось татарскому языку 45.

Ученики Тобольскаго главнаго народнаго училища обучались также церковному пѣнію, начиная съ 1792 года; обученіе это производилось присланнымъ въ Тобольскъ за вину Федоромъ Михайловымъ сыномъ Королевымъ, за плату по 18 руб. въ годъ. [1])

При открытыхъ испытаніяхъ и въ вѣдомостяхъ, какія Приказомъ Общественнаго Призрѣнія отсылались въ Главное Правленіе училищъ, всѣ ученики получали аттестаціи въ своихъ успѣхахъ; эти аттестаціи группировались на слѣдующія степени: 1) превосходно успѣвали, 2) похвально, 3) весьма хорошо, 4) отлично, 5) хорошо, 6) изрядно, 7) порядочно, 8) посредственно, 9) средственно, 10) неоченно успѣвали, 11) худо, 12) отчасти, 13) отчасти годится, 14) малые показали успѣхи, 15) худо успѣвали. За каждый годъ и по полугодіямъ аттестаціи эти представляли нѣкоторое различіе, указывая тѣмъ на полное отсутствіе въ то время какой либо системы, на основаніи которой опредѣлялись степени успѣха и прилежанія учениковъ. Отличившіеся во время открытыхъ испытаній ученики получали награды частью книгами, частью похвальными листами слѣдующаго содержанія: „Въ 1793 лѣто отъ Рождества Христова въ 31 годъ благополучнаго и славнаго царствованія Великія Екатерины вторыя, во время бывшаго въ Тобольскомъ главно-народномъ училищѣ публичнаго испытанія въ знакъ отличныхъ подвиговъ въ наукахъ и поведеніи дано сіе свидѣтельство, яко даръ и воздаяніе“.

Выпуски учениковъ, оканчивавшихъ курсы, производились ежегодно по окончаніи испытаній въ іюнѣ мѣсяцѣ. Число оканчивавшихъ курсъ было весьма ограниченное, даже въ годы наибольшаго переполненія училища учениками, какъ, напримѣръ, въ 1792 году, когда число учениковъ къ концу первой половины года простиралось до 149 человѣкъ, окончило курсъ всего 7 учениковъ; въ послѣдующіе же годы, при уменьшеніи контингента учениковъ, выпуски еще болѣе были ограничены.

По окончаніи курса большая часть лицъ поступала въ приказные служители, частью же въ военную службу вахмистрами въ драгунскіе полки или сержантами въ артиллерію. Всѣ неимущіе ученики на основаніи правилъ устава (§ 77) получали съ разрѣшенія Приказа даромъ учебныя книги изъ училищнаго книгохранилища; кромѣ того Приказомъ съ конца 1790 года, по ходатайству временно исправлявшаго тогда должность директора училищъ ассесора гражданской палаты Булычева, сдѣлано было распоряженіе, во вниманіе къ бѣдственному положенію нѣкоторыхъ учениковъ, неимѣвшихъ даже дневнаго пропитанія, а между тѣмъ проходившихъ съ успѣхомъ ученіе,— отпускать ежемѣсячно такимъ ученикамъ денежное пособіе на существованіе. Такая помощь со стороны Приказа бѣднымъ ученикамъ продолжалась во все время существованія главнаго народнаго училища, до преобразованія его въ

---

[1]) Дѣло Тоб. губ. арх. за № 151 за 1792 г. о народныхъ училищахъ.

гимназію; размѣръ же этой помощи простирался отъ 50 коп. до 1 руб. въ мѣсяцъ на человѣка; при чемъ наибольшее пособіе получали дѣти родителей, принадлежавшихъ къ привиллегированному сословію. Число учениковъ, получавшихъ пособіе отъ Приказа въ разное время, простиралось отъ 5 до 10 человѣкъ. Кромѣ того Приказомъ отпускалось ежемѣсячно въ распоряженіе своего секретаря по 50 коп. на покупку для бѣдныхъ учениковъ бумаги, перьевъ и т. п. классныхъ принадлежностей. Всѣ эти расходы Приказомъ производились изъ суммъ, взыскивавшихся въ штрафъ и заработывавшихся колодниками. Книгохранилище училища состояло главнымъ образомъ изъ ученическихъ книгъ и пособій, издававшихся комиссіею о народныхъ училищахъ; съ начала существованія училища книгохранилище это было такъ бѣдно, что не могло удовлетворять даже потребностямъ учениковъ въ учебникахъ, почему ученики должны были учиться по тетрадямъ. Для физическаго кабинета необходимыхъ принадлежностей не присылалось комиссіей, почему вскорѣ же, по открытіи училища, по распоряженію правившаго должность намѣстника Алябьева, была заказана, для основанія физическаго кабинета при училищѣ, электрическая машина Тобольскому жителю Козьмѣ Передовщикову [1]), которому за употребленные имъ собственные матеріалы для изготовленія машины Приказомъ заплачено было 60 руб. 93 коп. Такимъ образомъ основаніемъ физическаго кабинета при Тобольскомъ главномъ народномъ училищѣ послужила машина мѣстнаго издѣлія. Впослѣдствіи, мало по малу, съ увеличеніемъ средствъ Приказа и благодаря содѣйствію правившаго должность намѣстника Алябьева, книгохранилище при училищѣ стало значительно увеличиваться; для пріобрѣтенія нужныхъ книгъ и научныхъ пособій въ разное время, начиная съ 1792 года, командировались въ Москву и С.-Петербургъ директора и учителя; этимъ же лицамъ поручалось и пріобрѣтать инструменты и машины для образованія при училищѣ физическаго кабинета. Первая посылка за книгами, научными пособіями и т. п. необходимыми предметами для училища была возложена въ 1792 году Алябьевымъ на бывшаго тогда директора училищъ Дохтурова, которому Приказомъ изъ суммъ, взысканныхъ въ штрафъ, выдано было для выполненія порученія 700 руб. мѣдною монетою, съ предоставленіемъ права обмѣна этой монеты на ассигнаціи; такой обмѣнъ и былъ произведенъ Дохтуровымъ въ Тобольскѣ, но съ большимъ трудомъ посредствомъ розыска ассигнацій у частныхъ лицъ и съ платежемъ по 2 коп. за каждый ассигнаціонный рубль. Поѣздка Дохтурова оказалась однако неудачною; исполнивъ часть возложеннаго на него порученія, а именно представивъ знаменитымъ особамъ „Иртышъ превращающійся въ Ипокрену“ [2]), онъ не могъ нигдѣ достать въ Москвѣ, во время своего тамъ пребыванія въ маѣ

[1]) Козьма Передовщиковъ былъ сосланъ на поселеніе въ Сибирь въ 1788 году, гдѣ занимался торговлею и, пріобрѣтя значительный капиталъ, Императоромъ Павломъ въ 1798 году пожалованъ званіемъ именитаго купца. (Дѣло Тоб. губ. арх. Указъ Правит. Сената по 1-му Департаменту отъ 4 іюня 1801 года за № 16779).

[2]) Глава III.

мѣсяцѣ 1792 г., потребнаго количества книгъ и научныхъ пособій для училища, такъ какъ всѣ книжныя лавки оказались запечатанными, за исключеніемъ одной университетской. [1]) Электрической машины для физическаго кабинета онъ также нигдѣ не могъ отыскать въ Москвѣ. Ввиду такихъ неблагопріятно-сложившихся обстоятельствъ, поставившихъ въ невозможность Дохтурова исполнить возможность на него порученіе, по просьбѣ Дохтурова покупку книгъ, научныхъ пособій и инструментовъ для физическаго кабинета Тобольскаго главнаго народнаго училища принялъ на себя бывшій тогда директоромъ Императорскаго Московскаго университета Павелъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ, [2]) которымъ и было прислано въ училище все то, что поручалось пріобрѣсти Дохтурову. Минералогическій кабинетъ при училищѣ началъ образовываться съ 1792 года; основаніемъ ему послужилъ даръ бергмейстера Александра Васильевича Раздеришина, состоявшій изъ различныхъ породъ штуфовъ въ числѣ 50 экземпляровъ. Значительное увеличеніе книгохранилища, физическаго кабинета и въ особенности минералогическаго кабинета Тобольскаго училища послѣдовало по закрытіи въ 1796 году Колыванскаго намѣстничества, когда изъ упраздненнаго Колыванскаго главнаго народнаго училища принадлежавшее этому училищу имущество передано было въ Тобольское училище. Къ 1800 году книгохранилище Тобольскаго главнаго народнаго училища состояло изъ 4848 томовъ, но только лишь съ 35 названіями, такъ какъ большая часть экземпляровъ книгъ состояла изъ букварей (760 экзем.), правилъ для училища (1103), сокращеннаго катихизиса (680) и т. п. изданій комиссіи о народныхъ училищахъ. Другія изданія являлись въ книгохранилищѣ въ незначительномъ числѣ и въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, такъ напримѣръ: 1) Труды вольнаго экономическаго общества (36 томовъ), 2) Математика Кетнера (4 тома), 3) Естественное землеописаніе Бергмана (4 том.), 4) Физика Гиляровскаго (1 т.), 5) Технологія (5 т.), 6) Латинская грамматика Лебедева (5 том.), 7) Латинскій лексиконъ Цейляріо (2 т.), 8) описаніе древнихъ римлянъ (3 т.), 9) Архитектура Виньюлона (1 т.).

Въ этомъ книгохранилищѣ имѣлись еще Московскія Вѣдомости, которыя получались училищемъ съ открытія его по 1795 г.; затѣмъ полученіе газеты было прекращено и возобновилось снова въ началѣ текущаго столѣтія. Научныхъ пособій, какъ-то: географическихъ картъ, глобусовъ, картинъ изъ естественной исторіи, архитектурныхъ чертежей, геометрическихъ тѣлъ было всего 170 экземпляровъ и таблицъ церковной и гражданской печати 1600 экземпляровъ. Физическій кабинетъ состоялъ всего изъ 13 предметовъ: электрической машины [3]), двухъ камеръ-обскуръ, компаса, мѣдныхъ солнечныхъ

[1]) Дѣло Тоб. губ. архива № 151 за 1792 г. Донесеніе директора Дохтурова, отъ 23 ноября 1792 года.

[2]) Русская родословная книга изд. Русской Старины: Павелъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ, директоръ Московскаго университета, потомъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, былъ роднымъ братомъ извѣстнаго писателя Дениса Ивановича; умеръ въ 1803 году.

[3]) Электрическая машина Передовщикова оказалась мало пригодною.

часовъ, воздушнаго насоса, микроскопа, двухъ барометровъ, двухъ термометровъ, двухъ астролябій, при чемъ большая часть этихъ инструментовъ была не годна къ употребленію. Минералогическій кабинетъ состоялъ изъ 550 штуфовъ, и затѣмъ при училищѣ имѣлась небольшая коллекція чучелъ, преимущественно птицъ, состоявшая изъ 23 экземпляровъ [1]).

Подготовленіе лицъ къ учительской дѣятельности изъ семинаристовъ съ цѣлью замѣщенія этими лицами учительскихъ мѣстъ, какія могли бы оказаться вакантными, продолжалось съ открытія училища по 1795 годъ. Для этой цѣли были вызваны изъ Тобольской семинаріи семинаристы Протопоповъ и Иконниковъ, получавшіе во все время состоянія своего при Тобольскомъ главномъ народномъ училищѣ по 3 и по 4 руб. въ мѣсяцъ на содержаніе изъ суммъ, зарабатывавшихся колодниками.

Составъ учителей Тобольскаго главнаго народнаго училища, за все время съ открытія этого училища по 1800 годъ, измѣнился лишь въ томъ, что, за выбытіемъ въ 1795 году учителя Воскресенскаго, для преподаванія въ 3-мъ и 4-мъ классахъ ариѳметики, геометріи, механики, архитектуры, физики и языковъ латинскаго и русскаго назначенъ былъ учитель Прутковскій, бывшій до того времени учителемъ 2-го класса, а на мѣсто его назначенъ Протопоповъ, подготовленный къ учительской должности изъ семинаристовъ Тобольской семинаріи; затѣмъ помощникомъ къ учителю перваго класса въ 1795 г. взамѣнъ Кулакова, поступившаго въ подканцеляристы, опредѣленъ былъ Бѣлорусцевъ, прежде бывшій учителемъ Енисейскаго малаго народнаго училища.—Не смотря на незначительность измѣненія въ составѣ учителей Тобольскаго главнаго народнаго училища, недостатокъ въ учителяхъ сказывался каждый разъ при какихъ либо случайныхъ обстоятельствахъ, заставлявшихъ того или другаго учителя отрываться отъ своихъ прямыхъ обязанностей. Замѣнить, почему либо выбывавшихъ на время, учителей было некѣмъ, а такъ какъ по уставу каждому изъ учителей ввѣрялся особый классъ, то ученики того класса, учитель котораго выбывалъ, должны были оставаться вовсе безъ учителя. Такъ, напримѣръ, въ 1794 году, за выбытіемъ учителя Воскресенскаго въ Москву, гдѣ онъ оставался по болѣзни около года, ученики четвертаго класса оставались все время безъ учителя, и директоръ училищъ Дохтуровъ долженъ былъ донести Приказу, что 4-й классъ представляется какъ бы несуществующимъ. Такой же недостатокъ въ учителяхъ былъ и въ малыхъ народныхъ училищахъ, гдѣ учителя, будучи мало обезпеченными въ содержаніи, постоянно искали случая перейти къ другимъ занятіямъ. Эти недостатки въ учителяхъ и стремленіе, подготовленныхъ въ учительской дѣятельности, лицъ, какъ комиссіею о народныхъ училищахъ, такъ и главными народными училищами, покинуть учительскую дѣятельность по мало обезпеченному положенію были общи во всей Имперіи, что и вызвало въ 1795 году комиссію о народныхъ училищахъ разъяснить Тобольскому При-

---

[1]) Дѣло Тоб. губ. арх. № 671 за 1800 годъ о народныхъ училищахъ.

казу, что она „съ тѣмъ людей на иждивеніи своемъ образуетъ и воспитываетъ, дабы имъ въ другія званія не переходить“ [1]), а затѣмъ въ виду состоявшагося 27 мая 1800 года Высочайшаго рескрипта, которымъ запрещалось безъ Высочайшей воли обращать семинаристовъ въ другое званіе, комиссія о народныхъ училищахъ циркулярно дала знать всѣмъ Приказамъ Общественнаго Призрѣнія, что „какъ на большую часть нижнихъ разрядовъ учительскихъ мѣстъ заимствованы губернаторомъ и воспитанники духовныхъ семинарій, то пріостановиться увольненіемъ состоящихъ при школахъ учителей, а по крайней необходимости объ увольненіи кого-либо изъ учителей по причинѣ неизлѣчимыхъ болѣзней и припадковъ относиться въ сію комиссію съ приложеніемъ обстоятельныхъ о болѣзни свидѣтельствъ отъ Врачебной управы„. [2])

За все время существованія училища до конца прошлаго столѣтія всѣ учителя Тобольскаго главнаго народнаго училища аттестовались въ прилежаніи и поведеніи „хвалы достойными“. Съ переводомъ училища въ 1797 году во вновь построенный Приказомъ домъ [3]) директоромъ Дохтуровымъ даны были „наказы“ учителямъ, которыми возлагались на каждаго учителя особыя обязанности по завѣдыванію отдѣльными частями училища. На учителя Прутковскаго возложенъ былъ присмотръ за пособіями, относящимися до наукъ математическихъ и физическихъ; на учителя Лафитова книгохранилище и натуральный кабинетъ. Кромѣ того, на Прутковскаго же возложенъ былъ надзоръ надъ училищнымъ домомъ, какъ въ хозяйственномъ отношеніи, такъ и въ административномъ, въ видахъ соблюденія „мира, тишины и благопристойности у живущихъ въ училищномъ домѣ учителей, чтобы наемные у учителей люди для работъ домашнихъ были поведенія хорошаго, чтобы посторонних никого въ училищѣ не ночевало, также и учителя, живущіе въ училищномъ домѣ, внѣ онаго-бы не ночевали“. Надзоръ за поведеніемъ учениковъ до начала классовъ и по окончаніи ихъ ввѣренъ былъ учителю Бѣлорусцеву, которому поручалось наблюденіе также и за тѣмъ, не пропускаютъ ли учителя уроковъ и своевременно-ли являются въ классы.

Право наложенія мѣръ взысканія на учениковъ не предоставлялось однако ни одному изъ учителей, а вмѣнялось въ обязанность учителямъ обо всѣхъ нарушеніяхъ со стороны учениковъ тишины и благопристойности доносить директору. Храненіе и расходованіе дровъ и свѣчей поручалось особымъ ордеромъ производить училищному вахмистру подъ контролемъ учителя Прутковскаго, при чемъ опредѣлено было отпускать каждому изъ учителей по двѣ сальныхъ свѣчи въ день, за исключеніемъ учителя Прутковскаго, которому отпускать 6 свѣчей, и затѣмъ въ осенніе и зимніе дни по одной свѣчи

---

[1]) Дѣло Тоб. губ. арх. № 343 за 1795 г. Предложеніе комиссіи отъ 6 марта за № 29, подписанное Козодавлевымъ.

[2]) Дѣло Тоб. губерн. арх. 1800 г. за № 671. Предложеніе комиссіи отъ 10 сентября 1800 г. за № 730 за подписомъ Янковича-де-Миріево.

[3]) Глава VII.

на каждый классъ [1]).

Въ 1797 году Тобольское главное народное училище переведено было изъ занимаемаго имъ помѣщенія въ домѣ купца Мануилова во вновь устроенный домъ, принадлежавшій Тобольскому Приказу Общественнаго Призрѣнія, въ тотъ домъ, который въ настоящее время занимаетъ Тобольская губернская гимназія. Домъ этотъ прежде принадлежалъ ассесору Рѣзанову и состоялъ изъ двухъэтажнаго каменнаго корпуса и двухъ деревянныхъ флигелей, но заложенный имъ въ Приказѣ, за неуплатою долга, „былъ секвестрованъ“ и поступилъ въ вѣдѣніе Приказа еще въ 1791 году. Имѣя въ виду неудобства помѣщенія училища въ домѣ купца Мануилова, совершенно неприспособленномъ и ветхомъ, правившій должность Тобольскаго намѣстника Алябьевъ тогда-же указалъ Приказу на необходимость перестройки дома Рѣзанова, какъ уже принадлежавшаго Приказу, съ цѣлью помѣщенія въ немъ главнаго народнаго училища, почему Приказомъ и было приступлено къ производству разныхъ работъ по приспособленію этого дома для училища и расширенію помѣщенія его пристройкою; производство работъ продолжалось весьма долго, почти 6-ть лѣтъ, и стоило Приказу значительныхъ затратъ не смотря на то, что Алябьевъ принималъ самое живое участіе во всѣхъ распоряженіяхъ, касавшихся до предпринятой перестройки, которая однако окончена была уже по выбытіи Алябьева изъ Тобольска при правителѣ Тобольскаго намѣстничества Толстомъ. Въ какой суммѣ заложенъ былъ Рѣзановымъ домъ въ Приказѣ и въ какой суммѣ онъ былъ секвестрованъ, свѣдѣній не имѣется; перестройка же этого дома обошлась Приказу до пяти тысячъ рублей; одна постройка каменнаго корпуса и постройка службъ, порученныхъ Алябьевымъ Тобольской штатной драгунской команды прапорщику Урусову, обошлась въ 2658 р. 85¼ к., но какъ Приказъ денегъ не имѣлъ для производства такой затраты и въ особенности въ первое время своего существованія, то постройка эта производилась на счетъ экономической драгунской суммы. Впослѣдствіи, по окончаніи работъ, истраченныя изъ драгунской суммы деньги были возвращены Приказомъ изъ слѣдующихъ источниковъ, характеризующихъ вполнѣ положеніе матеріальныхъ средствъ Тобольскаго Приказа въ концѣ прошлаго столѣтія: изъ взысканныхъ въ штрафъ 15 руб., изъ заработковъ преступниками 23 р., собранныхъ съ вымѣненныхъ и промѣненныхъ товаровъ пошлинъ 38 р., изъ полученныхъ за ежемѣсячное сочиненіе „Иртышъ превращающійся въ Ипокрену“ 27 р., изъ полученныхъ за лѣчебныя отъ заразы людей и скота книжки 10 р., изъ полученныхъ за сочиненную регистраторомъ Шукшинымъ книгу подъ заглавіемъ „Экономическія записки о производствѣ хлѣбопашества“ 38 р. 75 к., за ревизскіе съ пробѣлами листы 4 р. 83 к., за проданные экземпляры о таможенной цѣнѣ 15 коп., изъ данныхъ изъ благотворенія купцомъ Бѣлыхъ 17 р. 40 к.; да по недостатку оныхъ суммъ изъ принадлежащихъ на

[1]) Дѣло Тобольск. губерн. архива безъ нумера, озаглавленное „бумаги относящіяся до училища“.

постройку 1100 руб., процентовъ съ капитала Цвиленева 56 руб. и съ поставщика вина купца Попова 768 р. 72¼ коп. взято впередъ". Фасадъ училищнаго дома остался неизмѣненнымъ съ того времени, съ тѣмъ лишь различіемъ, что тогда домъ этотъ былъ крашенъ „съ лица и кругомъ красною краскою"; окраску производилъ „маляръ изъ присыльныхъ": зало и двѣ комнаты училищнаго дома раскрашены были разноцвѣтными красками, на что было употреблено 20 безменовъ постнаго масла на 4 р. 40 коп., 40 комковъ бѣлой глины на 40 коп., 2½ фун. сургуча на 75 к., 2 фун. сурику на 40 к. и 8 комковъ краски голубой на 1 р. 60 к. За малярную же работу по раскраскѣ этихъ комнатъ заплачено было 74 руб. Въ училищныхъ комнатахъ висѣли гардины изъ полосатой зеленой коломенки, заплаченной по 50 коп. за аршинъ. Для училищнаго же дома Алябьевымъ были куплены четыре большихъ зеркала, 2 въ золоченыхъ рамкахъ и 2 въ рамахъ краснаго дерева, за что заплачено было 59 руб., четыре хрустальныхъ люстры на сумму 200 руб. и столовые часы за 60 р. Въ училищной залѣ стояли крашеные стулья съ обивкою изъ той же коломенки, какъ и гардины, „секретеръ" для экзаменовъ и „обелискъ", раздѣланный подъ мраморъ, въ который вставлялся во время экзаменовъ портретъ Его Императорскаго Величества, вдѣланный въ позолоченную овальную рѣзную раму. Въ училищѣ было два портрета Его Императорскаго Величества; одинъ висѣлъ въ залѣ, другой въ книгохранилищѣ; оба эти портрета въ ¾ арш. вышины были писаны мѣстнымъ живописцемъ, за что заплачено по 10 руб. за каждый, да за рамы 30 руб. На парадномъ крыльцѣ висѣлъ восьмигранный фонарь, за который заплачено было 25 коп., да за вставку въ него стеколъ 10 коп. Надъ училищными воротами по мысли учителя Прутковскаго была повѣшена аллегорическая картина, служившая воротамъ вмѣсто фронтона; къ сожалѣнію не сохранилось въ архивныхъ дѣлахъ подробнаго описанія этой картины. Въ своемъ проектѣ, поданномъ директору Дехтереву, Прутковскій, ссылаясь на прилагаемый чертежъ, котораго не сохранилось, упоминаетъ лишь о четырехъ вазахъ, которыя должны были быть изображены на картинѣ „съ надписями изъ устава народныхъ училищъ главы первой, въ §§ 3, 5, 7 и 9 изображенныхъ". Было ли что-либо изображено еще на картинѣ кромѣ этихъ вазъ, остается неизвѣстнымъ; по смыслу ссылки на параграфы народнаго устава надпись заключалась лишь въ перечнѣ книгъ, по которымъ надлежало учить юношество въ каждомъ классѣ. Такимъ образомъ аллегорія Прутковскаго заключалась въ изображеніи каждаго изъ четырехъ классовъ народнаго училища особою вазою, наполненною книгами, соотвѣтствующими этому классу. Живописцу за эту „надворотную картину уплачено было 15 руб. [1]) При училищѣ, на землѣ, прилегающей къ рѣчкѣ Курдюмкѣ, былъ построенъ парникъ съ теплицею, на что израсходовано было 300 руб., но еще до времени перехода училища

[1]) Дѣло Тоб. губ. арх. № 109, 1791 г. „По словеснымъ господина намѣстника предложеніямъ о пристройкѣ къ каменному училищному дому вновь деревянной пристройки.

въ новый домъ, вслѣдствіе бывшаго въ 1794 году сильнаго наводненія, а также подъема льда въ 1795 г. въ зимнее время, при чемъ каждый разъ устроенная теплица затоплялась до самаго верху, теплица эта пришла въ такое разрушеніе, что продана была въ 1796 г. за 7 руб.

Однако Тобольскому главному народному училищу не привелось воспользоваться комфортомъ обширнаго выстроеннаго для него дома. Въ 1797 году послѣдовалъ Высочайшій указъ изъ государственной военной коллегіи на имя правителя Тобольскаго намѣстничества дѣйствительнаго статскаго совѣтника Толстаго [1]), которымъ между прочимъ повелѣвалось: „Тобольской гарнизонной школы школьниковъ солдатскихъ дѣтей соединить вообще съ народными учениками для обученія въ одинъ построенный Приказомъ Общественнаго Призрѣнія каменный домъ“. Причина такого соединенія народнаго училища съ солдатской школой вызывалась тѣмъ, что школа эта, существовавшая еще въ силу повелѣній Петра I объ учрежденіи при каждомъ полку школъ для обученія грамотѣ и ремесламъ солдатскихъ сыновей, поступающихъ въ войска, не имѣла помѣщенія, и зданіе для нея лишь только начато было постройкою. А какъ мѣсто, выбранное для этой постройки, было низменное, то для фундамента приготовлялся сѣрый камень изъ Верхотурья. Въ то время солдатская гарнизонная школа, находившаяся въ завѣдываніи Тобольскаго коменданта бригадира князя Мещерскаго, была опредѣлена на 500 человѣкъ, но за неимѣніемъ свободнаго помѣщенія учениковъ въ ней состояло только 200 человѣкъ. Школа эта раздѣлялась на четыре класса, въ которыхъ обучали читать и писать по русски, ариѳметикѣ и геометріи. Учителя при школѣ были особые, размѣщавшіеся отдѣльно отъ школы по квартирамъ. Въ силу приведеннаго указа и было сдѣлано распоряженіе объ отводѣ въ зданіи народнаго училища помѣщенія на 500 человѣкъ солдатскихъ дѣтей, „не утѣсняя учениковъ народнаго училища“; но такъ какъ въ каменномъ зданіи, которое предназначено и приспособлено было для главнаго народнаго училища, нельзя было вмѣстить солдатскихъ дѣтей безъ стѣсненія учениковъ народнаго училища, то для помѣщенія гарнизонной школы отведены были два деревянныхъ флигеля, состоявшіе при каменномъ училищномъ зданіи.

---

[1]) Высочайшій указъ отъ 15 января 1797 г. № 316, дѣло Тоб. губерн. архива № 109 за 1791 годъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ТОБОЛЬСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ГИМНАЗІЯ

1810—1836 годъ.

Заботы Императора Александра I объ образованіи народномъ.—Уставъ учебныхъ заведеній 1804 г. 5-го ноября.—Учебныя книги и пособія, составленныя Главнымъ Правленіемъ училищъ.—Хлопоты директора барона Эйбена о преобразованіи Тобольскаго главнаго народнаго училища въ гимназію.—Главныя причины, замедлявшія преобразованіе.—Открытіе гимназіи.—Присылка Главнымъ Правленіемъ училищъ учебныхъ книгъ и пособій для учебныхъ заведеній Тобольской губерніи.—Распоряженія высшаго начальства, касающіяся учебныхъ заведеній, вышедшія въ 1810 г.—Рапортъ учителя Менделѣева, поданный имъ на имя директора.—Предписаніе Министра Народнаго Просвѣщенія, запрещавшее учителямъ и содержателямъ пансіоновъ жестокія мѣры противъ учениковъ.—Распоряженіе Министра, касающееся иностранцевъ, содержавшихъ пансіоны.—Предписаніе Министра, запрещавшее во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ употреблять сургучъ и бумагу иностраннаго производства.—Перемѣна въ характерѣ Императора Александра I подъ вліяніемъ событій 1812 года.—Усиленіе преподаванія во всѣхъ училищахъ Закона Божія.—Первый выпускъ учениковъ Тобольской гимназіи.—Описаніе перваго открытаго испытанія.—Назначеніе Аргольдта директоромъ Тобольской гимназіи.—Дѣятельность его по распространенію просвѣщенія въ Тобольской губерніи.—Воскресныя чтенія, устраиваемыя по его инициативѣ для учениковъ гимназіи.—Мѣры, употребляемыя Аргольдтомъ для исправленія лѣнивыхъ и нерадивыхъ учениковъ.—Неудовольствія, возникшія у Аргольдта съ Тобольскимъ губернаторомъ Брипомъ.—Распоряженіе Министра, касающееся усиленія дисциплины въ гимназіяхъ, и другія распоряженія 1816 года.—Ревизія Тобольской гимназіи профессорами Казанскаго университета Эрдманомъ и Ренардтомъ.—Инструкція, данная визитаторами директору Аргольдту для пользованія ею впредь до разсмотрѣнія его ссоры съ губернаторомъ правленіемъ Казанскаго университета.—Рѣчь, сказанная ученикомъ Поповымъ при прощаніи съ визитаторами.—Увольненіе директора Аргольдта отъ занимаемой имъ должности.—Назначеніе Министромъ Народнаго Просвѣщенія А. Н. Голицына и попечителемъ Казанскаго учебнаго округа Магницкаго.—Измѣненіе учебнаго плана гимназій.—Назначеніе постояннымъ визитаторомъ Тобольскихъ училищъ П. А. Словцова.—Распоряженіе Магницкаго объ изъятіи нѣкоторыхъ книгъ изъ библіотекъ учебныхъ заведеній.—Введеніе изученія въ гимназіяхъ славянскаго языка.—Статистика учащихся.—Положеніе учебнаго дѣла въ Тобольской гимназіи.—Перечень всѣхъ учебниковъ, употреблявшихся въ Тобольской гимназіи съ 1810—1836 г.—Положеніе учите-

лей гимназіи.—Состояніе кабинетовъ физическаго, минералогическаго и естественнаго.—Основаніе минцъ-кабинета.—Состояніе библіотеки.—Зданіе гимназіи.—Учрежденіе при гимназіи пансіона.

Эпоха Александра Благословеннаго характеризуется словами царскаго манифеста о восшествіи на престолъ. Императоръ возвѣстилъ въ немъ, что будетъ править народомъ „по законамъ и сердцу бабки своей, Екатерины Великой". И государь доказалъ это тѣмъ, что прежде всего обратилъ вниманіе на народное просвѣщеніе. По совѣту съ Лягарпомъ, который съ 1784 г., по назначенію Екатерины II, состоялъ наставникомъ—воспитателемъ при великихъ князьяхъ Александрѣ и Константинѣ и имѣлъ глубокое образовательное и воспитательное вліяніе на обоихъ, особенно на перваго, государь рѣшилъ дать полную организацію народному образованію и воспитанію. Впрочемъ не съ однимъ только Лягарпомъ, но и съ другими близкими просвѣщенными людьми —таковы: Новосильцевъ, князь Чарторыйскій, Строгановъ—государь любилъ обсуждать вопросы народнаго образованія. Какъ результатъ этихъ обсужденій, въ 1802 г. 8 сентября выходитъ манифестъ объ учрежденіи „Министерства народнаго просвѣщенія, воспитанія юношества и распространенія наукъ". Въ непосредственное вѣдѣніе Министерства поставлено Главное Правленіе училищъ. Въ 1803 году Государь Императоръ утвердилъ „предварительныя правила народнаго просвѣщенія". Главная идея новой учебной организаціи высказывается въ постановленіяхъ „для нравственнаго образованія гражданъ соотвѣтственно обязанностямъ и пользамъ каждаго состоянія". Предпринято учредить учебныя заведенія 4-хъ степеней: 1) училища приходскія, 2) уѣздныя, 3) губернскія или гимназіи и 4) университеты. Гимназія назначена въ каждомъ губернскомъ городѣ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и управленіемъ губернскаго директора училищъ. Училища нѣсколькихъ сосѣдственныхъ губерній составляютъ особый учебный округъ подъ управленіемъ попечителя. Въ каждомъ учебномъ округѣ предположенъ университетъ, и при немъ—учительскій институтъ. Вся Россія раздѣлена на 6-ть учебныхъ округовъ: Московскій, Виленскій, Дерптскій, Петербургскій, Харьковскій и Казанскій. Въ послѣдній входило 13 губерній, въ томъ числѣ и Тобольская. Въ 1804 году 5 ноября обнародованъ и самый „Уставъ учебныхъ заведеній".

Уставъ этотъ интересенъ во многихъ отношеніяхъ, а потому и необходимо познакомиться съ подробностями его.

Планъ ученія въ гимназіяхъ былъ слѣдующій: гимназіи были четырехклассныя съ одногодичнымъ курсомъ; науки преподавались слѣдующія:

1) Математика въ первыхъ трехъ классахъ, по 6-ти уроковъ въ каждомъ; въ I классѣ: алгебра, геометрія и плоская тригонометрія, во II классѣ оканчивалась чистая математика и начиналась прикладная, а также и опытная физика; послѣдняя оканчивалась въ III классѣ.

2) Исторія: въ I классѣ древняя исторія и географія, миѳологія и

древности; во II классѣ исторія и географія новыя, и въ частности исторія и географія отечественныя; въ III классѣ общая статистика; въ IV классѣ статистика Россійскаго государства. На преподаваніе исторіи полагалось 18 уроковъ въ недѣлю: въ I и II классахъ по 6-ти, въ III—4 и въ IV—2.

3) **Естественная исторія** (только въ 2 старшихъ классахъ) въ III классѣ съ принаровленіемъ къ начальнымъ основаніямъ сельскаго и лѣснаго хозяйства, въ IV классѣ она раздѣлялась на естественную исторію, технологію и науку о торговлѣ; всего 16 уроковъ: въ III классѣ 4, въ IV—12.

4) **Латинскій языкъ:** въ I классѣ грамматика и переводы съ латинскаго языка на русскій, во II классѣ чтеніе классическихъ прозаическихъ писателей „съ раздробленіемъ красотъ слога", переводъ съ русскаго языка на латинскій; въ III классѣ—чтеніе латинскихъ стихотворцевъ и составленіе сочиненій на латинскомъ языкѣ.

5) **Философія:** въ I классѣ логика и всеобщая грамматика, во II кл. психологія и правоученіе, въ III классѣ эстетика и риторика, въ IV классѣ право естественное и право народное и политическая экономія; всего 20-ть уроковъ въ недѣлю, при чемъ въ первыхъ трехъ классахъ по 4, а въ IV—8. Программа по новымъ языкамъ та же, что и по латинскому языку.

Что касается преподаванія отечественнаго языка, то Главное Правленіе училищъ считало достаточными тѣ знанія, которыя ученики имѣли при поступленіи въ гимназію изъ уѣздныхъ училищъ, а потому изученіе его не входило въ учебные планы; Законъ же Божій вовсе въ гимназіи не преподавался. Сверхъ означенныхъ предметовъ начатое преподаваніе татарскаго языка еще въ главномъ народномъ училищѣ продолжалось и въ Тобольской гимназіи вплоть до 16 года.

Для преподаванія всѣхъ этихъ предметовъ при каждой гимназіи находилось 8 преподавателей; изъ нихъ преподаватели математики, исторіи, философіи и естественной исторіи считались старшими, а учителя языковъ и рисованія младшими. Учителя согласно уставу должны соединять при преподаваніи теорію съ практикой; для этой цѣли имъ рекомендовалось во время вакаціи предпринимать съ лучшими учениками прогулки за городъ, при чемъ учитель математики долженъ пріучать учениковъ „къ главнѣйшимъ дѣйствіямъ практической геометріи" и показывать имъ различнаго рода мельницы, гидравлическія машины, если таковыя находятся въ окрестностяхъ того мѣста, гдѣ состоитъ гимназія. Учитель естественной исторіи во время такихъ прогулокъ долженъ собирать травы и различные минераллы и объяснять ихъ отличительныя свойства.

Въ уставѣ подробно изложены обязанности учителей, ихъ отношенія къ ученикамъ и другъ къ другу. Такъ, между прочимъ, сказано, чтобы учителя безъ уважительныхъ причинъ не пропускали уроковъ, всегда заблаговременно о причинѣ своего отсутствія на урокахъ увѣдомляли директора, чтобъ выполняли положенную уставомъ программу; каждый учитель по своему предмету долженъ вести списокъ учениковъ съ отмѣткой противъ каждаго—его

способностей, прилежанія и поведенія, а 1 числа каждаго мѣсяца представлять директору подробный отчетъ о ходѣ ученія и объ ученикахъ. Учитель долженъ обучать, не требуя отъ учениковъ никакой платы за ученіе, при самомъ обученіи не долженъ пренебрегать дѣтьми бѣдныхъ родителей и „вмѣшивать ничего посторонняго"; для малолѣтнихъ дѣтей онъ долженъ стараться сдѣлать ученье свое легкимъ, пріятнымъ и „болѣе забавнымъ, нежели тягостнымъ". Учениковъ своихъ учитель обязанъ пріучить къ трудолюбію, возбудить въ нихъ охоту и привязанность къ наукамъ, дать ихъ уму и сердцу надлежащее направленіе, „положить въ нихъ твердыя основанія честности и благонравія, исправить и преодолѣть въ нихъ худыя склонности, ибо учителя занимаютъ у своихъ учениковъ мѣсто родителей".

При взысканіи за проступокъ строгость учителей не должна переходить границъ. Запрещалось въ этихъ случаяхъ употреблять въ дѣло ремни, палки, плети, линейки и розги, пощечины, толчки и кулаки, а также драпье за волосы, за уши, ставить на колѣни; кромѣ того и такіе эпитеты, какъ: ослиныя уши, скотина, оселъ и т. п. Но они не должны также пропускать безъ замѣчанія ни одного проступка.

Во взаимныхъ отношеніяхъ учителя должны помогать другъ другу дѣломъ и совѣтомъ и оказывать почтеніе; учителя высшихъ классовъ не должны пренебрегать учителями низшихъ классовъ.

Учителямъ позволялось имѣть у себя пансіонеровъ. При этомъ каждый учитель обязанъ учить своихъ воспитанниковъ вѣжливости, показывая, „какъ сидѣть благопристойно, ходить, кланяться, просить учтиво и говорить ласково даже со слугами и служанками". Вмѣстѣ съ тѣмъ запрещалось учителямъ употреблять своихъ воспитанниковъ въ постороннее дѣло, въ домашнюю работу или посылки.

Учителя обязаны были совершенствовать себя въ знаніяхъ и составлять записки историческія, метеорологическія, топографическія и статистическія.

Уставомъ опредѣлены права и обязанности директора. Проходя свое служеніе съ усердіемъ и рачительностью, онъ подаетъ добрый примѣръ въ порядкѣ и благонравіи своимъ подчиненнымъ, долженъ быть свѣдущъ въ наукахъ, дѣятеленъ и благонамѣренъ. Самъ онъ не преподаетъ, но въ дѣлѣ ученія подаетъ совѣты учителямъ; имѣетъ въ непосредственномъ вѣдѣніи своемъ всѣ училища въ губерніи, слѣдитъ за тѣмъ, чтобы всѣ училища имѣли необходимыя учебныя книги и пособія и каждое полугодіе представляетъ отчеты о ходѣ учебнаго дѣла въ университетъ.

Уставомъ же 1804 года опредѣлены были права учителей по службѣ. Всѣ учителя гимназіи состоятъ на государственной службѣ, имѣютъ право носить мундиръ (въ Казанскомъ округѣ съ 1809 года).

Должность директоровъ гимназій считалась въ VII классѣ, старшихъ учителей въ IX, младшихъ въ X, учителей рисованія въ XII классѣ. Учителя, прослужившіе 20 лѣтъ, получаютъ пенсію $^1/_3$, прослужившіе 25 лѣтъ— $^2/_3$ жалованья, прослужившіе же 30 лѣтъ—полное жалованье.

Содержаніе служащимъ въ гимназіи было слѣдующее:

Директору	1000 руб.
Каждому изъ старшихъ учителей	750 руб.
„ „ младшимъ „	400 руб.
Учителю рисованія	300 руб.
На библіотеку	250 руб.
На содержаніе дома и на служителей	900 руб.

Жалованье выдавалъ директоръ ежемѣсячно; онъ же заботился о снабженіи гимназіи дровами, свѣчами и пр.

Всѣ учителя гимназіи имѣли казенныя квартиры. Одинъ изъ нихъ по порученію директора имѣлъ надзоръ за училищнымъ домомъ.

Почти одновременно съ обнародованіемъ „Устава учебныхъ заведеній“ Главное Правленіе училищъ озабочено было составленіемъ новыхъ учебниковъ и приготовленіемъ другихъ учебныхъ пособій, необходимыхъ для открываемыхъ вновь училищъ. Съ этою цѣлью 27 іюля 1803 года учрежденъ былъ комитетъ, въ которомъ болѣе дѣятельное участіе принимали Фусъ, Румовскій и Озерецковскій. Хотя правительство приняло изданіе учебниковъ на свой счетъ и за каждый печатный листъ назначило гонорару 15 руб., тѣмъ не менѣе дѣло комитета подвигалось впередъ медленно; причиной тому былъ недостатокъ въ способныхъ людяхъ. Только въ 1807 году появились первые учебники для гимназіи: сокращенная всемірная исторія Рамлера, логика Эбелинга, всеобщая грамматика Фатера, опытная физика Шрадера, сокращенная географія Россійскаго государства Зябловскаго. Всѣ эти учебники, исключая послѣдняго, были переведены съ нѣмецкаго. Остальные учебники были тѣ же, что и въ главныхъ народныхъ училищахъ; изъ нихъ особенно долго держалась книга „О должностяхъ человѣка и гражданина“. Только въ 1819 году циркуляромъ министра книга эта была изгнана изъ гимназіи и замѣнена чтеніемъ Свящ. Писанія.

Въ 1803 году попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, куда отнесена была, какъ сказано выше, и Тобольская губернія, назначенъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Степанъ Яковлевичъ Румовскій. Человѣкъ это былъ ученый и вполнѣ преданный дѣлу народнаго образованія. Тотчасъ по обнародованію „Устава учебныхъ заведеній“ онъ со всей энергіей принялся за осуществленіе на дѣлѣ въ своемъ округѣ новой реформы. Но на пути своей дѣятельности онъ встрѣтилъ непреодолимыя препятствія. Въ засѣданіи Главнаго Правленія училищъ 17 ноября 1804 года онъ сообщилъ, что „по недостатку удобнаго строенія для помѣщенія классовъ и учителей невозможно учредить вдругъ во всѣхъ городахъ таковыя училища и въ семъ случаѣ надлежитъ обратить вниманіе на тѣ наипаче, кои многолюднѣе и въ коихъ съ малой перемѣною или пристройкой сіи училища помѣщены быть могутъ. Но и въ сихъ городахъ по малому числу учителей вдругъ сего исполнить невозможно“. [1])

---

[1]) Шмидъ: Исторія сред. учеб. зав. въ Россіи.

Вотъ эти-то причины, особенно послѣдняя, главнымъ образомъ препятствовали одновременно произвести преобразованіе главныхъ народныхъ училищъ въ гимназіи. Въ самомъ дѣлѣ, программа гимназій сравнительно съ програмой главныхъ народныхъ училищъ была гораздо обширнѣе; кромѣ того, въ гимназическій курсъ введены были новые предметы, не преподававшіеся въ народныхъ училищахъ, напримѣръ: философія, коммерческія науки, технологія, политическая экономія, изящныя науки, языки; а потому учителя народныхъ училищъ по недостаточной подготовкѣ не могли съ успѣхомъ вести свое дѣло, а тѣмъ болѣе преподавать новые предметы, совершенно имъ неизвѣстные. Въ виду этого высшее начальство рѣшило производить преобразованіе народныхъ училищъ въ гимназіи постепенно, по мѣрѣ выпусковъ изъ Педагогическаго Института студентовъ, которые тотчасъ по окончаніи курса назначаемы были учителями въ гимназіи или въ тѣ главныя народныя училища, которыя скоро будутъ преобразованы въ гимназіи. Такъ 10 декабря 1807 года опредѣлены учителями въ имѣющуюся открыться въ Тобольскѣ гимназію студенты Педагогическаго Института Иванъ Менделѣевъ и Семенъ Горетовскій, первый изъ нихъ учителемъ философіи, изящныхъ наукъ и политической экономіи, второй—естественной исторіи, коммерческихъ наукъ и технологіи. Оба они по пріѣздѣ въ Тобольскъ получили жалованье изъ училищнаго капитала; имъ были отведены квартиры съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, но на занятіе они не ходили. [1])

Въ 1808 г. назначенъ въ Тобольское главное народное училище директоромъ совѣтникъ баронъ Эйбенъ. По вступленіи въ должность онъ тотчасъ приложилъ все стараніе къ тому, чтобы ускорить преобразованіе училища въ гимназію. И нужно отдать полную справедливость энергіи новаго начальника: не смотря на множество препятствій, онъ свое намѣреніе привелъ въ исполненіе. Дѣло онъ началъ съ того, что 3 сентября потребовалъ отъ Приказа Общественнаго Призрѣнія свѣдѣній, сколько послѣдній можетъ отпустить изъ своихъ суммъ на содержаніе имѣющейся открыться въ Тобольскѣ гимназіи и уѣзднаго училища, предоставитъ-ли онъ подъ гимназію домъ, занимаемый главнымъ народнымъ училищемъ, и если представитъ, то сдѣлаетъ-ли нѣкоторыя поправки въ верхнемъ и нижнемъ этажахъ, перекроетъ-ли крышу и переправитъ-ли деревянныя флигеля: одинъ для классовъ уѣзднаго училища, а другой для квартиръ учителей? Приказъ на этотъ запросъ отвѣтилъ, что домъ, занимаемый главнымъ народнымъ училищемъ и стоящій 16877 руб. 24½ коп., подъ гимназію онъ отдаетъ, сверхъ того обѣщается ежегодно отпускать на содержаніе гимназіи и уѣзднаго училища 1000 руб., отъ всего же прочаго отказывается. Эйбенъ, получивъ такой отвѣтъ, 26 числа того же мѣсяца сообщилъ обо всемъ этомъ попечителю Румовскому. Послѣдній согласился войти съ представленіемъ къ Министру Народнаго Просвѣщенія по этому вопросу, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы Эйбеномъ представлена

[1]) Архивъ Тобольской гимназ. 1804—1812 г. № 1072.

была примѣрная смѣта съ планомъ всѣхъ строеній, съ обозначеніемъ на немъ классовъ гимназіи и уѣзднаго училища и учительскихъ квартиръ. Смѣта была составлена архитекторомъ Дранишниковымъ и отослана попечителю. [1]) Въ 1810 году отпущены были изъ Министерства и деньги, но сколько—изъ дѣлъ гимназическаго архива не видно. И такъ одно изъ препятствій, тормозившихъ преобразованіе Тобольскаго училища въ гимназію, Эйбенъ устранилъ. Но много работы и заботъ предстояло ему еще впереди; самая же главная заключалась въ томъ, что учениковъ для поступленія въ гимназію оказалось очень мало.

Отъ 9 ноября Эйбенъ доносилъ попечителю, что по сдѣланному имъ разбору не болѣе 15 человѣкъ оказалось способныхъ поступить изъ главнаго народнаго училища въ гимназію, что болѣе одного класса открывать нельзя, такъ какъ ученики не имѣютъ тѣхъ свѣдѣній, съ которыми они должны поступить въ гимназію. Принимая въ соображеніе „какъ малое число учениковъ, такъ и ихъ слабыя познанія", попечитель отказался ходатайствовать предъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ открытіи въ этомъ году въ Тобольскѣ гимназіи. „Столь же малые успѣхи", говоритъ въ своемъ отвѣтѣ Эйбену Румовскій, „я приписываю недовольному раченію къ должности учителей и тому, что недоставало надлежащаго присмотра за порядкомъ ученія"; при этомъ высказываетъ свое мнѣніе, что гимназія можетъ быть открыта лишь въ томъ случаѣ, если окажется по 15 человѣкъ въ каждомъ изъ первыхъ трехъ классовъ, если ученики будутъ подготовлены „надлежащимъ образомъ". Для достиженія послѣдней цѣли онъ предписываетъ учителямъ приложить особенное стараніе для поднятія уровня знаній учениковъ, также и вновь назначеннымъ учителямъ Менделѣеву и Горетовскому, „дабы они не оставались безъ занятій", каждому „по своей части заниматься въ училищѣ пріуготовленіемъ учениковъ". [2]) Такой отказъ и замѣчаніе попечителя не уменьшили энергіи Эйбена и не лишили его надежды на успѣхъ дѣла. 7 декабря онъ предписалъ смотрителямъ Тюменскаго, Тарскаго и Туринскаго малыхъ народныхъ училищъ „выслать въ гимназію" способныхъ учениковъ. Смотритель Туринскаго училища на это предписаніе отвѣтилъ, что, хотя имъ „вообще съ учителемъ чинено было испытаніе ученикамъ и родителямъ ихъ довольное убѣжденіе, но къ поступленію въ Тобольскую гимназію изъ родителей желанія никто не объявилъ, а изъ солдатскихъ дѣтей, учащихся ариѳметикѣ, никто не состоитъ". [3]) Смотритель Тарскаго училища отвѣтилъ, что одинъ только мѣщанинъ Пушкаревъ согласился отдать своего сына въ гимназію. [4]) Въ Тюменскомъ училищѣ изъявили согласіе поступить двое: Воиновъ и Васнецовъ; изъ нихъ послѣдній былъ такъ бѣденъ, что безъ мате-

[1]) Архивъ Тобольск. гимназіи 1806—1812 г. стр. 59.

[2]) Архивъ Тоб. гимназіи, дѣло 1806—1812 г. стр. 41.

[3]) ibid. стр. 87.

[4]) ibid. стр. 86.

ріальной помощи со стороны Приказа существовать въ Тобольскѣ не могъ. [1]) Эйбенъ по этому поводу обратился къ Приказу и просилъ выдавать Васнецову по 70 руб. въ годъ, но получилъ отказъ. Приказъ согласился выдавать только по 2 руб. въ мѣсяцъ. Васнецовъ согласился и на это. [2]) И такъ изъ трехъ народныхъ училищъ изъявили согласіе поступить только трое. Но не смотря на это, Эйбенъ въ декабрѣ 1809 года рѣшился снова войти къ попечителю съ представленіемъ объ открытіи гимназіи; при этомъ указывалъ на то, что строгій разборъ учениковъ былъ причиной того, что оказалось способныхъ поступить въ гимназію только 15 человѣкъ, что теперь, спустя болѣе года, ученики „довольно успѣли". Это представленіе Эйбена было послѣднее. Попечитель въ отвѣтъ Эйбену хотя и выразилъ, что „гораздо полезнѣе было-бы отложить преобразованіе еще на нѣкоторое время, по крайней мѣрѣ, до будущаго лѣтняго экзамена", [3]) тѣмъ не менѣе вошелъ съ ходатайствомъ къ Министру о преобразованіи. Послѣдній изъявилъ на это свое согласіе и 1810 г. 12 марта послѣдовало открытіе Тобольской гимназіи.

Какъ происходило открытіе гимназіи, въ дѣлахъ архива, къ сожалѣнію, подробнаго описанія не сохранилось; но на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно заключить, что оно происходило торжественно. Такъ извѣстно, между прочимъ, что объ открытіи гражданскій губернаторъ „распубликовалъ" чрезъ городничихъ и засѣдателей по всей губерніи; по городу были разосланы печатныя „увѣдомленія"; было напечатано 200 „зазывательныхъ билетовъ". На угощеніе присутствовавшихъ при открытіи и на плошки для иллюминаціи зданія израсходовано 85 руб. 55 коп. Въ этотъ же день присутствовавшіе при торжествѣ пожертвовали въ пользу гимназіи 160 руб. [4])

По открытіи гимназіи Эйбену не мало предстояло хлопотъ и заботы. Вся классная мебель, унаслѣдованная гимназіею отъ главнаго народнаго училища, [5]) находилась въ плачевномъ состояніи: большая часть ученическихъ столовъ была поломана и негодна никуда, развѣ только на дрова; остальные были расшатаны, изрѣзаны; классныхъ досокъ и то попорченныхъ было только двѣ. Эйбенъ нѣсколько столовъ и двѣ классныхъ доски завелъ новыхъ, болѣе годные старые столы починилъ и выкрасилъ краской, купилъ для гимназіи у учителя Бѣлорусцева часы за 150 руб. Но изъ-за этой покупки вышли пререканія между директоромъ и старшими учителями. Дѣло въ томъ, что директоръ заплатилъ Бѣлорусцеву деньги безъ вѣдома старшихъ учителей. Послѣдніе протестовали противъ этой дикой цѣны; къ тому же и часы-то были старые. Дѣло дошло до попечителя. Послѣдній, хотя и дозволилъ ку-

---

[1]) Архивъ Тоб. гимназіи 1806—1812 г. стр. 50.

[2]) ibid. стр. 78.

[3]) ibid. стр. 66.

[4]) Архивъ Тоб. гимназіи 1806—1812 г. стр. 67.

[5]) Приказъ вмѣстѣ съ домомъ передалъ безвозмездно всѣ учебныя пособія, библіотеку и мебель; все это оцѣнено было въ 3455 руб. 63 коп. ibid. стр. 559.

пить часы, но съ условіемъ, если они пройдутъ безъ починки въ теченіи полугода; при этомъ предписалъ: „впредь для избѣжанія подобнаго недоразумѣнія какъ выписку книгъ, такъ и покупку вещей для гимназіи свыше 25 руб. производить съ согласія старшихъ учителей". [1])

24 іюня Главное правленіе училищъ прислало въ Тобольскую гимназію необходимыя учебныя книги и пособія суммой на 134 руб. 60 коп., а съ пересылкой на 138 руб. 40 коп. [2])

Всѣ эти учебники скоро были распроданы; Главное же Управленіе училищъ высылкой новыхъ медлило. Тогда въ декабрѣ для этой цѣли отправленъ былъ въ Москву учитель Пискаревъ; въ отсутствіе его уроки занимали поочередно другіе старшіе учителя. [3])

Годъ открытія Тобольской гимназіи богатъ разными предписаніями и распоряженіями высшаго начальства. Попечитель Румовскій предписалъ по своему округу, чтобъ въ гимназіяхъ заведено было дежурство учителей для надзора за учениками въ утреннее и послѣобѣденное время до начала ученія, „дабы ученики проводили время съ пользою, а не въ шалостяхъ". [4]) Вслѣдъ за этимъ предписаніемъ послѣдовалъ рядъ другихъ,—чтобъ учителямъ не давались безъ уважительной причины отпуски и не болѣе, какъ на 29 дней, чтобъ начальники заведеній доносили высшему начальству о всѣхъ пожертвованіяхъ въ пользу учебныхъ заведеній, [5]) чтобъ ни одинъ учитель „не смѣлъ вступать ни въ какую должность при другихъ вѣдомствахъ безъ особаго разрѣшенія высшаго начальства". Послѣднее распоряженіе указываетъ на глубокое пониманіе Министромъ учебно-воспитательнаго дѣла. Многіе учителя, занимая разныя должности въ другихъ вѣдомствахъ, не могли, естественно, сосредоточить всей своей дѣятельности на исполненіи своихъ прямыхъ и многосложныхъ обязанностей и потому часто оказывались мало полезными для учебнаго дѣла, если только не безполезными совершенно.

Въ этомъ же году введено было „клятвенное обѣщаніе" для всѣхъ, служащихъ по Министерству народнаго просвѣщенія. Но наибольшаго вниманія заслуживаетъ циркулярное предложеніе Министра отъ 8 іюля относительно метода преподаванія. Въ циркулярѣ этомъ, между прочимъ, сказано: 1) при опредѣленіи учителей требовать отъ нихъ „знанія методы ученія не механической, но способствующей къ дѣйствительному обогащенію ума полезными и нужными истинами; 2) директора и смотрителя училищъ должны имѣть „неослабный надзоръ" за учителями, чтобы они не заставляли учениковъ только затверживать уроки наизусть, но чтобы объясняли уроки „вразумительнымъ для нихъ способомъ"; 3) визитаторамъ предписывалось главное

---

[1]) Архивъ Тобол. гимназіи 1806—1812 г. стр. 169.
[2]) Дѣло Тобол. гимназіи 1806—1812 г. стр. 148.
[3]) ibid.—стр. 149.
[4]) Архивъ Тобол. гимназіи 1806—1812 г. стр. 178.
[5]) ibid.—стр. 561.

вниманіе обращать на методъ преподаванія учителей; 4) запрещалось учителямъ затруднять юношество перепискою курсовъ, произвольно учителями составленныхъ, и предписывалось преподавать только по книгамъ, и 5) не позволялось производить экзамены тѣмъ учителямъ, которые преподавали въ теченіе года „науку", а другимъ.

Изъ этихъ распоряженій видно, что въ Министерствѣ народнаго просвѣщенія шла горячая работа. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ этомъ году во главѣ Министерства поставлено было новое лицо—бывшій попечитель Московскаго учебнаго округа графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, по отзыву одного изъ современниковъ „самый ученый, образованный и умный человѣкъ тогдашней аристократіи, русскій магнатъ de l' ancien régime comme il faut, придворный человѣкъ съ замѣчательнымъ ученымъ образованіемъ". [1])

Нельзя пройти молчаніемъ рапортъ учителя Менделѣева, поданный имъ въ этомъ году на имя директора. Менделѣевъ доносилъ, что такъ какъ по уставу гимназіи преподаваніе Закона Божія не положено, то ученики „почти всѣ" не знаютъ этого предмета, потому и просилъ директора дозволить ему объяснять ученикамъ недѣльныя Евангелія и проходить съ ними пространный катихизисъ съ 8 до 10 час. по воскресеньямъ. [2]) Директоръ изъявилъ на это свое согласіе. Впрочемъ, Менделѣеву не долго пришлось занимать мѣсто преподавателя Закона Божія. Въ слѣдующемъ году предметъ этотъ, по Высочайшей волѣ, былъ введенъ во всѣ учебныя заведенія гражданскаго вѣдомства и на экзаменахъ ставился первымъ. [3]) Въ 1812 году назначенъ былъ и законоучитель свящ. Петръ Михайловскій съ жалованьемъ 100 руб. въ годъ отъ Приказа. [4]) Не менѣе богатъ распоряженіями и 1811 годъ. 9 января послѣдовало предписаніе Министра—считать письмоводителя при директорѣ гимназіи состоящимъ „на дѣйствительной службѣ"; учителямъ запрещалось обращаться съ ходатайствами къ кому либо другому, кромѣ своего непосредственнаго начальства, подъ страхомъ быть уволеннымъ отъ службы. Учителя латинскаго языка сравнены въ правахъ и въ жалованьи со старшими учителями. Основанія къ тому приводились слѣдующія: 1) „знаніе латинскаго языка доказываетъ пріобрѣтеніе глубокихъ и твердыхъ свѣдѣній въ словесности вообще, исторіи, археологіи, миѳологіи и прочихъ подобныхъ симъ наукамъ", 2) учителей латинскаго языка труднѣе подыскать, чѣмъ учителей новыхъ языковъ, 3) послѣдніе могутъ имѣть уроки въ частныхъ домахъ, тогда какъ учителя латинскаго языка исключительно должны существовать на жалованьѣ, получаемомъ ими. [5]) Въ этомъ же году вышло распоряженіе Министра, которымъ

---

[1]) Шмидъ стр. 79.

[2]) Архивъ Тобол. гимназіи 1806—1812 г. стр. 194.

[3]) ibid.

[4]) ibid.—стр. 159.

[5]) Архивъ Тобол. гимназіи 1806—1812 г. стр. 628.

воспрещалось учителямъ и содержателямъ пансіоновъ употреблять жестокія мѣры противъ учениковъ, но исправлять ихъ „кротчайшими мѣрами". Виновнымъ грозило наказаніе: учителямъ отрѣшеніе отъ должности, а содержателямъ пансіона закрытіе ихъ заведеній. [1]) Это распоряженіе Министра есть нечто иное, какъ подтвержденіе извѣстнаго параграфа устава, запрещавшаго въ школахъ тѣлесныя наказанія. Очевидно были нарушенія въ этомъ отношеніи устава и, можетъ быть, довольно частыя, если Министру снова пришлось дѣлать распоряженіе по тому же самому поводу. Самымъ же важнымъ распоряженіемъ Министра въ этомъ году было распоряженіе, касавшееся ограниченія правъ иностранцевъ на содержаніе училищъ и пансіоновъ. Въ своей докладной запискѣ, Высочайше одобренной, Министръ говоритъ: „Въ отечествѣ нашемъ далеко простерло корни свои воспитаніе, иноземцами сообщаемое. Дворянство, подпора государства, возрастаетъ нерѣдко подъ надзоромъ людей, одною собственною корыстью занятыхъ, презирающихъ все неиностранное, не имѣющихъ ни чистыхъ правилъ нравственности, ни познаній. Слѣдуя дворянству, и другія состоянія готовятъ медленную пагубу обществу воспитаніемъ дѣтей своихъ въ рукахъ иностранцевъ. Любя отечество, не можно безъ прискорбія взирать на зло, столь глубоко въ ономъ внѣдрившееся.

Поставленъ будучи бодрствовать надъ воспитаніемъ согражданъ моихъ, священнымъ чту долгомъ изыскивать всѣ способы къ содѣланію ихъ истинными сынами отечества. Не отъ меня зависитъ преломить духъ важнѣйшей части гражданъ, внеся въ семейства ихъ счастливое недовѣріе къ чуждымъ воспитателямъ; но, подъ высокимъ вліяніемъ Монарха, я могу дѣйствовать орудіями, мнѣ предоставленными. Быть можетъ, мѣра правительства послужитъ образцомъ и для каждаго частнаго гражданина.

Всѣ почти пансіоны въ имперіи содержатся иностранцами, которые весьма рѣдко бываютъ съ качествами, для званія сего потребными. Не зная нашего языка и гнушаясь онымъ, не имѣя привязанности къ странѣ для нихъ чуждой, они юнымъ россіянамъ внушаютъ презрѣніе къ языку нашему и охлаждаютъ сердца ихъ ко всему домашнему, и въ нѣдрахъ Россіи изъ россіянина образуютъ иностранца. Сего не довольно: и для преподаванія наукъ они избираютъ иностранцевъ же, что усугубляетъ вредъ, воспитаніемъ ихъ разливаемый, и скорыми шагами приближаетъ къ истребленію духа народнаго. Воспитанники ихъ и мыслятъ и говорятъ по иноземному; между тѣмъ не могутъ нѣсколько словъ правильно сказать на языкѣ отечественномъ.

Къ прекращенію сего представляю слѣдующія мѣры.

1) Дабы училищное начальство въ дозволеніи на открытіе пансіона основывалось не только на степени учености содержателя, но еще болѣе на удостовѣреніи о доброй его нравственности.

2) Дабы въ числѣ познаній содержателя пансіона не упускать изъ виду знанія русскаго языка.

---

[1]) Архивъ Тобол. гимназіи 1806—1812 г. стр. 590.

3) За правило поставить, чтобы во всѣхъ пансіонахъ науки преподаваемы были на русскомъ языкѣ. Начальство училищное должно имѣть неослабное за симъ наблюденіе.

4) Вновь принимать въ пансіоны учителей для наукъ не иначе, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы преподавали оныя на русскомъ языкѣ.

5) Впрочемъ во всемъ слѣдовать правиламъ, для пансіоновъ существующимъ, о строгомъ наблюденіи коихъ подтвердить мѣстнымъ училищнымъ начальствамъ.

6) Поелику содержатели пансіоновъ не платили никакой повинности, пользуясь впрочемъ важными выгодами отъ содержанія пансіоновъ, то съ 1 мая сего 1811 года каждый содержатель частнаго пансіона обязывается вносить въ Министерство просвѣщенія ежегодно по 5% съ платы, получаемой на содержаніе пансіонера. Сумма сія, по накопленіи ея, обращена будетъ на учрежденіе особыхъ училищъ, въ коихъ, безъ отягощенія государственной казны, будутъ воспитываться дѣти родителей, оказавшихъ отечеству важныя заслуги, но лишенныхъ средствъ къ ихъ воспитанію, равно и дѣти неимущихъ дворянъ".

Пятипроцентнымъ сборомъ обложены были и всѣ частныя учебныя заведенія, подъ какимъ бы названіемъ они ни существовали, въ которыхъ за преподаваніе взималась плата съ учащихся. Этимъ же сборомъ обложены были и учителя гимназій, имѣвшіе у себя пансіонеровъ. Впрочемъ это распоряженіе Министра имѣло силу не долго. Три года спустя послѣ его появленія отъ пятипроцентнаго сбора освобождены были священно и церковно-служители, обучавшіе дѣтей своихъ прихожанъ чтенію, письму и Закону Божію. Въ 1816 году ноября 3 предписано освободить отъ этого сбора и учителей казенныхъ учебныхъ заведеній, имѣвшихъ у себя пансіонеровъ; наконецъ въ томъ же году 5-го декабря снятъ былъ налогъ и съ содержателей частныхъ пансіоновъ. Правительство убѣдилось, что это распоряженіе не достигнетъ своей цѣли: налогъ падаетъ не на содержателей пансіоновъ, а на родителей дѣтей, обучающихся въ пансіонахъ. И такъ, если это распоряженіе не достигло своей цѣли, то спрашивается, чѣмъ можно объяснить появленіе его? Отвѣтъ довольно простъ. То враждебное настроеніе противъ иностранцевъ, которое охватило въ то время русское общество и правительственныя сферы, вотъ—причина появленія этого распоряженія. Впрочемъ Министръ, обнародывая это распоряженіе, имѣлъ въ виду еще и другія соображенія. Гимназіи въ первое время послѣ своего открытія были малолюдны. Причину и корень этого зла графъ Разумовскій видѣлъ въ томъ предпочтеніи, которое болѣе или менѣе богатые люди оказывали частнымъ пансіонамъ. Стѣсняя пансіоны, онъ имѣлъ въ виду увеличить число учениковъ въ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Оправдались ли его соображенія или нѣтъ, мы объ этомъ скажемъ послѣ.

Почти одновременно съ этимъ распоряженіемъ вышло предписаніе Министра, чтобы учителя учились у мѣстныхъ врачей и медицинскихъ чиновни-

ковъ прививать коровью оспу и свои познанія передавали затѣмъ ученикамъ, оканчивающимъ курсъ. [1])

Среди многочисленныхъ распоряженій 1811 года по своей оригинальности обращаютъ на себя вниманіе два: 1) запрещалось во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ употреблять бумагу иностраннаго издѣлія, [2]) 2) предписывалось „не употреблять другаго сургуча, кромѣ выдѣлываемаго въ Россіи и имѣющаго штемпель съ изображеніемъ россійскаго герба и означеніемъ имени фабриканта. Указывалось даже, гдѣ такой сургучъ можно достать: въ С.-Петербургѣ у Петерки и Трубицина, въ Москвѣ у Шмакова. [3])

Въ дѣлахъ этого же года мы находимъ одно не безъинтересное распоряженіе попечителя,—чтобъ всѣ гимназіи и уѣздныя училища его округа обязательно выписывали „Казанскія Извѣстія", [4]) чтобъ директора гимназій доставляли „для поддержанія" этой газеты „достойныя примѣчанія и любопытства свѣдѣнія по губерніи, которыя узнавать имъ приведется".

Но 1811 годъ не прошелъ для Тобольской гимназіи благополучно: въ декабрѣ мѣсяцѣ сгорѣлъ деревянный флигель (кухни учителей и баня), а въ 1812 году такое же зданіе было выстроено вновь.

Наступилъ наконецъ 1812 годъ, а вмѣстѣ съ нимъ и отечественная война. Потрясающія событія этой войны произвели на Императора неизгладимое впечатлѣніе. Распространяя свою гуманную, освободительную дѣятельность на всѣ отрасли русской жизни, Александръ во всю первую половину своего царствованія относился къ религіи, если и не вполнѣ индиферентно, то во всякомъ случаѣ довольно холодно. Совсѣмъ другимъ онъ является въ этомъ отношеніи послѣ войны. Объ этомъ онъ самъ говоритъ въ бесѣдѣ съ епископомъ Ейлертомъ: „Какое прекрасное и великое дѣло быть истинно-религіознымъ человѣкомъ, а не казаться только имъ, и какъ рѣдко встрѣтишь такого человѣка. Пожаръ Москвы, продолжалъ Императоръ, просвѣтилъ мою душу и судъ Господень на ледяныхъ поляхъ исполнилъ мое сердце тайною, невѣданною до сихъ поръ вѣрою. Я позналъ тогда Открытаго намъ въ Свящ. Писаніи, я сталъ понимать Его волю и Его законъ. Во мнѣ родилось твердое и сознательное рѣшеніе посвятить самого себя и свое правленіе прославленію Его имени. Съ той поры я сдѣлался инымъ человѣкомъ". [5]) Такое религіозное настроеніе Императора тотчасъ отразилось и на учебныхъ планахъ училищъ. Послѣдовало распоряженіе объ усиленіи преподаванія во всѣхъ училищахъ Закона Божія, [6]) увеличено было число православныхъ праздниковъ и, слѣдовательно, неучебныхъ дней. Къ числу послѣднихъ отнесены были: 6 декабря

---

[1]) Архивъ Тобол. гимназіи 1806—1812 г. стр. 629.

[2]) ibid.—стр. 613.

[3]) Архивъ Тобол. гимназіи 1806—1812 г. стр. 606.

[4]) „Казанскія Извѣстія" были родъ газеты, издавались Казанскимъ университетомъ— ibid. стр. 667.

[5]) Императоръ Александръ I и идея свящ. союза, Надлера т. II, стр. 141.

[6]) Архивъ Тобол. гимназіи 1812 г. стр. 159.

и 9 мая—память Святителя и Чудотворца Николая, день сошествія Св. Духа, 29 августа усѣкновеніе главы Крестителя Господня Іоанна, 26 сентября день Іоанна Богослова, 1 октября день Покрова и 22 день празднованія Казанской чудотворной иконѣ Пресвятыя Богородицы. [1])

Въ этомъ же году недовѣріе къ иностранцамъ—учителямъ и воспитателямъ сравнительно съ предыдущимъ годомъ возрасло еще болѣе. Этимъ и объясняется распоряженіе Министра объ испытаніи домашнихъ учителей иностранцевъ. Въ распоряженіи сказано, чтобы они имѣли „о способностяхъ своихъ и знаніяхъ письменныя свидѣтельства отъ училищныхъ начальствъ". Директорамъ сверхъ того предписывалось доставлять отзывы о всѣхъ иностранцахъ, находящихся подъ вѣдомствомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія,—содержателяхъ частныхъ пансіоновъ и находящихся при нихъ гувернерахъ и учителяхъ. Если же директоръ не принималъ на себя отвѣтственности за какого либо иностранца, то онъ долженъ былъ объ этомъ донести попечителю. Въ 1812 году 19 сентября попечителемъ Казанскаго учебнаго округа назначенъ камергеръ Салтыковъ. Въ виду назначенія новаго начальника слѣдовало ожидать, какъ это обыкновенно бываетъ, новыхъ распоряженій, но таковыхъ до окончанія 1812 года и весь 13 годъ не послѣдовало ни изъ Министерства, ни изъ округа. Такое затишье въ учебномъ мірѣ объясняется тѣмъ, что вниманіе высшихъ сферъ всецѣло поглощено было политическими дѣлами. Впрочемъ 1813 годъ хотя и блистаетъ отсутствіемъ болѣе или менѣе важныхъ распоряженій со стороны высшаго начальства, тѣмъ не менѣе въ жизни Тобольской гимназіи онъ памятенъ: въ этомъ году послѣ открытаго испытанія былъ первый выпускъ учениковъ. Окончило курсъ съ аттестатами трое: Иванъ Набережнинъ, Владиміръ Протопоповъ и Александръ Васнецовъ. Изъ I класса во II переведено 5 учениковъ, изъ II въ III—6, изъ III въ IV—5. Не безъинтересно сохранившееся въ дѣлахъ гимназическаго архива описаніе самаго открытаго испытанія. Назначено было четыре дня: 29 и 30 іюня, 1 и 2 іюля. Каждому изъ 4 старшихъ учителей назначенъ былъ день, въ который ученики были испытываемы изъ языковъ. Каждый изъ учителей наукъ предъ началомъ испытанія въ его предметѣ говорилъ привѣтственную рѣчь, а учитель языка—благодарственную. Послѣ привѣтственной рѣчи учитель раздавалъ посѣтителямъ программы пройденнаго имъ предмета и списки учениковъ съ „изображеніемъ" ихъ успѣховъ. Многіе изъ посѣтителей или сами предлагали вопросы, или по заданнымъ вопросамъ учителя вызывали къ отвѣту учениковъ по списку. Отличившихся учениковъ наградили книгами (10 человѣкъ), похвальнымъ листомъ (3-хъ), или прочитывались имена ихъ (1 уч.).

Желая поставить на прочныя основанія заведенія Министерства Народнаго Просвѣщенія и удержать учителей на высотѣ ихъ призванія, графъ Разумовскій убѣдился однако, что не всѣ они отличаются тѣми качествами,

---

[1]) Архивъ Тобольск. гимназіи 1812 г. стр. 184.

какія онъ хотѣлъ видѣть въ своихъ подчиненныхъ. Этимъ объясняется его циркулярное предложеніе отъ 31 января 1814 года: „Изъ доходящихъ ко мнѣ свѣдѣній къ крайнему прискорбію усматриваю я, что учителя, которые должны служить для учащихся примѣромъ въ поведеніи, не рѣдко обращаются въ пьянствѣ, такъ что дѣлаются неспособными къ отправленію должности. Въ прекращеніе сего предпишите, собравъ въ каждомъ учебномъ заведеніи учителей, объявить имъ, что, если кто изъ нихъ впредь будетъ замѣченъ обращающимся въ пьянствѣ, толь гнусномъ порокѣ, наипаче для наставника юношества, таковой не только лишится мѣста и будетъ исключенъ безъ аттестата, но сверхъ того еще опубликованъ въ вѣдомостяхъ". [1]) Другимъ циркуляромъ подтверждалось распоряженіе 1811 года о томъ, чтобъ учителя не употребляли въ училищахъ тѣлесныя наказанія; въ случаѣ нарушенія этого предписанія виновные немедленно отрѣшаются отъ должности. [2])

Въ этомъ году директоръ Эйбенъ, такъ много хлопотавшій объ открытіи Тобольской гимназіи и заботившійся о ней и послѣ ея открытія, переведенъ былъ въ Слободско-Украинскую гимназію. Къ сожалѣнію нужно сознаться, что Эйбенъ, начавъ такъ блестяще свою дѣятельность въ Тобольскѣ въ качествѣ директора, окончилъ ее съ позоромъ. При сдачѣ должности старшему учителю Набережнину за нимъ оказался недочетъ экономическихъ суммъ гимназіи въ 2517 р. 24½ к. Эта растрата объясняется тѣмъ, что Эйбенъ при многихъ хорошихъ качествахъ былъ плохимъ хозяиномъ, а въ то же время любилъ пожить на широкую ногу [3]), и главное, что часто не различалъ строго казенныхъ денегъ отъ своихъ. Всѣ эти деньги были взысканы съ Эйбена посредствомъ вычета изъ жалованья. На мѣсто Эйбена директоромъ Тобольской гимназіи былъ назначенъ Аргнгольдтъ, экстраординарный профессоръ хирургіи и повивальнаго искусства при Казанскомъ университетѣ. Время управленія Тобольской гимназіей Аргнгольдтомъ составляетъ лучшую страницу въ ея исторіи; его полезная и благотворная дѣятельность на пользу распространенія просвѣщенія въ Тобольской губерніи навсегда останется памятной.

Вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность онъ обратился въ Тобольскую городскую думу и просилъ ее, во исполненіе Высочайше утвержденнаго устава учебныхъ заведеній 118 и 162 статей ассигновать по 850 руб. въ годъ на учрежденіе въ Тобольскѣ трехъ приходскихъ училищъ—Богородицкаго, Благовѣщенскаго и Ильинскаго. Дума изъявила на это свое согласіе, и училища въ маѣ мѣсяцѣ были открыты. Такихъ же 25 приходскихъ училищъ открыты были и въ 23 комисарствахъ, общества которыхъ добровольно обязались построить дома для училищъ, содержать, отапливать и освѣщать ихъ „собственнымъ иждивеніемъ", взносить ежегодно по 250 руб. на жалованье учителю и на книги. Благодаря же усердію, трудамъ и настоянію

---

[1]) Архивъ Тобольской гимназ. 1814 г. стр. 970.

[2]) ibid. стр. 1013.

[3]) Это видно изъ долговъ, которые онъ уѣзжая оставилъ въ Тобольскѣ.

Аргольдта были сдѣланы частными лицами и обществами уѣздныхъ городовъ пожертвованія въ пользу имѣющихся открыться уѣздныхъ училищъ. Такъ Тюменское городское общество обязалось внести единовременно на поправку училищнаго дома 700 руб. Туринскій мѣщанинъ Шахмартовъ обязался выстроить для училища домъ. [1]) Ишимское общество обязалось купить или построить для училища домъ, а купецъ Еманаковъ предоставилъ безденежно на первый разъ для помѣщенія училища свой весьма удобный домъ; сверхъ того обществомъ пожертвовано было на книги и учебныя пособія 150 руб. Курганское общество навсегда обязалось отводить подъ училище три комнаты, а для учителей и смотрителя квартиры; на покупку книгъ при открытіи назначило внести 50 руб. Ялуторовское общество подписало 250 руб. Купецъ Быковъ обязался построить для училища домъ въ три комнаты. Березовское общество обязалось купить для училища домъ, на покупку котораго пожертвовало 499 руб. 50 коп. Общества 4-хъ уѣздныхъ городовъ обязались содержать на свой счетъ пять приходскихъ училищъ.

Заботясь о матеріальномъ обезпеченіи училищъ, Аргольдтъ не упустилъ изъ виду и учебной части. Для облегченія учениковъ при первоначальномъ обученіи чтенію и письму онъ ввелъ въ „общее употребленіе“ въ приходскихъ училищахъ „методъ ученія“, состоящій въ томъ, что ученики съ самаго вступленія въ школу начинаютъ учиться читать и вмѣстѣ съ тѣмъ писать. Учитель, объяснивъ на таблицѣ букву, пишетъ ее на черной доскѣ; каждый ученикъ, выговаривая написанную букву, списываетъ ее на черномъ столѣ, осыпанномъ мелкимъ пескомъ (разграфленномъ), и продолжаютъ повторять ее до тѣхъ поръ, пока научатся выговаривать и писать. Выучивъ весь алфавитъ, ученики продолжаютъ такимъ же образомъ упражняться въ цѣломъ предложеніи, потомъ уже начинаютъ писать на бумагѣ. Такой способъ обученія чтенію и письму въ настоящее время, при господствѣ въ школахъ звуковаго метода, кажется забавнымъ, но въ то время, когда въ школахъ царили способы силлабическій и буквослагательный, онъ являлся значительнымъ облегченіемъ для учащихся.

Но приходскія и уѣздныя училища не вполнѣ поглощали дѣятельность Аргольдта; онъ не меньшее вниманіе обращалъ и на состояніе гимназіи; во всѣ стороны гимназической жизни онъ вникалъ и всюду дѣлалъ улучшенія. Подъ руководствомъ его учителемъ Гаретовскимъ минералогическій кабинетъ былъ приведенъ въ систематическій порядокъ, книги фундаментальной библіотеки отдѣлены были отъ продажной; были сдѣланы подробныя описи той и другой библіотеки; устроенъ былъ травникъ растущихъ травъ въ Тобольской губерніи, имуществу гимназіи сдѣлана была опись. По его же инціативѣ каждое воскресенье ученики собирались послѣ обѣдни въ зданіе гимназіи и подъ руководствомъ учителей Менделѣева и Зибенгара упражнялись въ

---

[1]) Шахмартовъ вскорѣ обѣднѣлъ, такъ что домъ достроенъ былъ уже общественнымъ иждивеніемъ изъ суммы 800 руб., принадлежащей училищу.

„декламаторіи русскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ авторовъ или въ чтеніи своихъ собственныхъ сочиненій". По воскресеньямъ же происходили и педагогическія совѣщанія, на которыхъ изыскивались способы къ улучшенію преподаванія наукъ и языковъ и средствъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ учащихся. Результатомъ такихъ совѣщаній было введеніе въ гимназіи и уѣздныхъ училищахъ при преподаваніи географіи способа Гаспари, состоящаго въ томъ, что ученики, пройдя какое нибудь мѣсто по обыкновенной географической картѣ, повторяютъ тоже самое по картѣ Гаспари, отыскивая всѣ мѣста по градусамъ широты и долготы даннаго мѣста и наконецъ чертятъ тѣже мѣста на память на черной доскѣ мѣломъ.

Для чтенія учителей Арнгольдтомъ выписывались газеты и журналы: „Казанскія Извѣстія", „Московскія Вѣдомости", „Сынъ Отечества", „Духъ Журналовъ", „Демокритъ", „Амфіонъ". Желая день тезоименитства Императора Александра I сдѣлать памятнымъ для Тобольской гимназіи, Арнгольдтъ открылъ подписку между чиновниками гимназіи на сооруженіе образа свят. Александра Невскаго и апостоловъ Петра и Павла; денегъ собрано было 449 руб. 75 коп. Икона оправлена въ серебряную ризу [1]) вѣсомъ 5 фун. 10 зол. Въ настоящее время она стоитъ въ гимназическомъ залѣ; предъ нею два раза въ годъ—въ субботу предъ крестопоклонною недѣлей и накапунѣ Воздвиженія честнаго и животворящаго креста Господня въ присутствіи учащихъ и учащихся совершается всенощное бдѣніе.

Для исправленія лѣнивыхъ и нерадивыхъ учениковъ Арнгольдтъ употреблялъ мѣры, которыя и въ настоящее время педагогикой признаются раціональными. Во время отдохновенія между и послѣ уроковъ устраивались игры, къ которымъ допускались только ученики „рачительные", лѣнивые же и небрежные оставались въ классахъ и занимались „ученіемъ". Лѣтомъ игры происходили на дворѣ, для чего сдѣлано было 20 деревянныхъ ружей, устроены кегли и поставлена качель.

Но, къ сожалѣнію, такая полезная и благотворная дѣятельность Арнгольдта была непродолжительна. Въ слѣдующемъ году (1816) онъ былъ уволенъ отъ должности, благодаря тѣмъ неудовольствіямъ, которыя возникли между нимъ и Тобольскимъ губернаторомъ Бриномъ. Но объ этомъ мы скажемъ послѣ, теперь же укажемъ на одно важное распоряженіе Министра народнаго просвѣщенія, послѣдовавшее въ 1815 году. Распоряженіе это направлено къ тому, чтобы усилить дисциплину въ гимназіяхъ, вслѣдствіе чего были изданы „Правила надзиранія надъ учениками до начатія и окончанія классовъ". [2]) „Гг. директора, сказано въ этихъ правилахъ, имѣютъ учредить между учителями дежурство на слѣдующемъ основаніи: гг. учителя въ день своего дежурства должны приходить въ классъ по утру въ 7 час. и строго взыскивать со сторожей, чтобы классы были чисты и ученикамъ въ другомъ мѣстѣ не позволять собираться, какъ въ I классѣ; другіе классы не должны

[1]) Эту ризу сдѣлалъ мастеръ Шпильнеръ; она обошлась въ 510 руб.

[2]) Архивъ Тобол. гимназіи 1815 г. № 2-й стр. 397.

быть отперты безъ позволенія дежурнаго. Собравшихся учениковъ должно заставлять приготовляться къ ученію и не позволять имъ заниматься рѣзвостями. Въ 8 час. утра надлежитъ дать знать тѣмъ учителямъ, которые должны учить, чтобы они пришли разводить учениковъ по классамъ. Какъ скоро ученики сядутъ по мѣстамъ, то, сдѣлавъ имъ перекличку, отмѣтить всѣхъ тѣхъ, которые не пришли въ классъ. До полудня въ 11-ть час. дежурный долженъ объявить всѣмъ учителямъ, чтобы они кончили свои преподаванія. Изъ каждаго класса до тѣхъ поръ не выпускать обучающихся, пока каждый изъ нихъ не представитъ вкратцѣ изложеніе предмета своему учителю, который съ своей стороны, подписавъ имъ тетради, объявитъ дежурному учителю, кого изъ учениковъ за лѣность, нерадѣніе, шалости или позднiй приходъ не должно отпускать домой. Таковыхъ учениковъ дежурный отводитъ въ I классъ и заставляетъ ихъ заниматься повтореніемъ предметовъ, которыхъ они не выучили, или вытверживаніемъ вновь имъ заданнаго,—тоже самое должно наблюдать по очереди во второмъ, третьемъ и четвертомъ классѣ. Послѣ обѣда поступать также точно, какъ по утру. Учениковъ, неисполнившихъ своихъ обязанностей, держать въ I классѣ до 5 часовъ. При томъ ни подъ какимъ видомъ не должно распускать обучающихся вдругъ изъ всѣхъ классовъ, но изъ каждаго порознь, и отнюдь не позволять имъ при выходѣ останавливаться на лѣстницахъ, галлереяхъ и даже на улицѣ возлѣ гимназическаго дома, дѣлать разныя шалости и безчинства. Если же кто изъ учениковъ будетъ замѣченъ въ подобныхъ проступкахъ, таковыхъ обратно вводить въ классъ."

Что касается учителей, то этими правилами предписывалось, чтобы они всѣ являлись на уроки, а въ случаѣ отсутствія извѣщали письменно о томъ дежурнаго учителя, а послѣдній директора, который назначаетъ для занятія урока одного изъ преподавателей. Въ случаѣ отсутствія директора дежурный долженъ занять свободный урокъ или самъ или поручить его другому учителю. Учителя не должны распускать учениковъ безъ позволенія дежурнаго учителя, выходить безъ нужды съ уроковъ и оставлять учениковъ однихъ. Для исправленія нерадивыхъ учениковъ и шалуновъ предлагались этими правилами мѣры наказанія. Каждый ученикъ долженъ былъ имѣть тетрадь, въ которой рукой дежурнаго учителя отмѣчались всѣ его проступки. Въ этой же тетради родители или заступающіе ихъ мѣсто отмѣчали причину отсутствія ученика на урокахъ. За нехожденіе на уроки безъ уважительной причины, за шалости и нерадѣніе назначался карцеръ. Если ученикъ опоздалъ, то его по окончаніи уроковъ сажали въ карцеръ на время вдвое больше противъ того, сколько онъ опоздалъ. Если по окончаніи мѣсяца оказывалось, что ученикъ пропустилъ нѣсколько уроковъ безъ уважительной причины, то его запирали въ карцеръ на столько дней, сколько онъ не ходилъ на уроки. Сверхъ этого заведены были двѣ книги, изъ которыхъ въ одной записывались имена отличныхъ учениковъ, а въ другой нерадивыхъ и шалуновъ. Если кто изъ учениковъ просидѣлъ въ карцерѣ болѣе пяти сутокъ, имя такого записывалось въ книгу лѣнивыхъ съ отмѣткою, сколько дней онъ былъ въ карцерѣ и за что

именно. При всякомъ публичномъ собраніи обѣ книги прочитывались въ присутствіи публики. Если же кто изъ учениковъ въ теченіи года, полагая по среднему числу, въ каждый мѣсяцъ по нерадѣнію не былъ на урокахъ четыре раза, или поведеніе его было такъ худо, что онъ не могъ быть терпимъ въ гимназіи, такого исключали изъ заведенія. [1])

Къ этому же году относится и распоряженіе Министра, касающееся гигіеническихъ условій школъ. Директорамъ предписано было „приложить всемѣрное стараніе о соблюденіи живущими въ казенныхъ зданіяхъ чистоты въ квартирахъ, равно и о наблюденіи оной въ классахъ и другихъ мѣстахъ и о содержаніи здороваго воздуха въ училищахъ и вокругъ оныхъ.“ [2])

1816 годъ начался изданіемъ Министра народнаго просвѣщенія „Постановленія о наградахъ для благотворителей училищъ“. Дѣло въ томъ, что послѣ войны 12-го года финансы Россіи были крайне растроены; появились заразительныя болѣзни, къ этому присоединилась еще постоянно возрастающая дороговизна, которая тѣмъ сильнѣе давала себя чувствовать, что первоначально одинаковый курсъ бумажнаго рубля, въ ущербъ жалованья, понизился по отношенію къ курсу металлическаго рубля. [3]) „Просвѣщеніе дешево, а жизнь дорога, а по словамъ Горація—et genus et formam regina pecunia donat“, писалъ въ 1814 году митрополитъ Евгеній. [4]) Принимая все это въ соображеніе и желая помочь учебнымъ заведеніямъ въ матеріальномъ отношеніи, графъ Разумовскій вышеупомянутымъ постановленіемъ и обратился къ благотворительности частныхъ лицъ. Въ этомъ постановленіи сказано: 1) о всѣхъ лицахъ, сдѣлавшихъ пожертвованіе въ пользу учебныхъ заведеній, припечатывать въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ съ обозначеніемъ пожертвованій; 2) при училищахъ имѣть прошнурованную книгу въ лучшемъ сафьянномъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ для вписыванія именъ благотворителей; 3) лицъ, пожертвовавшихъ до 1000 руб., именовать почетными, а имена ихъ означать на большой подъ черный мраморъ сдѣланной доскѣ въ училищномъ залѣ; 4) за пожертвованіе 3000 руб. поставить портретъ благотворителя въ училищномъ залѣ, за 5000 руб. Высочайшій рескриптъ дается на имя пожертвователя; благотворители же изъ купечества награждаются золотыми медалями; 5) чиновника, пожертвовавшаго 20000 руб., представлять къ знаку отличія. Такія же почести ожидали и всѣхъ вліятельныхъ лицъ: предводителей дворянства, городскихъ головъ и тому под., если они склонятъ къ пожертвованіямъ подвластныя имъ общества. Въ 12 пунктѣ означена была награда за важныя пожертвованія по завѣщанію, заключавшаяся въ урнѣ или въ другомъ какомъ либо подобномъ памятникѣ, который ставился въ училищномъ залѣ. „Это распоряженіе, говоритъ г. Сухомлиновъ, весьма было бы умѣстно, съ легкими

---

[1]) Архивъ Тобол. гимназіи за 1815 г. № 2-й стр. 399.
[2]) ibid.—стр. 369.
[3]) Шмидъ стр. 100.
[4]) Ж. М. Народ. Просв., XCIV, 7, 17.

измѣненіями, и въ наше время, по мнѣнію всѣхъ, хорошо знающихъ понятія, интересы и обычаи жителей разныхъ городовъ и городковъ". [1])

Такимъ постановленіемъ Министра Аргнгольдтъ не замедлилъ воспользоваться. 4 іюля во время открытаго испытанія онъ устроилъ подписку въ пользу училищъ. Результаты получились блестящіе: собрано было 690 руб.

Мѣсяцъ спустя послѣ этого, а именно въ августѣ, въ Тобольскъ прибыли ординарный профессоръ и деканъ Казанскаго университета Эрдманъ и адъюнктъ формаціи Ренардтъ для изслѣдованія, согласно предписанію попечителя Казанскаго учебнаго округа Салтыкова, тѣхъ неудовольствій, которыя возникли между директоромъ Аргнгольдтомъ и гражданскимъ губернаторомъ фонъ-Бриномъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для обозрѣнія гимназіи и подвѣдомыхъ ей учебныхъ заведеній. На другой день послѣ своего пріѣзда визитаторы явились въ гимназію и въ присутствіи директора и всѣхъ учителей прочитали данное имъ отъ Казанскаго университета предписаніе, въ которомъ между прочимъ было сказано: „по всѣмъ ихъ (визитаторовъ) требованіямъ какъ относительно препорученнаго изслѣдованія, такъ и обозрѣнія безпрекословно и ни мало не медля чинить надлежащее исполненіе". Ревизія была очень подробная; визитаторы обратили свое вниманіе на всѣ стороны гимназической жизни: они затребовали отъ директора свѣдѣній о числѣ учащихся, о состояніи кабинетовъ физическаго, минералогическаго и естественнаго, о суммахъ, на которыя содержится гимназія, и гдѣ таковыя хранятся, о томъ, какими книгами и методомъ руководствуются учителя при преподаваніи, какія крайнія и необходимѣйшія „надобности и нужды по гимназіи", въ какомъ состояніи находятся дома, принадлежащіе гимназіи, и какія въ нихъ требуются поправки, соблюдается-ли въ точности уставъ гимназій и всѣ предписанія высшаго начальства, обнародованныя послѣ изданія устава, бываютъ-ли педагогическія совѣщанія и какъ часто. Ревизія продолжалась и въ слѣдующіе дни и состояла въ томъ, что визитаторы производили испытаніе ученикамъ. Послѣ осмотра и подробной ревизіи гимназіи визитаторы выразили директору и учителямъ свою благодарность за хорошее веденіе хозяйственной и учебной части. Учителя же, относя полученную благодарность визитаторовъ къ заслугамъ директора, поднесли ему благодарственный адресъ.

По окончаніи ревизіи гимназіи и подвѣдомыхъ ей училищъ визитаторы приступили къ исполненію другаго возложеннаго на нихъ порученія—къ изслѣдованію неудовольствій губернатора фонъ-Брина на директора Аргнгольдта. Начали они съ того, что предложили губернатору письменно изложить всѣ свои неудовольствія на директора, а отъ послѣдняго потребовали по этому поводу объясненій. Затѣмъ, какъ жалобы фонъ-Брина, такъ и объясненія на нихъ Аргнгольдта визитаторы отослали въ подлинникѣ въ совѣтъ Казанскаго университета, а Аргнгольдту впредь до рѣшенія дѣла совѣтомъ предписали руководствоваться слѣдующей инструкціей:

---

[1]) Учил. въ Ярослав. губерніи, 135.

1) „безъ предварительнаго увѣдомленія гражданскаго правительства относительно распространенія училищъ по Тобольской губерніи не дѣлать никакихъ убѣжденій и непосредственныхъ о томъ сношеній съ подчиненными сему правительству мѣстами и лицами";

2) во всѣхъ училищныхъ дѣлахъ, имѣющихъ какое либо отношеніе къ гражданскому правительству, сноситься непосредственно съ губернаторомъ [1]) „по формѣ отношенія";

3) воспретить училищнымъ чиновникамъ всякое частное сношеніе съ подвѣдомственными губернатору чиновниками и лицами безъ вѣдома и содѣйствія директора;

4) избѣгать всего того, что „причитаться можетъ преступленіемъ границъ круга учебнаго дѣйствія директора".

Въ концѣ инструкціи визитаторы прибавили, что впрочемъ они „не оставятъ отдать ему должную справедливость тамъ, гдѣ попечительное и ко благу споспѣшествующее начальство будетъ имѣть въ виду дѣйствительныя заслуги и подвиги его".

Въ день отъѣзда визитаторовъ изъ Тобольска учителя гимназіи и уѣзднаго училища преподнесли имъ благодарственный адресъ, въ концѣ котораго „усерднѣйше просятъ визитаторовъ употребить свое предстательство объ нихъ предъ знаменитымъ совѣтомъ Казанскаго университета". Ученикъ же II-го класса Поповъ сказалъ прощальную рѣчь. Вотъ эта рѣчь:

Достопочтенные визитаторы,
благотворители учащагося юношества!

Лучезарное солнце при появленіи своемъ на горизонтѣ величественно,—въ теченіи своемъ блистательно,—при захожденіи неописанно. Мы учащіеся въ началѣ видѣли въ васъ архонтовъ и цензоровъ; въ срединѣ—мудрыхъ цѣнителей просвѣщенія;—а нынѣ, питая въ сердцахъ своихъ дѣтскую любовь къ своимъ благотворителямъ, осмѣливаемся нарицать васъ, достопочтенные визитаторы, отцами своими. Милостивые государи! простите сію дѣтскую нашу смѣлость, примите сыновнюю благодарность за ваше къ намъ благоволеніе. Примите оную,—и мы дѣти осмѣливаемся увѣрятъ васъ, благотворители наши, что на изгибахъ сердецъ нашихъ будетъ вѣчно напечатлѣно ваше мнѣніе объ насъ. Вѣчно!—но вы, благотворители наши, отъ насъ удаляетесь,—удаляетесь для того, чтобы и прочихъ сдѣлать участниками въ той радости, которую всякъ чувствуетъ при оцѣнкѣ своихъ посильныхъ занятій. Съ одной стороны событіе горестное, съ другой радостное для каждаго изъ учащихся. Горестное, ибо мы лишаемся въ васъ представителей Императорскаго Казан-

---

[1]) Арнгольдтъ, имѣя въ виду составить статистическую, этнографическую и историческую записку о Тобольской губерніи, просилъ фонъ-Брина разрѣшить ему для сокращенія переписки за всѣми свѣдѣніями, которыя ему понадобятся, обращаться непосредственно къ городничимъ и исправникамъ и, если встрѣтится возможность, самому пользоваться архивомъ. Фонъ-Бринъ не уважилъ просьбы.

скаго университета; радостное, потому что и прочіе жаждутъ имѣть васъ свидѣтелями своихъ трудовъ. И такъ, разставаясь съ вами, благотворители наши, позвольте пожелать вамъ счастливаго пути, благополучнаго выполненія всѣхъ вашихъ предназначеній, заслужить отъ высшаго начальства достойное возмездіе за труды ваши, и да сопутствуетъ вамъ въ пути вашемъ ангелъ хранитель".

Хотя визитаторы и выразили директору и учителямъ свою благодарность и признательность за хорошее веденіе дѣла и за честное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, однако нельзя сказать, чтобы ревизія кончилась для Тобольской гимназіи благополучно. Совѣтъ Казанскаго университета, разсмотрѣвъ жалобы фонъ-Брина на Аргольдта и объясненія послѣдняго по этому поводу, пришелъ къ тому заключенію, что главная причина неудовольствій заключается въ томъ, что Аргольдтъ, стараясь объ открытіи уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, употреблялъ иногда мѣры, которыя гражданское правительство находило несовмѣстными съ постановленіями объ управленіи Сибирскимъ краемъ и почитало домогательствомъ со стороны директора дѣйствовать по ввѣренной ему части независимо [1]) отъ губернскаго начальства. „Хотя намѣренія директора весьма похвальны, но онъ заслуживаетъ порицанія за то, что, находясь при должности въ Сибири, не старался узнать постановленій сего края и чрезъ такое невѣдѣніе подалъ поводъ къ неудовольствіямъ; равномѣрно и за то, что прежде экзаменовъ предпринялъ путь въ уѣздные города [2]) и не употреблялъ никогда въ сношеніяхъ съ губернаторомъ законной формы". [3]) Принимая все это въ соображеніе, совѣтъ призналъ удаленіе Аргольдта изъ Тобольска необходимымъ, но въ виду его исправности и усердія къ службѣ, засвидѣтельствованнаго визитаторами, просилъ попечителя о представленіи исправляющему должность Министра „не благоугодно ли будетъ директора Симбирскихъ училищъ опредѣлить въ Тобольскъ, а Аргольдта въ Симбирскъ". Но эта просьба совѣта не была уважена. Аргольдтъ былъ уволенъ отъ должности директора.

Раньше нами было сказано, что съ 1812 года началось новое вѣяніе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. События 1812 года и въ особенности московскій пожаръ, какъ сознавался самъ Императоръ Александръ I, сильно

---

[1]) Аргольдтъ, исполняя уставъ учебныхъ заведеній, 118 и 162 статью, потребовалъ отъ думы открытія въ Тобольскѣ трехъ приходскихъ училищъ съ ассигнованіемъ на ихъ содержаніе 850 рублей ежегодно. Дума изъявила на это свое согласіе. Фонъ-Бринъ въ томъ поступкѣ Аргольдта, что онъ обратился съ требованіемъ прямо и непосредственно въ думу, а не чрезъ него, увидѣлъ умаленіе своей власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нарушеніе Высочайше утвержденныхъ 1803 года предварительныхъ правилъ Народнаго Просвѣщенія (§ 12) и 1804 года устава учебныхъ заведеній (§ 68). Съ этого-то и начались между ними неудовольствія.

[2]) Въ 1815 г. Аргольдтъ въ іюнѣ отправился въ уѣздные города для ревизіи училищъ съ тѣмъ, чтобы возвратиться къ открытому испытанію, но на дорогѣ заболѣлъ, и экзамены произведены были безъ него вопреки устава § 80.

[3]) Аргольдтъ сносился иногда съ губернаторомъ не по формѣ отношеній, а въ видѣ „партикулярныхъ писемъ".

повліяли на его впечатлительную душу и утвердили его въ мысли о непостижимыхъ путяхъ Провидѣнія. Съ этого времени государь рѣшился „посвятить себя и все свое царствованіе Господу и распространенію Его Славы". Въ этомъ же направленіи дѣйствовали и самые близкіе къ государю люди. Съ 1812 года начинается быстрое распространеніе въ Россіи Свящ. Писанія при помощи библейскаго общества, находившагося подъ покровительствомъ государя, усиливается преподаваніе Закона Божія въ школахъ, и этотъ предметъ ставится въ число главныхъ. Вообще во всей дѣятельности правительства и Министерства народнаго просвѣщенія начинается рѣшительная реакція тому матеріализму, который получилъ сильное развитіе въ Россіи съ конца XVIII вѣка. Подъ вліяніемъ новаго взгляда на воспитаніе со стороны государя, Министръ народнаго просвѣщенія Разумовскій, несочувствовавшій этому реакціонному направленію, вышелъ въ отставку въ 1816 году. Его мѣсто занялъ съ ноября 1817 года князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. Этотъ государственный дѣятель, хотя и былъ воспитанъ на сочиненіяхъ энциклопедистовъ XVIII вѣка и въ молодыхъ лѣтахъ извѣстенъ былъ высшему петербургскому обществу своими безукоризненными свѣтскими манерами, своими успѣхами на паркетѣ, остротами, бойкостью рѣчи и щегольствомъ, сдѣлавшись Министромъ народнаго просвѣщенія, вѣроятно изъ угожденія государю, вполнѣ предался мистицизму и религіозному направленію; такъ, напримѣръ, „Вѣстникъ Сіона", запрещенный имъ [1]) въ 1806 году, въ 1817 году вновь получилъ дозволеніе издаваться съ посвященіемъ его Господу Іисусу Христу. Какъ далеко простиралось это направленіе, видно изъ слѣдующаго показанія Карамзина: въ „Инвалидѣ" было сказано, что Евангеліе не совсѣмъ хорошо, а хороша мистическая книга, переведенная Корнеевымъ: „Philosophie divine". Новое направленіе правительства не замедлило обнаружиться на практикѣ. Указомъ 24 октября 1817 года Министерство народнаго просвѣщенія было преобразовано въ Министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, „дабы христіанское благочестіе, какъ сказано въ указѣ, было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія".

Дѣятельность новаго Министра народнаго просвѣщенія и его взгляды прежде всего отразились на порядкахъ въ университетѣ и школахъ Казанскаго округа, къ которому принадлежала, какъ намъ извѣстно, и Тобольская гимназія. Попечителемъ этого округа какъ разъ въ это время (1819 г.) былъ назначенъ извѣстный Магницкій, который, подобно Голицыну, также воспитался на сочиненіяхъ философовъ XVIII вѣка и въ молодости отличался свободомысліемъ и страстью къ либерализму, но подъ старость сдѣлался мистикомъ и религіознымъ до фанатизма. Впрочемъ Магницкій, не отличаясь глубокимъ умомъ, не могъ оказать сильнаго вліянія на развитіе истиннаго образованія въ Казанскомъ округѣ, и вслѣдствіе своеобразнаго взгляда на воспитаніе даже нѣсколько затормозилъ дѣло. Послѣ ревизіи Казанскаго университета и

---

[1]) Голицынъ былъ тогда оберъ-прокуроромъ Свят. Синода.

гимназій Магницкій былъ такъ враждебно настроенъ, особенно противъ университета, что предлагалъ даже публично разрушить его для примѣра другимъ, такъ какъ, по его мнѣнію, всѣ профессора Казанскаго университета были заражены духомъ невѣрія и исправить ихъ не было никакой возможности. Подъ вліяніемъ такого взгляда Магницкій началъ свою дѣятельность въ роли попечителя Казанскаго округа. Тотчасъ по вступленіи въ должность онъ разослалъ по всѣмъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ распоряженіе о томъ, „чтобы было обращено особенное вниманіе, дабы общій языкъ ученаго свѣта (латинскій), который хранитъ всѣ сокровища просвѣщенія вѣковъ протекшихъ, изящный вкусъ образованнѣйшихъ народовъ, духъ людей великихъ, которые на немъ мыслили, не былъ допускаемъ къ упадку“. [1]) Рядомъ съ этою мѣрой относительно поднятія латинскаго языка тѣмъ же распоряженіемъ предписывалось, чтобы „также строжайше наблюдаемо было во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ о тщательномъ обученіи учениковъ Закону Божію, ибо ученость безъ знанія Бога—Откровеннаго не можетъ поставить благонадежнаго военнаго и гражданскаго чиновника“, вмѣстѣ съ тѣмъ запрещалось разрѣшать открывать пансіоны, если въ нихъ не будетъ преподаваться Законъ Божій. Въ это же время по распоряженію попечителя округа въ Тобольской гимназіи сдѣлано было одно нововведеніе, а именно: каждое утро, за полчаса до начала уроковъ, всѣ ученики собирались въ залѣ и имъ читалась одна глава изъ Новаго Завѣта; такія же чтенія происходили по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. [2])

Почти одновременно съ назначеніемъ Магницкаго попечителемъ Казанскаго округа произошло по распоряженію Министра народнаго просвѣщенія значительное измѣненіе учебнаго плана гимназій. Изъ числа учебныхъ предметовъ, положенныхъ въ гимназіяхъ уставомъ 1804 года, исключены были: 1) начальный курсъ философскихъ и изящныхъ наукъ, 2) начальныя основанія политической экономіи, 3) начальныя основанія наукъ, относящихся до торговли, и 4) основанія технологіи, такъ что за исключеніемъ этихъ предметовъ съ 1819 года гимназическій курсъ составляли: 1) чтенія изъ Свящ. Писанія, 2) латинскій, французскій, нѣмецкій языки, а также и греческій языкъ для желающихъ, 3) дополнительный курсъ географіи и исторіи, включая въ сію послѣднюю миѳологію и древности, 4) общая и частная статистика Россійскаго государства, 5) логика и риторика, 6) курсъ чистой математики, изъ прикладной—начало механики, 7) курсъ опытной физики и естественной исторіи, 8) рисованіе. По новому росписанію предметовъ число уроковъ было слѣдующее: логика, риторика и поэзія—20, математика—18, исторія, географія и статистика—18, естественная исторія и языки латинскій, нѣмецкій и французскій по 16.

Такимъ образомъ уставъ гимназій, просуществовавъ только 15 лѣтъ, оказался несостоятельнымъ и потребовалъ значительныхъ измѣненій учебныхъ

---

[1]) Архивъ Тобол. гимназіи 1819 г. № 4-й стр. 497.

[2]) Архивъ Тобол. гимназіи за 1819 г. № 5-й стр. 443.

плановъ. Главнѣйшей причиной такой несостоятельности былъ энциклопедизмъ гимназическаго курса. Дѣйствительно, гимназическій курсъ по уставу 1804 г. заключалъ въ себѣ такую массу учебнаго матеріала, что ни одинъ изъ преподавателей при незначительномъ числѣ уроковъ не въ состояніи былъ выполнить программы и по необходимости долженъ былъ ограничивать свое преподаваніе только сухимъ очеркомъ той или другой науки, что лишало его преподаваніе основательности, этого необходимаго условія для развитія учащихся и для обогащенія ихъ дѣйствительными, а не мнимыми знаніями. Извѣстно, что въ числѣ предметовъ этого курса весьма важную роль играли естественныя и философскія науки, но первыя не могли быть правильно поставлены по недостатку хорошихъ учебниковъ и учебныхъ пособій, а вторыя, требующія болѣе зрѣлаго ума, ограничивались сухой философской терминологіей, преподавались самымъ поверхностнымъ образомъ, а поэтому и не могли принести существенной пользы. Изученіе латинскаго языка при маломъ числѣ уроковъ также не достигло цѣли и мало вносило въ общее развитіе учениковъ. [1])

Хотя росписаніемъ 1819 года и было уничтожено преподаваніе философіи, всеобщей грамматики и многаго прочаго, но оставалась еще въ программѣ гимназическаго курса риторика, напоминавшая средневѣковое мудреное ученіе, извѣстное подъ названіемъ: „Trivium et Quadrivium“. Горькое растеніе было вырвано, но корни его еще остались.

Рядомъ съ измѣненіемъ учебныхъ плановъ гимназій были приняты мѣры, чтобы учителя провѣряли проходимое учениками, вслѣдствіе чего введены были ежемѣсячныя испытанія, продолжавшіяся по 8 час. въ день въ первые два дня каждаго мѣсяца. Для оцѣнки успѣховъ и поведенія учениковъ принята была 4-хъ бальная система: 4—отлично, 3—хорошо, 2—нехудо, 1—слабо, тогда какъ до этого времени учителя въ ежемѣсячныхъ своихъ вѣдомостяхъ, подаваемыхъ директору, познанія учениковъ, ихъ прилежаніе и поведеніе отмѣчали словами: способенъ, тупъ, прилеженъ, лѣнивъ, смиренъ, шалунъ и т. д.; при открытыхъ же испытаніяхъ познанія учениковъ оцѣнивались шарами. Дѣло было такъ: за недѣлю до испытанія учителя подавали директору отчетъ, сообразный тому, который они обязаны были подавать ежемѣсячно, но болѣе подробный, особенно объ успѣхахъ учениковъ. Директоръ для каждой науки, соображаясь съ важностью и обширностью ея, назначалъ извѣстное число шаровъ. Такъ, напримѣръ, если числомъ 90 означалась степень совершенства въ алгебрѣ, то знанія ученика, окончившаго уже первоначальныя дѣйствія съ количествами простыми и сложными, учитель означалъ числомъ 20; для тѣхъ же учениковъ, которые знаютъ рѣшеніе уравненій первой степени, прибавлялъ 10 шаровъ, второй—15, третьей—20, четвертой—25. Сумма чиселъ, назначенныхъ каждому ученику, опредѣляла мѣсто, какое онъ долженъ занимать между товарищами. Такъ какъ такое

[1]) Историческая записка о Тамбовской гимназіи, составилъ Г. М. Холодный. 1886 г.

мѣсто назначалось посредствомъ „нѣкотораго баллотированія", то и дано было этимъ числамъ названіе шаровъ.

Въ 1820 году по распоряженію попечителя Магницкаго назначена была ревизія всѣхъ учебныхъ заведеній Казанскаго округа. Постояннымъ визитаторомъ сначала Тобольскихъ, а потомъ и всѣхъ сибирскихъ училищъ назначенъ былъ, по вліянію извѣстнаго государственнаго дѣятеля двухъ царствованій М. М. Сперанскаго, бывшаго въ это время Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, находившійся съ послѣднимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ и перепискѣ статскій совѣтникъ Петръ Андреевичъ Словцовъ, впослѣдствіи авторъ „Историческаго обозрѣнія Сибири". Въ біографіи П. А. Словцова, [1]) написанной Абрамовымъ, по мѣстамъ встрѣчаются самые похвальные отзывы объ его дѣятельности по службѣ, какъ гражданской, такъ и учебной, о возвышеніи имъ уровня образованія въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ цѣлой Сибири; говорится также и о томъ, что Словцовъ былъ особенно честенъ, смѣлъ и врагъ притѣсненій и несправедливости, былъ строгъ въ образѣ жизни, чуждался всѣхъ свѣтскихъ удовольствій, ни одного дня не отдавалъ въ жертву праздности, что даже и приверженныхъ къ нему лицъ посѣщалъ только изрѣдка, что и эти лица собирались къ нему для серьезныхъ бесѣдъ наиболѣе только по праздникамъ, что онъ каждодневно по утрамъ около часу посвящалъ на молитву, а затѣмъ читалъ евангеліе, Ѳому Кемпійскаго или другаго какого-либо благочестиваго писателя. Но у Словцова есть и другой, гораздо болѣе авторитетный и компетентный сравнительно съ Абрамовымъ цѣнитель и его дѣятельности и его жизни—такой, который зналъ его и въ молодости, и въ лѣтахъ мужества, зналъ въ счастьѣ и несчастьѣ, который даже не мало времени жилъ съ нимъ —вмѣстѣ съ нимъ учился, вмѣстѣ служилъ и всегда былъ искреннимъ его другомъ—это графъ М. М. Сперанскій. Въ двухъ письмахъ своихъ къ Столыпину, писанныхъ послѣ свиданій съ Петромъ Андреевичемъ въ Иркутскѣ и Тобольскѣ, Сперанскій дѣлаетъ о немъ еще лучшіе, еще болѣе выгодные отзывы. „Словцовъ, пишетъ Сперанскій отъ 19 ноября 1819 года, сталъ еще лучше, еще умнѣе, нежели былъ. Уединеніе освѣжило его мысли и успокоило его душу до того, что, кажется, онъ ничего не желаетъ и готовится умереть спокойно; въ свое время я буду сильно о немъ ходатайствовать". Въ другомъ письмѣ изъ Тобольска Сперанскій пишетъ: „Здоровье Словцова плохо, какъ и прежде, но умъ свѣжъ—весь (онъ) въ благочестіи, чего однако не жаль: ибо благочестіе стоитъ дѣлъ, чтобы у васъ ни говорили". [2]) Понятно, что человѣкъ съ такими качествами, какъ Словцовъ, занимая должность постояннаго визитатора Сибирскихъ училищъ, имѣя постоянное жительство въ Тобольскѣ, несомнѣнно принесъ Тобольской гимназіи своими дѣльными совѣ-

---

[1]) Тобольскія Губернскія Вѣдомости за 1858 г. № 34 стр. 547—556 и Чтеніе въ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ.

[2]) Русскій Архивъ 1871 г. № 3 стр. 472 и 480.

тами и указаніями какъ по части учебной, такъ и по хозяйственной большую пользу.

Послѣ Словцова Тобольская гимназія весьма недолго оставалась въ подчиненіи попечителя Казанскаго учебнаго округа, но уже постоянныхъ визитаторовъ назначаемо не было, такъ что Словцовъ былъ первымъ и послѣднимъ визитаторомъ Сибирскихъ училищъ; равно и Казанскій университетъ уже не посылалъ изъ среды своей профессоровъ для ревизіи Тобольской гимназіи. 25 марта 1829 года Тобольская гимназія согласно Высочайшему указу 8 декабря 1828 года была изъята (по затруднительности Казанскому университету имѣть надзоръ за учебными заведеніями въ отдаленной Сибири) изъ вѣдомства Казанскаго учебнаго округа и подчинена Тобольскому гражданскому губернатору на правахъ попечителя училищъ, а съ 1836 года генералъ-губернатору Западной Сибири.

Къ этому времени относятся особыя предписанія начальства объ изъятіи изъ библіотекъ нѣкоторыхъ вредныхъ книгъ. Магницкій въ качествѣ попечителя Казанскаго округа и его другъ Руничъ, возвысившійся изъ сержантовъ гвардіи до высокаго званія члена Главнаго Правленія училищъ, воздвигли гоненія на нѣкоторыя сочиненія, которыя, по ихъ мнѣнію, не только были вредны, но и опасны для общественнаго спокойствія.

Къ числу такихъ книгъ причислено было сочиненіе профессора Куницына „О естественномъ правѣ", а также „Размышляющій человѣкъ" Ермакова и „неистовая и богопротивная піеса" Фонъ-Визина: „Посланіе къ слугамъ Шумилова Ванькѣ и Петрушкѣ". [1]) Начальство требовало, чтобъ всѣ эти и имъ подобныя книги были изъяты изъ библіотекъ и представлены въ университетъ. На ряду съ этими книгами изъ библіотеки Тобольской гимназіи отобрано было сочиненіе, хотя и неуказанное въ предписаніи высшаго начальства, но найденное визитаторомъ Словцовымъ „самымъ нечестивымъ" „Recherche sur l'origine du despotisme oriental", а также „Вольтеровъ театръ". [2])

Въ связи съ этимъ распоряженіемъ находится и предписаніе Магницкаго 1822 г., чтобъ ученики всѣхъ учебныхъ заведеній имѣли священныя книги „для собственнаго упражненія", при чемъ предписывалось гимназіямъ казенныхъ воспитанниковъ надѣлять упомянутыми книгами изъ свободныхъ суммъ, а тѣхъ изъ нихъ, которые по окончаніи курса поступаютъ въ университетъ, „напутствовать библіею" изъ суммъ на награжденіе; изъ своекоштныхъ учениковъ „ни одного ни принимать въ училище, ни оставлять въ немъ, если родители не снабдятъ его книгами Свящ. Писанія, ибо какую надежду могутъ подавать дѣти тѣхъ родителей, кои не будутъ хотѣть, чтобы дѣти ихъ наставляемы были въ Законѣ Божіемъ".

Чтобы покончить съ этимъ періодомъ времени, намъ слѣдуетъ указать

[1]) Архивъ Тоб. гимназіи за 1821 г. № 6, стр. 197.

[2]) Замѣчательно, что послѣднее сочиненіе пожертвовано было гимназіи самимъ Словцовымъ.

на нѣкоторыя явленія въ жизни Тобольской гимназіи и на нѣкоторыя распоряженія Министерства Народнаго Просвѣщенія, которыя, имѣя значеніе общихъ распоряженій, вмѣстѣ съ тѣмъ коснулись и Тобольской гимназіи. Такъ въ 1824 г. въ Тобольской гимназіи получено было изъ Казанскаго университета предписаніе о томъ, чтобы отъ чиновниковъ Министерства Народнаго Просвѣщенія были отобраны подписки въ томъ, что они не принадлежатъ къ масонскимъ ложамъ или къ другимъ тайнымъ обществамъ имперіи. Распоряженіе это объяснялось тѣмъ, что „во многихъ государствахъ отъ существованія тайныхъ обществъ подъ названіемъ масонскихъ ложъ, имѣвшихъ первоначально благотворительныя цѣли, а впослѣдствіи, занимаясь сокровенно предметами политическими, обратились во вредъ государству и были причиной безпорядковъ". Изъ дѣлъ видно, что въ Тобольской гимназіи никто не принадлежалъ къ тайнымъ обществамъ.

Въ томъ же году было предписано, чтобы въ училищахъ предъ началомъ уроковъ и послѣ читались по прилагаемымъ образцамъ молитвы, которыя еще были введены при Екатеринѣ II въ 1789 г. Наконецъ 1827 г. по предписанію Министра Народнаго Просвѣщенія Шишкова преподаваніе отечественнаго языка въ гимназіяхъ поставлено было на болѣе прочныя основанія —введеніемъ изученія славянскаго языка по грамматикѣ Пенинскаго. Этими тремя предписаніями и ограничиваются болѣе или менѣе интересныя министерскія распоряженія, коснувшіяся Тобольской гимназіи за разсматриваемый нами періодъ.

Слѣдуя намѣченному плану, намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть статистику учащихся за все разбираемое нами время, затѣмъ учебную часть, состояніе библіотеки, физическаго и минераллогическаго кабинетовъ, и другихъ учебныхъ пособій, состояніе зданія гимназіи и учрежденнаго при ней пансіона и закончить нашу статью перечисленіемъ всѣхъ лицъ, служившихъ въ гимназіи въ разсматриваемый нами періодъ.

При открытіи Тобольской гимназіи изъ 105 учениковъ Главнаго народнаго училища въ нее поступило 36 учениковъ. Въ періодъ времени съ 1810 по 1836 годъ это число учащихся подвергалось различнымъ колебаніямъ, то уменьшаясь, то увеличиваясь, что ясно видно изъ слѣдующей таблицы:

Годъ.	Всего учениковъ.	Дѣтей чиновниковъ	Дѣтей купцовъ.	Дѣтей мѣщанъ.	Дѣтей духовныхъ.	Дѣтей крестьянъ.	Дѣтей военнаго вѣдомства.	Число кончившихъ курсъ.
1811		н е	и з	в ѣ	с т	н о.		
1812		н е	и з	в ѣ	с т	н о.		
1813	25	21	2	—	—	2	—	3

1814	23	21	1	—	—	1	—	неизвѣстно.
1815	26	22	2	2	—	—	—	3
1816	26	18	3	5	—	—	—	4
1817	18	10	2	4	—	2	—	2
1818	16	11	1	2	—	2	—	1
1819	21	11	1	7	—	2	—	7
1820	24	16	2	1	—	—	5	2
1821	36	17	4	7	—	5	3	4
1822	30	12	3	4	—	4	7	6
1823	25	10	3	3	—	2	7	2
1824	26	19	1	2	—	1	3	5
1825	34	20	1	3	—	1	9	8
1826	42	24	2	4	—	1	11	4
1827	40	24	1	4	—	2	9	6
1828	45	36	2	3	1	2	1	6
1829	41	34	1	2	1	2	1	5
1830	39	33	—	4	1	—	1	6
1831	38	36	—	—	1	1	—	5
1832	50	48	—	—	1	1	—	неизвѣстно.
1833	51	48	1	1	—	1	—	7
1834	41	36	1	2	—	2	—	9
1835	41	33	2	5	—	1	—	7

Такимъ образомъ изъ таблицы видно, что 1) самый неблагопріятный годъ въ отношеніи количества учениковъ былъ 1818-й, когда учащихся во

всѣхъ 4-хъ классахъ было только 16 человѣкъ, а самый благопріятный 1833, когда число это возросло до 51. Среднее годовое число учащихся въ этотъ періодъ было 33, число довольно незначительное. Имѣя въ виду увеличить число учащихся, директора Тобольской гимназіи неоднократно принимали къ тому различныя мѣры. Такъ, Эйбенъ въ 1809 году просилъ губернатора запретить частнымъ лицамъ, неимѣющимъ аттестата и дозволеній отъ учебныхъ заведеній, обучать дѣтей въ частныхъ домахъ. Съ тою же просьбою обращался къ губернатору и директоръ Протопоповъ въ 1820 г. Директоръ Арнгольдтъ въ 1815 г. просилъ тоже губернатора не принимать въ гражданскую службу неимѣющихъ аттестата отъ учебныхъ заведеній на основаніи Высочайше утвержденныхъ въ 1803 году предварительныхъ правилъ Народнаго Просвѣщенія, „чтобы тѣмъ пріохотить юношество къ поступленію въ гимназію". Всѣмъ штатнымъ смотрителямъ предписано было (въ 1820 г.) директоромъ гимназіи склонять родителей учащихся въ уѣздныхъ училищахъ отправлять своихъ дѣтей въ гимназію для продолженія ученія. Почтамскимъ чиновникамъ предложено было сибирскимъ почтъ-директоромъ отсылать своихъ дѣтей по окончаніи ими курса въ уѣздныхъ училищахъ въ гимназію. Но всѣ эти мѣры мало помогали дѣлу. Главная причина этого явленія въ высшей степени печальнаго заключалась въ томъ, что возвышенныя и благородныя стремленія правительства не нашли отклика въ современномъ обществѣ. Всѣ слои общества отнеслись къ образовательной реформѣ или апатично, или враждебно. Оно и понятно. Большая часть общества коснѣла еще въ невѣжествѣ и бѣгала отъ одного имени просвѣщенія. Городскіе жители считали ужъ роскошью, если дѣти ихъ оканчивали курсъ въ уѣздномъ училищѣ, въ большинствѣ же случаевъ оставались довольны, если дѣти научались читать и писать, чтобы потомъ быть имъ помощниками. Чиновники хотя и съ большею охотою сравнительно съ другими сословіями отдавали своихъ дѣтей въ гимназію, однако послѣдніе по большей части оставляли ученіе до окончанія курса. Такое безотрадное явленіе объясняется чисто практическимъ соображеніемъ. Оставлявшіе ученіе до окончанія курса безпрепятственно принимались въ гражданскую службу и, пріобрѣтя въ ней опытность, имѣли чрезъ это по службѣ преимущество предъ своими товарищами, которые поступали на то же поприще по окончаніи курса (нѣсколько позднѣе). Если ко всему этому прибавить и то обстоятельство, что тогдашній курсъ гимназическій скорѣе пригоденъ былъ для университетовъ и лицеевъ, чѣмъ для гимназій, то тогда вполнѣ становится понятною та непопулярность, которою пользовались наши гимназіи за 60—70 лѣтъ тому назадъ. Тогда даже названіе „гимназія", еще новое у насъ, не для всякаго было понятно.

Что касается учебнаго дѣла, то нельзя сказать, что оно въ Тобольской гимназіи за разсматриваемый періодъ было въ цвѣтущемъ состояніи. Хотя программа гимназіи была довольно значительна, но она не выполнялась, потому что была не подъ силу ученикамъ, а иногда и учителямъ, изъ которыхъ не всѣ были съ университетскимъ образованіемъ (Помаскинъ, Набережнинъ,

Пискаревъ, Сосуновъ). Вообще въ то время нельзя было и предъявлять серьезныхъ и строгихъ требованій. Общество не понимало пользы серьезнаго образованія, а по этому не особенно налегало на прилежаніе дѣтей, и если въ наше время встрѣчаются еще родители, которые отдаютъ своихъ дѣтей въ гимназію только для того, чтобы дѣти не баловались дома, то въ то время это было заурядное явленіе. При такомъ отношеніи къ образованію со стороны родителей нельзя было требовать прилежанія отъ дѣтей, потому что дѣти всегда требуютъ не только наставленія, но и настоянія со стороны старшихъ. Ученики, предоставленные самимъ себѣ, опускали уроки и часто безъ уважительныхъ причинъ. Такъ въ 1820 г. за 2-ю половину 33-мя учениками гимназіи пропущено 3340 уроковъ, т. е. больше, чѣмъ по 101 уроку каждый. Въ $18^{15}/_{16}$ г. 28 учениковъ, обучавшихся рисованію, не были на урокахъ 1285 разъ, сверхъ того опоздали 703 раза. 2 ученика опустили болѣе 100 уроковъ, 6 учениковъ болѣе 50, 1 ученикъ опоздалъ болѣе 100 разъ, 3 ученика болѣе 50. За тотъ же годъ у преподавателей Менделѣева и Пискарева опаздываній было 103. Нѣкоторые ученики по лѣности не ходили на уроки по цѣлымъ мѣсяцамъ. Учитель Вознесенскій въ отчетной вѣдомости за октябрь мѣсяцъ 1815 года противъ учениковъ Богданова и Потапова не сдѣлалъ никакихъ отмѣтокъ о способностяхъ, прилежаніи и поведеніи, оправдываясь тѣмъ, что первый рѣдко ходилъ на уроки, а второй никогда. За апрѣль мѣсяцъ и май 1815 г. 23 учениками пропущено 44 урока по лѣности, въ октябрѣ по той же причинѣ 29 уроковъ. Въ 1821 г. попечитель, разсмотрѣвъ вѣдомости объ успѣхахъ, поведеніи и прилежаніи учениковъ, сдѣлалъ запросъ директору, почему многіе изъ учениковъ болѣе половины уроковъ пропускаютъ безъ уважительныхъ причинъ. Да и тѣ ученики, которые приходили въ гимназію, большею частью являлись неисправными, не зная уроковъ. 17 декабря 1817 года Менделѣевъ рапортомъ донесъ директору, что ученики 3 класса, „не смотря на многія и частыя увѣщеванія, болѣе и болѣе докоснѣваютъ въ лѣности, не выучиваютъ уроковъ, не подаютъ упражненій и являются совершенно неисправными“. У того же преподавателя за $18^{15}/_{16}$ г. было неисправныхъ отмѣтокъ 478. Въ 1818 г. учитель Яблонскій доносилъ директору, что ученики почти всѣ, исключая двухъ (Горева и Пассека), не носятъ никогда на уроки французскаго и латинскаго языковъ ни чернилъ, ни перьевъ, ни грамматикъ, что ученики 3 класса никогда не выучиваютъ задаваемыхъ имъ уроковъ. Естественно, что при такомъ положеніи дѣла и ученіе шло черепашьимъ шагомъ, и познанія учениковъ были весьма слабы. Въ 1820 г. за августъ мѣсяцъ учениками 3 класса пройдена была одна только теорема, въ 1 классѣ по нѣмецкому языку за августъ мѣсяцъ и сентябрь не выучились читать и писать, въ октябрѣ мѣсяцѣ ученики 1 класса по латинскому языку дошли только до выговора буквы g. Въ 1816 году въ декабрѣ Сосуновъ, назначенный учителемъ латинскаго языка на мѣсто вышедшаго въ отставку Бѣлорусцева, рапортомъ доносилъ директору, что „ученики 1 класса, не исключая второкурсниковъ, найдены въ первоначальныхъ правилахъ грам-

матики весьма недостаточными; нѣкоторые изъ нихъ не умѣютъ ни читать, ни писать; ученики остальныхъ классовъ прошли до неправильныхъ глаголовъ, немало не касаясь синтаксиса; а изъ этого видно, что Бѣлорусцевъ занимался переводами только съ латинскаго языка на русскій". Путь этотъ Сосуновъ называетъ новымъ и страннымъ, „ибо нельзя требовать и ожидать отъ учениковъ правильнаго перевода, если они не знаютъ синтаксиса, а потому нѣкоторые ученики, сберегая время для другихъ предметовъ, оставляли изученіе латинскаго языка, проучившись три года". Въ 1818 г. Яблонскій доносилъ директору, что ученики 2 класса весьма непослушливы и не смотря ни на какія убѣжденія не повторяютъ старыхъ уроковъ по латинскому и французскому языку, а „потому успѣхи ихъ весьма слабы". Въ 1814 году Менделѣевъ жаловался, что ученики не имѣютъ ни прописей, ни грамматикъ, даже ученики IV класса нѣкоторые не въ состояніи по нѣмецкому языку не только переводить, но читать и писать, а тѣмъ болѣе ученики III, II и I классовъ. Вообще учебное дѣло было неудовлетворительно и ученіе шло малоуспѣшно до такой степени, что уже неоднократно начальство Казанскаго учебнаго округа дѣлало директору запросъ объ этой малоуспѣшности и ставило на видъ Тобольской гимназіи то обстоятельство, что ученики ея, поступившіе въ университетъ, оказывались неудовлетворительными и не могли продолжать дальнѣйшаго образованія. Въ 1820 г. всѣмъ учителямъ сдѣланъ былъ строгій выговоръ попечителемъ за то, что по окончаніи курса одинъ изъ лучшихъ учениковъ Бабушкинъ не выдержалъ пріемнаго экзамена въ Казанскій университетъ.

Изъ дѣлъ Тобольской гимназіи мы не можемъ видѣть, какъ собственно велось преподаваніе въ классахъ, но думаемъ, что оно велось не лучше, какъ и въ другихъ школахъ такого же типа, о которыхъ отзывы современниковъ весьма неблагопріятны. [1]) Въ отчетахъ учителей Тобольской гимназіи о пройденномъ часто встрѣчаются выраженія: „пройдено отъ такого-то параграфа до такого" или „отъ такой-то страницы до такой-то", изъ чего можно весьма основательно заключить, что не только пройденное, но и задаваемое измѣрялось страницами и параграфами, а не содержаніемъ, которое было на второмъ планѣ. Что касается метода въ преподаваніи, то въ дѣлахъ Тобольской гимназіи по этому вопросу только одно есть упоминаніе. Въ 1816 году на вопросъ визитаторомъ учителямъ, какими методами они пользуются, одинъ только Менделѣевъ отвѣтилъ, что при прохожденіи курса вновь пользуется методомъ синтетическимъ, а при повтореніи аналитическимъ. Остальные учителя на этотъ вопросъ ничего не отвѣтили. Вообще не видно, чтобы учителя гимназіи знакомы были съ самыми общими педагогическими пріемами, и многіе изъ нихъ ограничивались просто задаваніемъ уроковъ, мало обращали вниманія на развитіе учениковъ, рабски держались учебниковъ и вообще

---

[1]) Погодина „Школьныя воспоминанія" 1814—1820 г., Аксакова „О занятіяхъ въ Казанской гимназіи".

вели дѣло преподаванія какъ нибудь и при томъ въ схоластическомъ духѣ. О характерѣ преподаванія и о программѣ проходившихся наукъ можно еще составить понятіе по учебникамъ, которые въ то время были въ употребленіи. Вотъ перечень ихъ:

По Закону Божію:

Богословіе митрополита Платона,
Правовѣріе Свят. Восточныя Церкви, архимандрита Макарія,
Пространный катихизисъ, Священная исторія. } изданные для народныхъ училищъ.

По физико-математическимъ наукамъ:

Курсъ чистой математики Фула,
Опытная физика Шрадера.

По исторіи, географіи и статистикѣ:

Россійская исторія, Россійская географія, } изданы Главнымъ правленіемъ училищъ.
Всеобщая исторія Ромера,
Всеобщая исторія Бюльфинга съ дополненіями изъ Анкешилъ,
Всеобщая географія, изданная Главнымъ правленіемъ училищъ,
Статистика Зябловскаго.

По философіи, изящнымъ наукамъ и политической экономіи:

Курсъ философскихъ наукъ, заключающій въ себѣ: 1) всеобщую грамматику и логику, 2) психологію и мораль, 3) эстетику и риторику, 4) естественное и народное право съ пріобщеніемъ политической экономіи, сочин. Якоба,
Опытъ риторики Рижскаго,
Политическая экономія Сарторіуса,
Право Стройновскаго.

По естественной исторіи, технологіи и коммерціи:

Минералогія Севергина,
Ботаника Двигубскаго,
Зоологія Блюменбаха,
Естественная исторія Озерецковскаго,
Технологія, Коммерція, } изданы Главнымъ правлен. училищъ } съ дополнен. изъ технологіи Функе.

По языкамъ:

Латинская грамматика Кошанскаго,
Корнелій Непотъ, хрестоматія Снѣгирева,
Избранныя исторіи Фишера,
Нѣмецкая грамматика Шумахера и
Хрестоматія Аллера,
Французская грамматика Ресто, Ломонда,
Для переводовъ Телемакъ и басни Лафонтена,
Славянская грамматика Пенинскаго.

По рисованію: Начальныя правила рисованія Пискарева.

Учебники эти были большею частью неудовлетворительны, что сознавало и само Министерство народнаго просвѣщенія. Училищный комитетъ, состоявшій при Петербургскомъ университетѣ и занимавшійся, между прочимъ, оцѣнкою и разборомъ учебниковъ того времени, отзывается о нихъ большею частью неодобрительно: въ одномъ учебникѣ „правила изложены безъ надлежащихъ объясненій и доказательствъ, что много препятствуетъ развитію способностей учениковъ“ (ариѳметика, издан. Главн. правл. училищъ), въ другомъ замѣчается отсталость въ сообщеніи новѣйшихъ свѣдѣній по наукѣ (физика Шрадера), или изложеніе его такъ темно и запутано, что онъ дѣлается непонятнымъ для учениковъ (всеобщая исторія Кайданова); иная книга составлена такъ, что годится только для французовъ, но не для русскихъ (грамматика Ломонда). Кромѣ того нѣкоторые учебники отличались громаднымъ объемомъ. Такъ „Землеописаніе россійской имперіи“ Зябловскаго имѣло 585 страницъ, „Россійская статистика“—358, физика 527. Однимъ словомъ изъ всѣхъ книгъ, употреблявшихся въ гимназіяхъ того времени, только немногія заслуживали одобрѣніе ученыхъ спеціалистовъ, засѣдавшихъ въ училищномъ комитетѣ. Малоуспѣшность учениковъ обусловливалась еще и тѣмъ, что нерѣдко нѣкоторые предметы за неимѣніемъ учителей вовсе не преподавались, не смотря на то, что многіе учителя кромѣ своего предмета и почти всѣ директора преподавали какой нибудь изъ оставшихся безъ преподавателей предметъ; учителя же французскаго языка съ открытія гимназіи и до 1836 года не было ни одного и преподаваніе этого предмета поручалось разнымъ учителямъ.

Положеніе учителей того времени было крайне бѣдственное. Большинство изъ нихъ были питомцы Казанскаго университета. Люди отлично по тому времени образованные, занесенные волею судьбы или волею начальства (потому что были большею частью стипендіатами) въ Тобольскъ, они терпѣли нужду, такъ какъ получали небольшое жалованье, и плохо были приняты мѣстнымъ обществомъ, низко цѣнившимъ какъ образованіе вообще, такъ и учительскую дѣятельность. Учителямъ оставалось одно средство въ ихъ невеселой жизни, одно утѣшеніе—наука и занятія,—но для науки нужны книги и другія научныя пособія. Ни того, ни другаго не было въ достаточномъ количествѣ. Такъ въ 1816 году въ гимназической библіотекѣ книгъ съ ландкартами было всего 443 нумера, ветхихъ, 160 номеровъ рисунковъ для обученія рисованію, математическихъ и физическихъ приборовъ 16; сравнительно въ лучшемъ состояніи былъ минералогическій кабинетъ; въ немъ было 655 штуфовъ; въ зоологическомъ 59 птичьихъ чучелъ; въ ботаническомъ 40 растеній, собранныхъ въ Тобольской губерніи. Въ 1829 году основанъ при гимназіи минцъ-кабинетъ, въ который въ томъ же году поступило 50 разныхъ мѣдныхъ и серебряныхъ монетъ и медалей.

Библіотека и учебныя пособія съ каждымъ годомъ увеличивались, физическій же кабинетъ до 36 года находился въ крайне жалкомъ состояніи. Это и понятно. На библіотеку ежегодно отпускалась сумма 250 руб., а на физи-

ческій кабинетъ особой суммы не было; съ другой стороны—самая доставка инструментовъ въ Тобольскъ была очень дорога и затруднительна, такъ что мало отыскивалось охотниковъ взять на себя это обязательство. Хорошій термометръ, постоянно нужный учителямъ физико-математическихъ наукъ для метеорологическихъ наблюденій, отсылавшихся ежемѣсячно сначала въ Казанскій университетъ, а затѣмъ въ С.-Петербургскую академію наукъ, былъ пріобрѣтенъ только въ 1830 году.

Раньше нами было замѣчено, что домъ для гимназіи пожертвованъ Приказомъ Общественнаго Призрѣнія, домъ, служившій прежде помѣщеніемъ Главнаго народнаго училища. Въ 1816 году директоръ Арнгольдтъ на вопросъ визитаторовъ, въ какомъ состояніи находятся гимназическія зданія, отвѣтилъ, что они и тѣсны, и ветхи, а особенно деревянныя пристройки. Послѣднія, по заявленію губернскаго архитектора, опасны для жилья и грозятъ паденіемъ. Поэтому гимназическое начальство неоднократно ходатайствовало о расширеніи гимназическаго дома и постройкѣ новыхъ службъ. Въ 1819 году дано было разрѣшеніе передѣлать главный каменный корпусъ съ прикладками къ нему по 10 саженъ новаго и построить новыя службы. На всѣ эти работы ассигновано было 44554 руб. 80 коп. Работы производились подъ непосредственнымъ распоряженіемъ губернатора (съ 1820—1823 г.). Во время перестройки гимназія помѣщалась въ домѣ купца Кремлева. Работы обошлись дороже противъ смѣты—45257 руб. 15¼ коп. Въ 1825 году былъ купленъ для гимназіи сосѣдній деревянный домъ чиновника Зеленцова съ флигелемъ, и покупка эта вмѣстѣ съ исправленіемъ купленныхъ строеній обошлась въ 7594 руб. Однимъ словомъ, если принять во вниманіе только крупные ремонты, бывшіе въ 1833 году и стоившіе 2567 руб. 32½ коп., въ 1834—2612 руб. 70 коп., если сюда приложить еще ту сумму, въ которую оцѣнилъ Приказъ всѣ постройки при передачѣ ихъ гимназіи, т. е. 16877 руб. 24½ коп., то стоимость до 36 года будетъ равна 74908 руб. 32¼ коп.

Въ первое время, по учрежденіи гимназіи, при ней не было пансіона, но вскорѣ однако потребность въ учителяхъ побудила училищное начальство ходатайствовать о пособіи изъ экономическихъ суммъ тѣмъ недостаточнымъ ученикамъ гимназіи, которые изъявятъ желаніе приготовляться къ учительскимъ должностямъ. Вслѣдствіе этого въ 1815 году по предписанію Министра народнаго просвѣщенія положено содержать при гимназіи отъ 2-хъ до 4-хъ учениковъ на счетъ свободныхъ гимназическихъ суммъ. Съ этого времени до 1824 года въ гимназіи постоянно до 3-хъ учениковъ получали пособіе изъ экономическихъ суммъ по 100 руб. въ годъ, а по окончаніи курса ученики эти обязаны были прослужить въ учительской должности не менѣе 6-ти лѣтъ. Съ 1824 г. дѣло это представляется въ слѣдующемъ видѣ. Еще въ 1803 году дѣйствит. стат. совѣт. Демидовъ пожертвовалъ въ пользу предполагавшагося университета въ Тобольскѣ 50000 руб., и Министръ народнаго просвѣщенія, имѣя въ виду съ одной стороны, что капиталъ этотъ, внесенный въ кредитное установленіе для приращенія процентовъ, возросъ въ 1810 г. до 70000 руб.,

а съ другой стороны,—что учрежденіе Тобольскаго университета скоро послѣдовать не можетъ, ходатайствовалъ, по соглашенію съ Демидовымъ по этому предмету, о томъ, чтобы изъ капитала этого было отдѣлено 60000, которыя остались бы для Тобольской гимназіи вѣчнымъ капиталомъ для содержанія на проценты съ него бѣдныхъ и достойныхъ по способностямъ и прилежанію гимназистовъ. На это ходатайство 5 августа 1810 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе, но почему тогда же оно не было исполнено,—изъ дѣлъ гимназіи не видно. Затѣмъ уже въ 1822 году попечитель Казанскаго учебнаго округа вновь указывалъ на сумму, пожертвованную Демидовымъ, которая къ 1 января 1822 года составляла уже 121000 руб., и испрашивалъ разрѣшенія содержать при Тобольской гимназіи на счетъ % этихъ суммъ до 10-ти воспитанниковъ для приготовленія ихъ къ учебной службѣ съ тѣмъ, чтобы на содержаніе каждаго воспитанника употреблялось ежегодно до 370 руб. и на единовременное первоначальное обзаведеніе по 160 руб. Это ходатайство было также представлено на Высочайшее воззрѣніе и 15 мая 1823 г. утверждено. Вслѣдствіе чего въ 1824 г. изъ суммы, пожертвованной Демидовымъ, отдѣлено 60000 руб., на которыя съ 1 сентября выданъ гимназіи билетъ Московской сохранной казны для содержанія на % съ означенной суммы (3000 р.) 10-ти воспитанниковъ, и въ томъ же году послѣдовало открытіе пансіона при Тобольской гимназіи. Но такъ какъ число воспитанниковъ Демидова было постоянно менѣе положеннаго, то изъ суммы, опредѣленной на ихъ содержаніе, ежегодно оставался значительный капиталъ, который не смѣшивался съ общей экономической суммой гимназіи, а причислялся къ капитальной суммѣ (60000 руб.), такъ что эта послѣдняя, ежегодно увеличиваясь, къ 1-му января 1834 года состояла уже изъ 66500 рублей.

При открытіи пансіона дана была особая инструкція, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ: по избраніи воспитанниковъ изъ дѣтей недостаточныхъ училищныхъ чиновниковъ, отличныхъ по способностямъ и поведенію, представлять въ Правленіе Казанскаго университета всѣ документы ихъ и по полученіи разрѣшенія изъ университета, помѣщать избранныхъ въ гимназическомъ домѣ подъ надзоромъ одного изъ учителей, обязанности котораго состоятъ въ слѣдующемъ: 1) въ надзорѣ за нравственностью воспитанниковъ и исправности ихъ по классамъ, 2) въ наблюденіи за порядкомъ и чистотою въ ихъ комнатахъ, платьѣ и кухнѣ, 3) въ храненіи казенныхъ вещей, нужныхъ для воспитанниковъ, 4) въ представленіи директору подробныхъ ежемѣсячныхъ отчетовъ въ означенныхъ обязанностяхъ и 5) въ выборѣ одного изъ отличныхъ по поведенію воспитанниковъ для всегдашняго надзора за всѣми прочими. Въ такомъ видѣ существовали гимназія и пансіонъ до прибытія въ Тобольскъ генералъ-губернатора Западной Сибири князя Горчакова, при которомъ въ 1836 году произошло преобразованіе Тобольской гимназіи по уставу 8 декабря 1828 года.

ГЛАВА ПЯТАЯ. *)

ТОБОЛЬСКАЯ ГИМНАЗІЯ

въ періодъ съ 1836 по 1849 годъ.

Преобразованіе гимназіи по уставу 1828 года 8 декабря. Нѣкоторыя министерскія правила касательно преобразованія. Первый составъ учащихъ въ пореформенной гимназіи. Экзамены 1836 года. Первый составъ учениковъ семиклассной гимназіи. Перемѣны въ составѣ учащихъ въ первую половину 18³⁶/₇ учебнаго года. Директоръ Грибовскій, инспекторъ Качуринъ, законоучитель Цвѣтковъ, учителя: Каптеревъ, Бобановскій, Рѣзановъ, Лукинъ, Андрей Романовъ, пасторъ Гильденгагенъ, поселенецъ Леманъ, Католинскій, Ершовъ и Помаскинъ. Распредѣленіе предметовъ преподаванія по классамъ. Объясненіе учителями своихъ методовъ преподаванія. Конспектъ и объясненія Ершова. Вліяніе риторики на ученическія сочиненія. Пособія для преподаванія: фундаментальная библіотека и физическій кабинетъ.

1836 годъ въ исторіи нашего заведенія является однимъ изъ тѣхъ важныхъ годовъ, которые потомъ служатъ, коротко говоря, границей между старыми и новыми порядками. Въ іюнѣ этого года Тобольская гимназія покончила свое существованіе въ видѣ четырехкласснаго учебнаго заведенія, затѣмъ чтобы въ слѣдующемъ учебномъ году возстать обновленной, возстать учебнымъ заведеніемъ съ семью классами, съ новымъ распредѣленіемъ по классамъ преподаваемыхъ предметовъ, съ новымъ начальствомъ, новыми учителями и вообще новыми порядками.

Наиболѣе важныя измѣненія въ гимназическомъ устройствѣ по уставу 1828 года слѣдующія:

1) Гимназіи обращены изъ четырехклассныхъ въ семиклассныя, такъ что весь курсъ гимназическихъ наукъ былъ распредѣленъ на 7 лѣтъ.

2) Кругъ наукъ былъ слѣдующій: Законъ Божій, священная и церковная исторія, россійская грамматика, словесность и логика; латинскій языкъ, нѣмецкій языкъ, французскій языкъ, математика до коническихъ сѣченій включительно, исторія и статистика, географія, физика, чистописаніе, черченіе и рисованіе.

3) Въ помощь директору по управленію гимназіей и особенно для наблюденія за учебной частью и поведеніемъ учениковъ введено новое лицо—инспекторъ.

4) Расширена дѣятельность педагогическаго совѣта. § 194 говоритъ: „важнѣйшія дѣла и въ особенности все, что касается до принятія мѣръ къ

---

*) Начиная съ пятой главы записка о состояніи гимназіи составлена преподавателемъ Г. А. Цвѣтаевымъ.

улучшенію учебныхъ заведеній, директоръ предлагаетъ на общее обсужденіе совѣта гимназіи".

5) Учреждено особое званіе попечителей гимназій, чтобы привлечь общество къ участію въ благоустройствѣ гимназіи.

6) При гимназіяхъ учреждаются пансіоны.

7) Жалованье чиновникамъ гимназіи значительно увеличено. Директору Тобольской гимназіи, которая по штатамъ была причислена къ 1-му разряду, полагалось при казенной квартирѣ 2500 руб. ассигнаціями, инспектору при казенной квартирѣ 2000 руб., шести старшимъ учителямъ (одному словесности и логики, одному—исторіи и статистики, двумъ—латинскаго языка и двумъ—математики и физики) по 1875 руб. ассигнаціями, младшимъ учителямъ по 1200 руб., законоучителю 1000 руб., учителю рисованія 900 руб. На библіотеку и собраніе инструментовъ было назначено 750 рублей; директору на разъѣзды для осмотра учебныхъ заведеній губерніи 750 руб. ассигнаціями, ему же на канцелярскіе припасы 250 руб.; канцелярскому служителю высшаго разряда (письмоводителю) 600 руб., низшаго разряда 200 руб., послѣднему на одежду и паекъ 100 руб., на награды ученикамъ 150 руб., на содержаніе дома и служителей 2250 руб. Такимъ образомъ всего на Тобольскую гимназію назначено было 26300 руб. ассигнаціями. [1])

Первыя оффиціальныя свѣдѣнія о наступленіи новаго времени для Тобольской гимназіи получены были дирекціей въ мартѣ мѣсяцѣ. Тобольскій гражданскій губернаторъ [2]) (дѣйств. стат. сов. Иванъ Гавриловичъ Ковалевъ) писалъ въ дирекцію, что въ виду ассигнованія по смѣтѣ расходовъ Министерства народнаго просвѣщенія на 1836 годъ суммы на гимназію (и уѣздныя училища) Тобольской губерніи по штату учебныхъ заведеній 8 декабря 1828 года Министръ народнаго просвѣщенія поручилъ ему сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы преобразованіе Тобольской гимназіи (и уѣздныхъ училищъ) произведено было по этому штату съ новаго академическаго года. При этомъ губернаторъ препроводилъ въ дирекцію и нѣкоторыя министерскія правила, которыхъ она должна была держаться при введеніи новаго устава. Изъ этихъ правилъ мы приведемъ первое и самое важное. Вотъ оно: „Поелику введеніемъ въ дѣйствіе новаго устава улучшается состояніе учителей и училищныхъ чиновниковъ и чрезъ сіе открывается возможность снабдить учебныя заведенія истинно достойными образователями юношества, то изъ прежнихъ оставить на службѣ только тѣхъ, которые признаны будутъ дѣйствительно способными; прочихъ же неспособныхъ, съ слабыми познаніями, нестарательныхъ или сомнительнаго поведенія увольнять отъ должностей; до введенія же штата

---

[1]) По положенію 1 іюля 1837 года, когда при пансіонѣ гимназіи было учреждено 20 казенныхъ стипендій, директору прибавлено было къ жалованью за завѣдываніе пансіономъ 600 руб., а инспектору 400 руб.; съ 1839 г. директору назначено 800 руб. и инспектору 600 руб. Надзиратели въ пансіонѣ получали по 700 руб., экономъ 600 руб. и лѣкарь 300 руб.

[2]) Объ отношеніи Тобольскаго губернатора къ гимназіи см. стр. 67. Губернаторъ же считался и почетнымъ попечителемъ гимназіи.

объявить имъ о томъ предварительно, дабы они имѣли время пріискать для себя другія мѣста". Въ той же бумагѣ губернаторъ извѣщалъ, что въ Тобольскую гимназію изъявили желаніе поступить надзиратель при студентахъ Главнаго педагогическаго института Качуринъ и кандидатъ С.-Петербургскаго университета Ершовъ, первый инспекторомъ, а послѣдній старшимъ учителемъ логики и россійской словесности (или „исторіи и статистики, или же латинскаго языка"). Высшее начальство рекомендовало того и другаго съ отличной стороны. Въ отвѣтъ на это предписаніе директоръ Грибовскій писалъ, что онъ не имѣетъ никакихъ препятствій къ опредѣленію въ гимназію инспекторомъ Качурина и учителемъ Ершова, [1]) при чемъ полагалъ предоставить Ершову преподаваніе латинскаго языка въ высшихъ классахъ гимназіи, имѣя въ виду на другіе предметы двухъ достойныхъ преподавателей, „кои и при новомъ образованіи гимназіи могутъ оставаться учителями оныхъ". Подъ этими „двумя" Грибовскій разумѣлъ Ивана Помаскина (учителя исторіи, географіи и статистики) и Константина Бобановскаго (учителя логики и словесности). Дальше въ отвѣтной бумагѣ директора мы встрѣчаемъ фамиліи и прочихъ учителей, бывшихъ въ то время въ гимназіи. Всѣхъ ихъ Грибовскій также считалъ пригодными для новыхъ порядковъ, за исключеніемъ и. д. учителя французскаго языка Лемана, котораго, по мнѣнію директора, слѣдовало оставить учителемъ французскаго языка только при условіи, если онъ и „впредь окажетъ такое же усердіе къ своимъ обязанностямъ, какое оказалъ въ теченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ". Да если принять во вниманіе то, что самъ Грибовскій былъ въ маѣ слѣдующаго 1837 года уволенъ отъ должности, такъ другимъ изъ этихъ непригодныхъ людей для новыхъ порядковъ былъ онъ самъ, пробывшій такимъ образомъ въ должности директора не много больше двухъ годовъ. Впрочемъ, судя по отзыву К. М. Голодникова, [2]) сообщеніями котораго намъ не разъ придется воспользоваться въ настоящемъ случаѣ, при Грибовскомъ стало въ Тобольской гимназіи все таки больше порядка, чѣмъ было при его предшественникѣ. Такъ, напр., при предшественникѣ Грибовскаго успѣхи учащихся ни кѣмъ изъ учебнаго начальства не контролировались, будучи всецѣло отнесены къ обязанностямъ самихъ родителей и родственниковъ учащихся. Аттестаціи же преподавателей записывались въ особыя тетрадки, имѣвшіяся у учениковъ, и записывались довольно лаконично: „плохо", „шалилъ". Но изъ какого предмета была аттестація—того не значилось, и только

---

[1]) Уже давно извѣстнаго, не смотря на свои 20 лѣтъ, автора сказки: „Конекъ горбунокъ". Сказка напечатана въ первый разъ отрывкомъ съ необыкновеннымъ отзывомъ знаменитаго тогда Ос. И. Сенковскаго въ III томѣ журнала „Библіотека для чтенія" 1834 года. Ершовъ—воспитанникъ Тобольской гимназіи, въ которой окончилъ курсъ въ 1830 г.

[2]) Въ настоящее время членъ-секретарь Тобольскаго статистическаго комитета и редакторъ неоффиціальной части „Тобольскихъ губерн. Вѣдом.". Имъ написаны слѣдующія книги: 1) Тобольская губернія наканунѣ 300-лѣтней годовщины завоеванія Сибири; 2) Памятная книжка Тобольской губерніи за 1884 г., составленная въ сотрудничествѣ съ А. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ; 3) Историческій очеркъ г. Тобольска и его окрестностей.

два учителя (математики да рисованія) скрѣпляли ее своей подписью, какъ, напримѣръ, „У. К.“ (учитель Каптеревъ), „У. Катол.“ (учитель Католинскій). Заступившій мѣсто Менделѣева Грибовскій завелъ въ этомъ отношеніи нѣкоторый порядокъ: къ нему каждую субботу, послѣ вечернихъ лекцій, представлялись аттестаты учащихся; по воскресеньямъ онъ разсматривалъ ихъ, а въ понедѣльники производились взысканія съ неисправныхъ или замѣченныхъ въ шалостяхъ. Взысканія эти были впрочемъ легкія, отеческія. Форма для аттестатовъ установлена была такая: на лицевой сторонѣ перваго листа значилось: „аттестатъ ученика .... класса .... на .... годъ“; слѣдующіе же затѣмъ листы имѣли такую форму:

Январь.	Предметы.	Отмѣтки.
Понедѣльникъ.		

Архивъ мало даетъ намъ матеріала для знакомства съ состояніемъ учебной и воспитательной части при Грибовскомъ въ первый годъ его службы въ званіи директора Тобольской гимназіи и въ послѣдній ея существованія въ составѣ четырехъ классовъ. Впрочемъ и здѣсь есть нѣкоторыя указанія на то, что Грибовскимъ предприняты были мѣры къ упорядоченію учебной и воспитательной частей въ гимназіи. Вотъ какое предписаніе директора учителямъ сохранилось въ архивѣ отъ 26 августа 1835 года: „Разсматривая ходъ ученія въ здѣшней гимназіи, я нахожу, что одна изъ первыхъ обязанностей— начало и основаніе всѣхъ наукъ и знаній, добродѣтели и благонравія, была изъ виду упущена и оставалась безъ исполненія: 1) ученики гимназіи по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ не собирались въ гимназію для слушанія изъясненія божественныхъ словъ Евангелія и не ходили въ церковь для моленія; 2) за уничтоженіемъ класса естественной исторіи часы, остающіеся свободными, не были заняты, и учителя, оставаясь въ это время безъ занятія, оставляли классы; 3) преподаваніе Закона Божія было въ каждомъ классѣ отдѣльно, такъ что каждый изъ учащихся въ теченіе недѣли имѣлъ только два часа для своего занятія въ гимназіи симъ столь важнымъ предметомъ; 4) дежурная книга о посѣщеніи классовъ учителями хотя и была ведена, но она не всегда могла быть вѣрнымъ доказательствомъ учебнаго хода и надзора за онымъ“. Сказавъ о томъ, что все это могло набросить на гимназію невыгодную тѣнь, Грибовскій предложилъ для руководства слѣдующія правила: 1) законоучитель гимназіи будетъ преподавать Законъ Божій 4 раза въ недѣлю, соединяя два класса въ одинъ; а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, до

благовѣста къ литургіи, изъяснитъ всѣмъ ученикамъ гимназіи божественныя истины Евангелія; 2) учитель нѣмецкаго языка присоединяетъ въ свой классъ учениковъ тѣхъ классовъ, кои, за уничтоженіемъ класса естественной исторіи, остаются праздными, объясняя однимъ изъ нихъ правила грамматики, а другихъ руководствуя въ то же время въ переводахъ или чистописаніи; 3) для большаго усиленія успѣховъ въ латинскомъ языкѣ учитель онаго займется въ субботу въ первые утренніе часы, остающіеся также свободными въ 3-мъ классѣ, преподаваніемъ онаго; 4) предоставляя себѣ лично имѣть наблюденіе за посѣщеніемъ классовъ учителями, нужнымъ считаю учредить между ними дежурство только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ для сопровожденія учениковъ, послѣ изъясненія имъ воскреснаго Евангелія, въ ближайшую церковь для моленія".

Возвратимся къ изложенію. Вотъ полный списокъ лицъ, служившихъ въ Тобольской гимназіи въ концѣ $18^{35}/_{36}$ учебнаго года:

1) Директоръ училищъ, надворн. совѣтникъ и кавалеръ Василій Грибовскій.

2) Законоучитель іерей Стефанъ Цвѣтковъ.

3) Старшій учитель исторіи, географіи и статистики, коллежскій ассесоръ Иванъ Помаскинъ.

4) Старшій учитель математики и физики Петръ Каптеревъ.

5) Старшій учитель логики и словесности Константинъ Бобановскій.

6) Старшій учитель латинскаго языка Петръ Рѣзановъ.

7) Учитель нѣмецкаго и французскаго языковъ Павелъ Леманъ.

8) Учитель рисованія и черченія, коллежскій секретарь Павелъ Католинскій.

Экзаменовались въ послѣдній разъ по старому уставу и старымъ порядкамъ: 19 учениковъ I класса, 6—II, 7—III и 5—IV, всего 37 учениковъ, каковая цифра немного превышаетъ ту, которая служитъ среднимъ показателемъ ежегоднаго количества учениковъ Тобольской гимназіи при ея существованіи по уставу 5 ноября 1804 года. [1])

Нѣкоторая торжественность слышится въ протоколѣ педагогическаго совѣта отъ 15 апрѣля 1836 года, когда члены этого совѣта собрались, въ четыре часа пополудни въ одинъ изъ первыхъ разовъ рѣшать дѣла гимназіи на основаніи новаго устава. [2]) Еще бы не было торжественности! Рѣчь шла, правда, о дѣлѣ знакомомъ, объ экзаменахъ, но результаты отъ этихъ экзаменовъ ожидались далеко не тѣ, которые бывали въ прежніе годы. Нужно было экзаменовать учениковъ съ той мыслью, чтобы изъ нихъ потомъ составить 7 классовъ. Въ засѣданіи совѣта было постановлено: 1) публичныя испытанія въ Тобольскихъ училищахъ, приходскихъ и уѣздномъ, начать съ 1

---

[1]) Стран. 70.

[2]) Педагогическій совѣтъ въ Тобольской гимназіи открылъ свои дѣйствія (на основаніи §§ 207—219 устава гимназій 8 декабря 1828 г.) только въ ноябрѣ 1835 г. Не нужно, конечно, думать, что раньше всѣ дѣла гимназіи рѣшалъ одинъ директоръ. И раньше въ этихъ рѣшеніяхъ принимали участіе старшіе учителя гимназіи. Первымъ секретаремъ совѣта былъ избранъ Рѣзановъ.

іюня, пригласивъ къ сему чрезъ особыя печатныя программы родителей учащихся и другихъ лицъ, желающихъ участвовать на экзаменахъ; при испытаніи учениковъ уѣзднаго училища, кромѣ директора и смотрителя, присутствуетъ одинъ изъ старшихъ учителей гимназіи тѣхъ наукъ, изъ которыхъ экзаменъ производится; 2) по окончаніи испытанія въ приходскихъ и уѣздномъ училищахъ составляется журналъ испытанія и дѣлается особое постановленіе относительно удостоенія наградъ и перевода учениковъ изъ приходскихъ училищъ въ уѣздное и изъ сего въ гимназію; 3) вслѣдъ за тѣмъ послѣдуетъ испытаніе учениковъ въ гимназіи въ полномъ засѣданіи педагогическаго совѣта и въ присутствіи Его Превосходительства г. Попечителя; по окончаніи испытанія составляется постановленіе о распредѣленіи учениковъ по классамъ при новомъ образованіи гимназіи сообразно ихъ успѣхамъ и поведенію и о наградахъ отличнѣйшихъ; 4) публичный актъ назначается 1 іюля, къ которому времени приготовятъ: a) старшій учитель латинскаго языка Рѣзановъ разсужденіе: „о необходимости изученія древнихъ языковъ и о вліяніи ихъ на развитіе успѣховъ въ прочихъ отрасляхъ наукъ“, на русскомъ языкѣ, и краткую привѣтственную рѣчь для учениковъ на латинскомъ языкѣ; b) старшій учитель Бобановскій дастъ темы ученикамъ 3 и 4 классовъ для сочиненія двухъ русскихъ рѣчей—привѣтственной и благодарственной и назначитъ для прочтенія одно изъ лучшихъ ученическихъ сочиненій прозою или стихами; c) поставляется также въ обязанность г. учителю Леману относительно сочиненія рѣчей на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и лучшихъ переводовъ для произнесенія оныхъ при публичномъ актѣ учениками; d) въ заключеніе акта читается отчетъ за минувшій академическій годъ, списокъ учениковъ, удостоенныхъ наградъ и перевода въ высшіе классы гимназіи, и благодарственная рѣчь къ посѣтителямъ. О результатахъ экзаменовъ совѣтъ разсуждалъ 27 іюня. Постановлено было на этомъ совѣтѣ слѣдующее: 1) раздѣливъ при преобразованіи гимназію на 6 классовъ (для 7 пока не было учениковъ) перевести: a) въ первый классъ оной изъ двухъ Тобольскихъ приходскихъ училищъ 14 учениковъ и изъ I класса уѣзднаго училища назначить къ переводу во II классъ гимназіи 11 и изъ II класса 7; c) въ III классъ гимназіи изъ II класса уѣзднаго училища 10 учениковъ и изъ обучающихся въ I классѣ гимназіи 12; d) въ IV классъ гимназіи назначить къ переводу изъ учениковъ, обучающихся въ I классѣ гимназіи, 7 и одного изъ II класса; e) къ поступленію въ V классъ совѣтъ одобрилъ изъ II класса 4; f) въ VI удостоилъ къ переводу изъ III класса гимназіи 7. Вотъ списокъ учениковъ, распредѣленныхъ совѣтомъ въ засѣданіи 27 іюня по классамъ. Назначены къ переводу въ 1 классъ гимназіи изъ приходскихъ училищъ: a) Благовѣщенскаго: 1) Николай Ананьинъ*, [1]) 2) Иванъ Ананьинъ, 3) Иванъ Албычевъ, 4) Алексѣй Бѣлорусцевъ*, 5) Трифиллій Дьяковъ, 6) Дмитрій Колмогоровъ, 7) Дмитрій Лѣтешинъ, 8) Николай Поповъ* и 9) Павелъ Родіо-

---

[1]) Звѣздочкой означены ученики, которые потомъ окончили курсъ.

новъ*; b) Богородице-Рождественскаго: 10) Николай Путьковскій, 11) Порфирій Сѣдинкинъ, 12) Афанасій Топорковъ, 13) Григорій Усольцевъ и 14) Александръ Толмачевъ; c) изъ I класса уѣзднаго училища: 15) Степанъ Куртуковъ, 16) Левъ Петровъ, 17) Степанъ Родіоновъ*, 18) Александръ Троилинъ. Во II классъ гимназіи: 19) Яковъ Гусевъ, 20) Иванъ Ивановъ, 21) Иванъ Каптеревъ, 22) Василій Лыткинъ, 23) Николай Лыткинъ*, 24) Николай Поступальскій, 25) Александръ Ромадинъ, 26) Никандръ Тамыковскій, 27) Флегонтъ Ишерскій, 28) Александръ Лебедевъ, 29) Матвѣй Текутьевъ; изъ II класса: 30) Капитонъ Блохинъ, 31) Василій Галченко, 32) Лавръ Маломаховъ, 33) Александръ Нѣмцовъ, 34) Иванъ Поповъ, 35) Александръ Потанинъ, 36) Александръ Петровъ. Въ III классъ гимназіи: 37) Александръ Аристовъ*, 38) Иванъ Гусевъ, 39) Капитонъ Маминъ*, 40) Александръ Нечаевъ, 41) Иванъ Русановъ, 42) Иванъ Стефановскій, 43) Егоръ Торопчепиновъ, 44) Владиміръ Чернавинъ*, 45) Иванъ Ярцовъ, 46) Александръ Паутовъ; изъ обучавшихся въ I классѣ гимназіи: 47) Константинъ Андрюковъ, 48) Иванъ Антоновъ, 49) Василій Богдановъ, 50) Яковъ Галченко, 51) Владиміръ Ильинъ*, 52) Горгоній Павловъ, 53) Василій Ромадинъ, 54) Василій Серебряковъ*, 55) Андреянъ Силиверстовъ, 56) Степанъ Соколинскій, 57) Александръ Тамыковскій, 58) Николай Тамыковскій. Въ IV классъ гимназіи: 59) Павелъ Андронниковъ*, 60) Дмитрій Багаевъ, 61) Константинъ Карпинскій*, 62) Александръ Котельниковъ*, 63) Михаилъ Неугодниковъ*, 64) Александръ Плотниковъ*, 65) Андрей Себякинъ, 66) Александръ Ховринъ (послѣдній изъ II кл.). Въ V классъ: изъ учениковъ II кл.: 67) Никифоръ Барабанщиковъ, 68) Капитонъ Голодниковъ*, 69) Александръ Поповъ*, 70) Александръ Романовъ*. Въ VI классъ: изъ учениковъ III кл.: 71) Николай Рихтеръ*, 72) Ардаліонъ Андрюковъ, 73) Григорій Ещенковъ*, 74) Алексѣй Нестеровъ*, 75) Гавріилъ Васильевъ, 76) Андрей Петровъ, 77) Алексѣй Романовъ*.

Изъ учениковъ IV класса никто не пожелалъ продолжать образованіе въ преобразованной гимназіи. Эти ученики, окончившіе въ 1836 году курсъ, слѣдующіе: Андреевъ Алексѣй, Іудинъ Сергѣй, Кувичинскій Кесарь, Михалевъ Александръ, Холмогоровъ Григорій.

И такъ гимназія сразу увеличилась на 40 воспитанниковъ, больше чѣмъ вдвое. Просматривая августовскія вѣдомости объ успѣхахъ, способностяхъ и прилежаніи учениковъ, представленныя учителями на имя инспектора, мы видимъ, что при формированіи состава новой гимназіи экзаменаціонныя комиссіи не особенно строго относились къ ученикамъ; можно прямо сказать, что экзаменаторами требовались отъ будущихъ гимназистовъ самыя мизерныя свѣдѣнія. Достаточно было со стороны ученика приходскаго или уѣзднаго училища изъявить желаніе поступить въ гимназію и его записывали. Всѣ учителя почти единогласно половину учениковъ I и II классовъ отмѣтили малоспособными и оказавшими за августъ очень мало успѣха. Такъ изъ 17 учениковъ I класса учитель исторіи 11 отмѣтилъ по способностямъ балломъ два, а по прилежанію 7 балломъ два и 7 балломъ единица; законоучитель—

по способностямъ 11 человѣкъ (изъ 15) балломъ два, а по прилежанію поставилъ десять неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, изъ которыхъ шесть единицъ и одинъ нуль; по предмету русскаго языка 5 двоекъ по способностямъ и шесть неудовлетворительныхъ отмѣтокъ по прилежанію (двѣ единицы); понѣмецки 11 двоекъ въ первой графѣ и 12 неудовлетворительныхъ отмѣтокъ во второй; въ послѣдней 2 двойки, семь единицъ и три нуля. Учитель латинскаго языка за прилежаніе поставилъ семь двоекъ и двѣ единицы. Одинъ только учитель математики нашелъ въ I классѣ двоихъ малоспособныхъ, но и онъ за прилежаніе отмѣтилъ четверыхъ двойками и четверыхъ единицами. Особенно интересна цифра неудовлетворительныхъ отмѣтокъ по чистописанію: за прилежаніе четверо отмѣчены балломъ два и десять балломъ единица. Это значитъ, что въ I классѣ въ августѣ 1836 года только три человѣка писали удовлетворительно и десять совершенно неудовлетворительно. То же самое замѣчается и во II классѣ: составъ учениковъ также оказался печальнымъ. Учителемъ исторіи за способности отмѣчены неудовлетворительными отмѣтками 11 учениковъ (изъ 18), за прилежаніе десять (три единицы), законоучителемъ шесть и семь (одна единица), учителемъ русскаго языка 4 и 8, нѣмецкаго—8 и 9 (три единицы и нуль), учителемъ чистописанія за прилежаніе поставлено 6 двоекъ и 3 единицы, латинскаго языка—5 двоекъ и 2 единицы. У математика замѣчается тоже несоотвѣтствіе между отмѣтками по способностямъ и прилежанію: не способнымъ признанъ только одинъ, но за то лѣнтяевъ найдено девять, изъ которыхъ шесть отчаянныхъ. По отчету инспектора въ августѣ въ гимназіи было 81 ученикъ; къ перечисленнымъ прибавились еще слѣдующіе: Мальцовъ Николай (въ I кл.), Широковъ Константинъ* (II), Яковъ Андреевъ*, Петръ Бобрикъ*, Викторъ Залѣсскій*, Павелъ Михалевъ*, Ал. Пономаревъ*, Николай Стукальскій* (въ III кл.); нѣкоторые изъ вышепоименованныхъ учениковъ въ гимназію въ августѣ не ходили.

Первый учебный годъ пореформенной гимназіи начался въ слѣдующемъ составѣ начальствующихъ и преподавателей: директора Грибовскаго, инспектора Качурина (первый инспекторъ Тобольской гимназіи), учителей: Дамаскина, Каптерева, Бобановскаго, Рѣзанова, Ершова, Лемана и Католинскаго. Впрочемъ въ первое же полугодіе въ составѣ преподавателей произошли значительныя перемѣны: Бобановскій въ началѣ сентября былъ переведенъ въ Иркутскую гимназію, а на его мѣсто былъ перечисленъ Ершовъ, на мѣсто котораго былъ переведенъ недавно назначенный въ гимназію учитель русской грамматики Тимофей Лукинъ. На мѣсто послѣдняго былъ назначенъ Андрей Романовъ (съ 5 ноября). 29 августа былъ допущенъ къ и. д. учителя нѣмецкаго языка дивизіонный проповѣдникъ пасторъ Гильденгагенъ.

Что же это были за люди? Что они могли дать преобразованной гимназіи? Каковъ ихъ образовательный цензъ и каковы ихъ знанія? На эти вопросы съ полной опредѣленностію мы отвѣчать не беремся за недостаткомъ матеріаловъ, но краткую характеристику ихъ мы все-таки можемъ сдѣлать. Для этого прежде всего воспользуемся сохранившимися послужными списками

интересующаго насъ служебнаго персонала гимназіи.

1) Директоръ Василій Осиповъ сынъ Грибовскій, по окончаніи курса въ Черниговской семинаріи поступилъ въ Главный педагогическій институтъ, гдѣ окончилъ курсъ наукъ въ 1807 году. Назначенный въ томъ же году въ Пермскую гимназію старшимъ учителемъ естественной исторіи, Грибовскій пробылъ въ этой гимназіи вплоть до назначенія его въ Тобольскъ (24 апрѣля 1835 г.), исполняя сверхъ своей прямой обязанности должности: 1) учителя рисованія (съ іюля 1824 года по январь 1832 г.), 2) директора училищъ Пермской губерніи (съ января 1829 г. по февраль 1832 г.), 3) старшаго учителя латинскаго языка (съ ноября 1831 г. по іюль 1835 г.). Въ послужномъ спискѣ значится, что онъ имѣлъ нераздѣльныхъ съ сестрою четыре души мужеска пола Глуховскаго уѣзда въ селѣ Собачевѣ.

2) Инспекторъ Евгеній Михайловъ сынъ Качуринъ, обучавшись въ Пермскомъ уѣздномъ училищѣ и окончивъ курсъ наукъ въ Тобольской гимназіи, поступилъ на службу въ Курганское уѣздное училище, въ которомъ потомъ былъ смотрителемъ (съ 1820 г. 5 декабря), а въ 1827 году по прошенію былъ уволенъ изъ учебнаго вѣдомства и опредѣленъ въ канцелярію 1 департамента правительствующаго сената, откуда вскорѣ-же былъ перемѣщенъ въ департаментъ удѣловъ помощникомъ столоначальника; изъ департамента удѣловъ Качуринъ перешелъ въ Главный педагогическій институтъ надзирателемъ при студентахъ. Въ 1832 году онъ выдержалъ экзаменъ, Высочайшимъ указомъ 6 августа 1809 года для гражданскихъ чиновниковъ назначенный, и получилъ ученый аттестатъ. Въ институтѣ занимался преподаваніемъ русскаго языка въ младшемъ отдѣленіи.

3) Иванъ Порфирьевъ сынъ Помаскинъ изъ уѣзднаго училища поступилъ въ Тобольскую гимназію, гдѣ кончилъ курсъ; сначала былъ учителемъ въ приходскомъ училищѣ, потомъ въ уѣздномъ, съ небольшимъ черезъ три года опредѣленъ учителемъ естественной исторіи въ Тобольскую гимназію (1819 г.) и въ томъ же году перемѣщенъ на классъ исторіи, географіи и статистики; въ 1827 году сверхъ учительства назначенъ былъ смотрителемъ уѣзднаго училища.

4) Законоучитель Тобольскаго каѳедральнаго собора іерей Стефанъ Васильевъ сынъ Цвѣтковъ окончилъ курсъ наукъ въ Тобольской семинаріи (1824 г.); законоучителемъ опредѣленъ въ 1834 году.

5) Петръ Александровъ сынъ Каптеревъ окончилъ курсъ ученія въ Казанской гимназіи, откуда поступилъ казеннокоштнымъ студентомъ въ Казанскій университетъ (въ 1830 году), гдѣ окончилъ курсъ по физико-математическому отдѣленію съ званіемъ дѣйствительнаго студента; въ Тобольской гимназіи съ 14 декабря 1833 г.

6) Константинъ Петровъ сынъ Бобановскій по окончаніи курса въ Казанской гимназіи поступилъ казеннокоштнымъ студентомъ въ Казанскій университетъ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1833 году по словесному отдѣленію съ званіемъ дѣйствительнаго студента и въ августѣ 1834 года былъ опредѣленъ

въ Тобольскую гимназію старшимъ учителемъ логики и словесности.

7) Петръ Кузьмичъ сынъ Рѣзановъ по окончаніи курса въ Тобольской семинаріи опредѣленъ учителемъ въ низшее отдѣленіе Томскаго духовнаго училища (въ 1826 г.) и черезъ два года былъ перемѣщенъ въ высшее отдѣленіе того же училища, откуда былъ переведенъ на ту же должность въ Тобольское училище (въ 1830 г.); въ томъ же году былъ назначенъ инспекторомъ училища. Въ 1834 году онъ поступилъ въ Тобольскую гимназію учителемъ латинскаго языка.

8) И. д. учителя латинскаго языка Тимофей Лукинъ сначала обучался въ Симбирской гимназіи, потомъ поступилъ въ Казанскій университетъ по словесному отдѣленію. По окончаніи курса въ университетѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента опредѣленъ учителемъ исторіи и географіи въ училище Сибирскаго линейнаго казачьяго войска (1828 г.). За отличное усердіе по своей обязанности Всемилостивѣйше награжденъ золотыми часами съ таковою же цѣпочкою; за весьма полезную и усердную службу утвержденъ въ правахъ старшаго учителя гимназіи въ уваженіе отличнаго состоянія училища и не въ примѣръ прочимъ; награжденъ бриллiантовымъ перстнемъ. По поводу возникшихъ непріятностей съ директоромъ перемѣщенъ въ Тобольскую гимназію, по прошенію, младшимъ учителемъ русскаго языка и географіи (въ сентябрѣ 1836 года).

9) Насторъ Францъ Богдановъ сынъ Гильденгагенъ обучался въ Дерптскомъ университетѣ по богословскому факультету и по выдержаніи экзамена въ С.-Петербургскомъ консисторіальномъ засѣданіи получилъ свидѣтельство о познаніяхъ.

10) Андрей Андреевъ сынъ Романовъ изъ Тобольской гимназіи поступилъ въ Казанскій университетъ, гдѣ окончилъ курсъ по нравственно-политическому отдѣленію съ званіемъ дѣйствительнаго студента.

11) Павелъ Осиповъ сынъ Леманъ (православный изъ иностранцевъ) въ службу вступилъ во вновь формировавшійся въ 1809 году волонтерскій Лубенскій гусарскій полкъ унтеръ-офицеромъ; участвовалъ въ компаніи 1812—13—14 годовъ и вышелъ въ отставку въ 1815 г. Въ 1824 году по рѣшенію 1 департамента Московской уголовной палаты сосланъ въ Сибирь за наименованіе себя поручикомъ; по докладу Министра народнаго просвѣщенія Всемилостивѣйше прощенъ (27 марта 1836 г.); къ преподаванію французскаго и нѣмецкаго язык. въ гимназію допущенъ по найму въ маѣ 1830 года.

12) Павелъ Петровъ сынъ Католинскій съ 1 августа 1819 года по 1-е іюля 1822 года обучался въ Тобольской гимназіи и былъ допущенъ къ исправленію должности учителя въ Тобольское Богоявленское приходское училище; въ 1826 году исправлялъ ту же должность въ уѣздномъ училищѣ; въ гимназію переведенъ въ 1831 году (съ 30 марта).

Послужные списки преподавателей производятъ на читателя не вполнѣ благопріятное впечатлѣніе: инспекторъ гимназіи съ гимназическимъ образованіемъ (при томъ изъ гимназіи 4-классной, старой, дореформенной), учитель

географіи и статистики тоже; учитель латинскаго языка—съ семинарскимъ образованіемъ, учитель французскаго языка изъ поселенцевъ, учитель рисованія и чистописанія около трехъ лѣтъ учился въ Тобольской же гимназіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ гимназіи уже и тогда было съ университетскимъ образованіемъ, кромѣ директора, 4 человѣка, а не учившіеся въ университетахъ учителя, какъ увидимъ потомъ, занимали свои мѣста не безъ чести, особенно это нужно будетъ сказать относительно Качурина (потомъ директора), который проявилъ необыкновенную энергію какъ въ возстановленіи въ гимназіи порядка, такъ и въ направленіи на надлежащую дорогу преподаванія. Но прежде чѣмъ станемъ пользоваться архивными документами, дадимъ слово названному выше современнику, видѣвшему и учившемуся у всѣхъ означенныхъ учителей.

Законоучитель *Цвѣтковъ* былъ человѣкъ безукоризненнаго поведенія и заслужилъ единодушную любовь учащихся. Не обладая глубокими познаніями въ богословіи и философіи, онъ тѣмъ не менѣе умѣлъ сдѣлать предметъ свой интереснымъ для учащихся.

Ершовъ, поступивъ на должность учителя словесности въ старшихъ классахъ, отбросилъ прежнюю схоластическую методу преподаванія и началъ преподавать словесность по запискамъ профессора Никитенки. Исторію русской литературы онъ также проходилъ по университетскимъ запискамъ и все сообщаемое имъ учащимся съумѣлъ сдѣлать на столько интереснымъ, что по классу словесности всѣ шли хорошо и лекцій его ожидали съ большимъ удовольствіемъ. Интересъ своего предмета П. П. усиливалъ еще сообщеніемъ ученикамъ старшихъ классовъ разнаго рода подробностей какъ объ общественной, такъ и частной жизни извѣстныхъ въ то время литераторовъ, съ которыми онъ, по выходѣ въ свѣтъ его „Конька-Горбунка", имѣлъ случай познакомиться лично. Такъ, онъ много передавалъ интересныхъ подробностей о Пушкинѣ, Жуковскомъ, Брамбеусѣ, Бернетѣ (офиц. Жуковскій), Тимофеевѣ и Бенедиктовѣ. Ученическихъ сочиненій Ершовъ никогда самъ не исправлялъ, а замѣтивъ въ нихъ какую либо неправильность въ логическомъ или грамматическомъ отношеніи, отмѣчалъ такое мѣсто карандашемъ, поручая уже самому автору отыскать и исправить погрѣшность. Только въ случаяхъ совершеннаго неумѣнья со стороны сего послѣдняго исправить свои промахи, онъ указывалъ ему, въ чемъ именно заключались они, но исправить ихъ долженъ былъ все таки самъ авторъ сочиненія...

Несомнѣнно Ершовъ былъ бы хорошимъ преподавателемъ и латинскаго языка, но на этой каѳедрѣ ему было бы труднѣе: онъ пріѣхалъ въ гимназію съ очень ограниченными познаніями въ латыни, чтобы не сказать—совсѣмъ не зная ея. Вотъ какъ онъ самъ изображалъ свое положеніе въ роли учителя латинскаго языка въ письмѣ къ одному изъ своихъ петербургскихъ друзей: „Будучи назначенъ учителемъ латинскаго языка, сталъ я учить въ младшихъ классахъ; въ старшихъ былъ тогда извѣстный Петръ Кузьмичъ—собаку съѣлъ въ латыни. Готовился я къ каждому классу и дѣло шло отлично. Да вдругъ,

какъ на бѣду, Петръ Кузьмичъ и захворалъ. Nolens volens, а пришлось заниматься въ старшихъ классахъ. Прихожу. Нусъ, чѣмъ молъ заниматься изволите?—Переводимъ Виргилія. Ну, думаю, попался какъ куръ вощи. Гм., Виргилія, это не дурно, да дѣло въ томъ, что за Виргилія-то беремся, а подъ часъ и грамматики не знаемъ. Ну-ко, обращаюсь къ одному, проскло-няйте то-то. И о радость! въ тупикъ мой малый. Ну, просто готовъ былъ разцѣловать его. Значитъ Виргилія-то мы пока въ сторону, а повторимъ латинскую грамматику. И начали, только какъ мы ни растягивали, а вижу дѣло плохо; еще класса два и нужно будетъ или приняться за Виргилія, или заключить скандаломъ: избѣгая классической мудрости подать реальный рапортъ о болѣзни. Юпитеръ спасъ: какъ-то ко времени Петръ Кузьмичъ выздоровѣлъ, и я со славою ретировался. Другой разъ сижу я съ младшими и занимаюсь своей любезной грамматикой. Является отъ Петра Кузьмича мальчуганъ съ книгой: „вотъ Петръ Кузьмичъ сомнѣвается, какъ перевести это мѣсто". Это мѣсто? Гм... А какъ самъ Петръ Кузьмичъ переводитъ это-то мѣсто?—„Такъ-то".—Да иначе и перевести нельзя. [1]) Приведемъ здѣсь кстати отзывъ Ершова объ его предшественникѣ Бобановскомъ, съ переводомъ котораго въ Иркутскъ гимназія могла помириться только при условіи назначенія на его мѣсто Ершова: „Изъ всѣхъ ихъ (сослуживцевъ) я болѣе сошелся съ Б—мъ. И скажу отъ души, что рѣдко встрѣтишь человѣка съ такими достоинствами. Я провелъ съ нимъ лучшіе часы въ Тобольскѣ". [2])

Помаскинъ любилъ свой предметъ, но будучи старымъ холостякомъ, не особенно любилъ дѣтей и часто угощалъ ихъ потасовками.

Учитель *Каптеревъ* зналъ свой предметъ не совсѣмъ удовлетворительно: онъ иногда до того затруднялся въ рѣшеніи продиктованныхъ имъ же задачъ изъ тригонометріи, что не рѣшивъ ихъ въ классѣ и унеся съ собою на квартиру, возвращалъ ихъ съ рѣшеніями уже по прошествіи нѣсколькихъ дней.

Учитель лат. языка *Рязановъ*, судя по переводамъ учениковъ съ латинскаго языка на русскій, имъ самимъ исправленнымъ, владѣлъ своимъ предметомъ довольно плохо. На послѣобѣденныхъ лекціяхъ Петръ Кузьмичъ не рѣдко дремалъ и даже засыпалъ. Придетъ въ классъ бывало вялый, измятый, сядетъ съ недовольнымъ видомъ за учительскій столъ и, подперевъ голову руками, скажетъ: „Романовъ! спрягайте глаголъ „amo". Тотъ и начинаетъ: Praesens amo, amas, amat и т. д. imperfectum amabam и пр., но потомъ видя, что учитель уже дремлетъ, а иногда даже и спитъ, продолжаетъ: amavisti, amavérim (ври, на слово повѣрилъ), amaturus, amatura sit (Петръ Кузьмичъ то ужъ и спитъ) и тому подобную эрунду. Случалось, что педагогъ, какъ бы очнувшись, и вскрикнетъ: „а! что? какъ?" Но отвѣчающій, какъ ни въ чемъ не бывало, отрѣжетъ: „gerundium на um. Кончилъ-съ!"—„Хорошо. Поповъ! спрягайте lego".

[1]) Петръ Павловичъ Ершовъ. Біографическія воспоминанія А. К. Ярославцева 1872 г. стр. 44—45.

[2]) Стр. 47.

Преподававшій французскій языкъ *Леманъ* владѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасно и русскимъ языкомъ и вообще обладалъ хорошимъ образованіемъ... Какъ бы противоположностью Леману служитъ—*Католинскій,* грубый, малообразованный, имѣвшій къ тому же еще и слабость къ горячимъ напиткамъ. Являясь въ послѣобѣденное время въ нетрезвомъ видѣ въ классы, онъ придирался къ ученикамъ, билъ ихъ по щекамъ, таскалъ за волосы, а маленькихъ мальчугановъ даже и сѣкъ розгами. Однажды, будучи крайне въ ненормальномъ видѣ, онъ напалъ даже на ученика, оканчивавшаго уже курсъ, Фомича, который, защищаясь отъ него перочиннымъ ножомъ, порѣзалъ ему руки. Католинскій плохо зналъ свое дѣло: рисунки учениковъ ко времени экзаменовъ исправляла его жена, урожденная Коллетъ, прекрасно рисовавшая карандашемъ и красками. Въ концѣ 50-хъ годовъ, когда въ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ было уже нѣсколько десятковъ его учениковъ и въ числѣ ихъ были занимавшіе въ чинахъ статскихъ и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ—весьма видныя должности, Католинскій подъ веселую руку говаривалъ своимъ гостямъ, что если дѣла въ губерніи идутъ хорошо, то это только потому, что онъ двѣ трети этихъ дѣятелей пересѣкъ розгами.

Гильденгагенъ зналъ съ грѣхомъ пополамъ не болѣе двухъ-трехъ десятковъ русскихъ словъ и вопреки предположеніямъ начальства и учениковъ не научилъ нѣмецкому языку, и самъ не научился порусски. Уморительны были, подъ руководствомъ его, переводы учащихся съ нѣмецкаго языка на русскій и обратно. Часто здѣсь играла значительную роль мимика. При этомъ по дѣламъ своей службы Г—нъ часто отвлекался отъ своихъ обязанностей, иногда на нѣсколько недѣль. Впрочемъ это было едва ли къ худу. Его уроки поручались людямъ, которые, зная нѣмецкій языкъ, въ тоже время хорошо владѣли и русскимъ языкомъ, какъ, напримѣръ, Леманъ.

Ничего не нашли мы въ воспоминаніяхъ г. Голодникова о *Лукинѣ,* но послужный списокъ этого учителя достаточно говоритъ въ его пользу.

Ознакомившись до нѣкоторой степени съ учительскимъ персоналомъ, мы посмотримъ теперь, какъ учителя распредѣляли преподаваніе предметовъ по классамъ и съ какими затрудненіями они встрѣчались въ своемъ преподаваніи. Преподаваніе предметовъ по классамъ было распредѣлено слѣдующимъ образомъ:

1) **По Закону Божію:** въ I классѣ проходилась Священная исторія Ветхаго Завѣта, во II классѣ—Священная исторія Новаго Завѣта, въ III—первая половина пространнаго катихизиса, въ IV—окончаніе катихизиса, въ V—Исторія церкви христіанской, въ VI—изъяснительное чтеніе Священной исторіи, въ VII классѣ—изложеніе христіанскихъ обязанностей. Распредѣленіе сдѣлано было совершенно согласно съ печатной программой Закона Божія, одобренной митрополитомъ Серафимомъ.

2) **По русской грамматикѣ:** въ I классѣ: опредѣленіе грамматики, ея раздѣленіе: словопроизведеніе, словосочиненіе, правописаніе и слогоудареніе; краткое опредѣленіе каждой части. Словопроизведеніе: опредѣленіе буквъ,

раздѣленіе на гласныя, согласныя, полугласныя и опредѣленія ихъ. О составленіи изъ буквъ слоговъ, изъ слоговъ—словъ и раздѣленіе по числу слоговъ: односложныхъ, двухсложныхъ и многосложныхъ. Раздѣленіе всѣхъ словъ русскаго языка на 8-мь разрядовъ: имя существительное, прилагательное, мѣстоименіе, глаголъ, нарѣчіе, предлогъ, союзъ и междометіе. Объ *имени существительномъ:* его опредѣленіе и раздѣленіе на собственное, нарицательное и собирательное. Родъ, число, падежъ и склоненіе. Объ *имени прилагательномъ:* опредѣленіе его и раздѣленіе на качественное, числительное и дѣйственное; опредѣленіе ихъ. О раздѣленіи имени прилагательнаго по употребленію при существительныхъ на склоняемыя и спрягаемыя, и окончаніяхъ, каждому разряду свойственныхъ. О степеняхъ качества; опредѣленіе и раздѣленіе ихъ на положительную, сравнительную и превосходную. Опредѣленіе имени качественнаго; его раздѣленіе на порядочное и количественное. Раздѣленіе имени прилагательнаго на два склоненія. О *мѣстоименіи:* опредѣленіе и раздѣленіе на личныя, вопросительныя, указательныя, относительныя и опредѣлительныя. Склоненіе мѣстоименій. О *глаголѣ:* опредѣленіе и раздѣленіе на залоги. О видахъ: 1) неокончательномъ, 2) совершенномъ: А) начинательномъ, Б) окончательномъ: а) длительномъ и б) однократномъ; 3) многократномъ. О наклоненіи: неопредѣленномъ, изъявительномъ и повелительномъ. О времени настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ. О причастіи и дѣепричастіи. О глаголахъ: личномъ и безличномъ, правильномъ и неправильномъ. О раздѣленіи глаголовъ на спряженія, о различіи спряженій по окончаніямъ. О производствѣ совершеннаго вида въ глаголахъ. О *нарѣчіи:* опредѣленіе, раздѣленіе и производство нарѣчій. О *предлогѣ:* опредѣленіе, раздѣленіе и производство предлоговъ. О *союзѣ:* опредѣленіе, раздѣленіе и производство союзовъ. О *междометіи:* опредѣленіе, раздѣленіе и производство междометій. Ученики упражняются изустно и письменно въ склоненіи именъ и въ спряженіи глаголовъ. Во II классѣ. О словосочиненіи: опредѣленіе его. Опредѣленіе рѣчи, предложенія; о составѣ предложенія, о раздѣленіи его на простое, сложное, придаточное и вводное. О раздѣленіи словосочиненія на согласованіе словъ и управленіе. Ученики занимаются грамматическимъ разборомъ, склоненіемъ именъ и спряженіемъ глаголовъ какъ изустно, такъ и письменно. Въ III классѣ. О составленіи періодовъ: опредѣленіе періода, о составѣ періода, о раздѣленіи его на простой и сложный; опредѣленіе рѣчи отрывистой. О знакахъ препинанія: запятая, точка съ запятой, двоеточіе, точка, вопросительный и удивительный, мыслеотдѣлительный, пересѣкательный, вмѣстительный и вносные. О правописаніи: опредѣленіе и раздѣленіе его. Употребленіе буквъ: по произношенію, по мѣсту. О раздѣленіи слоговъ для переноса. О словосокращеніяхъ. О слогоудареніи: опредѣленіе и раздѣленіе на подвижное и неподвижное. О переходѣ ударенія на предлоги. Ученики упражняются въ правописаніи, въ составленіи предложеній и періодовъ, въ разборѣ грамматическомъ. Какъ во II классѣ, такъ и въ III ученики заучиваютъ на память басни.

3) **По словесности, логикѣ и славянскому языку:** въ IV классѣ (3

урока) объясненіе и раздѣленіе словесныхъ наукъ. Общая риторика: правила для каждаго прозаическаго сочиненія. Опыты соединенія предложеній и періодовъ въ продолжительную рѣчь. Чтеніе легкихъ писателей, *этимологія* славянскаго языка. Въ V—(3 ур.) частная риторика: правила для отдѣльныхъ родовъ прозы (описательной, повѣствовательной и дидактической) съ ихъ подраздѣленіями. Упражненіе во всѣхъ родахъ краснорѣчія. Чтеніе писателей. Синтаксисъ славянскаго языка. Грамматическій разборъ. Объясненіе и раздѣленіе *философіи*. Общая логика: основные законы мышленія. Въ VI—(3 ур.) теорія изящнаго: 1) общія понятія объ изящномъ; 2) видоизмѣненіе формъ изящнаго или изящное въ искусствахъ и художествахъ. Эстетическіе разборы. Чтеніе образцовыхъ писателей. Славянская христоматія. Частная логика: систематика (методологія). Въ VII—(2 ур.) піитика: собственно такъ называемая поэзія и ея раздѣленіе на роды (лирическая, эпическая и драматическая) съ ихъ подраздѣленіями. Подробности стопосложенія. Продолженіе чтенія образцовыхъ писателей. Исторія литературы по идеѣ вообще и исторія русской литературы въ частности. Руководства и пособія: грамматика Востокова, Греча; риторика Мерзлякова, Плаксина и друг.; піитика Мерзлякова (Эшенбурга); исторія литературы Плетнева, Греча; логика Бахмана, Кизиветтера; славянская грамматика Пенинскаго; славянская христоматія его же.

4) **По латинскому языку:** въ I классѣ чтеніе и чистописаніе съ изученіемъ краткихъ правилъ о склоненіяхъ и спряженіяхъ, съ изученіемъ словъ латинскихъ и нѣкоторыхъ разговоровъ, также и переводъ легкихъ статей изъ христоматіи, по букварю, имѣющемуся у учениковъ. Во II классѣ кромѣ чтенія и чистописанія изучаютъ ученики начальное основаніе языка по руководству Бѣлюстина, и во вторую половину года руководствуются христоматіей того же автора въ переводѣ нѣкоторыхъ статей съ латинскаго. Въ III клас. проходятъ христоматію (Кошанскаго) до примѣчаній по спряженіямъ съ изученіемъ грамматическихъ правилъ. Они изучаютъ и слова и нѣкоторыя молитвы и разговоры, по букварю, и переводятъ изъ него же нѣкоторыя статьи съ латинскаго, а съ русскаго—по назначенію учителя. Въ IV классѣ оканчиваютъ этимологію и начинаютъ учить синтаксисъ (по грамматикѣ Кошанскаго). Упражняются постоянно въ переводѣ съ латинскаго статей изъ христоматіи того же К—го, съ разборомъ и заучиваніемъ словъ; на бумагу переводятъ съ русскаго статьи по руководству Бѣлюстина, съ латинскаго—статьи по усмотрѣнію учителя (epistolas Ciceronis). Въ V классѣ оканчиваютъ синтаксисъ съ разборомъ и примѣненіемъ правилъ, переводятъ по крайней мѣрѣ XIV первыхъ полководцевъ изъ Корнелія Непота, изучиваютъ при томъ значеніе словъ латинскихъ. На бумагу съ русскаго берутъ переводить статьи изъ христоматіи Бѣлюстина, съ латинскаго письма Цицерона или сочиненія Федра и Саллюстія и другихъ авторовъ. Въ VI—оканчиваютъ синтаксисъ (по руководству Кош—го) и повторяютъ оный. Пріучаются правиламъ просодіи и метрикѣ латинской изъ шкандованія стиховъ; для перевода въ классѣ съ разборомъ и изученіемъ словъ назначается продолженіе Корнелія Непота. Для

перевода на бумагу съ латинскаго opera Ciceronis, Livii, Virgilii Aeneis, Julius Caesar, Horatius et cet; съ русскаго—римская исторія изъ христоматіи Бѣлюстина и друг. сочиненій по усмотрѣнію учителя. Сверхъ того ученики затверживаютъ лучшія мѣста изъ повѣстей Тита Ливія (narrationes Titi Livii selectas). Къ VII кл. отнесенъ переводъ рѣчей Цицерона и Энеиды Виргилія.

5) **По математикѣ и физикѣ:** въ I классѣ первая часть ариѳметики (по Булé); во II—вторая часть; въ III—алгебра, оканчивая уравненіями 2-й степени; въ IV—продолженіе алгебры и начальныя основанія геометріи (по Фулу); въ V—продолженіе геометріи (планиметрія и стереометрія); въ VI—приложеніе алгебры къ геометріи съ коническими сѣченіями; прямолинейная тригонометрія (по Фулу) и общая физика—по Баумгартнеру. Къ VII классу отнесено продолженіе приложенія алгебры къ геометріи и коническія сѣченія (по Фулу); начертательная геометрія; физика (по Баумгартнеру). Космографія преподавалась до 183⁸/₉ учебнаго года въ V классѣ, а потомъ въ VII классѣ по слѣдующей программѣ: Опредѣленіе космографіи. Объясненіе вселенной. Наружный видъ ея. Понятіе о горизонтѣ, о странахъ горизонта или свѣта. О движеніи свѣтилъ: луны, вечерней звѣзды, юпитера и солнца. Раздѣленіе небесныхъ свѣтилъ по ихъ движенію. Математическое раздѣленіе небесной сферы. Объясненіе системы Птоломея и Тихо-де-Браге и ложность ихъ. Коперникова система и достоинство ея. Свойство, положеніе, величина, видъ и движеніе небесныхъ тѣлъ вообще. О *солнцѣ:* положеніе, движеніе, видъ солнца, разстояніе его отъ земли, величина и составъ его. О *планетахъ:* опредѣленіе ихъ, различіе отъ неподвижныхъ звѣздъ, число планетъ, разстояніе ихъ отъ солнца и отъ земли, величина орбитъ планетныхъ; время обращенія ихъ около солнца и около оси своей. О *спутникахъ планетъ.* Спутники Юпитера, Сатурна и Урана, число ихъ, время открытія, величина ихъ отъ всѣхъ планетъ и время обращенія ихъ около своихъ планетъ. О *кометахъ.* Наружный видъ кометъ, величина ихъ, величина орбитъ ими описываемыхъ, число, физическое свойство и назначеніе кометъ въ природѣ. О *неподвижныхъ звѣздахъ.* Раздѣленіе ихъ, число, разстояніе ихъ отъ земли, величина, движеніе и способъ отыскиванія созвѣздій на небѣ. О *млечномъ пути.* О *лунѣ.* Различныя видоизмѣненія луны. О солнечныхъ и лунныхъ затмѣніяхъ. О физическомъ свойствѣ луны. О законахъ движенія планетъ, о центробѣжной и центростремительной силѣ. О землѣ. Положеніе земли въ солнечной системѣ по системѣ Коперника; разстояніе земли отъ солнца; видъ земли; доказательства шарообразности земли, движеніе земли около солнца и около оси своей; время сего обращенія; величина орбиты земной. Величина земли т. е. наружность, поперечникъ, поверхность и толстота. Математическое раздѣленіе земли, число, наименованіе, раздѣленіе и изображеніе математическихъ раздѣленій. Употребленіе глобусовъ земнаго и небеснаго.

6) **По исторіи:** въ III классѣ (2 ур.) обозрѣніе всеобщей исторіи по краткому начертанію В. И. Кайданова; въ IV кл. (2 ур.) древняя исторія по Кайданову; въ V кл. (3 ур.) средняя исторія по Кайданову; въ VI кл. (3 ур.)

россійская исторія по Кайданову; въ VII кл. (3 урок.) россійская исторія по Кайданову и статистика всеобщая и россійская по Зябловскому.

7) **По географіи:** въ I классѣ проходятъ по слѣдующей программѣ: опредѣленіе географіи, раздѣленіе ея на математическую и политическую. Опредѣленіе ихъ. Краткое понятіе о системахъ: Птоломеевой и Тихо-де-Браговой. Опроверженіе ихъ. Достоинство системы Коперниковой. Краткій обзоръ земли какъ планеты по ея положенію, движенію, виду и величинѣ. О точкахъ, кругахъ, опредѣленіе полюсовъ, раздѣленіе ихъ на большіе и малые, исчисленіе всѣхъ ихъ и опредѣленіе каждаго порознь. Физическая географія. Опредѣленіе ея. Опредѣленіе воды и раздѣленіе водъ по вкусу и величинѣ. Опредѣленіе океана, моря, залива и пролива и перечисленіе замѣчательнѣйшихъ по величинѣ на всемъ земномъ шарѣ. Опредѣленіе бухты, пристани, гавани, рейда, архипелага и мели. Опредѣленіе озера и рѣки и перечисленіе замѣчательнѣйшихъ по величинѣ на земномъ шарѣ. Опредѣленіе суши и исчисленіе различныхъ видовъ ея. Опредѣленіе равнины, долины, горы, цѣпи горъ, гряды горъ, мыса. Система горъ, центръ ихъ, вѣтви ихъ и исчисленіе высочайшихъ горъ на всемъ земномъ шарѣ. Опредѣленіе огнедышащихъ горъ и исчисленіе замѣчательнѣйшихъ. Опредѣленіе острова, полуострова и перешейка и перечисленіе замѣчательнѣйшихъ. Опредѣленіе и исчисленіе качества матерой земли. Опредѣленіе воздуха. Опредѣл. вѣтра, раздѣленіе вѣтровъ по странамъ свѣта, опредѣленіе муссоновъ, исчисленіе вѣтровъ, отличающихся своею удушливостію. О климатѣ. Опредѣленіе климата, раздѣленіе его на математическій и физическій. О естественныхъ произведеніяхъ. Опредѣленіе и раздѣленіе ихъ на три царства природы. Произведенія царства ископаемаго, прозябаемаго и животнаго. О человѣкѣ: о раздѣленіи людей по цвѣту кожи на 7 поколѣній. Политическая географія. Опредѣленіе ея. Раздѣленіе земнаго шара на пять частей свѣта. Величина каждой части, число жителей и раздѣленіе ихъ по образу жизни. Понятіе о государствѣ. О различныхъ образахъ правленія. О вѣроисповѣданіи. Во II классѣ: Общее обозрѣніе Европы. Границы математическія и физическія. Величина. Воды: океаны, моря, заливы, проливы, озера, рѣки. Мѣстоположеніе: система горъ, огнедышащія горы, острова, полуострова, долины, равнины. Климатъ. Естественныя произведенія. Число жителей, различіе ихъ между собою племенами и языками. Промышленность, образованность, вѣроисповѣданіе. Политическое раздѣленіе Европы, исчисленіе государствъ. Всѣ государства европейскія будутъ обозрѣваемы въ такомъ видѣ: границы, величина, воды, мѣстоположеніе, климатъ, естественныя произведенія, образъ правленія. Раздѣленіе государства на части. Исчисленіе городовъ съ ихъ достопримѣчательностями. Число жителей; происхожденіе ихъ по племени и языку. Вѣроисповѣданіе, образованность, промышленность, торговые и портовые города. Краткое обозрѣніе Азіи, Африки, Америки и Австраліи въ такомъ же видѣ, какъ и общее обозрѣніе Европы. Въ III классѣ: Подробное разсмотрѣніе государствъ азійскихъ, африканскихъ, американскихъ и острова пяти частей свѣта, замѣчательнѣйшіе по своей величинѣ. Въ IV классѣ: Рос-

сійская географія: границы, величина, мѣстоположеніе и качество почвы. Воды: океаны, моря, заливы, проливы, озера и рѣки и водяное сообщеніе посредствомъ каналовъ. Естественныя произведенія царствъ природы. Образъ правленія, государственный гербъ. Раздѣленіе государства на губерніи. Каждая губернія будетъ обозрѣваема въ такомъ видѣ: Границы, величина, климатъ, мѣстоположеніе, качество—почвы, воды, естественныя произведенія природы. Гербъ губерніи и раздѣленіе ея на уѣзды. Города съ ихъ достопримѣчательностями. Число жителей губерніи, изъ какихъ племенъ она состоитъ, народные промыслы. Число жителей государства; главныя ихъ племена, языки. Вѣроисповѣданіе. Народное просвѣщеніе и народные промыслы. Царство польское и великое княжество финляндское будутъ разсматриваемы въ такомъ же видѣ, какъ и россійская имперія. Учебникъ Зябловскаго.

8) **По французскому языку:** въ IV клас. (3 ур.) упражненіе въ чтеніи; затверживаніе словъ и реченій; ученики начинаютъ учить принятую въ руководство грамматику (Ломонда) въ русскомъ переводѣ съ объясненіемъ учителя частей рѣчи на французскомъ языкѣ и приспособляются къ словеснымъ переводамъ на русскій языкъ изъ книги: „Abrégé des aventures de Télémaque d' après l'ouvrage de Fénelon". Въ V—проходятъ 1-ю часть грамматики Ломонда на французскомъ языкѣ; пишутъ подъ диктовку, занимаются анализомъ на французскомъ же языкѣ, и переводятъ на русскій языкъ изъ принятой въ руководство христоматіи Нувеля; сверхъ того учатъ наизусть басни Лафонтена и Флоріана; въ VI классѣ: сверхъ практическаго объясненія на французскомъ языкѣ правилъ синтаксиса при анализѣ, проходятъ по Летивьё синтаксисъ, приложенный къ грамматикѣ Ломонда, занимаются еще нѣкоторое время переводами на русскій языкъ о разныхъ предметахъ въ высокомъ слогѣ (изъ „Chrestmathie francaise ou recueil de pièces diverses en prose et en vers tirées des meilleurs auteurs") и учатъ наизусть стихотворенія, выбираемыя изъ лучшихъ французскихъ поэтовъ; къ VII классу отнесено тоже самое съ тою только разницею, что предметы для переводовъ избираются въ слогѣ высшемъ, и по возможности ученики пріучаются излагать и собственныя свои мысли на французскомъ языкѣ.

9) **По нѣмецкому языку:** въ I классѣ чтеніе и письмо; во II—переводъ легкихъ предложеній; въ III—тоже самое и къ концу года начало этимологіи; въ IV—переводъ съ нѣмецкаго прозы и стиховъ и изученіе этимологіи; въ V—синтаксисъ, во 2-ю половину года переводы съ русскаго языка на нѣмецкій; въ VI—заучиваніе грамматическихъ правилъ, переводы съ нѣмецкаго на русскій отрывковъ изъ классическихъ писателей, и переводы съ русскаго на нѣмецкій. Къ VII классу отнесено общее изученіе грамматики и переводы съ нѣмецкаго на русскій и обратно.

10) **По рисованію, черченію и чистописанію:** А) *По рисованію:* въ I, II и III классахъ учащіеся занимаются практически неполными фигурами съ показаніемъ пропорціональности оныхъ въ однихъ контурахъ; въ III клас. изучаютъ полную фигуру человѣка и пропорцію его; въ IV, V, VI классахъ

назначеніе часовъ и распредѣленіе уроковъ таковое же, какъ и въ низшихъ классахъ, но учащіеся занимаются полными и неполными фигурами человѣка, звѣрей, животныхъ, цвѣтовъ и ландшафтовъ съ показаніемъ правильнаго расположенія и смѣшенія тѣней со свѣтомъ, обыкновенными карандашами, а потомъ итальянскими, французскими, цвѣтными и водяными красками и тушью; къ VII классу отнесены тѣ же занятія.

В) *По черченію:* въ I, II, III клас. учащіеся упражняются въ черченіи съ таблицъ, въ различныхъ видахъ линейныхъ геометрич. фигуръ и неполныхъ частей 5 архитектурныхъ орденовъ, но безъ отушевочныхъ тѣней, въ однихъ контурахъ, и въ III клас. показываются различныя черченія полныхъ архитектурныхъ орденовъ съ орнаментами въ контурахъ; въ IV, V и VI кл. назначеніе часовъ и раздѣленіе уроковъ таковое же, и учащіеся въ сихъ классахъ упражняются черченіемъ плановъ, фасадовъ, полныхъ архитектурныхъ орденовъ съ орнаментами и показаніемъ правильности въ оттушовкѣ и иллюминованіемъ красками, а въ заключеніе показываются начала линейной перспективы практически; къ VII классу отнесены тѣ же занятія.

С) *По чистописанію:* учащіеся I и II классовъ занимаются чистописаніемъ по двумъ графамъ крупно, средней величины и мелко; въ III клас., какъ уже послѣднемъ въ занятіи по чистописанію, пріучаются постепенно къ мелкому письму по одной графѣ и безъ оныхъ.

По этимъ программамъ мы можемъ судить какъ о суммѣ свѣдѣній по разнымъ наукамъ, преподававшимся въ гимназіи, такъ и о характерѣ этихъ свѣдѣній. Мы однако же не будемъ разбирать этихъ конспектовъ и оспаривать ихъ. Очевидно съ теперешней точки зрѣнія они не выдержатъ критики ни въ какомъ отношеніи. Можно оспаривать все: и распредѣленіе матеріала по классамъ, и характеръ самыхъ знаній. Мы лучше отмѣтимъ все то хорошее, что заключается въ этихъ конспектахъ и что не худо запомнить каждому преподавателю.

Распоряженіе высшаго начальства о томъ, чтобы въ началѣ года учителя представляли конспекты того, что они намѣрены преподать въ наступающемъ учебномъ году, при чемъ по необходимости указывается и порядокъ, въ которомъ будетъ проходиться курсъ той или другой науки,—это распоряженіе одно изъ плодотворнѣйшихъ: оно заставляетъ учителя заранѣе осмыслить то, что онъ намѣренъ преподать ученикамъ, и въ какомъ порядкѣ преподать. Конспектъ—это та руководная нить въ преподаваніи, безъ которой учителю много приходится путаться, блуждать и ошибаться. Но начальство пошло еще дальше: во 2-мъ учебномъ году пореформенной гимназіи оно потребовало, чтобы учителя объясняли и свои методы преподаванія, чтобы видѣть и обсудить на совѣтѣ, какъ тотъ или другой преподаватель намѣренъ воспользоваться своимъ конспектомъ и что онъ думаетъ преслѣдовать при прохожденіи своей науки. Пожалѣть здѣсь объ одномъ нужно: не всѣ преподаватели представили свои объясненія методовъ,—и тѣ, которые объяснили ихъ, сдѣлали это не такъ подробно.

Относительно преподаванія славянскаго языка Ершовъ говоритъ: „выбираются лучшія мѣста изъ христоматіи, начиная съ легчайшихъ, и дѣлается имъ буквальный переводъ на употребительнѣйшій языкъ; потомъ слѣдуетъ переводъ перифразисомъ, какъ первый шагъ къ сочиненію, при чемъ покажется значеніе словъ и грамматическія различія, свойственныя обоимъ языкамъ—русскому и славянскому“. Относителсно *періодовъ* и стопосложенія Ершовъ высказываетъ слѣдующія мысли: въ первомъ случаѣ берутся короткія фразы и дѣлается имъ размноженіе посредствомъ придаточныхъ предложеній, съ объясненіемъ происходящихъ отъ того оттѣнковъ мысли. Потомъ покажется образъ составленія періодовъ и различіе ихъ по разному способу соединенія частей или предложеній. Въ послѣднемъ случаѣ, т. е. касательно стопосложенія будутъ показаны употребительные въ русскомъ языкѣ метры съ примѣрами по роду и числу стопъ. Въ словесности все вниманіе будетъ обращено на практику; теорія же войдетъ сюда только какъ прибавленіе. Сочиненія начинаются съ легчайшихъ предметовъ и восходятъ постепенно къ труднѣйшимъ. Но составленіе ихъ посредствомъ, такъ называемыхъ, *источниковъ изобрѣтенія,* или по хріямъ, равно какъ и *подражанія*—будутъ совершенно исключены, чтобы не стѣснять свободу воображенія дѣтей и заранѣе пріучить ихъ отыскивать въ предметахъ собственныя точки зрѣнія. Само собою разумѣется, что въ сочиненіяхъ главнымъ предметомъ будетъ слогъ. Въ исторіи литературы сперва будутъ показаны основанія, по которымъ должно разсматривать литературу каждаго народа; а потомъ на тѣхъ же основаніяхъ изложится исторія отечественной литературы. Грамматическія упражненія будутъ ограничиваться двумя частями: синтаксисомъ и правописаніемъ; а въ логикѣ покажутся только начала мышленія наиболѣе имѣющія примѣненія; всѣ же схоластическія подробности и раздѣленія, безплодно обременяющія память, будутъ оставлены. Вмѣсто этого будутъ читаны дѣтямъ небольшія философскія разсужденія, приличныя ихъ занятіямъ и доступныя ихъ уму. Не совсѣмъ подробно Ершовъ объясняетъ свой методъ преподаванія (впрочемъ это онъ дѣлаетъ не безъ причины: дѣло въ томъ, что выполненіе не всегда согласуется съ теоріей, и потому Ершовъ, ограничившись общимъ взглядомъ на дѣло, относительно подробностей, полагается на „опытъ“), все таки онъ очень ясно высказываетъ свои желанія, которыя каждый преподаватель русскаго языка долженъ всегда помнить: онъ постарается „употребить все, чтобы сдѣлать свой предметъ сколько можно яснѣе и занимательнѣе“; онъ выберетъ изъ своего предмета только то, что не будетъ притуплять ученика, стѣснять свободу его воображенія, а что напротивъ, будетъ будить въ ученикѣ самодѣятельность. Самъ оригинальный сочинитель, у котораго юная голова наполнена живыми образами, просившимися выйти наружу въ оригинальной формѣ, Ершовъ всѣми силами ненавидитъ риторическія *источники изобрѣтенія,* связывающія умнаго ученика по рукамъ и ногамъ, убивая въ тоже время въ немъ самостоятельность, а глупаго пріучающія ни о чемъ не думать. Ершовъ намѣренъ поступать вопреки всѣмъ этимъ источникамъ: въ сочиненіяхъ онъ

предоставить каждому ученику „собственную точку зрѣнія". Иначе и не могъ смотрѣть на дѣло поэтъ, воспитавшійся на сочиненіяхъ первоклассныхъ геніевъ литературы того времени, во главѣ которыхъ стоялъ Пушкинъ. Отъ „сочиненій" учениковъ гимназіи, конечно, далеко до творчества поэтическаго, во всякомъ случаѣ точки соприкосновенія между этими разными концами одного предмета найти можно, особенно такому учителю, каковъ былъ Ершовъ. Послѣдній это соприкосновеніе и находилъ, и свои воззрѣнія на поэтическое творчество онъ переносилъ съ этого творчества на ученическія сочиненія. А на поэтическое творчество онъ смотрѣлъ такъ, какъ смотрѣли въ то время всѣ лучшіе люди: поэтъ—это не обыкновенный смертный человѣкъ, который сочиняетъ на заданную тему, а „сынъ небесъ, на которомъ ярко горитъ печать священнаго помазанія" и который никогда не дастъ вамъ отвѣта на вопросъ, какъ онъ творитъ. Онъ не можетъ вамъ сказать того, что даже первая мысль созданія бываетъ всегда слѣдствіемъ того или другаго его размышленія; художникъ съ первой до послѣдней минуты творитъ безсознательно. Иногда творчество начинается съ размышленія, но этимъ мгновеніемъ и оканчивается постороннее вліяніе. Съ того самаго мгновенія, какъ свѣтлая мысль принята душой, она сродняется съ нею, дѣлается ея собственностью, ея твореніемъ; она развивается силами души, которыя извлекаютъ изъ нея все богатство, не примѣтное для простыхъ глазъ. Чувство согрѣваетъ ее всею роскошью идеальной красоты; наконецъ воля выводитъ ее въ кругъ земныхъ явленій и дѣлаетъ ее достояніемъ человѣчества. Что же бываетъ съ художникомъ въ эти три главныя эпохи внутренней его жизни? Что испытываетъ душа его, принимая мысль созданія, развивая ее въ возможной полнотѣ и наконецъ облачая ее вещественнымъ покровомъ? Это тайна художника. Даже внѣшніе признаки, по которымъ можно бы заключить о состояніи его души, такъ разнообразны не только въ разныхъ недѣлимыхъ, но даже въ одномъ и томъ же лицѣ по разнымъ обстоятельствамъ, что нельзя принять ихъ при общемъ соображеніи. Немногія черты, въ которыхъ сходятся минуты вдохновенной жизни художниковъ—вотъ все, что можно предложить пытливому любознанію. Эти черты—незапное (внезапное) оживленіе при возникшей мысли, въ которомъ поэтъ видитъ уже цѣлость созданія, потомъ углубленіе въ самого себя при началѣ творческаго труда, совершенное охлажденіе ко всему постороннему, даже удовольствіямъ жизни, быстрые переходы изъ одного состоянія въ другое, отъ одной страсти къ другой, смотря по качеству развиваемой идеи, наконецъ полнота наслажденія или лучше блаженства созданія: оно живетъ уже не только для души одного художника. Остается осуществить его въ „дохновенный" трудъ, представить его внѣшнимъ существамъ не для того, чтобы снискать рукоплесканія, а для того, чтобы вполнѣ исполнить творческое дѣло человѣка, чтобы самому еще насладиться творческимъ созданіемъ и другихъ сдѣлать участниками чистыхъ своихъ наслажденій. *) Не нужно

*) Изъ рѣчи Ершова „нѣсколько мыслей о художникахъ", говоренной имъ на актѣ гимназіи въ 1839 г. Дѣло архива 153; Вѣдомости объ успѣхахъ учениковъ за $18^{38}/_{39}$ угебн. годъ.

однако думать, что Ершовъ потребуетъ отъ учениковъ какого либо сочинительства. Кто можетъ дать „свою точку зрѣнія“, того Ершовъ не будетъ стѣснять никакими риторическими рубриками: вступленіями, изложеніями, доказательствами и т. п.,—пиши какъ угодно, лишь бы было дѣло,—а кто не можетъ, съ того Ершовъ не потребуетъ невозможнаго, но за то во всякомъ сочиненіи онъ будетъ требовать слога, т. е. умѣнья правильно выражать свои мысли. Чтобы правильнѣе оцѣнить эти мысли молодаго преподавателя, нужно ихъ сравнить съ тѣмъ, какъ смотрѣли на дѣло другіе преподаватели, учившіе гимназистовъ до Ершова. Вотъ какъ изображаетъ К. М. Голодниковъ вліяніе риторики на ученическія сочиненія. Сказавъ о томъ, какъ въ дореформенное время ученикамъ I класса преподавали логику, при изученіи которой все начиналось и оканчивалось безпощаднымъ зубреніемъ академическихъ записокъ преподавателя, Голодниковъ продолжаетъ: „Еще интереснѣе была преподаваема, по риторикѣ Кошанскаго, форма разнаго рода сочиненій, какъ-то періодовъ, хрій и т. п. Первые опыты сочиненія писались по вопросамъ: кто, что, гдѣ, при чьей помощи и т. д., и у насъ выходили преуморительныя вещи—въ родѣ, наприм., слѣдующихъ: Кто? Каинъ. Что? Убилъ брата своего Авеля. Гдѣ? Въ полѣ. Когда? Въ свободное отъ своихъ занятій время. При чьей помощи? Этотъ вопросъ приводилъ въ большое смущеніе сочинителя, такъ какъ кромѣ отца и матери убійцы другихъ людей еще на землѣ не было. Какъ же было отвѣчать на этотъ злосчастный вопросъ? Думалъ, думалъ бѣдный мальчуганъ и наконецъ придумалъ: въ священномъ писаніи говорится, что ни одинъ волосъ не спадетъ съ головы человѣческой безъ воли Божіей.... Чего же лучше? И вотъ онъ, махнувъ рукою, ставилъ: при помощи Божіей. Такимъ образомъ выходило, что первое преступленіе на землѣ совершено было при помощи Божіей. Или: Кто?—Александръ Македонскій. Что?—Покорилъ весь свѣтъ. Гдѣ? Опять затрудненіе, гдѣ же назначить нахожденіе „всего свѣта“? Если показать его на землѣ, то вѣдь она-то и составляетъ его, если означить во вселенной, то вѣдь извѣстно было, что хотя Македонскій герой былъ и великій человѣкъ, но на небесахъ все таки не воевалъ; и вотъ смущенный донельзя авторъ отвѣчалъ на вопросъ: „гдѣ?“—„въ исторіи Кайданова“. При чьей помощи?—При помощи своего генія. Одинъ шутникъ написалъ даже такую рацею. Кто? Петръ Кузьмичъ Рѣзановъ. Что?—Надоѣлъ всей гимназіи своей латынью. Когда?—И до лекцій и послѣ нихъ. Гдѣ? Вездѣ: и дома и въ гимназіи. При чьей помощи?—При помощи грамматики Попова, гдѣ больше исключеній, чѣмъ правилъ.“ Таково было сочинительство учениковъ гимназіи, наученныхъ риторикою Кошанскаго. Возвращаясь къ конспекту и объясненію метода Ершова, мы находимъ здѣсь одно излишнимъ: это намѣреніе пользоваться и преподаваніемъ славянскаго языка, какъ средствомъ къ обученію писать сочиненія; но и это намѣреніе, очевидно, вытекаетъ изъ того же источника: изъ страстнаго желанія преподавателя осмыслить всякое свое дѣло. *)

*) Любопытно, что на третій годъ своего преподаванія Ершовъ жаловался на то, что въ VII классѣ по словесности только 2 урока „не смотря на обширность предметовъ—піитики

О томъ же хлопочетъ и учитель исторіи. Замѣнивъ исторію Кайданова исторіею Шрекка, онъ говоритъ: „Руководствоваться симъ авторомъ при первоначальномъ обозрѣніи исторіи признаю полезнымъ и потому, что она излагается у сочинителя двумя способами: и народоповѣствовательнымъ и современнымъ, а сіе, понудивъ учащихся къ дѣятельности, будетъ съ тѣмъ вмѣстѣ способствовать и къ развитію ихъ способностей. Исторія Шрекка для IV, V, VI класса написана такъ, что авторъ не просто изъясняетъ событія, но разсматриваетъ оныя философическимъ образомъ и чрезъ сіе упражняетъ не одну память, но и пріучаетъ къ сужденію и размышленію“. По этой же причинѣ преподаватель проситъ разрѣшенія замѣнить исторію Кайданова (для VII класса) исторіей Устрялова (если послѣдняя будетъ отпечатана). Учитель французскаго языка при изученіи языка намѣренъ „наблюдать строжайшую постепенность въ томъ, чтобы не начинать учить другое, не укоренивши въ памяти первое“... Преподаватели другихъ предметовъ не даютъ объясненія своихъ методовъ, но во всякомъ случаѣ духъ новѣйшаго преподаванія, не похожаго на преподаваніе старыхъ временъ, коснулся всѣхъ. Это мы особенно видимъ по протоколамъ педагогическаго совѣта, въ которомъ излагается вопросъ: „Объ улучшеніи учебнаго дѣла въ гимназіи“. Этотъ вопросъ составитъ у насъ слѣдующую главу, а въ заключеніе настоящей мы кратко скажемъ о томъ, на сколько преподаватели могли выполнить свои конспекты и свои pia desiderata. Это выполненіе, понятно, зависѣло не только отъ знаній и способностей самихъ преподавателей, но и отъ многихъ другихъ причинъ, между которыми немаловажное значеніе имѣетъ достаточное количество учебныхъ пособій (не говоря уже про ихъ внутреннее достоинство), исправное посѣщеніе учащими и учащимися уроковъ и проч. Разберемъ нѣкоторыя изъ этихъ причинъ. Довольно ли было учебныхъ пособій по предметамъ? Представляя свой конспектъ въ 1836 году, законоучитель приписываетъ, что Священную исторію Ветхаго Завѣта имѣютъ не всѣ ученики, а особенно учащіеся въ І-мъ классѣ; по предмету изъяснительнаго чтенія Священной исторіи „ни учащій, ни учащіеся не имѣютъ книги“. Преподаватель исторіи и статистики говоритъ, что уже изъ самаго конспекта видно, какія потребно выписать книги

въ соединеніи съ эстетикой и исторіи литературы“. Отъ этого происходитъ два неудобства: 1) не достаетъ времени для практическихъ занятій и 2) для чтенія лучшихъ сочиненій въ поясненіе теоріи. „Притомъ и исторія русской литературы по этому самому проходится довольно поверхностно“. На то же жалуются учителя словесности и въ настоящее время. Вообще видно, что вопросы образованія занимали Ершова больше, нежели его товарищей, и въ постановкѣ гимназическихъ наукъ онъ находилъ много недостатковъ. „Соображая настоящій способъ ученія,—говоритъ онъ въ своей статьѣ „Мысли о гимназическомъ курсѣ“,—мы примѣтимъ три рода недостатковъ: 1) нѣкоторые предметы безъ надобности усилены; 2) другіе несправедливо пренебрежены, и 3) наконецъ большая часть (если не всѣ) не введена въ должные предѣлы для гимназическаго ученія“, и затѣмъ сильно возстаетъ, что латинскій языкъ, безъ причины, поставленъ краеугольнымъ камнемъ образованія; что ужъ лучше бы, если необходимо, краеугольнымъ камнемъ поставить языкъ греческій, какъ языкъ самостоятельный, который и ближе къ намъ по духу и исторіи. Благоговѣя предъ высокимъ значеніемъ

для учащаго и для учащихся по поименованнымъ предметамъ, но считаетъ нужнымъ указать на необходимо нужныя: 1) атласъ Брюэ; 2) атласъ нѣмыхъ картъ; 3) общій учебный атласъ 1823 г. Максимовича; 4) атласъ россійской имперіи изъ 17 картъ; 5) древніе карты восточной и западной римской имперіи; 6) атласъ Майкова; 7) глобусъ небесный и земной. Очевидно ничего изъ перечисленныхъ пособій подъ руками учителя не было. Учитель французскаго языка пишетъ: „Для доставленія ученикамъ скорѣйшаго, легчайшаго и вполнѣ удовлетворительнаго способа къ пріисканію словъ, сверхъ только одного французскаго словаря въ гимназіи находящягося, необходимо имѣть въ каждомъ классѣ по одному французско-русскому, и если уже не два, то хотя во всѣхъ классахъ одинъ русско-французскій.... Къ скорѣйшему распространенію разговорнаго языка въ IV и V классахъ не излишне было бы выписать нѣсколько экземпляровъ разговоровъ Вегелина, расположенныхъ на 150 уроковъ, или какого либо лучшаго и болѣе новѣйшаго изданія. Въ V классѣ христоматіи Нувеля одинъ только экземпляръ и въ продажной библіотекѣ также таковыхъ нѣтъ; а потому надобно бы было увеличить выпискою число экземпляровъ и этой книги. Для переводовъ на французскій съ русскаго языка для VI и VII—нужно имѣть также нѣсколько экземпляровъ христоматіи Зорича“. Изъ конспекта учителя чистописанія, черченія и рисованія мы видимъ, что онъ знаетъ массу хорошихъ пособій, но для насъ также очевидно, что ни одного изъ этихъ пособій въ Тобольской гимназіи не имѣлось. Учитель латинскаго языка коротко замѣчаетъ, что „полезно снабдить учениковъ лексиконами Кронеберга“. О гимназическомъ книгохранилищѣ Ершовъ такъ писалъ своему пріятелю: „Гимназическая библіотека, которую я, какъ библіотекарь, знаю какъ свои пять пальцевъ, и на которую я дорогой надѣялся, представляетъ такъ мало пособій, что нельзя сказать, а если изъ этой малости выкинуть еще соръ, то останется ровно ничего. А назначено 700 руб. ежегодно на книги. Кажется можно бы кое-что завести. Да благо некому подумать объ этомъ“. *) Представляя программу словесности въ 1837 году, Ершовъ приписываетъ, что по части практической (т. е. при прохожденіи исторіи литературы) нужно имѣть полныя сочиненія по крайней мѣрѣ нашихъ главнѣйшихъ

математики, онъ находитъ, что преподаваніе нѣкоторыхъ частей ея очень уже усилено въ гимназіяхъ; что математика, при томъ, требуетъ особенныхъ способностей, которыми не всѣ учащіеся надѣлены; что требовать знанія высшихъ частей математики отъ того, кто съ трудомъ соображаетъ низшія, значитъ идти наперекоръ природѣ и разсудку. Къ числу предметовъ, не введенныхъ въ должные предѣлы для гимназическаго ученія, онъ относитъ: 1) русскій языкъ и словесность, находя преподаваніе ихъ ограниченнымъ почти только заучиваніемъ правилъ; 2) философію, или собственно логику, которую изучаютъ слишкомъ схоластически, какъ какую-то умственную технологію; онъ полагаетъ, что психологія, эѳика и отчасти метафизика съ исторіею философскихъ системъ непремѣнно должны войти въ составъ преподаванія философіи въ гимназіи; 3) исторію, замѣчая, что русская исторія преподается гораздо сокращеннѣе, чѣмъ исторія грековъ и римлянъ; 4) подобное же замѣчаніе дѣлаетъ и о преподаваніи географіи; 5) о преподаваніи статистики выражается онъ

*) Страница 48.

писателей, напримѣръ, Карамзина, Марлинскаго, Лажечникова, Загоскина, Гоголя, Пушкина, Дельвига, Жуковскаго, Веневитинова, Кукольника, Гнѣдича и проч.“ Въ распоряженіи преподавателя по этой части было только одно „Собраніе образцовыхъ сочиненій“, которое Ершовъ считаетъ вовсе неудовлетворительнымъ, по той простой причинѣ, что позднѣйшія изъ этихъ „образцовыхъ сочиненій“ относятся къ 1826 году, а съ того времени сколько явилось новыхъ превосходныхъ сочиненій по всѣмъ частямъ! Вотъ точныя свѣдѣнія о количествѣ книгъ фундаментальной библіотеки того времени, заимствованныя нами изъ рапорта того же Ершова, представленнаго имъ директору 2 декабря 1837 года: „Всѣхъ книгъ 853: 1) по отдѣленію богословія 66, 2) по философіи 50, 3) по правовѣдѣнію 59, 4) по политикѣ 29, 5) по естественной исторіи 34, 6) по технологіи и домоводству 27, 7) по медицинѣ 15, 8) по физикѣ и химіи 42, 9) по математикѣ 89, 10) по географіи 57, 11) по исторіи 112, 12) по языкознанію 95, 13) по словесности 124, 14) по искусству и смѣси 22, 15) періодическихъ изданій 32.“ Несомнѣнно, что многія изъ книгъ, особенно періодическихъ изданій, были избиты и не въ полномъ количествѣ нумеровъ, какъ писалъ о библіотекѣ директоръ Грибовскій въ ноябрѣ 1835 года. Относительно физическаго кабинета нужно сказать слѣдующее: во время преобразованія гимназіи въ 1836 г. она имѣла полный недостатокъ въ нужнѣйшихъ физическихъ инструментахъ. Къ 1 января 1837 г. было только 27 нумеровъ, да и изъ тѣхъ нѣкоторые были испорчены и потому не могли быть въ употребленіи. Этотъ недостатокъ впрочемъ зависѣлъ не отъ того одного, что „некому было объ этомъ позаботиться:“ главное затрудненіе заключалось въ трудности доставки инструментовъ изъ столицъ; никто изъ торговцевъ не принималъ на себя этой комиссіи. Кромѣ того, чтобы привести физическій кабинетъ въ удовлетворительное состояніе, нужна была значительная сумма въ виду дороговизны многихъ приборовъ и значительныхъ расходовъ на доставку ихъ, такъ что положенной по штату на учебныя пособія суммы оказывалось для этого совершенно недостаточно. По этому дирекція рѣшилась ходатайствовать о пополненіи физическаго кабинета на счетъ экономической суммы гимназіи. Съ этою цѣлью въ 1838 году была, старшимъ учителемъ физико-математиче-

---

такъ: „А велики ли наши познанія въ статистикѣ, это можно судить потому, что въ 1842 году употребляютъ руководство Зябловскаго, вышедшее въ 1836 г. Хороша статистика“! 6) О преподаваніи богословія въ очеркѣ сказано такъ: „Этотъ предметъ идетъ лучше прочихъ. Только нѣкоторыя части, нужныя для богослова, напримѣръ, церковная исторія, преподаются довольно подробно для свѣтскаго христіанина. Надобно замѣтить также, что объ исторіи нашей церкви едва упоминаютъ“. Къ этимъ же, не въ должномъ порядкѣ преподаваемымъ, предметамъ, отнесъ онъ: а) россійское законовѣдѣніе, судоустройство и судопроизводство, б) языки новѣйшіе, в) чистописаніе, рисованіе и черченіе. Затѣмъ переходитъ къ поясненію, чего недостаетъ гимназическому образованію, или, какъ онъ выражался, какіе предметы въ способѣ ученія несправедливо пренебрежены. Это именно: 1) естественныя науки, 2) технологія и хозяйство, 3) медицина, 4) греческій языкъ, 5) музыка и пѣніе, 6) гимнастика, плаваніе и верховая ѣзда.

Біографія, стр. 94—96.

скихъ наукъ, составлена опись необходимыхъ къ пріобрѣтенію вновь физическихъ инструментовъ, которая, по разсмотрѣніи ея въ педагогическомъ совѣтѣ, была представлена начальству и въ 1839 г. утверждена Министромъ народнаго просвѣщенія, разрѣшившимъ употребить на этотъ предметъ до 4000 руб. ассигнаціями изъ экономической суммы гимназіи. Купленные въ счетъ этой суммы инструменты въ С.-Петербургѣ отъ придворнаго физикомеханика Распила на 1080 руб. 7 коп. серебр. были получены въ 1841 году.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Вопросъ объ улучшеніи учебнаго дѣла въ гимназіи. Рапортъ Качурина: 1) преподаваніе космографіи съ физическою географіею и метеорологіей и общей физики; 2) преподаваніе французскаго языка; 3) соображенія касательно введенія въ гимназію преподаванія законовѣдѣнія и судопроизводства съ судоустройствомъ; 4) развитіе умственныхъ способностей учащихся; 5) посѣщеніе учителями уроковъ; 6) фундаментальная библіотека. Пренія по поводу рапорта: 1) возраженія Рѣзанова и Лукина; 2) Лукинъ—объ урегулированіи пріема учениковъ въ гимназію, послѣобѣденныхъ занятіяхъ и сокращеніи часовъ занятій для учениковъ низшихъ классовъ; 3) возраженіе Лемана; 4) отвѣтныя возраженія Качурина. Результатъ.

Теперь разсмотримъ вопросъ объ улучшеніи учебнаго дѣла въ гимназіи. Ближайшимъ поводомъ къ возникновенію этого вопроса служила ревизія, произведенная въ гимназіи чиновникомъ особыхъ порученій генералъ-губернатора въ началѣ 1837 года. Объ этой ревизіи мы однако же въ архивѣ ничего не нашли и только можемъ догадываться объ ея результатахъ по тѣмъ пунктамъ рапорта инспектора Качурина, который былъ предложенъ инспекторомъ вниманію Педагогическаго Совѣта. По уставу 1828 г. преподаваніе космографіи вмѣстѣ съ физической географіей и метеорологіей было отнесено къ V клас., что оказалось на практикѣ не совсѣмъ удобнымъ, потому что космографія „во всѣхъ случаяхъ для яснѣйшаго уразумѣнія должна основываться на математическихъ доказательствахъ и есть выводъ изъ всей математики, равно какъ и физическая географія и метеорологія должны основываться на физико-математическихъ познаніяхъ,—а эти познанія пріобрѣтаются только учениками VII класса". На основаніи этихъ соображеній Качуринъ предложилъ преподаваніе космографіи съ физической географіей и метеорологіей перенести въ VII классъ, а въ V классѣ взамѣнъ того (одинъ разъ въ недѣлю) ввести преподаваніе общей физики, поручивъ этотъ предметъ одному изъ старшихъ учителей математики, занимающемуся преподаваніемъ общей физики въ высшихъ трехъ классахъ гимназіи. Второй пунктъ рапорта Качурина касался

преподаванія французскаго языка, успѣхи по которому видимо были недостаточны, въ чемъ былъ виноватъ съ одной стороны преподаватель, а съ другой— достаточности успѣховъ по этому предмету мѣшало, по мнѣнію Качурина, то обстоятельство, что онъ введенъ былъ съ IV класса. Качуринъ полагалъ, что для успѣшнаго пріученія учащихся къ хорошему и правильному произношенію необходимо нужно ввести преподаваніе французскаго языка со II класса гимназіи, отдѣливъ для этого во II и III классахъ по одному уроку отъ ариѳметики и латинскаго языка. Ученики во II и III классахъ по французскому языку будутъ заниматься чтеніемъ, письмомъ, заучиваніемъ нужнѣйшихъ французскихъ вокабуловъ и разговоровъ съ поясненіемъ имъ первоначальныхъ грамматическихъ правилъ. Третій пунктъ рапорта касался введенія въ Тобольской гимназіи преподаванія россійскаго правовѣдѣнія и судопроизводства. Введеніе этихъ предметовъ въ сибирскихъ гимназіяхъ уставомъ 1828 года предоставлено было усмотрѣнію мѣстнаго училищнаго начальства (съ утвержденія Министра народнаго просвѣщенія). Качуринъ доказывалъ, по обыкновенію, кратко, но убѣдительно, что это введеніе весьма нужно, потому что дѣти сибирскихъ чиновниковъ, обучающіеся въ гимназіи, всѣ почти имѣютъ одинаковую цѣль поступить на службу по гражданской части; кромѣ того—предположено воспитывать при гимназіи 20 человѣкъ изъ дѣтей сибирскихъ чиновниковъ на казенный коштъ для службы гражданскаго вѣдомства, а потому безъ введенія правовѣдѣнія въ курсъ наукъ гимназическіе ученики будутъ поступать на службу, не имѣя приготовительныхъ познаній по своему назначенію. Четвертый пунктъ касался общаго преподаванія. Качуринъ предлагаетъ въ обязанность учителямъ гимназіи, чтобы они наиболѣе обращали вниманіе на развитіе умственныхъ способностей учащихся и сколько возможно старались избѣгать машинальнаго заучиванія наизусть, каковое упражненіе памяти признается только нужнымъ при изученіи языковъ и хронологіи, и во всякомъ случаѣ пріучать ихъ къ основательному и внятному объясненію, по собственному ихъ сознанію и размышленію. На ряду съ этими заботами объ упорядоченіи преподаванія Качуринъ заботится и о томъ, чтобы преподаватели въ точности и неупустительно выполняли свои обязанности: своевременно посѣщали классы, не отлучались произвольно отъ должности, въ учебное время не имѣли никакихъ постороннихъ занятій и развлеченій; чтобы они въ случаѣ неявки въ классы предварительно извѣщали инспектора съ объясненіемъ причины небытія и въ случаѣ болѣзни представляли бы свидѣтельство медицинскаго чиновника; за упущеніе же классовъ, безъ законныхъ причинъ учиненное, Качуринъ предлагаетъ дѣлать всякій разъ по прошествіи мѣсяца вычетъ изъ жалованья и доводить о томъ до свѣдѣнія гражданскаго губернатора. Библіотекарю фундаментальной библіотеки Качуринъ хлопочетъ поставить въ обязанность, дабы онъ составилъ новый систематическій каталогъ всѣмъ книгамъ, который по разсмотрѣнію его въ педагогическ. совѣтѣ нужно будетъ внести въ шнуровую книгу съ соблюденіемъ аккуратности и чистоты. Сверхъ того нужно, по мнѣнію Качурина, поставить правиломъ при выдачѣ книгъ временно гим-

назическимъ чиновникамъ подъ росписку въ шнуровой книгѣ, чтобы никто изъ нихъ не удерживалъ ихъ у себя болѣе 4 мѣсяцевъ, такъ чтобы черезъ каждую треть года библіотека была пополняема и могла быть представлена на ревизію педагогическаго совѣта... Библіотекарь, по разсмотрѣніи фундаментальной библіотеки, долженъ представить немедленно какъ о книгахъ, требующихъ исправленія переплетовъ, такъ и о лучшемъ ихъ размѣщеніи. Къ заботамъ о фундаментальной библіотекѣ привлекаются всѣ преподаватели: каждому поставляется въ обязанность присовокуплять къ ежегодно подаваемымъ ими конспектамъ сои мнѣнія о вновь объявляемыхъ черезъ газеты и журналы лучшихъ сочиненіяхъ по всѣмъ частямъ наукъ, которыя считаютъ нужными для пополненія фундаментальной библіотеки. Рапортъ Качурина (гдѣ нужно съ представленіемъ на благоусмотрѣніе генералъ-губернатора) былъ принятъ совѣтомъ цѣликомъ, но принятъ видимо не безъ преній. При этомъ протоколѣ мы находимъ три отдѣльныхъ мнѣнія, которыя дѣйствительно написаны резонно. Соглашаясь съ мнѣніемъ совѣта, преподаватель Рѣзановъ не согласенъ только по 2-му пункту: о введеніи французскаго языка во II и III классы гимназіи, потому что вопервыхъ—это противъ устава, во вторыхъ ученики не по лѣтамъ слишкомъ обременены и безъ того предметами, а въ третьихъ часы для занятій по французскому языку отнимаютъ отъ необходимыхъ предметовъ. Лукинъ не согласенъ относительно требованія медицинскаго свидѣтельства, потому что считаетъ это требованіе инспектора слишкомъ затруднительнымъ; гораздо лучше будетъ, если дирекція сама будетъ „наряжать" въ случаѣ надобности свидѣтельства. При томъ требованіе отъ учителей въ случаѣ болѣзни медицинскихъ свидѣтельствъ прямо противно учебному уставу 1828 года, гдѣ въ § 198 сказано: „въ случаѣ болѣзни или отсутствія учителя инспекторъ поручаетъ классъ другому или самъ преподаетъ въ ономъ. Въ семъ случаѣ учитель обязанъ заблаговременно увѣдомить инспектора, дабы онъ могъ сдѣлать надлежащія распоряженія". Къ этому Лукинъ прибавляетъ, что едва ли кто изъ учителей будетъ обманывать начальство относительно своей болѣзни, ибо „гимназія есть представительница общественнаго благонравія; а потому каждый учитель безъ всякаго напоминанія объ обязанностяхъ долженъ помнить, что его долгъ есть служить для юношества примѣромъ трезвости, воздержанія и дѣятельности". Съ ограниченіемъ Лукинъ соглашается и съ мнѣніемъ инспектора относительно того, чтобы ученики не изъясняли механически уроки, а съ разсужденіемъ и собственными словами. Признавая это весьма полезнымъ, онъ однако же говоритъ, что такъ какъ Тобольская гимназія еще не давно получила преобразованіе и родители поступающихъ въ гимназію дѣтей большею частію бѣднаго состоянія, а потому не имѣющіе средствъ дать дѣтямъ первоначальнаго домашняго образованія, то вышеозначенное предположеніе инспектора въ настоящее время будетъ весьма трудно исполнить, ибо есть такіе ученики въ гимназіи, которые едва умѣютъ читать, писать и связать десять словъ порядочно. Успѣхи учениковъ парализуются, по мнѣнію Лукина, кромѣ вышеозначенной причины, еще двумя: во

первыхъ въ гимназію принимаются ученики во всякое время года „безъ предварительныхъ понятій", такъ что ради нихъ учителю приходится отвлекаться отъ надлежащаго преподаванія, а вовторыхъ слишкомъ много уроковъ въ младшихъ классахъ, гдѣ мальчику ежедневно приходится заниматься 4-мя предметами, притомъ на половину послѣ обѣда, когда по причинѣ несваренія желудкомъ пищи человѣкъ бываетъ вялъ, лѣнивъ и сонливъ. Для устраненія этихъ неудобствъ Лукинъ предлагаетъ ограничить занятія въ низшихъ классахъ двумя уроками, уничтожить послѣобѣденныя занятія и по возможности принимать учениковъ въ гимназію въ началѣ академическаго года.

Если мы примемъ во вниманіе современное положеніе школьнаго дѣла, то должны будемъ отдать полную справедливость какъ референту въ засѣданіи педагогическаго совѣта гимназіи отъ 27 марта 1837 года, такъ и его оппонентамъ. Всѣ они выказали въ этомъ случаѣ удивительную проницательность. Въ самомъ дѣлѣ: въ настоящее время космографія преподается въ послѣднемъ классѣ, а не въ V, французскій языкъ начинается со 2, точь-въ-точь какъ желалъ того первый инспекторъ Тобольской гимназіи Качуринъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Съ другой стороны послѣобѣденныя занятія теперь не допускаются ни въ одномъ учебномъ заведеніи. Къ слову приведемъ здѣсь свидѣтельство современника объ этихъ послѣобѣденныхъ занятіяхъ: „эти занятія были слишкомъ тяжелы какъ для учениковъ, такъ и для учителя, такъ что не рѣдко случалось, что и учитель зѣваетъ, а изъ учениковъ нѣкоторые, подперши руками подбородокъ, совершенно засыпали" (у П. С. Паутова) [1]. Прошу вспомнить слова К. М. Голодникова о Рѣзановѣ. Въ гимназію если и принимаютъ среди года, то отъ поступающаго строго требуется, чтобы онъ зналъ все, что пройдено учениками гимназіи. Не совсѣмъ справедливое на первый взглядъ мнѣніе Лукина относительно ограниченія ежедневныхъ занятій для учениковъ низшихъ классовъ оказывается болѣе основательнымъ при внимательномъ разсмотрѣніи: не нужно забывать, что урокъ тогдашній продолжался $1^1/_2$ часа. Слѣдовательно Лукинъ признавалъ достаточнымъ ежедневныхъ классныхъ занятій по три часа. Правда въ настоящее время даже ученики приготовительнаго класса сидятъ въ гимназіи болѣе 20 часовъ въ недѣлю, но правда и то, что не всѣми и теперь признается разумнымъ существующее въ гимназіи распредѣленіе времени. Теперь никто не требуетъ, чтобы учитель представлялъ всякій разъ медицинское свидѣтельство о своей болѣзни, но точно также не можетъ учитель остаться безнаказаннымъ, если онъ не придетъ въ гимназію безъ достаточно уважительныхъ причинъ. Любопытно, что и наказывается-то современный учитель именно такъ, какъ предлагалъ Качуринъ.

Но никто такъ не былъ задѣтъ за живое рапортомъ инспектора, какъ преподаватель французскаго языка Леманъ. Пусть и Качуринъ признаетъ, что

---

[1]) П. С. Паутовъ окончилъ курсъ въ 1847 г. и былъ въ 60-хъ годахъ въ гимназіи надзирателемъ.

есть причины неуспѣшности по этому предмету, но ужасно обидно, что такъ прямо онъ поставилъ вопросъ. И Леманъ возсталъ противъ этой постановки всѣмъ своимъ разумѣніемъ, возсталъ для того, чтобы окончательно быть добитымъ безпощаднымъ и жесткимъ Качуринымъ, не посовѣстившимся въ своемъ рапортѣ назвать Лемана „поселенцемъ". Въ своемъ объясненіи Леманъ просилъ совѣтъ не приписывать малые успѣхи учениковъ собственно винѣ учителя, какъ бы не умѣвшаго исполнить своей обязанности... Много причинъ этой неуспѣшности помимо учителя. Вопервыхъ: почти всѣ своекоштные ученики не имѣютъ не только полныхъ или пространныхъ лексиконовъ, но даже у нихъ нѣтъ и краткихъ словарей, отъ чего они встрѣчаютъ большое затрудненіе въ пріискиваніи словъ, приготовляясь внѣ классовъ исполнить заданные переводы. Въ классѣ, продолжающемся $1^1/_2$ часа, изъ разспрашиванія учителемъ уроковъ и при прочихъ объясненіяхъ и упражненіяхъ имъ не достаетъ времени списать въ тетрадки слова съ дикту учителя, а если учитель и говоритъ имъ ихъ наскоро, то нѣтъ возможности удержать ихъ въ памяти; пользоваться же лексиконами, имѣющимися у казенныхъ воспитанниковъ, и приходить для этого особенно имъ также не достаетъ времени. Вторая причина—и едва-ли не главная-та: большая часть учениковъ не имѣетъ склонности и желанія учиться иностраннымъ языкамъ, и учатся потому только, что ихъ заставляютъ учителя; они предварительно знаютъ, что на предстоящемъ поприщѣ ихъ назначенія, по окончаніи курса гимназическаго, не будетъ въ этихъ языкахъ существенной надобности, ибо своекоштные ученики, окончивши курсъ ученія, поступаютъ въ канцелярское званіе, а казенные—опредѣляются учителями приходскихъ или уѣздныхъ училищъ, гдѣ знаніе языковъ не требуется. Такихъ же учениковъ, которые готовятся къ слушанію курса университетскаго, было прежде весьма немного и содержалось какъ 1 къ 50. Сверхъ того ученики, можно сказать безъ изъятія, вступаютъ въ гимназію безъ малѣйшихъ предварительныхъ въ языкахъ знаній, а въ гимназіи учатъ языкъ... въ мѣсяцъ только три дня, въ годъ тридцать дней, а въ 4 года всего 4 мѣсяца ($4^1/_2$ часа въ недѣлю)... Какая же разница по этому предмету въ средствахъ здѣшней гимназіи въ сравненіи съ средствами россійскихъ гимназій или прочихъ учебныхъ заведеній! Тамъ дѣти преимущественно дворянъ и благородныхъ лицъ поступаютъ въ мѣста публичнаго образованія съ предварительными въ языкахъ знаніями и, учась въ этихъ мѣстахъ, снабжены сверхъ того вспомогательными домашними пособіями отъ родителей; тамъ при гимназіяхъ есть пансіоны, въ которыхъ находятся гувернеры изъ иностранцевъ, которые во время занятій воспитанниковъ, внѣ классовъ и въ часы ихъ отдохновеній, находясь почти безотлучно, занимаются съ ними, а здѣсь ничего этого нѣтъ. Объяснивъ далѣе манеру своего преподаванія, Леманъ говоритъ, что нѣкоторые его ученики дѣлаютъ успѣхи. Изъ нихъ суть слѣдующіе: въ IV классѣ изъ числа 6 учатся очень хорошо: Андронниковъ, Плотниковъ; порядочно и прилежно: Неугодниковъ; порядочно, но лѣниво: Карпинскій, итого 4; въ V классѣ изъ числа 3-хъ два: Романовъ и

Голодниковъ хорошо; въ VI кл. изъ числа 5—трое: Алексѣй Романовъ, Андрюковъ и Нестеровъ по силѣ понятій своихъ учатся порядочно, хотя и не постоянно прилежно. А о прочихъ, каковы: Бигаевъ, Котельниковъ, Поповъ, Рихтеръ и Ященко, у которыхъ нѣтъ ни способностей, ни старанія, Леманъ предоставляетъ судить тѣмъ изъ членовъ педагогическаго совѣта, которые, бывъ сами ихъ наставниками, могутъ въ полной мѣрѣ чувствовать не только трудность, но даже и невозможность передать имъ что нибудь основательно. Качуринъ отнесся къ этому возраженію на столько внимательно, что не оставилъ ни одного слова безъ отвѣта. Напрасно, по его мнѣнію, Леманъ требуетъ, чтобы каждый своекоштный ученикъ непремѣнно имѣлъ всѣ лексиконы краткіе и пространные,—это и невозможно и не справедливо: ибо учитель всегда долженъ первоначально заданный текстъ къ переводу заставить учениковъ въ классѣ разсмотрѣть грамматически во всей подробности, сказать всѣ неизвѣстныя слова, которыя они на особой тетрадкѣ записываютъ, съ тѣмъ, чтобы навсегда оставить ихъ въ памяти; времени на это очень достаточно, а въ особенности если переводы будутъ назначаемы по силамъ и понятіямъ учащихся; сверхъ того при Телемакѣ и христоматіи, съ которыхъ ученики переводятъ, находятся также словари. Что же касается до недостатка времени, назначеннаго по уставу на занятія учениковъ гимназіи французскимъ языкомъ, то и на многіе другіе предметы употребляется не больше времени. Все дѣло въ манерѣ преподаванія: Леманъ задаетъ по двѣ печатныхъ страницы, тогда какъ совершенно достаточно по нѣскольку предложеній не болѣе десяти строкъ, да и тѣ слѣдуетъ сперва разсмотрѣть въ классѣ грамматически, подробно, безъ всякаго преждевременнаго сказыванія учителемъ перевода. А потомъ необходимо Леману избѣгать всѣхъ случаевъ, заставляющихъ его нерѣдко по нѣскольку дней упускать уроки, потому что частовременныя болѣзни, безъ доказательствъ законныхъ, не могутъ быть терпимы на службѣ... Ради успѣха по французскому языку Леману ничего изъ указаннаго впредь дѣлать не слѣдуетъ. Что же слѣдуетъ дѣлать? Качуринъ отвѣчаетъ: до приведенія въ дѣйствіе предположенія о введеніи преподаванія французскаго языка по одному уроку въ недѣлю во II и III классахъ гимназіи, учитель, первоначально обучивъ въ IV классѣ чтенію и правильному произношенію съ возможнымъ запасомъ словъ и употребительнѣйшихъ разговоровъ, преимущественно долженъ стараться запечатлѣть въ памяти учащихся, сколько возможно основательнѣе и съ полной удовлетворительностію, склоненіе именъ и мѣстоименій, спряженіе глаголовъ съ краткимъ заучиваніемъ другихъ частей рѣчи, постепенно пріучая учениковъ къ переводамъ легкимъ изъ Телемака съ французскаго и если можно даже съ русскаго на французскій языкъ по христоматіи Зорича. Можно по временамъ задавать выучивать басни изъ Лафонтена, но не иначе какъ по предварительномъ разсмотрѣніи въ классѣ сказаннымъ выше порядкомъ. Въ V классѣ этимологія должна быть проходима гораздо подробнѣе по всѣмъ частямъ рѣчи до той степени, чтобы ученики могли дѣлать основательно анализъ и

пріучаться правильно, безъ грубыхъ ошибокъ, писать съ дикту. Продолжаютъ также заниматься вышеупомянутымъ порядкомъ переводами изъ Телемака или христоматіи Нувеля, держась сколько возможно постепенности при переходахъ отъ легкаго къ болѣе трудному (не безполезно было бы упражнять также учениковъ въ легкихъ переводахъ съ русскаго на французскій по христоматіи Зорича), а по временамъ заучиваютъ басни Лафонтена. Въ VI и VII классахъ исключительно должно заниматься синтаксисомъ по грамматикѣ Ломонда съ дополнительными правилами Летелье, и вообще при прохожденіи грамматики во всѣхъ классахъ не безполезно имѣть грамматику Ноеля, изъ которой учитель можетъ въ нужныхъ случаяхъ при поясненіяхъ дѣлать добавленія. Пріучая въ двухъ послѣднихъ классахъ гимназіи преимущественно къ переводамъ съ русскаго языка на французскій по христоматіи Кюстера, учитель сколько возможно долженъ стараться доводить своихъ учениковъ до того, чтобы они могли обходиться при сихъ переводахъ безъ его участія: ибо въ VII классѣ назначено упражнять уже на французскомъ языкѣ въ сочиненіяхъ. Само собой разумѣется, что учитель во всѣхъ классахъ старается объясняться пофранцузски, пріучая къ тому по возможности и учениковъ. Добавимъ и мы отъ себя, что само собой разумѣется, что Леманъ долженъ былъ смириться и безропотно „со всею готовностью начать исполнять волю начальства“, потому что въ іюнѣ того же года инспектора Качурина уже не было, а былъ директоръ Качуринъ. Не осталось безъ вниманія со стороны Качурина и указаніе, сдѣланное преподавателемъ Лукинымъ, относительно неудобства принятія учениковъ въ гимназію во всякое время года. Поводомъ къ выполненію этого послужило поступленіе въ мартѣ 1838 года двухъ сыновей чиновника Шаврина и ученика Курбатова. Мальчики оказались мало подготовленными, негодными даже для I класса. Хотя начальство и не рѣшилось не принять ихъ въ гимназію, но на будущее время нашло необходимымъ объявить по губерніи касательно порядка поступленія дѣтей въ гимназію и на будущее время принимать въ гимназію въ одно время (на основаніи § 150 устава 1828 года), кромѣ случаевъ, когда учащійся докажетъ экзаменомъ, что онъ можетъ слѣдовать по всѣмъ предметамъ въ текущемъ учебномъ порядкѣ. Объ этомъ дано было знать по губерніи губернскимъ правленіемъ „чрезъ городскія и земскія полиціи“. Главная рѣчь наша о мѣрахъ Качурина къ упорядоченію гимназіи впереди, когда онъ сдѣлался директоромъ, а теперь разскажемъ вопервыхъ о событіи, которое на долго осталось въ памяти учителей и учениковъ Тобольской гимназіи, а вовторыхъ о тѣхъ перемѣнахъ, которыя произошли въ слѣдующіе годы (вплоть до 1849 года) въ личномъ составѣ гимназіи и въ преподаваніи предметовъ.

Въ заключеніе этой главы мы скажемъ, что мнѣніе Качурина о преподаваніи французскаго языка со II класса и космографіи съ относящимися къ ней предметами въ VII классѣ было генералъ-губернаторомъ одобрено и приведено въ исполненіе съ февраля 183⁸/₉ учебнаго года, когда начато было также преподаваніе законовѣдѣнія и судопроизводства съ судоустройствомъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Посѣщеніе Тобольской гимназіи Его Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ.—Приготовленія къ принятію послѣдняго.—Донесеніе директора Грибовскаго о посѣщеніи гимназіи Его Высочествомъ.—День 2 іюня—день торжества для гимназіи въ послѣдующіе годы.—Стихотвореніе, поднесенное Наслѣднику учителемъ Ершовымъ.

1837 года мая 4 дня въ 5 час. пополудни въ собраніи педагогическаго совѣта гимназіи директоръ предложилъ на случай прибытія въ Тобольскъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и посѣщенія Его Высочествомъ Тобольской гимназіи: 1) поставить въ обязанность г.г. учителямъ приготовить къ 20 мая занятія учениковъ, какъ-то: сочиненія, переводы, чертежи, рисунки, прописи русскія, латинскія, французскія и нѣмецкія; 2) привести фундаментальную библіотеку по новому каталогу въ порядокъ; 3) составить вѣдомость о состояніи гимназіи и Тобольскихъ училищъ; 4) приготовить списки учениковъ въ каждомъ классѣ и общую вѣдомость объ успѣхахъ, прилежаніи и поведеніи и пройденныхъ въ теченіи академическаго года предметовъ; 5) купить образа для классовъ и надъ каждымъ классомъ сдѣлать желѣзныя бланки съ номерами; также сдѣлать рамы для учебныхъ часовъ и поправить „классическую" мебель, а на карнизѣ колоннъ гимназическаго зданія сдѣлать на доскѣ изъ листоваго желѣза въ голубомъ полѣ золотыми буквами надпись: *Губернская Гимназія;* 6) перебрать, вычистить и расположить штуфы въ шкафы; 7) окрасить каѳедру снаружи, окрасить домъ, поправить заборъ и проч. Не особенно, значитъ, была благоустроена въ то время Тобольская гимназія, если въ классахъ не было даже образовъ, а снаружи порядочной вывѣски. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи сдѣлать выписку о приготовленіяхъ къ принятію Царственнаго Гостя и о посѣщеніи Имъ гимназіи изъ письма Ершова, писаннаго имъ въ то время своему пріятелю Т—борну въ Петербургъ: „Еще за два мѣсяца до пріѣзда Его Высочества въ Тобольскъ получено было здѣсь о томъ извѣстіе и тотчасъ же были сдѣланы распоряженія объ устройствѣ дорогъ и города. Сибирь пробудилась: куда ни взглянешь, вездѣ жизнь, вездѣ дѣятельность. Гимназія наша тоже послѣдовала общему примѣру, и намъ, сирѣчь учителямъ, навязано было дѣлъ по самую шею. Особенно работалъ я грѣшный. Какъ учитель словесности, я долженъ былъ приготовить сочиненія учениковъ, т. е. дать имъ такой видъ, чтобы Его Высочеству можно было на нихъ взглянуть. Какъ библіотекарь, долженъ былъ составить новый систематическій каталогъ книгамъ, классифировать ихъ, лѣпить номера и за неумѣньемъ писцовъ иноязычной грамотѣ долженъ былъ и переписать каталогъ набѣло—такъ листовъ до 25. Наконецъ, какъ человѣкъ, который занимается виршеписаніемъ, я долженъ былъ по порученію генералъ-губернатора приготовить привѣтствіе. Изъ

всего этого ты можешь заключить, что работы у меня было довольно. Государь Наслѣдникъ пріѣхалъ къ намъ въ ночь съ 1 на 2 іюня и остановился въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, насупротивъ моей квартиры. Поутру во 2 число я отправился къ В. А. Жуковскому и былъ принятъ имъ, какъ другъ. Во время посѣщенія гимназіи Государя Наслѣдника вся наша братія была представлена Его Высочеству. Когда очередь дошла до меня, то генералъ-губернаторъ и Жуковскій сказали что-то Его Высочеству, чего я не могъ слышать, и Его Высочество отвѣтилъ: „очень помню", потомъ обратился ко мнѣ и спросилъ, гдѣ я воспитывался и что преподаю. Тутъ Жуковскій сказалъ вслухъ: „я не понимаю, какъ этотъ человѣкъ очутился въ Сибири". Вечеромъ Великій Князь былъ въ собраніи и остался чрезвычайно довольнымъ. Надо сказать правду, что и городъ не щадилъ ничего для принятія. Однихъ посѣтителей было до пятисотъ человѣкъ. Государь Наслѣдникъ, кромѣ польскаго, протанцовалъ четыре французскихъ кадрили. Здѣсь былъ онъ въ казачьемъ мундирѣ; въ прочее же время носилъ мундиръ преображенскаго полка".[1]) Гимназію Наслѣдникъ удостоилъ посѣщенія 2 іюня въ сопровожденіи генералъ-губернатора князя Горчакова, и. д. губернатора Повало-Швейковскаго и лицъ своей свиты: поэта В. А. Жуковскаго, генералъ-адъютанта Кавелина, д. с. с. Жезловскаго и д. с. с. Арсеньева, флигель-адъютантовъ полковника Юрьевича и Назимова, штабъ-хирурга Енохина и прапорщиковъ Паткуля и Адлерберга. Директоръ Грибовскій такъ доносилъ губернатору о посѣщеніи гимназіи Его Высочествомъ: „Обозрѣвъ залъ и библіотеку, въ оной находящуюся, Его Высочество изволилъ осматривать учебные классы и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ производилъ учащимся испытаніе въ предметахъ въ то время преподаваемыхъ. Замѣтивъ въ одномъ изъ учениковъ гимназіи II класса Константинѣ Широковѣ отличныя способности и узнавъ о сиротскомъ его положеніи, Великій Князь приказалъ подать объ немъ записку и благоволилъ принять его подъ высокое свое покровительство. Потомъ Его Императорское Высочество съ особеннымъ вниманіемъ разсматривалъ изделія губернской выставки, расположенной въ нижнемъ этажѣ гимназическаго зданія, изъ коихъ замѣчательнѣйшія поднесены были Его Высочеству. Затѣмъ посѣтивъ комнаты казенныхъ воспитанниковъ, изволилъ осматривать спальную и потомъ столовую, гдѣ подано было уже кушанье, которое Государь Цесаревичъ изволилъ отвѣдывать и, найдя вездѣ чистоту, порядокъ и опрятность, остался довольнымъ". Покровительство Наслѣдника по отношенію къ ученику Широкову выразилось въ томъ, что онъ изволилъ назначить по триста рублей въ годъ на воспитаніе Широкова, съ тѣмъ, чтобы послѣдній оставался при Тобольской гимназіи до окончанія курса. Память посѣщенія Его Высочествомъ Тобольской гимназіи увѣковѣчена въ ней: 1) тѣмъ, что губернаторъ разрѣшилъ въ залѣ поставить доску съ начертаніемъ золотыми буквами слѣдующей надписи: „Въ память незабвеннаго дня посѣщенія Государемъ Цесаревичемъ

---

[1]) Письмо отъ 2 іюля. Біографическія воспоминанія стр. 51—52.

Александромъ Николаевичемъ Тобольской гимназіи 2 іюня 1837 года"; 2) тѣмъ, что день 2 іюня 1837 г. навсегда сталъ для гимназіи днемъ торжества, скромнаго по внѣшности, но благотворнаго по вліянію на юныя сердца дѣтей: въ этотъ день каждогодно дѣти стали молиться сначала о долгоденствіи виновника торжества, а потомъ послѣ 1 марта 1881 года объ упокоеніи Его души и о вѣчной памяти. Вотъ какъ записано въ одномъ изъ послѣдующихъ годовъ молебствіе о благоденствіи Его Высочества: „Въ понедѣльникъ всѣ воспитанники гимназіи въ сопровожденіи надзирателей ходили къ обѣднѣ въ приходскую церковь; по окончаніи ея поднята была икона Владимірской Богоматери и съ подобающею честію была принесена въ гимназію, гдѣ совершенъ былъ въ присутствіи его превосходительства генерала Влахопулова, исправлявшаго должность Тобольскаго гражданскаго губернатора г. Виноградскаго, гг. директора, инспектора, старшихъ и младшихъ учителей, благодарственный молебенъ; послѣ чего въ прежнемъ порядкѣ икона Богоматери отнесена была въ церковь. Вечеромъ въ 9 часовъ выставленъ былъ вензель, гимназія иллюминована и воспитанники танцовали до 12 часовъ". Нынѣ ежегодно 2 іюня совершается панихида, на которой возглашается вѣчная память Александру II, Екатеринѣ II, Павлу I, Александру I и Николаю I. Въ письмѣ Ершова Т—борну мы находимъ извѣстіе, что ему какъ виршеслагателю генералъ-губернаторомъ заказаны были въ честь Высокаго Гостя стихи. Стихи, дѣйствительно, были имъ написаны и поднесены Наслѣднику, за что Ершовъ былъ награжденъ золотыми съ цѣпочкою часами. Приводимъ здѣсь эти стихи, въ которыхъ очень много искренняго поэтическаго чувства и которые всѣ ученики знали наизусть:

Склонясь рукой на грань Урала,
Главу сокрывъ въ полярныхъ льдахъ,
Сибирь печальная лежала
На снѣговыхъ своихъ коврахъ.
И тщетно жизнію роскошной
Въ ея отчизнѣ все цвѣло;
Она склоняла въ сонъ тревожный
Отяжелѣвшее чело.
Но то не сонъ; порой являлась
На ней отрадная заря
И жизнь въ груди ея держалась
Священнымъ именемъ царя.
И отзывъ мощнаго глагола
Будилъ ее во тьмѣ ночной,
И сонмъ блестящихъ звѣздъ престола
Горѣлъ пророчески надъ ней.
Она жила, она дышала
Святою вѣрою въ судьбу,
И всѣ желанія сліяла

Въ одну немолчную мольбу:
Да посѣтитъ востокъ Владыка
Ея съ надзвѣздной высоты,
Да изліетъ свой свѣтъ великій
Сѣдящимъ въ узахъ темноты.
Но два столѣтья скорбной ночи
Надъ нею медленно текли,
И мирнымъ сномъ смыкались очи
Подъ мракомъ неба и земли.
Вдругъ надъ высями Урала
И въ кристальныхъ искрахъ льда
Яркимъ блескомъ задрожала
Благодатная звѣзда.
Къ небу, къ небу взоръ привѣта,
Радость сердца и очесъ:
То предвѣстница разсвѣта
Мрачныхъ сѣвера небесъ.
Вотъ блеститъ въ ночи глубокой
Съ вѣнценоснаго чела
Первородный изъ востока,
Солнца русскаго стрѣла.
Сыплетъ радость и отраду
Слѣдъ его, блаженства слѣдъ,
И въ недвижную громаду
Онъ вливаетъ жизнь и свѣтъ.
И встаетъ страна тумана
Въ блескѣ радостнаго дня
Съ темной бездны океана
До Рифейскаго кремня;
Движетъ древнія твердыни,
Рветъ богатый поясъ свой
И властителей пустыни
Предсылаетъ предъ собой.
Вотъ она у стопъ Владыки,
Вся покорность, вся любовь,
И торжественные клики
Оглашаютъ глубь лѣсовъ.
И такъ исполнены желанья:
Отецъ услышалъ гласъ дѣтей
И далъ намъ видѣть свѣтъ сіянья
Въ любови царственной своей.
Ты благодатный между нами!
Ты первый видѣлъ нашу грань

И мы лобзаемъ со слезами
Твою властительную длань.
И новой радугой завѣта
Ты былъ, возлюбленный, для насъ,
И зрѣли очи свѣтъ отъ свѣта,
И слухъ нашъ слышалъ царскій гласъ.
Теперь изчезнетъ нареканье
На насъ народныя молвы:
И мы участвуемъ въ сіяньѣ
Державныхъ Бельта и Москвы.
Надежда сѣверной державы,
Лавръ полунощнаго вѣнца,
Цвѣти подъ сѣнью русской славы
Достойнымъ первенцомъ отца!
Ужъ русской лиры мощный геній
Готовъ вѣщать дѣла Твои
И передать для поколѣній
Въ благословеніяхъ любви.
А Ты, Творецъ непостижимый,
Молитву теплую внемли:
Да будетъ онъ, Тобой хранимый,
Твоимъ подобнымъ на земли!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Директоръ Качуринъ.—Опись предметовъ, принятыхъ Качуринымъ отъ Грибовскаго: суммы, минцъ-кабинетъ, физическій кабинетъ, пособія по искусствамъ, фундаментальная библіотека, продажная библіотека, канцелярія.— Перемѣны въ 1837 году: Помаскинъ—инспекторъ, Лукинъ—учитель исторіи и статистики.—Репетиторъ Короткихъ, учитель искусствъ Мертличъ.—Обученіе гимназистовъ нотному пѣнію.—Учитель математики Николай Романовъ, законоучитель Знаменскій.—Введеніе изученія законовѣдѣнія и судопроизводства съ судоустройствомъ; краткое наставленіе для учителей законовѣдѣнія и судопроизводства въ Тобольской гимназіи.—Левдикъ и А. Романовъ. —Программы по законовѣдѣнію и судопроизводству.—Общее росписаніе уроковъ.—Учитель законовѣдѣнія Озеровъ.—Трудность преподаванія и изученія законовѣдѣнія и судопроизводства.—Рапортъ инспектора Помаскина о результатахъ экзаменовъ въ 1838 году.—Первый выпускъ семиклассной гимназіи.— Актъ 1838 года: программа, награды, актовыя рѣчи, стихотвореніе ученика Голодникова.—Окончившіе курсъ $18^{38}/_{39}$ уч. годъ. Учитель судопроизводства Малосапожковъ, исторіи и статистики Доброхотовъ, латинскаго языка Козловскій.—Окончившіе курсъ.—$18^{39}/_{40}$ г. Учитель нѣмецкаго языка Цеглярскій.—

Законоучитель Юшковъ.—Экономъ Малковъ.—Учитель русскаго языка Дилигенскій.—Окончившіе курсъ.—$18^{40}/_{41}$ г. Учитель математики Величковскій.—Окончившіе курсъ.—$18^{41}/_{42}$ г. Учители: русскаго языка и географіи Казанскій, законовѣдѣнія Поповъ и математики Руммель.—Окончившіе курсъ.—$18^{42}/_{43}$ г. Назначеніе Волкова учителемъ французскаго языка.—Надзиратель при пансіонѣ Ростиславовъ.—Окончившіе курсъ.—$18^{43}/_{44}$ г. Назначеніе Ершова инспекторомъ.—Назначеніе учителемъ словесности Плотникова.—Окончившіе курсъ.—$18^{44}/_{45}$ г. Соединеніе статистики и географіи.—Законоучитель Иваницкій.—Надзиратель Маршаловъ и Костя.—Окончившіе курсъ.—$18^{45}/_{46}$ г. Надзиратель Семашко.—Учитель искусствъ Шелутковъ, нѣмецкаго языка Бостремъ.—Окончившіе курсъ.—$18^{46}/_{47}$ г. Ограниченіе преподаванія математики.—Отмѣна преподаванія логики.—Учитель математики Стукальскій.—Окончившіе курсъ.—$18^{47}/_{48}$ г. Ограниченіе преподаванія латинскаго языка въ I классѣ.—Соединеніе утреннихъ и вечернихъ классовъ въ зимнее время.—Учитель судопроизводства Игнатьевъ.—Холера.—Переводъ учениковъ безъ экзаменовъ.—Окончившіе курсъ.—$18^{48}/_{49}$ г. Надзиратель Маминъ.—Результаты экзаменовъ.—Окончившіе курсъ.

Грибовскій не дослужилъ до конца учебнаго года всего нѣсколько дней. 15 іюня Качуринъ, какъ директоръ, предлагалъ ему сдать всѣ бывшія въ его распоряженіи дѣла. Въ тотъ же день Грибовскій и сдалъ Качурину все, чѣмъ завѣдывалъ, какъ директоръ. Денегъ принялъ Качуринъ: 1) штатной суммы 7228 р. 88 к., 2) экономической 7883 р. 3 к., 3) воспитаннической 3305 р. 54 к. деньгами и билетами 66500 руб., 4) пожертвованныхъ на постройку дома для приходскаго училища въ Тобольскѣ 1081 руб. 62 коп., 5) разнымъ училищамъ принадлежащихъ, постороннихъ или переходящихъ суммъ 3823 р. 86 к., 6) суммы, назначенной на отстройку дома Тобольскаго уѣзднаго училища и поправки по гимназіи 161 р. 26 к. Въ минцъ-кабинетѣ было 12 №№,[1]) въ физическомъ 27. Рисунковъ, чертежей и другихъ пособій по классу черченія, рисованія и чистописанія было 242; въ минералогическомъ кабинетѣ было 1343 штуфа и различныхъ растеній, иллюминованныхъ красками, 122 рисунка; въ фундаментальной библіотекѣ 845 №№ и 65 дупликатовъ, въ продажной—книгъ было на 1757 р. 68 к. Въ канцеляріи находились слѣдующія вещи: печать Тобольской гимназіи стараго формата, печать новаго, печать Тобольской дирекціи училищъ, ножницы (1), стеклянная чернильница, песочница, линейка, щеты, столъ для письмоводителя (ветхій), три стула (старые), кресло одно (старое), двѣ мѣдныя доски для оттиска заголовокъ для сношенія съ высшими, равными и подчиненными дирекціи мѣстами, мѣдный подсвѣчникъ и щипцы.

---

[1]) По рапорту хранителя отъ 20 апрѣля 1843 г. въ немъ было: монетъ серебряныхъ русскихъ 51, иностранныхъ 14, мѣдныхъ монетъ русскихъ 110, иностранныхъ 25, медалей бронзовыхъ, мѣдныхъ, оловянныхъ и чугунныхъ 25, жетоновъ 9.

Въ дѣлахъ архива не сохранилось списковъ учениковъ гимназіи за 1837 годъ, и только по спискамъ учениковъ за 1838 г. мы можемъ возстановить цифру переведенныхъ въ слѣдующіе классы въ концѣ перваго года переформированной гимназіи. Изъ I класса было переведено 7 учениковъ, изъ II—9, изъ III—15, изъ IV—3, изъ V—3, изъ VI—4. По результатамъ экзамена, послѣ котораго удостоены были перевода изъ восьмидесяти слишкомъ учениковъ только 41, можно судить, что учителя въ этомъ случаѣ руководствовались далеко не тѣми взглядами, какими руководились они при пріемѣ учениковъ въ гимназію лѣтомъ 1836 года. Очевидно, учителя хлопотали теперь не о количествѣ учениковъ, а о качествѣ—о томъ, чтобы переводимы были изъ класса въ классъ только успѣвающіе.

Въ слѣдующемъ году въ составѣ преподавателей произошли, кромѣ уже указанныхъ нами, слѣдующія перемѣны: преподавателемъ исторіи и статистики вмѣсто Помаскина, назначеннаго инспекторомъ, опредѣленъ (29 августа 1837 г.) Тимофей Лукинъ, вмѣсто котораго уроки по латинскому языку были поручены Рѣзанову. Впрочемъ Лукинъ не долго побылъ преподавателемъ предмета, который онъ преподавалъ въ Омскомъ казачьемъ училищѣ и который любилъ гораздо больше, чѣмъ латинскій языкъ. Въ томъ же учебномъ году онъ былъ переведенъ въ Томскую гимназію—за тоже, за что былъ переведенъ изъ Омска въ Тобольскую, т. е. „за своенравіе“, и переведенъ съ поставленіемъ ему на видъ, что если и тамъ окажется человѣкомъ не спокойнымъ, то будетъ уволенъ вовсе изъ учебнаго вѣдомства. Любопытно, что своенравіе въ этомъ учителѣ долго усматривали одни только директора тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ онъ былъ учителемъ. Начальство повыше на Лукина смотрѣло нѣсколько иначе. Директоръ училища Сибирскаго казачьяго линейнаго войска такъ аттестовалъ Лукина къ 1 января 1836 года: „къ учительской обязанности хотя и способенъ, но нынѣ по своенравію, отъ котораго при всѣхъ мѣрахъ удержать было невозможно, о чемъ извѣстно оффиціально и высшему начальству, къ повышенію чиномъ за сей годъ не аттестуется“. Противъ этого отзыва генералъ-губернаторъ написалъ: „не соглашаюсь съ сей аттестаціей, не признаю учителя Лукина недостойнымъ повышенія, не усматриваю особеннаго съ его стороны своенравія“. Не основательно, кажется, не взлюбилъ Лукина и Качуринъ. На обвиненіе Лукина Качуринымъ въ своенравіи Тобольскій губернаторъ отвѣчаетъ: „я никогда не замѣчалъ Лукина въ своенравіи“. Къ исправленію должности учителя историческихъ наукъ былъ допущенъ временно бывшій студентъ Казанскаго университета Александръ Короткихъ. Позволительно усумниться въ томъ, что Короткихъ могъ замѣнить собой Лукина, но за то гимназія выиграла въ назначеніи вмѣсто Католинскаго учителемъ рисованія и чистописанія *Генриха Петровича Мертлича.* Послѣдній обучался въ академіи художествъ, гдѣ окончилъ курсъ съ званіемъ рисовальнаго учителя въ гимназіяхъ. Это былъ, по словамъ К. М. Голодникова, добрѣйшій человѣкъ, хорошо знавшій свое дѣло. Въ біографіи Ершова мы читаемъ слѣдующія свѣдѣнія о немъ: „Здѣсь

въ Тобольскѣ, пишетъ Ершовъ въ Петербургъ своему пріятелю Т—рну, есть одинъ полунѣмецъ, полурусскій, какъ ты, который родился въ Кронштадтѣ и зналъ порусски прежде чѣмъ понѣмецки, чему наметался уже, обучаясь въ Лифляндіи. Этотъ полунѣмецъ такой же маленькій, какъ и ты, съ такими же бакенбардами, какъ твои, и носитъ такое же прозвище безъ значенія, какъ и ты. Однимъ словомъ это учитель искусствъ въ нашей гимназіи Мертличъ"... Онъ „воспитанникъ академіи художествъ и по рисованію и черченію просто собаку съѣлъ. А какъ соотчичъ Моцарта—мастеръ фантазировать на фортепіано и плачетъ отъ мольныхъ аккордовъ". [1]) Генриху Петровичу, пишетъ П. С. Паутовъ, написавшій краткія воспоминанія о Тобольской гимназіи 40-хъ годовъ по нашей просьбѣ, мы много обязаны тѣмъ, что онъ пріохотилъ насъ къ рисованію. Рисовали мы и карандашемъ и красками. Рисунки бывали иногда величиною въ квадратную сажень". Кромѣ того онъ зналъ ноту, и Качуринъ не преминулъ воспользоваться этимъ ради обученія гимназистовъ нотному пѣнію. Въ своемъ рапортѣ по этому предмету губернатору Качуринъ писалъ, что учитель рисованія Мертличъ изъявилъ желаніе принять на себя обязанность обучать нѣкоторыхъ учениковъ гимназіи партесному пѣнію, способныхъ къ тому по голосамъ, безъ всякаго возмездія, почему совѣтомъ гимназіи предположеніе это разсмотрѣно и признано для учениковъ, и въ особенности казеннокоштныхъ, полезнымъ, какъ средство пріятное, служащее къ пополненію *общественнаго воспитанія*, и потому положено назначить время обученія пѣнію въ праздничные дни, какъ свободное отъ другихъ занятій, по 2 или по 3 часа въ недѣлю, съ надлежащимъ при томъ наблюденіемъ за порядкомъ со стороны инспектора. Генералъ-губернаторъ согласился съ этимъ представленіемъ, и съ начала 1839 г. въ гимназіи стали обучать нотному пѣнію два раза въ недѣлю (по часу) во вторникъ по окончаніи вечернихъ занятій и въ воскресенье по окончаніи литургіи. Въ 40 годахъ гимназическіе пѣвчіе, по свидѣтельству Паутова, пѣли на славу. Дискантъ (Захаръ Баршъ) былъ единственный въ городѣ. Тенора (Зуевъ и Ларіоновъ) были отличные. Гремѣла изрядно и октава (Шавринъ). Регентомъ былъ Н. А. Волковъ, знатокъ своего дѣла; самъ онъ пѣлъ басомъ, хотя не сильнымъ. Ученикъ Зуевъ былъ немножко и композиторъ. Имъ были положены на мотивъ, соотвѣтствовавшій содержанію, стихи П. П. Ершова, выражавшіе тоску послѣдняго по умершей женѣ:

Ужъ не цвѣсть цвѣтку въ пустынѣ,
Въ клѣткѣ пташечкѣ не пѣть,
Какъ на горькой на полыни
Сладкой ягодкѣ не зрѣть.
Ясну солнышку въ ненастье
Въ синемъ небѣ не сіять,
Добру молодцу въ несчастьи

---

[1]) Стр. 113.

Дней веселыхъ не видать.
Какъ во той ли тяжкой долѣ
Русы кудри разовью,
Ужъ какъ выйду въ чисто поле
Разгулять тоску мою.

и т. д.

Въ началѣ 18³⁷/₃₈ уч. года былъ опредѣленъ другой учитель математики, Николай Романовъ, только-что кончившій курсъ въ Казанскомъ университетѣ по физико-математическому факультету съ званіемъ дѣйствительнаго студента. Законоучитель Цвѣтковъ въ февралѣ 1838 года подалъ прошеніе объ увольненіи изъ гимназіи, такъ какъ сверхъ обязанностей по гимназіи, собору и консисторіи начальство „благоволило" возложить на него новую должность эконома при семинаріи... На мѣсто Цвѣткова былъ назначенъ соборный священникъ *Стефанъ Яковлевичъ Знаменскій*, о которомъ въ воспоминаніяхъ Голодникова мы встрѣчаемъ такую же хорошую память, какъ и объ его предшественникѣ. Въ томъ же учебномъ году было введено въ Тобольской гимназіи изученіе законовѣдѣнія и судопроизводства на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія 1 іюля 1837 года. Приведемъ здѣсь министерское „краткое наставленіе для учителей законовѣдѣнія и судопроизводства въ Тобольской гимназіи". Вотъ оно: въ IV классѣ проходятся основные законы, учрежденія государственныя и губернскія; въ V классѣ законы о гражданской службѣ и законы о состояніяхъ; въ VI—гражданскіе законы и судопроизводство; въ VII—законы о предупрежденіи преступленій, законы уголовные и судопроизводство. Для преподаванія законовѣдѣнія и судопроизводства двумя старшими учителями назначается 27 часовъ (18 уроковъ) въ недѣлю съ раздѣленіемъ между ними времени преподаванія поровну. Законовѣдѣніе вообще до изданія руководствъ преподается по порядку сводовъ, изданныхъ вторымъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Такимъ образомъ основные законы и учрежденія государственныя и губернскія преподаются по I и II томамъ свода законовъ; о гражданской службѣ по III; законы о состояніяхъ по IX; гражданскіе законы и судопроизводство по X; законы о предупрежденіи преступленій по XIV; законы уголовные и судопроизводство по XV. Подробности предметовъ учителя излагаютъ по своимъ запискамъ. Учителя должны преподавать законовѣдѣніе такимъ образомъ, чтобы ученики могли записывать и отмѣчать имъ объясняемое. При преподаваніи русскихъ законовъ учителя должны сверхъ того наблюдать слѣдующія правила: а) сначала они кратко опредѣляютъ существо своего предмета, объясняютъ цѣль, важность, обширность, части и границы онаго; б) приступая къ изложенію и порядку программы какой либо части россійскаго законовѣдѣнія, они знакомятъ учениковъ съ книгою или съ книгами свода, въ которыхъ предметъ ихъ ученія заключается; в) при семъ они показываютъ въ особенности исторію отечественнаго законодательства по сей части; г) при изложеніи каждой части ученія они представятъ сперва общій видъ его, раз-

дѣленіе онаго на книги, раздѣлы, главы и отдѣленія и логическую связь оныхъ съ главнымъ основаніемъ закона; д) дѣло учителей не въ томъ состоитъ, чтобы читать каждую статью отъ слова до слова, они должны указать цѣль и существо закона, объяснить главныя его начала или теорію, на коей онъ утверждается. Практическія упражненія учениковъ законовѣдѣнія должны имѣть цѣлію сколь можно болѣе основательное познаніе дѣлопроизводства по части предмета, коимъ они подъ руководствомъ учителя занимались. Другая, такъ называемая практика не дозволяется.—Къ преподаванію законовѣдѣнія въ Тобольской гимназіи генералъ-губернаторомъ былъ допущенъ управляющій 3 отдѣленіемъ Тобольскаго общаго губернскаго управленія *Левдикъ* (кандидатъ Московскаго университета по отдѣленію нравственно-политическихъ наукъ), а судопроизводства—младшій учитель гимназіи Андрей Романовъ. По судопроизводству съ судоустройствомъ и законовѣдѣнію означенные преподаватели представили слѣдующіе конспекты:

Въ IV классѣ изъ *судоустройства:* объ учрежденіи государственнаго совѣта, комитетовъ министровъ, правительствующаго сената, министерствъ.—Главное раздѣленіе мѣстъ губернскаго управленія. О составѣ и устройствѣ губернскихъ, уѣздныхъ и городскихъ мѣстъ вообще. Объ общемъ порядкѣ производства дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ. О порядкѣ сношеній присутственныхъ мѣстъ. Объ отчетахъ и отвѣтственности присутственныхъ мѣстъ. О предѣлахъ судебной власти въ производствѣ дѣлъ исполненія и рѣшенія ихъ. О учрежденіи власти и мѣстъ губернскаго управленія. О начальникахъ губерній. О учрежденіи губернскаго правленія: а) составѣ его, б) присутствіи, в) о дѣлахъ губернскаго правленія, г) о порядкѣ сношеній губернскаго правленія, д) о дѣлопроизводствѣ дѣлъ въ губернскомъ правленіи, е) объ отчетахъ и отвѣтственности его, ж) о учрежденіи казенной палаты, з) о учрежденіи палаты уголовнаго и гражданскаго суда, и) о надзорѣ за производствомъ дѣлъ въ мѣстахъ губернскихъ, какъ-то: прокурорахъ и стряпчихъ, і) о учрежденіи мѣстъ уѣздныхъ, какъ-то: земскаго суда, уѣзднаго суда и казначейства, к) объ учрежденіи мѣстъ городскаго управленія; какъ-то: городской думы, городской полиціи, магистрата, ратуши, сиротскаго суда при магистратѣ, словеснаго суда, надворнаго суда, л) о учрежденіи волостнаго правленія, сельскаго правленія.

Въ V классѣ о учрежденіи управленія для сибирскихъ губерній, областей приморскихъ и пограничныхъ, о управленіяхъ сибирскихъ казаковъ и инородцевъ сибирскихъ. Уставъ о ссыльныхъ, о различныхъ родахъ канцелярскихъ бумагъ.

Въ VI классѣ изъ гражданскаго судопроизводства: опредѣленіе судопроизводства; раздѣленіе его на гражданское и уголовное. Опредѣленіе слова судъ, цѣль его и предметъ. Предметы гражданскаго суда. Раздѣленіе гражданскаго судопроизводства на вотчинное и исковое; о предметахъ, относящихся къ вотчинному и исковому судопроизводству. О раздѣленіи вотчиннаго судопроизводства на апелляціонное и слѣдственное. О судопроизводствѣ по

дѣламъ безспорнымъ. О тяжущихся сторонахъ—объ истцѣ и отвѣтчикѣ; о повѣренномъ, о подсудности, о земской давности. О судопроизводствѣ исковомъ въ первой степени суда: 1) о прошеніи, формѣ, раздѣленіи и непринятіи его; 2) о вызовѣ къ суду; 3) объ отвѣтѣ; 4) объ отводахъ; 5) о доказательствахъ; 6) о справкахъ; 7) о докладныхъ запискахъ; 8) о рѣшеніяхъ; 9) о порядкѣ объявленія рѣшеній. О судопроизводствѣ во второй степени суда по частнымъ жалобамъ и апелляціи на судъ первой степени. О судопроизводствѣ въ правительствующемъ сенатѣ по жалобамъ и апелляціи на судъ 2 степени. О жалобахъ, приносимыхъ Императорскому Величеству по дѣламъ тяжебнымъ. О вступленіи рѣшенія въ законную силу. Объ исполненіи судебныхъ рѣшеній. О судопроизводствѣ по главнымъ родамъ тяжбъ и исковъ: 1) о судопроизводствѣ по праву собственности и владѣнія; 2) о судопроизводствѣ по дѣламъ казны; 3) о судопроизводствѣ по искамъ въ долговыхъ обязательствахъ; 4) о судопроизводствѣ въ обидахъ, ущербахъ, самоуправномъ завладѣніи и убыткахъ; 5) о производствѣ дѣлъ судомъ по формѣ, указомъ 1723 г. ноября 5 дня установленной. О примирительномъ разбирательствѣ, раздѣленіи его на мировой добровольный разборъ и на мировой съ формальною записью или судъ третейскій. О судопроизводствѣ мировомъ. О третейскомъ судѣ: составъ его, предметы, порядокъ судопроизводства, рѣшеніе о законной силѣ и исполненіе. О судопроизводствѣ въ словесномъ судѣ. О судопроизводствѣ въ совѣстномъ судѣ. О тяжебномъ судопроизводствѣ въ сибирскихъ губерніяхъ, о разборѣ исковъ по обязательствамъ между сибирскими обывателями. О судопроизводствѣ по дѣламъ исковымъ сибирскихъ инородцевъ. О служебныхъ издержкахъ и убыткахъ. О мѣрахъ гражданскихъ взысканій. О запрещеніи, арестѣ и опекѣ. О описи, оцѣнкѣ и продажѣ. О личномъ задержаніи, вычетѣ изъ жалованья, пенсіоновъ и арендъ. Объ изъятіи въ порядкѣ взысканій долговъ съ движимыхъ и недвижимыхъ имѣній. Практическая часть гражданскаго судопроизводства.

Въ VII классѣ изъ уголовнаго судопроизводства: опредѣленіе уголовнаго судопроизводства, предметъ и цѣль его. О подсудности. О предварительномъ слѣдствіи. О поводахъ къ начатію слѣдствія: 1) извѣщеніе, 2) жалоба, 3) доносъ, 4) доношеніе прокуроровъ и стряпчихъ и 5) явка съ повинной. Объ изслѣдованіи происшествія и объ осмотрѣ. О взятіи и представленіи обвиняемаго къ слѣдствію. О формальномъ слѣдствіи: допросъ, доказательство и представленіе слѣдствія суду. О производствѣ дѣлъ уголовныхъ въ первой степени суда. О ревизіи дѣлъ во 2 степени суда. О производствѣ дѣлъ уголовныхъ во 2 степ. суда. О представленіи дѣлъ уголовныхъ на утвержденіе начальниковъ губерній. О ревизіи дѣлъ уголовныхъ въ правительствующемъ сенатѣ. О представленіи дѣлъ уголовныхъ на Высочайшее усмотрѣніе. Объ исполненіи приговоровъ. Объ особенныхъ родахъ судопроизводства: 1) о судопроизводствѣ дѣлъ по преступленію противъ вѣры; 2) о судопроизводствѣ по преступленіямъ противъ первыхъ 2 пунктовъ; 3) о судопроизводствѣ противъ должностей или дѣлъ слѣдственныхъ; 4) о судопроизводствѣ въ совѣстномъ судѣ;

5) о судопроизводствѣ по преступленіямъ казеннаго управленія: а) о питейномъ сборѣ или акцизѣ; б) о тайномъ провозѣ товаровъ; в) по монетному управленію; г) на горныхъ промыслахъ и заводахъ; д) утайкѣ золота и торговлѣ имъ и е) о мѣстныхъ порубкахъ и поджогахъ. Практическая часть уголовнаго судопроизводства.

Руководительныя книги для преподаванія въ IV и V классахъ судопроизводства I и II т. св. зак., въ VI классѣ для гражданскаго судопроизводства X т. св. зак. и въ VII классѣ для уголовнаго судопроизводства XV томъ св. зак.

По *законовѣдѣнію* въ IV классѣ. Общія понятія о законахъ. Исторія россійскаго законодательства. Положенія общія о разныхъ родахъ состояній. О пріобрѣтеніи правъ дворянскаго состоянія и доказательствахъ онаго. О правахъ и преимуществахъ дворянскаго состоянія въ составѣ дворянскихъ обществъ. О правахъ и преимуществахъ дворянскаго состоянія въ особенности каждому лицу принадлежащихъ. О разныхъ родахъ духовенства. О духовенствѣ монашествующемъ. О бѣломъ духовенствѣ. О сословіяхъ духовенства. О пріобрѣтеніи правъ городскаго состоянія и доказательствахъ онаго. О правахъ городскаго состоянія въ составѣ городскихъ обществъ. О правахъ городскаго состоянія въ особенности каждому лицу принадлежащихъ. О переходѣ изъ городскаго состоянія и прекращеніи правъ онаго. О почетныхъ гражданахъ. О сельскихъ обывателяхъ вообще. О правахъ и обязанностяхъ свободныхъ сельскихъ обывателей по ихъ состоянію. О свободныхъ хлѣбопашцахъ. О обязанныхъ поселянахъ. О половникахъ. О татарахъ поселянахъ, въ Таврической губерніи водворенныхъ. О крѣпостномъ состояніи. О состояніи инородцевъ. О евреяхъ. О состояніи иностранцевъ. Объ актахъ состояній. Уставъ о ревизіи или народной переписи.

Въ V классѣ: О союзѣ брачномъ. О союзѣ родителей и дѣтей и союзѣ родственномъ. О порядкѣ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущество вообще, или иначе: о разныхъ родахъ имуществъ, о существѣ и пространствѣ разныхъ правъ на имущества и наконецъ о порядкѣ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущество вообще. О пожалованіи. О дареніи. О выдѣлѣ. О приданомъ и рядной записи. О духовныхъ завѣщаніяхъ. О наслѣдствѣ по закону вообще. О порядкѣ наслѣдованія по закону. Объ открытіи и принятіи наслѣдства и отреченіи отъ онаго. О вводѣ во владѣніе наслѣдствомъ. О раздѣлѣ наслѣдства. О выкупѣ родовыхъ имуществъ. О мѣнѣ имуществъ на имущества. О продажѣ и куплѣ.

Въ VI классѣ къ курсу V прибавлены слѣдующіе вопросы: О составленіи, совершеніи, исполненіи и прекращеніи договоровъ вообще. О обезпеченіи договоровъ и обязательствъ вообще. О обязательствахъ по договорамъ на имущества въ особенности.

Въ VII классѣ: О преступленіяхъ и наказаніяхъ вообще, или иначе: о существѣ преступленій и разныхъ родахъ казней и наказаній. О преступленіяхъ противъ вѣры. О преступленіяхъ противъ правительства. О преступленіяхъ чиновниковъ по службѣ. О преступленіяхъ противъ безопасности жизни

и противъ правъ общественнаго состоянія лицъ. О преступленіяхъ противъ уставовъ о повинностяхъ, уставовъ казеннаго управленія и благоустройства. О наказаніяхъ за преступленія противъ правъ семейственнаго состоянія. О наказаніяхъ за преступленія противъ правъ на имущества. О наказаніяхъ за лживые поступки.

Уроки законовѣдѣнія по классамъ были распредѣлены такимъ образомъ: 2 урока въ IV клас., 3—въ V, 2—въ VI, 2—въ VII; судопроизводства: въ IV клас. 2 урока, въ V—2, въ VI—3 и въ VII—2.

Съ назначеніемъ Романова учителемъ судопроизводства нужно было найти учителя русской грамматики, такъ какъ Романовъ всѣхъ уроковъ занять не могъ. Въ виду этого былъ допущенъ къ исправленію должности учителя по русскому языку смотритель уѣзднаго училища Стахій Быковъ. Уроки географіи по прежнему остались за Романовымъ.

Уроки по законовѣдѣнію начались 9, а судопроизводства 21 февраля 1838 года. А въ апрѣлѣ на мѣсто Левдика былъ уже назначенъ окончившій курсъ въ Казанскомъ университетѣ Озеровъ. Сравнивая этихъ преподавателей, Голодниковъ говоритъ, что между ними была такая разница, что ее вскорѣ замѣтили даже учащіеся: на сколько первый зналъ свой предметъ въ подробностяхъ, на столько послѣдній не далекъ былъ въ немъ, не зная даже существенныхъ основъ русскаго законодательства. Дальше мы узнаемъ имена всѣхъ преподавателей законовѣдѣнія и судопроизводства; не всѣ они были одинаковы по своимъ познаніямъ и умѣнью преподавать, но для всѣхъ ихъ преподаваніе было сопряжено съ большими трудностями, равно какъ трудно было и ученикамъ оказывать успѣхъ по этимъ предметамъ. Въ чемъ же дѣло? А въ томъ, что „за недостаткомъ руководствъ какъ по предмету законовѣдѣнія, такъ и по предметамъ судопроизводства, учитель долженъ былъ составлять письменныя записки, приготовленіе которыхъ требовало не мало времени и даже крѣпости физическихъ силъ“, какъ выразился учитель судоустройства Малосапожковъ въ 1842 году (назначенъ въ январѣ 1839 года), а ученики должны были всѣ эти записки переписывать. Сухо уроки выходили и у Малосапожкова. Впрочемъ пусть не подумаетъ читатель, что этотъ учитель не имѣлъ достоинствъ. Вотъ какой отзывъ объ немъ мы находимъ въ воспоминаніяхъ Паутова. Дмитрій Яковлевичъ Малосапожковъ былъ человѣкъ хворый, серьезный; уроки изъ судопроизводства и судоустройства были и сами по себѣ сухи, а при выпискахъ, какія давалъ намъ Д. Як., были для насъ большимъ трудомъ. Но этотъ учитель былъ правдивъ до нельзя. Одинъ разъ на экзаменѣ директоръ Евгеній Михаиловичъ что-то началъ объяснять при отвѣтахъ ученика, говорилъ много уже, а Д. Як. потиралъ рукой свою лѣвую баку, что было признакомъ его раздраженія, и наконецъ выговорилъ: „нѣтъ-съ, Евгеній Мих—чъ, это не такъ-съ“. Такими же казались ученикамъ уроки и у Михаила Логиновича Попова, назначеннаго въ 1842 году на мѣсто Озерова, переведеннаго въ Томскъ, но какъ у Малосапожкова дѣло до извѣстной степени выкупалось его необыкновенной правдивостью, такъ у Попова помогало его безгра-

ничное добродушіе. Эти качества названныхъ учителей дѣлали то, что и тяжелое ученіе было ученикамъ по силамъ.

Со введеніемъ въ курсъ гимназическихъ предметовъ законовѣдѣнія и судопроизводства общее росписаніе уроковъ въ Тобольск. гимназіи было слѣдующее:

		I	II	III	IV	V	VI	VII
	1) Законъ Божій (о. Знаменскій)	2	2	2	2	1	1	1
	2) Русскій языкъ (Быковъ)	4	3	3	„	„	„	„
	3) Географія (Андр. Романовъ)	2	2	2	1	„	„	„
	4) Латинскій языкъ (Рѣзановъ)	4	4	4	3	3	3	2
	5) Нѣмецкій языкъ (пасторъ Гильденгагенъ)	2	2	2	2	2	2	2
	6) Французскій языкъ (Леманъ)	„	1	1	3	3	3	3
	7) Русская словесность и логика (Ершовъ)	„	„	„	3	3	3	2
	8) Исторія и статистика (Короткихъ)	„	„	2	2	2	2	4
Преподаватели Каптеревъ и Н. Романовъ	9) Математика и космографія	4	4	4	3	3	2	3
	10) Физика и физическая географія	„	„	„	„	1	2	2
	11) Законовѣдѣніе (Озеровъ)	„	„	„	2	3	2	2
	12) Судопроизвод. (А Романовъ)	„	„	„	2	2	3	2
Католинскій.	13) Черченіе и рисованіе	2	2	2	1	1	1	1
	14) Чистописаніе	4	4	2	„	„	„	„

Какъ и съ какимъ успѣхомъ занимались преподаватели, мы до извѣстной степени можемъ судить по рапорту инспектора гимназіи Помаскина, представленному имъ въ августѣ 1838 года касательно экзаменовъ въ низшихъ классахъ. Жаль только, что этотъ рапортъ касался не всѣхъ предметовъ и преподавателей. О *законоучитель* инспекторъ говоритъ, что способъ его препода-

ванія основательный и успѣхи учащихся достаточные. Одно остается желать, въ особенности по исторіи: пріучить дѣтей къ разсказыванію даже выученнаго урока такимъ образомъ, чтобы каждый могъ удостовѣриться изъ отвѣта ученика, что онъ точно понимаетъ то, что читаетъ. Съ другой стороны инспекторъ остался, повидимому, не совсѣмъ доволенъ той краткостію, съ которой разсказаны событія священной исторіи въ учебникѣ: въ пополненіе событій онъ считаетъ полезнымъ руководствоваться исторіею Гибнера, въ которой при концѣ каждой главы выведены и назидательныя для юношества нравоученія. Результатами по *географіи* инспекторъ остался совсѣмъ не доволенъ, потому что въ рапортѣ его мы не находимъ ниодного слова одобренія этого преподавателя, напротивъ инспекторъ рѣзко высказываетъ свое мнѣніе, что учащихся всѣхъ классовъ нужно ознакомить съ употребленіемъ сферы и глобуса, и принять это учителю къ непремѣнному исполненію; физическую географію проходить по нѣмому атласу, и въ двухъ низшихъ классахъ пріучить чертить на доскѣ мѣломъ части свѣта; а въ третьемъ классѣ и отдѣльно—главныхъ государствъ. Это въ началѣ какъ бы трудное занятіе со временемъ, когда войдетъ въ постоянную обязанность учащихся, дѣлается очень легкимъ и болѣе всего укореняетъ въ памяти географическія свѣдѣнія. Политическая географія, въ особенности Азіи и прочихъ частей свѣта, преподавалась очень кратко, пропускались даже многія мѣста историческія, что никакъ допущено быть не можетъ. Точно также недовольнымъ остался Помаскинъ успѣхами учениковъ и по *русскому языку*, преподаваемому до 21 февраля 1838 года тѣмъ же препреподавателемъ, который преподавалъ географію, вмѣсто котораго потомъ былъ приглашенъ смотритель Быковъ. Такъ какъ послѣдній вступилъ въ отправленіе должности преподавателя почти уже въ концѣ года, то понятно, что то, что говоритъ Помаскинъ о преподаваніи русскаго языка, касается его только отчасти, а главнымъ образомъ относится къ Романову. А говоритъ инспекторъ слѣдующее: „Не столько выучка правилъ по всѣмъ частямъ грамматики, а въ особенности по синтаксису, сколько примѣры развиваютъ способность дѣтей, и тогда только учитель получаетъ вѣрное доказательство, что ученики его пройденное имъ основательно поняли, когда не затрудняются сочиненіемъ на правила собственныхъ примѣровъ“. Ничего изъ этого инспекторъ на экзаменѣ не встрѣтилъ и возлагаетъ всѣ свои надежды на новаго преподавателя, который между прочимъ, займетъ учениковъ III класса переложеніемъ басенъ въ прозу. Значитъ предшествующій преподаватель мало обращалъ вниманія и на обученіе учениковъ сочиненіямъ. При прохожденіи обозрѣнія *всеобщей исторіи*, по отзыву Помаскина, не было обращено надлежащаго вниманія на предметы географическіе, между тѣмъ какъ у преподавателя имѣется превосходное руководство для древней географіи—сочиненіе Брута. Хорошо (но, какъ увидимъ ниже, не вполнѣ справедливо) отзывается инспекторъ о преподавателѣ *латинскаго языка*: „Ни въ методѣ преподаванія, во всѣхъ отношеніяхъ отчетистой, ни на счетъ успѣховъ учащихся не могу никакихъ замѣчаній учинить, и мнѣ остается только пріятный

долгъ свидѣтельствовать о похвальномъ и всегда усердномъ служеніи сего наставника". Относительно учителей новыхъ языковъ Помаскинъ говоритъ объ ихъ желаніи быть только возможно болѣе полезными для учениковъ, хотя успѣховъ инспекторъ не замѣтилъ ни по *нѣмецкому,* ни по *французскому* языкамъ. По отзыву Помаскина мы можемъ судить, что внушенія Качурина Леману имѣли поразительное воздѣйствіе на послѣдняго. Прежде Леманъ очень часто не ходилъ безъ причины въ гимназію и опаздывалъ на уроки, а послѣ внушеній „онъ одинъ исключительно въ минувшемъ учебномъ году, когда являлся къ должности, приходилъ благовременно и ниодинъ разъ не былъ замѣченъ развлеченнымъ постороннимъ дѣломъ, но напротивъ всегда находился въ своемъ классѣ и при занятіяхъ, относящихся къ прямымъ обязанностямъ службы". Поэтому примѣру можно отчасти судить, какое вліяніе оказывалъ Качуринъ на своихъ подчиненныхъ. О преподаваніи *ариѳметики* (учитель Н. Романовъ) мы находимъ слѣдующій отзывъ: „Хотя вполнѣ нельзя похвалиться успѣхами, но пріятно видѣть, что самъ наставникъ съ любовью занимается своимъ предметомъ, и я остаюсь совершенно увѣреннымъ, что замѣченные и имъ самимъ сознанные недостатки по способу преподаванія въ настоящемъ учебномъ году исправятся". А недостатки метода этого преподавателя Помаскинъ усмотрѣлъ въ томъ, что Романовъ мало занимался рѣшеніемъ практическихъ задачъ, „рѣшеніе которыхъ необходимо сколько для пользы самой науки, столько же и потому, что это упражненіе много содѣйствуетъ къ развитію способностей". По искусству *рисованія* есть надежда, что учитель Мертличъ покажетъ учащимся основные законы изящнаго и правила перспективы, по *черченію* заставитъ изучить главныя правила по Франкеру, а въ *чистописаніи*—постепенно будетъ пріучать писать лучшихъ учениковъ и безъ графъ. За неуспѣхъ по этимъ предметамъ Мертличъ не отвѣчалъ, потому что пріѣхалъ на мѣсто своего служенія уже въ началѣ мая. Цифрами результаты экзаменовъ выражались такимъ образомъ: по Закону Божію въ I-мъ классѣ ученики отвѣчали вообще на $2^{12}/_{13}$, при чемъ было поставлено шесть двоекъ, II класса—на $3^{14}/_{22}$ (одна двойка), III класса—на $4^{1}/_{21}$; по математикѣ ученики I класса на $1^{7}/_{9}$ (десять двоекъ), четыре единицы и четыре нуля), II класса на $2^{11}/_{19}$ (четыре двойки, три единицы и два нуля), III класса на $2^{1}/_{4}$ (девять двоекъ, двѣ единицы и два нуля); по географіи ученики I класса на $2^{17}/_{26}$ (три двойки и восемь единицъ), II класса на 3 (шесть двоекъ и двѣ единицы), III класса на $3^{4}/_{19}$ (пять двоекъ); по исторіи въ III клас. на $2^{1}/_{2}$ (десять двоекъ и три единицы); по русскому языку I класса на $2^{11}/_{13}$ (шесть двоекъ, четыре единицы), II класса на $2^{9}/_{11}$ (шесть двоекъ и три единицы), III класса на $3^{1}/_{10}$ (пять двоекъ и одна единица); по латинскому языку I класса на $2^{9}/_{13}$ (восемь двоекъ и шесть единицъ), II класса на $2^{16}/_{21}$ (шесть двоекъ и три единицы), III класса на $3^{3}/_{20}$ (шесть двоекъ); по нѣмецкому языку I класса на $2^{3}/_{5}$ (пять двоекъ, пять единицъ), II клас. на $2^{17}/_{22}$ (пять двоекъ, четыре единицы), III клас. на $2^{4}/_{5}$ (семь двоекъ и три единицы); по французскому языку II клас. на $2^{2}/_{5}$ (шесть двоекъ, три единицы и два нуля), III клас. на $2^{17}/_{21}$

(пять двоекъ, одна единица и два нуля); по рисованію, черченію и чистописанію I класса на $2^2/_9$ (тринадцать двоекъ, четыре единицы и два нуля), II класса на $2^6/_{11}$ (шесть двоекъ, четыре единицы и одинъ нуль), III класса на $2^1/_{22}$ (шесть двоекъ, четыре единицы и пять нулей). Сопоставляя эти цифровыя данныя съ отзывомъ инспектора, мы замѣчаемъ, что въ большинствѣ случаевъ тутъ есть соотвѣтствіе. Не совсѣмъ только яснымъ намъ кажется, почему такъ сурово отозвался Помаскинъ о преподавателѣ русскаго языка и географіи, потому что въ общемъ отмѣтки по этимъ предметамъ нисколько не ниже отмѣтокъ по прочимъ предметамъ, а по географіи уступаютъ только отмѣткамъ по Закону Божію. Двойки и единицы есть и по русскому языку, но за то нѣтъ ни одного нуля ни по тому, ни по другому предмету. Любопытно, что Качуринъ передалъ рапортъ Помаскина на обсужденіе въ педагогическій совѣтъ гимназіи. Этотъ рапортъ членамъ былъ предъявленъ въ засѣданіи совѣта отъ 31 августа. Несомнѣнно, что при этомъ не мало было и шуму. Къ сожалѣнію въ протоколѣ мы ничего не находимъ, кромѣ краткаго резюме: „сдѣланныя замѣчанія инспекторомъ объявлены г.г. учителямъ для надлежащаго руководства и исполненія“. Съ какимъ успѣхомъ занимались ученики старшихъ классовъ—объ этомъ мы можемъ судить только по экзаменнымъ спискамъ, такъ какъ тамъ присутствовалъ самъ директоръ и слѣдовательно рапортовать ему было некому. По Закону Божію ученики четырехъ старшихъ классовъ отвѣчали хорошо, только одинъ получилъ двойку; по исторіи и географіи и русской словесности отмѣчены двойками четверо, пять человѣкъ по судопроизводству, шесть по математикѣ и латинскому языку, восемь по законовѣдѣнію; три двойки и три единицы поставлены по рисованію, шесть двоекъ и двѣ единицы по нѣмецкому языку и пять двоекъ и четыре единицы по французскому. Окончили курсъ четверо: Григорій Ещенковъ, Алексѣй Нестеровъ, Николай Рихтеръ и Алексѣй Романовъ. Двое изъ послѣднихъ окончили съ двойками, каковыхъ у Рихтера насчитывается пять штукъ. Общій баллъ у него $2^7/_{10}$. Судя по балламъ на экзаменахъ отличались особенно всѣ ученики V и VI классовъ, каждый изъ которыхъ въ общемъ имѣлъ больше четырехъ. Правда, всѣхъ-то учениковъ было только 6. Такимъ образомъ изъ 101 переведено въ слѣдующіе классы (считая въ томъ числѣ и окончившихъ курсъ) 62 ученика. Цифра переведенныхъ сравнительно съ предъидущимъ годомъ значительно повысилась и хотя съ точки зрѣнія теперешняго гимназическаго устава не можетъ быть названа вполнѣ удовлетворительной, но если взять во вниманіе всю сумму тѣхъ условій, при которыхъ приходилось (и приходится) обучаться дѣтямъ въ Тобольскѣ, наприм., почти полное отсутствіе домашней помощи въ занятіяхъ, иногда полнѣйшую бѣдность и проч., если взять все это во вниманіе, то можно сказать, что эта цифра переведенныхъ въ слѣдующіе классы и сама по себѣ удовлетворительна. Мы можемъ напередъ сказать, что и въ послѣдующіе годы, вплоть до послѣдняго времени, эта цифра выше въ общемъ не была. А что, наприм., бѣдность учащихся въ ихъ неуспѣшности имѣла большое вліяніе, это мы можемъ до нѣкоторой степени

подтвердить тѣми оффиціальными данными, которыя имѣются въ нашемъ распоряженіи. Ученикъ I класса Борисовъ (сынъ губернскаго секретаря) пропустилъ въ $18^{37}/_{38}$ учебн. году 53 урока „по недостаточному состоянію“, Куртуковъ (сынъ умершаго коллежскаго регистратора) 52 урока „по бѣдности“, Неудачинъ (умершаго чиновника IX клас.)—20 урок. „по бѣдности“, Толмачевъ (умершаго коллежскаго секретаря) 100 урок. по болѣзни, а больше „по бѣдности“, ученикъ III клас. Лыткинъ (сынъ поручика) 10 урок. по недостаточному состоянію, его братъ—6 урок. по той же причинѣ. Это значитъ, что въ жизни названныхъ учениковъ часто бывали такіе дни, когда имъ положительно не въ чемъ было идти въ классъ. Несомнѣнно, что было много и другихъ такихъ же бѣдныхъ въ гимназіи, только ихъ начальству не пришлось „отмѣтить“. Прошу вспомнить рапортъ Качурина и замѣчанія на него, сдѣланныя преподавателемъ Лукинымъ. Первый актъ пореформенной гимназіи въ полномъ ея видѣ съ выпускомъ учениковъ состоялся 29 августа въ 11-ть часовъ пополудни по слѣдующей программѣ: 1) ученикъ Широковъ говоритъ привѣтственную рѣчь на французскомъ языкѣ; 2) старшій учитель Александръ Озеровъ читаетъ разсужденіе о правовѣдѣніи; 3) испытаніе производится: а) изъ Закона Божія, б) законовѣдѣнія, в) судопроизводства, г) физики; 4) ученики декламируютъ: на латинскомъ Рихтеръ—стихи изъ Горація объ умѣренности, нѣмецкомъ—Андронниковъ 1-й изъ Шиллера: графъ Габсбургскій, французскомъ—Романовъ 2-й изъ Ламартина: Золотой вѣкъ, на русскомъ языкѣ свои сочиненія: Голодниковъ—Искеръ, Романовъ 1-й смерть Бориса и Галицкій—басню Крылова: Орелъ и Пчела; 5) читается отчетъ за прошедшій $18^{37}/_{38}$ учебный годъ; при семъ раздаются награды и произносятся имена учениковъ переведенныхъ въ высшіе классы, а окончившіе полный курсъ ученія получаютъ аттестаты; 6) ученикъ Лещевъ произноситъ на русскомъ языкѣ благодарственную рѣчь; 7) въ продолженіе акта представляются на разсмотрѣніе посѣтителей упражненія учениковъ: въ сочиненіяхъ, переводахъ и по части рисованія, черченія и чистописанія.

Съ нѣкоторымъ особеннымъ интересомъ мы искали въ дѣлахъ архива тѣхъ рѣчей, которыя говорили ученики на актѣ въ 1838 году. По этимъ рѣчамъ мы надѣялись опредѣлить, насколько ученики были въ состояніи справляться съ возложенными на нихъ начальствомъ задачами и какія ихъ волновали чувства. Теперь же намъ приходится высказать сожалѣніе о томъ, что всѣ подобныя вещи сохранились. Дѣло въ томъ, что всѣ эти „привѣтственныя“ и „благодарственныя“ рѣчи писались вовсе не учениками, а учителями: ученики тутъ играли очень дурную роль плохихъ подставныхъ актеровъ и хотя „воодушевлялись“, но воодушевлялись по приказу. При томъ же и рѣчи вовсе не могутъ быть названы удовлетворительными, особенно та благодарственная, которую говорилъ на актѣ въ 1838 году будущій Келецкій губернаторъ Лещевъ, пасынокъ учителя словесности Ершова. Почеркъ рѣчи ясно говоритъ объ ея авторѣ. Она сплошь состоитъ изъ высокопарныхъ фразъ и мыслей, которыхъ дѣтямъ никоимъ образомъ внушать не

слѣдуетъ, что будто бы, наприм., „публичное одобреніе есть двигатель ученическихъ занятій“ и будто бы этимъ двигателемъ ученикамъ слѣдуетъ гордиться и „услаждать свое воспоминаніе“.—Но никоимъ образомъ не можетъ быть осужденъ обычай заставлять лучшихъ учениковъ читать на актѣ *свои* произведенія. Здѣсь ученикъ хотя тоже актерствуетъ, но актерствуетъ оригинально и, слѣдоват., интересно, занимательно. Поэтому мы съ удовольствіемъ приведемъ здѣсь стихи Голодникова „Искеръ“, по которымъ также можемъ судить и о томъ, какіе результаты получались отъ ознакомленія учениковъ съ „стопосложеніемъ“ и какое вліяніе оказывалъ на своихъ учениковъ поэтъ учитель. Голодниковъ будущей своей литературной дѣятельностью показалъ, что онъ рожденъ вовсе не поэтомъ, и, слѣдовательно, на эти стихи нужно смотрѣть какъ на результатъ школьной выучки и результатъ, который учитель долженъ былъ слушать съ большимъ удовольствіемъ, нежели слушалъ онъ свое произведеніе въ устахъ своего пасынка.

Вотъ это стихотвореніе:

Искеръ.

1.

Вечеръ.—Тихо надъ полями;
Подъ сіяніемъ небесъ
Вдаль лучистыми шатрами
Бросилъ тѣни ближній лѣсъ.
Рдѣетъ западъ надъ рѣкою
Въ блескѣ радужныхъ цвѣтовъ,
И въ стеклѣ рѣки порою
Пишетъ кистью золотою
Группы тонкихъ облаковъ.
Легкій челнъ вдали мелькаетъ
По зеркальной глади водъ;
То въ тѣни онъ исчезаетъ,
То опять въ лучахъ плыветъ.
Вотъ пронесся отъ востока
Свѣжій вѣтеръ въ вышину
И всплеснулъ крыломъ широко
Полусонную волну.

2.

Вокругъ ни души. Только я одинокій,
На тихія воды, склонившись, взиралъ,
Вблизи предо мною холмъ дикій, высокій,
Какъ сынъ отчужденный, уныло стоялъ.
И свѣтлый источникъ, обвалъ обвивая,
Катилъ одиноко струю за струей,
И чистымъ алмазомъ предъ солнцемъ сверкая,
Въ лѣсу исчезалъ, уносимый рѣкой.
Вотъ прямо обросшія мохомъ могилы,
Но крестъ христіанскій на нихъ не горитъ
Надъ ними, поникнувъ верхами уныло,
Какъ стражей безмолвныхъ, сонмъ сосенъ стоитъ.
И рѣдко промчится звукъ пѣсни далекой
Туземца надъ прахомъ почившихъ отцовъ,
И, грусть водворяя на сердцѣ глубоко,

Теряется въ говорѣ струй и листовъ.....

3.

О Искеръ!... Свидѣтель славы
Русскихъ воиновъ! Твой холмъ,
Какъ воитель величавый,
Спитъ подъ вѣчнымъ шумомъ волнъ!
Первый разъ тебя я встрѣтилъ
Средь обители нѣмой,
Первый разъ тебя привѣтилъ
Не притворною слезой!
Нѣтъ! не дивною красою,
Не величьемъ пирамидъ,
Но красуется мечтою
Твой пустынный, дикій видъ!
Дряхлый остовъ одѣвая,
Этотъ дикій лѣсъ густой,
Будто риза гробовая
Разпростерта надъ тобой.
Все меня остановляетъ,
Тайно сердцу говоритъ,
И какъ будто оживляетъ
Этотъ страшный смерти видъ!....

4.

Потухъ уже западъ, и тѣнью почною,
Какъ смертнымъ покровомъ, Искеръ облеченъ,
И мѣсяцъ лампадой надъ нимъ гробовою,
Сіяетъ, туманомъ ночнымъ запесенъ,
И свѣтомъ таинственнымъ звѣзды, сіяя,
Какъ свѣточи въ склепѣ могильномъ горятъ;
Тамъ дикія совы, во мракѣ летая,
Надъ трупомъ столѣтнимъ печально кричатъ.

5.

Помню я временъ преданья
Здѣсь въ пустынной сторонѣ;
Ихъ отрадныя сказанья
Сладко кровь волнуютъ мнѣ.
Я пріятными мечтами
Былъ далеко увлеченъ;
Предо мною дни за днями
Пробѣгали, словно сонъ.
И въ забвеніи порою
Мнѣ казалось (чудный видъ!)
Холмъ не дикій предо мною,
Крѣпость сильная стоитъ.
Блескомъ солнечнымъ одѣты,
Будто кровлей золотой,
Гордо высятся мечети
Подъ двурогою луной.
И средь говора и шума
Многолюдья на стѣнахъ
Имя сильнаго Кучума
Повторяется въ толпахъ.
Вдругъ вдали, какъ лебедины
Крылья взвились, легкій челнъ
Надъ зыбучею равниной
Разсѣкаетъ плески волнъ.
Брызжетъ пѣна ихъ сѣдая,
И, теряясь вдалекѣ,
Сердцу русскому родная
Пѣсня льется по рѣкѣ.
Вижу въ крѣпости смятенье,
Раздалися крикъ и шумъ.
И средь общаго волненья
Ты бѣжишь въ лѣса, Кучумъ!
Ты бѣжишь,—а за тобою
Лѣсъ и холмы и рѣка
Побѣдительной грозою
Вторятъ имя Ермака!...

6.

Но годы минули.... И снова пустыня
Въ Искерѣ. Все дико на холмѣ крутомъ!

Колючій терновникъ шумитъ на вершинѣ,
И стелются дикія травы кругомъ....
И, пѣнясь, рѣка грудь ему пробиваетъ,
И молнія черепъ изсохшій палитъ,
И вѣтеръ могилы его разрываетъ,
И прахъ ихъ разноситъ и кости дробитъ.
Ничтожество! Сила!... Ты, гордый сынъ тлѣнья,
Мечтающій жить въ отдаленныхъ вѣкахъ,
Смирись предъ святою судьбой Провидѣнья,—
Безсмертный лишь вѣченъ,—ты жъ пепелъ и прахъ!...
И вспомни—наступитъ ужасное время:
Земля не услышитъ ноги подъ собой
И, свергнувъ тяжелое, горькое бремя
Въ тиши усладительной вкуситъ покой!...

7.

Все невольно извлекаетъ
Слезы грусти изъ очей;
Лучъ надежды потухаетъ
Въ глубинѣ души моей.
Всюду смерть и разрушенье!
Да, въ минуты тѣ я былъ
Безъ надеждъ, безъ утѣшенья,
Какъ мертвецъ среди могилъ!....
Вдругъ.... надъ тихою рѣкою
Громкій выстрѣлъ раздался,
И невольно я съ тоскою
Бросилъ взоръ на небеса.
Утро. Съ блѣдными звѣздами
Ночь скрывалась за холмомъ,
А востокъ пылалъ огнями
Въ обновленіи дневномъ.
Нѣтъ! Напрасны укоризны!
Послѣ ночи вѣковой
Ждетъ заря насъ новой жизни
Невечерней и святой!

Ученикъ VI класса *К. Голодниковъ.* [1])

На актѣ были награждены: 1) книгами и похвальными листами 7 учениковъ, 2) похвальными листами 8, 3) книгами 3, 4) удостоены публичной похвалы за хорошіе успѣхи 15 человѣкъ, 5) за отличное благонравіе объявлена похвала 13, 6) заслужили похвалу за постоянное усердіе и успѣхи въ рисованіи, черченіи и чистописаніи 15 учениковъ.

Въ слѣдующемъ учебномъ году произошли въ гимназіи слѣдующія перемѣны въ личномъ составѣ. Опредѣлены, кромѣ упомянутыхъ, учителемъ судопроизводства окончившій курсъ въ Главномъ педагогическомъ институтѣ *Малосапожковъ,* учителемъ исторіи и статистики—студентъ того же института *Михаилъ Ивановичъ Доброхотовъ* (въ одно время съ Малосапожковымъ) и латинскаго языка *Николай Юрьевичъ Козловскій.* Вотъ краткія свѣдѣнія о послѣднемъ до его назначенія учителемъ въ Тобольскую гимназію. По окончаніи курса въ Луцкомъ уѣздномъ училищѣ Козловскій поступилъ въ Императорскій Виленскій университетъ въ 1816 году и въ немъ обучался сперва въ продолженіе одного учебнаго года на собственномъ иждивеніи, а послѣ

[1]) Вышеупомянутый авторъ воспоминаній.

поступилъ на казенное содержаніе въ учительскую семинарію; по 30 іюня 1821 года слушалъ курсъ физики и химіи, зоологіи, ботаники и минералогіи, логики, греческой, латинской и россійской словесности, краснорѣчія и поэзіи, всеобщей исторіи и статистики, россійской исторіи, также нѣмецкаго, англійскаго и итальянскаго языковъ. Получилъ степень кандидата философіи по физико-математическому отдѣленію, назначенъ былъ въ 1821 году учителемъ латинскаго языка и всеобщей исторіи въ Ковенское уѣздное училище, откуда въ слѣдующемъ году былъ перемѣщенъ въ Житомірское. По поводу принадлежности его къ существовавшему въ Вильнѣ тайному обществу Филаретовъ, въ которомъ онъ былъ только членомъ, не принимая никакого другаго званія, высланъ по Высочайшему повелѣнію въ отдаленныя отъ Польши губерніи, для употребленія его по училищной части, и опредѣленъ старшимъ учителемъ латинскаго языка въ Пермскую гимназію (съ 30 іюня 1826 г.), гдѣ проходилъ должность не безъ пользы для дѣла: въ 1831 году совѣтомъ Казанскаго университета объявлена ему благодарность за усердную службу и хорошіе успѣхи, найденные визитаторомъ Словцовымъ. Въ 1832 году по Высочайшему повелѣнію за связи съ сосланными въ Пермь поляками назначенъ на службу въ Якутскъ подъ надзоромъ мѣстнаго начальства и по прибытіи помѣщенъ въ число канцелярскихъ служителей въ областное управленіе и въ томъ же году командированъ къ управленію Олекминскимъ округомъ. Въ 1835 году переведенъ былъ въ Якутскій окружной судъ засѣдателемъ. Съ 2 іюня 1838 года по 25 января 1839 г. состоялъ при канцеляріи Тобольскаго общаго губернскаго управленія и занимался производствомъ слѣдственныхъ дѣлъ. Въ январѣ 1839 г. съ Высочайшаго соизволенія опредѣленъ учителемъ латинскаго языка въ Тобольскую гимназію, гдѣ въ 1844 году изъявлена ему была благодарность министра народнаго просвѣщенія за усердное исполненіе обязанностей. Къ этому нужно прибавить, что Козловскій былъ судимъ за противозаконные поступки, допущенные имъ по дѣламъ Олекминскаго окружнаго управленія, за что по приговору якутскаго правленія заключено сдѣлать ему строгій выговоръ и взыскать въ пеню 15 р. ассигнаціями въ пользу казны. Николай Юрьевичъ оставилъ по себѣ добрую память. Объ немъ у Паутова мы находимъ слѣдующія воспоминанія: „Н. Ю. К., преподавая латинскій языкъ въ низшихъ классахъ, болѣе всего налегалъ на заучиваніе словъ, латинскихъ склоненій и спряженій. Слова въ чистыхъ тетрадочкахъ подбирались такимъ образомъ: floribus thema flos, significat rossice—цвѣтокъ, поставлено во множественномъ числѣ, въ дательномъ падежѣ. Когда нужно спрашивать спряженіе или склоненіе, ученики должны были всѣ книги и тетради положить въ столъ; Н. Ю. становился къ переднему столу и предлагалъ вопросы: „ну-съ, Поповъ-съ, какъ 1-е лицо множ. чис. plusquamperfectum отъ глагола debeo? Ученикъ долженъ отвѣчать тотчасъ же и чуть только замѣшкался, Н. Ю. обращался къ другому ученику съ тѣмъ же вопросомъ. Брань его самая большая была: Ой-съ, глупый мальчикъ!“ Въ сравненіи съ преподавателемъ латинскаго языка въ старшихъ классахъ, уже

извѣстнымъ намъ Рѣзановымъ, Козловскій выигривалъ; вообще говоря онъ добивался того, что ученики любили латинскій языкъ, между тѣмъ какъ у Рѣзанова дѣло было наоборотъ. Оригинально ученики выражали свою нелюбовь къ латинскому языку, изучаемому ими при помощи Рѣзанова и христоматіи Попова. „Христоматія эта, вершка въ $1^1/_2$ толщины, была козломъ отпущенія нашей нелюбви къ латинскому языку, пишетъ Паутовъ. Бывало соберемся въ саду, поставимъ христоматію къ дереву и разбиваемъ ее камнями, а потому рѣдкая христоматія оставалась у кого либо не поврежденною“. Между тѣмъ грамматика Бѣллюстина, сопровождавшая учениковъ черезъ всю гимназію благодаря Козловскому, не возбуждала въ ученикахъ злобы, такъ комично ими выражаемой. О Малосапожковѣ мы сказали выше. Что же касается Доброхотова, то этотъ преподаватель въ глазахъ учениковъ былъ выше даже самого знаменитаго Ершова. „М. Ив. имѣлъ характеръ кроткій и общительный; онъ съумѣлъ болѣе, нежели Ершовъ, сдѣлать свой предметъ (исторію) интереснымъ. Любимый и глубоко-уважаемый всѣми, какъ начальствомъ, такъ и учащимися, онъ руководства по исторіи дополнялъ чтеніемъ новѣйшихъ авторовъ. Такимъ образомъ онъ крайне заинтересовалъ насъ всеобщею исторіею Ляме-Флери, только что переведенною на русскій языкъ студентами педагогическаго института. Окончившіе курсъ ученія въ 1839 году гимназисты VII класса на выпускномъ экзаменѣ по исторіи всѣ получили баллъ пять“ (у Голодникова). Паутовъ про Доброхотова пишетъ слѣдующее: „М. Ив. зналъ исторію и географію какъ свои пять пальцевъ. Знаніе карты было верхъ совершенства. М. Ив. бывало, разсказывая изъ исторіи и стоя отъ карты черезъ классъ, идетъ къ ней съ протянутой рукой и прямо покажетъ на тотъ городъ, который упомянулъ въ разсказѣ. Съ какимъ наслажденіемъ мы вслушивались въ его разсказы изъ исторіи! Съ какимъ удовольствіемъ чертили географическія карты!“ Окончили курсъ въ 1839 г.: Капитонъ Голодниковъ, Александръ Романовъ и Александръ Поповъ.

Въ $18^{39}/_{40}$ учебн. году назначенъ учителемъ нѣмецкаго языка вмѣсто Гильденгагена Титъ Осиповъ сынъ *Цеглярскій*. Пробывъ съ годъ въ военной службѣ по собственному желанію, онъ въ 1825 году, по испытаніи въ Каменецъ-Подольской гимназіи въ знаніи нѣмецкаго языка, опредѣленъ и. д. учителя нѣмецкаго языка въ Новгородъ-волынское уѣздное училище (1837 г.), откуда въ слѣдующемъ году перешелъ въ Клеванскую гимназію. Законоучитель Знаменскій архіереемъ былъ переведенъ въ Ялуторовскъ; на его мѣсто назначенъ священникъ *Николай Юшковъ* (съ 27 января 1840 г.), „образецъ кротости и незлобія“, по выраженію Паутова. „Оскорбить его какимъ либо поступкомъ, или даже нашалить во время его урока—каждому изъ насъ было совѣстно... Онъ былъ учителемъ изъ временъ апостольскихъ“. Выбылъ изъ гимназіи учитель математики Николай Романовъ; вмѣсто него былъ приглашенъ, до назначенія новаго учителя, смотритель Быковъ. Младшій учитель русскаго языка и географіи Андрей Романовъ перемѣщенъ въ Томскую гимназію старшимъ учителемъ, а на мѣсто его опредѣленъ учитель Гатчинскаго

уѣзднаго училища Сергѣй *Дилигенскій.* Уволенъ экономъ Сѣдинкинъ; вмѣсто него опредѣленъ унтеръ-цейхвартеръ Ѳедоръ *Малковъ.* Окончили въ 1840 г. трое: Павелъ Андрониковъ, Александръ Плотниковъ и Михаилъ Неугодниковъ. Отправлены въ Казанскій университетъ на казенный счетъ: Плотниковъ (впослѣдствіи учитель Тобольской гимназіи) и Андрониковъ.

Въ 18⁴⁰/₄₁ учебномъ году умерли: Леманъ (27 сентября 1840 г.) и Дилигенскій (22 іюня 1841 г.); къ исправленію должности учителя по русскому языку допущенъ былъ учитель уѣзднаго училища Скорбѣевъ, а географія была поручена Доброхотову. На мѣсто Н. Романова былъ опредѣленъ *Егоръ Ивановъ Величковскій,* дворянинъ, имѣвшій въ Медынскомъ уѣздѣ Калужской губерніи 9 душъ. По окончаніи курса въ Рязанской гимназіи В. поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ окончилъ курсъ съ званіемъ кандидата по физико-математическому отдѣленію и опредѣленъ въ 1833 году учителемъ математики въ Калужскую гимназію. Прослуживъ здѣсь до 1840 года, онъ перешелъ изъ Калуги въ С.-Петербургъ въ контроль Императорскаго двора младшимъ помощникомъ столоначальника, откуда за неявку изъ отпуска въ томъ же году (1840 г.) уволенъ. Окончило въ 1841 г. 9: Яковъ Андреевъ и Николай Стукальскій (впослѣдствіи преподаватель Тобольской гимназіи, а потомъ инспекторъ Томской) съ правами на чинъ 14 класса (отправлены въ университетъ); безъ правъ: Аристовъ Александръ, Бобрикъ Петръ, Залежскій Викторъ, Маминъ Капитонъ, Михалевъ Павелъ, Котельниковъ Александръ, Пономаревъ Алексѣй.

Въ 18⁴¹/₄₂ уч. году Каптеревъ перешелъ на службу въ главное управленіе. Его должность исправляли Величковскій и Быковъ. Окончившій курсъ въ среднемъ отдѣленіи Главнаго педагогическаго института Казанскій назначенъ младшимъ учителемъ русскаго языка и географіи (на мѣсто Дилигенскаго). Окончившій полный курсъ тамъ же *Михаилъ Лонгиновичъ Поповъ* назначенъ учителемъ законовѣдѣнія (вмѣсто Озерова). На мѣсто Каптерева назначенъ Иванъ Карповъ Руммель, окончившій курсъ въ педагогическомъ институтѣ. Окончили курсъ въ 1842 г.: Константинъ Широковъ, Владиміръ Ильинъ—съ правами на чинъ 14 класса, Николай Лыткинъ и Яковъ Игнатьевъ, съ аттестатомъ, Карпинскій—со свидѣтельствомъ; Василій Андронниковъ остался по желанію на 2-й годъ. Въ университетъ отправлены: Широковъ, Лыткинъ и Игнатьевъ (впослѣдствіи преподаватель Тобольской гимназіи). На свой счетъ въ этомъ году въ Казанскій университетъ уѣхалъ Ильинъ. [1])

Въ 18⁴²/₄₃ уч. году надзиратель Волковъ назначенъ учителемъ французскаго языка на мѣсто Лемана (умеръ въ апрѣлѣ 1843 г.). Надзирателемъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ назначенъ *Фирсъ Васильевъ Ростиславовъ,* бывшій

---

[1]) Свѣдѣнія о количествѣ отправившихся въ университетъ на свой счетъ за всѣ годы этого періода взяты нами изъ рукописной историч. записки о Тобольской гимназіи П. Т. Матросова, который всѣхъ воспитанниковъ гимназіи за это время зналъ лично или могъ почерпать свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ. Г. Ц.

надзирателемъ въ пансіонѣ при Томской гимназіи. Окончили въ 1843 году курсъ: Андреевъ П., Загурскій Андрей, Лещевъ Александръ, Менделѣевъ Иванъ, Серебряковъ В., Солдатковъ Александръ. Въ университетъ отправлены: Загурскій и Лещевъ. Одинъ отправился на свой счетъ.

Въ $18^{43}/_{44}$ уч. году инспекторъ Помаскинъ былъ уволенъ въ отставку, на его мѣсто былъ назначенъ Ершовъ, а на мѣсто послѣдняго кандидатъ Казанскаго универ. Александръ Васильевъ Плотниковъ, воспитанникъ Тобольской гимназіи, получившій въ университетѣ золотую медаль. Окончили курсъ съ правомъ на чинъ 14 класса Осипъ Ларіоновъ, Павелъ Родіоновъ, Николай Шавринъ и Петръ Шмотинъ изъ податнаго состоянія. На свой счетъ отправился одинъ.

Въ $18^{44}/_{45}$ уч. году на основаніи министерскаго распоряженія было соединено преподаваніе статистики и географіи. Педагогическимъ совѣтомъ было постановлено замѣнить свободные въ VII классѣ два урока изъ статистики одинъ урокъ повтореніемъ всеобщей и россійской исторіи, а другой—повтореніемъ изъ русской словесности. Законоучителемъ вмѣсто Юшкова (†) опредѣленъ іерей Тобольскаго каѳедральнаго собора *Левъ Ѳедоровичъ Иваницкій*, окончившій курсъ въ Тобольской духовной семинаріи. Въ 1836 г. онъ былъ назначенъ учителемъ въ I классъ Тобольскаго духовнаго приходскаго училища, въ 1837 г. учителемъ татарскаго языка въ низшее отдѣленіе духовнаго уѣзднаго училища, перемѣщенъ въ то же отдѣленіе по предметамъ закона Божія, греческаго языка, славянской грамматики, церковнаго устава и нотнаго пѣнія. Учитель приходскаго училища Маршаловъ допущенъ къ и. д. надзирателя за своекоштными воспитанниками. Учитель Быховскаго приходскаго училища *Костя* былъ допущенъ къ исправленію должности надзирателя казеннокоштныхъ воспитанниковъ. Окончили курсъ въ 1845 г. съ правомъ на чинъ 14 класса: 1) Иванъ Бреховъ, 2) Викторъ Зуевъ, 3) Григорій Семеновъ и 4) Владиміръ Фелицынъ. Выпущенъ съ аттестатомъ, но безъ правъ (изъ податнаго состоянія) Иванъ Кремлевъ. Оставлены по недостаточности лѣтъ Александръ Католинскій и Ѳедоръ Чернавинъ. Въ университетъ отправлены: Семеновъ и Фелицынъ. Одинъ отправился на свой счетъ.

Въ $18^{45}/_{46}$ уч. году три надзирателя стали жить на квартирахъ, получая квартирныхъ денегъ по 50 руб. сер. изъ остаточной суммы отъ содержанія воспитанниковъ. Въ январѣ 1846 года опредѣленъ надзирателемъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ *Иванъ Осиповъ Семашко*, а въ маѣ опредѣленъ учителемъ искусствъ уволенный изъ Тобольскаго мѣщанскаго общества свободный неклассный художникъ *Денисъ Петровичъ Шелутковъ*, даровитый художникъ портретной живописи. Тогда же на мѣсто Цеглярскаго (†) опредѣленъ воспитанникъ Главнаго педагогическаго института *Ричардъ Григорьевичъ Бостремъ*. Выпущены въ 1846 г. съ аттестатами и правами на чинъ 14 класса: 1) Ар. Ананьинъ, 2) Александръ Католинскій, 3) Василій Неудачинъ, 4) Александръ Нѣмцовъ, 5) Иванъ Поповъ, 6) Николай Суворовъ, 7) Ѳедоръ Чернавинъ, 8) Николай Чудиновъ. Съ аттестатами окончили: 9) Иванъ Безсо-

новъ, 10) Николай Бедаревъ и 11) Павелъ Матросовъ. Дмитрій Летешинъ по болѣзни держалъ экзаменъ въ августѣ. Петръ Бѣлорусцевъ по недостаточности лѣтъ оставленъ. Въ этомъ году на казенный счетъ никто не былъ отправленъ въ университетъ, а на свой счетъ поступили: 3—въ Казанскій университетъ, 1—въ Московскій и 1—въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію.

Въ 18⁴⁶/₄₇ уч. году вышло министерское распоряженіе объ ограниченіи преподаванія математики: отмѣнено преподаваніе геометріи начертательной и аналитической. Преподаваніе математической географіи отнесено къ VI и VII классу „по удобности". Въ январѣ 1847 года объявлено министерское распоряженіе объ остановленіи преподаванія логики въ гимназіяхъ: „Избраніе руководства по этой наукѣ представляло доселѣ неустранимыя затрудненія, ибо всѣ существующія сочиненія мало приспособлены къ понятіямъ юношества, обучающагося въ гимназіяхъ. Оттого преподаваніе логики только оставляетъ въ памяти учениковъ отвлеченныя темныя положенія, которыя либо забываются ими, либо служатъ поводомъ къ ошибочнымъ примѣненіямъ". Свободные часы логики въ Тобольской гимназіи замѣнены были преподаваніемъ географіи и исторіи Россіи съ примѣненіемъ къ древней географіи. Окончившій курсъ въ Казанскомъ университетѣ съ званіемъ студента *Николай Алексѣевъ Стукальскій* (изъ воспитанниковъ Тобольской гимназіи) опредѣленъ учителемъ математики на мѣсто Величковскаго. Окончили курсъ въ 1847 г.: Петръ Бѣлорусцевъ съ аттестатомъ и правомъ на чинъ, Северинъ Бутаковъ, Павелъ Паутовъ и Ѳедоръ Тверитиновъ безъ права на чинъ, Веньяминъ Шишкинъ со свидѣтельствомъ объ окончаніи курса. Отправлены въ университетъ: Бѣлорусцевъ (впослѣдствіи учитель Тобольской гимназіи) и Чернавинъ (окончившій курсъ въ 1846 году).

Въ 18⁴⁷/₄₈ уч. году въ ноябрѣ совѣтомъ постановлено было ограничить преподаваніе латинскаго языка въ I классѣ до глаголовъ съ необходимымъ запасомъ словъ. Съ половины ноября постановлено допустить на зимнее время соединеніе утреннихъ и вечернихъ классовъ. Въ декабрѣ 1847 года въ гимназію по просьбѣ архіепископа Георгія были допущены для посѣщенія рисовальныхъ классовъ причетники: Дьяковъ и Мизерандовъ. Выбылъ учитель Малосапожковъ. На его мѣсто назначенъ *Яковъ Ивановъ Игнатьевъ*, дѣйствительный студентъ Казанскаго университета. Въ 1848 году по случаю свирѣпствовавшей въ Тобольской губерніи холеры полныхъ экзаменовъ не было. Въ засѣданіи педагогическаго совѣта отъ 28 іюня постановлено было поручить инспектору сдѣлать тщательнѣйшую выборку объ успѣхахъ учениковъ изъ мѣсячныхъ вѣдомостей за весь учебный годъ для назначенія къ переводу учениковъ въ высшіе классы и таковую вѣдомость представить къ 20 числу будущаго августа для подробнаго разсмотрѣнія и надлежащаго постановленія по этому предмету. На основаніи годовыхъ отмѣтокъ переведены были: изъ I класса во II 14 учениковъ, изъ II—15, изъ III—13, изъ IV—18, изъ V—6, изъ VI—8. Экзаменъ былъ назначенъ только четверымъ. Ученики VII

класса экзаменовались въ іюнѣ и окончили курсъ: Андрей Словцовъ, Амвросовъ Ѳедоръ, Капустинъ Семенъ, Павелъ Дмитріевъ, Менделѣевъ Павелъ, Амвросовъ Иванъ и Ларіоновъ Николай—съ правомъ на чинъ 14 класса. Василій Власовъ, Гаврило Загурскій, Трифоновъ Николай, Сахинскій Егоръ и Ярцевъ Аврамъ—безъ права. Остались въ VII классѣ: Анненковъ В. по желанію родителей и Серебряковъ Андрей по малоуспѣшности. Въ университетъ отправленъ Андрей Словцовъ (впослѣдствіи преподаватель Тобольской гимназіи). Каникулы въ 1848 году были продолжены до 1 сентября; въ пансіонѣ лѣтомъ оставалось только пять учениковъ. На случай холеры въ гимназіи предпринимаемы были слѣдующія мѣры: 1) чтобы въ комнатахъ воспитанниковъ было по нѣсколько разъ въ день курено уксусомъ и въ оныхъ разставленъ очищенный деготь; 2) чтобы воспитанники имѣли теплые набрюшники и съ теплыми чулками обувь; 3) съ тощимъ желудкомъ воспитанникамъ ни подъ какимъ видомъ не позволять въ утреннее время выходить на воздухъ и вообще соблюдать всѣ предохранительныя средства, кои покажетъ лѣкарь; 4) если кто захвораетъ, то извергаемыя больными нечистоты засыпать негашенною известью; если же кто умретъ, то таковой менѣе сутокъ долженъ находиться въ заведеніи.

Въ $18^{48}/_{49}$ уч. году съ 9 марта 1849 года въ должность надзирателя казенныхъ воспитанниковъ вступилъ *Капитонъ Маминъ* вмѣсто Католинскаго. Католинскій вышелъ въ отставку потому, что выслужилъ пенсію. Онъ не прочь былъ послужить и еще, но Качуринъ рѣшительно воспротивился этому желанію. Нужно было ходатайствовать объ оставленіи его на службѣ „съ отвѣтственностію и ручательствомъ, что служба Католинскаго можетъ удовлетворять на будущее время строгимъ требованіямъ начальственнымъ по важной обязанности нравственнаго надзора за воспитаніемъ. Но какъ въ этомъ отношеніи, по смыслу устава гимназіи о комнатныхъ надзирателяхъ, Католинскій оказывался не всегда удовлетворительнымъ, по имѣющимся въ виду фактамъ (прошу вспомнить и отзывъ о Католинскомъ Голодникова), то и дальнѣйшее ручательство еще на 5 лѣтъ за службу его дирекція крайне затрудняется принять на свою отвѣтственность". Впрочемъ съ 1 декабря 1851 года Католинскій вновь вступилъ на службу и до того втянулся въ должность надзирателя, что съ февраля 1865 года, когда по новымъ штатамъ министерства, расходъ по Тобольской гимназіи на 3-го надзирателя былъ исключенъ изъ смѣты, К. даромъ исполнялъ свою должность до конца $186^{5}/_{6}$ уч. года, но не безъ цѣли: ему хотѣлось выслужить орденъ Владиміра 4 степени, который онъ и получилъ. О Католинскомъ намъ придется еще сказать нѣсколько словъ.—Къ этому же году относится установленіе отправленія всенощныхъ бдѣній съ вечера въ 6 часовъ съ особеннымъ благовѣстомъ и звономъ на воскресные и праздничные дни, а въ самые тѣ дни литургіи не ранѣе 9 часовъ утра въ приходской Богоявленской церкви. Это было сдѣлано для того, чтобы воспитанникамъ гимназіи доставить возможность удобнѣе посѣщать храмъ Божій. Кромѣ того воспитанники должны были во время богослуженія

читать и пріучаться пѣть по церковнымъ напѣвамъ. Нужно сказать, что инипіаторомъ въ этомъ дѣлѣ былъ не Качуринъ, а преосвященный Георгій, архіепископъ Тобольскій и Сибирскій. 18 ноября 1848 года законоучитель гимназіи Левъ Иваницкій „репортовалъ" преосвященному, что начальство гимназіи, стараясь выполнить желаніе его высокопреосвященства, изъясненное въ отношеніи къ директору гимназіи отъ 7 іюня сего 1848 года, и споспѣшествовать всѣми возможными и зависящими отъ него мѣрами относительно пріученія къ чтенію и пѣнію въ церкви воспитанниковъ училищъ вѣдомства М. Н. П., всеохотно дѣйствительно желаетъ, чтобы на всѣ воскресные и праздничные дни, въ которые училища отъ ученія свободны, были отправляемы всенощныя бдѣнія не ранѣе 6 часовъ, а литургіи въ 9 часовъ утра—съ тѣмъ, чтобы до всенощнаго бдѣнія 5 и 6 часъ, а утромъ 9-й употреблять на приготовленіе воспитанниковъ къ чтенію и пѣнію подъ руководствомъ мѣстнаго діакона и причта, для того вмѣнить тому причту въ непремѣнную обязанность въ означенные часы приходить въ пансіонъ гимназіи для руководства воспитанниковъ оной". Но тутъ встрѣтилось небольшое затрудненіе, которое однако же скоро было устранено. Дѣло въ томъ, что мѣстный причтъ Богоявленской церкви не въ состояніи былъ руководствовать и въ чтеніи и въ пѣніи воспитанниковъ гимназіи, п. ч. „діаконъ Хнюнинъ по поведенію не надеженъ, а причетникъ Малаховъ и по поведенію не надеженъ, и поетъ и читаетъ плохо"... Ихъ обоихъ „нужно отвести въ другой приходъ, потому что ихъ, по невоздержности, не согласится начальство гимназіи допущать въ пансіонъ благородныхъ воспитанниковъ, такъ какъ Хнюнинъ и Малаховъ не въ назиданіе, а только соблазномъ послужатъ и будутъ служить камнемъ преткновенія, а не къ развитію и согрѣтію сердецъ молодыхъ воспитанниковъ чувствомъ вѣры и благочестія". Его Преосвященство на репортѣ законоучителя Иваницкаго положилъ слѣдующую резолюцію: „Утверждается на пробу до дальняго усмотрѣнія учиненное въ семъ репортѣ распоряженіе, перемѣстивъ діакона Хнюнина на мѣсто діакона Пономарева (бывшаго при соборѣ на пономарской вакансіи), до времени предоставивъ ему себѣ празднаго діаконскаго мѣста просить съ условіемъ если заслужитъ одобренія отъ соборянъ, а дьячка Малахова выслать ко мнѣ, отрѣшивъ его, Малахова, отъ дьяческаго мѣста, на которомъ до нынѣ состоялъ, а можно его до времени и усмотрѣнія его исправленія нравственности при соборѣ на праздномъ мѣстѣ, если есть, помѣстить. Относительно же богоугоднаго расположенія гимназіи къ спасительному прославленію Бога, который славящихъ Его прославитъ, да Самъ Онъ Господь силъ совершитъ славу свою въ ней, да осѣнятся симъ благословеніемъ всѣ начальствующіе, учащіе и учащіеся и служащіе Тобольской гимназіи. На мѣсто Малахова перевесть отъ Рождественской церкви дьячка Ивана Фирсова, если онъ совершенно знаетъ пѣть по сокращенному нотному обиходу и правильно, ясно, вразумительно и по правописанію читать". А 29 ноября о. Иваницкій репортовалъ уже преосвященному относительно успѣховъ гимназистовъ въ церковномъ чтеніи и пѣніи, откуда мы узнаемъ, что учить

церковному пѣнію воспитанниковъ гимназіи изъявилъ свое согласіе бывшій пѣвчій архіерейскаго хора учитель семинаріи Александръ Волковъ; для пѣвческихъ классовъ были назначены понедѣльникъ, среда и пятница съ половины 5 до половины 6 часа послѣ обѣда; кромѣ того, воспитанники поютъ и читаютъ въ субботу предъ всенощнымъ бдѣніемъ и въ воскресенье предъ литургіею въ 9 часу; о. законоучитель по своей обязанности говорилъ воспитанникамъ о душеспасительной пользѣ отъ чтенія и пѣнія церковнаго, особенно въ храмѣ; на первый разъ взято для обученія пѣнію на одинъ клиросъ восемь учениковъ изъ уѣзднаго народнаго училища и 12 воспитанниковъ гимназіи—всего 20 человѣкъ; когда эти воспитанники пріучатся пѣть, то предположено взять столько же и для лѣваго клироса, всѣхъ же воспитанниковъ на первый разъ предположено пріучить правильно пѣть въ церкви на литургіи символъ вѣры, молитву Господню, а по отпустѣ многолѣтіе Государю Императору, затѣмъ тропарь: Спаси, Господи, люди твоя и кондакъ: Вознесыйся на крестъ волею, и еще молитву за Государя Императора: Небесный царю вѣрнаго императора укрѣпи; сіе же пѣть и по отпустѣ на всенощномъ бдѣніи, также кондакъ: Взбранной воеводѣ побѣдительная; 19, 20, 21 и 27 чиселъ какъ на всенощной, такъ и на литургіи чтеніемъ и пѣніемъ занимались по очереди и по назначенію, читали: стихиры, шестопсалміе, каѳизмы, канонъ хвалитны, 1, 3 и 6 часы блаженны и апостолъ, даже во св. алтарѣ и по церкви воспитанники священнослужащимъ помогали: предносили подсвѣщникъ при маломъ и великомъ входахъ на литургіи, поставляли аналогій для прочтенія св. евангелія и поученія, подносили кадило, теплоту, смотрѣли за свѣчами въ алтарѣ; между воспитанниками гимназіи нѣтъ басовъ и теноровъ, но это устранено тѣмъ, что басомъ пѣть приглашенъ купецкій внукъ Василій Ѳедоровъ Струнинъ и мѣщанинъ Коминъ, а тенора пожелалъ пѣть одинъ изъ наставниковъ г. Казанскій и двое изъ чиновниковъ гражданской службы. На этомъ рапортѣ читаемъ слѣдующія слова внимательнаго архипастыря: „Съ великою радостію прочиталъ я вашъ репортъ! Благодарю Вышняго изліявшаго на гимназію Духа ревности по благочестію, имѣющему обѣтованіе нынѣшнихъ и грядущихъ благъ. Какъ пріятно! какъ восхитительно! Господь сподобилъ и учениковъ подвѣдомственныхъ Тобольской дирекціи такъ хвалить и благословить Его, какъ Его хвалятъ и прославляютъ на небеси ангелы. Да благословитъ Господь силъ и начальниковъ и наставниковъ въ гимназіи и всѣхъ пріемлющихъ добровольное и охотное участіе въ семъ толико славномъ и душеспасительномъ дѣлѣ, а юноши и дѣти да уподобятся и святостію и мудростію ангеламъ. 3 декабря 1848 года“. Окончили курсъ въ 1849 году: Чугуновъ Андрей, Сильвестровъ Николай (отправлены на казенный счетъ въ Казанскій университетъ), Рогожниковъ Александръ, *Менделѣевъ Дмитрій* (знаменитый химикъ), Медвѣденковъ Николай и Путьковскій Александръ съ аттестатами и правомъ на чинъ; Каренгинъ Никаноръ безъ правъ; Анненковъ Владиміръ удостоенъ аттестата съ правами, если можетъ воспользоваться ими по своему происхожденію (сынъ декабриста), Николай Пѣшехо-

новъ окончилъ безъ права на чинъ (тоже по происхожденію).

Слѣдующая таблица покажетъ намъ количество учащихся къ 1 января за всѣ годы описываемаго періода съ распредѣленіемъ ихъ по сословіямъ и количество ежегоднаго перевода учениковъ въ высшіе классы:

Учебный годъ.	Общее число учениковъ.	Дворянъ и чиновниковъ.	Городскихъ сословій.	Сельскаго.	Канцелярск. служителей.	Духовныхъ.	Количество переведенныхъ въ высшіе классы.						
							II	III	IV	V	VI	VII	Окончили.
183^{6}/$_{7}$	81	76	4	—	1	—	7	9	15	3	3	4	—
183^{7}/$_{8}$	102	—	—	—	—	—	15	11	16	10	3	3	4
183^{8}/$_{9}$	117	110	5	2	—	—	14	21	12	9	9	3	3
183^{9}/$_{40}$	121	109	8	3	—	1	10	12	10	6	6	8	3
184^{0}/$_{1}$	127	118	6	2	—	1	13	15	18	6	6	7	9
184^{1}/$_{2}$	114	99	12	2	—	1	10	11	9	10	5	5	5
184^{2}/$_{3}$	114	—	—	—	—	—	15	15	7	8	8	4	6
184^{3}/$_{4}$	105	91	11	—	1	2	18	15	12	4	10	8	4
184^{4}/$_{5}$	127	110	12	1	2	2	12	20	15	17	6	11	5
184^{5}/$_{6}$	142	118	15	2	6	1	13	14	20	9	14	4	12
184^{6}/$_{7}$	142	124	13	2	3	—	9	7	9	10	7	12	5
184^{7}/$_{8}$	130	119	10	1	—	—	14	15	13	18	6	8	12
184^{8}/$_{9}$	107	95	8	1	3	—	13	11	13	11	15	5	9

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Мѣры къ улучшенію учебнаго дѣла. Посѣщеніе учителями классовъ и педагогическаго совѣта. Пропуски уроковъ въ 1838 году. Представленіе ежемѣсячныхъ отчетовъ объ учебномъ ходѣ губернатору. Вычетъ изъ жалованья за неявку на уроки. Столкновеніе Качурина и Левдика; слѣдствія этого столкновенія. Учителя: Поповъ, Казанскій, Величковскій, Руммель и Циглярскій. Мѣропріятія Качурина относительно учительскихъ волосъ. Мѣры исправленія учениковъ. Содержаніе пансіонеровъ учителями. Запрещеніе ученикамъ давать уроки безъ разрѣшенія дирекціи. Контроль надъ классными занятіями.

Возвратимся къ вопросу о мѣрахъ къ улучшенію учебнаго дѣла въ гимназіи. Въ шестой главѣ мы говорили о томъ, какимъ образомъ Качуринъ

хотѣлъ заставить преподавателей быть болѣе аккуратными въ хожденіи на уроки. Само собой разумѣется, что предлагая мѣры къ тому, чтобы заставить такъ или иначе учителей аккуратнѣе ходить на уроки, Качуринъ имѣлъ къ тому основаніе въ дѣйствіяхъ самихъ преподавателей. По ежемѣсячнымъ отчетамъ инспектора мы можемъ составить себѣ совершенно опредѣленное понятіе о томъ, какъ исполняли свои обязанности преподаватели. Въ отчетѣ за сентябрь 1836 года инспекторъ говоритъ, что въ продолженіи этого времени важныхъ упущеній со стороны учащихъ не было, кромѣ нѣкоторыхъ опаздываній, въ чемъ больше другихъ виноватъ учитель математики, опаздывавшій на урокъ получасомъ, а иногда и болѣе. Тотъ же учитель въ октябрѣ два раза не былъ въ классѣ „по неизвѣстнымъ причинамъ" и при томъ опаздывалъ „частовременно". Опаздывалъ также Рѣзановъ „нерѣдко" и Лукинъ „иногда". Тоже говоритъ инспекторъ про названныхъ учителей и въ ноябрѣ, прибавляя сюда еще Ершова и особенно указывая опять таки на того же Каптерева, который разъ не былъ и въ этомъ мѣсяцѣ по неизвѣстнымъ причинамъ. Въ декабрѣ опаздывали Ершовъ и Каптеревъ, и оба эти преподавателя иногда не ходили въ классъ по неизвѣстнымъ причинамъ. Но эти нехожденія и опаздыванія ровно ничего не значатъ въ сравненіи съ тѣмъ, что было въ гимназіи потомъ, наприм., въ 1838 году. Изъ учителей въ январѣ не занимали классовъ: 1) Каптеревъ—11 чис. (отозвался болѣзнію); 2) Лукинъ—15 (тоже); 3) Ершовъ—17 и 18 (по законной причинѣ); 4) А. Романовъ—21 и 22 (по болѣзни). Поздно являлись въ нѣкоторыя числа Рѣзановъ, Лукинъ, Каптеревъ и Николай Романовъ, а Цвѣтковъ ранѣе оканчивалъ классы. Гильденгагенъ былъ въ отпускѣ съ 3 февраля; П. Ершовъ въ февралѣ пропустилъ уроки—23, 24, 26 и 28 чис.; Николай Романовъ 25 и 26—(оба отозвались болѣзнію). Исключая законоучителя Цвѣткова, въ теченіе недѣли ранѣе получасомъ по обязанностямъ духовнымъ окончившаго классъ, прочіе учителя являлись своевременно. Въ мартѣ не ходили въ классъ: 1) П. Ершовъ съ 1 по 26 чис. (по болѣзни); 2) Гильденгагенъ—по возвращеніи изъ отпуска съ 10 марта вступилъ въ должность и не былъ въ классахъ 24, 28, 29 и 30 (по болѣзни); 3) Николай Романовъ—1, 5, 18 и 30 (отозвался болѣзнію); 4) Левдикъ—26, 28 и 30 (о причинѣ знать не далъ); 5) Леманъ—21, 22, 23 и 30 (отозвался письм. болѣзнію); 6) Каптеревъ—29 (по случаю постованія); 7) Андрей Романовъ—22, 23 и 24 (по болѣзни); 8) Коротких҃ъ—5, 7, 21, 22, 24 и 28 (по болѣзни). Сверхъ означенныхъ отбытій неблаговременно или являлись къ занятіямъ или оставляли классъ, считая отъ 15 мин. до ½ часа: 1) Цвѣтковъ—1 разъ; 2) Быковъ—2 раза; 3) Каптеревъ—2; 4) Короткихъ—2; 5) Николай Романовъ—5; 6) Рѣзановъ—2; 7) Андрей Романовъ—2, 8) Левдикъ—2 раза. Въ апрѣлѣ не были: 1) Ершовъ—16, 18, 19, 20 и 22 (по законной причинѣ); 2) Николай Романовъ—13, 23 и 18 (по болѣзни); 3) Павелъ Леманъ—18; 4) Андрей Романовъ—18 (по случаю похоронъ Ершовой). Сверхъ этого являлись съ пропускомъ времени отъ 15 мин. и болѣе: 1) Романовъ Н.—11, 20, 22, 25 и 29; 2) Петръ Рѣзановъ 13 числа полчаса провелъ въ библіотекѣ, занимаясь

отпускомъ книгъ, а 16 поздно пришелъ въ классъ; 3) Михаилъ Левдикъ—30, 4) Быковъ—15. Въ маѣ не занимали лекцій: 1) Короткихъ—7 (увѣдомленія не получено, а посланный служитель въ квартирѣ не нашелъ), 10, 11, 13—(полученъ рапортъ о болѣзни и медицинское свидѣтельство), 14, 16, 17, 18, 19, 20 и 21; 2) Леманъ—18, 19, 20, 21, 24, 25, 26 и 27—(отозвался болѣзнію, но свидѣтельства не представилъ); 3) Гильденгагенъ—18 (по обязанности пастора); 4) Ершовъ—25 (по уважительной причинѣ); 5) Знаменскій—13 (по болѣзни). Въ іюнѣ не занимались: 1) Знаменскій съ 1 по 17, (по болѣзни—представлено свидѣтельство лѣкаря); 2) Мертличъ—7, 8 и 11 (по законной причинѣ); 3) Гильденгагенъ—8 (по духовнымъ обязанностямъ); 4) Николай Романовъ—9, 21 и 22 (по болѣзни, какъ усмотритъ совѣтъ гимназіи изъ двухъ прилагаемыхъ, полученныхъ отъ него, лоскутковъ безъ означенія даже на оныхъ времени); 5) Андрей Романовъ—16 и 17; 6) Быковъ—20, 21 и 23 (по случаю производившихся экзаменовъ въ уѣздномъ училищѣ). Несвоевременно являлись: 1) Мертличъ—2 и 13 чис.; 2) Знаменскій—23 (ранѣе окончилъ урокъ по обязанностямъ духовнымъ); 3) Каптеревъ—4 и 17; 4) Озеровъ—4 и 15, 5) Романовъ—7, 8 и 13. Изъ учителей въ сентябрѣ мѣсяцѣ не занимали классовъ: 1) Леманъ—1, 2, 3, 5 и 6 чис.; 2) Короткихъ—1, 2, 3, 5, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 15 и 16; 3) Мертличъ—1, 12, 13, 15, 16, 17 и 19; изъ нихъ первые двое отозвались лишь своею болѣзнію, а третій представилъ о томъ свидѣтельство; 4) Каптеревъ—2 (о небытіи даже и не увѣдомилъ); 5) Знаменскій—21, 22, 23, 24 и 27; 6) Н. Романовъ—27, 7) Гильденгагенъ 30 числа (всѣ отозвались—по болѣзни). Отъ 15 мин. и болѣе опаздывали: 1) Рѣзановъ 2 раза; 2) Н. Романовъ 4 раза и 3) Быковъ 1 разъ. Въ октябрѣ не занимали классовъ: 1) Гильденгагенъ—7 и 28 чис.; 2) А. Романовъ—17 (по уважительнымъ причинамъ); 3) Николай Романовъ—18 и 25 (по болѣзни); 4) Леманъ—2 (по законной причинѣ; 5) Короткихъ—21, 29 и 31 (причины не заслуживаютъ уваженія); 6) Ершовъ—24 (по болѣзни); 7) Рѣзановъ—26 (по уважительной причинѣ), 8) Мертличъ—31 (въ свое время не удостоилъ свѣдѣній объ отлучкѣ, бывши между тѣмъ того числа утромъ въ классѣ). Опаздывали отъ 15 мин. до ½ часа: Каптеревъ 11 чис. утромъ и послѣ обѣда, 12, 14, 15, 16, 19, 21 и 27 по утру и послѣ обѣда, 28 и 29 чис.; Короткихъ—11, 25 и 28; Рѣзановъ—12, 18, 19 и 31 и Н. Романовъ—14, 27, 28 и 31. Въ ноябрѣ не занимали классовъ: 1) Мертличъ—1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14 и 30 (до 10 числа отозвался болѣзнію, но свидѣтельства не представилъ, а остальные пропустилъ по неуважительной причинѣ); 2) Ершовъ—5 (по болѣзни); 3) Н. Романовъ—7 (по неизвѣстной причинѣ), 12—(отозваля болѣзнію, но свидѣтельства доктора не доставилъ), 14, 22, 23, 24, 25, 26, 28, 29 и 30 (тоже); 4) Короткихъ 9 чис. (по неизвѣтной причинѣ), 15—(на отлучку позволенія не дано), 16, 17, 18, 19, 22, 23, 24, 25 и 26); 5) Леманъ 4 чис. (по болѣзни); 6) Каптеревъ—3 (по зубной боли), 17—(причина неизвѣстна), 26 и 30 (по болѣзни); 7) Рѣзановъ—16, 17, 18, 19, 20, 23, 24, 25 и 26 (по дѣйствительной болѣзни); 8) Гильденгагенъ 25 чис. (по домашнимъ обстоятель-

ствамъ); 9) Быковъ—22, 25, 26 и 28 (по болѣзни). Опоздали отъ 15 мин. до $1/2$ часа: Короткихъ 1 и 4 ноября 2 раза; Каптеревъ—3, 9, 16, 22, 23, 24 и 25; Быковъ—3, 4 и 9; Озеровъ—16; Н. Романовъ—17, 18 и 22; А. Романовъ—17; Мертличъ—17, 18 и $3/4$ час. 24. Изъ преподавателей въ декабрѣ не занимали классовъ: Каптеревъ 1 чис. (по болѣзни), 2, 3, 12 и 13—(отозвался черезъ брата—по болѣзни), 14, 15 и 16—(отозвался письменно по болѣзни), 17, 19, 20, 21 и 22 (свидѣтельства не получено); 2) Н. Романовъ 1 чис. (неизвѣстно почему); 3) Короткихъ—6 и 7 (тоже); 4) Гильденгагенъ—2 (по болѣзни); 5) Мертличъ—2 (неизвѣстно почему), 15—(отозвался болѣзнію); 6) Леманъ 7 чис. (о причинѣ не далъ увѣдомленія), 8, 15 и 16 (отозвался посланному служителю болѣзнію, но свидѣтельства не доставилъ).

Напрасно бы кто нибудь подумалъ, что Качуринъ ограничится однимъ только застращиваніемъ учителей опаздывавшихъ и не посѣщавшихъ уроки, по его мнѣнію—безъ уважительныхъ причинъ; онъ и поступалъ съ ними такъ, какъ писалъ. Ущербъ въ учебномъ отношеніи отъ этихъ опаздываній и безпричинныхъ нехожденій былъ такъ великъ, что Качуринъ ни въ какомъ случаѣ не могъ ограничиться однимъ застращиваніемъ. Черезъ годъ послѣ перваго своего рапорта по этому предмету Качуринъ перенесъ дѣло съ педагогическаго совѣта на благоусмотрѣніе губернатора, которому въ октябрѣ 1838 года писалъ слѣдующее: „Изъ вѣдомостей объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ гимназіи усматривается, что нѣкоторые изъ г.г. учителей гимназіи частовременно не посѣщаютъ классовъ, безъ представленія законныхъ удостовѣреній, отзываясь письменно болѣзнію, а иные и вовсе не подаютъ никакого свѣдѣнія объ отлучкахъ своихъ. Изъ вѣдомости за мартъ мѣсяцъ видно, что учебныхъ дней въ этомъ мѣсяцѣ было 25, въ продолженіи коихъ сверхъ многихъ опаздываній, особенно нетерпимыхъ въ учебномъ порядкѣ, вовсе не было дано отсутствующими преподователями 115 лекцій, составляющихъ $173^1/_2$ часа“. Доводя объ этомъ до свѣдѣнія губернатора, директоръ говоритъ тоже, о чемъ онъ говорилъ въ рапортѣ отъ 27 марта 1837 года, что нужно требовать отъ учителей въ случаѣ болѣзни медицинскихъ свидѣтельствъ, а въ случаѣ отсутствія таковаго вычитать изъ жалованья за пропущенные уроки. При этомъ Качуринъ прибавляетъ, что онъ находитъ необходимымъ ежемѣсячно представлять на будущее время благоусмотрѣнію губернатора краткую вѣдомость объ учебномъ ходѣ въ гимназіи для принятія въ нужныхъ случаяхъ должныхъ мѣръ къ утвержденію точнаго порядка. Губернаторъ вполнѣ согласился съ представленіемъ директора, замѣтивъ только, что медицинскія свидѣтельства о болѣзни отсутствующихъ учителей въ такомъ только случаѣ необходимы, когда болѣзнь ихъ будетъ продолжаться нѣсколько дней; но о временныхъ болѣзненныхъ припадкахъ, которые бываютъ не болѣе одного дня и при томъ не частовременно, представлять свидѣтельства затруднительно и неудобно. Въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ Качуринъ представилъ губернатору „краткую вѣдомость объ учебномъ ходѣ“, и губернаторъ сразу усмотрѣлъ, что Н. Романовъ много разъ опаздывалъ посѣщеніемъ классовъ, при чемъ пору-

чилъ директору замѣтить это Романову; въ слѣдующемъ мѣсяцѣ подвергся замѣчанію губернатора Леманъ, въ іюнѣ опять Романовъ; а въ началѣ слѣдующаго 1839 г. губернаторъ предоставилъ Качурину обратиться къ денежной мѣрѣ взысканія за пропущенные уроки, примѣнивъ эту мѣру къ учителямъ, проштрафившимся въ послѣдній мѣсяцъ 1838 года: Мертличу, Короткихъ, Каптереву и Н. Романову. Съ Мертлича постановлено было вычесть изъ жалованья за 13 дней—31 руб. 85 коп. (изъ ежемѣсячнаго 73 руб. 50 коп.); съ Короткихъ за 14 дней (изъ 61 р. 25 к.)—28 р. 56 к.; съ Каптерева за 4 дня (изъ 153 р. 12 к.)—20 р. 40 к.; съ Н. Романова за 12 дней (изъ 153 р. 12 коп.)—61 р. 20 к. И не одни только опаздыванія и нехожденія безъ причинъ въ классъ со стороны учителей преслѣдовалъ Качуринъ. Въ дѣлахъ архива мы находимъ грозное его предписаніе учителямъ: Ершову, Левдику, Гильденгагену и Короткихъ съ требованіемъ дать немедленно отвѣтъ, почему они, будучи извѣщены со стороны дирекціи, не явились однако 24 апрѣля 1838 г. на совѣтъ и не доставили о томъ предварительныхъ отзывовъ. Разумѣется, учителя поспѣшили почтительнѣйше донести, что не были они на совѣтѣ по нездоровью,—у Короткихъ даже зубы болѣли,—и только Левдикъ не счелъ нужнымъ кривить душой и написалъ, что не присутствовалъ онъ потому, что въ это число былъ день воскресный, въ который учебныя заведенія и присутственныя мѣста освобождаются отъ всякихъ занятій на точномъ основаніи Св. Зак. 4 ст. о пред. и пресѣч. преступ. т. XIV. Судя по разсказамъ, этотъ остроумный отвѣтъ Левдика быстро сталъ извѣстенъ по всему городу, тѣмъ болѣе, что, повидимому, Качуринъ не нашелся ничего возразить противъ указанной статьи. Но торжество учителей было кратковременно и ненадежно. Никто изъ нихъ не ожидалъ, что въ недалекомъ будущемъ Качуринъ по своему воспользуется этимъ отвѣтомъ Левдика. „А, вы меня вздумали пугать разными статьями о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій!“ очевидно думалъ Качуринъ про себя; „погодите же: я тоже кое-что знаю по части статей... Я вамъ покажу, какъ смѣяться надо мной“. И показалъ. Въ апрѣлѣ 1841 года повторилась таже исторія съ посѣщеніемъ педагогическаго совѣта: нѣкоторые изъ учителей явились въ совѣтъ несвоевременно, но многіе и „совсѣмъ не заблагоразсудили въ этомъ отношеніи исполнить свой долгъ къ службѣ и начальству, даже безъ предварительнаго объясненія причинъ, закономъ уважаемыхъ, что совсѣмъ противно 42 и 43 ст. II т. губернскихъ учрежденій“. „А потому, пишетъ дальше Качуринъ, поставляя таковыя упущенія обязанностей служебныхъ на видъ г.г. членамъ совѣта, дирекція долгомъ считаетъ, для отвращенія подобныхъ небрежностей къ службѣ, симъ объявить, что на будущее время тѣ изъ членовъ, которые будутъ являться несвоевременно или вовсе не явятся въ педагогическій совѣтъ по назначенію начальства, будутъ неминуемо подвергнуты взысканіямъ, опредѣленнымъ 46 и 47 стат. того же тома губернскихъ учрежденій“. Такимъ образомъ остроуміе Левдика грозило обойтись учителямъ очень дорого. Указанная 46 ст. гласитъ: „не прибывшій къ присутствію членъ, безъ узаконенныхъ къ тому причинъ, подвергается

вычету мѣсячнаго жалованья". Несомнѣнно, что этимъ грознымъ предписаніемъ Качуринъ достигалъ того, чего желалъ, но все-таки ему и потомъ часто приходилось напоминать преподавателямъ объ ихъ обязанностяхъ и потомъ пугать ихъ мѣрами, бьющими по карману. Въ ноябрѣ 1842 года Качуринъ пишетъ инспектору гимназіи: „При обозрѣніи моемъ гимназіи въ текущемъ ноябрѣ мѣсяцѣ замѣчено мною было, что г.г. учителя Казанскій и Руммель по прошествіи даже получаса отъ начала учебнаго времени предоставляютъ ученикамъ произвольно заниматься, а сами иногда уходятъ изъ класса или употребляютъ это время на посторонніе предметы, отъ чего происходитъ шумъ, нарушающій порядокъ, но и при самыхъ занятіяхъ почти совсѣмъ не обращаютъ вниманія на малоуспѣвающихъ учениковъ, отъ чего число таковыхъ съ каждымъ мѣсяцемъ увеличивается". Иногда Качуринъ натыкался на непріятности. Объ одной изъ этихъ онъ писалъ въ ноябрѣ 1842 г. губернатору. Въ чемъ состояла эта непріятность, учиненная директору учителемъ Руммелемъ, мы не знаемъ,—до насъ только дошла одна отвѣтная бумага губернатора, въ которой упоминается какая-то „небрежная записка" къ директору Руммеля и въ которой губернаторъ, „снисходя къ молодости Руммеля, неопытности и собственному сознанію неодобрительныхъ поступковъ", ограничился на этотъ разъ приказаніемъ Руммелю испросить у директора извиненія за его дерзость, какъ видно „не умышленную". Въ той же бумагѣ губернаторъ пишетъ: „Затѣмъ обращаясь къ учителямъ Попову, Казанскому и Величковскому, я прошу васъ сдѣлать имъ, отъ имени моего, выговоръ за ихъ *неприличное поведеніе* и имѣть за поступками какъ ихъ, такъ и Руммеля строгій *надзоръ*, внушивъ имъ, что если я черезъ мѣсяцъ получу отъ васъ снова невыгодный отзывъ объ нихъ, то вынужденъ буду довести о томъ до свѣдѣнія г. Министра народнаго просвѣщенія". Значитъ неприличное поведеніе было дѣйствительно неприлично, если губернаторъ пригрозилъ Министромъ. Послѣдующія обстоятельства намъ объяснятъ до извѣстной степени, въ чемъ состояло это неприличное поведеніе преподавателей, и покажутъ намъ, что Качуринъ, благодаря своимъ крутымъ мѣрамъ, подвергался иногда оскорбленіямъ даже „умышленнымъ". 6 октября 1843 года директоръ писалъ губернатору слѣдующее: „Учитель Величковскій со времени прибытія въ Тобольскъ и вступленія въ настоящую должность постоянно замѣчается въ нетрезвомъ поведеніи и нерѣдко является къ должности не въ приличномъ званію наставника видѣ, отъ чего частовременно случаются упущенія по должности его и неисполненіе порученій начальства, требуемыхъ отъ него по званію учителя физико-математическихъ наукъ. Хотя для исправленія его въ поведеніи и неупустительнаго отправленія возложенныхъ на него обязанностей были дѣлаемы ему часто замѣчанія, а по словесному приказанію его превосходительства остановлено даже въ минувшемъ году представленіе о производствѣ его въ слѣдующій чинъ за выслугу лѣтъ и по предложенію отъ 6 декабря 1842 г. объявленъ ему выговоръ за неприличное поведеніе, но г. В—скій за всѣмъ этимъ остается въ одномъ положеніи и не подаетъ надежды къ исправленію. Почему я обязанностью поставляю для

устраненія неблагоприличія отъ такого наставника для учебнаго заведенія и потери въ преподаваніи, предварительно представить о семъ на благоусмотрѣніе вашего превосходительства и покорнѣйше просить не оставить начальственнымъ распоряженіемъ объ увольненіи его изъ вѣдомства Тобольской дирекціи училищъ". Губернаторъ сдѣлалъ представленіе генералъ-губернатору, но послѣдній сразу не рѣшился принять крутыхъ мѣръ по отношенію къ Величковскому, а предложилъ принять существенныя мѣры къ удержанію его отъ слабости, объявя ему при этомъ, что если и послѣ этого не исправится, то будетъ представленъ къ исключенію изъ службы. При этомъ губернаторъ предложилъ директору доставлять ему еженедѣльно въ собственныя руки секретныя записки о поведеніи и прохожденіи службы Величковскаго. Вотъ точныя свѣдѣнія о посѣщеніи Величковскимъ гимназіи за 1843 годъ: въ январѣ Величковскій не былъ 13, 14, 16, 21, 22 и 23 чиселъ, въ февралѣ—4, 11, 13 и 23, въ мартѣ—5, 9, 12, 16, 19 и 20, въ апрѣлѣ—23, 25, въ маѣ—18, 19, въ іюнѣ—8, 9, 11, 21, 22 и 26, въ сентябрѣ—11, 17, 21, 25, 2, 23 и 29, въ октябрѣ—5, 6, 7, 8, 9 и 19, въ ноябрѣ—16, 23, 24 и 27, въ декабрѣ—3, 7, 10 и 11. *) Со дня вступленія на должность В—скій вообще, не считая значительныхъ опаздываній, пропустилъ лекцій 181 и при томъ на службу являлся большею частію въ несоотвѣтствующемъ наставнику видѣ. Не думаемъ, чтобы Качуринъ равнодушно читалъ распоряженіе генералъ-губернатора касательно Величковскаго, но дѣлать было нечего. Оставалось терпѣть и ждать. Ждать впрочемъ пришлось не долго. Величковскій исправляться не думалъ и чудилъ по прежнему. Въ январѣ 1844 года губернаторъ снова предлагаетъ внушить В—скому объ усугубленіи прилежанія къ занятіямъ. Въ рапортахъ инспектора то и дѣло встрѣчались, что В—скій на уроки являлся не въ надлежащемъ видѣ и однажды (15 ноября 1845 г.) въ подобномъ состояніи онъ забылся до того, что „дерзкимъ образомъ осмѣлился перемѣнить распоряженіе своего начальства, и вина его тѣмъ болѣе не простительна, что онъ допустилъ подобную дерзость въ присутствіи учениковъ гимназіи и даже хвалился ею". Мѣра начальническаго терпѣнія переисполнилась, и В—скій въ апрѣлѣ 1846 года долженъ былъ подать прошеніе объ увольненіи изъ Тобольской гимназіи, которое состоялось въ августѣ того же года. Пилъ В—скій между прочимъ и потому, что въ семейной жизни своей онъ не былъ счастливъ. Впрочемъ мы не имѣемъ возможности послѣднее обстоятельство считать причиной нетрезвости В—скаго. Очень возможно, что семейная его жизнь сложилась дурно именно въ силу нетрезвости, а потомъ въ свою очередь поддерживала и развивала порокъ. Одно для насъ несомнѣнно, что въ 1845 году жена съ дѣтьми жила въ Россіи. Между тѣмъ В—скій могъ быть полезнымъ учителемъ. Вотъ какой отзывъ далъ о немъ Качуринъ на запросъ попечителя Виленскаго учебнаго округа: „Какъ преподаватель, В—скій можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ учителей, соединяя при многостороннемъ знаніи отличную способ-

*) Въ августѣ В—скій былъ въ отпуску.

ность объясненія преподаваемаго имъ предмета, но въ отношеніи къ поведенію дирекція къ сожалѣнію не можетъ скрыть, что В—скій былъ подверженъ слабости, которая нерѣдко заставляла его или упускать лекціи, или являться не въ надлежащемъ видѣ". Въ какомъ видѣ В—скій оставилъ своему наслѣднику учениковъ, мы узнаемъ потомъ, а теперь скажемъ, что физическій кабинетъ значительно пострадалъ отъ его усердія. Изъ небольшаго количества инструментовъ оказались испорченными слѣдующіе: № 11 барометръ Беринга (не имѣетъ винта); № 16 изъ стеклянныхъ колоколовъ одинъ открытый и другой закрытый; № 18—Проковъ шаръ (дно обито); № 22—сферическое выпуклое зеркало; № 26—сложный микроскопъ, № 40—спиртовый термометръ съ реомюровымъ дѣленіемъ (разбитъ); № 45—психрометръ (разбитъ); № 87—футляръ солнечныхъ часовъ (худой). Подробной описи инструментамъ не было, и Величковскій часто бралъ ихъ на домъ безъ вѣдома начальства.

Какъ уже и раньше сказано—не одинъ только Величковскій велъ себя не соотвѣтственно учительскому званію. Къ сожалѣнію хорошимъ начинаніямъ начальства многіе изъ учителей выказывали иногда открытое, иногда глухое несочувствіе. Такъ въ апрѣлѣ 1843 г., просматривая представленные инспектору учителями списки, Качуринъ усмотрѣлъ, что „и эта статья для провѣрки ежедневныхъ учебныхъ занятій оставалась до сихъ поръ по большей части въ небрежности вопреки §§ 197, 199 и 201 уст. учебн. завед., а преподаватели гимназіи Руммель, Поповъ и Казанскій даже не представили никакихъ списковъ, не упоминая о другихъ, кои хотя исполнили наконецъ это требованіе, но съ возраженіями.... Почему поручаю вашему высокородію объявить строгій выговоръ учителямъ Руммелю, Попову и Казанскому за невнимательность къ начальственнымъ распоряженіямъ, неповиновеніе и небрежность къ службѣ, замѣченную дирекціею многократно". За этотъ строгій выговоръ учителя жаловались на директора губернатору, опровергая основательность выговора. Но губернаторъ поручилъ дирекціи подтвердить учителямъ, чтобы они впредь не выходили изъ должнаго послушанія непосредственному своему начальству и вмѣсто неумѣстныхъ жалобъ обратились бы къ точному и усердному исполненію служебныхъ своихъ обязанностей. Но и послѣ этого мы встрѣчаемся съ тѣмъ же „пагубнымъ примѣромъ своевольства и вольномыслія". Весной 1844 года до свѣдѣнія губернатора дошли слухи о безнравственныхъ наклонностяхъ, вкравшихся между нѣкоторыми учениками гимназіи. Для отвращенія и предупрежденія подобныхъ случаевъ, „которые могли бы произвести неблагопріятное мнѣніе со стороны общества и начальства и, постепенно распространяясь, имѣть очень вредныя послѣдствія для дѣтей", директоръ поручилъ инспектору передать для свѣдѣнія преподавателей нѣкоторыя распоряженія. Ничего особеннаго въ этихъ распоряженіяхъ не было, тѣмъ болѣе, что они вызваны были дѣйствительными проступками со стороны учениковъ. Но почему-то одни изъ преподавателей безусловно приняли эти распоряженія, а другіе, какъ-то Поповъ и оба надзирателя, „не вникнувъ въ сущность бумаги", позволили себѣ написать на формальномъ извѣщеніи „собственныя

свои“ мысли; третьи же: Величковскій, Руммель и Волковъ вовсе отказались подписать бумагу. Вотъ образчикъ учительск. замѣтокъ на предписаніи директора: „что касается до дурныхъ примѣровъ или неприличныхъ внушеній, то это каждый знаетъ изъ устава, и мы подписали это при присягѣ, посему такое вторичное требованіе подписи одного и того же должно имѣть какое нибудь основаніе, которое и желалъ бы я знать отъ дирекціи. Ст. у. мат. И. Руммель“. Другой отвѣтъ: „Не только дѣлать неприличныя внушенія, и тѣмъ болѣе подавать дурные примѣры кому либо изъ учащихся, но мы старались согласно данной намъ присягѣ искоренять все то, что могли замѣтить и открыть служащее ко вреду ввѣреннаго намъ юношества, доказательствомъ же можетъ служить открытіе и послѣднихъ безнравственныхъ наклонностей въ замѣченныхъ нами воспитанникахъ, имена коихъ были донесены какъ вашему высокоблагородію, а равно и г. директору училищъ. Учитель художествъ и исправляющій должность надзирателя Гейнрихъ Мертличъ“. Съ такимъ же разногласіемъ начальства и учителей мы встрѣчаемся и позднѣе въ началѣ слѣдующаго учебнаго года. 19 августа былъ педагогическій совѣтъ, на которомъ шла рѣчь о переводѣ учениковъ. Нѣкоторые ученики экзамена не выдержали. Надо полагать, что одни изъ членовъ педагогическаго совѣта стояли за то, чтобы нѣкоторыхъ изъ учениковъ, выдержавшихъ экзаменъ неудовлетворительно, подвергнуть вторичному экзамену, а другіе утверждали, что разъ экзамена ученикъ не выдержалъ, то и разговаривать не о чемъ. Къ числу послѣднихъ принадлежали Поповъ, Руммель, Величковскій и Казанскій. На сторонѣ первыхъ былъ и Качуринъ съ инспекторомъ Ершовымъ. Разговоры, должно быть, были крупные, судя потому, что Качуринъ, предписывая преподавателямъ отъ 21 августа явиться на вторичный экзаменъ, исключилъ изъ числа экзаменаторовъ названныхъ учителей, какъ не изъявившихъ согласія на передерживаніе экзамена. Такого самоуправства со стороны директора учителя перенести не могли и зашумѣли. Въ ихъ отзывахъ мы находимъ, что они правда не подавали своего согласія на передерживаніе, но „несогласія *быть* на вторичномъ экзаменѣ никогда и никому не изъявляли“ и „будутъ, если не получатъ особеннаго предписанія начальства не быть. (Слова Попова и Руммеля)“. Къ этому Величковскій приписалъ: „такъ какъ на вторичномъ экзаменѣ испытаніе будетъ производиться и тѣмъ ученикамъ, кои по предметамъ, мной преподаваемымъ, могутъ быть переведены въ тѣ классы, въ коихъ я обучаю, то отъ присутствія отказаться не могу“. Почему же поименованные учителя разошлись въ мнѣніяхъ съ начальствомъ? Коротко и основательно объяснилъ дѣло учитель Поповъ въ рапортѣ директору: „На несогласіе мое съ положеніемъ совѣта гимназіи о дозволеніи ученикамъ, получившимъ на экзаменѣ недостаточныя отмѣтки, передержать экзаменъ, честь имѣю представить слѣдующее объясненіе. *Я не согласился на такое положеніе совѣта потому, что оно не основано ни на одномъ изъ §§ устава учебныхъ заведеній. Если же и допустить такое положеніе, какъ не противорѣчащее уставу, то оно возможно только тогда, когда дѣло идетъ объ ученикахъ, получившихъ на*

экзаменѣ отмѣтки, не согласныя съ годовыми; если же ученикъ на экзаменѣ показалъ себя такимъ же, какимъ онъ былъ отмѣченъ въ теченіе цѣлаго года, —къ чему ему передерживать экзаменъ?" Практика, разумѣется, на сторонѣ Качурина и тѣхъ учителей, которые съ нимъ мыслили едино, но подчеркнутыя нами слова Попова каждый отвѣтственный и неотвѣтственный педагогъ долженъ золотыми буквами написать на самомъ видномъ мѣстѣ. Справедливѣе этихъ словъ могутъ быть развѣ тѣ же слова, только повторенныя нѣсколько разъ. Одно отступленіе здѣсь можетъ быть допущено, по нашему мнѣнію,—это именно тотъ случай, когда малоуспѣвающимъ въ продолженіе года и неудовлетворительно выдержавшимъ экзаменъ окажется такой ученикъ, котораго нужно исключать. Такого, думается намъ, можно и перевести въ надеждѣ на то, что авось онъ разовьется и потомъ будетъ успѣвать.

Экзаменъ однако произошелъ безъ Попова Руммеля, Величковскаго и Казанскаго.

Величковскій былъ учитель неудовлетворительный, но мало успѣха оказывалось и у Руммеля, заступившаго его мѣсто въ старш. классахъ, и у учителя нѣмецк. языка Циглярскаго, и у учителя латин. языка въ старш. классахъ, по крайней мѣрѣ по отзыву Качурина. „По произведеннымъ годичнымъ испытаніямъ, пишетъ Качуринъ инспектору, въ четырехъ высшихъ классахъ гимназіи (въ августѣ 1845 г.), по личному удостовѣренію моему, ученики оказались преимущественно недостаточными въ знаніи словъ и грамматическихъ формъ по предметамъ латинскаго и нѣмецкаго языковъ, отъ неправильнаго способа преподаванія, соединеннаго съ невознаграждаемыми потерями времени для учащихся по этимъ предметамъ, пріучаясь всегда надѣяться отъ учителей отвѣтовъ вмѣсто себя, чрезъ что приведены въ совершенно безпечное положеніе. Покорнѣйше прошу таковые недостатки поставить на видъ по принадлежности, а въ особенности г. Циглярскому, который по фальшивой самонадѣянности своей допустилъ учениковъ до крайняго невѣжества, къ униженію чести учебнаго заведенія, съ подтвержденіемъ, что если и на будущее время замѣчены будутъ таковыя неизвинительныя упущенія, то виновные подвергнутъ себя всей отвѣтственности отъ нарушенія служебнаго долга, не минуемо послѣдующей,—а также не оставьте обратить близкое вниманіе на усовершенствованіе успѣховъ въ письмѣ и особенно въ правописаніи". Въ слѣдующемъ 1846 году мы находимъ такого рода свѣдѣніе: „Изъ поступавшихъ въ 1846 году въ Казанскій университетъ менѣе удовлетворительными по познаніямъ оказались ученики Тобольской гимназіи, и въ особенности въ математикѣ, физикѣ и латинскомъ языкѣ—слабыми, а въ географіи и языкахъ нѣмецкомъ и французскомъ средственными". Воспоминанія Паутова объяснятъ намъ, почему мало оказывалось успѣха по латинскому языку: „Учитель П. К. Рѣзановъ въ VI или VII классахъ увлекался переводомъ читаемаго автора (особенно Виргилія) до того, что забывалъ, гдѣ онъ сидитъ. Бывало подойдешь къ его столу сзади и, держа руку съ булкой почти у самаго его уха, говоришь: „Петруша, булки хочешь?" Петръ Кузьмичъ повернется, посмотритъ

какимъ-то внутреннимъ взглядомъ на булку машинально, не сознавая—что онъ видитъ, повернется опять къ книгѣ и углубится въ латинскую мудрость. Лекцію мы часто писали на доскѣ нѣмецкими буквами, и если П. К., не понимая ни слова по-нѣмецки, кажется вовсе не умѣя читать, приказывалъ стереть съ доски, то мы всѣмъ классомъ возставали противъ этого: „какъ можно, Петръ Кузьмичь, Ричардъ Григорьевичъ написалъ намъ, чтобы мы перевели это къ слѣдующему классу". И написанное оставалось. Большею же частію урокъ писали или на бумагѣ и прилѣпливали къ переднему столу, или же писали на ладони". У Козловскаго въ младшихъ классахъ ученики хорошо занимались, а въ старшихъ пробавлялись тѣмъ, чѣмъ запасались у Козловскаго. Рѣзановъ, можетъ быть, зналъ латинскій языкъ, но онъ, очевидно, не могъ передать своего знанія ученикамъ и поселить въ нихъ любовь къ этому предмету. Въ 1848 г. „по предмету математики ученики 4-хъ высшихъ классовъ оказали, пишетъ директоръ инспектору, успѣхи не вполнѣ удовлетворительные, каковые недостатки въ особенности замѣчены въ отношеніи учениковъ VII класса, при бывшемъ испытаніи въ іюнѣ мѣсяцѣ, преимущественно зависящіе отъ способа преподаванія. Посему для отвращенія впредь малоуспѣшности по предмету математики и физики предлагаю вамъ строжайше поставить о семъ на видъ старшему учителю Руммелю съ тѣмъ, чтобы онъ усугубилъ старанія для доведенія учениковъ гимназіи до болѣе удовлетворительныхъ успѣховъ, въ противномъ же случаѣ, ежели онъ не употребитъ должнаго старанія къ усовершенствованію способа преподаванія, въ продолженіе курса, болѣе соотвѣтственнымъ понятіямъ учениковъ, то дирекція поставлена будетъ въ необходимость принять со стороны своей болѣе дѣйствительныя мѣры къ устраненію столь важнаго недостатка замѣною Руммеля въ высшихъ классахъ гимназіи другимъ преподавателемъ". Контроль свой надъ учителями Качуринъ не ограничивалъ однимъ только наблюденіемъ надъ ихъ исправнымъ посѣщеніемъ уроковъ и преподаваніемъ. Въ 1844 году (отъ 26 іюня) мы читаемъ: „Г. управляющій Тобольскою губерніею замѣтилъ, что нѣкоторые изъ преподавателей Тобольской гимназіи являются къ своей должности безъ соблюденія должнаго приличія и опрятности въ платьѣ, небритыми, съ безобразно длинными волосами, противно установленной формѣ, требуемой правительствомъ, тогда какъ они должны быть примѣромъ для ввѣренныхъ имъ учениковъ въ наружномъ порядкѣ и во всѣхъ отношеніяхъ нравственныхъ—словомъ и дѣломъ. Почему я.... поручаю в. в. (инспектору) имѣть за тѣмъ постоянное наблюденіе и замѣченныхъ наиболѣе уклоняющимися отъ установленной формы и порядка обязать на будущее время уничтожить поводы къ подобнымъ замѣчаніямъ, если они не желаютъ, чтобы дирекція поставлена была уже въ необходимость о такихъ небрежностяхъ доводить формально до свѣдѣнія высшаго начальства, какъ несовмѣстныхъ съ званіемъ наставника, дабы тѣмъ прекратить всякое невыгодное мнѣніе о состояніи тѣхъ лицъ, коимъ ввѣряется нравственное образованіе и воспитаніе". Но поводы не уничтожались, и вѣрный своему слову Качуринъ доводитъ о томъ до

свѣдѣнія высшаго начальства, о волѣ котораго такъ извѣщаетъ инспектора: „Хотя было подтверждено мѣстнымъ начальствомъ многократно училищнымъ чиновникамъ имѣть волоса по формѣ, но нѣкоторые изъ преподавателей гимназіи, въ особенности Величковскій, Руммель и Поповъ, по настоящее время упорно не выполняютъ требованія начальства, такъ что это обратило уже вниманіе и генералъ-губернатора Западной Сибири. Почему во исполненіе воли его сіятельства предлагаю в. в. вновь подтвердить всѣмъ преподавателямъ гимназіи, ежели они не желаютъ подвергнуть себя строгой отвѣтственности за неповиновеніе, чтобы они волосы имѣли напереди не длиннѣе одного вершка, а на задней части головы наполовину короче, съ объявленіемъ при томъ В—му, Р—лю и П—ву, что ежели они еще къ 1 числу наступающаго іюня не приведутъ свои волосы въ требуемый порядокъ, то выдача жалованья ихъ будетъ удержана, впредь до исполненія ими этой обязанности безъ всякихъ уклоненій и объ ослушаніи ихъ будетъ немедленно доведено дирекціею до свѣдѣнія его сіятельства“.

Такъ много безпокойства доставляли учителя своему директору, который, желая привести ихъ къ порядку, не останавливался ни передъ чѣмъ и не уставалъ повторять одно и тоже.

Однако добился ли онъ чего нибудь? Заставилъ ли, по крайней мѣрѣ, учителей ходить на уроки исправно, не опаздывать и не кончать раньше времени? Воспользуемся цифрами за три послѣднихъ года описываемаго нами періода исторіи Тобольской гимназіи. Въ 1847 году учителями пропущено уроковъ въ январѣ 12, въ февралѣ 18, въ мартѣ 16, въ апрѣлѣ 18, въ маѣ 10 (не ходилъ одинъ только учитель), въ іюнѣ 14, въ сентябрѣ 26, въ октябрѣ 27, въ ноябрѣ 50 (23 Волковъ по болѣзни), въ декабрѣ 6; въ 1848 году: 35+28+18+3+9+39+18+17+3; въ 1849 г.: въ январѣ пропущено 20 лекцій и значится три опаздыванія, въ февралѣ 14 лекцій, опаздываній 3, въ мартѣ 52 (законоучитель 31—по болѣзни), опаздываній 4; въ апрѣлѣ 51 (27—Волковъ по болѣзни) и пять опаздываній, въ маѣ 53 (45 лекцій Козловскій по болѣзни), четыре опаздыванія, въ іюнѣ 47 (42 Козловскій), пять опаздываній. Итого учителями пропущено уроковъ 197+170+237 (за шесть мѣсяцевъ 1849 года). Изъ послѣдней цифры нужно исключить какъ не подлежащіе никакому сомнѣнію уроки, пропущенные Козловскимъ, потому что его болѣзнь кончилась смертію. Слѣдовательно въ 1847 г. пропусковъ падаетъ по 18 на мѣсяцъ (іюль не въ счетѣ), въ 1848 году по 15 (немного меньше), въ 1849 г. по 25. Конечно и эти цифры еще очень значительны, (притомъ и уроки пропускались по причинамъ не всегда уважительнымъ, наприм., по случаю именинъ и т. п.), но посмотрите, какая разница съ 1838 годомъ, когда учителями было пропущено около 592 лекцій, когда бывали дни, въ которые не было въ гимназіи по пяти преподавателей. Да не могутъ идти въ сравненіе и опаздыванія послѣднихъ годовъ съ тѣми, которыя были допускаемы въ 1838 году: 23 опаздыванія въ мѣсяцъ теперь уже были не мыслимы. Дальше мы будемъ говорить о мѣрахъ дирекціи по установленію порядка между учениками, но прежде

этого считаемъ себя обязанными упомянуть, что съ именами учителей, особенно много доставлявшихъ безпорядковъ Качурину, связана исторія учрежденія въ Тобольскѣ женской школы. 6 мая 1849 г. преподавателями гимназіи Поповымъ, Руммелемъ и Казанскимъ на имя Качурина было подано прошеніе слѣдующаго содержанія: „Мы, нижеподписавшіеся учителя Тобольской гимназіи, желая въ Тобольскѣ открыть женское учебное заведеніе, просимъ в. в. употребить ваше ходатайство на разрѣшеніе нашего вышеупомянутаго предпріятія. При семъ честь имѣемъ объяснить: 1) предполагаемое заведеніе будетъ школа, а не пансіонъ; 2) предметы въ немъ преподаваемы будутъ слѣдующіе: a) Законъ Божій, священная исторія, катихизисъ и христіанскія обязанности; b) русская грамматика преимущественно сколько нужно для объясненія правописанія и русская словесность для знакомства съ русской литературой и для краткаго объясненія на самыхъ разбираемыхъ литературныхъ образцахъ теоріи словесности; c) исторія всеобщая, краткая и русская по руководству Ишимовой; d) географія всеобщая, краткая и русская по руководству Павловскаго; e) ариѳметика полная; f) ботаника, исключая физіологіи и анатоміи растеній; g) языки нѣмецкій и французскій,—сколько нужно для чтенія книгъ на томъ и другомъ съ малымъ пособіемъ словарей; h) музыка—фортепіано и пѣніе подъ оное; i) рисованіе—копировка съ натуры; k) танцы, l) разныя женскія рукодѣлья. 3) Учителей въ школѣ будетъ пятеро, а именно: для преподаванія русской грамматики, словесности, географіи и танцованія—Гаврило Казанскій; для преподаванія исторіи, нѣмецкаго языка и музыки—Поповъ, для преподаванія ариѳметики, ботаники и французскаго языка Руммель; для преподаванія Закона Божія будетъ приглашенъ одинъ изъ городскихъ священниковъ; для преподаванія рисованія—учитель изъ отдѣленія кантонистовъ; для обученія женскимъ рукодѣльямъ будутъ приглашены дамы, опытныя въ этомъ дѣлѣ. 4) Предполагаемое число воспитанницъ не ограничивается; но во всякомъ случаѣ учредители не откроютъ заведенія, пока не наберется до 20 воспитанницъ. 5) Помѣщеніе школы будетъ занимаемо въ частныхъ домахъ соразмѣрно числу воспитанницъ“. Проектъ остался безъ исполненія, можетъ быть потому, что въ слѣдующемъ году Руммеля и Казанскаго уже не было въ Тобольской гимназіи. Теперешняя Тобольская Маріинская женская школа открыта не по проекту названныхъ учителей, но ея устройство очень близко подходитъ къ этому проекту. Въ послѣднемъ не хватаетъ только физики и геометріи съ алгеброй... Но возвратимся откуда сдѣлали отступленіе. Учениковъ было значительно больше, нежели учителей, но съ первыми Качурину легче было справиться, нежели съ послѣдними. А не мало труда предстояло директору и тутъ. Самая трудная вещь не учить, а переучивать. Въ послѣднемъ случаѣ приходится еще боротьтя съ укоренившимися привычками, которыя оказываютъ самое сильное противодѣйствіе ученію. Въ преобразованной гимназіи Качуринъ явился въ роли учителя и переучивателя. Вотъ почему мы встрѣчаемся, впрочемъ только въ первое время по реформѣ, съ мѣрами, которыхъ въ теоріи Качуринъ не допускалъ. Новымъ уставомъ допускались слѣдующія

мѣры исправленія учениковъ: выговоры, пристыженіе, лишеніе высшаго мѣста въ классѣ, выставленіе имени виновнаго ученика на черной доскѣ, наконецъ заключеніе на нѣсколько часовъ въ запертомъ классѣ, однако не иначе, какъ днемъ, съ увѣдомленіемъ родителей или опекуновъ о принятіи сей мѣры и причинахъ того (§ 203). Въ случаѣ же недѣйствительности сихъ средствъ наставленія, совѣтъ гимназіи по необходимости опредѣляетъ наказаніе розгами. Учениковъ наказываютъ такимъ образомъ не иначе, какъ въ присутствіи инспектора и въ особомъ мѣстѣ. Къ этому еще нужно прибавить, что въ Тобольской гимназіи практиковалось дореформенное наказаніе: стояніе на колѣняхъ (иногда очень продолжительное время), оставленіе шалуновъ и неуспѣвающихъ послѣ учебныхъ часовъ и проч. Наказаніе розгами уставомъ предоставлено было педагогическому совѣту; въ протоколахъ его изрѣдка встрѣчаются постановленія такого рода. Въ 1838 году мы читаемъ въ постановленіи отъ 24 апрѣля: „постановлено ученика К—на за безнравственные поступки, въ присутствіи родственника его П. П. П—ва, и участвовавшаго съ нимъ въ дурныхъ поступкахъ К. А—ва наказать розгами въ примѣръ другимъ, а К—ну кромѣ того воспретить являться въ гимназію впредь до полученія отъ отца его отзыва, который бы могъ обнадеживать учебное мѣсто въ нравственности сына; по полученіи же, если оный окажется неудовлетворительнымъ, исключить изъ гимназіи какъ вреднаго для нравственности прочихъ.“ Вторая половина постановленія совѣта гимназіи краснорѣчиво говоритъ о томъ, что совѣтъ и его предсѣдатель стояли на высотѣ своихъ педагогическихъ обязанностей какъ по отношенію къ учащимся, такъ и по отношенію къ обществу. Мы не знаемъ, въ чемъ состояли безнравственные поступки учениковъ—очевидно только, что они были выдающагося свойства, такъ что ученикъ К. явно заслуживалъ быть уволеннымъ, но совѣтъ счелъ нужнымъ еще испробовать одно средство: обратился къ помощи отца ученика, предложивъ ему поручиться за своего сына въ томъ, что сынъ будетъ впредь вести себя хорошо. Отецъ поручился, и ученику дозволено было ходить въ гимназію. Въ томъ же году мы находимъ извѣстіе, что въ гимназіи наказаны розгами родителями двое Г—хъ. Иногда воспитанникъ за проступки въ гимназіи, по требованію начальства, розгами наказывался дома (М—въ въ апрѣлѣ 1839 г.). Въ началѣ 1847 года Качуринъ такъ формулировалъ мѣры наказанія учениковъ: 1) на будущее время безъ обѣда учениковъ не иначе оставлять, какъ съ объявленіемъ вообще родителямъ, чтобы они въ такомъ случаѣ присылали сами хлѣбъ и передавали дѣтямъ въ гимназію чрезъ надзирателей; 2) стояніе учениковъ на колѣняхъ и особенно на продолжительное время отмѣнить; 3) тѣлесныя наказанія отнюдь не производить чрезъ надзирателей, но всегда въ присутствіи инспектора съ особенной осмотрительностію и только въ необходимыхъ случаяхъ, по объявленнымъ прежде отъ совѣта гимназіи на этотъ предметъ распоряженіямъ, а въ случаѣ несогласія на эту мѣру родителей, предварительно доводить о томъ до свѣдѣнія дирекціи“. Значитъ тѣлесныя наказанія производились не по однимъ только постановленіямъ педагогическаго

совѣта. Превышеніе власти случалось и въ гимназіи. Особенно этимъ отличался въ 40-хъ годахъ учитель нѣмецкаго языка Бостремъ. Вотъ какое предписаніе ему инспектора сохранилось въ бумагахъ: „Неоднократныя жалобы учениковъ гимназіи, подтвержденныя общимъ свидѣтельствомъ и собственнымъ моимъ наблюденіемъ, объ обращеніи вашемъ съ учениками заставляетъ меня напомнить вамъ, милостивый государь, что мѣры строгости, принимаемыя вами въ отношеніи неуспѣшныхъ учениковъ, превышаютъ всякую мѣру власти, данной Высочайше утвержденнымъ уставомъ учебныхъ заведеній преподавателямъ гимназій. Не доводя объ этомъ на первый разъ до свѣдѣнія г. директора училищъ, я ограничиваюсь подтвержденіемъ, чтобы вы на будущее время въ способѣ обращенія съ учениками вполнѣ слѣдовали 162 § уст. учебн. завед., гдѣ сказано, что наставники должны быть снисходительными особенно къ недостатку способностей и неумышленнымъ поступкамъ, что „не всякая неисправность, даже не всякая вина заслуживаетъ строгаго взысканія, и строгость наставниковъ, подобно отеческой, не должна имѣть вида запальчивости или суровости“. Въ наказаніи же учениковъ довольствоваться позволяемыми (§ 203) мѣрами взысканія, именно: выговорами, лишеніемъ высшаго мѣста въ классѣ и проч. Главное наблюденіе за поведеніемъ учениковъ лежало на обязанности инспектора. Онъ долженъ былъ безотлучно находиться при воспитанникахъ, присутствовать постоянно какъ при началѣ классовъ, такъ и при перемѣнахъ и окончаніи и даже не оставлять задерживаемыхъ учениковъ въ гимназіи послѣ учебныхъ часовъ вовсе безъ своего надзора, полагаясь на однихъ надзирателей. Въ первое время по реформѣ инспектору приходилось наблюдать за воспитанниками въ гимназіи одному. Должность надзирателя за вольноприходящими учениками была учреждена въ Тобольской гимназіи только съ начала 1839 года, при чемъ эту должность до 15 ноября 1844 г. исполняли *даромъ* пансіонскіе надзиратели—Католинскій и Волковъ. Инспекторъ подавалъ директору для обсужденія на педагогическомъ совѣтѣ ежемѣсячно отчеты объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ съ обозначеніемъ не только малоуспѣвающихъ, но и успѣвающихъ, между которыми отличныхъ отдѣлялъ въ особую рубрику. Въ отчетахъ кромѣ того вкратцѣ означались всѣ событія гимназической жизни за мѣсяцъ: сколько было всего учебныхъ дней, сколько преподаватели должны были всего дать лекцій и сколько дали на самомъ дѣлѣ; дальше слѣдовало перечисленіе уроковъ, пропущенныхъ учителями, съ обозначеніемъ причинъ этихъ пропусковъ (обозначался относительно каждаго преподавателя день и классъ пропущенныхъ лекцій), при чемъ точно отмѣчались опаздыванія и несвоевременные уходы преподавателей съ уроковъ;—отмѣчалось и то, кѣмъ замѣнялись отсутствующіе преподаватели и чѣмъ ученики занимались; назывались ученики не бывшіе на урокахъ; относительно ихъ успѣховъ инспекторомъ въ концѣ рапорта составлялась особая таблица на основаніи ежемѣсячно же представляемыхъ ему учителями вѣдомостей объ успѣхахъ по каждому предмету отдѣльно; за указаніемъ пропущенныхъ учениками уроковъ слѣдовало замѣчаніе о поведеніи учениковъ съ обозначеніемъ

особенно рѣзкихъ нарушеній школьной дисциплины, за что ученикъ подвергался поркѣ, карцеру и т. п.; особая замѣтка отводилась пансіону: здѣсь обозначалось количество учениковъ, ихъ успѣшность, удовлетворительность или неудовлетворительность пищи, старанія или бездѣятельность эконома, посѣщеніе пансіона директоромъ, генералъ-губернаторомъ, губернаторомъ и другими лицами; въ концѣ отмѣчалось сколько разъ пансіонъ посѣщалъ врачъ. Хорошая сторона въ этой отчетности, разумѣется, заключалась въ томъ, что педагогическій совѣтъ всегда зналъ положеніе учебнаго дѣла въ гимназіи и нравственное состояніе учащихся, и всегда могъ въ случаѣ надобности предпринимать тѣ или другія мѣры къ устраненію замѣченныхъ недостатковъ. Конечно, инспекторъ съ надзирателемъ слѣдилъ за учениками и внѣ учебнаго заведенія. Директоръ предписывалъ инспектору наблюдать даже за воспитанниками, которые жили у учителей. Качуринъ много заботился о томъ, чтобы воспитанники гимназіи не изъ Тобольска жили на квартирахъ по возможности у лицъ, которыя бы могли не только кормить учениковъ, но и помогать въ ихъ занятіяхъ. Удобнѣе учителей для этой цѣли не было никого, и учителя принимали къ себѣ гимназистовъ охотно, потому что получали за нихъ не малыя деньги. Такъ въ $18^{42}/_{43}$ учебномъ году у Ершова было шесть пансіонеровъ: двое съ платою по 600 р. ассигнаціями (купеческія дѣти), двое по 500 р. (дѣти управляющаго аптекою Омскаго военнаго госпиталя) и двое по 400 руб. (дѣти чиновника); у надзирателя Волкова жилъ ученикъ за 350 р.; у Циглярскаго за 400 р. асс. и за 200 р.; у Казанскаго жилъ одинъ за 600 р., другой за 250 р. У Циглярскаго въ 1844 году было 8 пансіонеровъ: 1 платилъ 400 р. и 7 по 500 р.; у Козловскаго 5 пансіонеровъ—2 платили по 500 р. и трое по 400 р. Кромѣ названныхъ лицъ были пансіонеры въ описываемое нами время у Католинскаго и у законоучителя Иваницкаго (въ 1847 г. жили у послѣдняго двое за 450 р. асс.—на серебро 128 р. 57 к.). На обязанности каждаго содержателя лежали: присмотръ, столъ, чай и „очищеніе“ бѣлья. Платье, книги и прочія учебныя пособія доставлялись родителями. Ершовъ держалъ пансіонеровъ и будучи инспекторомъ съ особаго разрѣшенія Министра народнаго просвѣщенія. Качуринъ строго слѣдилъ за содержаніемъ пансіонеровъ учителями, предписывая инспектору „пансіонеровъ, содержимыхъ вами и учителями, имѣть подъ особеннымъ вниманіемъ какъ въ отношеніи учебномъ и нравственномъ, такъ и порядка, удобства въ помѣщеніи, чистоты, опрятности, правильнаго распредѣленія занятій“. Кто не могъ выполнить этихъ требованій, тому Качуринъ не давалъ и разрѣшенія держать пансіонеровъ. Такъ въ 1843 г. онъ запретилъ надзирателю Волкову содержать у себя на квартирѣ и того единственнаго ученика, который у него жилъ въ предъидущемъ году, запретилъ „по неудобству помѣщенія“, и сколько Волковъ ни хлопоталъ, такъ и не могъ добиться разрѣшенія. Содержатели черезъ полгода представляли директору рапортъ о своихъ пансіонерахъ; эти рапорты съ своими отзывами онъ отсылалъ къ губернатору. Вотъ одинъ изъ этихъ отзывовъ, лишній разъ доказывающій то, что не было

такого предмета въ гимназіи, на который бы ея директоръ самъ не обратилъ вниманія: „Въ отношеніи воспитанія пансіонеровъ у *инспектора* Ершова мною найдены упущенія по надзору въ томъ, что нѣкоторые изъ нихъ замѣчены въ отлучкахъ изъ классовъ по неосновательнымъ причинамъ и время, назначенное для занятій, иногда употребляли на произвольныя прогулки и шалости въ отсутствіе г. Ершова“. Разумѣется губернаторъ предписалъ Ершову обратить бо́льшее вниманіе на своихъ пансіонеровъ, а Качуринъ, передавая это предписаніе, кстати замѣтилъ, чтобы Ершовъ увеличилъ стараніе и по прямой своей должности инспектора. Квартирные воспитанники старшихъ классовъ давали уроки, что правда доставляла имъ заработокъ, но оказывало вредное вліяніе на ихъ успѣхи. Въ 1844 году Качуринъ подвергнулъ контролю и это дѣло. Онъ запретилъ ученикамъ давать уроки безъ разрѣшенія дирекціи, а инспекторъ на этотъ предметъ долженъ былъ завести книгу, въ которую вписывались бы фамиліи учениковъ, которымъ дано разрѣшеніе. Классныя занятія учениковъ гимназіи контролировались строго. Инспектору предписано было ежедневно просматривать баллы, которые въ классныхъ журналахъ ставились ученикамъ учителями. У каждаго учителя былъ свой „классическій“ журналъ. Въ дѣлахъ архива сохранилась и самая форма этого журнала. Это обыкновенная ученическая тетрадка въ четверть листа, съ лицевой стороны озаглавленная:

КЛАССИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

по предмету (исторіи и статистики) веденный старшимъ учителемъ (Доброхотовымъ) за (январь) мѣсяцъ 18... г.,

а на оборотѣ разграфленная въ двѣ страницы такимъ образомъ:

Журналъ классическій по предмету исторіи и статистики за январь мѣсяцъ 1843 года.																
Число учениковъ.	Фамиліи и имена учениковъ.	Способности.	Ежедневныя отмѣтки преподавателя объ успѣхахъ учениковъ.													
			Ч и с л а.													
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	
	I класса.		Древ. истор.	Сред. истор.	Нов. истор.	Всеоб истор.	Росс. истор.									
1			1													
2			2	3												
3					неб.											
	и т. д. II класса.															

Предметы означались только тѣ, которыми занимались на лекціи.

Эти тетрадки, сверхъ ежедневныхъ просмотровъ, инспекторъ обязанъ былъ по окончаніи первой половины учебнаго курса къ новому году отбирать къ себѣ для просмотра и потомъ возвращать преподавателямъ съ своими отмѣтками, а о важнѣйшихъ упущеніяхъ доносить директору; къ первому же сентября таковые журналы за учебный годъ онъ представлялъ въ дирекцію. Иногда инспекторъ просматривалъ аттестаціи два раза въ день. Ежедневный просмотръ учительскихъ аттестацій, при чемъ инспекторъ возбуждалъ соревнованіе въ ученикахъ, не оставался безъ вліянія на занятія учениковъ. Въ ноябрскомъ отчетѣ инспектора въ 1839 году мы находимъ слѣдующую отмѣтку: „мѣра мною принятая слѣдить успѣхи и поведеніе всѣхъ учениковъ просмотромъ учительскихъ аттестацій по два раза въ день... являетъ значительную пользу возбужденнымъ соревнованіемъ, такъ что я сначала сего курса почти не имѣлъ надобности прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ взысканія и рѣшительно лѣнивыхъ учениковъ по всѣмъ предметамъ ни въ одномъ классѣ не замѣчено". Въ отчетѣ за январь слѣдующаго года инспекторъ снова свидѣтельствуетъ, что рѣшительно лѣнивыхъ въ гимназіи нѣтъ, даже и о поведеніи учениковъ онъ ничего дурнаго сказать не можетъ. По окончаніи каждаго мѣсяца, инспекторъ обязанъ былъ просмотрѣть всѣ письменныя работы по искусствамъ, наукамъ и языкамъ. Исключеніе за малоуспѣшность практиковалось рѣдко; ученикъ былъ оставляемъ въ одномъ и томъ же классѣ на другой годъ, на третій, даже на четвертый. Это нисколько не похоже на теперешніе порядки, но любопытно, что мы въ 1839 году встрѣчаемся въ Тобольской гимназіи съ той мѣрой, которая недавно рекомендована по гимназіямъ какъ очень раціональная: это переводъ учениковъ малоуспѣвающихъ въ началѣ учебнаго года обратно въ тотъ классъ, изъ котораго онъ переведенъ. Въ 1839 году, по постановленію совѣта, былъ переведенъ ученикъ I класса Ч—нъ обратно въ уѣздное училище.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Пансіонъ.—Количество пансіонеровъ.—Пансіонеры изъ Томской губерніи.—Помѣщеніе гимназіи и пансіона.—Надзиратель и его помощники изъ воспитанниковъ.—Демидовскіе пансіонеры: ихъ образъ жизни, одѣяніе, пища.—Нравы пансіонеровъ по воспоминаніямъ Голодникова.—Пансіонъ послѣ реформы.—Надзиратель Н. А. Волковъ, экономъ Сѣдинкинъ.—Обязанности надзирателей и эконома.—Отношеніе къ пансіону инспектора.—Контроль надъ занятіями пансіонеровъ.—Врачъ Юшковъ.—Пансіонская обстановка.—Одежда пансіонеровъ.—Военная выправка.—Отношеніе къ пансіону генералъ-губернатора кн. Горчакова.—Княгиня Н. Д. Горчакова.—Пансіонская библіотека.—Театральныя представленія подъ руководствомъ Ершова.—Танцовальный классъ.—Количество потребляемаго пансіонерами и цѣны на него.—Исторія стипендій Жилина, Селиванова и Кичурова.—Стипендіи въ Казанскомъ уни-

верситетѣ для воспитанниковъ Тобольской гимназіи.—Выходъ Качурина въ отставку.

Въ пансіонѣ Тобольской гимназіи въ описываемое нами время было воспитанниковъ: въ 18³⁶/₃₇ году 10 (воспитывавшихся на счетъ капитала Демидова); въ 18³⁷/₃₈ году къ нимъ прибавилось 9 на счетъ суммъ государственнаго казначейства для гражданской службы въ Сибири, 4 изъ Томска на счетъ Томской дирекціи училищъ для учительской службы въ Томской губерніи (Алексѣй Пономаревъ, Яковъ Андреевъ, Николай Стукальскій и Яковъ Игнатьевъ) и 1 (Константинъ Широковъ) на иждивеніи Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника; въ слѣдующемъ учебномъ году къ поименованнымъ прибавилось 6 человѣкъ на счетъ государственнаго казначейства; въ 18³⁹/₄₀ г. пансіонеровъ послѣдняго разряда было уже 20, каковая цифра ихъ была назначена для Тобольской гимназіи по положенію государственнаго совѣта 1 іюля 1837 г.; въ 18⁴⁰/₄₁ и ⁴¹/₄₂ уч. году воспитанниковъ въ пансіонѣ было 35, между которыми было трое своекоштныхъ воспитанниковъ, платившихъ по 400 р. асс. (110 р. сер.) за содержаніе и внесшихъ 100 руб. асс. (30 р. сер.) при поступленіи на „обзаводство"; изъ четверыхъ Томскихъ въ этомъ году въ пансіонѣ былъ только одинъ; пансіонеръ Его Высочества Государя Наслѣдника К. Широковъ окончилъ курсъ; въ 18⁴²/₄₃ году было 10 Демидовскихъ, 20 казны и 4 своекоштныхъ; въ 18⁴³/₄₄ г. тоже, въ 18⁴⁴/₄₅ тоже, въ 18⁴⁵/₄₆ тоже, въ 18⁴⁶/₄₇—10 Демидовскихъ, 20 казны и 10 своекоштныхъ, въ 18⁴⁷/₄₈ г. 10 Демидовскихъ, 20 казны, 11 своекоштныхъ и 1 на проценты съ капитала д. с. с. Жилина; въ 18⁴⁸/₄₉ году 10 Демидовскихъ, 19 казны, 10 своекоштныхъ и 2 на % съ капиталовъ благотворителей (одинъ Жилина, другой—Тобольскаго купца Селиванова).

Въ 1836 году пансіонъ Тобольской гимназіи помѣщался въ нижнемъ этажѣ каменнаго корпуса, занимая собой среднюю часть этажа, состоявшую изъ двухъ большихъ въ четыре окна на улицу и во дворъ комнатъ, которыя отдѣлялись одна отъ другой капитальною стѣной, но соединялись дверью. Комната, выходившая окнами на улицу, служила спальнею Демидовскихъ пансіонеровъ, а задняя была „запятной" и столовой. Рядомъ съ пансіонскими комнатами въ лѣвой половинѣ жили учителя, изъ которыхъ одинъ исполнялъ обязанности надзирателя за пансіонерами. Квартира послѣдняго отдѣлялась отъ „запятной" створчатой дверью съ окошечкомъ на одной половинѣ. Въ правой части этажа помѣщались: два класса уѣзднаго училища и приходское; задній уголъ былъ отведенъ подъ архивъ. Сзади въ нижнемъ этажѣ было три крыльца, а спереди одно парадное. Въ верхнемъ этажѣ нижнимъ учительскимъ квартирамъ соотвѣтствовала актовая зала, пансіону—двѣ комнаты, изъ которыхъ выходившая окнами на улицу не имѣла опредѣленнаго назначенія, а задняя иногда служила квартирой для учителя; приходскому и уѣздному училищамъ и архиву—классы гимназіи и физическій кабинетъ. Въ 1836 году, по преобразованіи гимназіи и пансіона при ней, помѣщенія какъ верх-

няго, такъ и нижняго этажа подверглись капитальнымъ перестройкамъ. Классы были расположены въ правой половинѣ верхняго этажа: I и II окнами на улицу, остальные окнами во дворъ. Училища приходское и уѣздное были изъ гимназіи переведены въ собственныя помѣщенія на Рождественскую улицу. Освободившіяся же при этомъ перемѣщеніи комнаты отведены были для спальныхъ номеровъ пансіона, рекреаціонной комнаты и квартиры одного надзирателя. Налѣво отъ каменнаго корпуса, на берегу рѣчки Курдюмки, расположенъ былъ такъ называемый „садъ", состоявшій изъ старыхъ деревьевъ: березы, черемухи, липъ и акацій; въ концѣ этого сада прилегала къ переброшенному черезъ рѣчку мосту большая круглая деревянная галлерея съ нѣсколькими круглыми же колоннами и съ бесѣдками по срединѣ. Въ началѣ 20-хъ годовъ надъ балкономъ каменнаго гимназическаго корпуса, пишетъ К. М. Голодниковъ, красовался деревянный весьма не дурно выточенный торсъ богини наукъ Минервы, слывшей подъ именемъ Венеры. Высота его простиралась до двухъ аршинъ. Впослѣдствіи онъ снятъ былъ съ своего мѣста по причинѣ шалостей пансіонеровъ, бросавшихъ изъ-за него въ проходившій по улицѣ народъ рѣпою и кедровыми шишками. На право отъ каменнаго корпуса гимназіи, по направленію къ Богородской церкви, въ деревянномъ одно-этажномъ зданіи, существующемъ и теперь, находилась квартира директора, а рядомъ съ нею во флигелѣ—канцелярія дирекціи училищъ. Затѣмъ, начиная отъ гимназическаго сада по всему двору, прилегающему къ рѣчкѣ Курдюмкѣ, расположены были деревянныя службы, принадлежавшія гимназіи и пансіону, а отъ канцеляріи по направленію къ рѣчкѣ расположены были службы, принадлежавшія къ директорскому дому. Парадное крыльцо гимназическаго зданія бывало постоянно на замкѣ, отворяясь только въ особенно торжественныхъ случаяхъ, какъ, напр., въ дни публичныхъ актовъ, концертовъ и спектаклей, даваемыхъ любителями, а также и въ случаѣ посѣщенія гимназіи лицами высокопоставленными. Учащіеся въ гимназіи, уѣздномъ и приходскомъ училищахъ, да и само гимназическое начальство довольствовались „заднимъ ходомъ". Сосѣдство рѣчки Курдюмки, лѣтомъ почти пересыхающей, по веснѣ сильно давало гимназіи знать о себѣ. Въ нѣкоторые годы, по большому наплыву „наледи" въ Курдюмкѣ, вода входила даже и на гимназическій дворъ, при чемъ затопляла ямы погребовъ и подвалъ зданія гимназіи. Для предохраненія здоровья воспитанниковъ, которые жили въ нижнемъ этажѣ, предпринимаемы были различныя мѣры противъ „наледи" помощію просѣки на льду около мѣста, занимаемаго гимназическими зданіями.

Въ дореформенное время пансіономъ завѣдывалъ одинъ надзиратель. Голодниковъ говоритъ, что онъ рѣдко, не болѣе одного раза въ недѣлю посѣщалъ воспитанниковъ и то такъ себѣ—для видимости, нисколько не заботясь ни объ успѣхахъ, ни о поведеніи ихъ. Для непосредственнаго же надзора за учениками избираемъ былъ изъ числа ихъ такъ называемый „старшій", обыкновенно ученикъ послѣдняго класса, вся обязанность котораго въ сущности заключалась только въ раздачѣ кушанья за столомъ. Ни о чемъ

прочемъ онъ не заботился. Воспитанники вставали въ 7 час. утра, завтракали ломтемъ черстваго пшеничнаго хлѣба, за которымъ сами же по очереди и бѣгали на кухню къ кухаркѣ, и за тѣмъ шли въ классъ. Нѣкоторые изъ старшихъ пансіонеровъ, въ видахъ сбереженія сюртуковъ, отправлялись въ классъ безъ нихъ, надѣвши на себя шубу или шинель (шубу—разумѣется, у кого имѣлась собственная). До реформы платье пансіонеровъ состояло исключительно изъ одной пары: сюртука съ брюками и жилетомъ обыкновеннаго гражданскаго покроя, выдававшихся на годичный срокъ, и шинели сѣраго сукна, назначавшейся на двухгодичный срокъ—какъ для лѣтняго, такъ и для зимняго сезона. Шапокъ, калошъ и носовыхъ платковъ не полагалось. Сюртучныя пары шились изъ толстаго синяго сукна, цѣною до 3 руб. ассигнаціями, и первые дни такъ марали руки и лицо, что ихъ нужно было мыть мыломъ по нѣсколько разъ въ день. Въ 12 часовъ, по окончаніи утреннихъ лекцій, подаваемъ былъ кухаркою обѣдъ, состоявшій изъ щей или супа, жаренаго мяса и какой-нибудь каши. Это „меню" было повседневное и въ будни и въ праздники. Послѣ обѣда желающіе шли или гулять въ садъ, или играть въ мячъ на дворѣ, или же приготовлялись въ пансіонѣ къ вечернимъ лекціямъ. По окончаніи послѣднихъ въ 5 часовъ воспитанники пансіона полдничали, опять таки единственнымъ ломтемъ бѣлаго хлѣба. Затѣмъ воспитанники занимались кто чѣмъ хотѣлъ. Въ 9 часовъ вечера подавался ужинъ, состоявшій изъ двухъ блюдъ: жаркаго и каши. Затѣмъ шли спать. Ни утреннихъ, ни вечернихъ молитвъ у пансіонеровъ этого времени не было. Кто хотѣлъ, тотъ ложился спать перекрестившись, а кто не молился, на того никто не обращалъ вниманія. Къ столу подавались посуда и ложки оловянныя; кружка же для кваса была стеклянная; салфетокъ не полагалось. Такъ какъ казенная порція была болѣе, чѣмъ умѣренная, а аппетитъ у набѣгавшихся и проголодавшихся мальчугановъ безукоризненный, то обладавшіе нѣсколькими копѣйками отправлялись на Кукуйскую биржу и здѣсь у калашницъ запасались пирожками, калачами и рѣпой. По праздникамъ пансіонеры увольняемы были директоромъ или надзирателемъ къ своимъ родителямъ или родственникамъ, при чемъ никакихъ билетовъ имъ не выдавалось. По заведенному издавна обычаю въ пансіонѣ увольняемый домой обязанъ былъ принести „старшему" или чаю съ сахаромъ, или пирога, или шаньги, смотря по обстоятелествамъ. О нравахъ пансіонеровъ того времени мы находимъ въ воспоминаніяхъ Голодникова не безъинтересныя свѣдѣнія. Вотъ одно изъ такихъ. При поступленіи въ пансіонъ новичковъ существовалъ обычай испытывать ихъ терпѣніе и выносливость. Для этого употреблялись слѣдующіе пріемы: въ позднее вечернее время, когда зажигались огни или даже когда всѣ ложились спать, посылали мальчугана за чѣмъ нибудь на кухню. Въ это время двое изъ воспитанниковъ „старичковъ" выбѣгали въ огромныя темныя сѣни и, сѣвши одинъ другому на плечи, закрывались бѣлою простынею, при чемъ сидящій на плечахъ, завидя возвращеніе посланнаго, бралъ въ ротъ затушенную, но не совсѣмъ погасшую еще спичку и, дыша исходящимъ отъ

нея свѣтомъ, съ дикимъ крикомъ бросался на несчастнаго новичка. Дѣло кончалось, разумѣется, страшнымъ испугомъ этого послѣдняго. Или, разложивъ новичка на кровати, начинали щекотать его до тѣхъ поръ, покамѣстъ онъ совсѣмъ не изнемогалъ отъ истерическаго хохота. Дѣяніе это называлось „кумовой постелью". Или во время общаго спа, насыпавъ въ свернутую трубочкой бумагу нюхательнаго табаку, вдували табакъ въ носъ соннаго товарища. Это называлось „саранку саранить". Или въ ночное время, предъ тѣмъ какъ ложиться спать, къ одному изъ концевъ одѣяла испытуемаго субъэкта привязывали не замѣтнымъ образомъ длинную бичевку. Проходя по полу подъ нѣсколькими кроватями, бичевка эта оставалась въ рукахъ у одного изъ „испытателей", который во время общаго спа и дергалъ ее съ размаху. Одѣяло, конечно, слетало съ новичка, и онъ въ испугѣ, не зная что дѣлать, кидался подъ кровать или же бросался въ другую комнату; но какъ бичевка снова ослабѣвала, а подъ кроватью и въ другой комнатѣ никого не оказывалось, то бѣдный мальчуганъ съ трепетомъ снова ложится въ постель и лишь только начинаетъ засыпать, какъ злая шутка опять повторялась и повторялась до тѣхъ поръ, пока „испытатель" самъ не захочетъ спать. Удивляться надобно, что всѣ эти шутки проходили благополучно, не принося никому вреда. Если новичекъ начальству не жаловался и переносилъ испытанія терпѣливо, то получалъ названіе „молодчины"; въ противномъ же случаѣ подвергался не только насмѣшкамъ, но и побоямъ. Свободные отъ всякаго надзора пансіонеры вступали иногда въ драку съ семинаристами, при чемъ первые были вспомоществуемы „кантонистами" (воспитанники военносиротскаго отдѣленія изъ дѣтей бѣдныхъ офицеровъ и нижнихъ воинскихъ чиновъ), а послѣдніе „вершинскими" сапожниками. Вотъ какъ описываетъ Голодниковъ одну изъ этихъ стычекъ, произшедшую въ послѣдній годъ существованія 4-хъ-классной гимназіи. Въ одинъ зимній лунный вечеръ, когда у надзирателя Троицкаго, [1]) по случаю именинъ его, были гости, одинъ изъ пансіонеровъ по фамиліи Калмыковъ, [2]) отправился на Курдюмку покататься на конькахъ. Едва успѣлъ онъ сдѣлать два конца, какъ вдругъ налетѣли на него семинаристы, повалили бѣднягу на ледъ и начали срѣзывать съ него коньки. Крикъ Калмыкова услышалъ одинъ изъ пансіонеровъ, случайно въ это время находившійся на дворѣ, и далъ знать о томъ товарищамъ въ пансіонъ. Эти послѣдніе, забравъ съ собою камни и полѣнья, бросились на рѣчку и начали отбивать Калмыкова отъ окружившихъ и уже тузившихъ его семинаристовъ. Свалка становилась серьезною. Въ это самое время проходившіе съ горы по Никольскому

---

[1]) Троицкій, Степанъ Александрычъ, окончилъ курсъ въ Московской академіи; въ 1812 году онъ былъ посвященъ въ санъ діакона, будучи учителемъ Нижегородской семинаріи, а въ 1823 г. уволенъ изъ духовнаго званія и поступилъ учителемъ въ Тобольскую гимназію.

[2]) Этотъ несчастный юноша въ 1840 годахъ, будучи учителемъ уѣзднаго училища въ Березовѣ, застрѣлился тамъ отъ безнадежной любви. Отецъ его, происходившій изъ калмыковъ, былъ личнымъ крестникомъ Императрицы Екатерины II и умеръ въ двадцатыхъ годахъ въ Ишимѣ.

мосту трое кантонистовъ, услышавъ крики и узнавъ, что семинаристы бьютъ гимназистовъ, бросились къ послѣднимъ на помощь. Съ появленіемъ ихъ гвалтъ еще больше усилился и вскорѣ затѣмъ дошелъ до слуха вершинскихъ сапожниковъ, и вотъ двое изъ нихъ, прилетѣвъ на конькахъ къ мѣсту побоища, приняли сторону семинаристовъ. Тутъ началась уже настоящая свалка; бились кулаками, палками и коньками, а одного семинариста кантонисты даже дважды опускали головою въ прорубь. Наконецъ подоспѣвшая полиція прекратила бойню, угрожавшую уже убійствомъ. Послѣдствіемъ этого событія было то, что четверо избитыхъ пансіонеровъ на слѣдующее утро остались въ постеляхъ, сказавшись больными. Это обстоятельство такъ и прошло бы, потому что ни одна изъ воевавшихъ сторонъ не думала жаловаться начальству, а надзиратель пансіона, послѣ доброй попойки, лежалъ какъ убитый; но увы! ректоръ семинаріи архимандритъ Іона на другое же утро провѣдалъ о случившемся наканунѣ и тотчасъ же сообщилъ объ этомъ запискою директору гимназіи съ просьбою о розысканіи виновныхъ. Какая участь постигла семинаристовъ и кантонистовъ—о томъ разскажетъ другой повѣствователь, а гимназическіе пансіонеры были добросовѣстно высѣчены розгами, въ томъ числѣ и нашъ повѣствователь, тогда 12 лѣтній мальчикъ, виновный лишь въ томъ, что во время боя подавалъ своимъ товарищамъ палки. Это былъ впрочемъ послѣдній актъ „битвы русскихъ съ кабардинцами", больше ни дракъ, ни ссоръ между этими „націями" не было. Для гимназистовъ настало новое время, въ значительной степени разрушившее старые порядки. Надзоръ за пансіонерами былъ значительно измѣненъ. Въ помощь директору, по новому уставу, для ближайшаго наблюденія за учениками гимназіи и пансіона, былъ назначенъ инспекторъ, который если самъ не дежурилъ въ пансіонѣ, то своимъ постояннымъ присутствіемъ въ стѣнахъ гимназіи и частыми нашествіями въ комнаты пансіонеровъ, заставлялъ и пансіонеровъ и надзирателя быть постоянно на чеку и думать, что теперь уже ничего беззаконнаго безнаказанно учинить нельзя, напр., надзирателю напиваться до чертиковъ, а воспитанникамъ заводить драки съ семинаристами и на утро спокойно идти на уроки. Впрочемъ съ одного надзирателя невозможно было требовать, чтобы онъ постоянно былъ при воспитанникахъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ въ то же время и преподавателемъ. Качуринъ это, разумѣется, скоро замѣтилъ, и во-первыхъ—сложилъ съ надзирателя учительскія занятія, а вовторыхъ въ помощь ему прибавилъ другаго надзирателя. Этотъ „другой" былъ бывшій студентъ Московскаго университета Николай Афанасьевичъ Волковъ, перемѣщенный въ 1842 г. на должность учителя французскаго языка. Оба надзирателя обязаны были, по очереди, неотлучно находиться при воспитанникахъ пансіона какъ днемъ, такъ и ночью.

Для распоряженій по хозяйственной части опредѣленъ былъ экономъ (Семенъ Сергѣевичъ Сѣдинкинъ), въ вѣдѣніи котораго состояли три постоянныхъ служителя изъ отставныхъ военныхъ нижнихъ чиновъ, которые были одѣты на счетъ гимназіи въ форменную одежду. Съ появленіемъ послѣднихъ

кухарка, само собой разумѣется, изъ столовой пансіонеровъ изчезла. Надзиратель и экономъ пансіона обязаны были каждое утро являться въ квартиру инспектора, первый съ дежурною книгою, въ которой записывалось все, что происходило въ пансіонѣ въ теченіе истекшаго дня, а послѣдній съ карточкою предназначеннымъ на этотъ день кушаньямъ; если же встрѣчались при этомъ какія либо нужды, то объ нихъ тутъ же дѣлался и докладъ.—Ежедневная запись велась приблизительно въ такомъ видѣ: „23 ноября—пятница. Въ пансіонѣ благополучно. На лицо 33 воспитанника, изъ нихъ 5 въ больницѣ: Ушкинъ, Трифановъ, Левантуевъ, Писаревъ и Загурскій. Съ 1/2 9 до 1/2 12 утра и съ часа до 4 часовъ вечера воспитанники были въ классахъ. Изъ 28 воспитанниковъ исправныхъ по аттестатамъ 24, изъ нихъ отличныхъ по предметамъ 3: Львовъ, Чугуновъ и Нѣмцовъ. Неисправныхъ по предметамъ 3: Амвросовъ—безъ обѣда и при одномъ блюдѣ за ужиномъ, Карагаевъ—безъ обѣда и Садковъ безъ полдника; по поведенію Петелинъ *безъ тюфяка.* Съ 5 и до 7 час. вечера воспитанники занимались приготовленіемъ лекцій къ слѣдующему дню; въ 1/2 9 час. ужинали, а въ 9 час. введены на покой въ спальные номера. Лѣкарь г. Юшковъ навѣщалъ больницу въ 10 час. утра. Дежурный надзиратель Костя“. Молитвы какъ утреннія, такъ и вечернія читали воспитанники по очереди, при чемъ молитвы „Царю небесный“ и „Отче нашъ“ пѣли хоромъ. П. С. Паутовъ, говоритъ, что нѣкоторые воспитанники молились на колѣняхъ и никому изъ нихъ не казалось это не умѣстнымъ, какимъ кажется это теперь. Инспекторъ однажды въ сутки послѣ утреннихъ лекцій просматривалъ у выстроившихся въ линію пансіонеровъ ихъ аттестаты при чемъ получившіе отличныя за истекшія сутки отмѣтки записывались на красную доску, а лѣнивые или замѣченные въ шалостяхъ—на черную, кромѣ того послѣдніе, смотря по качеству отмѣтокъ, лишались за обѣдомъ или одного блюда или двухъ; или же вовсе оставляемы были безъ обѣда. Воспитанники увольнялись къ родителямъ или родственникамъ уже не иначе, какъ по билетамъ, ими самими написаннымъ и подписаннымъ инспекторомъ гимназіи. По возвращеніи воспитанника въ пансіонъ, билетъ былъ отдаваемъ дежурному надзирателю съ отмѣтками родителей или родственниковъ, что такой-то пансіонеръ явился къ нимъ во столько-то часовъ и отпущенъ въ пансіонъ тогда-то, а велъ себя внѣ пансіона такъ-то. Само собою разумѣется, что воспитанники, замѣчаемые въ лѣности или шалостяхъ, лишались инспекторомъ права на таковой отпускъ. Занятія пансіонеровъ контролировались довольно строго, даже и во время вакаціи, тамъ—гдѣ это оказывалось возможнымъ. Вотъ какого сорта пансіонерамъ, увольняемымъ на вакацію въ Тобольскѣ, давались билеты: „Казеннокоштный воспитанникъ Тобольской гимназіи Н.Н. по желанію родственниковъ уволенъ на вакатный мѣсяцъ съ 30 іюня до 1 августа для жительства въ домѣ Н.Н. во (второй) города Т—ска части подъ №.... съ тѣмъ, чтобы воспитанникъ являлся въ пансіонъ каждый вечеръ въ 9 часовъ. Когда же дознано будетъ, что воспитанникъ не занимался повтореніемъ пройденныхъ предметовъ, или будетъ замѣченъ въ само-

вольныхъ изъ дому отлучкахъ и непослушаніи, то по возвращеніи въ пансіонъ лишается права на отпускъ". Ежемѣсячно инспекторъ подавалъ директору рапортъ о поведеніи и успѣхахъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ, въ которомъ кромѣ графъ объ исправныхъ и неисправныхъ воспитанникахъ и ихъ поведеніи были графы „кто сколько разъ не былъ въ классѣ съ означеніемъ причины" и „довольство столомъ". Наказывали пансіонеровъ строго. Не говоря про слабыя мѣры наказанія: стояніе въ углу, оставленіе ученика безъ кушанья или даже всего обѣда и под., начальство употребляло тогда очень строгія: не давало обѣдать по два и даже по три дня, при чемъ учениковъ держали въ карцерѣ или запирали въ классныхъ комнатахъ; не пускали въ отпускъ въ продолженіе очень долгаго времени, задерживая учениковъ въ пансіонѣ даже въ святки и Пасху, наказывали розгами и наконецъ увольняли изъ пансіона. Иногда пансіонское начальство прибѣгало къ очень страннымъ мѣрамъ наказанія; напр., въ 1839 году ученикъ Росляковъ былъ на ночь оставленъ въ пансіонскихъ комнатахъ, а въ 1843 г. ученикъ Петелинъ долженъ былъ спать безъ тюфяка. Не рѣдко лишали воспитанниковъ казеннаго содержанія какъ за малоуспѣшность, такъ и за поведеніе. Въ 1841 г. былъ уволенъ изъ пансіона за дурное поведеніе Тамыковскій съ занесеніемъ на черную доску, а въ 1847 г. за шаловливость уволены трое: Карагаевъ, Метелевъ и Садковъ. Въ праздничные дни всѣ воспитанники собирались за полчаса до обѣдни въ одномъ изъ классовъ гимназіи, гдѣ слушали очередное евангеліе, которое обыкновенно читалъ законоучитель, и затѣмъ отправлялись въ приходскую церковь. Воспитанники пансіона, кромѣ того, ходили еще наканунѣ праздника въ сопровожденіи надзирателя ко всенощной. Однажды въ годъ на послѣдней недѣлѣ Великаго поста ученики говѣли, при чемъ каждому пансіонеру выдавалось на этотъ предметъ по 1 р. асс. Въ помощь надзирателю для наблюденія за воспитанниками былъ избираемъ, какъ и въ прежнее время, одинъ старшій, отличный по поведенію и успѣхамъ, ученикъ; кромѣ того, ученики младшихъ классовъ распредѣлялись между учениками VI и VII классовъ для пособія при выучиваніи уроковъ и прослушиванія. Для наблюденія за санитарнымъ состояніемъ пансіона и въ случаѣ надобности для поданія помощи заболѣвшимъ воспитанникамъ его приглашенъ былъ особый врачъ и первымъ изъ таковыхъ былъ окончившій курсъ въ Казанскомъ университетѣ Андрей Андреевичъ Юшковъ, который съ небольшими перерывами былъ врачемъ пансіона во все описываемое нами время. Съ новымъ порядкомъ въ гимназіи и въ пансіонѣ появилась новая обстановка. Исчезла старая оловянная посуда съ таковыми же ложками; первая замѣнена была „фаянсовою", а послѣдкія серебряными. Заведены были и салфетки, а для умыванья большой мѣдный (на 6 человѣкъ разомъ) умывальникъ. На утренніе завтраки и на полдники подавалось молоко, а въ посты—сбитень съ бѣлымъ хлѣбомъ. Чай воспитанники пили свой, а казенный имъ подавался только въ большіе праздники, напр., въ пасхальную недѣлю. Для приготовленія же улучшенной и разнообразной пищи нанятъ былъ, вмѣсто прежней старухи кухарки, хо-

рошій поваръ. Около этого же времени вышла новая форма для одежды гимназистовъ: вмѣсто прежнихъ сюртуковъ гражданскаго покроя—двухбортный мундиръ темносиняго сукна съ девятью петлями по борту, съ обшлагами алаго цвѣта и такимъ же воротникомъ, на которомъ были петлицы изъ золотаго позумента; къ обшлагамъ пришивались по двѣ металлическихъ пуговицы и по одной суконной у разрѣза; по фалдамъ дѣлалась прошва алаго сукна; пуговицы были желтыя съ губернскимъ гербомъ. Брюки стягивались ременной штрипкой въ $^3/_4$ вершка шириною. Одежда пансіонеровъ разнилась только тѣмъ отъ одежды приходящихъ воспитанниковъ, что послѣднимъ даны были сюртучные виц-мундиры, а первые должны были довольствоваться курточками, которыя отъ мундировъ отличались кромѣ своей „краткости“ еще и тѣмъ, что они были однобортныя, къ обшлагамъ пришивались не металлическія пуговицы, а суконныя (двѣ). Не сомнѣнно, что безъ улыбки нельзя было смотрѣть на двадцатилѣтнихъ ребятъ, щеголявшихъ въ подобныхъ дѣтскихъ костюмахъ, не рѣдко даже съ порядочными заплатками на сѣдалищахъ. Шинель дѣлалась изъ темносѣраго сукна съ краганомъ, подъ которымъ сзади пришивались флястики съ двумя пуговицами на одномъ и двумя петлями на другомъ. Кромѣ темносинихъ суконныхъ брюкъ пансіонерамъ выдавались еще нанковые. Фуражка была съ алымъ околышемъ. Все ради того же благообразія головы пансіонеровъ были сдаваемы съ торговъ. Въ 1839 году головы были сданы поселенцу Тобольскаго округа, Абалакской волости Афанасію Ершову, который заключилъ съ совѣтомъ условіе за 30 р. въ годъ являться въ пансіонъ въ 1-е или 2-е число каждаго мѣсяца ради стрижки и бритья 30 казеннокоштныхъ воспитанниковъ; въ случаѣ же болѣзни и другихъ препятствій присылать вмѣсто себя человѣка, знающаго „полухматерскую“ часть. Съ виду пансіонеры стали походить на солдатъ, да тогда же между ними была введена и военная выправка. Ради послѣдней цѣли приглашенъ былъ, по сношенію съ военнымъ начальствомъ, опытный въ шагистикѣ унтеръ-офицеръ, который и приступилъ къ дѣлу con amore. Каждодневно дежурный надзиратель послѣ утреннихъ лекцій выводилъ учениковъ всѣхъ классовъ на дворовый плацъ и самъ становился въ сторону. Унтеръ-офицеръ устанавливалъ ихъ по ранжиру шеренгами и командовалъ: „скорымъ шагомъ маршъ“, „тихимъ шагомъ маршъ“, „дирекція на право“, „дирекція на лѣво“, „стой“, „ровняйся“, „шапки долой“, „надѣвай“ и т. п. Такое обученіе продолжалось около часу. Ранжиръ и команда соблюдалась даже и въ стѣнахъ пансіона, когда воспитанники шли на молитву [1]) или къ столу. Въ столовой дѣло исполнялось по командѣ надзирателя: „са—дись“, „вста—вай“. При встрѣчѣ съ генералъ-губернаторомъ, губернаторомъ, архіереемъ и своимъ начальствомъ гимназисты обязаны были привѣтствовать ихъ снятіемъ фуражки и на слова

---

[1]) Молитвы назначены были утреннія и вечернія, предобѣденныя и послѣобѣденныя. Утреннія молитвы читались поочередно пансіонерами и заключались чтеніемъ евангелія на русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

„здраствуйте, дѣти!“ отвѣтствовать: „здравія желаемъ ваше пр—ство!“ Фронтовая муштровка впрочемъ продолжалась недолго, не болѣе года, и почему-то, вѣроятно, къ крайнему удовольствію гимназистовъ, была оставлена.

Несомнѣнно, что водворенію порядка въ пансіонѣ много способствовало и то обстоятельство, что высшая власть учебная жила въ Тобольскѣ и могла дѣлать лично и часто нашествія на пансіонъ. Такъ оно дѣйствительно и было. Генералъ-губернаторъ Западной Сибири князь Горчаковъ, въ качествѣ попечителя гимназіи, посѣщалъ ее, по свидѣтельству Голодникова, не рѣдко, но чаще всего и при томъ неожиданно ходилъ въ пансіонъ, при чемъ воспитанникамъ и прислугѣ строго запрещено было давать знать о приходѣ князя гимназическому начальству. Часто князь спрашивалъ пансіонеровъ, что у нихъ въ этотъ день было за столомъ, всѣмъ ли они довольны, осматривалъ ношебное платье и спальное бѣлье, не рѣдко заставлялъ ихъ снимать куртки и жилеты, чтобы убѣдиться въ качествѣ бѣлья. Пансіонерамъ приказано было при появленіи попечителя становиться во фронтъ и на вопросы его, требовавшіе утвердительнаго отвѣта, отвѣчать: „точно такъ, ваше сіятельство!“, а отрицательнаго: „никакъ нѣтъ, ваше сіятельство!“. Однажды, разсказываетъ Голодниковъ, Горчаковъ, заставъ пансіонеровъ въ вечернее время играющими на дворѣ въ мячъ, подозвалъ къ себѣ самаго младшаго изъ нихъ М—ва и спросилъ его о чемъ-то; тотъ замялся и отвѣтилъ какъ-то не впопадъ. Князь, взявъ его ласково за подбородокъ, сказалъ съ улыбкою: „глупенокъ, братъ, ты еще!“. „Точно такъ, ваше сіятельство!“ отвѣчалъ М—въ. Князь разсмѣялся. Въ другой разъ зашелъ онъ въ пансіонъ вмѣстѣ съ супругою Натальей Дмитріевной. Княгиня, вынувъ изъ ридикюля горсть конфектъ, передала ихъ такому же клопу пансіонеру, какъ и М—въ, и спросила его: „будешь ты любить меня?“ „Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство!“ отвѣчаетъ тотъ, нисколько не задумавшись. Вообще княгиня была очень ласкова къ пансіонерамъ; нерѣдко присылала имъ конфектъ, фунтовъ по десяти и болѣе, а въ день концертовъ въ общественномъ собраніи дарила билеты для входа туда. Однажды зимой въ 1838 году, по выѣздѣ князя П. Д. по дѣламъ службы въ Петербургъ, княгиня Наталья Дмитріевна пригласила къ себѣ на вечеръ всю гимназію, т. е. начальство ея и всѣхъ учащихся, а чтобы при этомъ доставить молодежи болѣе удовольствія, она пригласила оркестръ казачьей музыки и находившагося въ Тобольскѣ извѣстнаго тогда фокусника Франца Гейнриша, который въ теченіе двухъ часовъ увеселялъ гимназистовъ своими разнообразными фокусами. Во время ужина какъ сама княгиня, такъ и княжны, дочери ея, уже взрослыя дѣвицы, обходили столы и любезно упрашивали всѣхъ кушать безъ церемоніи. Память объ этой прекрасной женщинѣ и до сихъ поръ сохраняется въ сердцахъ дѣтей, ею обласканныхъ и облагодѣтельствованныхъ. Вѣчный покой ея душѣ! По возможности разнообразило жизнь пансіонеровъ и само гимназическое начальство. Но все же „по ранжиру“, иногда можно и по человѣчески. Напримѣръ, для пансіонской библіотеки выписано было нѣсколько журналовъ; изъ числа послѣднихъ, по свидѣтельству

Голодникова, особенной любовью воспитанниковъ пользовалась библіотека для чтенія подъ редакціей Сенковскаго (барона Брамбеуса) и въ особенности отдѣлъ ея подъ названіемъ „литературной лѣтописи"; съ удовольствіемъ также читали въ ней стихи Бенедиктова и Бернета. Впрочемъ пансіонерская библіотека была въ первые годы очень незначительна, такъ незначительна, что, напр., инспекторъ Помаскинъ въ апрѣлѣ 1839 г., предлагая завести особенный шкафъ для помѣщенія книгъ, составляющихъ библіотеку пансіона, замѣтилъ, что „въ настоящее время, конечно, книгъ этихъ не много, но есть возможность въ пріобрѣтеніи оныхъ ежегодно смотря по количеству свободной суммы собственно на предметъ этотъ отпускаемый; въ смѣту на 1839 годъ подобнаго расхода не показано, но есть возможность употребить на оный до 100 руб. изъ остатковъ по исчисленію отъ прочихъ предметовъ содержанія". Не рѣдко пансіонеры въ стѣнахъ гимназіи устраивали спектакли, большею частію подъ руководствомъ Ершова, а одинъ разъ даже подъ руководствомъ пастора Гильденгагена, пожелавшаго этимъ сдѣлать сюрпризъ къ именинамъ генеральши Фонъ-Бриль, жены артиллерійскаго генерала, тоже природнаго нѣмца. Для этого Гильденгагенъ выбралъ одну нѣмецкую пьесу, которую ученики кое-какъ перевели на русскій языкъ, однако такъ, что во время представленія Маргарита плохо понимала Гюнтера, а Гюнтеръ почти совсѣмъ не понималъ Маргариты; заученныя фразы сыпались безсознательно. За всѣмъ тѣмъ почтенная и снисходительная публика выслушала до конца пьесу и даже наградила актеровъ нѣсколькими аплодисментами. Удачнѣе играли пансіонеры русскія пьесы подъ руководствомъ своего юнаго и любимаго учителя словесности Ершова. Сцена обыкновенно устраивалась на деревянныхъ подмосткахъ въ актовой залѣ. Декораціи для нея приготовлялись нѣкіимъ Циммерманомъ, бывшимъ декораторомъ Тобольской оперы, закрывшейся въ концѣ двадцатыхъ годовъ. Пьесы выбирались Ершовымъ съ одобренія директора гимназіи; заготовленіемъ же костюмовъ, а также и гримировкою дѣйствующихъ лицъ занимался сосланный въ Сибирь по польскому возстанію 1830 г. графъ Валицкій. На спектакль приглашаемъ былъ оркестръ казачьей музыки. Изъ исполненныхъ пьесъ въ воспоминаніяхъ Голодникова мы встрѣчаемъ комедію „Недоросль", водевили: „Прекрасный принцъ", „Филаткина сватьба", „Еще суматоха", „Фрингаль или искатель обѣда", пьесу Ершова: „Суворовъ и станціонный смотритель". Тотъ же Ершовъ разскажетъ намъ о томъ, какъ играли гимназисты. „На масляницѣ я тѣшился въ театрѣ, пишетъ онъ въ Петербургъ въ февралѣ 1838 г., да, въ театрѣ, который мы, (т. е. учителя гимназіи) построили на свой счетъ въ залѣ гимназіи, чтобы доставить развлеченіе ученикамъ и потѣшить собственную охотку. Играли все ученики гимназіи, а чтобъ сказать тебѣ, что они не дурно знали свое дѣло, то напишу, что режиссеромъ ихъ былъ я. Но шутки въ сторону. Театръ нашъ шелъ славно, говоря и не о Тобольскѣ. Обширная сцена, хорошія декораціи, отличное (восковое) освѣщеніе, увертюры изъ лучшихъ оперъ въ антрактѣ, разыгрываемыя полнымъ оркестромъ, и наконецъ славные костюмы (особенно

въ волшебной пьесѣ: „Прекрасный принцъ"), все это сдѣлало спектакль хоть куда! Всего было три представленія (по пяти пьесъ, въ одномъ дѣйствіи каждая): первое только для учителей гимназіи, а два послѣднихъ для всей публики; изъ нихъ въ одномъ было до 400 человѣкъ, а въ другомъ столько, что едва вмѣщала зала. Знай нашихъ! И скажу тебѣ еще: одинъ изъ игравшихъ учениковъ—еслибъ дать ему надлежащее сценическое воспитаніе—былъ бы изъ первыхъ актеровъ и на вашей сценѣ. Чудо! каждое его слово, каждый жестъ, каждое движеніе лица было комическимъ въ высшей степени. Съ самаго появленія его на сцену до выхода рукоплесканія не умолкали. Фамилія его Рихтеръ. [1]) Удачной игрѣ Рихтера, прибавимъ слово Голодникова, много способствовала и его комическая физіономія, бросавшаяся въ глаза своимъ орлинымъ носомъ и пѣтушьими глазами. Его въ пансіонѣ знали „утицей съ пѣтушьими глазами". [2]) Если читатель не забылъ, это тотъ самый ученикъ, котораго въ своемъ спорѣ съ инспекторомъ о преподаваніи французскаго языка Леманъ приводилъ, вмѣстѣ съ другими четырьмя, какъ образчикъ неспособности и нестарательности, какъ примѣръ ученика, котораго сколько ни учи, все равно ничему не научишь.)

Съ начала 1839 г. при пансіонѣ гимназіи былъ открытъ классъ танцованія. Качуринъ такъ писалъ объ этомъ губернатору: „По имѣемой возможности открыть при пансіонѣ съ начала 1839 года классъ танцованія на счетъ наличной хозяйственной воспитаннической суммы, на основаніи § 243 устава учебныхъ заведеній 1828 года, педагогическимъ совѣтомъ гимназіи признано необходимымъ и очень полезнымъ для пріученія казеннокоштныхъ воспитанниковъ къ большей развязности и приличію, за неимѣніемъ никакихъ гимнастическихъ упражненій при всегдашнихъ классическихъ ихъ занятіяхъ, по примѣру другихъ гимназій, учредить танцовальный классъ, о чемъ честь имѣя представить на благоусмотрѣніе вашего превосходительства, покорнѣйше прошу разрѣшенія на производство изъ хозяйственной воспитаннической суммы до 500 р. въ годъ потребной на жалованье учителю и прочіе расходы по танцовальному классу съ тѣмъ, чтобы и вольноприходящіе ученики Тобольской гимназіи, кто изъ нихъ пожелаетъ, могли пользоваться уроками въ танцованіи, но за особенную плату по соглашенію съ учителемъ этого искусства". Губернаторъ представилъ дѣло генералъ-губернатору и послѣдній 27 декабря 1838 г. представленіе Качурина утвердилъ. Директоръ предложилъ инспектору (предписаніемъ за № 2 1839 г.—ужасно Качуринъ любилъ все оформить) выработать программу открытія танцовальнаго класса. Инспекторъ Помаскинъ свои соображенія представилъ въ началѣ февраля и писалъ слѣ-

---

[1]) Біографія стр. 55—56.

[2]) Хотя пансіонеры, по словамъ Г—ва, и жили между собой дружно, но это имъ нисколько не препятствовало давать другъ другу прозвища, напр., фарносъ, утица, кузюкъ, ася, слѣпышъ, жила, колморано и т. п. Учителя носили слѣдующія прозванія: мусеръ, мусхрай, мусунрунякъ (въ одномъ лицѣ), рѣдька, жукъ, шильперикъ, коробейка, глиста и т. п.

дующее: 1) „танцъ-классъ назначить два раза въ недѣлю, одинъ классъ для казеннокоштныхъ воспитанниковъ, а другой для изъявившихъ желаніе обучаться изъ своекоштныхъ гимназистовъ; 2) каждый классъ продолжается полтора часа; 3) для казеннокоштныхъ воспитанниковъ назначить танцъ-классъ въ среду; а для своекоштныхъ въ воскресенье послѣ полудня; 4) танцъ-классъ начинается въ зимнее время въ 5 часовъ, въ лѣтнее въ 7 час. пополудни; 5) во время продолженія танцовальнаго класса находиться долженъ для наблюденія должнаго порядка дежурный классный надзиратель; 6) изъявившіе желаніе обучаться танцованію изъ гимназистовъ вносятъ каждое лицо 25 р. въ годъ и всегда впередъ: за первое полгода 15 р., а за второе 10 р.; 7) учителю танцованія послѣ каждаго класса выдается за подписью инспектора гимназіи билетъ; по представленіи къ г. директору 10 таковыхъ билетовъ, выводится учителю жалованье, и билеты обращаются къ инспектору". Въ этомъ же рапортѣ инспекторъ называлъ и человѣка, который изъявилъ желаніе обучать учениковъ танцовальному искусству,—это былъ провизоръ Тобольской казенной аптеки чиновникъ Константинъ Имсенъ, который предложилъ свои услуги на слѣдующихъ условіяхъ: 1) чтобы танцъ-классъ былъ два раза въ недѣлю; 2) за обученіе и музыку платить ему за каждый классъ по 5 р. ассигнаціями, освѣщеніе же и прочіе какіе потребуются расходы доставляются отъ пансіона, и 3) какое бы число казеннокоштныхъ воспитанниковъ впослѣдствіи ни было, онъ прибавочнаго жалованья не потребуетъ, но ежели свыше 10 человѣкъ будутъ обучаться изъ своекоштныхъ, то получаемые съ нихъ деньги представлять уже въ пользу его, для пополненія расходовъ, употребленныхъ имъ на наемъ музыкантовъ. Губернаторъ утвердилъ эти условія съ одной оговоркой: вмѣсто 25 р. съ приходящихъ учениковъ имъ назначено только 20 р. Танцъ-классъ былъ открытъ въ гимназіи съ 1 марта. Въ ноябрѣ того же 1839 года совѣтъ постановилъ соединить оба урока танцованія въ одинъ продолжающійся два часа, за который Имсенъ получалъ 8 рублей „пока не пріищется другой учитель танцованія съ большей выгодой для казны". Въ 1844 году танцовальному искусству обучалъ учениковъ проживавшій тогда въ Тобольскѣ иностранецъ прусскій подданный Карлъ Эдуардъ Вальтеръ съ платою изъ дирекціи за каждый классъ съ его музыкою по 3 руб. сер. за каждый урокъ. Пусть не подумаетъ читатель, что учрежденіе танцъ-класса было минутнымъ увлеченіемъ гимназическаго начальства. Танцъ-классъ продолжался весь описываемый нами періодъ, и въ 1849 году онъ пользовался такимъ же вниманіемъ начальства, какъ и въ первое время своего появленія. Такъ 13 мая 1849 г. этотъ классъ посѣщала жена губернатора Энгельке.

Во что обходится пансіонъ? Въ 1838 г., напр., воспитанниковъ и прислуги въ пансіонѣ было круглымъ числомъ ежемѣсячно 25 (по мѣсяцамъ 26, 27, 28, 28, 28, 28, 12, 26, 27, 26, 24, 25). На пищу употреблено было 1429 р. 1 к., на одежду и бѣлье 2562 р. 14 к., на обувь (сапоги съ починкою) 213 р. 90 к., на освѣщеніе и отопленіе, на воду, мыло и пр. 649 р. 27 к., на книги, бумагу, каран-

даши, кисти, краски и пр. пособія 651 р. 97 к., на лѣкарства и другіе расходы по содержанію больныхъ и для обзаведенія предположенной при пансіонѣ больницы 182 р. 56 к., на содержаніе прислуги (жалованье всѣмъ служителямъ при пансіонѣ, въ теченіе года бывшимъ, на платье для дядекъ и другіе расходы) 601 р. 55 к., на „единовременныя" вещи (на мѣдную умывальницу, шкафы, столы и на обзаводство вновь поступить имѣющихъ 5 воспитанниковъ) употреблено 1025 р. 94 к. Итого израсходовано 7316 р. 34 к. Въ частности воспитанники съ служителями въ 1838 г. скушали 232 пуда муки ржаной, 161 пуд. муки пшеничной, 39 п. 15$^1/_2$ ф. крупы ячной, 23 п. 27$^2/_2$ ф. крупы гречневой, 11 п. 12 ф. крупы просовой, говядины 126 п. 17 ф. (въ этомъ же числѣ считается покупавшаяся въ нѣкоторые праздничные дни телятина, дичь и пр.), а рыбы 25 п. 31 ф.; масла коровьяго и коноплянаго куплено 12 п. 18$^1/_2$ ф. Понятія о цѣнахъ на перечисленные припасы и другіе предметы мы можемъ составить по условіямъ, заключеннымъ съ педагогоческимъ совѣтомъ поставщиками, обязавшимися на 1839 годъ поставить припасы по слѣдующимъ цѣнамъ: говядину 2 сорта по 2 р. 40 к. за пудъ, коровье масло 11 р. пудъ, мыло бѣлое или желтое по 8 р. пудъ, сальныя плошки по 8 коп. за каждую плошку, сальныя литыя свѣчи по 11 р. за пудъ; мука ржаная покупалась по 65 к. за пудъ и пшеничная по 1 р. 50 к. за пудъ. Шитье мундировъ съ жилетами и брюками было сдано по 5 р. съ торговъ, сапоги по 4 р. 80 к. съ пары (изъ выростковой кунгурской выдѣлки), перчатки изъ оленьей кожи по 1 р. 30 к., шитье курточекъ съ брюками и жилетомъ по 4 р., шинели по 2 р., нанковыхъ брюкъ по 1 р. 20 к., фуражекъ лѣтнихъ и зимнихъ по 2 руб. за каждую. Сытно ли кормили воспитанниковъ? спроситъ читатель. Должно быть не жалѣли хлѣба, отвѣтимъ мы, если на каждаго васпитанника и служителя круглымъ числомъ вышло въ 1838 году немного не по 17 пудовъ муки ржаной и пшеничной. Чтобы понять всю несообразность этой цифры, мы скажемъ, что, напр., въ 1886 году въ гимназіи вышло 250 п. 20 ф. ржаной муки и 323 пуд. 10 фун. крупичатой на 60 человѣкъ. Что-жъ, кормившее пансіонеровъ начальство изъ смѣты не выходило, а смѣта такъ и составлялась: на воспитанника полагалось 10 пуд. ржаной муки и 8 пшеничной. Но очевидно первый экономъ Тобольской гимназіи имѣлъ совершенно превратныя понятія о желудкахъ своихъ воспитанниковъ. Слѣды этого превратнаго пониманія эконома подтверждаются протоколами педагогическаго совѣта, въ одномъ изъ которыхъ записано такое постановленіе: „сдѣлать замѣчаніе эконому Сѣдинкину, чтобы онъ на будущее время былъ отчетливѣе въ употребленіи казенныхъ суммъ, ибо замѣчены со стороны его значительныя передержки какъ при постройкѣ гимназическихъ заборовъ, такъ и при поправкѣ погреба".

Помощникъ Качурина инспекторъ Пемаскинъ въ строгости мало уступалъ директору, и воспитанники одинаково боялись того и другаго. По отзыву гг. Голодникова и Паутова порядокъ въ пансіонѣ былъ полный. Шалости пансіонеровъ особеннымъ ничѣмъ не выдавались. По словамъ Паутова—

куреніе табаку едва-ли не было единственнымъ проступкомъ пансіонеровъ. Кстати замѣтить—курили не папиросы, а изъ самодѣльныхъ трубокъ. Для этого выбирали миндальный орѣхъ, верхушка срѣзывалась, а съ боку провертывалось отверстіе, куда и вставлялась трубочка гусинаго пера. Куреніе происходило большею частію въ ретирадѣ. Разъ впрочемъ пансіонеры позволили себѣ и стадную шалость, но причиной ея было вовсе не общее буйное настроеніе учениковъ, а фигура и отношеніе къ нимъ надзирателя *Фирса Васильевича Ростиславлева*. Этотъ надзиратель, говоритъ Паутовъ, съ перваго же появленія въ пансіонъ не понравился воспитанникамъ своимъ надменнымъ видомъ, высоко-поднятой головой, толстыми губами и вылетающими при разговорѣ брызгами слюны. Въ довершеніе всего много повліяло на его непопулярность между воспитанниками то обстоятельство, что въ первый разъ онъ явился въ пансіонъ въ виц-мундирѣ съ фалдами и съ продранными локтями, которые воспитанники не преминули назвать „форточками". Не смотря на то, что онъ съ своей стороны старался снискать любовь учениковъ (угощалъ ихъ пряниками, орѣхами, возилъ нѣкоторыхъ къ себѣ на квартиру, гдѣ угощалъ чаемъ и конфектами), ничто не помогало. „Какая-то особенная дурь залѣзла въ головы всѣхъ пансіонеровъ и мы дошли уже въ своихъ поступкахъ до пошлости". Покупаемые Фирсомъ Васильевичемъ орѣхи пансіонеры сгрызали, а затѣмъ скорлупами бросали въ него же. Однажды во время вечернихъ занятій на дежурствѣ Фирса Васильевича вдругъ раздалась команда: разъ, два, три... свѣчи на столахъ заразъ всѣ были погашены линейками, воцарилась темнота, начался шумъ, гамъ, ревъ и крики: лови его, лови! У дверей на караулѣ становится воспитанникъ, чтобы не дать выскочить изъ этого ада Фирсу В—чу, а онъ, подобравши фалдочки подъ спину виц-мундира, перебѣгалъ вмѣстѣ съ воспитанниками, боясь быть узнаннымъ; приходились тутъ на его долю и тумаки. Содомъ этотъ прекратился съ появленіемъ огня въ стеклѣ дверей инспекторской квартиры, изъ которой вслѣдъ за огнемъ появилась и фигура самого субъ-инспектора съ зажженой свѣчей. Любопытно воспитанники были наказаны за этотъ проступокъ. Въ сопровожденіи Католинскаго они были приведены въ квартиру начальника губерніи, которымъ тогда былъ д. с. с. Мих. Вас. Ладыженскій, гдѣ ихъ выстроили въ двѣ шеренги и такимъ образомъ заставили ½ часа ожидать выхода грознаго начальника. Наконецъ губернаторъ вышелъ. Строго и долго говорилъ онъ ученикамъ, упрекалъ ихъ за поступокъ съ Фирсомъ В—чемъ и при этомъ произнесъ не дурную фразу: „поставлю палку и ту должны будете слушаться". Но палки воспитанники слушаться не хотѣли и продолжали продѣлывать съ ней всевозможныя штуки, всячески доказывая ей, что палка не можетъ быть воспитателемъ. Въ дѣлахъ архива сохранился рапортъ Ростиславлева, опредѣленно рисующій отношенія къ нему воспитанниковъ. 24 апрѣля 1843 г. Фирсъ Васильевичъ слѣдующимъ образомъ рапортовалъ инспектору: „Воспитанникъ IV класса Н. Суворовъ вчерашняго числа (апрѣля 23 дня 1843 года) послѣ обѣда часу во 2-мъ, когда случилось мнѣ проходить подлѣ стола

мимо его, онъ не хотѣлъ мнѣ отстораниться, я же за это сдѣлалъ ему замѣчаніе, говоря, что неприлично такому мальчику, какъ особенно тебѣ, быть невѣжливымъ и непочтительнымъ предъ своимъ начальствомъ, онъ вмѣсто того, чтобы выслушать мои замѣчанія, отворотился отъ меня и началъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ съ самымъ суровымъ взглядомъ; потомъ я опять остановилъ его, началъ говорить ему: „ты за это строго будешь наказанъ, чтобъ такъ пренебрегать моимъ замѣчаніемъ", а онъ мнѣ въ отвѣтъ сказалъ: „что мнѣ слушать ваши замѣчанія, когда вы меня называете воромъ". Онъ во время перемѣны утренней просилъ у меня ключа отъ шкафа, я ему въ этомъ отказалъ, говоря, что тебѣ не могу дать ключа, да сверхъ того теперь и не время идти въ пансіонъ, а надобно прежде объ этомъ было позаботиться; причина, почему я ему не далъ ключа, та, что всѣ ключи отъ книжнаго шкафа хранятся въ особенномъ надзирательскомъ шкафу, гдѣ журналъ и прочія казенныя учебныя пособія находятся; вотъ и обстоятельство, по которому Суворовъ осмѣлился сказать мнѣ, что я назвалъ его воромъ, и эти слова повторялъ въ пансіонѣ при всѣхъ воспитанникахъ съ цѣлью тою, чтобы показать примѣръ грубости и неповиновенія своему начальству, потомъ я еще остановилъ его и также замѣтилъ ему, что за эти дерзости и грубости мнѣ строгое получитъ наказаніе, а онъ ужъ не только чтобы слушать мои выговоры, вынявъ изъ кармана свой носовой платокъ поднялъ къ верху и, показывая воспитанникамъ съ злобной улыбкой свой платокъ, сказалъ громко, что мнѣ за эти замѣчанія и выговоры надзирателя ни отъ кого ничего не будетъ, потомъ съ особеннымъ крикомъ и съ какою-то азартностію побѣжалъ изъ пансіона съ угрозою на меня, что я иду сейчасъ къ директору на васъ, такъ и ушелъ онъ и спустя минутъ 10 является опять въ пансіонъ, вовсе отворотился отъ меня, когда я опять сказалъ ему, почему ты вышелъ изъ пансіона безъ моего позволенія, онъ на это мнѣ ни слова не сказалъ, а началъ ходить по прежнему по комнатѣ взадъ и впередъ". На рапортѣ положена рукой Помаскина короткая резолюція: „наказать Суворова" (т. е. высѣчь). Фирсъ Васильевичъ оставался надзирателемъ не долго,—онъ былъ смѣненъ въ томъ же году „по нераспорядительности и крайне неудовлетворительному обращенію съ воспитанниками". Къ исполненію обязанностей надзирателя въ пансіонѣ допущенъ былъ учитель Мертличъ.

Однако какъ же согласить этотъ поступокъ пансіонеровъ по отношенію къ надзирателю съ тѣмъ страхомъ передъ инспекторомъ, о которомъ я говорилъ выше? А замѣтили вы, читатель, что изъ квартиры *инспектора* появился не самъ инспекторъ, а субъ-инспекторъ. Въ этомъ все дѣло. Живи въ гимназіи инспекторъ, воспитанники едва-ли бы устроили эту травлю Ф. В—ча. Куда же дѣвался инспекторъ? А онъ, женившись на богатой купеческой дочери Селивановой, переѣхалъ въ домъ своей жены, а въ квартирѣ его поселился учитель судопроизводства и судоустройства Малосапожковъ, а потомъ Рѣзановъ—въ званіи субъ-инспектора. Самое это званіе допущено было Качуринымъ въ силу именно

отсутствія изъ стѣнъ гимназіи Помаскина. Но субъ-инспекторъ не могъ замѣнить инспектора, и это обстоятельство осталось не безъ вліянія на пансіонскую дисциплину. Разумѣется, Качуринъ не могъ не обратить вниманія на это и черезъ губернатора довелъ о томъ до свѣдѣнія генералъ-губернатора, который (въ августѣ 1843 г.) приказалъ объявить Помаскину, чтобы онъ немедленно перешелъ въ казенную квартиру при пансіонѣ, въ противномъ случаѣ ему надобно будетъ оставить занимаемую имъ должность, хотя бы его сіятельству этого и не желалось, такъ какъ Помаскинъ считается полезнымъ по учебному вѣдомству чиновникомъ. Но Помаскинъ не думалъ переходить на казенную квартиру, потому что не думалъ больше служить. Въ ноябрѣ мы опять встрѣчаемся съ предложеніемъ директора Помаскину перейти на казенную квартиру и только при этомъ условіи генералъ-губернаторъ соглашался поручить ему управленіе дирекціей на время отсутствія Качурина, а въ началѣ слѣдующаго года онъ уже былъ уволенъ. На его мѣсто былъ назначенъ Ершовъ, любимый и уважаемый всѣми воспитанниками какъ пансіонерами, такъ и приходящими. „Всегда ровное обхожденіе, а иногда и участіе въ играхъ нашихъ и прогулкахъ, кромѣ превосходнаго преподаванія словесности, заставляли насъ любить его какъ отца роднаго. Малѣйшее его замѣчаніе, строгій взглядъ уже были для насъ жестокимъ наказаніемъ, особенно для учениковъ VI и VII классовъ“. Такимъ образомъ ужъ если къ кому можно примѣнить нижеслѣдующія слова, взятыя нами изъ устава 1828 года, такъ это именно къ Ершову: „Надежнѣйшее средство успѣха есть привязанность учащихся къ наставнику; онъ легко можетъ пріобрѣсти ее, дѣйствуя на нихъ не однѣми угрозами и страхомъ, а болѣе кроткимъ, ласковымъ убѣжденіемъ и поучительнымъ примѣромъ, удерживая ихъ съ отеческою нѣжностію отъ проступковъ и заблужденій, разрѣшая ихъ сомнѣнія, замѣчая въ нихъ и ободряя всѣ похвальныя побужденія: состраданія къ несчастію, любовь къ справедливости, ревность къ ученію, къ трудамъ своего званія и вообще къ полезной дѣятельности“.

Въ заключеніе настоящей главы намъ остается сказать о тѣхъ стипендіяхъ, которыя были учреждены въ описываемый періодъ для воспитанниковъ гимназіи при пансіонѣ ея и въ Казанскомъ университетѣ. Въ первой половинѣ 1846 года д. с. с. Григорій Андреевичъ Жилинъ обратился къ министру н. пр. графу Уварову съ слѣдующимъ письмомъ: „Ваше высокопревосходительство! Нынѣшняя Тобольская губернская гимназія преобразовалась изъ первоначальнаго главнаго народнаго училища, открытаго въ достославное царствованіе великой государыни императрицы Екатерины II. Въ это училище при самомъ его открытіи въ 1788 году (?) помѣщенъ я былъ для обученія наукамъ. Нынѣ почти черезъ 60 лѣтъ, сохраняя неизмѣнно въ памяти благодарность мою къ сему заведенію и желая ее увѣковѣчить, возымѣлъ я намѣреніе внести въ опекунскій совѣтъ денегъ сер. три тысячи рублей, на вѣчныя времена изъ обращенія процентовъ, чтобъ на нихъ воспитывать въ учрежденномъ при той гимназіи пансіонѣ одного пансіонера изъ дѣтей гра-

жданскихъ чиновниковъ, бѣднаго и безпріютнаго сироту, родившагося въ Сибири и именно въ Тобольской губерніи, моей родинѣ, который бы именовался во все время нахожденія въ пансіонѣ пансіонеромъ Жилина. Избраніе на будущія времена возложить на гг. директора гимназіи, губернскихъ: прокурора, почтмейстера, градскаго голову и уѣзднаго судью, поколѣ я живъ, съ моего назначенія и утвержденія; по смерти-жъ моей, въ случаѣ разногласія помянутыхъ лицъ въ удостоеніи къ принятію въ пансіонеры, избраніе исполнить по большинству голосовъ; а буде окажется нѣсколько кандидатовъ, то по жребію съ утвержденія департамента народнаго просвѣщенія, безъ участія въ томъ губернскаго начальства. Билетъ опекунскаго совѣта, выданный мнѣ 15 апрѣля 1846 г. № 7889 „на вѣчное обращеніе въ пользу главнаго правительственнаго учебнаго заведенія въ Тобольскѣ, по которому проценты (120 р.) имѣютъ быть употребляемы на воспитаніе одного пансіонера", при семъ имѣю честь представить и пріемлю смѣлость покорнѣйше просить ваше пр—во оказать мнѣ милость удостоить принятія моего прошенія и приказать сдѣлать надлежащее по оному распоряженіе". Высочайшее соизволеніе на принятіе этого капитала воспослѣдовало въ маѣ того же года.

Исторія стипендіи Селиванова слѣдующая.

21 сентября 1846 года почетный смотритель Тобольскихъ училищъ Помаскинъ (бывшій инспекторъ гимназіи) обратился къ директору училищъ съ письмомъ, въ которомъ писалъ, что въ память умершаго Тобольскаго 1-й гил. купца и потомственнаго почетнаго гражданина Михаила Антипьевича Селиванова онъ предназначилъ принесть въ даръ въ пользу Тобольской гимназіи капиталъ въ 3000 руб. сер., при чемъ жертвовалъ деньги на слѣдующихъ условіяхъ (беремъ главнѣйшія):

1) Проценты (120 р.) съ капитала употребляются на ежегодное полное содержаніе одного воспитанника въ пансіонѣ Тобольской гимназіи изъ купеческаго сословія, не исключая однакожъ и тѣхъ дѣтей, родители коихъ, по неблагопріятнымъ торговымъ обстоятельствамъ, впослѣдствіи выбыли изъ купеческаго званія, и преимущественно изъ живущихъ въ г. Тобольскѣ; буде же въ ономъ не окажется желающаго поступить въ гимназію или способнаго, то вызываются изъ губерніи;

2) воспитанникъ числится пансіонеромъ Тобольскаго 1 гильдіи купца и потомственнаго почетнаго гражданина Михаила Селиванова;

3) по окончаніи полнаго курса наукъ пансіонеру предоставляется свободное избраніе рода жизни, не ограничивая его никакими условіями.

Предложеніе Помаскина было доведено до свѣдѣнія гр. Уварова для испрошенія Высочайшаго соизволенія. Но министръ нашелъ неудобнымъ ходатайствовать о Высочайшемъ соизволеніи на опредѣленіе въ пансіонъ дѣтей мѣщанъ, такъ какъ помѣщеніе ихъ въ пансіонъ гимназіи противно существующимъ по учебной части правиламъ, и предложилъ Помаскину измѣнить свое предположеніе такъ, чтобы пожертвованіе его относилось только къ дѣтямъ купеческаго сословія, не распространяясь на выбывшихъ изъ этого званія.

Помаскинъ на эту перемѣну согласился, и 14 октября 1847 г. отнесся въ Московскій опекунскій совѣтъ о доставленіи въ Тобольскую гимназію банковаго билета въ 3000 р. с. Впрочемъ впослѣдствіи (въ либеральные 60-е годы) при директорѣ Ф. В. Рудаковѣ на стипендію Селиванова разрѣшено было принимать дѣтей мѣщанъ, родители коихъ, по неблагопріятнымъ торговымъ обстоятельствамъ, выбыли изъ купеческаго званія.

Къ этому же періоду исторіи Тобольской гимназіи относится и учрежденіе при ея пансіонѣ стипендіи д. с. с. Алексѣя Кичурова, который въ іюнѣ 1848 года представилъ директору училищъ слѣдующія предположенія о содержаніи въ пансіонѣ Тобольской гимназіи пансіонера его имени:

„Въ 1830 году внесена мною въ Московскую сохранную казну Императорскаго воспитательнаго дома часть денежнаго капитала, для приращенія процентами, съ предположеніемъ впослѣдствіи, когда капиталъ сей въ значительномъ количествѣ состоять будетъ, на проценты съ него воспитывать и образовывать въ пансіонѣ Тобольской гимназіи одного недостаточнаго сироту гражданскаго чиновника, преимущественно почтоваго вѣдомства Сибирскаго края. Теперь капиталъ этотъ заключается въ трехъ тысячахъ рубляхъ серебромъ, и я, желая исполнить намѣреніе мое, оставляю оный капиталъ въ Московской сохранной казнѣ вѣчно, проценты же съ капитала 120 р. с. въ годъ имѣютъ быть употреблены начальствомъ Тобольской гимназіи на воспитаніе сироты на слѣдующемъ основаніи:

1) Избраніе сироты и присылку къ начальству гимназіи... желательно бы возложить на гг. почтъ-инспектора и губернскихъ почтмейстеровъ сибирскаго края; если же по почтовому вѣдомству не найдется сироты къ поступленію въ пансіонъ, то выборъ и помѣщеніе изъ сиротъ дѣтей гражданскихъ чиновниковъ возложить на гг. начальника Тобольской губерніи и губернскаго прокурора.

2) Сиротѣ числиться пансіонеромъ д. с. с. Кичурова. Если же пансіонеръ тотъ пожелаетъ принять къ своей фамиліи и фамилію Кичурова, то таковому оную предоставить.

3) По окончаніи полнаго курса наукъ предоставить сиротѣ почтоваго чиновника опредѣлиться на службу по почтовому вѣдомству, а сиротѣ гражданскаго вѣдомства опредѣлиться на службу, куда самъ пожелаетъ".

Въ комитетѣ министровъ не прошло одно только условіе, это касательно того, чтобы тѣ изъ пансіонеровъ, которые того пожелаютъ, могли принимать фамилію Кичурова, такъ какъ для передачи фамиліи установленъ въ законахъ особый порядокъ.

Въ Казанскомъ университетѣ для воспитанниковъ Тобольской гимназіи изъ пансіонеровъ, предназначенныхъ для занятія учительскихъ мѣстъ, на основаніи мнѣнія государственнаго совѣта отъ 9 декабря 1835 года были учреждены двѣ стипендіи (ст. 4 мнѣнія), при чемъ, разумѣется, для образованія въ университетѣ избирались изъ числа казенныхъ воспитанниковъ отличнѣйшіе по познаніямъ, способностямъ и поведенію (ст. 5). Эти воспитан-

ники должны были выслужить въ учительскомъ званіи, по назначенію начальства, 10 лѣтъ (ст. 10). При назначеніи воспитанниковъ въ учителя выдавались опредѣленнымъ въ гимназіи, на основаніи устава учебныхъ заведеній 8 декабря 1828 года, сверхъ прогонныхъ къ мѣсту назначенія по положенію денегъ третное не въ зачетъ жалованье изъ суммъ государственнаго казначейства по предложеніямъ Сибирскихъ гражданскихъ губернаторовъ мѣстнымъ казеннымъ палатамъ.—Къ этимъ преимуществамъ для воспитанниковъ Тобольской гимназіи въ 1837 году прибавилось новое, на основаніи положенія о доставленіи чиновникамъ въ отдаленныхъ мѣстахъ служащимъ способовъ къ воспитанію дѣтей ихъ (для гражданской службы) 1 іюля 1837 года. По окончаніи гимназическаго курса мѣстное начальство, съ утвержденія генералъ-губернатора, отправляло ежегодно по одному воспитаннику гимназіи изъ числа отличившихся способностями, успѣхами и поведеніемъ въ Казанскій университетъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ по избранному ими факультету. При томъ къ занятію этой стипендіи преимущество отдавалось воспитанникамъ, бывшимъ въ гимназіи на казенномъ же содержаніи. Воспитанники д. б. выслужить въ одной изъ Сибирскихъ губерній по какому либо вѣдомству 6 лѣтъ; если же они и въ гимназіи состояли на казенномъ иждивеніи, то 8 лѣтъ, каковое условіе отмѣчалось въ выдаваемыхъ имъ аттестатахъ (ст. 5). При отправленіи воспитанниковъ изъ гимназіи въ университетъ и при возвращеніи изъ него въ Сибирь производились имъ, указаннымъ выше порядкомъ, изъ суммъ государственнаго казначейства прогонныя деньги. Въ 1842 году прибавилось новое положеніе о преимуществахъ службы въ отдаленныхъ краяхъ имперіи (9 іюня). Постановленныя въ положеніи 1 іюля 1837 года правила облегченія гражданскимъ чиновникамъ, состоящимъ на службѣ въ Сибири, способовъ къ воспитанію и приличному обученію дѣтей ихъ, сохраняли по прежнему свою силу. Но для большаго еще усиленія означенныхъ способовъ была утверждена, сверхъ того, въ Казанскомъ университетѣ для Тобольской гимназіи еще казенная стипендія (§ 23). Относительно отправленія въ университетъ, а равно срока служенія въ Сибири этого стипендіата соблюдались опредѣленныя положеніемъ отъ 1 іюля 1837 г. правила. Стипендіи были каждая по 500 р. асс. или 142 руб. 8 коп. сер. Воспитанники были отправляемы въ университетъ съ казакомъ, при чемъ имъ отпускалось денегъ въ передній путь на три лошади и казаку въ обратный путь на одну лошадь.

Іюнь 1849 года былъ послѣднимъ мѣсяцемъ службы директора Качурина. По окончаніи экзаменовъ онъ получилъ трехмѣсячный отпускъ въ С.-Петербургъ, а 18 октября Высочайшимъ приказомъ былъ уволенъ отъ службы по прошенію съ мундиромъ, должности присвоеннымъ. Въ дѣлахъ архива не сохранилось ничего такого, что бы могло служить отвѣтомъ на вопросъ: почему же Качуринъ былъ уволенъ? Но очевидно, что онъ уволенъ по какимъ-то причинамъ, дѣйствительно препятствовавшимъ ему проходить дальше должность директора... Съ его увольненіемъ учителя вздохнули свободно и были

очень довольны, что, наконецъ, окончилась эта тяжелая для нихъ опека; но несомнѣнно, что гимназія въ отношеніи внѣшняго благоустройства и порядка потеряла лучшаго своего устроителя, такого, какого она прежде не имѣла. Историкъ не можетъ смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія современниковъ, потому что въ послѣдней всегда несомнѣнна примѣсь личныхъ интересовъ. Правда и мы не можемъ сказать, что Качуринъ былъ идеальный директоръ, но онъ имѣлъ много качествъ, свойственныхъ отличному администратору. Что онъ считалъ хорошимъ или дурнымъ, того добивался или преслѣдовалъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ и главное не уставая. Какъ часто люди только потому не доводятъ до конца своихъ благихъ начинаній, что имъ надоѣдаетъ борьба съ препятствіями, изъ-за которой они оставляютъ и самое начинаніе. Ничего этого мы не видимъ въ дѣятельности Качурина. Вся его 12 лѣтняя директорская служба говоритъ за то, что повтореніе одного и того же нисколько не ослабляло его энергіи. Грубо директоръ обращался съ учителями, слишкомъ ужъ поначальнически, но вопервыхъ мы видѣли, что учителя сами вызывали его на разныя грозныя предписанія, вовторыхъ онъ былъ одинаковъ со всѣми своими подчиненными: у него не было любимцевъ, и онъ одинаково не щадитъ ни Величковскаго, ни Помаскина, ни Ершова, а втретьихъ Качуринъ не стѣснялся говорить правду не однимъ только своимъ подчиненнымъ, но и лицамъ, отъ которыхъ самъ вполнѣ зависѣлъ. 6 мая 1843 года Качуринъ выслужилъ прибавку къ пенсіи. Какимъ-то образомъ вышло такъ, что министерство эту прибавку назначило ему не съ 6 мая 1843 г. (съ этого числа ему назначена была пенсія), а съ 8 іюня 1844 года, обсчитавъ такимъ образомъ Качурина на 13 мѣсяцевъ съ двумя днями. Вотъ что писалъ по этому поводу Качуринъ управляющему губерніей: „Я совершенно не могу признать себя виновнымъ въ лишеніи выслуженнаго времени, такъ какъ по управленію учебными заведеніями Тобольской губерніи я въ теченіе 8 лѣтъ всѣ служебныя обязанности исполнялъ въ точности и всегда старался содѣйствовать возможными мѣрами поддержанію и улучшенію ввѣренной мнѣ части. Ежели же за всѣмъ тѣмъ не могъ бы избѣгнуть какихъ недостатковъ, то я имѣю засвидѣтельствовать (въ черновой: готовъ доказать) фактами, что все это можетъ быть болѣе отъ мѣстныхъ обстоятельствъ или отъ причинъ совершенно отъ меня независящихъ, чѣмъ отъ какихъ либо даже малѣйшихъ со стороны моей службы упущеній, въ чемъ и полагаюсь на безпристрастное разсмотрѣніе начальственное“. Въ заключеніе Качуринъ проситъ управляющаго губерніею войти къ генералъ-губернатору со вторичнымъ представленіемъ по предмету назначенія ему прибавки. Губернаторъ такъ и сдѣлалъ, повторивъ въ своемъ представленіи всѣ тѣ доводы, которые выставилъ Качуринъ. Но его сіятельство „нашелъ неудобнымъ ходатайствовать о выдачѣ прибавки съ 6 мая 1843 года тѣмъ болѣе, что дѣйствительный тайный совѣтникъ Уваровъ имѣлъ уже въ виду представленную вѣдомость, гдѣ эта пенсія испрашивалась со дня выслуги 25 лѣтъ, т. е. съ 6 мая 1843 года“. Для другаго чиновника этотъ отвѣтъ былъ бы убѣдите-

ленъ, только не для Качурина, который видѣлъ тутъ явную несправедливость и потому молчать не могъ. Но такъ какъ къ генералъ-губернатору входить со вторымъ прошеніемъ объ одномъ и томъ же предметѣ было неудобно, то Качуринъ написалъ о томъ прямо въ департаментъ народнаго просвѣщенія и черезъ полгода получилъ прибавку, о которой хлопоталъ. Очевидно въ рѣзкости Качурина значительную роль играла его правдивость, которая всегда заставляла его называть вещи ихъ именами. Однимъ существеннымъ недостаткомъ страдалъ этотъ, во всякомъ случаѣ, выдающійся директоръ: не было въ немъ того, что живитъ дѣло, что заставляетъ подчиненныхъ легко выполнять даже трудныя работы, поручаемыя имъ начальствомъ. Добиться того, чтобы взятое на себя дѣло учители выполняли „по долгу службы и присяги" Качуринъ могъ, но чтобы учителя полюбили свои обязанности и вообще гимназію—этого Качуринъ не былъ въ состояніи сдѣлать, потому что онъ самъ не любилъ никого. Въ этомъ случаѣ, кажется, и на него, какъ на Величковскаго, оказывали вліяніе семейныя обстоятельства.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Тобольская гимназія въ періодъ съ 1849 по 1865 годъ.

Директоръ Чигиринцевъ.—Нѣкоторыя измѣненія въ уставѣ 1828 года. —Введеніе въ курсъ гимназіи татарскаго языка.—Учитель русскаго языка Игнатьевъ.—Учитель татарскаго языка свящ. Александръ Боголюбскій.—Мнѣніе совѣта о введеніи въ курсъ Тобольской гимназіи изученія естественныхъ наукъ.—Новое министерское распоряженіе о распредѣленіи уроковъ.—Курсъ татарскаго языка.—Взглядъ Чигиринцева на преподаваніе татарскаго языка. —Учебники.—Танцъ-классъ и классъ пѣнія.—Плата за правоученіе.—Отставка Руммеля и Казанскаго.—Окончившіе курсъ въ 1850 году.—1850—51 учебный годъ. Переносъ экзаменовъ съ августа на іюнь.—Переходъ Игнатьева на должность учителя латинскаго языка на мѣсто Рѣзанова.—Выходъ въ отставку Семашко.—Вторичное вступленіе въ должность надзирателя Католинскаго.—Окончившіе курсъ.—1852—53 учеб. годъ. Учитель математики Словцовъ, экономъ Воронковъ.—Окончившіе курсъ.—1853—54 учеб. годъ. Окончившіе курсъ.—1854—55 учеб. годъ. Переходъ Маршалова въ уѣздное училище.—Надзиратель Брейтфусъ.—Окончившіе курсъ.—1855—56 уч. годъ. Общая таблица съ обозначеніемъ количества учениковъ, распредѣленія ихъ по сословіямъ, переведенныхъ въ высшіе классы и пансіонеровъ.—Общій взглядъ на директорство Чигиринцева.

Порфирій Матвѣевичъ Чигиринцевъ былъ назначенъ директоромъ Тобольской гимназіи въ половинѣ $18^{49}/_{50}$ учебнаго года изъ совѣтниковъ пограничнаго управленія сибирскими киргизами. Въ 1829 году онъ окончилъ

курсъ въ Харьковскомъ университетѣ по нравственно-юридическому факультету съ званіемъ дѣйствительнаго студента. Первымъ мѣстомъ его службы была Екатеринославская контора иностранныхъ поселенцевъ, въ которую онъ поступилъ въ 1833 году (въ декабрѣ) и изъ которой ушелъ въ августѣ слѣдующаго же года, перейдя протоколистомъ въ Екатеринославское депутатское собраніе; здѣсь въ 1838 году былъ столоначальникомъ и сверхъ этой должности былъ избранъ отъ дворянства Екатеринославскаго уѣзда членомъ комитета о раздробительной продажѣ горячихъ напитковъ (1842 г. декабрь). Въ 1844 году онъ былъ письмоводителемъ канцеляріи Екатеринославскаго губернскаго предводителя дворянства и въ тоже время исправлялъ неоднократно „съ самою удовлетворительною отчетливостію“ должность секретаря дворянскаго депутатскаго собранія. Въ 1846 году 19 января Чигиринцевъ былъ опредѣленъ совѣтникомъ пограничнаго управленія сибирскими киргизами.

$18^{49}/_{50}$ учебный годъ начался при дѣйствіи новыхъ правилъ, бывшихъ результатомъ Высочайше утвержденнаго 21 марта 1849 года мнѣнія государственнаго совѣта объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей устава гимназій и училищъ уѣздныхъ и приходскихъ 8 декабря 1828 года. Эти измѣненія состояли въ слѣдующемъ (беремъ главныя):

1) курсъ гимназическаго ученія дѣлится на общее (первоначальное) и спеціальное обученіе;

2) спеціальное обученіе начинается съ IV класса;

3) до IV класса воспитанники учатся всѣ вмѣстѣ Закону Божію, русскому языку, математикѣ, географіи, исторіи всеобщей и русской, нѣмецкому и французскому языкамъ, чистописанію съ черченіемъ и рисованіемъ;

4) въ высшихъ четырехъ классахъ, назначенныхъ для спеціальнаго ученія, вводятся особые предметы, а нѣкоторые усиливаются сообразно требованію будущаго назначенія воспитанниковъ. Посему воспитанники въ этихъ классахъ обучаются вмѣстѣ: Закону Божію, физикѣ и математической географіи, исторіи всеобщей и русской, нѣмецкому и французскому языкамъ; кромѣ того имѣютъ общій курсъ русскаго и славянскаго языковъ и математики, за исключеніемъ особыхъ уроковъ для воспитанниковъ, желающихъ изъ гимназіи прямо поступить на службу. Для такихъ воспитанниковъ назначаются: а) по русскому языку сверхъ общаго курса два особенные урока въ IV классѣ для занятій практическихъ; b) по математикѣ—сверхъ общаго курса также два особенные урока въ IV классѣ для ариѳметическихъ задачъ въ примѣненіи къ практикѣ и с) преподаваніе законовѣдѣнія съ V класса. Для воспитанниковъ, приготовляющихся въ университеты, назначаются латинскій и греческій языкъ, оба съ IV класса, и послѣдній для тѣхъ, кои намѣрены избрать въ университетѣ 1-е отдѣленіе философскаго факультета.

Такимъ образомъ получалась слѣдующая таблица распредѣленія уроковъ (урокъ въ $1^1/_4$ часа) по классамъ:

УЧЕБНЫЕ ПРЕДМЕТЫ.	Классы общіе.			Классы специальные. Для готовящихся на службу.				Классы специальные. Для готовящихся въ университ.			
	I	II	III	IV	V	VI	VII	IV	V	VI	VII
1) Законъ Божій	2	2	2	2	1	1	1	2	1	1	1
2) Русскій и славян. языки	4	4	4	5	3	3	3	3	3	3	3
3) Математика	4	4	4	5	3	3	3	3	3	3	3
4) Физика и матем. геогр.	—	—	—	—	2	2	2	—	2	2	2
5) Исторія всеоб. и русск.	—	—	—	4	3	3	3	4	3	3	3
6) Географія	3	3	5	—	—	—	—	—	—	—	—
7) Нѣмецкій языкъ	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
8) Французскій языкъ . .	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
9) Чистописаніе	4	4	2	—	—	—	—	—	—	—	—
10) Черченіе и рисованіе .	1	1	1	1 для желающихъ				1 для желающихъ			
Специальные:											
11) Русское законовѣдѣніе .	—	—	—	—	4	4	4	—	—	—	—
12) Латинскій языкъ . . .	—	—	—	—	—	—	—	4	4	4	4
13) Греческій языкъ . . .	—	—	—	—	—	—	—	2	2	2	2
								для желающихъ			

Излишне обращать вниманіе читателя на то, въ какое положеніе были поставлены древніе языки этими новыми правилами, которыми греческій языкъ былъ вводимъ „для желающихъ“, а латинскій начинался съ IV класса.

Хотя правила 1849 года препровождены были въ Тобольскую гимназію еще въ директорство Качурина, но послѣдній въ это время былъ въ отпуску, а гимназіей за его отсутствіемъ правилъ инспекторъ Ершовъ, которому и выпала на долю пріятная, но въ тоже время и тяжелая обязанность обдумать правила и представить свои соображенія по начальству. 1-го іюля 1849 года пришли правила, а 13 іюля Ершовъ представилъ уже губернатору свои соображенія. Онъ писалъ слѣдующее. Вопервыхъ: по числу уроковъ, положенныхъ для законовѣдѣнія (12 урок. въ недѣлю), очевидно, что для преподаванія этого предмета назначается одинъ учитель. Но въ Тобольской гимназіи съ 1838 года находятся два штатные преподавателя юридическихъ наукъ: одинъ собственно для законовѣдѣнія, другой для судоустройства и судопроизводства. Вслѣдствіе этого и. д. директора просилъ губернатора объяснить, какъ быть съ двумя учителями законовѣдѣнія и нельзя ли одного изъ нихъ перевести на греческій языкъ. Вовторыхъ: преподаваніе грамматики и географіи въ Тобольской гимназіи возложено на одного учителя. Такимъ образомъ по новому распредѣленію уроковъ ему приходится 23 урока въ недѣлю, т. е. каждый день по 4 урока и при томъ въ низшихъ классахъ, гдѣ число учениковъ

составляетъ двѣ трети всѣхъ учащихся въ гимназіи, а по возрасту своему они требуютъ бо́льшаго вниманія со стороны учителя, и хотя, по 11 статьѣ новыхъ правилъ, тѣмъ преподавателямъ, у которыхъ число уроковъ значительно увеличено, позволено испрашивать прибавки къ штатному жалованью изъ суммъ, собираемыхъ за ученіе, однако подобное вознагражденіе въ Тобольской гимназіи не можетъ быть удовлетворяемо по малому числу учащихся. Въ виду такихъ обстоятельствъ и. д. директора ходатайствовалъ или о назначеніи двоихъ преподавателей по грамматикѣ и географіи, или о сравненіи учителя означенныхъ предметовъ въ жалованьѣ съ старшими учителями гимназіи по примѣру учителей новѣйшихъ языковъ въ Тобольской гимназіи. При этомъ Ершовъ указывалъ и на источникъ для „сравненія". Упраздненіе двухъ штатныхъ мѣстъ старшихъ учителей латинскаго языка и законовѣдѣнія дастъ возможность безъ новыхъ расходовъ для казны привести въ исполненіе которое либо изъ предположеній дирекціи. Втретьихъ: въ статьѣ правилъ подъ буквою а) сказано, что воспитанники, намѣревающіеся вступить прямо въ военную или гражданскую службу, вмѣсто древнихъ языковъ занимаются: желающіе опредѣлиться въ службу военную—математикою, а въ службу гражданскую—русскимъ законовѣдѣніемъ; въ 5-й же и 6-й статьѣ правилъ и въ таблицѣ уроковъ прибавочные классы по математикѣ назначаются вообще для воспитанниковъ, намѣревающихся выйти изъ гимназіи на службу безъ означенія—военную или гражданскую. Почему дирекціи нужно имѣть положительное свѣдѣніе о прибавочныхъ классахъ математики, относятся ли они только для желающихъ поступить въ военную службу (по смыслу статьи правилъ подъ буквою а) или касаются вообще воспитанниковъ, готовящихся на службу. Вчетвертыхъ: въ статьѣ правилъ подъ буквою б) постановлено, что тѣ изъ окончившихъ съ полнымъ успѣхомъ курсъ гимназіи воспитанниковъ, которые, имѣя право по происхожденію своему вступить въ государственную службу, пріобрѣтутъ при томъ особенныя и отличныя познанія въ русскомъ законовѣдѣніи, награждаются при выпускѣ изъ гимназіи чиномъ XIV клас. Дирекція имѣетъ необходимость знать, для сообщенія родителямъ учащихся, на сколько правами будутъ пользоваться ученики кончившіе успѣшно курсъ гимназіи и поступающіе въ военную службу, такъ какъ они не слушали законовѣдѣнія, дающаго право на классный чинъ. А также какія права могутъ имѣть тѣ ученики, которые готовились для университета (слѣдоват. тоже не слушали законовѣдѣнія) и съ полнымъ успѣхомъ кончили гимназическій курсъ, но по какимъ либо непредвидѣннымъ обстоятелиствамъ не могутъ ѣхать въ университетъ. Впятыхъ: въ уставѣ гимназіи 1828 года предположено введеніе въ сибирскихъ гимназіяхъ вмѣстѣ съ законовѣдѣніемъ и татарскаго языка, вмѣсто одного изъ новѣйшихъ, гдѣ это окажется нужнымъ. Дирекція находитъ нужнымъ высказать мнѣніе, что если преподаваніе татарскаго языка для желающихъ вступить въ гражданскую службу въ Сибири, по примѣру гимназій Кавказскаго учебнаго округа, будетъ признано нужнымъ, то это всего удобнѣе сдѣлать, замѣнивъ татарскимъ языкомъ одинъ изъ новѣйшихъ съ IV класса,

а уроки въ 3-хъ низшихъ классахъ по тому языку назначивъ для чистописанія. А такъ какъ скораго разрѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ ожидать было нельзя, то въ началѣ августа Ершовъ просилъ у губернатора разрѣшить сдѣлать въ гимназіи на начавшійся учебный годъ слѣдующія перемѣны: 1) судопроизводство и судоустройство соединить съ законовѣдѣніемъ въ рукахъ преподавателя Попова; 2) учителю судоустройства и судопроизводства Игнатьеву поручить преподаваніе латинскаго языка, 3) а на учителя латинскаго языка Рѣзанова возложить преподаваніе языка греческаго, такъ какъ онъ уже былъ преподавателемъ этого языка въ семинаріи. Губернаторъ утвердилъ это представленіе. Между тѣмъ соображенія дирекціи очереднымъ порядкомъ доведены были до свѣдѣнія Министра народнаго просвѣщенія, который отвѣты на вопросы далъ въ іюнѣ слѣдующаго 1850 года. По 1 пункту соображеній Ершова былъ данъ такой отвѣтъ: изъ назначенныхъ положеніемъ 1 іюля 1837 года двухъ учителей для преподаванія законовѣдѣнія впредь съ преобразованіемъ Тобольской гимназіи по новому положенію долженъ быть въ ней только одинъ преподаватель русскаго законовѣдѣнія, посему втораго учителя сего предмета надлежитъ оставить за штатомъ. 2-й пунктъ былъ рѣшенъ такимъ образомъ: по случаю умноженія числа уроковъ и для успѣшнѣйшаго преподаванія русскаго языка и географіи имѣть въ Тобольской гимназіи отдѣльно сверхштатнаго младшаго учителя географіи съ производствомъ ему жалованья по 343 руб. 10 коп. серебр. въ годъ изъ свободнаго оклада упраздняемаго мѣста втораго учителя латинскаго языка. На 3-й и 4-й пунктъ отвѣтъ былъ слѣдующій: на основаніи утвержденныхъ 6 мая 1849 года правилъ и таблицы, положенные для математики два прибавочные класса, сверхъ общаго по этой части курса, обязательнаго для всѣхъ вообще воспитанниковъ, слѣдуетъ относить собственно къ тѣмъ только воспитанникамъ, которые готовятся поступить въ военную службу, что же касается до того, какими правами должны пользоваться эти послѣдніе воспитанники по окончаніи полнаго курса, то кромѣ зачисленія ихъ по второму разряду по образованію другихъ преимуществъ не можетъ быть имъ предоставлено, подобно тѣмъ воспитанникамъ, кои готовясь въ университетъ, по какимъ либо обстоятельствамъ не могутъ въ него поступить. По 5-му пункту дано слѣдующее разъясненіе: въ Тобольской гимназіи, вмѣсто греческаго языка, ввести для желающихъ татарскій языкъ, преподаваніе коего приватно возложить на учителя этого языка въ тамошней семинаріи съ приличнымъ вознагражденіемъ по числу уроковъ въ сравненіи съ окладомъ младшаго учителя на счетъ жалованья втораго учителя законовѣдѣнія. На основаніи послѣдняго министерскаго отвѣта на запросъ дирекціи въ Тобольской гимназіи преподаваніе русскаго законовѣдѣнія во всемъ его объемѣ было оставлено за учителемъ того предмета Поповымъ, какъ это было уже въ продолженіи всего истекшаго учебнаго года. Старшій учитель судопроизводства и судоустройства Игнатьевъ оставленъ былъ за штатомъ. Но Игнатьевъ обязанъ былъ прослужить еще семь лѣтъ по министерству народнаго просвѣщенія и непремѣнно въ сибирскихъ учебныхъ заведеніяхъ, за

воспитаніе свое въ Тобольской гимназіи и Казанскомъ университетѣ на казенномъ иждивеніи. Поэтому директоръ Чигиринцевъ въ представленіи губернатору дѣлалъ предположеніе оставить Игнатьева преподавателемъ латинскаго языка въ Тобольской гимназіи, „не отнимая впрочемъ способности къ преподаванію этого языка у настоящаго учителя Рѣзанова". Учителемъ географіи былъ назначенъ кандидатъ Казанскаго университета *Павелъ Трифоновъ Матросовъ*. Касательно предположенія Чигиринцева о предоставленіи уроковъ латинскаго языка вмѣсто Рѣзанова Игнатьеву губернаторъ предложилъ директору опредѣленно высказаться относительно пригодности Рѣзанова. Чигиринцевъ отвѣтилъ, что предоставленное Рѣзанову право оставаться въ должности еще на 5 лѣтъ послѣ выслуги срока на пенсію можетъ служить лучшею рекомендаціею его службы. Такимъ образомъ Чигиринцевъ отказался отъ прежняго своего плана замѣнить Рѣзанова Игнатьевымъ и ходатайствовалъ о томъ, чтобы Игнатьевъ былъ назначенъ учителемъ русскаго языка съ сохраненіемъ правъ, § 231 устава учебныхъ заведеній предоставленныхъ старшимъ учителямъ, по примѣру тому, когда, какъ это видно изъ предложенія бывшаго Тобольскаго губернатора Повало-Швейковскаго отъ 3 сентября 1836 г., былъ опредѣленъ Лукинъ учителемъ русскаго языка въ Тобольскую гимназію съ правомъ старшаго учителя. Генералъ-губернаторъ согласился на это. А все таки бѣдному учителю пришлось немного поволноваться и поголодать, такъ какъ разрѣшеніе генералъ-губернатора пришло только 23 ноября, между тѣмъ какъ Игнатьеву была прекращена выдача жалованья съ сентября.

Устроивъ дѣло съ Игнатьевымъ, Чигиринцевъ сталъ розыскивать учителя татарскаго языка. Согласно съ министерскимъ указаніемъ 5 декабря 1850 г. онъ прежде всего писалъ о занятіи должности учителя татарскаго языка преподавателю того предмета въ духовной семинаріи Македону Ивановичу Емельянову (впослѣдствіи инспекторъ Тобольской гимназіи), но послѣдній отказался по множеству занятій по своимъ прямымъ обязанностямъ. Тогда преподавать татарскій языкъ въ гимназіи былъ приглашенъ священникъ Тобольской Михаило-Архангельской церкви *Александръ Боголюбскій*, который до принятія священства былъ учителемъ татарскаго языка въ Тобольской семинаріи. Испрашивая разрѣшеніе о допущеніи Боголюбскаго, директоръ прибавилъ, что изъ учениковъ изъявили желаніе учиться татарскому языку только *шесть* человѣкъ. Въ виду столь малаго количества желающихъ учиться татарскому языку Чигиринцевъ обязалъ изучать этотъ языкъ всѣхъ учениковъ, слушающихъ законовѣдѣніе, обязалъ, очевидно, въ силу того соображенія, что ученикамъ, готовящимъ себя для службы въ Тобольской губерніи, придется часто имѣть дѣло съ татарами. О. Боголюбскій былъ допущенъ и вступилъ въ должность учителя съ начала $18^{50}/_{51}$ учебнаго года.

Въ декабрѣ 1851 года въ дирекцію Тобольскихъ училищъ былъ препровожденъ списокъ съ предложенія и. д. генералъ-губернатора Западной Сибири по Высочайшему повелѣнію о введеніи преподаванія въ гимназіяхъ естественныхъ наукъ съ отнесеніемъ нужныхъ на то издержекъ на счетъ суммъ самого

заведенія, и тоже было затребовано по сему предмету соображеніе. Педагогическій совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ за директора инспектора Ершова, высказалъ слѣдующія соображенія. Такъ какъ въ Тобольской гимназіи уроки греческаго языка замѣнены татарскимъ, то необходимо для естественныхъ наукъ заимствовать нѣсколько лекцій отъ другихъ предметовъ, каковыми могутъ быть новѣйшіе языки—французскій и нѣмецкій, по которымъ въ каждомъ изъ семи классовъ по 3 урока, всего по 21 уроку въ недѣлю. Почему есть возможность занять у каждаго изъ означенныхъ языковъ по одной лекціи въ классѣ, начиная съ третьяго: 5 лекцій у французскаго языка и 5 лекцій у нѣмецкаго, что составитъ въ недѣлю 10 лекцій, на первый разъ достаточныхъ для преподаванія естественной исторіи. Это заимствованіе лекцій у новѣйшихъ языковъ послужитъ также облегченіемъ для учителей по этимъ предметамъ. Касательно назначенія жалованья преподавателю естественной исторіи изъ собственныхъ средствъ гимназіи совѣтъ указывалъ на упраздненныя каѳедры судопроизводства и латинскаго языка, вслѣдствіе чего остались свободными два полныхъ оклада старшихъ учителей на сумму 1050 руб. 62 коп. Изъ этой суммы, съ назначеніемъ младшаго учителя географіи отдѣльно отъ учителя грамматики, производилось ему 336 руб. 24 коп., сверхъ того, по введеніи татарскаго языка въ Тобольской гимназіи, выдавалось вольнонаемному преподавателю этого языка изъ той же суммы 228 руб. 57 коп., слѣдовательно чистаго остатку отъ означенныхъ двухъ окладовъ въ 1851 году было 485 руб. 81 коп. Этотъ остатокъ совѣтъ и предназначалъ преподавателю естественной исторіи, уравнявъ его съ окладомъ прочихъ старшихъ учителей изъ платы, производимой учителю татарскаго языка, которую поэтому и уменьшилъ на 39 руб. 50 коп., что не могло представить затрудненія, такъ какъ плата эта производилась не по штатному положенію, а по условному согласію между преподавателями и дирекціею.

Но не успѣло придти разрѣшеніе этого вопроса, какъ къ началу $18^{52}/_{53}$ учебнаго года произошли новыя перемѣны въ уставѣ 1828 года, въ силу которыхъ послѣдовало новое распредѣленіе уроковъ по предметамъ. По Закону Божію сравнительно съ росписаніемъ 1849 года прибавился одинъ урокъ въ VII классѣ и притомъ составлена была новая программа, одобренная свят. синодомъ. Этою программою возвышены были требованія отъ поступающихъ въ гимназію и кромѣ того введено было краткое ученіе о богослуженіи вообще и особенно о божественной литургіи—въ IV и V классахъ. По математикѣ программа распредѣлена была иначе, а именно: I классъ—ариѳметика до дробей, II классъ—дроби, отношенія и пропорціи до тройнаго правила, III—окончаніе ариѳметики, алгебра—до дѣйствій надъ алгебрическими многочленами, геометрія до пропорціональныхъ линій; IV—алгебра до выводовъ общихъ формулъ для рѣшенія уравненій 1-й степени съ двумя неизвѣстными, геометрія—до измѣренія площадей прямолинейныхъ фигуръ; V клас.—алгебра до логориѳмовъ и окончаніе геометріи; VI клас.—окончаніе алгебры и приложеніе алгебры къ рѣшенію геометрическихъ задачъ; тригонометрія; VII клас.—повто-

реніе. По географіи уроки были распредѣлены такъ: по 2 урока въ I, II, III, IV и V классахъ и 1 урокъ въ VII классѣ для повторенія всего курса географіи; по исторіи по два урока въ III, IV и V классѣ, въ VI—4 урока, въ VII—3 урока. По нѣмецкому языку въ VII клас. былъ убавленъ 1 урокъ. По чистописанію убавлено по одному уроку во II и III классахъ. Остальные предметы остались безъ измѣненія. Съ дирекціи снова потребовали соображеній и опять таки относительно введенія въ Тобольской гимназіи естественныхъ наукъ. Чигиринцевъ, повторивъ вышеприведенныя соображенія совѣта, между прочимъ упомянулъ, что преподаваніе въ гимназіи татарскаго языка „не представляетъ особой необходимости въ здѣшнемъ краѣ“, и почти высказался за то, чтобы въ виду введенія въ гимназіи изученія естественныхъ наукъ татарскій языкъ совершенно оставить. Генералъ-губернаторъ однако же рѣшительно высказалъ свое несогласіе на прекращеніе въ Тобольской гимназіи татарскаго языка. Было предписано изыскать средства ввести преподаваніе естественныхъ наукъ, не вытѣсняя татарскаго языка, а такъ какъ Ч—въ доказывалъ, что это сдѣлать можно только на счетъ убавки уроковъ по другимъ предметамъ (словесности, математики и новымъ языкамъ), то генералъ-губернаторъ вовсе оставилъ мысль ввести въ Тобольской гимназіи изученіе естественныхъ наукъ. Замѣна татарскаго языка естественными науками произошла въ тобольской гимназіи уже въ началѣ 18⁶¹/₆₂ учебн. года незадолго до изгнанія естественныхъ наукъ изъ гимназій. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ Тобольская гимназія между другими гимназіями заняла особое мѣсто —мѣсто гимназіи безъ греческаго языка и безъ естественныхъ наукъ, но съ законовѣдѣніемъ и татарскимъ языкомъ.

Въ дѣлахъ архива сохранилось обозрѣніе пройденнаго учениками Тобольской гимназіи по классу татарскаго языка въ 18⁵³/₅₄ учебн. году. Пройдено изъ грамматики: опредѣленіе и раздѣленіе оной; понятіе о правописаніи; число и раздѣленіе буквъ; число знаковъ и ихъ значеніе; словопроизведеніе; число частей рѣчи и раздѣленіе ихъ; татарскій счетъ съ русскимъ значеніемъ; число склоненій для именъ татарскихъ и турецкихъ; образцы склоненій; имена первообразныя и производныя; уравненіе (т. е. степени сравненія) именъ прилагательныхъ; раздѣленіе и склоненіе мѣстоименій; склоненіе именъ существительныхъ съ мѣстоименіями притяжательными—сокращенными; раздѣленіе глаголовъ, способъ ихъ составленія; принадлежности глаголовъ; раздѣленіе глаголовъ по спряженію; измѣненіе глаголовъ: вспомогательнаго, дѣйствительнаго и страдательнаго въ формахъ утвердительной и отрицательной; спряженіе глагола существительнаго, отрицательнаго; спряженіе глаголовъ безличныхъ утвердительнаго и отрицательнаго; нарѣчіе времени и мѣста; о предлогахъ и союзахъ: словосочиненіе; о порядкѣ словъ, о согласованіи ихъ; о произведеніи именъ существительныхъ отъ глаголовъ и ихъ управленій; о сочиненіи мѣстоименій, глаголовъ, причастій, нарѣчій, предлоговъ, союзовъ и междометій. Ученики VII класса переводили съ татарскаго на русскій исторію о Чингизъ-Ханѣ. Ученики прочихъ классовъ, кромѣ изученія грамматики, занимались

чтеніемъ татарскихъ разговоровъ, помѣщенныхъ въ концѣ грамматики. Изъ примѣчанія мы узнаемъ, что ученики VI и VII классовъ прошли всю грамматику; ученики V класса до словосочиненія; ученики IV класса до спряженія глаголовъ страдательныхъ. Чигиринцевъ считалъ безполезнымъ преподаваніе татарскаго языка въ Тобольской гимназіи на основаніи слѣдующихъ соображеній. 1-го іюня 1853 года онъ писалъ, что результатъ двухгодичнаго преподаванія татарскаго языка оказался весьма слабымъ какъ потому, что 8 уроковъ въ недѣлю для четырехъ классовъ весьма недостаточно, такъ и по неохотному изученію учениками языка, который впослѣдствіи не принесетъ имъ никакой пользы. Къ тому же книжный татарскій языкъ во многомъ различествуетъ съ разговорнымъ языкомъ здѣшнихъ татаръ, а учебныя руководства по дороговизнѣ для весьма недостаточныхъ воспитанниковъ гимназіи недоступны. Другимъ доказательствомъ Чигиринцевъ считаетъ то, что ни одно изъ тобольскихъ присутственныхъ мѣстъ не нуждается въ переводчикахъ, каковаго не имѣется даже и въ губернскомъ правленіи. „Проѣзжая же татарскія деревни, пишетъ Чигиринцевъ, я имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что большая часть татаръ владѣетъ хорошо русскимъ языкомъ".

Въ гимназіи въ описываемое время употреблялись слѣдующіе учебники: по законовѣдѣнію учебникъ Г. Рождественскаго (учитель Михаилъ Поповъ); по исторіи—Устрялова и Смарагдова (Михаилъ Доброхотовъ); по Закону Божію (законоучитель Левъ Иваницкій) краткая священная исторія ветхаго завѣта Зонтагъ и Гибнера, катихизисъ митрополита Филарета (а дополненіе православное исповѣданіе Петра Могилы), изъясненіе литургіи по Мансветову, чтеніе церковной исторіи по руководству Филарета, Иннокентія, Муравьева и Полякова, изъясненіе христіанскихъ обязанностей по руководству Кочетова, а дополненіемъ м. б. сочиненіе Дебольскаго; славянская грамматика (учитель Александръ Плотниковъ) въ IV классѣ по руководству Пеннинскаго; въ VI классѣ теорія краснорѣчія по руководству Давыдова; въ VII теорія поэзіи по Давыдову; по математикѣ (учитель Стукальскій) ариѳметика Буссе, алгебра Беллявина, Больмана и Бурдона; геометрія Буссе; тригонометрія Кушакевича и Киндерева (руководство для военныхъ заведеній), математическая географія по Ободовскому, физика—по Ленцу; по нѣмецкому языку (Бостремъ) христоматія Массона, Зейденштюккера и грамматика Оельснера; по французскому языку (Волковъ) христоматія Сен—Жюльенъ, Трико, карманный словарь Шмидта, грамматика Ноеля и Шапсаля; по латинскому языку (Рѣзановъ) христоматія Беллюстина, грамматика его же. Курсъ латинскаго языка былъ распредѣленъ слѣдующимъ образомъ: въ IV классѣ этимологія до неправильныхъ глаголовъ; переводъ съ латинскаго изъ 1-й части христоматіи Беллюстина; съ русскаго же 1-й отд. изъ христоматіи; въ V классѣ окончаніе этимологіи; съ латинскаго—переводъ Тита Ливія и Юлія Цесаря (изъ 2-й части христоматіи Беллюстина), съ русскаго же 2-е отдѣл. изъ христоматіи; въ VI классѣ словосочиненіе до наклоненій, съ латинскаго переводъ Тацита (изъ 2-й части христоматіи), письма Цицерона, а съ русскаго 3-е отд. изъ христоматіи;

въ VII классѣ окончаніе словосочиненія, переводъ съ латинскаго рѣчи Цицерона, заучиваніе стиховъ изъ Горація, Катулла, Тибулла и Проперція, а съ русскаго 4-й отдѣл. изъ христоматіи Беллюстина; (программа по латинскому на 185⁰/₁ учеб. годъ). По географіи (учитель Матросовъ) учебники не обозначены; по русскому языку—тоже (учитель Игнатьевъ).

Продолжались безпрерывно за это время и танц-классы, при чемъ воспитанники танцовали скорѣе часто, чѣмъ рѣдко. Здѣсь будутъ не безынтересны нѣкоторыя цыфровыя данныя. Беремъ 1852 г. Въ январѣ танцовальныхъ классовъ было 10, въ февралѣ 9, въ мартѣ 8, въ апрѣлѣ 6, въ маѣ 7, въ іюнѣ 1, въ сентябрѣ 9, въ октябрѣ 18, въ ноябрѣ 11, въ декабрѣ 7. Также часто были и пѣвческіе классы (церковно-нотнаго пѣнія): въ январѣ 17, въ февралѣ 12, въ мартѣ 2, въ апрѣлѣ 9, въ маѣ 17, въ іюнѣ 8, въ сентябрѣ 10, въ октябрѣ 6, въ ноябрѣ 9, въ декабрѣ 16. Такія же большія цифры танцовальныхъ и пѣвческихъ уроковъ мы видимъ и въ отчетахъ за 1853 годъ. За другіе годы мы подобныхъ отчетовъ не встрѣтили въ архивѣ, но это не даетъ намъ права думать, что пѣли и танцовали воспитанники только въ два указанные года. Деньги на устройство хора (на наемъ регента, покупку нотъ и пр.) были употребляемы изъ остатковъ отъ суммы, назначаемой на содержаніе казенныхъ воспитанниковъ. Но этотъ источникъ не всегда былъ достаточенъ на пріобрѣтеніе нужныхъ вещей и наемъ лицъ, особенно для пріобрѣтенія хорошаго регента и баса. Въ виду этого высшее начальство разрѣшило въ январѣ 1852 года употребить на классъ пѣнія до 150 р. сер. изъ экономической суммы, по примѣру танц-классовъ.

Окончивъ вопросъ объ устройствѣ учебной части, мы разскажемъ теперь о всѣхъ событіяхъ какія произошли въ Тобольской гимназіи за время директорства Ч—ва вплоть до конца $18^{55}/_{56}$ уч. года.

Въ $18^{49}/_{50}$ году предписано было, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 31 день декабря 1848 года, взимать плату за право ученія. Для Тобольской гимназіи таковая опредѣлена была въ 5 рублей. Сроки для взноса платы были назначены слѣдующіе: 1-е января и 1-е іюля, такъ чтобы платежъ всегда производился пополугодно впередъ, при чемъ для взноса денегъ ученикамъ была дана двухмѣсячная льгота. Тѣ же воспитанники, кои втеченіе этого времени не внесутъ платы, исключаются изъ заведенія. Отъ платы были освобождены: 1) дѣти преподавателей и чиновниковъ заведенія, 2) воспитываемые на счетъ благотворительскихъ обществъ и 3) сироты и дѣти совершенно недостаточныхъ родителей. Въ іюнѣ 1849 года это распоряженіе разослано было для прочтенія и подписи о согласіи родителямъ учениковъ. Нѣкоторые подписи любопытны: Отставной на пенсію коллежскій совѣтникъ Григорій Ильинъ пишетъ, что онъ „желаетъ взносить опредѣленную сумму, если до нашихъ дѣтей сіе Высочайшее повелѣніе простирается, кои уже до сего приняты“. Тоже самое повторилъ и отставной на пенсію чиновникъ 8 класса Иванъ Михайловъ. Эти лица, очевидно, ошибались, потому что въ противномъ случаѣ въ повелѣніи было бы упомянуто

къ кому примѣнять настоящее распоряженіе. Уволенъ въ отставку по прошенію директоръ Качуринъ. Вышли изъ гимназіи: Руммель и Казанскій. Окончили курсъ четверо. Въ университетъ никто не былъ отправленъ.

$18^{50}/_{51}$ уч. годъ. 20 октября 1850 года педагогическій совѣтъ постановилъ ходатайствовать о назначеніи времени годичныхъ испытаній учениковъ всѣхъ классовъ Тобольской гимназіи передъ вакаціей. Причины были приведены слѣдующія: а) при существующемъ порядкѣ испытаній много времени теряется даромъ, потому что въ іюнѣ, когда происходятъ экзамены воспитанникамъ, оканчивающимъ гимназическій курсъ, въ присутствіи членовъ педагогическаго совѣта, классы старшихъ учителей гимназіи остаются безъ надлежащихъ занятій, и ученики гимназіи первыхъ шести классовъ, не имѣя въ виду близкихъ экзаменовъ, какъ главной цѣли ихъ годичныхъ занятій, не столько употребляютъ это время на повтореніе, сколько на дѣтскія мечты о приближеніи вакаціи; да и по окончаніи выпускныхъ экзаменовъ, что бываетъ уже около половины іюня, бывъ разъ остановлены въ надлежащихъ занятіяхъ, не легко могутъ быть приведены въ прежній порядокъ. Въ августѣ, когда назначаются переводные и пріемные экзамены, не одновременный сборъ воспитанниковъ по причинѣ различной отдаленности, для многихъ очень значительной (до 1200 верстъ), отъ Тобольска, не позволяетъ начать переводные экзамены ранѣе 9 или 10 числа августа, которые продолжаются около 10 дней, и затѣмъ остальное время проходитъ въ пріемныхъ испытаніяхъ и въ приготовленіяхъ къ торжественному акту; такимъ образомъ ученики первыхъ шести классовъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ: іюня и августа бываютъ заняты надлежащимъ образомъ не болѣе недѣли. Съ назначеніемъ же годичныхъ испытаній ученикамъ гимназіи передъ вакаціей оба вышеупомянутые мѣсяцы пройдутъ въ непрерывныхъ учебныхъ занятіяхъ на томъ основаніи, что когда съ 1 іюня по 10 будутъ происходить испытанія учениковъ, оканчивающихъ курсъ, то ученики прочихъ классовъ по причинѣ близкой раздѣлки въ ихъ занятіяхъ, по необходимости воспользуются этимъ временемъ, для рачительнаго повторенія ими пройденнаго; съ 10 же до конца іюня достаточно будетъ времени для переводныхъ экзаменовъ въ первыхъ шести классахъ и для приготовленія къ торжественному акту, который долженъ быть не позже 1 іюля, затѣмъ съ 1 августа начнется ученіе и вмѣстѣ откроются пріемные экзамены; д) при существующемъ порядкѣ испытаній трудно повѣрить годичныя занятія учителей гимназіи, потому что воспитанники, оставаясь во время вакаціи безъ надлежащаго надзора, не стараются употребить это время на повтореніе пройденнаго и являются въ августѣ на экзамены съ большою потерею того, что прежде знали. Постановленіе совѣта было доведено до свѣдѣнія Министра народнаго просвѣщенія, который отъ 24 января 1851 г. согласился на производство годичныхъ испытаній въ Тобольской гимназіи предъ наступленіемъ лѣтней вакаціи въ *видѣ опыта на три года.* Черезъ три года директоръ доносилъ, что мѣра оказалась весьма полезною какъ для преподавателей, такъ и для учащихся. Въ мартѣ 1856

года министръ оставилъ свое распоряженіе и на будущее время *впредь до усмотрѣнія*.

Учитель судопроизводства Игнатьевъ назначенъ учителемъ русскаго языка, кандидатъ Казанскаго университета по юридическому факультету Павелъ Трифоновъ Матросовъ—учителемъ географіи. Окончили курсъ 14: Асламовъ Иванъ, Вершининъ Михаилъ, Левантуевъ Михаилъ (съ аттестатомъ и правомъ на чинъ 14 класса), Доронинъ Евгеній, Сильверстовъ Василій (съ аттестатомъ), Дорофеевъ (съ аттестатомъ и съ серебряною медалью), Томашевскій Николай (съ аттестатомъ и правомъ на чинъ), Пономаревъ Константинъ (съ аттестатомъ); своекоштные воспитанники: Кремлевъ Николай и Кремлевъ Павелъ—1-й съ золотой медалью, 2-й съ серебряной, Боровскій Ѳома, Завьяловъ Викторъ, Себякинъ Константинъ, Текутьевъ.—Въ университетъ на казенный счетъ отправленъ Ал. Дорофеевъ.

Въ $18^{51}/_{52}$ учебномъ году назначенъ учителемъ русскаго языка и надзирателемъ при казенныхъ воспитанникахъ Павелъ Александровичъ Бѣлорусцевъ, окончившій курсъ въ Казанскомъ университетѣ по юридическому факультету съ званіемъ дѣйствительнаго студента, на мѣсто Игнатьева, который съ 4 декабря переведенъ на должность учителя латинскаго языка, вмѣсто Рѣзанова, вышедшаго въ отставку. Надзиратель при казенныхъ воспитанникахъ Семашко по прошенію уволенъ отъ должности, а на его мѣсто назначенъ учитель нѣмецкаго языка Бостремъ, сверхъ настоящей должности. Отставной надзиратель Католинскій вновь вступилъ въ должность надзирателя.

Окончили: Боровскій Павелъ, Домашевъ Викторъ, Енбаевъ Илья, Иваницкій Александръ, Коминъ Алексѣй (съ серебряною медалью), Петелинъ Павелъ, Орловъ Александръ (съ серебряной медалью), Слащевъ Яковъ и Яковлевъ Николай—безъ права на чинъ; съ правами: Булаковъ Павелъ, Зданевичъ Александръ (съ золотой медалью), Михайловъ Ѳедоръ, Баршъ Захаръ и Пѣшехоновъ Василій. Въ университетъ отправлены Слащевъ, Орловъ и Домашевъ.

Въ $18^{52}/_{53}$ уч. году назначенъ старшимъ учителемъ математики кандидатъ Казанскаго университета по математическому факультету Андрей Степановъ Словцовъ на мѣсто Руммеля, уволеннаго отъ должности въ 1850 году. Въ этотъ промежутокъ должность учителя математики исправлялъ сначала учитель духовной семинаріи Слаута, а потомъ кандидатъ Казанскаго университета Ѳедоръ Чернавинъ. Съ 21 февраля 1853 г. опредѣленъ экономъ коллежскій секретарь Афанасій Ѳедоровъ Воронковъ. Окончили: Захаровъ Викторъ, Измайловъ Николай, Крыловскій Николай, Лузгинъ Викторъ, Лещевъ Николай, Семеновъ Николай, Степановъ Николай, Эшъ Викторъ, Анненковъ Иванъ и Лыткинъ Алексѣй (послѣдніе двое съ правомъ на чинъ).

Въ $18^{53}/_{44}$ уч. году окончили: съ правомъ на чинъ Андреевъ Николай, безъ правъ: Кузьминъ Василій (съ золотой медалью), Сысоевъ Порфирій (съ серебряною), Афанасьевъ Феофилъ, Дивногорскій Иванъ, Дьяковъ Илья, Кремлевъ Александръ (съ серебряною), Орловъ Петръ, Петровъ Аркадій, Скорня-

ковъ Александръ, Степовой Ѳедоръ. Въ университетъ отправленъ Кузьминъ.

Въ $18^{54}/_{55}$ уч. году надзиратель за вольноприходящими учениками Маршаловъ переведенъ учителемъ въ уѣздное училище, а на его мѣсто опредѣленъ надзирателемъ при пансіонѣ Бѣлорусцевъ. На мѣсто послѣдняго опредѣленъ уволенный изъ Курганскаго мѣщанскаго общества Богданъ Брейтфусъ. Учитель математики Словцовъ скончался. Окончили 18: Черемшанскій Александръ (съ золотою медалью), Лобковскій Михаилъ (съ серебряною), Рѣшетниковъ Александръ (съ серебряною), Андреевъ Матвѣй, Галенецкій Николай, Барцовъ Михаилъ, Котовскій Николай, Поповъ Владиміръ, Рожковъ Лаврентій, Смирновъ Василій, Федяй Константинъ, Чигиринцевъ Порфирій, Шешуковъ Адріанъ; съ правомъ на чинъ: Буторинъ Михаилъ; со свидѣтельствомъ: Бекманъ Андрей, Бобылевъ Николай, Дмитріевъ Александръ, Рѣзановъ Алексѣй. Въ университетъ былъ отправленъ Лобковскій.

Въ $18^{55}/_{56}$ учеб. году окончило курсъ 14 учениковъ. Въ университетъ отправленъ Копиченко Николай.

Слѣдующая таблица даетъ намъ хотя не полныя свѣдѣнія о количествѣ учениковъ по годамъ за описываемое время, о распредѣленіи ихъ по сословіямъ, о количествѣ переведенныхъ въ высшіе классы и о количествѣ пансіонеровъ.

Учебные годы.	Общее количество ученик. къ 1 января.	Дворянъ и чиновниковъ.	Городскаго сословія.	Сельскаго.	Духовнаго.	Почтовыхъ.	Количество перевенныхъ въ высшіе классы.							Количество пансіонеровъ.
							Во II	Въ III	Въ IV	Въ V	Въ VI	Въ VII	Окончили.	
$18^{49}/_{50}$	114	95	14	1	—	4	—	—	—	—	—	—	4	41
$18^{50}/_{51}$	132	112	15	1	—	4	11	25	23	15	11	15	14	45
$18^{51}/_{52}$	134	113	15	1	—	5	8	20	23	23	13	10	14	53
$18^{52}/_{53}$	131	111	15	1	—	4	14	13	21	20	20	10	10	47
$18^{53}/_{54}$	135	102	21	6	—	6	10	12	15	19	16	18	11	—
$18^{54}/_{55}$	154	115	21	9	—	9	15	23	24	19	17	12	14	—
$18^{55}/_{56}$	136	107	19	10	—	—	11	19	28	18	10	14	14	43

Хотя за описываемое нами время въ архивѣ Тобольской гимназіи сохранилось мало матеріала для характеристики дѣйствующихъ лицъ и состоянии учебной и воспитательной части, тѣмъ не менѣе мы попытаемся хотя нѣ-

сколько освѣтить эту сторону дѣла. Тонъ учебному заведенію даетъ начальникъ заведенія. Послужной списокъ Чигиринцева до извѣстной степени намъ даетъ право заключить, что Чигиринцевъ мало пригоденъ былъ для настоящей должности. Директоромъ онъ былъ назначенъ уже въ довольно пожилыхъ годахъ, послѣ того какъ значительно втянулся въ свою должность управленія киргизами, да и на этой должности онъ не всегда стоялъ на высотѣ своего положенія. Правда въ его послужномъ спискѣ неоднократно встрѣчается благодарность начальства за отлично усердную службу, но наряду съ этимъ мы встрѣчаемся вотъ съ какого рода фактомъ: пограничное управленіе представило въ 1848 году къ знаку безпорочной службы за 15 лѣтъ засѣдателя Кишъ-Мурунскаго приказа коллежскаго ассесора Завацкаго, который по положенію совѣта общаго пограничнаго управленія въ 1850 году преданъ былъ суду за противозаконныя дѣйствія по дѣлу о продажѣ татариномъ Вагановымъ питій въ Кишъ-Мурунскомъ укрѣпленіи. Дѣло это было возбуждено еще въ 1845 г., и тогда уже были констатированы злоупотребленія со стороны Завацкаго. Между тѣмъ пограничное управленіе (начальникъ пограничный генералъ Вишневскій, предсѣдатель пограничнаго управленія полковникъ Спиридоновъ, совѣтники: К—скій (фамилію его не могъ разобрать), Смирновъ и Чигиринцевъ и Секретарь Яценко засвидѣтельствовали, что онъ, фонъ-Завацкій, подъ судомъ и слѣдствіемъ не состоитъ. За это неправильное представленіе Завацкаго Чигиринцевъ, какъ болѣе виновный вмѣстѣ съ секретаремъ Яценко, получилъ отъ совѣта Главнаго управленія строгій выговоръ. Мы не имѣемъ права предполагать, что тутъ со стороны пограничнаго управленія киргизами было какое нибудь злоупотребленіе и готовы признать, что былъ простой недосмотръ, но этотъ недосмотръ за Чигиринцевымъ не единственный. Въ 1847 году онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Омскаго отдѣльнаго рекрутскаго присутствія и за неправильный пріемъ въ рекруты крестьянъ Ишимскаго округа Василія Меньщикова и Якова Валькова, оказавшихся къ военной службѣ не способными по тѣлеснымъ недостаткамъ, оштрафованъ былъ тремя стами рубл. сер. И потомъ, въ бытность Чигиринцева директоромъ училищъ, оказались за нимъ недосмотры, такъ что не много не хватаетъ до того, чтобы сказать, что вся его служба есть сплошной недосмотръ. Вотъ образцы его недосмотровъ. Вопервыхъ, заботясь о судьбѣ оставшагося заштатомъ учителя Игнатьева, онъ представилъ его на мѣсто учителя, о которомъ отзывался съ отличной стороны. Вовторыхъ: 5-го октября 1850 года онъ ходатайствовалъ о временномъ замѣщеніи въ Тобольской гимназіи уроковъ математики, за выбытіемъ Руммеля, учителемъ семинаріи Слаутою, а 2 ноября на то же мѣсто просилъ назначить учителя уѣзднаго училища Путьковскаго, забывъ, что сдѣлалъ уже представленіе о Слаутѣ. Генералъ-губернаторъ предписалъ Тобольскому губернатору поставить дирекціи училищъ на видъ, что, сдѣлавъ первоначальное представленіе о порученіи уроковъ математики Слаутѣ, она не должна была входить по тому же предмету съ новымъ представленіемъ, не выждавъ разрѣшенія на первое, или по

крайней мѣрѣ не объяснивъ причинъ, побуждавшихъ ее къ возобновленію или измѣненію прежняго своего ходатайства. Просматривая протоколы педагогическаго совѣта, мы видимъ, что Чигиринцевъ ихъ не подписывалъ по цѣлымъ годамъ, ежегодные отчеты составлялись кратко съ значительными пропусками. При Качуринѣ ежемѣсячные отчеты о состояніи пансіона и гимназіи представлялъ инспекторъ директору; Чигиринцевъ нашелъ для себя обременительнымъ читать ежемѣсячно такіе отчеты и предписалъ, чтобы эти ежемѣсячные отчеты были подаваемы надзирателями инспектору. Отчеты надзирателей намъ даютъ возможность опредѣлить съ точностію, какъ часто Чигиринцевъ посѣщалъ классы и пансіонъ. Для образца беремъ 1852-й годъ: въ январѣ директоръ посѣщалъ классы и пансіонъ по одному разу; въ февралѣ классы 2 раза, пансіонъ 4; въ мартѣ классы разъ, пансіонъ 3 раза; въ апрѣлѣ классы 1 разъ, пансіонъ 3 раза; въ іюнѣ пансіонъ 4 раза; въ августѣ пансіонъ 2 раза; въ сентябрѣ классы и пансіонъ по одному разу; въ октябрѣ пансіонъ 4 раза, классы 3; въ ноябрѣ классы 4 раза, пансіонъ 2 раза; въ декабрѣ классы 3 раза. Итого директоръ въ гимназіи въ продолженіе года былъ 17 разъ, а въ пансіонѣ 27. Очевидно Чигиринцевъ очень мало считалъ себя директоромъ гимназіи, а больше директоромъ училищъ. Изъ города онъ уѣзжалъ въ округъ очень часто и не рѣдко заѣзжалъ въ Омскъ, гдѣ, по отзыву современниковъ, принималъ участіе въ театральномъ и драматическомъ кружкахъ. Въ архивѣ есть дѣла, свидѣтельствующія о томъ, что Чигиринцевъ принималъ участіе и въ гимназіи, но это участіе свидѣтельствуетъ по меньшей мѣрѣ о его невнимательности къ потребностямъ гимназіи, если не сказать—о неспособности понять ея нужды. Большею же частію гимназія жила безъ вмѣшательства ея директора и пользовалась значительной свободой. Вотъ статистика небытія учителей въ классахъ и ихъ опаздываній. Въ январѣ 1852 г. пропущено учителями 40 лекцій и было 10 опаздываній; въ февралѣ 49 лекцій и 3 опаздыванія; въ мартѣ 26 лекцій, опаздываній 6; въ апрѣлѣ 43 лекціи, опаздываній 25; въ маѣ 54 лекціи, опаздываній 8; въ августѣ 27 лекцій, опаздываній 1; въ сентябрѣ 84 лекціи (46 лекцій ариѳметики за отсутствіемъ учителя), опаздывали 11; въ октябрѣ 84 ур. (47 ур. ариѳметики), опаздываній 13; въ ноябрѣ 96 (46 ариѳметики), опаздываній 26; въ декабрѣ 37 лекцій, опаздываній 25. Такія же большія цифры встрѣчаемъ мы и въ слѣдующемъ году. Чрезвычайно на нашъ взглядъ характерно это систематическое опаздываніе, особенно въ видѣ такой цифры какъ 26. Въ мартѣ 1853 г. опаздываній значится 42. Это несомнѣнно свидѣтельствуетъ о значительной распущенности гимназіи. Съ опаздываніемъ и нехожденіемъ на уроки учителей мы имѣли дѣло и въ предыдущихъ главахъ нашего труда, въ директорство Качурина, но тамъ мы видѣли, что Качуринъ всѣ мѣры предпринималъ къ устраненію этихъ неудобствъ, но мы вовсе не видимъ, чтобы Чигиринцева безпокоили эти вещи. Пропускали уроки безъ уважительныхъ причинъ и своекоштные ученики гимназіи, между которыми много было неразъ изобличаемыхъ въ дурномъ поведеніи. Но Чигиринцевъ и

тутъ ни разу не прибѣгалъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ, а употреблялъ именно тѣ мѣры, которые при иныхъ условіяхъ обнаруживаютъ въ человѣкѣ доброту, уваженіе къ религіи и под., а при другихъ—лѣность и даже неспособность понять истинныя нужды заведенія. Отъ 4 апрѣля 1851 года сохранилось предписаніе директора инспектору слѣдующаго содержанія: „Воспитанниковъ ввѣренной мнѣ гимназіи, изобличенныхъ въ неприличныхъ поступкахъ: Николая А—ва, Петръ С—ва, Василія Б—на, Ферапонта Ш—на Александра А—кова, Петра Б—ва, а также воспитанниковъ II класса Николая А—ва и Ѳедора и Павла Е—выхъ, уклоняющихся отъ классовъ, хотя бы слѣдовало подвергнуть строгому взысканію, но въ уваженіе настоящихъ святыхъ дней я полагаю достаточнымъ выдержать ихъ подъ арестомъ въ теченіе этихъ трехъ дней". Вѣроятно, инспекторъ никакъ не ожидалъ, чтобы къ ученикамъ, творившимъ безобразія и уклонявшихся отъ посѣщенія уроковъ въ продолженіе года, возможно было примѣнить церковный стихъ: „простимъ вся воскресеніемъ". Относительно поведенія пансіонеровъ въ нашемъ распоряженіи имѣется больше матеріаловъ благодаря существовавшимъ въ 1852 и 1853 году „частнымъ вѣдомостямъ" пансіонскихъ надзирателей. Эти вѣдомости имѣли слѣдующія графы: для числа дня, для количества пансіонеровъ, аттестаціи по предметамъ (исправные и неисправные); графу для отличныхъ по поведенію, для проступковъ, для мѣръ взысканія, графу особыхъ наклонностей, особыхъ предметовъ занятій и наконецъ разныхъ замѣчаній. Просматривая эти графы, мы то и дѣло встрѣчаемся съ отмѣтками, что ученики дурно себя держатъ во время занятій: смѣялись, разговаривали и под., что младшіе грубо обращаются со старшими, равно какъ и старшіе дурно обращаются съ младшими, что ученики выбѣгаютъ изъ пансіона безъ позволенія во время занятій и даже отлучаются съ лекцій, „запираются", курятъ табакъ на кухнѣ, обманываютъ другъ друга, особенно старшіе вновь поступившихъ въ пансіонъ, обманываютъ надзирателей, пишутъ дурныя слова, пачкаютъ казенныя вещи, неблагопристойно поютъ, оказываютъ дерзость и упрямство и даже нахальство (запись надзирателя Бострема), болтаютъ въ спальнѣ, смѣются въ церкви, кляузничаютъ другъ противъ друга, неряшливы, не послушны, нѣкоторые подговариваютъ другихъ къ непослушанію („поджигаютъ"—запись Бострема) и пр. Въ апрѣлѣ 1852 года мы читаемъ такую запись: „ученики Б—въ, С—въ и С—въ замѣчены въ употребленіи вина; пансіонскіе служители часто бываютъ пьяны; солдаты на всякомъ шагу обманываютъ дежурнаго и закрываютъ поступки учениковъ, за что берутъ отъ нихъ вещи и деньги". Въ августѣ 1852 г. Бостремъ заноситъ въ свою вѣдомость подъ рубрикой „особенныя наклонности": „почти всѣ (воспитанники наклонны) къ грубости и къ обману". Въ сентябрѣ опять повторяетъ ту же запись: „ученики старшихъ классовъ къ грубости и къ обману", а въ октябрѣ прибавляетъ: „и къ своеволію". Вотъ образецъ грубости и по послушанія: „16 числа (января 1851 г.), пишетъ инспекторъ директору, по приходѣ моемъ въ классъ Бостремъ принесъ мнѣ жалобу на ка-

зеннаго воспитанника П—ва въ непослушанiи, грубости и даже дерзости противъ него и просилъ моего содѣйствiя. Узнавъ, что началомъ дерзости со стороны П—ва было неповиновенiе его—исполнить приказанiе г. Бострема—стать на колѣни, я приказалъ П—ву немедленно исполнить приказъ г. учителя. Къ удивленiю моему П—въ, въ присутствiи всѣхъ учениковъ и двухъ надзирателей—Маршалова и Брейтфуса, осмѣлился дѣлать мнѣ возраженiя и хотя послѣ настоятельнаго моего требованiя онъ исполнилъ мой приказъ, но все продолжалъ громко высказывать свое неудовольствiе. Замѣтивъ проходя по классу, что дерзкiя выходки П—ва получаютъ одобренiе отъ нѣкоторыхъ учениковъ и понимая важность минуты на мнѣнiе воспитанниковъ гимназiи, я остановился предъ П—вымъ, нѣсколько разъ приказывалъ ему замолчать и, не видя исполненiя, принужденъ былъ употребить наконецъ рѣшительную мѣру—его ударить". Въ графѣ „мѣры наказанiя", мы встрѣчаемся со всевозможными мѣрами и педагогичными, и не педагогичными: надзиратели и инспекторъ дѣлали воспитанникамъ замѣчанiя, выговоры, ставили въ уголъ и на колѣни, лишали тюфяка, лишали отпуска, оставляли безъ обѣда, безъ полдника, безъ ужина, запирали воспитанниковъ въ карцеръ на сутки, на двое, на четыре дня, на цѣлую недѣлю и наконецъ пороли. Замѣтно, что къ лозамъ обращались довольно часто: встрѣчаются отмѣтки, что въ продолженiе мѣсяца высѣчены 5 учениковъ. Словомъ мы тутъ видимъ всякiя мѣры, только не видимъ ниодной рѣшительной. Ученикъ замѣчается во всевозможныхъ непозволительныхъ поступкахъ вплоть до употребленiя вина, его чуть не каждый день сажаютъ въ карцеръ, и все таки не увольняютъ, И воспитатели и инспекторъ, чуть стѣны пансiона не вопiютъ противъ безобразiя ученика, а Чигиринцевъ не находитъ возможности уволить его изъ гимназiи. Былъ въ описываемое нами время ученикъ Б—въ, который рѣшительно отличался всѣми указанными пороками, о которомъ надзиратели отзывались, что дурныя наклонности его съ каждымъ днемъ развиваются, который былъ неоднократно сѣченъ, по два раза въ мѣсяцъ былъ саженъ на нѣсколько дней въ карцеръ, и все таки не былъ уволенъ не только изъ гимназiи, а даже изъ пансiона. Начальство дало ему возможность окончить курсъ. [1]) Мы готовы преклониться передъ терпѣнiемъ начальства, передъ сознанiемъ своихъ обязанностей по отношенiю къ ученику Б—ву, обязанности—терпѣть послѣдняго до тѣхъ поръ, пока онъ не сдѣлаетъ какой-нибудь совершенно невозможной пакости (такой онъ все таки не выкинулъ), но бѣда въ томъ, что ради одного Б—ва забыты были цѣлые десятки учениковъ, питавшiеся его несомнѣнно дурнымъ влiянiемъ. Чигиринцевъ только разъ прибѣгнулъ къ

---

[1]) Въ апрѣлѣ 1855 года онъ (тогда ученикъ VII класса) подалъ заявленiе о желанiи идти въ военную службу (вмѣстѣ съ ученикомъ V класса Прасоловымъ Васильемъ). Въ iюлѣ того же года Министръ народнаго просвѣщенiя изъявилъ свое согласiе на увольненiе ихъ изъ гимназiи (Б—въ впрочемъ успѣлъ окончить курсъ) для поступленiя въ дѣйствующую армiю.

рѣшительной мѣрѣ, да и то потому, что такъ захотѣлъ самъ воспитанникъ и его мать. Продолжимъ рапортъ инспектора: „Эта мѣра, вынужденная необходимостью, имѣла успѣхъ: П—въ замолчалъ, но не переставалъ однако же дѣлать разные знаки ученикамъ. Я не обращалъ на это вниманія и даже по выходѣ изъ классовъ поручилъ надзирателю Маршалову передать П—ву, что если онъ хочетъ избѣгнуть заслуженнаго имъ наказанія, то долженъ испросить извиненія у Бострема. П—въ подъ предлогомъ, что идетъ къ Бострему, вышелъ изъ класса и ушелъ домой. Я тотъ часъ же послалъ надзирателя Брейтфуса привести его въ гимназію, но домашніе П—ва не сказали его дома. Въ другой разъ посланъ былъ мною ученикъ Левантуевъ, но воротился съ отвѣтомъ матери, что она не отпуститъ своего сына. 17 числа января я снова отправилъ надзирателя Маршалова съ настоятельнымъ требованіемъ представить П—ва въ пансіонъ, но мать П—ва, наговоривъ Маршалову много непріятнаго, отвѣчала, что сынъ ея не пойдетъ въ пансіонъ. Употребивъ всѣ зависящія отъ меня мѣры и не видя успѣха, я принужденнымъ нахожусь обратиться къ вашему высокородію съ покорнѣйшей просьбой объ исключеніи П—ва изъ пансіона. Это тѣмъ болѣе необходимо, что Прасоловъ, по удостовѣренію надзирателя, не одинъ уже разъ говорилъ ученикамъ, что онъ не хочетъ оставаться въ пансіонѣ, и сдѣлаетъ что нибудь, за что бы его исключили изъ пансіона. Кромѣ того, въ нынѣшнемъ же мѣсяцѣ П—въ былъ уже замѣченъ въ дерзкихъ выраженіяхъ объ одномъ извѣстномъ лицѣ въ городѣ, высказанныхъ въ присутствіи дѣтей того лица“... Губернаторъ предписалъ вовсе исключить П—ва изъ гимназіи. Изъ этой прибавки „вовсе“ можно заключить, что Чигиринцевъ дѣлалъ представленіе объ увольненіи П—ва только изъ пансіона. Повторяемъ это единственный случай увольненія ученика за поведеніе изъ гимназіи, да и то ученикъ самъ захотѣлъ этого увольненія. Понятно, что это увольненіе не могло имѣть никакого вліянія на другихъ учениковъ, потому что все дѣло сведено было на почву личнаго желанія ученика. Всѣмъ ясно было, что стоило только П—ву по требованію инспектора явиться въ пансіонъ, то онъ не только не былъ бы уволенъ изъ гимназіи, а пожалуй даже и изъ пансіона. Совершенно непонятно, зачѣмъ Ершовъ желалъ возвратить П—ва въ пансіонъ. Вообще замѣтно, что Ершовъ при Чигиринцевѣ дѣйствовалъ иначе, нежели при Качуринѣ. Теперь онъ дозволялъ себѣ то, противъ чего рѣзко возставалъ самъ, какъ это мы видимъ въ его дѣйствіяхъ по отношенію къ Бострему, который дозволялъ себѣ съ учениками дурное обращеніе. Въ прежде благодушномъ человѣкѣ появилось сильное раздраженіе, которое по временамъ проявлялось въ очень дурной формѣ. Дѣло въ томъ, что Ершовъ назначеніемъ Чигиринцева въ директора Тобольскихъ училищъ былъ оскорбленъ до глубины души. Это мѣсто принадлежало по всѣмъ правиламъ ему, коллежскому совѣтнику, инспектору гимназіи, прослужившему по учебной части уже 14 лѣтъ, ему знаменитому автору Конька-Горбунка, облетѣвшаго всю грамотную Русь. Такъ всѣ и думали, что директоромъ будетъ Ершовъ, а тутъ вдругъ пріѣхалъ какой-то неизвѣстный совѣтникъ

пограничнаго управленія киргизами, коллежскій ассесоръ, имя котораго было связано съ дурными дѣлами—награжденія знакомъ безпорочной службы человѣка, преданнаго суду за темныя дѣла, и неправильнаго зачисленія въ военную службу трехъ крестьянъ. Большаго оскорбленія и придумать было невозможно. Правда, послѣ Чигиринцева (умершаго 25 ноября 1856 г.) былъ директоромъ назначенъ онъ, знаменитый Ершовъ, но годы служенія подъ начальствомъ Чигиринцева оказали на Ершова сильное вліяніе и вліяніе въ дурную сторону.

Смерть Чигиринцева дала поводъ къ открытію и другихъ „недосмотровъ" въ его дѣятельности. Оказалось, что почти вся обстановка его квартиры была сдѣлана на счетъ гимназіи, и казенныя суммы были затрачены на это дѣло значительныя. Любопытно, что въ дѣло уясненія того, что въ квартирѣ Чигиринцева принадлежитъ собственно ему и что гимназіи, вмѣшалась Тобольская полиція, которая на другой день смерти директора писала и. д. директора слѣдующее: „Градской полиціи извѣстно, что директоръ гимназіи Чигиринцевъ умеръ, на которомъ состоятъ казенныя и частныя взысканія, такъ же *быть можетъ* было въ храненіи казенное имущество, принадлежащее гимназіи. А потому градская полиція признала съ своей стороны необходимымъ произвесть по описи въ извѣстность все его имущество, для чего съ симъ же вмѣстѣ рекомендовано частному приставу Сосунову быть при этой описи съ тѣмъ, чтобы тутъ присутствовали Вы, если сочтете это необходимымъ, и два посторонних чиновника дирекціи училищъ". Ершовъ командировалъ для присутствованія при описи вмѣсто себя учителя Стукальскаго, а въ качествѣ свидѣтелей Бѣлорусцева и Католинскаго. Изъ рапорта этихъ лицъ мы узнаемъ, что именно въ квартирѣ директора принадлежало гимназіи: 1) два парныхъ зеркала въ рамахъ, оклеенныхъ краснымъ деревомъ, 2) одно зеркало оклеенное, тоже подъ красное дерево, длиною 12 верш., шириною 9, рама къ нему длиною 1 арш. 12½ вершк., шириною 13,—съ рѣзьбою на рамѣ; 3) столъ большой, оклеенный березою подъ политурою, желтаго цвѣта; 4) два стола березовыхъ, оклеенныхъ, подъ политурою, темнаго цвѣта; 5) два стола березовыхъ, оклеенныхъ подъ пальму; 6) 12 креселъ березовыхъ подъ политурою, темнаго цвѣта съ набитыми мочаломъ подушками въ баракановыхъ наволочкахъ темнаго цвѣта; 7) 9 стульевъ подъ политурою темнаго цвѣта, съ подушками, обтянутыми зеленой шерстяной матеріей; 8) три стула березовыхъ подъ политурою подъ пальму съ кожаными подушками; 9) 6 стульевъ березовыхъ подъ пальму съ кожанымъ переплетомъ; 10) 2 стула темнаго цвѣта съ кожанными подушками; 11) одно кресло березовое оклеенное подъ пальму съ подушкою, обитою синимъ коленкоромъ; 12) диванъ оклеенный березою подъ политуру подъ пальму, съ подушкою обитою черною кожею; 13) комодъ, окрашенный масляною краскою съ четырьмя выдвижными ящиками; 14) шкафъ съ глухими дверцами, а внизу выдвижными ящиками, окрашенный месляною краскою; 15) шкафъ, крашенный масляною краскою кофейнаго цвѣта, съ глухими внизу дверцами, а вверху о 24-хъ стеклахъ; 16) кровать желѣзная; 17) часы стѣнные, мѣдные, въ оклейномъ футлярѣ подъ красное дерево; 18) портретъ

поясной Государя Императора Николая I въ золотой деревянной рамѣ; 19) портретъ во весь ростъ Александра I въ позолоченной деревянной рамѣ; 20) воронка желѣзная. Своихъ денегъ у Чигиринцева, замѣтно, водилось мало; должно быть, онъ много былъ долженъ разнымъ лицамъ и не платилъ имъ, такъ что они прибѣгали къ помощи губернатора. Такъ въ дѣлахъ архива сохранилась одна бумага губернатора Арцимовича, въ которой онъ пишетъ Чигиринцеву о долгѣ послѣдняго въ количествѣ 143 руб. 98 коп. прикащику Пермскаго купца Хотова—Ѳедору Богомолову. Конечно только ради поправленія своихъ разстроенныхъ финансовыхъ обстоятельствъ Чигиринцевъ въ 1853 году обращался къ губернатору съ просьбою ходатайствовать предъ Министромъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи ему содержать пансіонеровъ до 8 человѣкъ. Министръ однако не разрѣшилъ ему держать пансіонеровъ, такъ какъ, читаемъ мы въ бумагѣ губернатора, въ послѣднее время принято министерствомъ за правило давать разрѣшеніе на содержаніе пансіонеровъ директорамъ и инспекторамъ тѣхъ только гимназій, при коихъ не учреждено еще пансіоновъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Директоръ Ершовъ. Пожертвованіе въ пользу гимназіи дома съ флигелемъ. Перестройки въ гимназіи. Инспекторъ Доброхотовъ. Окончившіе курсъ въ 1857 году.—185⁷/₈ учебный годъ. Плата за право ученія. Учитель математики Криницынъ, русскаго языка Ширскій. Окончившіе курсъ.—185⁸/₉ учебн. годъ. Учитель законовѣдѣнія Матросовъ. Окончившіе курсъ. Состояніе фундаментальной библіотеки, физическаго кабинета и проч.—185⁹/₆₀ учебный годъ. Учитель географіи Кузьминъ. Окончившіе курсъ. Мнѣніе педагогическаго совѣта о проектѣ среднихъ и низшихъ школъ.—186⁰/₆₁ учебный годъ. Учитель французскаго языка Палюлонъ. Окончившіе курсъ. Увеличеніе платы съ своекоштныхъ пансіонеровъ.—186¹/₂ учебный годъ. Таблица съ обозначеніемъ количества учениковъ, распредѣленія ихъ по сословіямъ, количества переведенныхъ въ высшіе классы и количества пансіонеровъ. Учебно-воспитательныя мѣры. Ревизія гимназіи, произведенная главнымъ инспекторомъ училищъ. Результаты ревизіи. Замѣна татарскаго языка изученіемъ естественной исторіи.

Авторъ знаменитой сказки, безъ которой не обходится ни одно семейство, умѣющее читать, ни одна школа, какъ слѣдуетъ понимающая свои обязанности по отношенію къ учащимся дѣтямъ, заслуживаетъ того, чтобы мы разсказали его біографію, не отличающуюся, правда, разнообразіемъ свѣдѣній, но все таки интересную ужъ хоть бы по тому одному, что это есть

біографія создателя „Конька-Горбунка". [1]) Петръ Павловичъ Ершовъ родился 22 февраля 1815 г. въ Сибири, въ Ишимскомъ округѣ Тобольской губерніи, въ селѣ Безруковѣ, въ семьѣ чиновника, который по существу своей службы долго не живалъ на одномъ мѣстѣ, и потому не удивительно, что Ершовъ еще младенцемъ очутился въ Березовѣ, куда отецъ его былъ назначенъ исправникомъ, и пробылъ тамъ вплоть до поступленія въ Тобольскую гимназію. Среда, окружавшая юнаго Ершова, была не такова, чтобы особенно развивались его способности, но благодаря благоразумнымъ родителямъ онъ также не могъ заразиться и дурнымъ вліяніемъ этой среды. Позднѣе Ершовъ такъ вспоминалъ колыбель своего рожденія и дѣтскіе годы:

Рожденный въ нѣдрахъ непогоды
Въ краю тумановъ и снѣговъ,
Питомецъ сѣверной природы
И горя тягостныхъ оковъ,
Я былъ привѣтствованъ мятелью
И встрѣченъ дряхлою зимой,
И надъ младенческой постелью
Кружился вихорь снѣговой.
Мой первый слухъ былъ вой бурана;
Мой первый взоръ былъ—грустный взоръ
На льдистый берегъ океана,
На снѣжный гробъ высокихъ горъ.
Съ привѣтомъ горестнымъ рожденья
Ужъ было въ грудь заронено
Непостижимаго мученья
Неистребимое зерно.
Вездѣ я видѣлъ мракъ и тѣни
Въ моихъ младенческихъ мечтахъ:
Внутри—не связный рой видѣній,
Снаружи гробы на гробахъ.
Чредой стекали въ вѣчность годы;
Свѣтлѣло что то впереди,
И чувство жизни и свободы
Забилось трепетно въ груди.
Я полюбилъ людей—какъ братій,
Природу—какъ родную мать,
И въ жаркій кругъ моихъ объятій
Хотѣлъ живое все созвать... [2])

Въ гимназію Ершовъ поступилъ въ апрѣлѣ 1827 года въ I классъ,

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія о Ершовѣ заимствованы мной главнымъ образомъ изъ книжки Ярославцева.

[2]) Стихотвореніе 1836 года „Посланіе къ другу"—напечатано въ „Библіотекѣ для чтенія" т. 16; приведено у Ярославцева.

гдѣ въ это время уже учился братъ его Николай. Петру шелъ въ это время 13-й годъ. Оба брата учились ровно, хорошо, и всѣми преподавателями по способностямъ аттестовались всегда высшимъ балломъ (четыре). Только по рисованію Петръ Ершовъ аттестованъ былъ балломъ три. Но разъ мы встрѣтили аттестацію, выдѣляющую обоихъ братьевъ среди другихъ учениковъ: за 1830 годъ преподаватель французскаго языка Леманъ, аттестовавшій другихъ учениковъ балломъ, противъ фамиліи братьевъ Ершовыхъ въ графахъ: „поведеніе, способности и прилежаніе“ написалъ: „отличныя“. Можно предполагать, что у будущаго поэта уже въ школьные годы проявлялось его дарованіе, но изъ учительскихъ отчетовъ не видно, чтобы это дарованіе Ершова было кѣмъ либо изъ учителей отмѣчено. Въ 1830 году братья окончили курсъ и на публичномъ актѣ были награждены похвальнымъ листомъ съ книгою. Около этого времени отецъ Ершова перебрался на службу въ Петербургъ, и такимъ образомъ Ершовъ поступилъ не въ Казанскій университетъ по прямой дорогѣ, а въ Петербургскій, и поступилъ на факультетъ философско-юридическій, хотя ему хотѣлось обучаться на историко-филологическомъ, но по языкамъ онъ былъ не достаточно подготовленъ. Въ университетѣ Ершовъ отличался поразительною скромностью, такъ что когда въ 1834 году профессоръ на каѳедрѣ русской словесности П. А. Плетневъ прочелъ на лекціи первую часть сказки студента Ершова „Конекъ-Горбунокъ“, то студенты были удивлены какъ самой сказкой, такъ и тѣмъ, что тихій, таинственный Ершовъ могъ написать нѣчто необыкновенное. Между студентами Ершовъ сошелся близко съ товарищемъ Т—борномъ. Но и этому товарищу онъ не говорилъ ничего о томъ, что пишетъ сказку. Сказка тогда же была напечатана въ журналѣ „Библіотека для чтенія“ и вышла „отдѣльнымъ изданіемъ“. Имя молчаливаго Ершова стало извѣстно множеству читающихъ людей, большихъ и малыхъ, знатныхъ и не знатныхъ, знаменитыхъ и никому неизвѣстныхъ. Ершовъ былъ искренно привѣтствованъ знаменитѣйшими литераторами Жуковскимъ и Пушкинымъ. Имя Ершова стало извѣстно Наслѣднику престола. Пушкинъ, нерѣдко прибѣгавшій къ переложенію народныхъ сказокъ въ стихотворную форму, прочитавъ сказку Ершова, сказалъ: „теперь этотъ родъ сочиненій можно мнѣ и оставить“... Въ 1834 году Ершовъ окончилъ курсъ кандидатомъ; окончилъ тогда же и его братъ Николай по математическому факультету, также кандидатомъ, окончилъ и сошелъ въ могилу. Петръ Ершовъ былъ пораженъ этой смертью тѣмъ болѣе, что не задолго до этого онъ схоронилъ отца. Свои слезы о братѣ онъ излилъ въ задушевнѣйшемъ стихотвореніи, изъ котораго мы въ началѣ привели отрывокъ:

И все, что сердцу было ново,
Что вновь являлося очамъ,
Дѣлилъ я съ братомъ пополамъ.
И недовѣрчивый, суровый
Онъ оцѣнилъ меня. Со мной
Онъ не скрывалъ своей природы.

Горя прекрасною душой,
При звукахъ славы и свободы,
Онъ мнѣ довѣрилъ тайну силъ
Души волкана; онъ открылъ
Мнѣ лучшія свои желанья,
Свои завѣтныя мечты,
И цѣль—по терніямъ страданья—
Въ лучахъ небесной красоты.
Не зная лучшаго закона,
Какъ чести, славы и добра,
Онъ росъ при имени Петра,
Горѣлъ на звукъ Наполеона.
Какъ часто въ пламенныхъ мечтахъ,
Онъ улеталъ на берегъ дальный,
Гдѣ спитъ воитель колоссальный
Въ вѣнцахъ побѣды и въ цѣпяхъ.
О, еслибъ видѣлъ ты мгновенье,
Когда безстрашныхъ твердый строй
Шагалъ съ музыкой боевой!
Онъ весь былъ жизнь, весь вдохновенье!
Прикованъ къ мѣсту, онъ дрожалъ,
Глаза сверкали пыломъ боя....
Казалось славный духъ героя
Надъ нимъ невидимо леталъ!
Но онъ угасъ во цвѣтѣ силы,
И съ нимъ угасла жизнь моя,
И въ мракѣ братнія могилы
Зарылъ завѣтное все я.
Я охладѣлъ къ святымъ призваньямъ;
Моя измученная грудь
Жила еще однимъ желаньемъ—
Скорѣе съ братомъ отдохнуть.
Но духъ отца напомнилъ слово—
Завѣтъ послѣдній бытія:
Я возвратился къ жизни снова,
Но что за жизнь была моя!
Привязанъ къ персти силой крови,—
Любовью матери моей,
Я рвался въ небо, въ край любови,
Въ обитель тихую тѣней.
Но мнѣ отказано въ желаньи,
Я долженъ мучиться и жить,
И дорогой цѣной страданья

Грѣхъ малодушья искупить.
Я измиралъ на язвахъ муки,
И голосъ сердца заглушалъ.
О, какъ тогда въ святые звуки
Я перелить его желалъ!
Но для чего? Кому-бъ повѣрилъ
Святую исповѣдь души?
Ктобъ изъ чужихъ ее измѣрилъ?...
Одинъ въ полуночной тиши,
Склонясь къ холодному сголовью
Я безнадежно плакалъ кровью
И раны сердца раздиралъ.

По окончаніи курса Ершовъ два года жилъ въ Петербургѣ, не состоя на службѣ, но продолжая свое самообразованіе, проглатывая всѣ доступныя ему книги, восхищаясь всякимъ прекраснымъ произведеніемъ, особенно изъ области поэзіи и музыки, и питая въ душѣ тайный замыселъ: „изъ всѣхъ русскихъ сказокъ составить одну, въ родѣ поэмы, гдѣ главнымъ героемъ будетъ Иванъ Царевичъ“. Въ тоже самое время не давала Ершову покоя постоянно вспоминаемая имъ его дорогая, дальняя, холодная Сибирь. Въ его головѣ носился планъ путешествія по Сибири, къ чему онъ склонялъ и своихъ знакомыхъ, планъ путешествія не въ одинъ пріемъ, а въ нѣсколько, въ продолженіе многихъ годовъ, до тѣхъ поръ, пока Сибирь не будетъ изслѣдована во всѣхъ отношеніяхъ: историческомъ, географическомъ, физическомъ, бытовомъ и проч. Вотъ какъ Ершовъ писалъ стихами объ этихъ планахъ одному изъ своихъ единомышленниковъ:

Ударимъ дружно руки въ руки,
Мы усладимъ прощальный часъ
И горечь долгія разлуки,
Судьбой положенной для насъ.
Къ чему роптать? Законъ небесный
Насъ къ славной цѣли предъизбралъ,
И онъ же намъ, въ странѣ безвѣстной,
Ту цѣль въ разсвѣтѣ указалъ.
Какая цѣль—пустыни, степи
Лучемъ гражданства озарить,
Разрушить умственныя цѣпи
И человѣка сотворить.
Раскрыть покровъ небесъ полночныхъ,
Богатства выспросить у горъ,
И чрезъ кристаллы водъ восточныхъ
На дно морское кинуть взоръ.
Подслушать тайныя сказанья
Лѣсовъ дремучихъ, скалъ сѣдыхъ,

И вырвать древнія преданья
Изъ устъ кургановъ гробовыхъ.
Воздвигнуть падшіе народы,
Гранитну лѣтопись прочесть,
И въ славу витязей свободы
Колоссъ подоблачный вознесть.
Въ защиту правыхъ, въ казнь неправымъ,
Глаголъ на Азію простерть,
Обвить моря орломъ двуглавымъ
И двинуть въ нихъ и жизнь и смерть.
Такая цѣль!... Мой другъ, ужели,
Себѣ и чести измѣнивъ,
Мы отбѣжимъ отъ славной цѣли
И сдержимъ пламенный порывъ?
Ужель, забывъ свое призванье
И охладивъ себя въ конецъ,
Мы, въ малодушномъ ожиданьи,
Дадимъ похитить свой вѣнецъ?...
Нѣтъ! Нѣтъ!....
Влеченью высшему послушны,
Мой другъ, оставимъ малодушныхъ;
Съ ихъ цѣлью жизни мелочной,
Съ самолюбивымъ ихъ расчетомъ,
Изнемогать подъ вольнымъ гнетомъ
И смыться темною волной.
Не охладимъ святаго рвенья;
Пойдемъ, съ надеждою, впередъ.
И если... пусть! Но шумъ паденья
Мильоны робкихъ потрясетъ.

Планы остались планами, а Ершовъ все таки оставилъ Петербургъ и въ 1836 году поступилъ учителемъ въ Тобольскую гимназію сначала латинскаго языка, а потомъ словесности, которую преподавалъ до назначенія въ инспектора.

Въ Тобольскѣ Ершовъ явился авторомъ, не говоря про „Конька-Горбунка", слѣдующихъ стихотвореній: Сцена въ лагерѣ (1833 г. подъ впечатлѣніемъ бесѣдъ съ братомъ о духѣ русскаго солдата); Молодой орелъ (1834 г.); Желаніе, Первая любовь, Тимковскому (по случаю отъѣзда его въ Америку); Сибирскій казакъ (старинная быль), Русская пѣсня, Тучи, Прощаніе съ Петербургомъ, 25 декабря 1835 года, Дубъ, Ночь, Ночь въ Рождество Христово, Семейство розъ, Молитва 25 декабря 1835 года, Ѳома кузнецъ (1835 г.), Посланіе къ другу (1836 г.) [1])

---

[1]) Большая часть стиховъ Ершова напечатана въ „Библіотекѣ для чтенія", нѣкоторыя въ журналѣ „Современникъ", не многія въ иныхъ изданіяхъ.

О первыхъ шагахъ Ершова на поприщѣ службы мы говорили раньше и потому, не повторяя сказаннаго, передадимъ, что извѣстно о дальнѣйшихъ событіяхъ его жизни и дѣятельности. По пріѣздѣ въ Тобольскъ Ершовъ, по собственному выраженію, попалъ въ атмосферу, тяжелую и для головы и для сердца. Въ первое время у него еще были люди, съ которыми онъ могъ отводить душу, но не долго пришлось Ершову ожидать наступленія того времени, когда провинціальный житель не знаетъ куда дѣваться отъ скуки. 5 мая 1837 г. Ершовъ писалъ въ Петербургъ: „А я братъ, сижу себѣ сиднемъ, въ подобіе Ильѣ Муромцу, котораго я собираюсь воспѣть когда нибудь хотя скуки ради. Развѣ упомянуть тебѣ о моихъ хожденіяхъ въ гимназію и изъ гимназіи и въ музыкальную и изъ музыкальной. Остальное время сижу дома, палю цигары и думаю о прежнихъ счастливыхъ дняхъ. А славное то было время! Поневолѣ вздохнешь, призадумавшись. Ты скажешь—пріѣзжай сюда! Да, скоро сказка сказывается: радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Остается убивать какъ нибудь время пополамъ—да кой чертъ пополамъ—съ девяносто девятью частями скуки, да одной частью отрады. Писать не пишу, потому что не хочется; а не хочется потому, что скучно... Хотѣлъ было отъ нечего дѣлать влюбиться и уже выбралъ одинъ предметъ чрезвычайно хорошенькій, да что-то опять раздумалъ"... Такъ именно и шла жизнь Ершова, какъ онъ описываетъ... Если онъ и дѣлалъ что нибудь помимо гимназіи, то дѣлалъ „отъ нечего дѣлать" „скуки ради" и под. Если мы скажемъ, что почти все время Ершова уходило на ничего не дѣланіе, на мечты получить мѣсто инспектора и потомъ директора, на безплодныя порыванія переселиться въ Петербургъ, то мы будемъ не далеки отъ истины. Мечталъ онъ о многомъ, но изъ всѣхъ его мечтаній болѣе другихъ исполнимымъ оказалось то, о которомъ онъ говоритъ стихами въ письмѣ къ Т—борну:

Проходятъ дни безумнаго волненья;
Душа зоветъ утраченный покой;
Задумчиво ужъ чашу наслажденья
Я подношу къ устамъ моимъ порой.
Иная мысль въ умѣ моемъ тѣснится,
Иное чувство движетъ грудь:
Мнѣ вольный кругъ цѣпями становится,
Хочу въ тиши семейной отдохнуть.
Исчезъ обманъ мечты самолюбивой;
Открылась вся дней прежнихъ пустота;
Другую мнѣ рисуетъ перспективу
Въ дали годовъ спокойная мечта.
Домашній кровъ.... одинъ или два друга....
Поэзія.... мѣна простыхъ затѣй....
А тутъ любовь.... прекрасная подруга
И вкругъ нея веселый кругъ дѣтей.

Мечты Ершова часто оказывались безплодными по винѣ его самого.

Наприм., онъ могъ въ Петербургѣ получить себѣ мѣсто, сначала не особенно хорошо оплачиваемое въ денежномъ отношеніи, могъ—пользуясь тѣми связями, которыя пріобрѣлъ будучи студентомъ,—но ему непремѣнно нужно было перебраться въ Петербургъ по *казенной подорожной*, съ мѣста на мѣсто. Петръ Александровичъ Плетневъ, принимавшій участіе въ Ершовѣ, велѣлъ передать ему, что если онъ имѣетъ возможность пріѣхать на свой счетъ въ Петербургъ и жить тамъ полгода безъ жалованья, то пусть ѣдетъ. Но Ершовъ писалъ, что этого сдѣлать онъ не имѣетъ возможности. А не имѣлъ онъ возможности поступить такъ, какъ ему совѣтовалъ Плетневъ, потому, что онъ уже былъ женатъ на вдовѣ, которая вмѣстѣ съ красотой и ангельскимъ характеромъ принесла къ нему въ домъ четверыхъ маленькихъ дѣтей. Впрочемъ значительную роль въ этомъ безплодномъ желаніи играла и его привязанность къ своей родинѣ, съ которой онъ связывалъ всѣ свои мечтанія. Онъ и должность повыше учительской желалъ получить только въ Тобольской гимназіи. Завѣтное желаніе быть директоромъ въ своей родной гимназіи исполнилось довольно поздно, когда уже онъ выслужилъ пенсію и подумывалъ объ отставкѣ. Какъ служилъ Ершовъ учителемъ и инспекторомъ, мы уже говорили; теперь разскажемъ, что возможно, о немъ какъ о директорѣ. Но прежде нѣсколько словъ о его литературныхъ трудахъ. Для нихъ онъ мало удѣлялъ времени и повидимому писалъ только тогда, когда по выраженію другаго знаменитѣйшаго поэта „долго сдерживаемыя муки близко къ сердцу подойдутъ“. Къ 1837 году относятся слѣд. стихотворенія: „Вопросъ“, „Видѣніе“, „Часъ тайны“, „Государю Наслѣднику“ (на пріѣздъ его въ Тобольскъ въ 1837 году), „Друзьямъ“, „Музыка“, „Вопросъ“. Послѣднее стихотвореніе [1]) въ высшей степени музыкальное и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить образцомъ тѣхъ взглядовъ на поэта, которые господствовали въ литературѣ въ то время./Оно очень содержательно, но мы лучше приведемъ его цѣликомъ:

Поэтъ ли тотъ, кто съ первыхъ дней сознанья,
Зерно небесъ въ душѣ своей открылъ,
И, какъ залогъ верховнаго призванья,
Его въ груди заботливо хранилъ?
Кто межъ людей душой уединялся,
Кто вкругъ себя міръ цѣлый собиралъ;
Кто мыслію до неба возвышался
И предъ Творцемъ во прахъ себя смирялъ?
Поэтъ ли тотъ, кто съ чудною природой
Святой союзъ издѣтства заключилъ;
Связалъ себя разумною свободой
И міръ и духъ сознанью покорилъ?
Кто воспиталъ въ душѣ святыя чувства;
Къ прекрасному любовію дышалъ;

---

[1]) Напечатано въ „Библіотекѣ для чтенія“ 1838 г. т. XXX.

Кто въ области небеснаго искуства
Умѣлъ найти свой дивный идеалъ?
Поэтъ ли тотъ, кто всюду во вселенной
Духъ Божій—жизнь таинственно прозрѣлъ,
Связалъ съ собой, и думой вдохновенной
Живую мысль на всемъ напечатлѣлъ?
Кто тайныя творенія скрижали,
Не мудрствуя, съ любовію читалъ;
Кого земля и небо вдохновляли,
Кто жизнь съ мечтой невольно сочеталъ?
Поэтъ ли тотъ, кто нить живыхъ сказаній
На хартіи сочувственно слѣдилъ;
Кто разгадалъ хаосъ бытописаній
И опытомъ себя обогатилъ?
Кто надъ рѣкой кипѣвшихъ поколѣній,
Въ глухой борьбѣ народовъ и вѣковъ,
Въ волнахъ огня, и крови, и смятеній,
Провидѣлъ перстъ правителя міровъ?
Поэтъ ли тотъ, кто свѣтлыми мечтами
Волшебный міръ въ душѣ своей явилъ,
Согрѣлъ его и чувствомъ и страстями
И мыслію высокой оживилъ?
Кто предъ мечтой младенцемъ умилялся,
Кто на нее съ любовію взиралъ;
Кто предъ своимъ созданьемъ преклонялся
И радости въ восторгѣ замиралъ?
Поэтъ ли тотъ, кто съ каждой каплей крови
Любовь въ себя чистѣйшую пріялъ;
Кто и живетъ и дышетъ для любови,
Чья жизнь—любви божественный фіалъ?
Кто все готовъ отдать безъ воздаянья
И счастье дней безжалостно разбить,
Лишь только бы, подъ иглами страданья,
Свою мечту прекрасную любить?
Поэтъ ли тотъ, кто, въ людяхъ сиротѣя,
Отвергнутый, ихъ въ сердцѣ не забылъ;
Кто раздѣлялъ терзанья Прометея,
И для кого скалой міръ этотъ былъ?
Кто, скованный ничтожества цѣпями,
Умѣлъ сберечь вѣнецъ души своей,
Кто, у судьбы подъ острыми когтями,
Не измѣнилъ призванью первыхъ дней?
Поэтъ ли тотъ, кто холодъ отверженья

Небесною любовью превозмогъ,
Врагамъ принесъ прекрасныя видѣнья,
Себѣ же взялъ терновый лишь вѣнокъ?
Кто не искалъ людскихъ рукоплесканій,
Своей мечтѣ цѣны не положилъ,
И въ чувствѣ лишь возвышенныхъ созданій
Себѣ и имъ награду находилъ?
Пусть судитъ міръ: наслѣдникъ благодати—
Пророкъ ли онъ, иль странный на землѣ?
Горитъ ли знакъ божественной печати
На пасмурномъ мыслительномъ челѣ?
Пусть судитъ онъ! Но если міръ лукавый,
Сорвавъ себѣ видѣній лучшій цвѣтъ,
Лишитъ его и имени и славы,
Пускай рѣшитъ: кто-жъ онъ—его поэтъ?

Въ 1838 году написаны имъ стихотворенія: „Рѣшимость", „Перемѣна"; въ 1839 году: „Друзьямъ", „Моя молитва", „Осмистишія" (нѣсколько акростиховъ—привѣты первой женѣ), Сузгѣ (стихотворная повѣсть); въ 1840 году: въ альбомъ С. П. Ж—ой, „Моя поѣздка", 29 іюля 1840 г. (день рожденія 1-й жены), „Экспромтъ"; въ 1841 году: „Кладъ души", „Зимній вечеръ", 29 іюля 1841 г.; въ 1842 году: 29 іюля 1842 г., въ 1843 г. „Грусть"; въ 1845 году: „Отвѣтъ", „Воспоминаніе", „Мгновеніе"; въ 1846 году: „Моя звѣзда", „Храмъ сердца", „Оправданіе", „Призывъ", „Три взгляда", „Не тотъ любилъ..."; въ 1848 году: „9-е Осмистишіе". Къ 1851 году относятся разсказы подъ заглавіемъ „Осенніе вечера" [1]), къ 1858 году „Кузнецъ—Базимъ, или изворотливость бѣдняка". Сцены „Тазъ-Баши". [2])

Одной изъ первыхъ заботъ Ершова, когда его сдѣлали директоромъ, была забота о прiисканіи средствъ для удобнѣйшаго помѣщенія пансіонеровъ и учениковъ гимназіи. Дурное состояніе пансіонеровъ въ отношеніи поведенія въ значительной степени обусловливалось тѣснотою помѣщенія, вмѣщавшаго въ себѣ такъ много учениковъ, что койки въ спальняхъ были сдвинуты по двѣ вмѣстѣ, а чтобы одинъ ученикъ не мѣшалъ другому, онѣ были отгорожены одна отъ другой деревянными стѣнками. Не совсѣмъ только понятно, почему начальство находило нужнымъ принимать въ пансіонъ почти всѣхъ, кто только захочетъ поступить въ него. Какъ бы то ни-было, въ августѣ 1857 г. начались хлопоты о расширеніи пансіонскаго помѣщенія. Здѣсь мы не можемъ не упомянуть имени одного изъ лучшихъ сибирскихъ губернаторовъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Виктора Антоновича Арцимовича. О немъ Ершовъ такъ отзывается въ письмѣ въ Петербургъ: „Повѣрь мнѣ, что если бы Россія была такъ счастлива, что хотябъ въ половинѣ своихъ

---

[1]) Напечатана въ журналѣ „Живописный сборникъ" А. Плюшара.

[2]) Въ III т. сборника литер. статей посвященныхъ памяти А. Ф. Смирдина.

губерній имѣла Арцимовича, то Щедрину пришлось бы голодать, не имѣя поживы для своихъ губернскихъ очерковъ". Вотъ этотъ-то губернаторъ и вывелъ изъ затрудненія гимназическое начальство относительно прінсканія средствъ для удобнѣйшаго размѣщенія пансіонеровъ, пожертвовавъ для этой цѣли бывшій въ его губернаторскомъ распоряженіи большой деревянный домъ съ флигелемъ, принадлежавшій прежде кордонному вѣдомству и находившійся противъ гимназіи на другой сторонѣ улицы. Этотъ домъ въ 1852 году былъ, по Высочайшему повелѣнію, переданъ со службами и прочими принадлежностями въ гражданское вѣдомство и въ томъ же году поступилъ въ вѣдѣніе Тобольской строительной коммисіи, которая отдавала его въ кортомъ частнымъ лицамъ съ платою по 150 руб. сер. въ годъ съ тѣмъ, чтобы квартирующіе въ этомъ домѣ производили всѣ исправленія, исключая капитальныхъ, и застраховывали на свой счетъ. Но однимъ пріобрѣтеніемъ зданія дѣло не ограничилось. Нужно было его приспособить къ цѣлямъ учебно-воспитательнаго заведенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ признано было нужнымъ произвести кое какія перестройки и въ зданіи гимназіи: 1) сдѣлать поудобнѣе классы; 2) расширить больничное помѣщеніе, до сихъ поръ занимавшее въ зданіи гимназіи задній правый уголъ. Перестройки были произведены по слѣдующему предположенію: 1) кордонный домъ занять квартирою директора, а во флигелѣ при этомъ домѣ помѣстить канцелярію съ архивомъ, конференцъ-залу и кухню для квартиры директора; 2) деревянный домъ при гимназіи (квартиру директора) обратить подъ квартиру для инспектора, съ пристройкой къ нему необходимыхъ службъ, а въ нижнемъ этажѣ каменнаго корпуса (гдѣ квартируетъ инспекторъ) помѣстить пансіонъ; 3) для увеличенія размѣщенія классовъ распространить нѣкоторыя комнаты въ верхнемъ этажѣ корпуса уничтоженіемъ существующихъ въ нихъ перегородокъ, устроить новыя двери и отдѣлить перегородками часть зала для устройства двухъ классовъ, а въ нижнемъ этажѣ увеличить помѣщеніе больницы, присоединивъ къ ней часть умывальной комнаты.

Постройки было разрѣшено произвести хозяйственнымъ образомъ на счетъ экономической суммы гимназіи. По смѣтѣ предназначено было истратить 3660 р. 71½ к. (на передѣлки въ каменномъ домѣ 1641 р. 88½ к., на исправленіе кордоннаго дома 1656 р. 51 к. сер. и на постройку флигеля для службъ при квартирѣ инспектора 362 руб. 32 коп.). Изъ экономической суммы (капитала, принадлежащаго собственно гимназіи, наличными было 394 р. 53 к. и 3500 руб. билетами), постановлено было отпустить 2709 р. 43 к.; сюда прибавлялось 500 руб.—сумма, ассигнованная на постройку особаго зданія больницы (изъ капитала, принадлежащаго пансіону—наличныхъ 117 руб. 76¾ коп. и 9000 билетами), въ каковомъ по новому плану уже не было нужды, да съ поступленіемъ кордоннаго дома въ вѣдѣніе гимназіи поступили туда же еще 453 руб. 98 коп.—денегъ, накопленныхъ съ 1852 г. благодаря отдачѣ этого дома подъ квартиры частнымъ лицамъ; сюда же были причислены и деньги, которыя задолжалъ ассесоръ казенной палаты за квартиро-

ваніе въ кордонномъ домѣ (281 руб. 50 коп.). Всѣ поправки дирекціей были произведены къ ноябрю 1860 г. Сравнительно съ смѣтнымъ исчисленіемъ употреблено было на 100 руб. меньше, т. е. всего 3560 р. 71½ коп. Любопытно, что хотя директоръ приглашалъ строительную комиссію произвесть осмотръ произведенныхъ имъ работъ по гимназіи и пансіону и хотя комиссія тогда же поручила это дѣло архитекторскому помощнику Уласевичу, но по дѣламъ архива видно, что и 16 декабря 1861 года постройки еще не были осмотрѣны.

Во время производства работъ оказалось, что нужно освободить отъ книгъ фундаментальной библіотеки комнату, прилегавшую къ залѣ. Въ этой комнатѣ было 10 шкафовъ. Другаго мѣста кромѣ залы для помѣщенія шкафовъ не было, но такъ какъ это оказалось не удобнымъ по „огромности" шкафовъ, то директоръ ходатайствовалъ шкафы передѣлать въ меньшій размѣръ, такъ, чтобы они удобно могли быть поставлены въ простѣнкахъ оконъ гимназическаго зала, а для выигрыша помѣщенія прибавить ихъ высоты до карниза посредствомъ особыхъ придѣлокъ надъ шкафами. Такъ и было сдѣлано, и это расположеніе шкафовъ фундаментальной библіотеки сохраняется до настоящаго времени. [1])

На мѣсто Ершова инспекторомъ былъ назначенъ учитель Доброхотовъ. Окончили курсъ въ 1857 году 11 учениковъ; изъ нихъ Зволинскій Лукіанъ —съ золотою медалью, Колесниковъ Пареепій—съ серебряною. Въ университетъ никто не былъ отправленъ; на свой счетъ отправились: Зволинскій, Зубовъ и Пребстингъ.

Въ $18^{57}/_{58}$ году вышло Высочайшее повелѣніе съ 1 января 1858 года взимать за право ученія въ Тобольской гимназіи 10 руб. вмѣсто прежнихъ пяти. Назначенъ учителемъ математики дѣйствительный студентъ Казанскаго университета Петръ Карповъ Криницынъ. Окончившій курсъ въ С.-Петербургскомъ главномъ педагогическомъ институтѣ Капитонъ Ширскій опредѣленъ младшимъ учителемъ русскаго языка на мѣсто Бѣлорусцева, назначеннаго и. д. старшаго учителя историческихъ наукъ. Окончили курсъ 11 учениковъ; изъ нихъ Иванъ Худяковъ—съ золотою медалью. Въ высшія учебныя заведенія поступили на свой счетъ: Иванъ Худяковъ, Николай Лобковскій— въ Казанскій университетъ, Иванъ Серебренниковъ—въ Московскій.

Въ $18^{58}/_{59}$ учитель Матросовъ назначенъ старшимъ учителемъ законовѣдѣнія на мѣсто Попова, переведеннаго въ Томскъ на должность директора.

---

[1]) Вотъ болѣе или менѣе значительныя передѣлки въ зданіи гимназіи со времени преобразованія Тобольской гимназіи по уставу 1828 года. Пропустивъ тѣ передѣлки по гимназіи, которыя произошли въ 1836—37 годахъ и которые стоили около 4000 руб. асс., такъ какъ объ этомъ уже рѣчь была, мы скажемъ, что въ іюлѣ 1840 г. хозяйственнымъ образомъ произведены были разныя исправленія въ классныхъ и воспитанническихъ комнатахъ. Сверхъ того, министромъ народнаго просвѣщенія разрѣшено было употребить до 1413 руб. на необходимыя поправки и постройки въ зданіяхъ гимназіи, которыя произведены были къ окончанію въ іюнѣ 1841 года. Въ 1841 и 42 гг. произведена передѣлка гимназической бесѣдки для болѣе удобнаго и точнаго веденія метеорологическихъ наблюденій съ употребленіемъ на

Окончили курсъ 11 учениковъ. Отправился на свой счетъ въ Казанскій университетъ Николай Семеновъ.

Къ 1 Января 1859 г. въ фундаментальной библіотекѣ было разныхъ полныхъ и неполныхъ сочиненій 1958 экземпляровъ въ 4768 томахъ: на русскомъ и славянскомъ языкахъ 1213 экз. (3156 т.), на древнеклассичекихъ языкахъ 75 экз. (95 том.), на новоевропейскихъ 443 экз. (743 т.), на восточныхъ 8 экз. (8 том.), неполныхъ сочиненій 118 экз. (554 тома) и дубликатовъ 101 экз. (212 том.); мюнцъ-кабинетъ состоялъ изъ 237 серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ. Въ метеорологическомъ кабинетѣ считалось 1348 штукъ (штуфовъ), въ физическомъ 107 инструментовъ. Кромѣ того, были и другія учебныя пособія: глобусы, сфера, ландкарты, оригиналы по рисовальному классу и прописи. Въ библіотекѣ казенныхъ воспитанниковъ находилось разныхъ названій книгъ 382 экз. (758 том.) и учебныхъ пособій 117 названій (755 экземпляровъ).

Съ $18^{59}/_{60}$ учебнаго года гимназія и училища Тобольской губерніи были изъяты изъ вѣдѣнія Тобольскаго губернатора и подчинены главному инспектору училищъ Западной Сибири (мѣсто пребыванія Омскъ). Учителемъ географіи назначенъ окончившій курсъ въ Казанскомъ университетѣ Василій Кузьминъ (бывшій воспитанникъ Тобольской гимназіи, который потомъ былъ также надзирателемъ при казенныхъ воспитанникахъ). Окончили курсъ: Аристовъ Николай (съ золотою медалью), Серебряковъ Анатолій (тоже), Помаскинъ Михаилъ (съ серебряною медалью), Балакшинъ Александръ (тоже), Колпаковскій Иванъ, Кремлевъ Александръ, Пребстингъ Николай, Черкасовъ Николай, Кулябко Михаилъ, Фроловъ Николай, Кириловъ Евгеній, Мазуркевичъ Яковъ, Кудринъ Александръ, Кудринъ Константинъ; со свидѣтельствами: Меньщиковъ Михаилъ, Садковъ Петръ, Терновскій Александръ. Первымъ четыремъ выдано удостовѣреніе для поступленія въ университетъ безъ экзамена. Кромѣ того, получилъ аттестатъ бывшій ученикъ гимназіи Иннокентій Амвросовъ.

Изъ экстра-ординарныхъ занятій педагогическаго совѣта въ этомъ году мы должны отмѣтить собраніе совѣта по предмету присланнаго въ апрѣлѣ 1860 года въ Тобольскую гимназію предложенія главнаго инспектора, препровождавшаго проэктъ министра народнаго просвѣщенія о низшихъ и среднихъ заведеніяхъ. Либеральное время, требовавшее широкаго обсужденія

то до 60 руб. сер.; исправленъ флигель, назначенный подъ больницу казеннокоштныхъ воспитанниковъ; произведены: поправка печей во всѣхъ зданіяхъ гимназіи, исправленіе и окраска стѣнъ классныхъ комнатъ и воспитанническихъ, исправленіе классной мебели, поправка гимназической бани, укрѣпленіе береговъ рѣчки Курдюмки около гимназическихъ зданій и т. п. Въ 1845 году производились черезъ подрядъ разныя исправленія и перестройки въ зданіяхъ гимназіи съ цѣлью увеличить до 10 человѣкъ числа своекоштныхъ пансіонеровъ гимназіи; построена была новая бесѣдка для метеорологическихъ наблюденій. На все это было употреблено 965 р. $71^{1}/_{2}$ к. Въ 1850 году были произведены исправленія въ гимназіи на 1210 р. сер.

всякихъ вопросовъ при посредствѣ общества, заставило министерство народнаго просвѣщенія свой проектъ по пересмотру устава 1828 г. предложить на обсужденіе всѣхъ занимающихся обученіемъ людей. „Совершенство" новаго устава, по мнѣнію министерства, всецѣло зависѣло отъ мнѣній наибольшаго числа педагоговъ. Тобольскіе педагоги отнеслись къ этому призыву съ должнымъ вниманіемъ. Къ сожалѣнію, мы нашли только результатъ совѣщаній по этому предмету, но самыхъ мнѣній, поданныхъ письменно преподавателями, не оказалось. По указанному вопросу педагогическій совѣтъ собирался въ апрѣлѣ 28 числа и въ маѣ 3, 23 и 24. Мнѣнія были написаны преподавателями: Плотниковымъ, Бѣлорусцевымъ, Матросовымъ, Крыницынымъ и Ширскимъ. Соглашаясь съ министерствомъ по вопросу о *системѣ образованія въ низшихъ народныхъ училищахъ и о степени пользы высшихъ народныхъ училищъ и прогимназій*, совѣтъ однако же признавалъ необходимымъ присоединеніе къ числу предметовъ и нѣкоторыхъ частей законовѣдѣнія, въ объемѣ, соотвѣтствующемъ потребностямъ обучающихся и ихъ будущей дѣятельности. Кромѣ того, что знаніе своихъ правъ и обязанностей поставитъ юношей въ вѣрное положеніе къ существующему порядку, это знаніе съ раннихъ лѣтъ, разовьетъ въ нихъ пониманіе чувства законности—перваго условія гражданскаго устройства. Преподаваніе законовѣдѣнія, по мнѣнію совѣта, можетъ быть возложено или на инспектора училищъ, или на одного изъ учителей, такъ какъ каждому изъ нихъ достаточно знакомы отечественные законы по гимназическому курсу. Что же касается до вопроса: слѣдуетъ ли удержать законовѣдѣніе въ курсѣ предметовъ гимназическихъ, или отнести его, какъ сдѣлано въ проэктѣ, къ предметамъ дополнительнымъ, совѣтъ гимназіи, въ которой законовѣдѣніе преподавалось съ успѣхомъ больше 20 лѣтъ, полагалъ, что оно должно входить въ нормальный курсъ предметовъ гимназическихъ уже по одному тому обстоятельству, что изъ сибирскихъ гимназій, по отдаленности ихъ отъ университета, только не многіе могутъ пользоваться благодѣяніями высшаго образованія, огромное же большинство поступаетъ прямо на службу; поэтому и главная цѣль здѣшней гимназіи, кромѣ общаго образованія есть приготовленіе молодыхъ людей для службы. Больше нечего взять изъ мнѣній членовъ совѣта, если не принимать въ расчетъ мнѣніе о томъ, чтобы сдѣлать въ учебныхъ заведеніяхъ вообще необязательнымъ изученіе какихъ бы ни было языковъ, какъ предметовъ „не существенныхъ". Но такъ какъ это мнѣніе почти не обосновано, то на немъ и останавливаться не стоитъ. Вообще преподаватели Тобольской гимназіи мало занимались министерскимъ проэктомъ, потому что у нихъ и времени на это не было: преподаватели были заняты переводными экзаменами, при томъ же на этихъ экзаменахъ присутствовалъ главный инспекторъ.

Въ $18^{60}/_{61}$ году допущенъ (съ 1 апрѣля 1861 года) къ исправленію должности учителя французскаго языка, по найму, отставной коллежскій секретарь Осипъ Станиславовъ Палюлонъ (вмѣсто исправлявшаго эту должность Захаревича), который былъ утвержденъ учителемъ съ 23 августа 1862

года по выдержаніи экзамена на званіе учителя французскаго языка. П—нъ обучался въ Кромской гимназіи (нынѣ Ковенская) и окончилъ въ ней курсъ въ 1834 году; по окончаніи курса выдержалъ экзаменъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ на званіе домашняго учителя съ правомъ преподавать въ частныхъ домахъ латинскій языкъ и ариѳметику. Въ 1854 году онъ поступилъ въ распоряженіе главнаго управленія Западной Сибири, гдѣ былъ архиваріусомъ. Учителемъ математики назначенъ учитель духовной семинаріи Слаута. Слаута окончилъ курсъ въ С.-Петербургской духовной академіи и въ 1841 году былъ назначенъ учителемъ физикоматематическихъ наукъ въ Тобольскую духовную семинарію и смотрителемъ духовныхъ училищъ. Кромѣ математики онъ также преподавалъ естественную исторію и сельское хозяйство; съ сентября 1842 г. по сентябрь 1843 года велъ въ воскресные дни катихизическія бесѣды, съ ноября 1845 года по іюль 46 года проходилъ должность учителя по классу нотнаго пѣнія, въ 1848 году преподавалъ греческій языкъ, въ 1857 году преподавалъ гражданскую и русскую исторію.

Окончили курсъ: Тюменцевъ Гавріилъ (съ золотою медалью), Доброхотовъ Николай, Кржижановскій Максимильянъ, Папинъ Дмитрій, Соинъ Николай (съ серебряною медалью), Цвѣтковъ Николай (тоже), Рѣзановъ Сергѣй, Словцовъ Иванъ, Тутолминъ Иванъ, Михалевъ Николай—Михалевъ съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена, Софоновъ Максимильянъ, Бабановскій Николай, Рѣзановъ Николай, Карповъ Ѳедоръ, Поповъ Илья, Пушкаревъ Николай. Три ученика по желанію оставлены на второй годъ. Признаны достойными къ отправленію въ университетъ на казенный счетъ: Тюменцевъ и Кржижановскій. Представляя главному инспектору вѣдомости о справочныхъ цѣнахъ на жизненные припасы за послѣднія десять лѣтъ, директоръ Ершовъ обратилъ его вниманіе на огромную разницу цѣнъ и ходатайствовалъ увеличить сумму, положенную на содержаніе казенныхъ воспитанниковъ, съ 91 р. $82^1/_4$ коп. въ годъ до 110 р., а плату съ своекоштныхъ пансіонеровъ съ 110 руб. до 130 руб. Министръ народнаго просвѣщенія согласился только на увеличеніе послѣдней цыфры и съ $18^{62}/_{63}$ учеб. года въ Тобольской гимназіи стали взимать съ своекоштныхъ пансіонеровъ 130 р. въ годъ, кромѣ 30 р. при первоначальномъ поступленіи ученика въ пансіонъ; кромѣ того, своекоштные пансіонеры должны были платить 10 руб. за право ученія на ряду съ приходящими учениками.

Въ $18^{61}/_{62}$ уч. году учителя дух. семинаріи: Иванъ Алексѣевъ Тверитинъ былъ допущенъ къ и. д. учителя естественной исторіи, а Македонъ Емельяновъ назначенъ учителемъ латинскаго языка. Тверитинъ по окончаніи курса въ Горыгорѣцкой земледѣльческой школѣ въ 1846 году опредѣленъ былъ учителемъ сельскаго хозяйства и естественной исторіи въ Тобольскую духовную семинарію: съ 1847 года по 1849-й проходилъ должность помощника инспектора; въ 1848 году преподавалъ латинскій языкъ въ низшемъ отдѣленіи семинаріи, въ 1850 году „землемѣріе и вообще практическую геометрію", въ 1857 году французскій языкъ, въ 1859 году временно преподавалъ всеобщую

и гражданскую исторію и ученіе о богослужебныхъ книгахъ. Емельяновъ по окончаніи курса въ Казанской духовной академіи опредѣленъ былъ въ Тобольскую семинарію въ 1846 году учителемъ по классу словесности и татарскаго языка; съ сентября 1847 года по сентябрь 1848 года велъ съ учениками въ воскресные дни катихизическія бесѣды; преподавалъ науку о богослужебныхъ книгахъ; проходилъ должность смотрителя Тобольскихъ духовныхъ училищъ; занималъ временно также классъ священнаго писанія и православнаго исповѣданія вѣры; три года былъ экономомъ семинаріи. Кандидатъ Казанскаго университета Николай Андреевъ Ефремовъ былъ опредѣленъ учителемъ русскаго языка.

Къ этому году относится учрежденіе при пансіонѣ Тобольской гимназіи двухъ стипендій имени бывшаго г.г. Западной Сибири Гасфорда. Стипендіи составились изъ добровольныхъ пожертвованій (6000 р.—240 р. %), сдѣланныхъ купцами нѣкоторыхъ городовъ Тобольской губерніи съ участіемъ чиновниковъ. Съ Высочайшаго утвержденія, по положенію сибирскаго комитета, одна изъ стипендій, въ уваженіе значительнаго пожертвованія, сдѣланнаго Тюменскимъ купечествомъ, была предоставлена одному изъ бѣдныхъ Тюменскихъ мальчиковъ, а другая дѣтямъ чиновниковъ Тобольской губерніи. Избраніе перваго принадлежитъ Тюменскому городскому обществу, а избраніе втораго—педагогическому совѣту гимназіи. Окончили курсъ 15 учениковъ; изъ нихъ Николай Большаковъ окончилъ курсъ съ золотой медалью.

Количество учениковъ, ихъ распредѣленіе по сословіямъ, переводъ въ высшіе классы и количество пансіонеровъ, мы, по принятому нами плану покажемъ въ особой таблицѣ.

Учебные годы.	Общее число учениковъ къ 1 января.	Дворянъ и чиновниковъ.	Городскаго сословія.	Сельскаго сословія.	Почтов. вѣдомств.	Духовнаго званія.	Количество переведенныхъ въ высшіе классы.							Количество пансіонеровъ.
							II	III	IV	V	VI	VII	Окончили.	
$18^{56}/_{57}$	151	106	22	8	13	2	—	—	—	—	—	—	12	—
$18^{57}/_{58}$	175	130	29	16	—	—	—	—	—	—	—	—	11	55
$18^{58}/_{59}$	196	142	24	30	—	—	—	—	—	—	—	—	11	—
$18^{59}/_{60}$	188	140	26	22	—	—	без 10 и 31	ъ п 12 съ	ере 14 пер	экза 10 еэкз	мен 5 аме	овк. 11 нов.	17	—
$18^{60}/_{61}$	—	—	—	—	—	—	23	23	19	19	17	9	16	—
$18^{61}/_{62}$	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15	—

Къ сожалѣнію намъ приходится ограничиться этимъ обзоромъ дѣятельности директора Ершова, потому что для рѣшенія другихъ вопросовъ, напр., какія мѣры были предприняты имъ по учебной и воспитательной частямъ, мы ничего въ дѣлахъ архива не нашли, можетъ быть потому и не было въ этомъ отношеніи что нибудь предпринято. Можно думать, что, какъ и въ предшествующее директорство, гимназія въ учебномъ и воспитательномъ отношеніи жила и питалась тѣмъ, что далъ ей первый ея устроитель Качуринъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ устройствѣ гимназіи Качуринымъ принималъ участіе, по должности инспектора очень близкое, и Ершовъ. Чего нибудь новаго и ждать было нельзя. Слѣдовательно все дѣло въ томъ, какъ при Ершовѣ примѣнялось то старое, которое въ былое время принесло несомнѣнную пользу Тобольской гимназіи. Но на этотъ вопросъ мы положительно не можемъ дать отвѣта. Въ дѣлахъ архива сохранилось одно только мѣропріятіе по учебной части, относящееся къ $18^{60}/_{61}$ учебн. году. Вотъ оно: совѣтъ призналъ, чтобы при среднихъ выводахъ по каждому предмету годовую отмѣтку сравнивать съ среднею же отмѣткою по экзамену, не откидывая дробей, и потомъ изъ выведенныхъ такимъ образомъ среднихъ отмѣтокъ по каждому предмету, также не откидывая дробей, выводить общую среднюю отмѣтку изъ всѣхъ предметовъ. Для перевода въ слѣдующій классъ необходимо, чтобы общая средняя отмѣтка была не менѣе $2^1/_2$. Вообще при всѣхъ выводахъ дроби не должны быть откидываемы или замѣняемы единицей". Не нужно быть учителемъ, чтобы понять весь вредъ, который долженъ былъ происходить отъ примѣненія такого постановленія. Вѣдь это значило, что полная неуспѣшность по какому либо предмету не могла препятствовать переходу ученика изъ класса въ классъ. Выходитъ, что, наприм., единица по латинскому языку можетъ быть покрыта балломъ 4 по географіи, или тойже четверкой могли быть покрыты три двойки: по русскому языку, латинскому и исторіи. Если дѣйствительно педагогическій совѣтъ такъ поступалъ, какъ писалъ, то можно предположить, что успѣшность учениковъ по предметамъ была очень мала. Цыфровыя данныя за $18^{60}/_{61}$ учебный годъ говорятъ намъ, что общее количество переведенныхъ въ слѣдующіе классы (считая въ томъ числѣ и окончившихъ курсъ) выражалось 67%. Несомнѣнно, что эта цыфра мала при той легкости перехода въ слѣдующіе классы, какую предполагаетъ вышеприведенное постановленіе. Въ нашемъ распоряженіи имѣется еще одно постановленіе совѣта, которое также могло оказывать вліяніе на недостаточность успѣховъ. Въ 1860 году, въ силу обстоятельства, о которомъ скажемъ сейчасъ, результатъ экзаменовъ оказался очень плачевнымъ, такъ что изъ 190 учениковъ, только 69 были переведены въ слѣдующіе классы безъ передержки (въ томъ числѣ 7 окончившихъ курсъ); 72 ученика были допущены къ переэкзаменовкѣ (въ томъ числѣ 14 учениковъ оканчивавшихъ курсъ). Изъ послѣднихъ 11 выдержали переэкзаменовку, а трое по малоуспѣшности были оставлены еще на годъ. Изъ 58 подвергавшихся переэкзаменовкѣ въ августѣ выдержали экзаменъ только 12 учениковъ. Очевидно,

больше ждать было нечего, но не такъ думали учителя. Прошу не удивляться: почти всѣ, не выдержавшіе переэкзаменовокъ въ августѣ, были допущены въ началѣ сентября ко вторичной переэкзаменовкѣ. Изъ этихъ послѣднихъ 19 выдержали переэкзаменовку. Не педагогичнѣе ничего нельзя придумать. Впрочемъ есть указанія и на то, что совѣтъ не дозволялъ, наприм., казеннымъ воспитанникамъ, не оказывающимъ успѣха, долго сидѣть въ пансіонѣ. Такъ въ 1861 году уволенъ былъ съ казеннаго содержанія Е—нскій, пробывшій въ одномъ классѣ два года и оставленный въ слѣдующемъ классѣ на второй годъ. При такихъ же условіяхъ уволены Б—нъ, П—въ и др.

Обстоятельствомъ, оказавшимъ большое вліяніе на результатъ экзаменовъ въ 1860 году, служило то, что на экзаменахъ присутствовалъ главный инспекторъ. Поповъ пріѣхалъ въ Тобольскъ въ маѣ. Изъ рапорта директора, поданнаго главному инспектору, мы узнаемъ, что чиновниковъ и преподавателей въ Тобольской гимназіи было 18, учащихся 190 (въ I классѣ 28 человѣкъ, во II—39, въ III—37, въ IV—26, въ V—20, въ VI—19, въ VII—21), въ томъ числѣ въ пансіонѣ гимназіи 30 казенныхъ воспитанниковъ, 3 отъ благотворителей и 16 пансіонеровъ. Въ фундаментальной библіотекѣ гимназіи было 2158 экземпляровъ въ 5269 томахъ (по отчету къ январю 1860 г.), въ физическомъ кабинетѣ 103 экз. инструментовъ, въ минералогическомъ 1348 минераловъ, въ мюнцъ-кабинетѣ 237 №№ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ". Фундаментальная и продажная библіотеки и минералогическій кабинетъ найдены были главнымъ инспекторомъ въ должномъ порядкѣ и въ наличности по каталогамъ: „для фундаментальной библіотеки ведутся каталоги, одинъ документальный, а другой—систематическій; минералы расположены по породамъ". „Спальни воспитанниковъ, писалъ потомъ инспекторъ въ отчетѣ, удобны и помѣстительны, содержатся въ чистотѣ и часто провѣтриваются. Платье, бѣлье и обувь на воспитанникахъ и въ гардеробѣ опрятныя и приличныя. Пища приготовляется здоровая изъ свѣжихъ припасовъ. Въ больницѣ не оказалось ни одного больнаго. Вообще хозяйство пансіона ведется расчетливо и предусмотрительно"... „Текущія дѣла въ канцеляріи находятся въ должномъ порядкѣ и исправности. Архивъ также находится въ порядкѣ, всѣ дѣла размѣщены въ приличныхъ шкапахъ по годамъ. Суммы въ гимназіи найдены всѣ въ наличности. Приходо-расходныя книги ведутся исправно". 26 мая инспекторъ присутствовалъ на экзаменѣ по *Закону Божію* и нашелъ, что успѣхи въ Законѣ Божіемъ вообще очень хорошіе; 27—на экзаменѣ изъ *русскаго языка* и *словесности* успѣхи въ грамматикѣ (преподаватель К. Ширскій) оказались мало достаточными, въ теоріи словесности и исторіи литературы (А. Плотниковъ) средственные; сочиненія были написаны вообще средственно. 28 мая на экзаменѣ по *законовѣдѣнію* (Матросовъ) успѣхи оказались достаточные, а въ татарскомъ языкѣ—средственные; 30 мая на экзаменѣ по *латинскому языку* (Игнатьевъ) успѣхи оказались достаточные, а по *географіи* (Кузьминъ) хорошіе; 31—по *всеобщей* и *россійской* исторіи (Бѣлорусцевъ) средственные; 1 іюня по новымъ языкамъ (нѣмец. Бостремъ) успѣхи

оказались достаточные; 3 іюня по *математикѣ* (Крыницынъ) удовлетворительные. 4 іюня инспекторъ присутствовалъ на педагогическомъ совѣтѣ, на которомъ были присуждены двѣ золотыя и двѣ серебряныя медали. Въ отчетѣ главнаго инспектора, представленнаго имъ генералъ-губернатору, мы, кромѣ указаннаго, находимъ слѣдующее: 1) преподаватель Закона Божія священникъ Иваницкій отличается примѣрнымъ трудолюбіемъ и особеннымъ умѣньемъ передавать своимъ слушателямъ языкомъ простымъ и удобопонятнымъ высокія истины христіанскаго ученія; 2) относительно преподаванія русской словесности замѣчены въ сочиненіяхъ учениковъ недостатокъ логической послѣдовательности и вообще неразвитость умственныхъ способностей. Генералъ-губернаторъ по поводу этого сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: „Я это нахожу непростительнымъ и не удивляюсь послѣ того, что многіе ученики выходятъ изъ гимназіи, не умѣя при опредѣленіи ихъ на службу излагать порядочно ни своихъ, ни данныхъ имъ начальствомъ мыслей, вмѣсто чистаго яснаго изложенія существа предмета увлекаются побочными мелочами, напыщенными фразами безъ всякой логичности и правильности въ расположеніи періодовъ. Я объ этомъ при осмотрахъ моихъ всегда подтверждалъ гг. обучающимъ, точно также какъ о правильномъ всероссійскомъ произношеніи словъ къ искорененію Сибирскихъ провинціализмовъ“. 3) Преподаватель исторіи, какъ видно, передавалъ своимъ слушателямъ факты безъ всякаго выбора и безъ объясненія ихъ значенія; съ событіями новѣйшей исторіи ученики почти вовсе не знакомы. 4) Замѣчено, что преподаватель тригонометріи и физики мало знакомитъ своихъ слушателей съ инструментами и рѣдко, кажется, дѣлалъ съ ними съемки и физическіе опыты. Можетъ быть причиной этого былъ недостатокъ въ самыхъ инструментахъ, въ такомъ случаѣ гимназія должна озаботиться устраненіемъ этого недостатка. 5) Учитель нѣмецкаго языка обладаетъ отличными педагогическими способностями и по отзыву директора гимназіи съ неутомимою ревностью исполняетъ свою обязанность. 6) Преподаваніе татарскаго языка совершенно лишнее въ Тобольской гимназіи, потому что 1) учащіеся ему выносятъ самыя плохія знанія и 2) не имѣютъ возможности и даже нужды сдѣлать изъ него какое либо практическое приложеніе къ общественной или служебной своей дѣятельности. Татары Тобольской губерніи до того обрусѣли, что въ сношеніяхъ своихъ съ русскими никогда не прибѣгаютъ къ помощи толмачей или переводчиковъ, и слѣдовательно ни присутственныя мѣста, ни промышленный классъ не нуждаются въ знатокахъ татарскаго языка. Полезнѣе бы было языкъ этотъ замѣнить другимъ какимъ либо предметомъ примѣнительно къ практическимъ цѣлямъ мѣстныхъ жителей, напр., химіей или технологіей. 7) Въ отчетѣ о Тобольской Маріинской школѣ, сплошь наполненномъ восхваленіемъ ея во всѣхъ отношеніяхъ, Поповъ такъ отзывается объ ея членѣ по учебной части директорѣ гимназіи Ершовѣ: „учебная часть школы удачнымъ выборомъ наставниковъ и прекрасными успѣхами ученицъ вполнѣ обязана просвѣщенной заботливости и полному знанію педагогическихъ требованій г. Ершова“. Въ общемъ, можно сказать,

отзывъ главнаго инспектора о состоянiи Тобольской гимназiи не особенно хорошъ. Впрочемъ если мы сравнимъ его съ отзывомъ о Томской гимназiи, то увидимъ, что наша гимназiя во многихъ отношенiяхъ превосходила Томскую. Вотъ отзывъ инспектора о Томскомъ пансiонѣ: гардеробъ, буфетъ и умывальня находятся въ одной небольшой комнатѣ, что препятствуетъ соблюдать должную опрятность, умывальный приборъ требуетъ обновленiя или замѣны совершенно новымъ; постельное бѣлье грубо и большая часть одѣялъ негодны; многiя пары бѣлья довольно ветхи; суконное платье не въ должномъ порядкѣ и полнотѣ. Генералъ-губернаторъ приписалъ: „Посему заключить должно, что замѣченные мною во времена дирекцiи г. Мещерина (—ринова?) безпорядки и упущенiя и понынѣ еще отчасти существуютъ". Успѣхи по предметамъ тоже оказались не вездѣ удовлетворительными: въ русской грамматикѣ недостаточными, въ славянской плохими, а въ теорiи словесности, поэзiи и исторiи литературы замѣтно было безсознательное заучиванiе наизусть, почему и въ самыхъ сочиненiяхъ видно было полное отсутствiе логической послѣдовательности мыслей; въ латинскомъ языкѣ малодостаточными, въ законовѣдѣнiи ниже посредственныхъ, въ французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ посредственными. По этимъ языкамъ ученики вообще плохо читаютъ и мало знакомы съ грамматическими правилами, переводятъ съ французскаго языка большею частiю на угадъ. Значитъ Тобольская гимназiя была въ сравнительно удовлетворительномъ состоянiи. Въ заключенiе своего отчета инспекторъ засвидѣтельствовалъ объ особенномъ усердiи и неутомимой дѣятельности по Тобольской гимназiи директора Ершова, инспектора Доброхотова, законоучителя Иваницкаго, учителей Матросова и Бострема.

Практическимъ результатомъ ревизiи Попова было прекращенiе съ начала 18⁶¹/₆₂ уч. года преподаванiя въ Тобольской гимназiи татарскаго языка, который былъ замѣненъ естественной исторiей. Такимъ образомъ только въ 1861 году исполнилось то, о чемъ хлопоталъ предмѣстникъ Ершова Чигиринцевъ въ 1851 г. Замѣна предметовъ утверждена въ октябрѣ 1861 года, въ видѣ временной мѣры, съ тѣмъ вознагражденiемъ, какое получалъ преподаватель татарскаго языка, т. е. по 171 руб. 42 коп. въ годъ. Преподавать естественную исторiю былъ приглашенъ учитель мѣстной семинарiи Иванъ Тверитинъ. Дѣлая представленiе о замѣнѣ татарскаго языка естественной исторiей, Ершовъ повторилъ тѣ соображенiя о безполезности изученiя татарскаго языка, которыя приводилъ Чигиринцевъ. Относительно удобства изученiя естественныхъ наукъ въ Тобольской гимназiи Ершовъ прибавилъ отъ себя слѣдующее: „немногiя гимназiи имѣютъ такiя пособiя для изученiя естественныхъ наукъ, какъ Тобольская. Она владѣетъ минералогическимъ кабинетомъ, въ которомъ считается до 1359 породъ минераловъ; сочиненiй по естественнымъ наукамъ простирается до 50 томовъ, между которыми находится много изданiй, содержащихъ въ себѣ изображенiя животныхъ и растенiй". При этомъ Ершовъ высказывалъ надежду на самыя благопрiятныя результаты. Изученiе естественной исторiи было введено сначала въ

четырехъ старшихъ классахъ, и только съ начала $18^{63}/_{64}$ учебнаго года (при директорѣ Рудаковѣ) разрѣшено было ввести полный курсъ естественной исторіи и преподавателю давать жалованье на правахъ старшаго учителя гимназіи. Въ томъ же году Тверитинъ былъ уволенъ изъ духовнаго вѣдомства и поступилъ въ Тобольскую гимназію старшимъ учителемъ.

Въ началѣ 1862 года Ершовъ былъ уволенъ по прошенію отъ должности въ отставку, а на его мѣсто директоромъ Тобольской гимназіи былъ назначенъ преподаватель законовѣдѣнія Томской гимназіи Филологъ Васильевичъ Рудаковъ, впослѣдствіи главный инспекторъ училищъ восточной Сибири.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Директоръ Рудаковъ.—Рапорты преподавателей.—Обсужденіе рапортовъ въ педагогическомъ совѣтѣ и постановленія его.—Утвержденіе протоколовъ генералъ-губернаторомъ.—Мѣропріятія на основаніи этого утвержденія.—Объявленіе въ „Вѣдомостяхъ" о постановленіяхъ совѣта.—Правила посѣщенія гимназіи посторонними лицами и вопросы, подлежащіе обсужденію совѣта въ присутствіи нечленовъ.—Печатаніе протоколовъ совѣта въ „Губерн. Вѣдом."—Воспитательныя мѣры и устройство пансіона.

Ф. В. Рудаковъ родился 6 января 1827 года въ уѣздномъ городѣ Томской губерніи Каинскѣ, гдѣ отецъ его былъ штатнымъ смотрителемъ уѣзднаго училища. Отецъ Рудакова умеръ, когда будущему нашему директору было около трехъ лѣтъ. Вдова смотрителя переѣхала на жительство съ дѣтьми въ Томскъ, гдѣ Филологъ Рудаковъ и получилъ первоначальное и среднее образованіе: сначала онъ учился въ уѣздномъ училищѣ, а потомъ, съ открытіемъ въ Томскѣ 10 декабря 1838 г. гимназіи, поступилъ въ нее пансіонеромъ казны прямо во II классъ, и окончилъ въ ней курсъ въ 1844 году вмѣстѣ съ другими пятью гимназистами 1-го выпуска. Какъ въ уѣздномъ училищѣ, такъ и въ гимназіи онъ учился весьма успѣшно и переходилъ изъ класса въ классъ съ большими похвальными листами, каковыхъ у него послѣ смерти найдено цѣлыхъ пять съ надписью „за благонравіе и прилежаніе". Затѣмъ онъ былъ отправленъ на казенный счетъ въ Казанскій университетъ, гдѣ, по случайнымъ вліяніямъ и совѣтамъ, избралъ для своего образованія только что открывшееся тогда камеральное отдѣленіе юридическаго факультета, на которомъ и окончилъ курсъ въ 1848 году 22-хъ лѣтъ отъ роду. „И такъ сбылись мои надежды и ожиданія", писалъ онъ своей нѣжно любимой матери: „я кончилъ курсъ и притомъ такъ, какъ не многимъ случается.... Экзаменъ кончился тѣмъ, что испытательный комитетъ призналъ меня вполнѣ способнымъ и достойнымъ занять должность учителя". Въ дипломѣ Рудакова сказано: „Во время нахожденія въ университетѣ при способностяхъ, прилежаніи и поведеніи *отличныхъ* обучался... съ успѣхами *отличными*. Окончивъ

полный курсъ наукъ и на публичныхъ испытаніяхъ доказавъ свои познанія совершенно удовлетворительными отвѣтами, онъ представилъ письменное разсужденіе на предложенную юридическимъ факультетомъ въ 1847 году тему: „О статистическихъ отношеніяхъ киргизскихъ и калмыцкихъ степей и настоящемъ управленіи народами, тамъ обитающими", которое, по разсмотрѣніи въ факультетѣ, признано во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительнымъ; почему въ торжественномъ собраніи университета въ концѣ 1848 г. награжденъ золотою медалью и утвержденъ кандидатомъ юридическаго факультета по разряду камеральныхъ наукъ". Профессора Д. И. Мейеръ и Е. П. Осокинъ предлагали ему остаться при университетѣ съ цѣлью приготовленія къ магистерскому экзамену и подавали ему надежду, что онъ будетъ командированъ съ ученою цѣлью за-границу и затѣмъ можетъ занять каѳедру въ университетѣ. Но какъ ни заманчиво было это предложеніе, Рудаковъ долженъ былъ отъ него отказаться, чтобы скорѣе оказать помощь своей матери, такъ давно ожидавшей его поддержки; къ тому же онъ горѣлъ юношескимъ желаніемъ поскорѣе поступить на службу въ Сибирь, которая неудержимо влекла его къ себѣ. При опредѣленіи Рудакова на службу произошла неожиданная задержка, въ силу которой по окончаніи курса Рудаковъ пробылъ въ Казани нѣсколько лишнихъ мѣсяцевъ. Однако это время не прошло для него даромъ; и одинъ фактъ оставилъ въ немъ очень пріятное воспоминаніе. Казанскій университетъ оказалъ ему большую честь. Въ это время держалъ магистерскій экзаменъ учитель Пензенскаго дворянскаго института—на степень магистра уголовнаго права, и, по окончаніи экзамена, назначенъ былъ ему диспутъ для защиты диссертаціи: „Объ очистительной присягѣ въ уголовныхъ дѣлахъ". Изъ профессорскаго персонала юридическаго факультета могли быть назначены, вмѣсто трехъ, только два оффиціальныхъ оппонента: профессора Фогель и Мейеръ. И вотъ, по предложенію бывшаго тогда деканомъ университета Н. А. Иванова, третьимъ оффиціальнымъ оппонентомъ былъ назначенъ Рудаковъ. Не будемъ разсказывать о томъ волненіи, какое испыталъ юный оппонентъ, сидя рядомъ съ профессорами въ ожиданіи своей очереди, пропустимъ и его возраженія, очень дѣльныя и задушевныя, скажемъ прямо, на основаніи его словъ въ письмѣ къ матери, что онъ исполнилъ свое дѣло съ бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ отъ него ожидали. Послѣ диспута въ студенческихъ кружкахъ и въ частныхъ домахъ о его возраженіяхъ и состязаніи говорили больше, чѣмъ о возраженіяхъ профессоровъ. Наконецъ 19 января 1849 года Рудаковъ былъ опредѣленъ старшимъ учителемъ судопроизводства въ Томскую гимназію, а въ слѣдующемъ году на него возложено было и законовѣдѣніе. Въ первое же время ему представлялась возможность перемѣнить свою скромную и безъ карьеры учительскую дѣятельность на гражданскую службу, но учительская служба ему была болѣе по сердцу, и въ этомъ онъ никогда не раскаивался. Будучи учителемъ, Рудаковъ исполнялъ всевозможныя учительскія обязанности, а съ января 1853 года до августа 1854 года исправлялъ должность надзирателя за казенными воспитанниками. Эту

должность Рудаковъ получилъ по слѣдующему случаю: въ одномъ изъ засѣданій педагогическаго совѣта, въ которомъ разсматривалось поведеніе учениковъ и проэктировались разныя мѣры взысканія съ нихъ, у Рудакова завязался съ бывшимъ его сослуживцемъ, исправлявшимъ тогда должность надзирателя, жаркій споръ о характерѣ этихъ взысканій. Рудаковъ настаивалъ на необходимости употребленія кроткихъ мѣръ, а не карательныхъ. Сослуживецъ же его возражалъ, что кроткія мѣры противъ дурныхъ учениковъ хороши только въ теоріи, и прибавилъ: „попробовали бы сами ограничиваться этими мѣрами, такъ заговорили бы другое". „Что же, я готовъ испробовать!" отвѣчалъ Рудаковъ. Директоръ воспользовался этими его словами, и рѣшено было сдѣлать опытъ и поручить Рудакову на одинъ мѣсяцъ исправленіе надзирательской должности. Чрезъ мѣсяцъ Рудаковъ представилъ въ совѣтъ подробный отчетъ. Опытъ вышелъ вполнѣ удаченъ, и Рудаковъ былъ назначенъ надзирателемъ, а его сослуживецъ оставилъ эту должность. Кромѣ службы по гимназіи Рудаковъ много принесъ пользы и Томскому комитету общества попечительства о тюрьмахъ въ должности секретаря, которую исполнялъ безплатно. Когда онъ вступилъ въ эту должность, то увидѣлъ, что мѣстное попечительство о тюрьмахъ существовало только на бумагѣ и при томъ въ самомъ небольшемъ числѣ номинальныхъ членовъ, вся дѣятельность которыхъ ограничивалась подпискою посылаемыхъ къ нимъ на домъ журналовъ объ удовлетвореніи тюремныхъ поставщиковъ и объ отпускѣ кормовыхъ денегъ. Директоры комитета тюрьму не посѣщали; въ тюрьмѣ царствовалъ полнѣйшій произволъ тюремныхъ властей; просьбы и нужды арестантовъ до свѣдѣнія комитета не доходили; никакихъ мѣропріятій къ улучшенію ихъ печальнаго быта не дѣлалось. Благодаря старанію Рудакова и вниманію къ его доводамъ бывшаго тогда вице-президента комитета губернатора В. А. Бекманъ дѣло комитета ожило и поставлено было на прямую дорогу. Общество изъ номинальнаго сдѣлалось дѣйствительнымъ, и труды и заботы комитета выдѣлились рѣзко и обратило на себя вниманіе главнаго управляющаго въ С.-Петербургѣ. Бывшій тогда президентъ общества графъ (впослѣдствіи князь) А. Ѳ. Орловъ сдѣлалъ о томъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ докладъ, и результатомъ этого было—небывалый тогда фактъ—объявленіе Высочайшаго благоволенія Томскому тюремному комитету „за отличную дѣятельность въ 1852 году по положенію тюремъ и арестантовъ". Позднѣе Рудаковъ и лично получилъ доказательство справедливой оцѣнки своимъ трудамъ. Такъ 5 августа 1855 г. „за отлично-усердную и полезную службу" по секретарской должности выдано было ему въ нагнаду, съ разрѣшенія президента общества, единовременно 500 руб. изъ суммъ Томскаго комитета, а съ 1 іюня 1856 г. назначено было ему производство жалованья по этой должности въ размѣрѣ 300 руб. въ годъ. Впрочемъ отъ жалованья Рудаковъ потомъ отказался (съ 1 января 1859 года). Впослѣдствіи, по его же инціативѣ и стараніямъ, открыто было въ Томскѣ и женское отдѣленіе тюремнаго комитета, и тутъ секретаремъ былъ Рудаковъ же. Дѣятельность отдѣленія была направлена, кромѣ заботъ о нуждахъ женщинъ—арес-

тантокъ, и на сиропитательное отдѣленіе для арестантскихъ дѣтей, тогда же возникшее. Впрочемъ Рудакову не долго пришлось управлять дѣлами женскаго отдѣленія: онъ скоро былъ переведенъ въ Тобольскъ. 13-ть лѣтъ пробылъ Рудаковъ учителемъ въ Томской гимназіи, исполняя кромѣ учительства многіе другіе труды и порученія, что ему впослѣдствіи очень пригодилось. „Судя по собственному опыту, писалъ онъ однажды изъ Тобольска въ Томскъ, я съ убѣжденіемъ говорю, что чѣмъ разнообразнѣе дѣятельность въ первые годы службы, тѣмъ болѣе дастъ она полезныхъ результатовъ впослѣдствіи. Какъ часто я сожалѣю нынѣ, что вмѣсто тринадцати почти лѣтъ, проведенныхъ мною на должности учителя одного и того же предмета, я не имѣлъ возможности употребить это время поочередно на преподаваніе четырехъ или даже пяти предметовъ: правда, что въ эти годы нельзя сдѣлаться преподавателемъ вполнѣ удовлетворяющимъ всѣмъ требованіямъ, но за то сколько пользы ожидать можно было бы послѣ этой подготовки при преподаваніи окончательно избраннаго предмета. Съ другой стороны какъ долженъ я благодарить Бога, что въ теченіе прежняго времени имѣлъ случай быть надзирателемъ и кромѣ того познакомиться съ посторонними, повидимому, для педагога родами службы". 9-го марта 1862 г. Рудаковъ былъ опредѣленъ директоромъ училищъ Тобольской губерніи, минуя инспекторскую должность. Назначеніе Рудакова въ директора всѣми было встрѣчено весьма сочувственно какъ въ Томскѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ были люди, знавшіе его. Такъ изъ Оханска пишетъ ему одинъ пріятель: „Вашъ умъ и сердце не только привлекутъ къ вамъ новыхъ друзей въ Тобольскѣ, но рано или поздно оцѣнятся достойно и тѣми, которые, по дьявольскому навожденію, вдались въ вражду". „Люблю тебя, пишетъ Рудакову другъ изъ Барнаула, и уважаю все такъ же, какъ и въ былое время, да еще кажется мнѣ и больше, потому что начинаютъ сбываться пророчества души моей: какой-то тайный голосъ сердца говоритъ мнѣ, что другъ мой пойдетъ высоко по жизненному пути своему и мнѣ тѣмъ доставитъ святую радость въ оправданіи надеждъ моихъ. Это сбывается и душа моя ликуетъ! Часто, часто воспоминанія сердца моего невольно заставляютъ меня думать о тебѣ, какъ о прекраснѣйшемъ явленіи между немногими въ жизни моей—вотъ въ чемъ состоитъ вся суть потребности души моей относительно тебя. Ты не можешь вообразить, а я не могу выразить, сколько мнѣ приноситъ радостей и удовольствія каждое письмо твое! Тебѣ покажется страннымъ, когда я скажу тебѣ, что я предвидѣлъ въ тебѣ то, что ты теперь есть, послѣ перваго впечатлѣнія при первомъ нашемъ свиданіи въ началѣ сороковыхъ годовъ. Вижу ты улыбаешься, такъ нѣтъ! я скажу тебѣ болѣе: я ожидалъ, что ты будешь, въ сравненіи съ твоимъ настоящимъ, наибольшимъ дѣятелемъ на пользу государственную. Ты былъ юношей, а я взрослымъ уже мущиной и почему же, кто могъ запретить мнѣ думать по моему произволу? Но я умиротворился и любуюсь твоимъ настоящимъ, потому что ты и самъ, благодаря Бога, доволенъ своимъ состояніемъ; такъ отдай же мнѣ мою радость о тебѣ, радость искреннюю, сердечную, непреложную". „Поздравляю васъ съ новою должностью,

привѣтствовалъ Рудакова епископъ Селенгинскій Веніаминъ (нынѣ архіепископъ Иркутскій), бывшій ректоромъ Томской семинаріи. Я и прежде поздравлялъ васъ, но тогда поздравленіе относилось къ будущему, а теперь уже къ настоящему. Тогда говорилъ и теперь скажу, что я душевно радуюсь за Тобольскую гимназію, что Господь послалъ ей такого начальника". [1])

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Тобольскъ новый директоръ предложилъ преподавателямъ высказаться письменно о томъ, какія кому представлялись въ годы прежней дѣятельности препятствія къ болѣе успѣшному преподаванію, и указать въ особенности на лежавшія внѣ воли преподавателя. Каждый долженъ былъ припомнить, что именно лишало его возможности сдѣлать свое преподаваніе болѣе доступнымъ для дѣтей. По мнѣнію Рудакова, добросовѣстный педагогъ никогда не можетъ сказать, что онъ уже сдѣлалъ все, что довелъ свое преподаваніе до возможнаго совершенства, что болѣе ему нечего дѣлать. Преподаватели приглашались также изложить письменно, какія кто предполагаетъ сдѣлать улучшенія въ преподаваніи своего предмета, не думаетъ ли кто ввести какой либо новый методъ преподаванія, не нужно ли будетъ для этого пріобрѣсти какія нибудь новыя пособія, разумѣется, доступныя средствамъ Тобольской гимназіи, не нуждается ли преподаватель для успѣшности своихъ отдѣльныхъ дѣйствій въ участіи и содѣйствіи другихъ преподавателей и въ чемъ именно должно заключаться это содѣйствіе. Директоръ предлагалъ преподавателямъ представить свои соображенія къ 20-му іюля и не позже 1-го августа, такъ чтобы до начала учебнаго года можно было внести ихъ на обсужденіе общаго педагогическаго совѣта, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя заключенія совѣта нужно будетъ представить на утвержденіе главному инспектору. А инспектора гимназіи директоръ въ томъ же предписаніи своемъ просилъ изложить письменно свои замѣчанія о нравственномъ и религіозномъ направленіи учениковъ гимназіи. „Не нужно ли и здѣсь принять какихъ либо новыхъ мѣръ, или усилить и поддержать мѣры прежде существовавшія?" писалъ директоръ: „нѣтъ заведенія, въ которомъ бы всѣ дѣти были идеалы чистой нравственности; но дѣло заведенія стремиться къ тому, чтобы возвысить, облагородить своихъ питомцевъ". Не забытъ былъ Рудаковымъ и врачъ гимназіи, которому также было предложено представить свои заключенія о томъ, на сколько отвѣчаетъ содержаніе воспитанниковъ требованіямъ гигіены: не надобно ли и здѣсь что нибудь сдѣлать? не находитъ ли и онъ что нибудь нужнымъ для сохраненія и поддержанія въ дѣтяхъ физической крѣпости здоровья и не вредитъ ли что нибудь изъ внѣшней обстановки гимназіи правильному организму дѣтей?

Такого призыва внимательно осмотрѣться во кругъ себя и дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ Тобольская гимназія давно не слыхала, не слыхала съ

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія о Рудаковѣ заимствованы мной изъ рукописнаго сочиненія преподавателя Тобольской гимназіи С. И. Гашинскаго: „Филологъ Васильевичъ Рудаковъ, педагогъ—дѣятель въ Восточной и Западной Сибири", 1887 года.

1837 г., когда Качуринъ (тогда еще инспекторъ) вошелъ въ педагогическій совѣтъ съ подобнымъ же предложеніемъ осмыслить всякое преподаваніе. И преподаватели отнеслись къ этому призыву новаго директора сочувственно, представивъ требуемыя объясненія къ назначенному сроку. Всѣ рапорты преподавателей директоръ внесъ на обсужденіе въ педагогическій совѣтъ, лишь только насталъ новый учебный годъ. Съ 30 іюля 1862 года засѣданія педагогическаго совѣта гимназіи шли чрезъ день или черезъ два вплоть до 11 августа. Въ первое засѣданіе обсуждаемы были рапорты о преподаваніи математики и нѣмецкаго языка, 2 августа о преподаваніи законовѣдѣнія и физики, 4 августа о преподаваніи русскаго языка и словесности, 7—о томъ же и преподаваніи латинскаго языка, географіи и искусствъ, 9 числа—о преподаваніи Закона Божія и французскаго языка, 11 августа—о преподаваніи естественной исторіи и русскаго языка, а также обсуждался рапортъ врача.

Учитель математики Криницынъ писалъ, что при преподаваніи математики онъ находитъ лучшій методъ изустно доводить воспитанниковъ до сознательнаго пониманія математическихъ истинъ: въ низшихъ классахъ разсужденіями и практическими примѣрами, въ высшихъ классахъ преимущественно теоретическими выводами. Для большаго усвоенія математическихъ истинъ и для развитія соображенія, онъ полагалъ необходимымъ упражнять воспитанниковъ рѣшеніемъ практическихъ задачъ. Въ успѣшности преподаванія Криницынъ встрѣчалъ слѣдующія препятствія: 1) въ низшіе классы нерѣдко поступаютъ воспитанники во время учебнаго года съ меньшими знаніями, чѣмъ требуется для преподаванія; 2) нѣкоторые воспитанники въ низшихъ классахъ, не смотря на всѣ внушенія, не занимаются рѣшеніемъ практическихъ задачъ и часто не ходятъ на уроки математики.

Учитель нѣмецкаго языка Бостремъ предложилъ вниманію педагогическаго совѣта слѣдующее мнѣніе: „Успѣшному занятію по нѣмецкому языку въ нашей гимназіи препятствовало: 1) распространенный слухъ между учениками, что имъ довольно знать одинъ изъ иностранныхъ языковъ, вслѣдствіе чего они занимаются болѣе у того изъ гг. учителей, который щедрѣе на отмѣтки; 2) по языкамъ на основаніи устава для перехода изъ одного класса въ другой и при окончаніи курса отмѣтка „два“ считается за удовлетворительную въ отношеніи къ ученикамъ (другое въ отношеніи къ учителямъ); а два можетъ получить занимавшійся весь годъ на единицу и получившій на экзаменѣ по какому нибудь счастливому случаю два; 3) прежде взыскивали за худыя отмѣтки, а нынѣ думаютъ, что мальчикъ уже самъ можетъ собою управлять безъ помощи старшихъ; 4) нехожденіе учениковъ, особенно V, VI и VII класса, въ классы; 5) небрежное приготовленіе къ урокамъ: часто при спрошеніи словъ въ высшихъ классахъ у слабыхъ учениковъ они не въ состояніи отвѣчать и прямо говорятъ: „я не приготовился“; 6) часто ученики приходятъ въ классъ безъ книгъ не смотря на то, что ихъ имѣютъ, или съ такими разорванными и изчерканными, что ихъ вовсе нельзя употреблять; 7) часто ученика по большему возрасту, по его хорошимъ занятіямъ изъ другихъ пред-

метовъ, жалко и даже (не зная впередъ къ чему онъ приготовляется, къ гражданской ли службѣ, или къ университету) несправедливо держать въ низшихъ классахъ два или болѣе года по неуспѣшности въ языкахъ; 8) много времени отнимается постановленіемъ отмѣтокъ и расписываніемъ аттестатовъ ежедневныхъ и мѣсячныхъ; 9) поступленіе учениковъ въ срединѣ академическаго года; 10) одному учителю трудно приготовиться добросовѣстно для всѣхъ 7 классовъ, особенно если онъ будетъ занимать учениковъ письменными упражненіями; 11) поступленіе учениковъ въ высшіе классы безъ знанія языковъ; 12) невниманіе учениковъ, которое въ послѣднее время слишкомъ развлечено было общественною жизнію; 13) не равная оцѣнка знанія учениковъ гг. преподавателями; 14) разъединеніе дѣятельности по занятіямъ гг. преподавателей. По третьему пункту Бостремъ высказался, что первая обязанность учителя состоитъ въ томъ, чтобы руководить учениками; по восьмому находилъ, что отмѣтки только препятствуютъ справедливой оцѣнкѣ учениковъ, у нихъ столько способовъ достать хорошія отмѣтки, что гораздо лучше требовать съ преподавателей, если ужъ нельзя одну годовую отмѣтку, по крайней мѣрѣ одну мѣсячную. О новомъ методѣ при преподаваніи нѣмецкаго языка Бостремъ говоритъ, что онъ такого не знаетъ, потому что по дороговизнѣ иностранныхъ спеціальныхъ журналовъ для выписки въ Тобольскѣ самому преподавателю они не доступны, а гимназія отказывала въ пріобрѣтеніи самыхъ нужнѣйшихъ руководствъ. Методы журнальные, какъ критическіе разборы, слишкомъ мало знакомятъ съ настоящимъ методомъ. Что касается до содѣйствія, нужнаго преподавателю нѣмецкаго языка, то Бостремъ высказывался, что до тѣхъ поръ, покуда ученики не узнаютъ твердо своего отечественнаго языка, они не будутъ въ состояніи присвоить себѣ знанія въ иностранныхъ языкахъ, такъ какъ вопервыхъ много времени отнимается у учителей иностранныхъ языковъ растолкованіемъ грамматической терминологіи, а вовторыхъ только сравненіемъ свойствъ одного языка съ свойствами другаго можно получить основательныя знанія.

Учитель законовѣдѣнія Матросовъ писалъ: „1) Принятое въ гимназіи руководство законовѣдѣнія Рождественскаго нужно замѣнить руководствомъ Проскурякова, такъ какъ въ послѣднемъ объяснены многіе юридическіе термины и выраженія, чего нѣтъ въ первомъ, да и самое расположеніе законовъ у Проскурякова болѣе удобно для изученія; 2) для болѣе полнаго знакомства съ дѣйствующими законами въ пансіонской библіотекѣ есть сводъ законовъ изд. 1857 года; но какъ послѣ 1857 г. законы наши во многомъ измѣнились, при быстромъ въ настоящее время ходѣ законодательства и предпринятыхъ почти по всѣмъ частямъ его преобразованіяхъ, то необходимо, чтобы пансіонская библіотека имѣла и всѣ вышедшія до сихъ поръ продолженія къ своду законовъ, для ознакомленія воспитанниковъ съ новыми узаконеніями; для этой же цѣли необходима была бы и передача въ фундаментальную библіотеку изъ канцеляріи дирекціи приложеній къ „Сенатскимъ Вѣдомостямъ“ (заключающихъ въ себѣ новые уставы, положенія, штаты и т. п.) немедленно по полу-

ченіи ихъ въ канцеляріи;—тѣмъ болѣе эту передачу удобно сдѣлать, что въ канцеляріи дирекціи эти приложенія остаются почти безъ всякаго употребленія, за исключеніемъ относящихся прямо до дирекціи училищъ; 3) въ настоящее время, по сношенію дирекціи съ губернскимъ судомъ, дозволено преподавателю пользоваться дѣлами изъ архива губернскаго суда, для практическаго ознакомленія воспитанниковъ съ порядкомъ дѣлопроизводства и формами дѣловыхъ бумагъ; но какъ курсъ законовѣдѣнія въ гимназіи не ограничивается однимъ только судопроизводствомъ и, воспитанники поступаютъ на службу не по одному только судебному вѣдомству, то полезно было бы для нихъ знакомство съ порядкомъ и формами дѣлопроизводства и другихъ присутственныхъ мѣстъ, напримѣръ, губернскаго правленія, казенной палаты, въ которыхъ дѣлопроизводство совершается иначе, нежели въ мѣстахъ судебныхъ; поэтому полезно было бы исходатайствовать преподавателю законовѣдѣнія право пользоваться дѣлами губернскаго правленія и казенной палаты".

Учитель Слаута писалъ, что при преподаваніи физики главными препятствіями къ достиженію лучшихъ успѣховъ служили ему: 1) недостаточность физическаго кабинета, состоящаго изъ небольшаго числа приборовъ, большею частію старыхъ и отъ частаго производства опытовъ значительно уже испортившихся и неудобное помѣщеніе его въ отдѣльномъ отъ гимназическихъ классовъ домѣ, въ проходной комнатѣ между заломъ педагогическаго совѣта и канцеляріей; 2) при преподаваніи геометріи чувствовался недостатокъ въ планиметрическихъ и стереометрическихъ картонныхъ или деревянныхъ фигурахъ, которыя употребляются для нагляднаго объясненія геометрическихъ теоремъ, и хотя въ физическомъ кабинетѣ гимназіи есть небольшая коллекція стереометрическихъ деревянныхъ фигуръ, но она далеко не полная, и при томъ же назначена служить классическимъ пособіемъ не только для преподавателя геометріи, но и для учителя рисованія. Кромѣ того въ гимназіи нѣтъ ни одной математической готовальни, необходимой ученикамъ для черченія фигуръ на бумагѣ, нѣтъ и отдѣльныхъ инструментовъ, назначенныхъ для той же цѣли, т. е. циркулей, транспортировъ, масштабовъ и друг. Недостатокъ этихъ инструментовъ очень замедляетъ успѣхи учениковъ какъ въ черченіи, такъ и въ геометріи. 3) По предмету тригонометріи нѣтъ въ гимназіи простыхъ и наиболѣе употребительныхъ геодезическихъ инструментовъ, какъ-то: мензулы, алидады, эккера, нивеллира и рейки, посредствомъ которыхъ можно было бы легко и скоро повѣрять справедливость тригонометрическихъ вычисленій и практически рѣшать различныя тригонометрическія задачи. 4) Для успѣшнаго преподаванія математической географіи не достаетъ хорошаго небеснаго глобуса. Кромѣ того преподаваніе этой науки замедлялось тѣмъ, что ученики не скоро могли понять законы эллиптическаго движенія планетъ около солнца, законы параболическаго движенія кометъ и нѣкоторыя другія подобныя статьи, не будучи предварительно ознакомлены съ кривыми линіями, которыя называются коническими сѣченіями. Хотя полная теорія этихъ линій не входитъ въ гимназическій курсъ, одна-

кожъ можно было бы изложить въ общихъ чертахъ значеніе ихъ и вывести уравненія, выражающія ихъ свойства, при преподаваніи приложенія алгебры къ геометріи въ VI классѣ,—что лежитъ на обязанности учителя алгебры. Наконецъ затрудняло преподаваніе всѣхъ вообще предметовъ частое нехожденіе въ классъ многихъ своекоштныхъ учениковъ, особенно изъ старшихъ классовъ, и неподаваніе ими письменныхъ задачъ. Что касается до улучшеній въ преподаваніи физики и геометріи, то это будетъ зависѣть отъ улучшенія научныхъ средствъ, отъ пріобрѣтенія новыхъ пособій. При этихъ условіяхъ преподаватель обѣщалъ по предмету геометріи не ограничиваться одимъ только доказательствомъ теоремъ на доскѣ, но и пояснять ихъ смыслъ посредствомъ картонныхъ или деревянныхъ фигуръ, пріучить также учениковъ къ практическому измѣренію различныхъ протяженныхъ величинъ, если на эту практику достанетъ времени въ классѣ и если будутъ пріобрѣтены слѣдующіе мѣрительные инструменты: складной аршинъ, складная сажень и мѣрительная тесьма (рулетка); по предмету физики преподаватель предлагалъ производить опыты во время самаго объясненія уроковъ, если только физическій кабинетъ будетъ переведенъ въ болѣе удобную и близкую къ классамъ комнату. Для домашняго упражненія, по примѣру прежнихъ годовъ, онъ предполагалъ задавать ученикамъ практическія задачи изъ геометріи, физики и тригонометріи; а такъ какъ рѣшенія этихъ задачъ должны быть поясняемы правильными чертежами, то „необходимо снабдить учениковъ математическими инструментами, наиболѣе употребляющимися при черченіи, именно циркулями, линейками и треугольниками; для старшихъ же классовъ нужны будутъ еще транспортиры и масштабы“. Наконецъ для успѣшности отдѣльныхъ своихъ дѣйствій Слаута писалъ, что нуждается въ участіи и содѣйствіи преподавателей алгебры и рисованія: содѣйствіе перваго изъ нихъ должно заключаться въ краткомъ изложеніи ученикамъ VI класса теоріи коническихъ сѣченій, а содѣйствіе втораго въ обученіи учениковъ низшихъ классовъ правильно чертить планиметрическія и особенно стереометрическія фигуры, такъ чтобы эти ученики, перейдя въ высшіе классы, не встрѣтили тамъ затрудненія въ составленіи чертежей, которыми доказываются геометрическія теоремы.

Учитель словесности Плотниковъ подалъ слѣдующій рапортъ: „Въ гимназію поступаютъ большею частію дѣти бѣдныхъ чиновниковъ, не получившіе правильнаго домашняго воспитанія, а кое-какъ подготовленные къ гимназіи съ помощью дешевыхъ учителей (изъ кантонистовъ), или дѣти достаточныхъ людей, но за то уже вовсе не приготовленные, а только избалованные,—исключеній не много. Экзамены поступающимъ производятся снисходительно. Часто случается, что ученикъ, принятый сообразно съ лѣтами или желаніемъ родителей во II или III классъ, но плохо развитый, не въ состояніи бываетъ заниматься съ равнымъ успѣхомъ разными гимназическими предметами, отстаетъ отъ своихъ болѣе развитыхъ товарищей и, невидя ни откуда помощи, совсѣмъ опускается. Потерявши разъ свою репутацію, рѣдкій изъ нихъ поправляется на другой годъ. Поэтому желательно, чтобы пріемные экзамены производились

строже, причемъ главное вниманіе обращалось бы не столько на богатство разнообразныхъ свѣдѣній, наполняющихъ юную голову, а болѣе на то, въ какой степени развиты его способности: воспріимчивость, вниманіе, память, воображеніе, въ состояніи ли онъ передавать воспринятое устно и письменно. Разумѣется, хотя и трудно судить о нравственномъ направленіи съ перваго разу, но не мѣшало бы также и на это обращать вниманіе. Придавъ болѣе серьезное значеніе вступительнымъ экзаменамъ, нужно составить изъ преподавателей комиссію для испытанія поступающихъ, приглашая въ нее депутатовъ изъ уѣздныхъ учителей съ тою цѣлію, чтобы они видѣли, чего требуетъ гимназія отъ поступающихъ въ нее и, сообразно съ этимъ, старались бы возвышать уровень преподаваемыхъ ими предметовъ въ уѣздныхъ училищахъ. Распредѣленіе поступающихъ по классамъ должно быть производимо съ общаго согласія, и если они слабы изъ какого нибудь предмета, то спрашивать мнѣнія учителя того предмета. Въ низшихъ классахъ гимназіи все преподаваніе должно быть по преимуществу катихизическое—чтеніе, разсказъ, объясненіе прочитаннаго, вопросы и отвѣты, постоянно поддерживающіе вниманіе учениковъ, иногда записываніе разсказаннаго въ классѣ. Задаваніе уроковъ на домъ—лишнее. Для мальчика 10, 11, 12 и даже 13 лѣтъ шестичасоваго занятія въ день научными предметами очень достаточно. Остальное время должно быть имъ посвящено на искусства: музыку, рисованіе, гимнастику, а главнымъ образомъ на чтеніе книгъ и списываніе изъ нихъ замѣчательныхъ отрывковъ. На чтеніе надобно обратить особенное вниманіе. Немногіе изъ отцовъ чиновниковъ имѣютъ у себя библіотеки, а если которые и выписываютъ журналы, то не для дѣтей. О доставленіи дѣтямъ приличнаго ихъ возрасту чтенія должна позаботиться гимназія. Можно бы отдѣлить изъ фундаментальной библіотеки сочиненія замѣчательныхъ русскихъ авторовъ, преимущественно новыхъ, также нѣкоторыя историческія сочиненія, путешествія и т. п. Также нужно бы постоянно выписывать разные дѣтскіе журналы и полезныя изданія. Составленную такимъ образомъ библіотеку поручить завѣдыванію особаго библіотекаря и всего лучше поручить ее надзирателю своекоштныхъ воспитанниковъ. Библіотека казенныхъ воспитанниковъ тоже должна быть приведена въ порядокъ, пополнена новыми сочиненіями (старыя книги должны быть отдѣлены). Въ настоящее время эта библіотека, кажется, недоступна воспитанникамъ, такъ что они постоянно обращаются въ фундаментальную и берутъ тамъ книги, за поручительствомъ учителей, но безъ всякаго выбора, а какія попадутся. Нѣкоторыя сочиненія, какъ, напримѣръ, полную русскую христоматію Галахова, его же историческую христоматію, сочиненія Пушкина, Гоголя, Грибоѣдова, записки охотника Тургенева и т. п. нужно имѣть въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Желательно также, чтобы усилено было наблюденіе за классными принадлежностями. Не только своекоштные, но и казенные воспитанники часто приходятъ въ классъ безъ бумаги, чернилъ и перьевъ, такъ что, въ случаѣ надобности нужно посылать отыскивать эти принадлежности въ другихъ классахъ. Особенно этимъ отличаются ученики высшихъ классовъ.

Въ ожиданіи успѣха этихъ поисковъ теряется время, кромѣ того нарушается порядокъ въ другихъ классахъ. Неудобство проходныхъ классовъ въ гимназіи —не послѣднее препятствіе къ успѣшному преподаванію. Вниманіе учениковъ безпрестанно развлекается, да и учителю, читающему лекцію, это бываетъ невыносимо. Высшіе классы съ низшими должны имѣть какъ можно менѣе сообщенія, и желательно, чтобъ они были отдѣлены другъ отъ друга, если не этажами, то по крайней мѣрѣ разными входами. Преподаваніе словесности въ гимназіи распредѣлено было до сихъ поръ слѣдующимъ образомъ: въ IV классѣ ученики занимались преимущественно славянскимъ языкомъ, проходили славянскую грамматику, дѣлали переводы съ славянскаго,—по русскому языку занимались чтеніемъ, декламацiей и различными упражненіями въ переложеніи стиховъ въ прозу, перифразисѣ и т. п.; въ V классѣ полагалась общая теорія сочиненій—чтеніе образцовъ, сочиненія, переводы съ славянскаго и другихъ языковъ (пятый классъ былъ по преимуществу практическій); въ VI классѣ проходилась теорія поэтическихъ и ученыхъ сочиненій съ краткимъ историческимъ обозрѣніемъ писателей древнихъ, среднихъ и новыхъ временъ; въ VII классѣ—исторія русской литературы и повтореніе всего пройденнаго во всѣхъ шести классахъ, начиная съ русской грамматики. Подобное распредѣленіе, при обширности министерскихъ программъ, при недостаточной подготовкѣ въ низшихъ классахъ, при отсутствіи доступной ученикамъ библіотеки и при плохомъ домашнемъ воспитаніи, дѣлало дѣйствительно преподаваніе словесности весьма затруднительнымъ. Только не многіе изъ учениковъ (4, 5 человѣкъ въ каждомъ классѣ, получившихъ хорошее домашнее воспитаніе и, значитъ, съ болѣе развитыми способностями) могли слѣдить за преподаваніемъ; другіе же, вовсе не привыкшіе къ чтенію и мало писавшіе на своемъ вѣку, рѣшительно не въ силахъ были слѣдить за преподаваніемъ. Бѣдность лишала ихъ возможности имѣть самыя необходимыя книги (напримѣръ христоматію Галахова), довольно, впрочемъ, дорогія. Непривычка заниматься письменными упражненіями дѣлаетъ то, что сочиненія подаются весьма не аккуратно, а малоразвитость заставляетъ большинство ограничиваться темами въ родѣ описанія какой нибудь прогулки или письма къ другу. Попытки задавать ученикамъ болѣе серьезныя сочиненія остаются большею частію безплодными при неразвитости ихъ съ помощью хорошо направленнаго чтенія. Для того, чтобы преподаваніе словесности сдѣлать болѣе доступнымъ и возвысить уровень его успѣховъ необходимо: 1) обратить особенное вниманіе на преподаваніе русскаго языка въ низшихъ классахъ и въ уѣздныхъ училищахъ и сдѣлать его чисто практическимъ. Оно главнымъ образомъ должно заключаться въ постепенномъ развитіи душевныхъ способностей посредствомъ чтенія съ объясненіемъ понятій, разсказа прочитаннаго, выучиванія наизусть басенъ и небольшихъ разсказовъ, списыванія прочитаннаго, исправленія написаннаго, переписыванія набѣло, письма съ дикту, съ памяти и т. п. упражненій. Преподаваніе грамматики должно начинаться со II класса и тоже чисто практически по руководству Перевлѣсскаго: „Практическая русская грамматика, въ

3-хъ частяхъ". Заставлять же ихъ выучивать параграфы изъ краткой грамматики Востокова или Иванова совершенно безполезно. Наравнѣ съ преподаванiемъ русскаго языка должно идти и преподаванiе славянскаго (а не съ IV класса), такъ чтобъ въ I классѣ ученики умѣли бы хорошо читать и писать пославянски, а во II и III прошли бы славянскую грамматику и привыкли бы къ переводамъ съ славянскаго языка на русскiй. Приготовленные такими практическими занятiями въ низшихъ классахъ къ дѣятельности болѣе самостоятельной, ученики, перейдя въ высшiе классы, могутъ лучше понимать законы духовной дѣятельности человѣка, выводимые изъ разбора образцовыхъ писателей, а познакомившись съ внѣшними прiемами сочиненiй, могли бы обращать болѣе вниманiя на внутреннюю сторону, т. е. на правильное и изящное изложенiе своихъ мыслей. 2) Если это предположенiе осуществится, тогда преподаванiе словесности въ высшихъ классахъ можно будетъ распредѣлить такъ: въ IV классѣ ученики будутъ уже знакомиться съ общими правилами и прiемами сочиненiй, но не иначе, какъ практически, усваивая ихъ посредствомъ разбора произведенiй лучшихъ писателей и собственныхъ опытовъ въ легкихъ родахъ и формахъ сочиненiй. Преподаванiе риторики Плотниковъ считаетъ не только излишнимъ, но даже вреднымъ для молодыхъ умовъ. Всѣ ея положенiя, признававшiяся когда-то непреложными, подвергаются въ настоящее время самымъ строгимъ критическимъ порицанiямъ. Даже науки, логика и психологiя, въ которыхъ совершенные риторы искали своей опоры, оказываются несостоятельными и вслѣдствiе развитiя наукъ естественныхъ должны быть переработаны на новыхъ основанiяхъ. Притомъ же философскiя умозрительныя опредѣленiя, затверживаемыя большею частiю на память, а не сознаваемыя молодыми умами, не приносятъ имъ никакой пользы. Поэтому съ V класса всего лучше приступить къ историческому изложенiю духовной человѣческой дѣятельности, т. е. прямо къ исторiи всеобщей литературы, знакомя ихъ по возможности съ лучшими писателями и извлекая изъ чтенiя ихъ сочиненiй понятiя о главныхъ родахъ и видахъ ихъ дѣятельности, какъ поэтической, такъ и ученой. Въ VI клас. начать изученiе исторiи русской литературы, преимущественно древней, а въ VII—новой, занимаясь повторенiемъ всего пройденнаго и дополненiемъ того, что было упущено по недостатку времени въ прежнихъ классахъ. При изученiи литературы, какъ всеобщей, такъ и русской, слѣдуетъ ограничиваться только изученiемъ вполнѣ замѣчательныхъ писателей, оставляя второстепенныхъ въ тѣни. Главное дѣло не въ томъ, чтобы наполнить голову массой собственныхъ именъ и названiями сочиненiй, а возбудить въ молодомъ человѣкѣ любовь ко всему прекрасному, истинному и доброму, любовь къ знанiю, къ труду, къ подраженiю высокимъ образцамъ. Non multa, sed multum."

Любопытное мнѣнiе представилъ въ педагогическiй совѣтъ младшiй учитель географiи В. Кузьминъ. Первая и самая важная мѣра, содѣйствующая улучшенiю преподаванiя, по мнѣнiю Кузьмина, есть возможно частое собранiе педагогическихъ совѣтовъ, но не для однихъ только экзаменовъ и повѣрки суммъ, а для обмѣна практическихъ наблюденiй и для изысканiя средствъ къ

устраненію тѣхъ или другихъ препятствій при преподаваніи. Особенно важны собранія педагогическихъ совѣтовъ къ концѣ каждаго мѣсяца, когда преподаватели должны подавать мѣсячныя вѣдомости. Не лучше ли будетъ, если, вмѣсто этихъ вѣдомостей, каждый преподаватель принесетъ свои замѣчанія объ успѣхахъ, поведеніи и способностяхъ воспитанниковъ, сдѣланныя въ какой угодно формѣ, а еще лучше просто въ памяти, въ педагогическомъ совѣтѣ, и здѣсь будетъ составлена общая вѣдомость? А то эти отдѣльныя мѣсячныя вѣдомости, кромѣ траты времени, едвали приносятъ какую нибудь пользу и при томъ не даютъ возможности къ правильной оцѣнкѣ успѣховъ воспитанниковъ, потому что все въ нихъ выражается цыфрами. Кромѣ того онѣ, по удачному выраженію Робера, пріучаютъ воспитанниковъ къ баллопромышленности, особенно если отмѣтки дѣлаются въ классахъ и при томъ съ особенной таинственностью. Гораздо лучше въ общихъ мѣсячныхъ вѣдомостяхъ, вмѣсто принятыхъ пяти цыфръ, степень успѣховъ, способностей и поведенія воспитанниковъ выражать словами: неудовлетворительно, удовлетворительно и весьма удовлетворительно, какъ это и принято въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ. При существованіи такихъ педагогическихъ собраній, гдѣ главную роль будетъ играть обмѣнъ живыхъ идей и наблюденій, почерпнутыхъ изъ педагогической практики, преподаваніе необходимо будетъ совершенствоваться, хотя и не вдругъ, а постепенно: возможно будетъ объединеніе взглядовъ, пріемовъ преподаванія и обращенія съ воспитанниками и болѣе обширное знакомство съ каждымъ отдѣльнымъ мальчикомъ, при чемъ можетъ быть достигнута болѣе справедливая оцѣнка занятіямъ воспитанниковъ, а справедливость сама по себѣ есть уже одно изъ первыхъ воспитательныхъ средствъ. Другая важная мѣра, способствующая улучшенію преподаванія и дополняющая первую, есть открытіе при „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ особаго педагогическаго отдѣла. Въ этомъ отдѣлѣ преимущественно должны быть помѣщаемы протоколы педагогическихъ совѣщаній и общія мѣсячныя вѣдомости, а также и статьи отдѣльныхъ педагоговъ. Польза этой мѣры та, что она будетъ содѣйствовать сближенію общества и родителей воспитанниковъ съ гимназіей. Одна гимназія безъ помощи родителей, не можетъ вполнѣ достигнуть своей цѣли: очень часто случается, что нѣкоторые родители вовсе не знаютъ объ успѣхахъ своихъ дѣтей. Точно также случается, что нѣкоторые мальчики весьма часто пропускаютъ лекціи, гимназія не знаетъ причинъ такихъ пропусковъ, а родители между тѣмъ увѣрены, что сынъ ихъ аккуратно посѣщаетъ лекціи. Если же будутъ отпечатываться мѣсячныя вѣдомости, то родители будутъ знать и объ успѣхахъ и о количествѣ лекцій, пропущенныхъ ихъ дѣтьми. Но для того, чтобы мѣры, принимаемыя родителями противъ неуспѣшности ихъ дѣтей, могли вѣрнѣе достигать цѣли, необходимо знакомить ихъ съ требованіями современной педагогики посредствомъ печатанія протоколовъ педагогическихъ засѣданій и статей педагогическаго содержанія. Что касается до методовъ преподаванія, то Кузьминъ полагалъ, что они должны быть предоставлены свободному выбору каждаго педагога. Если же директоръ или инспекторъ

замѣтятъ какіе либо недостатки въ этомъ отношеніи, то въ ихъ власти предложить совѣту разсмотрѣть эти недостатки и изыскать болѣе соотвѣтствующій цѣли методъ. Съ своей стороны въ низшихъ классахъ Кузьминъ придерживается, гдѣ можно, по качеству лекціи, катихизическаго метода, который въ настоящее время всѣми педагогами признанъ за наилучшій. „Но къ сожалѣнію этотъ методъ, пишетъ Кузьминъ, требуетъ большой практики для успѣшнаго примѣненія къ дѣлу, такъ что въ первое время, какъ я вздумалъ слѣдовать ему, я нашелъ себя вовсе несостоятельнымъ, но мало помалу практика взяла свое,—и въ настоящее время дѣло идетъ лучше, хотя и не могу похвалиться, чтобы хорошо владѣлъ этимъ методомъ. Въ высшихъ же классахъ съ успѣхомъ можно слѣдовать и акроаматическому методу, при достаточномъ количествѣ пособій. Къ сожалѣнію географія въ этомъ отношеніи стоитъ далеко позади всѣхъ наукъ“.

Учитель Емельяновъ употребляемое въ гимназіи руководство къ изученію латинскаго языка (Кюнера) находилъ очень удовлетворительнымъ, тѣмъ болѣе, что оно и составлено по тому же методу, какъ руководства другихъ языковъ, читаемыхъ въ гимназіи. Одного только просилъ онъ у педагогическаго совѣта: чтобы на предстоящій курсъ дозволено было ему не держаться слишкомъ строго программы. Воспитанники, вошедшіе въ составъ VI и VII классовъ, не приготовлены настолько, чтобы съ ними начать прямо переводить то, что требуется программою отъ этихъ классовъ. Причиною же этого было то, что они долгое время не имѣли одного постояннаго учителя по этому предмету. И Емельяновъ въ своемъ рапортѣ указывалъ на то неудобство, которое нами отмѣчено уже въ рапортахъ другихъ преподавателей, что воспитанники мало приписываютъ важности постоянному посѣщенію классовъ и внимательному въ нихъ слушанію. Кромѣ того многіе или не имѣютъ книгъ, или не приносятъ ихъ съ собой. Между тѣмъ, по мнѣнію Емельянова, тотъ воспитанникъ, который не будетъ опускать классовъ и будетъ внимателенъ во время урока, почти совершенно освободитъ себя тѣмъ отъ занятій этимъ предметомъ дома. Начальственное содѣйствіе въ этомъ преподавателю совершенно необходимо.

Для наиболѣе успѣшнаго преподаванія въ гимназіи и училищахъ чистописанія и черченія, какъ необходимо нужныхъ для всѣхъ, Шелутковъ находилъ полезнымъ сдѣлать эти предметы подобно прочимъ равно для всѣхъ учениковъ обязательными, и чтобы низшія отмѣтки (баллы), показаваемыя въ вѣдомостяхъ означенныхъ искусствъ, были принимаемы въ соображеніе и, въ случаѣ недостаточности ихъ, служили бы препятствіемъ утенику для перехода въ слѣдующій высшій классъ. Рисованіе же Шелутковъ находилъ нужнымъ сдѣлать обязательнымъ лишь для тѣхъ учениковъ, которые имѣютъ къ тому природныя способности; всѣмъ же прочимъ, какъ и прежде, предоставить на ихъ собственное желаніе. Въ противномъ случаѣ ученики, зная, что нестараніе и малоуспѣшность ихъ въ искусствахъ не бываетъ имъ препятствіемъ для перевода въ дальнѣйшіе классы, и сами они, по дѣтскому понятію, не видя пользы искусства, по большей части, занимаются нестарательно и небрежно, отъ того

и въ занятіяхъ ихъ нельзя ожидать вполнѣ удовлетворительныхъ успѣховъ.

Въ своемъ рапортѣ о. законоучитель писалъ, что въ IV классѣ гимназіи затруднительно преподаваніе Закона Божія, потому что программа здѣсь много распространена, тогда какъ въ III классѣ мало дѣла. Въ III классѣ читается одно введеніе въ катихизисъ и объясненіе первыхъ семи членовъ символа вѣры. Въ IV же классѣ читается: изъясненіе послѣднихъ пяти членовъ символа вѣры и ученіе о надеждѣ на Бога, затѣмъ краткое чтеніе о богослуженіи вообще и краткое изъясненіе литургіи. А лекцій по Закону всего по двѣ въ каждомъ классѣ. Нужно краткое изъясненіе литургіи читать въ III классѣ. Въ V и VI классѣ Законъ Божій имѣетъ только по одной лекціи въ недѣлю. Отъ того во многіе школьные мѣсяцы, по случаю свободныхъ дней отъ ученія, бываетъ въ томъ и другомъ классѣ иногда въ мѣсяцъ не больше одной лекціи. Необходимо прибавить для каждаго класса еще по одной лекціи въ недѣлю.

Палюлонъ, заявивъ въ началѣ рапорта, что успѣшное преподаваніе французскаго языка не столько будетъ зависѣть отъ преподавателя, сколько отъ содѣйствія начальства, предлагалъ убѣдить учениковъ, что при окончаніи годичнаго курса ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть переведенъ въ слѣдующій высшій классъ безъ удовлетворительнаго знанія пройденнаго въ низшемъ классѣ курса.

Сображаясь съ числомъ уроковъ, положенныхъ на преподаваніе естественной исторіи въ гимназіи и съ средствами, имѣющимися при преподаваніи „натураліи“, и принимая въ разсчетъ, что не все имѣетъ одинаковую важность для воспитанниковъ Тобольской гимназіи, Тверитинъ полагалъ нужнымъ въ преподаваніи естественной исторіи ограничиваться выборомъ мѣстныхъ предметовъ и преимущественно тѣхъ изъ нихъ, знаніе которыхъ важно по хозяйственному, медицинскому или промышленному употребленію; о прочихъ же мѣстныхъ предметахъ, не имѣющихъ особенной важности для человѣка, преподавать кратко, указывая на ихъ существенные признаки, на мѣсто, которое они, по распредѣленію, должны занимать въ ряду естественныхъ наукъ; что же касается до иноземныхъ естественныхъ предметовъ, то ограничиваться краткимъ описаніемъ ихъ общихъ свойствъ, при болѣе подробномъ описаніи предметовъ только имѣющихъ общее значеніе для всѣхъ. Предметы анатоміи и физіологіи животныхъ и растеній Тверитинъ находилъ болѣе полезнымъ соединять кратко съ описаніемъ частныхъ предметовъ естественной исторіи, указывая, при описаніи органовъ, на ихъ устройство и жизненныя отправленія. Такъ какъ практическое изученіе естественныхъ наукъ на половину сокращаетъ трудъ изученія ихъ, то Тверитинъ предлагалъ завести при гимназіи зоологическій кабинетъ, хотя изъ мѣстныхъ животныхъ (препарированныхъ), а для болѣе подробнаго изученія видовъ животныхъ пріобрѣсти для гимназіи русскую фауну Ю. Семашко. Мѣстныя растенія воспитанники имѣютъ возможность изучать по гербарію, и въ лѣтнее время живыя растенія на корню, при прогулкахъ за городомъ; для практическаго же изученія замѣчательнѣйшихъ растеній иноземныхъ было бы полезно имѣть при гимназіи оранжерею съ

ботаническимъ садомъ, гдѣ воспитанники, кромѣ нагляднаго изученія видовъ растеній, имѣли бы возможность производить опыты разведенія растеній употребляемыми въ садоводствѣ способами и видѣть уходъ за ними. Какъ пособіе при опредѣленіи растеній было бы полезно пріобрѣсть „Русскую флору“ Ледебура. Для практическаго изученія минералогіи желательно бы было имѣть минералогическій кабинетъ въ той комнатѣ, въ которой идетъ преподаваніе. Порядокъ преподаванія естественной исторіи Тверитинъ назначилъ слѣдующій: въ IV классѣ минералогія и начало ботаники, въ V классѣ прохожденіе и окончаніе ботаники, въ VI классѣ зоологія до животныхъ безпозвоночныхъ, въ VII классѣ окончаніе зоологіи.

Методъ преподаванія русскаго языка и распредѣленіе занятій по классамъ Ефремовъ основывалъ на министерскомъ мнѣніи, выраженномъ въ проэктѣ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній: „Преподаваніе русскаго языка должно вести преимущественно къ развитію природнаго дара слова въ учащихся въ такой степени, чтобы они могли отчетливо выражаться и правильно писать на родномъ языкѣ. Обученіе одной грамматикѣ не можетъ еще довести до этой цѣли, а потому рядомъ съ правильнымъ грамматическимъ обученіемъ должны идти такія занятія, которыя могутъ способствовать изощренію мыслительныхъ способностей и воображенія учащихся. Такія занятія заключаются, между прочимъ, въ отчетливомъ и сознательномъ чтеніи статей, въ изустномъ и постепенномъ изложеніи прочитаннаго и въ выучиваніи наизусть статей, предварительно разобранныхъ и отличающихся преимущественно художественными достоинствами“. Сообразно съ этимъ Ефремовъ распредѣлилъ занятіе русскимъ языкомъ такъ: въ I классѣ онъ будетъ заниматься чтеніемъ, стараясь при этомъ пріучать мальчиковъ къ сознательному и ясному пониманію прочитаннаго. Путемъ для достиженія этой цѣли можетъ служить изустное изложеніе прочитаннаго и различныя объясненія при самомъ чтеніи. Объясненіями должно пользоваться съ большой осмотрительностью утомить вниманіе учениковъ. Для избѣжанія этого нужно стараться возбуждать въ мальчикѣ вопросы, и отвѣты давать не положительные и опредѣленные, а наводить на нихъ самого же мальчика, предоставляя такимъ образомъ какъ можно болѣе его самодѣятельности. Такой методъ, хорошо употребляемый въ дѣло, можетъ имѣть благотворные результаты. Онъ избавитъ съ одной стороны мальчиковъ отъ той умственной дремоты, въ которую они часто погружаются при обыкновенныхъ пріемахъ толкованія, и будетъ развивать въ нихъ любознательность; съ другой—этотъ же самый методъ пріучитъ мальчика къ самостоятельной умственной работѣ, пріучитъ его глубже всматриваться въ предметъ и самому опредѣлить его, не полагаясь на чужія слова, хотя бы то были слова учителя. Во II и III классахъ будетъ преподаваться грамматика; усвоеніе правилъ пройденныхъ въ этихъ двухъ классахъ должно совершаться преимущественно путемъ практическимъ. Затѣмъ во II классѣ для того, чтобы пріучить учениковъ правильно писать, преподаватель находилъ полезнымъ давать имъ списывать небольшія статейки, отрывки изъ лучшихъ писателей русскихъ; въ III

классѣ—заниматься письмомъ подъ диктъ. Въ IV классѣ преподаваніе грамматики должно совершаться уже болѣе систематическимъ путемъ.

Врачъ предлагалъ для большаго развитія въ воспитанникахъ физической крѣпости и сохраненія здоровья занимать дѣтей врачебною гимнастикою по методѣ доктора Шребера, на что назначить $1/2$ часа ежедневно послѣ обѣда.

Педагогическій совѣтъ принялъ мнѣніе Криницына съ однимъ только ограниченіемъ: чтобы письменныя задачи, даваемыя воспитанникамъ для рѣшенія на домъ, не были обременительными для нихъ (особенно и преимущественно это относится для низшихъ классовъ), такъ какъ часто случалось, что къ одному дню воспитанники должны были приготовлять на дому письменныя задачи изъ нѣсколькихъ предметовъ, что было для нихъ и отяготительнымъ и иногда даже физически невозможнымъ, особенно если какая-нибудь задача была довольно сложная, а воспитанникъ не имѣлъ на дому никого, кто бы помогъ ему во встрѣченныхъ имъ затрудненіяхъ. Отъ этого часто происходило, что или нѣкоторые воспитанники не рѣшали задачи и не ходили потому иногда на лекціи;—или рѣшеніе этихъ задачъ занимало такъ много вечерняго времени, что было не только обременительнымъ для ученика, но даже вредно дѣйствовало на него въ физическомъ отношеніи. Для устраненія всѣхъ этихъ неудобствъ совѣтъ призналъ нужнымъ постановить: 1) письменныя задачи давать воспитанникамъ на домъ такъ, чтобы они не имѣли ихъ къ одному дню изъ нѣсколькихъ предметовъ; 2) письменныя задачи должны быть по силамъ ученика, т. е. чтобы правила для рѣшенія ихъ ему были уже вполнѣ извѣстны и поняты имъ сознательно, и 3) въ низшихъ классахъ письменныя задачи должны быть задаваемы на домъ какъ можно менѣе, т. е. не къ каждой лекціи, а чрезъ лекцію или чрезъ двѣ или три.

Обсуждая препятствія, встрѣченныя Криницынымъ при преподаваніи математики, совѣтъ находилъ, что неодновременное поступленіе учениковъ въ началѣ учебнаго года и съ недостаточными познаніями вредитъ успѣшному преподаванію по всѣмъ предметамъ; а потому считалъ необходимымъ назначить точный обязательный для всѣхъ срокъ для поступленія въ гимназію учениковъ и опредѣлить какія познанія они должны имѣть при поступленіи въ какой либо классъ гимназіи; по уставу же учебнаго заведенія дозволяется поступленіе воспитанниковъ и въ продолженіе учебнаго года, но съ знаніемъ уже того, что пройдено въ томъ классѣ, куда поступаетъ воспитанникъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ совѣтъ полагалъ нужнымъ принять на будущее время къ руководству слѣдующее: 1) срокъ для поступленія въ гимназію учениковъ и для испытанія ихъ назначить съ 1 по 15 августа; по окончаніи этого срока педагогическій совѣтъ долженъ опредѣлить, на основаніи произведенныхъ испытаній, какіе ученики въ какой принимаются классъ, и потомъ уже приступать къ класснымъ преподаваніямъ; 2) составить программы по всѣмъ предметамъ для испытанія по нимъ вновь поступающихъ въ гимназію; 3) обо всемъ этомъ заблаговременно публиковать въ мѣстныхъ „Вѣдомостяхъ“; 4) отъ поступающихъ въ продолженіе учебнаго года, т. е. послѣ 15 августа,

непремѣнно требовать знанія того, что уже пройдено въ томъ классѣ, въ какой кто поступаетъ. Что же касается до другаго препятствія, на которое указывалъ Криницынъ, то совѣтъ нашелъ, что нехожденіе въ классы и неисполненіе учениками требованій преподавателей невозможно остановить, если родители или тѣ, у кого живутъ ученики гимназіи, не примутъ участія въ этомъ дѣлѣ и не будутъ съ своей стороны содѣйствовать мѣрамъ гимназическ. начальства; а для этого необходимаго содѣйствія родители и воспитатели должны быть знакомы съ тѣмъ, что требуетъ гимназическое начальство и учителя отъ ихъ дѣтей или воспитанниковъ (иначе и самое содѣйствіе невозможно). Поэтому является необходимость въ составленіи правилъ, въ которыхъ было бы изложено, что требуетъ гимназія отъ воспитанниковъ своихъ, чтобы родители и воспитатели могли, зная эти требованія, содѣйствовать и съ своей стороны ихъ исполненію. А потому совѣтъ призналъ необходимымъ составить въ засѣданіяхъ своихъ такія правила, публиковать ихъ для свѣдѣнія родителей и воспитателей въ мѣстныхъ „Вѣдомостяхъ", присовокупивъ при этомъ, что неисполненіе этихъ правилъ со стороны воспитанниковъ, могущее происходить только при совершенномъ отсутствіи домашняго надзора, будетъ объясняемо начальствомъ гимназіи какъ нежеланіе самихъ родителей подчиняться требованіямъ школы и потому дастъ начальству гимназіи полное право на исключеніе такихъ дѣтей изъ гимназіи.

Переходя къ мнѣнію Бострема, педагогическій совѣтъ призналъ необходимымъ, для отклоненія заявленныхъ Бостремомъ препятствій къ успѣшному преподаванію, принять слѣдующія мѣры: 1) объявить ученикамъ, что въ гимназіи изученіе обоихъ новѣйшихъ языковъ въ настоящее время одинаково обязательно и что не занимавшіеся какимъ либо предметомъ въ теченіе года, т. е. получившіе единицу, не только не могутъ надѣяться перейти въ слѣдующій классъ, но не будутъ даже допускаемы къ переводнымъ экзаменамъ, такъ какъ и по существующимъ правиламъ имѣющій единицу по какому либо предмету уже не можетъ быть переведенъ въ слѣдующій классъ; 2) въ ежемѣсячныхъ вѣдомостяхъ объ успѣхахъ учениковъ отмѣнить обязательную ежедневную аттестацію учениковъ, такъ какъ это не требуется по уставу учебныхъ заведеній, а между тѣмъ отнимаетъ много времени у преподавателя; вмѣстѣ съ этимъ совѣтъ находитъ болѣе удобнымъ отдѣльныя ежемѣсячныя вѣдомости по каждому предмету замѣнить одною общею вѣдомостью, въ которой каждый преподаватель отмѣчалъ бы успѣхи учениковъ по своему предмету за каждый мѣсяцъ; при этомъ, если въ теченіе мѣсяца кто либо изъ учениковъ по нехожденію въ классъ не будетъ спрошенъ по какому либо предмету, или вообще если преподаватель въ теченіе мѣсяца не могъ удостовѣриться надлежащимъ образомъ въ успѣхахъ ученика, то ежемѣсячная отмѣтка такому ученику можетъ быть и не поставлена; 3) такъ какъ отмѣтка два вообще признается неудовлетворительною, а между тѣмъ для переводовъ изъ класса въ классъ и для полученія гимназическаго аттестата она по многимъ предметамъ не служитъ препятствіемъ, такъ что если ученикъ и оказалъ неудовле-

творительные успѣхи, но всетаки долженъ перейти въ слѣдующій классъ, что очевидно будетъ несправедливо,—по этому совѣтъ находитъ не только полезнымъ, но даже необходимымъ отмѣтку два уничтожить, т. е. если кто знаетъ предметъ удовлетворительно, то ставить ему 3, 4 или 5, а кто знаетъ неудовлетворительно—ставить 1; 4) для того, чтобы всѣ представляющіяся въ теченіи учебнаго года препятствія къ успѣшному преподаванію могли быть устраняемы своевременно и для взаимнаго обсужденія необходимыхъ для успѣшнаго хода преподаванія мѣръ, какъ общихъ для всѣхъ учениковъ и по всѣмъ предметамъ, такъ и особенныхъ по какому либо предмету или относящихся къ кому либо изъ учениковъ, а также для принятія мѣръ къ улучшенію нравственности и поведенія воспитанниковъ и къ исправленію замѣченныхъ въ худомъ поведеніи совѣтъ признаетъ необходимымъ, чтобы засѣданія его для обсужденія этихъ предметовъ происходили не менѣе одного раза въ мѣсяцъ (а въ случаѣ надобности и чаще) и притомъ въ присутствіи всѣхъ преподавателей и надзирателей гимназіи; 5) въ отношеніи учебныхъ руководствъ и пособій совѣтъ положилъ принять за правило, чтобы сумма, ежегодно отпускаемая на библіотеку и физическій кабинетъ, распредѣлялась между преподавателями по возможности равномѣрнѣе, т. е. чтобы каждый преподаватель имѣлъ возможность выписывать нужныя ему учебныя пособія; если же средствъ для выписки всѣхъ требуемыхъ преподавателями учебныхъ пособій окажется недостаточно, то назначеніе какія выписать пособія дѣлается совѣтомъ по совокупномъ обсужденіи въ присутствіи всѣхъ преподавателей.

Обсуждая мнѣніе Матросова объ улучшеніяхъ, которыя полезно было бы ввести при преподаваніи законовѣдѣнія, совѣтъ не нашелъ препятствія къ замѣнѣ принятаго руководства Рождественскаго руководствомъ Проскурякова; но какъ и въ этомъ послѣднемъ руководствѣ нѣтъ достаточныхъ теоретическихъ свѣдѣній, которыя могутъ дать жизнь преподаванію законовѣдѣнія и безспорно поставить его на ряду съ другими общеобразовательными предметами, то, по мнѣнію совѣта, необходимо преподаваніе дополнять такими свѣдѣніями. Что касается до вновь издающихся законовъ, то совѣтъ призналъ необходимымъ предоставить преподавателю получать изъ канцеляріи дирекціи училищъ всѣ изданныя послѣ продолженія къ своду законовъ 1857 года, равно „Сенатскія Вѣдомости“ для руководства воспитанниковъ; пользованіе же дѣлами Губернскаго Правленія и Казенной Палаты совѣтъ призналъ полезнымъ какъ наглядный способъ ознакомленія съ дѣловыми сношеніями и порядкомъ дѣлопроизводства. Согласно съ мнѣніемъ Слауты, совѣтъ полагалъ необходимымъ выписать необходимые инструменты и приборы, если изысканы будутъ достаточныя къ тому средства, въ противномъ случаѣ и если выписку неудобно будетъ разсрочить на нѣсколько лѣтъ, войти съ особымъ представленіемъ; „часть же геометрическихъ приборовъ болѣе нужныхъ можетъ быть куплена здѣсь въ настоящее время у оптика Захо“. При этомъ совѣтъ находилъ, что полезно было бы поручать воспитанникамъ пансіона склеивать геометрическія фигуры изъ картона, что занимало бы ихъ свободное время и

служило бы предохраненіемъ отъ шалостей; даже очень хорошо было бы имѣть въ пансіонѣ гимназіи для этой цѣли токарный и переплетный станки. Что касается до предлагаемаго Слаутой введенія въ курсъ VI класса гимназіи преподаванія теоріи коническихъ сѣченій и содѣйствія учителя рисованія, то Криницынъ принялъ на себя это преподаваніе и учитель рисованія согласился оказать просимое Слаутой содѣйствіе. Такъ какъ помѣщеніе физическаго кабинета неудобно, то педагогическій совѣтъ положилъ помѣстить его, по отстройкѣ новой больницы, если то представится возможнымъ, въ прежней больничной комнатѣ и назначить тамъ же и классы физики. При обсужденіи мнѣнія Плотникова о препятствіяхъ къ болѣе успѣшному преподаванію въ Тобольской гимназіи и въ особенности о преподаваніи русскаго языка и словесности, совѣтъ призналъ справедливымъ и необходимымъ, чтобы пріемные экзамены поступающимъ въ гимназію производились осмотрительно съ надлежащею строгостью, чтобы въ каждый классъ гимназіи были принимаемы воспитанники съ достаточными свѣдѣніями и настолько развитые, что можно было бы ожидать отъ нихъ успѣховъ въ томъ классѣ, куда принимаются, и знающіе уже то, что проходится въ низшихъ классахъ; такъ, напримѣръ, поступающіе въ III классъ гимназіи должны знать, что проходится въ I и II классахъ и т. д. Что же касается до нравственныхъ качествъ поступающихъ, то совѣтъ находилъ, что съ перваго разу очень трудно и почти невозможно судить о нихъ, какъ объ этомъ заявлялъ въ своемъ мнѣніи и самъ Плотниковъ. Точно также совѣтъ не нашелъ удобнымъ приглашать уѣздныхъ учителей для присутствія при испытаніи вступающихъ въ гимназію, потому что въ гимназію по уставу должны поступать и поступаютъ большею частію по окончаніи курса въ приходскомъ училищѣ (или получившіе домашнее воспитаніе, равное курсу приходскаго училища), а не въ уѣздномъ; если же и есть поступающіе изъ уѣздныхъ училищъ, то это большею частію иногородные. Впрочемъ совѣтъ это мнѣніе Плотникова нашелъ выполнимымъ въ томъ смыслѣ, чтобы смотрителя уѣздныхъ училищъ объявляли родителямъ, желающимъ дѣтей своихъ воспитывать въ гимназіи, что имъ лучше прямо помѣщать дѣтей въ первый классъ гимназіи, чѣмъ держать ихъ въ уѣздномъ, и оттуда уже переводить въ гимназію. Согласился совѣтъ съ Плотниковымъ и въ томъ, что на чтеніе воспитанниковъ надобно обращать особенное вниманіе, что не многіе изъ отцовъ чиновниковъ имѣютъ у себя библіотеки, а если которые и выписываютъ журналы, то не для дѣтей; что о доставленіи дѣтямъ приличнаго ихъ возрасту чтенія должна позаботиться гимназія; что можно бы отдѣлить, но только временно на первый годъ, изъ фундаментальной библіотеки гимназіи сочиненія замѣчательныхъ русскихъ авторовъ, преимущественно новыхъ, также нѣкоторыя историческія сочиненія, путешествія и т. д.; что нужно бы постоянно выписывать разные дѣтскіе журналы и полезныя изданія для составленія такимъ образомъ библіотеки собственно для чтенія воспитанниковъ. Что же касается до матеріальныхъ средствъ для устройства такой библіотеки, то совѣтъ находилъ возможнымъ только одно

средство—содѣйствіе родителей и вообще общества; при этомъ для большаго обезпеченія въ средствахъ не безполезно было бы, по мнѣнію совѣта, назначить небольшую ежемѣсячную плату съ воспитанниковъ за чтеніе книгъ изъ библіотеки; существующую же пансіонскую библіотеку для казенныхъ воспитанниковъ и пансіонеровъ совѣтъ находилъ необходимымъ пополнить по мѣрѣ возможности новыми сочиненіями и отдѣлить отъ нея старыя книги или неудобныя для чтенія мальчиковъ и открыть ее для чтенія и вольноприходящихъ учениковъ. Относительно классныхъ принадлежностей: бумаги, перьевъ, чернилъ, карандашей и проч.; совѣтъ призналъ необходимымъ усилить наблюденіе, чтобы воспитанники всегда ихъ имѣли у себя, а недостаточнымъ ученикамъ полезно было бы выдавать эти принадлежности безплатно или за небольшую плату изъ суммы, назначенной для пособія бѣднымъ воспитанникамъ. Обращая вниманіе на то, что при покупкѣ гуртомъ каждая вещь обходится дешевле, иногда значительно, чѣмъ при покупкѣ въ разницу, совѣтъ полагалъ, что благодѣтельно было бы разрѣшеніе покупать классныя принадлежности на счетъ экономической суммы гимназіи для продажи воспитанникамъ, подобно тому, какъ покупаются и продаются учебныя книги; чрезъ это воспитанники могли бы получать нужные имъ припасы гораздо дешевле, чѣмъ покупаютъ. Останавливаясь на мнѣніи Плотникова относительно неудобства для преподаванія проходныхъ классовъ, совѣтъ не нашелъ однако средствъ къ окончательному отклоненію этого неудобства, нашелъ только возможнымъ нѣсколько уменьшить его тѣмъ, чтобы наглухо затворить двери изъ втораго класса въ третій и изъ шестаго въ седьмой, такъ чтобы ученики седьмаго класса имѣли особый входъ въ свой классъ. Для устраненія заявленной Плотниковымъ непривычки учениковъ, даже въ высшихъ классахъ, къ письменнымъ упражненіямъ и серьезнымъ сочиненіямъ, совѣтъ нашелъ необходимымъ обратить на этотъ предметъ особое вниманіе. Практическія письменныя упражненія и сочиненія развиваютъ умственныя способности учащихся и пріучаютъ ихъ къ труду, къ занятіямъ самостоятельнымъ; а потому, по мнѣнію совѣта, такія упражненія и сочиненія должны быть обязательными для воспитанниковъ, такъ что неподаваніе ихъ можетъ служить препятствіемъ къ переводу въ высшіе классы; для учениковъ же VII класса совѣтъ находилъ возможнымъ задавать болѣе серьезныя сочиненія на темы, избираемыя самими воспитанниками изъ нѣсколькихъ имъ предложенныхъ. Равнымъ образомъ совѣтъ призналъ, что письменныя упражненія и по другимъ предметамъ, напримѣръ, по иностраннымъ языкамъ и проч. были бы неизлишнія, если только преподаватели найдутъ ихъ нужными и возможными. Принимая мнѣніе Плотникова, что преподаваніе славянской грамматики въ IV классѣ, отдѣльное и отрывочное, не приноситъ существенной пользы, что вообще обученіе славянскому языку, начинающееся нынѣ въ I классѣ, вдругъ прерывается на два года и потомъ опять возобновляется въ IV классѣ, чрезъ что славянскій языкъ дѣлается совершенно отдѣльнымъ предметомъ, ни съ чѣмъ не связаннымъ, тогда какъ онъ долженъ былъ бы преподаваться въ связи,

такъ сказать, параллельно съ русскимъ языкомъ, совѣтъ находилъ полезнымъ не оставлять занятіе славянскимъ языкомъ и во II и въ III классахъ, занимая учениковъ славянскимъ чтеніемъ, письмомъ, объясненіемъ прочитаннаго, чтобъ ученики могли понимать славянскую рѣчь, переводами на русскій языкъ и объясненіемъ при этомъ, по мѣрѣ возможности, грамматическихъ формъ и оборотовъ славянской рѣчи, сравнительно съ русскимъ языкомъ, систематическое же изложеніе славянской грамматики проходить уже въ VII классѣ вмѣстѣ съ повтореніемъ русской грамматики. Съ планомъ преподаванія русской словесности въ высшихъ классахъ гимназіи, представленнымъ Плотниковымъ, совѣтъ былъ вполнѣ согласенъ, равно былъ согласенъ и съ тѣмъ, что преподаваніе реторики излишне и можетъ быть оставлено, тѣмъ болѣе, что и при пріемѣ въ университетъ, судя по обнародованнымъ программамъ, какъ заявилъ объ этомъ Плотниковъ, не требовалось теоретическаго знанія реторики. Вполнѣ справедливыми призналъ совѣтъ и мѣры, высказанныя Кузьминымъ къ улучшенію учебнаго хода и нравственности воспитанниковъ; въ особенности печатаніе въ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ протоколовъ педагогическихъ совѣщаній и мѣсячныхъ вѣдомостей, а также отдѣльныхъ статей педагогическаго содержанія можетъ, по мнѣнію совѣта, имѣть благодѣтельныя послѣдствія чрезъ сближеніе этимъ путемъ родителей и общества съ гимназіею; поэтому совѣтъ постановилъ просить разрѣшенія главнаго инспектора печатать въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ все то, что педагогическій совѣтъ гимназіи признаетъ нужнымъ довести до свѣдѣнія публики или родителей учащихся: протоколы своихъ засѣданій, ежемѣсячныя вѣдомости объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ и тому подобное. По поводу рапорта Емельянова, совѣтъ нашелъ не только возможнымъ, но даже необходимымъ для переводовъ въ каждомъ классѣ назначать то, что будетъ соотвѣтствовать способностямъ и пріобрѣтеннымъ уже познаніямъ учениковъ, не стѣсняясь программою. По рапорту Шелуткова постановлено было, чтобы успѣхи учениковъ въ трехъ низшихъ классахъ гимназіи по чистописанію и черченію, какъ по предметамъ необходимымъ и обязательнымъ для каждаго, принимались въ соображеніе при переходахъ учениковъ въ высшіе классы такъ же, какъ и по прочимъ предметамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ призналъ необходимымъ сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ учениковъ чистописаніе и на новѣйшихъ иностранныхъ языкахъ и чтобы упражненія учениковъ въ чистописаніи, черченіи и рисованіи представлялись на разсмотрѣніе педагогическихъ совѣтовъ. Обсуждая мнѣніе законоучителя, совѣтъ согласился съ его предложеніемъ перенести изъясненіе литургіи изъ IV въ III классъ, чтобъ ученики какъ можно ранѣе знакомились съ общественнымъ богослуженіемъ; для этого, по мнѣнію совѣта, желательно было бы также, чтобы общественное богослуженіе, по крайней мѣрѣ существенныя части его, объяснялось ученикамъ даже съ I класса по мѣрѣ возможности и при представляющихся случаяхъ, чтобы, понимая смыслъ церковныхъ службъ и обрядовъ, воспитанники не оставались равнодушными только зрителями въ церкви, но чтобы религіозное чувство,

присущее каждому человѣку, было въ нихъ возбуждено, чтобъ богослуженіе не тяготило ихъ и хожденіе въ церковь не было-бы только по принужденію. При этомъ нѣкоторыми изъ членовъ совѣта было сдѣлано заявленіе, что не рѣдко во время церковнаго богослуженія ученики выходятъ изъ церкви, приписывая это изнуренію своихъ силъ. Имѣя въ виду съ одной стороны, что такіе выходы, въ особенности частые, нарушаютъ благочиніе въ церкви, а съ другой—что по малому возрасту дѣтей они могутъ вызываться дѣйствительно большою усталостію, въ особенности во время продолжительныхъ церковныхъ службъ, совѣтъ считалъ необходимымъ устранять по возможности всѣ представляющіяся неудобства для воспитанниковъ къ слушанію богослуженія въ церкви, такъ, напримѣръ, чугунный полъ въ части церкви, занятой учениками, покрыть кошмами, для чего и купить ихъ на счетъ экономической суммы гимназіи, а чтобы устранить усталость малолѣтнихъ и слабыхъ при продолжительномъ стояніи въ церкви, имѣть скамью у задней стѣны церкви, съ надлежащимъ, конечно, надзоромъ, чтобы эта снисходительность не могла перейти въ послабленіе, и съ наблюденіемъ времени, когда и по уставамъ церкви дозволяется сидѣніе, какъ, напр., во время чтенія каѳизмъ и т. п., о чемъ о. законоучитель дастъ особое наставленіе. Обсуждая затѣмъ представленное о. законоучителемъ затрудненіе въ томъ, что въ V и VI классахъ положено по Закону Божію только по одной лекціи въ недѣлю, отчего частію, по случаю свободныхъ дней отъ ученія, бываетъ въ томъ или другомъ классѣ только по одной или по двѣ лекціи въ мѣсяцъ, а въ нѣкоторые мѣсяцы и ни одной не бываетъ, совѣтъ, по большинству голосовъ, призналъ возможнымъ, въ устраненіе этого, замѣнить положенныя лекціи въ этихъ классахъ лекціями по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ предъ литургіей, а также по субботамъ предъ всенощнымъ бдѣніемъ. Съ этимъ постановленіемъ не согласились инспекторъ Доброхотовъ и самъ законоучитель, находившіе нужнымъ, не уничтожая будничной лекціи, добавить по недостаточности ея еще еженедѣльную воскресную, и учителя Матросовъ и Крипицынъ, полагавшіе оставить существовавшій порядокъ безъ измѣненія. Для изученія естественной исторіи совѣтъ призналъ полезнымъ и необходимымъ имѣть при гимназіи зоологическій кабинетъ хотя изъ мѣстныхъ животныхъ (препарированныхъ); но такъ какъ въ Тобольскѣ ловля и охота не развиты въ достаточной степени и мало занимающихся (если только они есть) препарированіемъ, да и самый округъ не отличается большимъ разнообразіемъ животнаго царства, то совѣтъ положилъ, неограничиваясь здѣшнимъ городомъ, предложить смотрителю Березовскихъ училищъ найти знающихъ лицъ и поручить имъ заняться собраніемъ и приготовленіемъ, за приличное вознагражденіе, для зоологическаго кабинета гимназіи мѣстныхъ животныхъ, птицъ и рыбъ, т. к. въ тамошнемъ краѣ звѣроловство, птицеводство и рыболовство значительно развиты. Пріобрѣтеніе для гимназіи русской фауны Ю. Симашко, предлагаемое Тверитинымъ, совѣтъ считаетъ полезнымъ, но по дорогой цѣнѣ этого изданія находилъ возможнымъ купить его только въ такомъ случаѣ, если будетъ къ

тому возможность. Съ предложеніемъ преподавателя естественной исторіи, чтобы для изученія мѣстныхъ растеній въ лѣтнее время производить прогулки за городомъ и для практическаго изученія замѣчательнѣйшихъ иноземныхъ растеній имѣть при гимназіи оранжерею съ ботаническимъ садомъ, гдѣ воспитанники, кромѣ нагляднаго изученія видовъ растеній имѣли бы возможность производить опыты разведенія растеній употребляемыми въ садоводствѣ способами и видѣть уходъ за ними, совѣтъ вполнѣ былъ согласенъ; но какъ съ одной стороны лѣтнее время, въ которое возможны загородныя прогулки, большею частію совпадаетъ съ вакаціоннымъ временемъ, а съ другой стороны какъ заведеніе оранжереи и ботаническаго сада можетъ быть произведено только съ теченіемъ времени и постепенно, то совѣтъ до осуществленія этихъ предположеній считалъ возможнымъ для нагляднаго изученія воспитанниками растеній пользоваться живыми экземплярами ихъ изъ общественнаго сада и оранжереи, находившихся у памятника Ермаку, употребляя для покрытія могущихъ встрѣтиться при этомъ издержекъ до 1 рубля серебромъ въ мѣсяцъ изъ суммъ гимназіи. Что касается до минералогическаго кабинета, то совѣтъ призналъ необходимымъ передать его по описи преподавателю естественной исторіи, согласно выраженному имъ желанію. Предложенный Ефремовымъ методъ преподаванія русскаго языка совѣтъ нашелъ основательнымъ и считалъ необходимымъ не оставлять занятій во всѣхъ трехъ низшихъ классахъ славянскимъ языкомъ, какъ объ этомъ уже было обсуждаемо прежде, и не оканчивать преподаванія русской грамматики въ III классѣ. Наконецъ мнѣніе врача о пользѣ введенія гимнастическихъ упражненій совѣтъ призналъ вполнѣ правильнымъ.

Представляя по окончаніи засѣданій результатъ ихъ главному инспектору, Рудаковъ свидѣтельствовалъ, что всѣ засѣданія педагогическаго совѣта, не смотря на продолжительность (иногда около пяти часовъ), имѣли самый оживленный характеръ, преподаватели съ полной энергіей старались разрѣшать возникшіе вопросы и представлявшіяся затрудненія. На утвержденіе генералъ-губернатора были представлены слѣдующіе пункты: 1) не учреждая въ „Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ особаго педагогическаго отдѣла, какъ предложилъ преподаватель Кузьминъ разрѣшить печатаніе въ этихъ „Вѣдомостяхъ“ тѣхъ журналовъ педагогическаго совѣта, которые признано будетъ полезнымъ сообщить во всеобщее свѣдѣніе; при этомъ заявить, что допускается свободное обсужденіе всѣхъ этихъ статей, а губернскому начальству дозволить принимать и печатать въ тѣхъ же „Вѣдомостяхъ“ всякаго рода возраженія, „подобно тому, какъ нынѣ само правительство передаетъ свои проэкты на обсужденіе общественнаго мнѣнія“; 2) открыть доступъ желающимъ родителямъ и другимъ лицамъ, интересующимся дѣломъ воспитанія дѣтей, въ педагогическіе совѣты гимназіи; 3) дозволить родителямъ и другимъ членамъ мѣстнаго общества во всякое время посѣщать заведенія, съ тѣмъ, чтобы это посѣщеніе было въ присутствіи инспектора или надзирателя и отнюдь не препятствовало занятіямъ учениковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ дозволить

посѣтителямъ тѣ замѣчанія, которыя они вынесутъ, при посѣщеніи заведенія также заявлять или печатно въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ", или письменно директору училищъ для дальнѣйшаго обсужденія ихъ. Въ заключеніе своего представленія Рудаковъ писалъ: „такимъ образомъ со стороны заведенія будетъ сдѣлано все, чтобы привлечь къ себѣ мнѣніе и упрочить довѣріе общества, и затѣмъ уже недостатокъ общественнаго сочувствія, если бы онъ сверхъ ожиданія оказался, будетъ уже не отъ вины заведенія". Генералъ-губернаторъ утвердилъ всѣ пункты представленія, а главный инспекторъ просилъ директора объявить всѣмъ членамъ педагогическаго совѣта свою искреннюю признательность за ихъ труды. Что касается до мѣръ къ улучшенію учебной части, изложенныхъ въ протоколахъ, то главный инспекторъ не согласился только съ слѣдующими: вопервыхъ онъ не одобрилъ мнѣнія о взысканіи ежемѣсячной платы съ воспитанниковъ за чтеніе книгъ и полагалъ съ своей стороны допустить всѣхъ учениковъ безплатно до чтенія книгъ, находящихся въ библіотекѣ, но не иначе, какъ въ самой гимназіи и подъ надзоромъ или библіотекаря, или надзирателя; вовторыхъ совершенно согласился съ мнѣніемъ инспектора Доброхотова и законоучителя Ивапицкаго, полагавшихъ, какъ намъ извѣстно, необходимымъ, не уничтожая въ V и VI классахъ будничной лекціи закона Божія, добавить, по недостаточности ея, еще еженедѣльную воскресную. На основаніи мнѣній главнаго инспектора и утвержденія генералъ-губернаторомъ постановленій педагогическаго совѣта Рудаковъ въ октябрѣ того же года предписалъ своему инспектору исполнить тѣ предположенія, которыя не требовали дальнѣйшихъ обсужденій совѣта, а именно: 1) предложить по принадлежности преподавателямъ составить подробныя программы для испытанія поступающихъ въ I, II, III и IV классы гимназіи, которыя, по предварительномъ разсмотрѣніи въ педагогическомъ совѣтѣ, будутъ распубликованы для всеобщаго свѣдѣнія; 2) объявить по классамъ распоряженіе, что тѣ ученики, которые будутъ имѣть по какому бы то ни было предмету годовую отмѣтку единицу, не будутъ вовсе допускаемы къ экзамену и останутся непереведенными въ томъ же классѣ; 3) собрать отъ мастеровъ свѣдѣнія о цѣнности токарнаго и переплетнаго станка для пансіона и тотчасъ завести ихъ на счетъ остатковъ изъ суммы на содержаніе пансіона; 4) открыть пансіонскую библіотеку для чтенія всѣхъ воспитанниковъ, поручивъ выдачу книгъ одному или нѣсколькимъ изъ казенныхъ воспитанниковъ подъ наблюденіемъ и руководствомъ надзирателей пансіона; 5) объявить воспитанникамъ высшихъ классовъ, что не представленіе ими сочиненій, задаваемыхъ учителемъ словесности, или составленіе ихъ безъ должнаго старанія точно также повлечетъ за собой оставленіе ихъ въ томъ же классѣ, какъ и недостаточныя теоретическія свѣдѣнія въ какой-либо наукѣ; для точнаго же наблюденія за исполненіемъ этого просить учителя словесности въ мѣсячныхъ вѣдомостяхъ выставлять въ особой графѣ отдѣльную отмѣтку за сочиненія; 6) просить преподавателей VII класса дать темы для годовыхъ сочиненій съ указаніемъ источниковъ, находящихся въ библіотекѣ гимназіи; 7) преподава-

телямъ русскаго языка и словесности распредѣлить преподаваніе ихъ предметовъ такъ, какъ постановлено въ засѣданіи 7 августа; 8) предложить учителю чистописанія упражненія учениковъ по его предмету по окончаніи каждаго мѣсяца представлять на разсмотрѣніе совѣта; 9) предложить законоучителю перенести преподаваніе изъясненія литургіи изъ IV-го класса въ III-й; 10) предложить надзирателю своекоштныхъ воспитанниковъ составить полный списокъ учениковъ и объявить имъ, что о всякой перемѣнѣ квартиры они обязываются предъявлять надзирателю для отмѣтки въ спискѣ; 11) передать минералогическій кабинетъ преподавателю естестественной исторіи, и 12) открыть классъ комнатной гимнастики.

Напечатавъ въ оффиціальной части „Губернскихъ Вѣдомостей" распоряженіе генералъ-губернатора о печатаніи журналовъ педагогическаго совѣта гимназіи и открытіи свободнаго во всякое время доступа въ гимназію, для всѣхъ, интересующихся дѣломъ воспитанія какъ во время учебныхъ занятій, такъ и въ засѣданія педагогическаго совѣта, Рудаковъ счелъ нужнымъ коротенько сказать о причинахъ, руководствовавшихъ училищнымъ начальствомъ, когда оно ходатайствовало предъ высшею властію западной сибири о разрѣшеніи заявлять гласно и открыто о ходѣ учебнаго заведенія. Причины эти понятны; безъ нравственной поддержки мѣстнаго общества, среди котораго и для котораго существуетъ заведеніе, оно если и можетъ достигнуть возможнаго совершенства, то не легкимъ, а тяжелымъ путемъ. Сочувствіе общества и его личное убѣжденіе въ образѣ внутренней жизни заведенія облегчитъ трудъ педагоговъ, поддержитъ ихъ дѣятельность, порадуетъ ихъ при исполненіи добрыхъ начинаній, предохранитъ ихъ отъ несправедливыхъ иногда упрековъ, а при случаѣ укажетъ имъ и ихъ ошибки и отступленія отъ раціональнаго пути. Затѣмъ Рудаковъ торжественно объявлялъ, что классныя занятія въ Тобольской гемназіи начинаются ежедневно съ 9 и продолжаются до $11^1/_2$ часовъ утра, затѣмъ послѣ получасоваго промежутка вновь начинаются въ 12-ть и оканчиваются въ $2^1/_2$ часа пополудни; педагогическіе же совѣты собираются по средамъ въ 7 часовъ вечера: въ первую среду послѣ 1 числа каждаго мѣсяца разсматриваются въ совѣтѣ результаты занятій наставниковъ и успѣхи воспитанниковъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ, а по прочимъ средамъ разсматриваются и обсуждаются отдѣльные вопросы, требующіе общаго разсужденія наставниковъ и воспитателей. Впрочемъ, не ограничиваясь этимъ общимъ указаніемъ, Рудаковъ обѣщалъ въ каждомъ нумерѣ „Губернскихъ Вѣдомостей" извѣщать публику о предметѣ, назначенномъ для обсужденія педагогическаго совѣта въ предстоящую среду. Для посѣщенія публикою гимназіи и засѣданій педагогическаго совѣта Рудаковъ установилъ слѣдующія правила: 1) чтобы присутствіе при засѣданіяхъ совѣта постороннихъ лицъ, давая имъ полную возможность общественнаго контроля дѣйствій совѣта, не препятствовало однакоже занятіямъ совѣта, постановляется правиломъ, что по открытіи засѣданія директоромъ училищъ постороннія лица, присутствующія при засѣданіяхъ, какъ не принадлежащія къ числу членовъ совѣта, не

имѣютъ права подавать голосъ, или инымъ образомъ вмѣшиваться въ разсужденія совѣта; равнымъ образомъ ни одинъ изъ членовъ совѣта не имѣетъ права обращаться къ присутствующимъ постороннимъ лицамъ съ вопросами по обсуждаемымъ предметамъ. Но дабы присутствіе постороннихъ лицъ, могущихъ иногда дать полезные совѣты, не было безплодно для заведенія, предоставляется право каждому изъ присутствующихъ до засѣданія или въ послѣдствіи заявлять свои мнѣнія директору училищъ, который можетъ, если признаетъ то нужнымъ, предложить на обсужденіе совѣта эти мнѣнія, предъявленныя до совѣта, въ томъ же, а послѣ совѣта въ послѣдующемъ его засѣданіи. Тотъ, кто заявилъ свое мнѣніе директору училищъ и пожелалъ, чтобы оно было обсуждено въ засѣданіи совѣта, не получивъ удовлетворенія своей просьбы, имѣетъ право заявить о томъ печатно, съ изложеніемъ своего мнѣнія. Легко можетъ случиться, что нѣкоторыя лица, не будучи лично знакомы съ директоромъ, не могутъ заявить ему своихъ мнѣній; поэтому они могутъ сообщить ихъ другимъ членамъ совѣта, которые докладываютъ о нихъ до засѣданія директору училищъ; но во всякомъ случаѣ вопросы предлагаются на обсужденіе совѣта исключительно директоромъ училищъ. 2) При обсужденіи въ педагогическомъ совѣтѣ могутъ встрѣчаться такіе вопросы, разрѣшеніе которыхъ, соприкасаясь къ членамъ мѣстнаго общества, можетъ, при открытыхъ засѣданіяхъ, или стѣснить свободную подачу мнѣнія членами, или поставить ихъ въ непріязненныя отношенія съ посторонними лицами. Таковы, напримѣръ, слѣдующіе предметы: о томъ, кто изъ родителей по средствамъ своимъ имѣетъ предпочтительное предъ другими право на пріемъ ихъ дѣтей на казенное содержаніе, кто изъ нихъ по той же причинѣ заслуживаетъ и не заслуживаетъ освобожденія отъ взноса положенной платы за обученіе дѣтей, какіе изъ родителей не заботятся о своихъ дѣтяхъ и потому на какихъ дѣтяхъ въ особенности должно быть сосредоточено вниманіе и попеченіе гимназіи и т. п. Всѣ эти предметы, до открытаго засѣданія, передаются директоромъ на обсужденіе совѣта, собственно для полученія мнѣній, въ предварительномъ закрытомъ засѣданіи объявляются секретаремъ совѣта одни поданныя мнѣнія, безъ объявленія именъ членовъ, которыми они были поданы, и вопросъ, въ случаѣ разногласныхъ мнѣній, поданныхъ на предварительномъ засѣданіи, рѣшается по предложенію директора, хотя въ присутствіи постороннихъ лицъ, но посредствомъ закрытой баллотировки. Такъ какъ директоръ училищъ не всегда можетъ предвидѣть нужду въ такомъ предварительномъ засѣданіи, то каждый изъ членовъ совѣта, который будетъ предвидѣть для себя стѣсненіе при открытой подачѣ мнѣнія, можетъ заблаговременно предъявить о томъ директору, для назначенія предварительнаго засѣданія. Имена лицъ, подававшихъ мнѣнія въ предварительныхъ засѣданіяхъ, хотя обозначаются въ особо содержимыхъ журналахъ этихъ засѣданій, но обнаруженіе ихъ кѣмъ либо изъ членовъ совѣта составляетъ нарушеніе служебныхъ обязанностей. 3) Подобнымъ образомъ могутъ быть случаи, гласное обсужденіе которыхъ, не стѣсняя членовъ совѣта, можетъ быть непріятно для самихъ

родителей: такъ, наприм., обсужденіе дурныхъ и противныхъ нравственности поступковъ ихъ дѣтей. Въ этихъ случаяхъ родители, бывъ извѣщены о предметѣ предстоящаго засѣданія, могутъ довѣрить это дѣло исключительно рѣшенію педагоговъ,—о чемъ и должны заявлять директору училищъ,—и тогда вопросъ разсматривается также въ закрытомъ засѣданіи съ изложеніемъ самаго факта, но безъ упоминанія именъ. Подобные вопросы, касающіеся тѣхъ дѣтей, которыхъ родители не находятся на лицо въ Тобольскѣ, или которымъ почему либо не можетъ быть заранѣе заявлено о томъ, что засѣданіе совѣта будетъ относиться до ихъ дѣтей, рѣшаются уже по усмотрѣнію самихъ педагоговъ, послѣ разсмотрѣнія ихъ въ предварительномъ закрытомъ засѣданіи, или же поступаютъ потомъ на обсужденіе въ открытое засѣданіе совѣта. 4) Воспитанники всѣхъ учебныхъ заведеній и всѣ вообще несовершеннолѣтніе, какъ лица, по несовершеннолѣтію ихъ, не пользующіеся полными гражданскими правами и не могущіе оцѣнить по достоинству всѣхъ путей, которыми ведутъ ихъ наставники къ познанію истины и добра, которые могутъ видѣть во всякой педагогической мѣрѣ враждебное къ нимъ отношеніе и для которыхъ поэтому самое присутствіе въ педагогическихъ совѣтахъ будетъ не только не полезно, но и положительно вредно, не могутъ быть допускаемы въ засѣданія педагогическаго совѣта. Что касается до печатанія протоколовъ совѣта въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ", то Рудаковъ нашелъ нужнымъ начать печатаніе не съ тѣхъ постановленій, которыя состоялись послѣ разрѣшенія генералъ-губернатора, а съ постановленій, состоявшихся въ августѣ, при чемъ, начиная печатаніе ряда отдѣльныхъ мнѣній и постановленій совѣта, счелъ нужнымъ оговориться, что ни отдѣльныя мнѣнія, ни постановленія совѣта не предназначались для печати: первыя были писаны для отдѣльнаго замкнутаго кружка товарищей по службѣ, а вторыя отнюдь не заключаютъ въ себѣ разнообразныхъ словесныхъ разсужденій членовъ совѣта, происходившихъ иногда въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, а только одни выводы, добытые этимъ путемъ, съ краткимъ иногда указаніемъ основаній, которыми руководился совѣтъ въ своихъ заключеніяхъ. Поэтому всякаго рода замѣчанія о литературныхъ достоинствахъ и недостаткахъ въ изложеніи этихъ мнѣній и постановленій едвали будутъ справедливы. Относительно же того, что при чтеніи постановленій совѣта могутъ встрѣтиться какія либо неясности, или возникать вопросы, какимъ путемъ пришелъ совѣтъ къ тому или другому заключенію, Рудаковъ предлагалъ всѣмъ, кто будетъ интересоваться разрѣшеніемъ этихъ неясностей и вопросовъ, обращаться къ нему за разъясненіями и отвѣтами.

Въ томъ же предписаніи, въ которомъ Рудаковъ просилъ преподавателей представить ему свои взгляды на преподаваніе, директоръ предложилъ и инспектору изложить письменно свои замѣчанія о нравственномъ и религіозномъ направленіи учениковъ Тобольской гимназіи. „Не нужно ли и здѣсь принять какихъ либо новыхъ мѣръ, или усилить и поддержать мѣры, прежде существовавшія?" писалъ Рудаковъ: „нѣтъ заведенія, въ которомъ бы всѣ дѣти были идеалы чистой нравственности; но дѣло заведенія стремиться къ тому,

чтобы возвысить и облагородить своихъ питомцевъ". Разумѣется и инспекторъ „съ готовностью" откликнулся на призывъ новаго начальника. Вотъ его взглядъ на дѣло воспитанія: „Вопреки мнѣніямъ современныхъ педагоговъ, заявившихъ желаніе вдругъ двинуть молодое поколѣніе, скажу, что никакой умъ не въ силахъ написать всѣхъ правилъ на всѣ случаи школьной жизни, на всѣ проявленія самостоятельнаго духа человѣческаго. Чуть ли не всѣ педагогическія правила сводятся къ одному знаменателю: люби дѣтей и будь самъ человѣкъ. А потому мѣры исправленія должны быть основаны на уваженіи въ воспитанникѣ человѣческаго достоинства. Частая, въ особенности запальчивая брань роняетъ нравственный авторитетъ воспитателя. Если нужно прибѣгнуть къ словесному увѣщанію, пусть это исполняется съ кротостію и достоинствомъ. Нравственное вліяніе учителя гораздо успѣшнѣе подѣйствуетъ на поведеніе ученика, чѣмъ принужденіе, которое не всегда бываетъ удачно. Для исправленія проступковъ, сдѣланныхъ по слабости, забывчивости или невнимательности совершенно достаточно кроткое, но въ тоже время серьезное внушеніе. Но если проступокъ сдѣланъ съ умысломъ, съ твердою рѣшимостью не слушаться приказаній учителя, если въ ученикѣ обнаруживается наклонность къ противодѣйствію, въ такомъ случаѣ, исполняя желаніе родителей, можно прибѣгнуть и къ розгѣ, но эта мѣра должна быть употреблена съ крайнею осторожностію, чтобы существенную часть наказанія составлялъ стыдъ, а не тѣлесная боль. Сознаніе совершеннаго проступка и стыдъ заслуженнаго наказанія составляетъ вѣрный залогъ нравственнаго исправленія. Одна же тѣлесная боль, причиняемая розгою, если только не сопровождается стыдомъ, скоро проходитъ и забывается, отъ частаго повторенія дѣти скоро перестаютъ даже и бояться ея". О направленіи нравственномъ и религіозномъ инспекторъ въ рапортѣ „не осмѣлился" говорить, а сослался на „отзывы просвѣщенныхъ особъ, въ разное время удостоившихъ посѣщеніемъ Тобольскую гимназію". Мнѣніе инспектора было обсуждаемо въ педагогическомъ совѣтѣ 9 августа. Защищаемыя этимъ благодушнѣйшимъ и любимѣйшимъ учениками учителемъ исторіи 40-хъ годовъ розги въ засѣданіи поддерживали: законоучитель Иваницкій и учитель французскаго языка Палюлонъ. Но педагогическій совѣтъ, въ виду того, что „несостоятельность тѣлесныхъ наказаній признана педагогическою литературою и доказана многими опытами", опредѣлилъ не употреблять тѣлесныхъ наказаній, но если бы представилась надобность къ принятію крайнихъ мѣръ исправленія, то предоставить директору каждый разъ собирать чрезвычайныя засѣданія педагогическаго совѣта для опредѣленія этихъ мѣръ. Однако же директоръ, всюду стремившійся къ всестороннему обсужденію вопросовъ обученія и воспитанія, остался не доволенъ рапортомъ инспектора, гдѣ воспитательныя мѣры намѣчены въ общихъ чертахъ, и взялъ на себя трудъ подробнѣе разсмотрѣть этотъ вопросъ. Результатомъ этого труда была чрезвычайно интересная „инструкція надзирателямъ при Тобольской гимназіи о предоставленныхъ имъ мѣрахъ нравственнаго исправленія воспитанниковъ". Эта инструкція, краснорѣчиво свидѣтельствую-

щая о томъ, что ея авторъ стоялъ на высотѣ современнаго педагогическаго знанія, была обсуждена въ совѣтѣ 13 августа и принята безъ возраженій. Мы приведемъ её цѣликомъ, съ тѣми объясненіями, какія приложены были Рудаковымъ послѣ каждой мѣры. Не говоря объ общихъ обязанностяхъ надзирателей, каковы, наприм., вліяніе на дѣтей собственнымъ примѣромъ и величайшая осмотрительность въ собственныхъ поступкахъ, строжайшая справедливость относительно поручаемыхъ надзору ихъ дѣтей, всегдашнее памятованіе, что многіе изъ дѣтскихъ проступковъ выливаются не изъ испорченной ихъ воли, но отъ увлеченія и иногда игривости дѣтской натуры, кроткое, ровное, спокойное обращеніе съ дѣтьми и т. п., что, по мнѣнію Рудакова, каждому педагогу должно быть очень хорошо извѣстно, директоръ въ инструкціи опредѣлялъ только предѣлъ правъ, предоставляемыхъ лично надзирателямъ при употребленіи взысканій за проступки дѣтей и общія начала этихъ взысканій. „Всякая мѣра, которая будетъ употреблена ими въ предѣлахъ, данныхъ этой инструкціею, говорится въ инструкціи, въ поддержаніе ихъ личнаго значенія въ глазахъ дѣтей, не будетъ отмѣняема ни инсперкоромъ, ни директоромъ, кромѣ одного случая, котораго, надѣють, никогда не буде́дъ, т. е. несправедливости надзирателя. Всякая мѣра, выходящая изъ предѣловъ, даваемыхъ инструкціею, уже не зависитъ отъ власти надзирателя: дѣло надзирателя въ томъ случаѣ, когда онъ видитъ потребность другихъ мѣръ, формально предъявить о томъ начальству, на отвѣтственности котораго будутъ лежать дальнѣйшія распоряженія. При употребленіи мѣръ нравственнаго исправленія за проступки воспитанниковъ, надзиратели, принимая въ соображеніе свойства проступка, должны руководиться прежде всего общимъ правиломъ—не обращаться къ мѣрамъ взысканія болѣе сильнымъ тамъ, гдѣ они увѣрены, что могутъ достигнуть исправленія мальчика мѣрами болѣе кроткими. Правило это необходимо соблюдать для того, чтобы имѣть въ запасѣ мѣры для болѣе виновныхъ, и чтобы разнообразіемъ употребляемыхъ мѣръ, внушить въ дѣтяхъ полное убѣжденіе въ своей справедливости“.

Всѣ мѣры нравственнаго исправленія воспитанниковъ Рудаковъ раздѣлилъ на слѣдующія пять главныхъ родовъ:

1) „На первомъ планѣ, какъ главная исправительная мѣра, стоитъ живое *слово* любимаго дѣтьми и непогрѣшимаго предъ ними наставника. Употребленіе этой разнообразной мѣры разлагается на слѣдующіе виды:

а) Легкій *намёкъ* на ошибку или на отступленіе отъ порядка.

б) Кроткое, ласковое, но прямое *указаніе*.

в) Серьезное *наставленіе* съ указаніемъ вредныхъ послѣдствій.

NB. Эти три вида надзиратель можетъ безбоязненно употреблять въ присутствіи товарищей провинившагося за тѣ проступки, которые не были слѣдствіемъ заранѣе составленнаго намѣренія, но произошли отъ одного дѣтскаго увлеченія.

г) Серьезное *увѣщаніе наединѣ*, такъ чтобы товарищи не знали о причинѣ разговора.

NB. Мѣра эта рекомендуется въ особенности гг. надзирателямъ. Обезоруживая предъ ними мальчика, она даетъ имъ возможность, безъ оскорбленія его нравственнаго чувства, довести его до слезъ и полнаго раскаянія.

д) *Выговоръ* провинившемуся въ присутствіи *товарищей.*

NB. Эта мѣра должна быть употребляема съ большею осмотрительностію и вовсе оказывается несостоятельною, а потому и не должна быть употребляема въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вина заключается въ такого рода проказахъ или шалостяхъ, которымъ по ихъ оригинальности, или по недостаточному нравственному развитію, можетъ сочувствовать большинство товарищей.

е) *Разсказъ* предъ товарищами *въ каррукатурномъ видѣ* какой нибудь глупой или грубой выходки мальчика, но безъ упоминанія его имени.

NB. Наблюдая ту же предосторожность, какъ и при употребленіи предшествующей мѣры, надзиратель долженъ такъ умѣть разсказать шалость, чтобы провинившійся вполнѣ понималъ, что о немъ идетъ рѣчь и что надзирателю извѣстенъ и онъ и подробности его вины, и чтобы произвести въ товарищахъ провинившагося общій смѣхъ надъ выходкою. Дѣлая такое безъименное обличеніе, надзиратель долженъ пояснить, что онъ не упоминаетъ имени провинившагося для того, чтобы не стыдить его предъ товарищами. Въ видѣ предостереженія надзиратель можетъ присовокупить иногда, что при другой подобной выходкѣ того же ученика онъ разскажетъ, кто ее сдѣлалъ.

ж) Дѣлаемая *при товарищахъ легкая не оскорбляющая насмѣшка* надъ грубою выходкою ученика, задѣвающая его за живое и возбуждающая въ немъ чувство чести и благородное самолюбіе.

з) *Невниманіе къ ученику* при усиленномъ вниманіи и ласкамъ къ его товарищамъ.

NB. Мѣра эта можетъ быть превосходнымъ средствомъ, когда надзиратель пріобрѣлъ уже любовь и уваженіе отъ учениковъ; но должно обращать строгое вниманіе на степень продолжительности этой мѣры, сообразно съ проступкомъ ученика, иначе она можетъ кончиться озлобленіемъ его. Такимъ образомъ мѣра эта можетъ имѣть свои различныя степени и оканчиваться прощеніемъ виновнаго. Главный признакъ полной удачности этой мѣры, если ученикъ явится съ просьбою о прощеніи.

и) *Злая безпощадная насмѣшка* надъ виноватымъ *въ присутствіи товарищей,* вызывающая такія же насмѣшки надъ нимъ товарищей.

NB. Мѣра эта безъ всякаго сравненія сильнѣе употребляемыхъ прежде розогъ; но надзиратель можетъ прибѣгнуть къ ней, какъ крайней мѣрѣ, и не иначе какъ съ предварительнаго согласія инспектора. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ умѣть въ послѣдствіи ласкою залѣчить раны, нанесенныя этимъ наказаніемъ, и удержать товарищей отъ продолженія насмѣшекъ надъ виноватымъ.

2) Второй родъ мѣръ исправленія заключается въ *лишеніи общества* товарищей. Предоставляется благоразумію надзирателя такъ обставить эту мѣру, чтобы она произвела скуку и грусть въ наказываемомъ и отнюдь не давала бы ему возможности къ развлеченіямъ, а тѣмъ болѣе къ какому нибудь

порочному препровожденію времени наединѣ. Мѣра эта не такъ разнообразна, какъ первая, но она можетъ быть принимаема въ слѣдующей постепенности:

а) Приказаніе стоять или сидѣть во время занятій *отдѣльно отъ товарищей*.

б) *Высылка* изъ классной или занятной комнаты во время урока или занятій.

в) *Лишеніе отдыха* вмѣстѣ съ товарищами.

NB. Мѣра эта можетъ быть, по степени вины, усиливаема приказаніемъ сидѣть или стоять на одномъ мѣстѣ, съ тою только предосторожностію, чтобы отъ этого не послѣдовало сильнаго изнуренія. За принятіемъ этой мѣры, при строгомъ наблюденіи за исполненіемъ ея, я нахожу излишнимъ выставленіе дѣтей на колѣни, хотя не вижу ничего предосудительнаго въ употребленіи и этой послѣдней мѣры для дѣтей низшихъ классовъ.

г) *Лишеніе отпуска* въ то время, когда товарищи пользуются этимъ отпускомъ.

NB. Мѣра эта для приходящихъ учениковъ будетъ совпадать съ употреблявшимся прежде оставленіемъ безъ обѣда. Чтобъ придать этой мѣрѣ болѣе разумное значеніе, необходимо, чтобы время арестованія употреблялось на выполненіе той работы, которую ученикъ долженъ былъ ранѣе или къ слѣдующему дню выполнить. Поэтому ученикъ долженъ имѣть у себя все, что ему нужно для выполненія работы, а самая работа должна быть такого рода, чтобы она могла быть выполнена ученикомъ безъ посторонней помощи; разумѣется, если надзиратель можетъ пособить въ этомъ дѣлѣ ученику, то онъ не откажетъ въ своей помощи. Во всякомъ случаѣ это оставленіе учениковъ послѣ класса не должно продолжаться долѣе какъ до 4-хъ часовъ пополудни.

3) Третій родъ мѣръ можетъ быть употребляемъ только относительно одного рода проступковъ, именно порчи казеннаго имущества, и заключается въ *исправленіи испорченныхъ вещей*. И здѣсь можно употреблять эту мѣру, смотря по степени небрежности или умышленности порчи, равно по степени повторяемости ея ученикомъ, въ слѣдующей постепенности:

а) Немедленное исправленіе испорченной вещи мастеромъ на казенный счетъ, со внушеніемъ ученику быть осторожнымъ.

NB. Это допускается при неосторожности, болѣе или менѣе приближающейся къ случайности.

б) Такое же исправленіе испорченной вещи мастеромъ *на счетъ родителей* съ посылкою къ нимъ мастера съ удостовѣреннымъ счетомъ.

в) Исправленіе вещи хотя при пособіи и руководствѣ мастера, но *самимъ испортившимъ* въ отсутствіи товарищей подъ присмотромъ надзирателя.

NB. Само собою разумѣется, что это исправленіе самимъ ученикомъ во многихъ случаяхъ будетъ только кажущимся и должно быть послѣ или въ тоже время передѣлано мастеромъ.

г) Исправленіе вещи *самимъ испортившимъ въ присутствіи товарищей*.

4) Четвертый родъ мѣръ можетъ быть употребляемъ въ *удовлетвореніе*

оскорбленнаго чувства товарищей и имѣть слѣдующіе виды:

а) *Извиненіе* предъ обиженнымъ *наединѣ*, въ присутствіи одного надзирателя.

б) Такое же *извиненіе при товарищахъ*.

NB. Та и другая мѣра должны быть основаны на строжайшей справедливости и сопровождаться внушеніемъ, что дѣлаемое извиненіе дѣлаетъ честь сознающему свою ошибку. Извиненіе при товарищахъ должно употребляться съ крайнею осторожностію, а въ тѣхъ случаяхъ, когда по упорному характеру мальчика, трудно добиться отъ него публичнаго извиненія, лучше употреблять менѣе строгую мѣру, т. е. извиненіе наединѣ: иначе не исполненное приказаніе надзирателя подорветъ его нравственное значеніе предъ учениками.

в) *Запрещеніе всѣмъ товарищамъ говорить съ оскорбившимъ ихъ*.

NB. Эта мѣра по своей строгости такъ же превышаетъ употреблявшееся прежде наказаніе розгами, почему также можетъ быть принята по предварительному каждый разъ разрѣшенію инспектора. Рекомендуется эта мѣра, когда виною ученика оскорбляется нравственное чувство цѣлаго класса или цѣлаго заведенія (напримѣръ при воровствѣ, публичныхъ внѣ заведенія въ высшей степени неблагопристойныхъ поступкахъ и т. п.). Крайняя осторожность совѣтуется надзирателямъ при употребленіи этой мѣры: дѣти должны сочувствовать ей; иначе, при неисполненіи ея, она будетъ поблажкою ученикамъ. Продолжительность этой мѣры должна зависѣть отъ степени вины наказываемаго; прекращаться она должна по общей о томъ просьбѣ, или по крайней мѣрѣ по просьбѣ лучшихъ товарищей виновнаго.

5) Пятый и послѣдній видъ мѣръ исправленія, предоставляемыхъ надзирателямъ, есть *сообщеніе родителямъ* о винѣ мальчика. Сообщеніе это дѣлается лично чрезъ отобраніе дневнаго аттестата, почему и вмѣняется въ обязанность надзирателямъ наблюдать, чтобъ ученикъ всегда имѣлъ при себѣ аттестатъ.

NB. Это также одна изъ крайнихъ мѣръ и отнюдь не должна быть употребляема при маловажныхъ винахъ учениковъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда родители извѣстны по своему суровому характеру.

Если затѣмъ всѣ эти мѣры окажутся недостаточными для исправленія ученика, надзиратель о неисправности ученика (равно о винѣ выходящей изъ рода дѣтскихъ проступковъ) съ согласія инспектора доноситъ директору училищъ, отъ усмотрѣнія котораго будетъ зависѣть экстренное собраніе по этому дѣлу педагогическаго совѣта“.

Несомнѣнно, что эта инструкція оказала свое вліяніе на надзирателей, хотя, можетъ быть, примѣнялась не вполнѣ такъ, какъ желалъ Рудаковъ. Что касается до самого Рудакова, то онъ вездѣ, гдѣ это нужно было, являлся лучшимъ истолкователемъ своей инструкціи. Мысль, что лучше всего при воспитаніи воздѣйствовать на хорошія стороны человѣка, проводилась имъ всюду, даже въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ опредѣлено въ самой инструкціи. Потомъ мы подробнѣе остановимся на примѣненіи Рудаковымъ своихъ взглядовъ, а теперь остановимся только на двухъ фактахъ.

Въ книгѣ протоколовъ за 186²/₃ учебный годъ мы читаемъ слѣдующее. На другой день послѣ концерта, даннаго воспитанниками 7 октября (1862 года), дежурному надзирателю Бострему подана была въ графинѣ вода, отъ которой пахло водкой. Оказалось, что воспитанники VI класса Т—въ и П—чъ уговорили Д—ва (III кл.) сходить въ питейный домъ за водкой для регента пѣвческаго хора гимназіи. Воспитанники были позваны въ совѣтъ для разспросовъ. Разспросы показали, что хотя вся принесенная водка была выпита регентомъ (принесено же ея было всего на 8 копѣекъ), но въ тоже время они дали поводъ подозрѣвать, что едвали воспитанники П—чъ и Т—въ прежде прибѣгали къ такому грубому удовольствію. Перебирая всѣ предлагаемыя мѣры, педагогическій совѣтъ относительно воспитанника Д—ва, принимая во вниманіе его дѣтскія понятія, простоватость и тотъ кругъ, въ которомъ онъ воспитывался до поступленія въ гимназію, а отчасти и страхъ предъ воспитанниками старшаго класса, пришелъ къ единогласному заключенію, что строгое внушеніе и лишеніе отпуска изъ пансіона въ продолженіе недѣли будутъ достаточнымъ взысканіемъ для него. Что же касается до Т—ва и П—ча, то педагогическій совѣтъ первоначально пришелъ къ единственному заключенію только о необходимости сдѣлать имъ строгій выговоръ въ присутствіи учениковъ высшихъ классовъ. Но такъ какъ всѣ члены нашли недостаточнымъ одинъ только выговоръ, то, по строгой критической оцѣнкѣ, и была принята большинствомъ 10-ти голосовъ противъ 2-хъ мѣра, предложенная Емельяновымъ: предоставить, въ дополненіе къ выговору, въ видѣ опыта, воспитанникамъ VI класса самимъ опредѣлить дополнительную мѣру взысканія для воспитанниковъ Т—ва и П—ча. Принимая эту мѣру, педагогическій совѣтъ имѣлъ въ виду съ одной стороны то, что всѣ воспитанника VI класса компрометированы поступкомъ Т—ва и П—ча, съ другой стороны совѣтъ желалъ развить въ дѣтяхъ благородное чувство чести и отчужденія отъ всякаго рода дурныхъ поступковъ, а дѣлаемымъ довѣріемъ къ ихъ собственному суду заставить ихъ дорожить добрымъ мнѣніемъ и довѣріемъ своихъ наставниковъ и на будущее время. Случай этотъ, между прочимъ, дастъ педагогическому совѣту возможность въ тоже время ознакомиться со взглядомъ воспитанниковъ на характеръ и наклонности провинившихся товарищей и судить о степени нравственнаго направленія воспитанниковъ VI класса.

Та же самая идея руководила Рудаковымъ и въ слѣдующемъ случаѣ. Директоръ нашелъ въ проходной передъ классами комнатѣ подметное письмо на имя членовъ педагогическаго совѣта. Собравъ учениковъ, директоръ торжественно сжегъ это письмо, не распечатавъ его. Когда онъ заявилъ объ этомъ въ педагогическомъ совѣтѣ, то послѣдній высказалъ полное одобреніе принятой директоромъ мѣры и опредѣлилъ принять ее въ руководство на будущее время въ подобныхъ случаяхъ.

Пансіонъ требовалъ къ себѣ вниманія директорскаго не менѣе, если не болѣе, чѣмъ вообще гимназія. Въ немъ жили ученики, всецѣло переданные надзору гимназическаго начальства, безъ вліянія семьи и вообще внѣучебной

жизни. Многіе воспитанники проводили время въ пансіонѣ даже и во время вакаціи. Говоря о времени директорства Качурина, намъ приходилось съ точностью указывать на то, какъ воспитанники жили въ пансіонѣ лѣтомъ, но мы положительно ничего не говорили объ этомъ предметѣ за время директорства Чигиринцева и Ершова, потому что въ архивѣ ничего подобнаго не встрѣтилось. Ко времени пріѣзда Рудакова въ Тобольскъ пансіонеры, оставшіеся на лѣто въ пансіонѣ, жили въ зданіи гимназіи; при чемъ надзиратели не всегда были съ ними. 28 іюля 1862 г. Рудаковъ пишетъ инспектору, что во время своихъ посѣщеній пансіона онъ четыре раза не находилъ очереднаго дежурнаго надзирателя. Вслѣдствіе этого Рудаковъ предписалъ вмѣнить надзирателямъ въ обязанность во время своего дежурства находиться безотлучно при воспитанникахъ пансіона. Какъ бы ни была уважительна причина, отрывающая очереднаго надзирателя отъ исполненія его обязанностей, писалъ Рудаковъ, она можетъ быть только основаніемъ къ увольненію этого надзирателя отъ дежурства въ тотъ день; но пансіонъ ни на одну минуту не долженъ оставаться безъ надзирателя. При свидѣтельствованіи пансіонскаго имущества, произведеннаго директоромъ въ присутствіи инспектора 13 іюля, сверхъ того, что многія вещи, требовавшія починки, найдены неисправленными, оказалось совершенное разногласіе въ счетахъ, веденныхъ гардеробщикомъ, на обязанности котораго лежало храненіе воспитаннической одежды, со счетами, веденными экономомъ по матеріальной книгѣ, такъ что оказалось невозможнымъ повѣрить ни цѣлости казеннаго имущества, ни опредѣлить количества годныхъ, попорченныхъ и вовсе негодныхъ къ употребленію вещей. Сдѣлавъ тогда эконому за недосмотръ и небрежное веденіе счетовъ словесное замѣчаніе, директоръ предупредилъ его, что въ августѣ будетъ произведено имъ вторичное свидѣтельство, надѣясь на то, что къ тому времени всѣ эти безпорядки будутъ устранены. Но это не такъ легко было сдѣлать, потому что безпорядокъ, очевидно, накапливался годами. Вторичное освидѣтельствованіе состоялось 28-го августа, и оказалась та же небрежность въ веденіи счетовъ: экономъ вовсе не велъ никакихъ счетовъ и самъ не зналъ что у него было, а въ томъ случаѣ, когда наличное имущество у гардеробщика не отвѣчало числу, показанному по шнуровой книгѣ, ограничивался однимъ заявленіемъ, что остальные вещи *должно быть* у него. Далѣе, не было никакой возможности даже опредѣлить на какое число казенныхъ воспитанниковъ и пансіонеровъ сдѣлана была казенная одежда: шинелей у гардеробщика было одно число, курточекъ, фуражекъ третье, полотенцевъ четвертое и т. д. Нѣкоторыя вещи новыя, не бывшія въ употребленіи, хранились у гардеробщика, другія такія же новыя у эконома; точно также и относительно старыхъ экономъ не зналъ сколько и какихъ вещей находится у гардеробщика. Однимъ словомъ въ дѣлѣ содержанія и храненія казенныхъ вещей оказался „совершеннѣйшій хаосъ". Желая упорядочить это дѣло, директоръ приказалъ немедленно отдѣлить въ особую кладовую, подъ личную отвѣтственность эконома, все имущество, которое признано будетъ негоднымъ къ употребленію; точно также

на рукахъ эконома должны были находиться всѣ вновь заготовленныя вещи по мѣрѣ поступленія ихъ отъ подрядчиковъ, впредь до освидѣтельствованія инспекторомъ, послѣ чего счетомъ должны уже передаваться на руки того служителя, который хранитъ и выдаетъ ихъ воспитанникамъ для употребленія. Вещи, находившіяся на рукахъ служителя, были раздѣлены на два отдѣла: комплектныя и сверхкомплектныя. Комплектными считались всѣ вещи, не выслужившія положеннаго срока, и тѣ изъ выслужившихъ, которыя по свидѣтельству были находимы могущими прослужить еще новый полный срокъ. Сверхкомплектными считались тѣ вещи, которыя, выслуживъ положенный срокъ, могли еще нѣкоторое время служить для временной замѣны комплектныхъ вещей впредь до заведенія новыхъ, или на время починки комплектныхъ вещей и т. п. По распоряженію Рудакова экономъ долженъ былъ за своею подписью дать гардеробщику полный реэстръ сданнымъ ему вещамъ и затѣмъ обязанъ былъ, сколько можно чаще, осматривать и повѣрять все находившееся на рукахъ служителя имущество.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Зависимость успѣха по предметамъ отъ соглашенія преподавателей.—Необходимость подготовки преподавателей къ урокамъ.—Время прохожденія курса.—Лучшіе пріемы преподаванія.—Отвѣтственность преподавателя за успѣхи учениковъ.—Полемика Рудакова съ журналомъ „Воспитаніе“.—Нѣкоторыя измѣненія въ устройствѣ учебной и воспитательной части въ $18^{63}/_{64}$ учеб. году.—Участіе лицъ, не принадлежащихъ къ гимназіи, на педагогическомъ совѣтѣ съ правомъ голоса на ряду съ членами совѣта.—Конкурсъ для занятія должности учителя.—Прекращеніе открытыхъ засѣданій совѣта.

Само собой разумѣется, что устройство учебной части знаменитыми августовскими засѣданіями, которыя повели къ перечисленнымъ нами мѣропріятіямъ, не окончилось. Правда главнѣйшіе вопросы обученія были рѣшены, но оставалось много другихъ, которые въ августовскихъ засѣданіяхъ были не предусмотрѣны. Такъ, напримѣръ, не было тогда обращено вниманіе на то, что недовольно преподавателю выполнять свою программу, потому что онъ часто находится въ зависимости отъ другаго преподавателя, слѣдовательно нужно войти въ соглашеніе съ послѣднимъ. За сентябрь и октябрь оказалось недостаточно успѣха по новымъ языкамъ отчасти потому, что преподавателямъ французскаго или нѣмецкаго языковъ приходилось говорить ученикамъ о склоненіяхъ и спряженіяхъ, падежахъ, временахъ и т. п. въ то время, когда ученики не имѣли еще понятія объ этихъ формахъ по русскому языку. Точно также и преподаватель географіи заявилъ, что и ему случалось испытывать подобное же неудобство отъ непараллельнаго прохо-

жденія нѣкоторыхъ предметовъ: такъ при опредѣленіи величины извѣстныхъ географическихъ мѣстностей оказывалось, что ученики не знакомы съ мѣрами измѣренія плоскостей. Это неудобство педагогическій совѣтъ думалъ устранить слѣдующимъ образомъ. Независимо отъ тѣхъ совѣщаній, какія происходятъ между членами въ совѣтѣ, съ цѣлью взаимнаго вспомоществованія каждый изъ преподавателей въ томъ случаѣ, когда видитъ нужду въ ознакомленіи своихъ слушателей съ предметами, принадлежащими къ сферѣ другой науки, и когда въ то же время почему бы то ни было находитъ невозможнымъ или неудобнымъ самому изложить эти предметы, можетъ обращаться къ другому преподавателю по принадлежности, который и обязывается передать ученикамъ тѣ свѣдѣнія, хотя бы для этого привелось уклониться отъ програмы и системы. Не рѣшенъ былъ также вопросъ о томъ, нужно ли преподавателю готовиться къ уроку. Этотъ вопросъ, конечно, не могъ придти въ августовскія засѣданія въ головы членовъ по той простой причинѣ, что его различно рѣшать не приходится. „Да, конечно, нужно... Объ этомъ и разговаривать не стоитъ". Но на самомъ дѣлѣ нѣкоторые преподаватели являлись на лекціи безъ предварительнаго домашняго подготовленія, которое, по мнѣнію директора, для учителя, вполнѣ знакомаго съ своимъ предметомъ, должно заключаться въ предварительномъ обдумываніи плана, по которому будетъ происходить преподаваніе предстоящей лекціи и въ соображеніи характера слушателей. Основываясь на этомъ соображеніи, директоръ предложилъ вопросъ, не заключается ли отчасти въ этомъ обстоятельствѣ причина малоуспѣшности учениковъ. Ссылаясь на собственный опытъ, директоръ заявилъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда учитель идетъ на лекцію приготовившись, слово его льется живымъ потокомъ и западаетъ въ душу самыхъ нерадивыхъ учениковъ, и наоборотъ, безъ приготовленія, не смотря на полное знаніе учителемъ преподаваемаго предмета, преподаватель, дѣйствуя безъ обдуманнаго плана, упущаетъ изъ виду такія стороны предмета, которыя могли бы оживить преподаваніе, дѣлаетъ отступленія, обращается иногда на угадъ, и потому не всегда удачно, къ чтенію выдержекъ изъ книгъ, относящихся къ излагаемому предмету и по необходимости старается чѣмъ нибудь наполнить время, остающееся до окончанія лекціи, и такимъ образомъ выходитъ съ урока утомившись самъ и утомивши вниманіе своихъ слушателей. Болѣе подробное изложеніе этого взгляда мы находимъ въ письмѣ [1]) Рудакова одному учителю въ Томскѣ, обратившемуся къ нашему директору за совѣтомъ объ успѣшномъ преподаваніи предмета, которымъ тотъ раньше не занимался (законовѣдѣніемъ). Директоръ писалъ ему: „Первое и главное условіе преподаванія какого бы то ни было предмета—это то, чтобы ученики видѣли, что учитель самъ съ любовью трудится надъ своимъ предметомъ: при этомъ условіи молодежъ живо привязывается къ преподавателю и слѣдитъ за его преподаваніемъ. Первые годы вамъ, разумѣется, придется самимъ готовиться къ урокамъ и

---

[1]) Приведено г. Гашинскимъ.

вотъ въ этомъ уже ваша сила, ваше преимущество предъ другими преподавателями, которые, прослужа нѣсколько лѣтъ, большею частію считаютъ это приготовленіе къ урокамъ для себя излишнимъ. По мнѣнію моему въ тѣ дни, когда преподаватель идетъ въ классъ, не пробѣжавъ по крайней мѣрѣ въ умѣ предмета, о которомъ онъ будетъ говорить, въ эти дни гораздо лучше, если преподаватель не будетъ проходить впередъ, а займется весь урокъ повтореніемъ съ учениками пройденнаго, или даже просто займется чтеніемъ какой либо книги, относящейся къ преподаваемому предмету. Я живо помню тѣ несчастные уроки, когда я входилъ въ классъ не приготовившись, не обдумавъ предварительно какъ и о чемъ я буду говорить, и когда, преподавая, я въ то же время долженъ былъ составлять и самый планъ преподаванія. Ученики какъ бы чутьемъ догадывались, что учитель самъ желаетъ скорѣйшаго окончанія класса: вниманіе ихъ видимо утомлялось, дѣло не шло впередъ. И какая разница въ противномъ случаѣ! Обдумавъ предстоящій урокъ, я зналъ гдѣ и какъ именно остановить вниманіе учениковъ; я помнилъ, что это дѣти или юноши, молодая душа которыхъ живо встрепенется, когда ихъ вызовешь на сочувствіе къ какому-нибудь закону, ограждающему отъ несправедливости и незаслуженныхъ страданій, когда докажешь имъ пользу закона не одною только фразою, но пояснишь дѣйствительно бывшимъ или возможнымъ примѣромъ изъ жизни, когда вызовешь ихъ отвращеніе или негодованіе къ какому нибудь грязному дѣлу, преслѣдуемому закономъ, когда въ одно и то же время указывая необходимость предупредительныхъ и карательныхъ законовъ, внушишь имъ мысль, что, не смотря на страданія преступника предъ карою закона, можно и должно въ то же время въ лицѣ его любить человѣчество. О, тогда дѣти полюбятъ законы! Они будутъ видѣть въ нихъ не одну мертвую букву, но именно живительную и двигающую силу цѣлаго государственнаго организма“.

Такой взглядъ директора на подготовку къ урокамъ принятъ былъ учителями съ маленькой оговоркой. Возраженіе однакожъ послѣдовало съ той стороны, съ которой и ожидать было нельзя. Нѣкоторые изъ членовъ высказали замѣчанія, что при томъ числѣ лекцій, какое имѣетъ каждый учитель, онъ не всегда имѣетъ время и возможность приготовиться къ каждому уроку. Не разработанъ былъ также вопросъ о времени прохожденія курса. Въ ноябрѣ, по замѣчанію директора, оказалось, что нѣкоторые преподаватели слишкомъ спѣшатъ, что также пожалуй оказало вліяніе на недостаточность успѣха. Противъ этого заявленія возражалъ учитель ариѳметики, который представилъ въ примѣръ первый классъ, гдѣ многіе знали уже всю первую часть ариѳметики, а другіе плохо были знакомы съ первыми дѣйствіями надъ простыми числами, и потому, говорилъ преподаватель, не можетъ быть остановлено преподаваніе предмета для однихъ послѣднихъ, потому что вниманіе первыхъ ничѣмъ не будетъ занято. Это частное затрудненіе, встрѣчаемое преподавателемъ ариѳметики, по мнѣнію совѣта, можетъ быть разрѣшено тѣмъ, что въ то время, когда ученики съ меньшими познаніями будутъ заняты письмен-

нымъ изученіемъ первыхъ дѣйствій, остальные одновременно могутъ быть занимаемы рѣшеніемъ задачъ, относящихся къ этимъ дѣйствіямъ въ умѣ безъ помощи мѣла и карандаша. Въ общемъ совѣтъ согласился, что быстрое прохожденіе курса, дѣйствительно, можетъ неблагопріятно отзываться на менѣе способныхъ ученикахъ, и постановилъ: отнюдь не спѣшить этимъ прохожденіемъ, придерживаясь того общаго правила, что пусть лучше предметъ будетъ изученъ учениками въ меньшемъ объемѣ, но съ большею основательностію, при чемъ предоставить педагогической опытности каждаго изъ преподавателей вести дѣло такъ, чтобы при этомъ неторопливомъ изученіи предмета было равно занято вниманіе какъ отличныхъ, такъ и слабоуспѣвающихъ учениковъ. Кстати здѣсь скажемъ, что однимъ изъ лучшихъ пріемовъ преподаванія директоръ считалъ слѣдующіе, замѣченные имъ при посѣщеніи уроковъ и употребляемые однимъ преподавателемъ: а) въ случаѣ неправильнаго или медленнаго отвѣта со стороны спрашиваемаго ученика другіе просятъ позволенія дать отвѣтъ на предложенный учителемъ вопросъ, и б) учитель во время преподаванія безпрестанно обращается къ различнымъ ученикамъ, сидящимъ во всѣхъ сторонахъ класса. Понравились эти пріемы и совѣту, который постановилъ придерживаться этихъ пріемовъ при преподаваніи, преимущественно въ низшихъ классахъ, ученики которыхъ наиболѣе нуждаются въ средствахъ, постоянно возбуждающихъ ихъ вниманіе. Бросилось также въ глаза директору и то, что нѣкоторые преподаватели занимаются преимущественно съ лучшими учениками, и онъ предложилъ вниманію совѣта на разрѣшеніе вопросъ: не лучше ли поступать на оборотъ, т. е. обращать преимущественное вниманіе на неуспѣвающихъ учениковъ? Хотя этотъ вопросъ и вызвалъ со стороны нѣкоторыхъ изъ членовъ совѣта возраженіе, что едва ли справедливо будетъ останавливать дальнѣйшее движеніе лучшихъ учениковъ только потому, что въ числѣ товарищей ихъ есть отстающіе по нерадѣнію, но въ окончательномъ выводѣ совѣтъ пришелъ къ заключенію, чтобы вниманіе каждаго преподавателя главнѣйшимъ образомъ было сосредоточено на неуспѣвающихъ ученикахъ, которые, бывъ оставлены преподавателемъ при первыхъ проявленіяхъ ихъ неуспѣшности, уже никогда не будутъ имѣть возможности стать на ряду съ лучшими учениками. Наблюдая за преподавателями, директоръ обратилъ вниманіе и на то, что ученики не только въ низшихъ, но и въ высшихъ классахъ вовсе не умѣютъ выражаться, такъ что самое знаніе ими предмета становится бездоказательнымъ, при этомъ прочелъ отрывокъ изъ статьи, помѣщенной въ журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія, по поводу разбора предметныхъ уроковъ Перевлѣсскаго, и предложилъ вопросъ: не можетъ ли пріемъ, рекомендуемый критикомъ (т. е. требованіе отъ дѣтей отвѣтовъ на вопросы въ видѣ полныхъ предложеній), быть употребленъ въ Тобольской гимназіи, какъ средство пріучить дѣтей къ правильному выраженію ихъ мыслей? Но этотъ вопросъ былъ рѣшенъ совѣтомъ скорѣе въ отрицательную сторону и не безъ достаточныхъ основаній: члены болѣе соглашались съ мнѣніемъ Перевлѣсскаго, что

бесѣда учителя съ дѣтьми должна быть сходна съ обыкновеннымъ ежедневнымъ разговоромъ, а не отличаться отъ него искусственностію, которая едва ли приведетъ къ предполагаемой директоромъ цѣли. Въ засѣданіи педагогическаго совѣта 14 ноября директоромъ былъ поставленъ и одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ обученія. Директоръ заявилъ, что единственная и главнѣйшая мѣра къ усиленію занятій учениковъ—это усиленное вниманіе и усердіе самихъ преподавателей къ своему дѣлу, и что затѣмъ успѣшность или неуспѣшность учениковъ будетъ уже дѣло личной отвѣтственности каждаго изъ преподавателей. Прошу вспомнить тѣ біографическія свѣдѣнія о Рудаковѣ, которые приведены мною въ началѣ настоящей главы. Очевидно въ директорѣ заговорилъ тотъ серьезный, всецѣло преданный своему дѣлу преподаватель, какимъ Рудаковъ былъ въ Томскѣ. При томъ же Рудаковъ видѣлъ, что учителя слишкомъ много полагались на родителей учениковъ, думая, что для исправленія нерадивыхъ учениковъ достаточно сообщить объ нихъ родителямъ. Желая отвлечь преподавателей отъ этой крайности, директоръ и возбудилъ этотъ вопросъ о личной отвѣтственности каждаго преподавателя за неуспѣшность. Но тутъ Рудаковъ встрѣтилъ много возраженій. Въ протоколахъ совѣта объ этой отвѣтственности записаны цѣлыхъ пять отдѣльныхъ мнѣній: законоучителя Иваницкаго и преподавателей Плотникова, Матросова, Бострема и Кузьмина. Первый писалъ, что „малоуспѣніе“ лично происходитъ отъ воспитанниковъ и отъ условій изъ среды, а вовторыхъ отъ наблюдающихъ за воспитаніемъ въ гимназіи. Первый пунктъ своего возраженія *господинъ* [1]) Иваницкій объяснялъ на примѣрѣ неуспѣшности учениковъ I класса по Закону Божію. Эта неуспѣшность, по его мнѣнію, произошла отъ того, что вопервыхъ ученики въ этотъ классъ приняты почти безъ приготовленія, вовторыхъ многіе изъ нихъ не умѣютъ нетолько осмысленно читать порусски, но и просто механически, не зная даже нужной остановки. Другія причины того, что невозможно принять на себя возбужденной директоромъ отвѣтственности, подробнѣе объяснилъ Плотниковъ, настаивавшій, чтобы это мѣсто протокола было смягчено или вовсе оставлено. Плотниковъ указалъ на слѣдующія препятствія, непреодолимыя отдѣльной личностью: 1) недостаточность домашняго воспитанія. „Среда, въ которой растетъ большая часть нашихъ учениковъ, по своей бѣдности лишена, можно сказать, всякихъ средствъ къ правильному развитію и приготовленію дѣтей къ гимназическому курсу. Въ этомъ отношеніи учрежденіе при гимназіи приготовительнаго класса было бы великимъ благодѣяніемъ“. 2) Низкій уровень уѣздныхъ училищъ, необращающихъ вниманія на согласное развитіе душевныхъ способностей, а пріучающихъ только къ механическому чтенію наизусть, при томъ не иначе, какъ подъ страхомъ наказанія. „Отсюда забитость нѣкоторыхъ мальчиковъ.

---

[1]) Такъ вездѣ звалъ его въ бумагахъ Рудаковъ. Время обратило отца Иваницкаго въ „господина“, подобно тому какъ ученики обратились въ „слушателей“, уроки въ „лекціи“ и т. д.

Не относя этого препятствія къ числу непреодолимыхъ, я всетаки думаю, что исправленіе этого недостатка требуетъ продолжительныхъ усилій. Не мѣсяцы, а годы проходятъ иногда прежде, нежели удастся оживить какое-нибудь забитое существо". 3) Недостатокъ средствъ и дороговизна хорошихъ руководствъ... 4) „Отдаленность нашего края отъ болѣе образованныхъ центровъ, лишающая преподавателя часто всякой возможности ознакомиться съ новыми методами". 5) „Еще одно физіологическое препятствіе, состоящее въ томъ, что въ нашемъ холодномъ климатѣ всякое развитіе совершается медленно и поздно. Случалось, что ученикъ, развивавшійся туго во всѣхъ почти классахъ, въ послѣднихъ двухъ вдругъ выходитъ изъ ряда плохихъ и отлично оканчиваетъ курсъ. Вслѣдствіе всего этого я полагаю, что выжидательная система воспитанія, при дружныхъ усиліяхъ всѣхъ преподавателей, едва-ли не самая лучшая, а всякая торопливость и напоминанія о строгой отвѣтственности могутъ только произвести утомленіе и охлажденіе къ дѣлу". Матросовъ указывалъ на то, что успѣхи учениковъ много зависятъ отъ природныхъ способностей и наклонностей учениковъ и всей обстановки ихъ жизни семейной и общественной; при томъ же при всевозможныхъ мѣрахъ всегда могутъ встрѣтиться исключенія. Это же мнѣніе о природныхъ способностяхъ и наклонностяхъ поддерживалъ и Бостремъ. „Личная отвѣтственность, писалъ онъ, только тогда можетъ быть, когда мы смотримъ на учениковъ, какъ на tabula vasa, на которую отъ нашей воли зависитъ писать что угодно, но о несостоятельности этого предположенія даютъ намъ блистательное доказательство закрытыя женскія школы. Самая строгая бдительность не состоятельна для стѣсненія или направленія мысли, какъ намъ доказала жизнь народовъ".

Здѣсь на время мы прервемъ свой разсказъ объ учебныхъ мѣрахъ (эти мѣры перечислены не всѣ), чтобы познакомить читателей съ той литературной полемикой, какую пришлось Рудакову вести изъ-за напечатанныхъ въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ" протоколовъ педагогическаго совѣта. На протоколы обратилъ, между прочимъ, вниманіе журналъ „Воспитаніе" [1]) и отнесся къ нимъ безъ достаточной осмотрительности, осмѣявъ даже и то, что ни въ какомъ случаѣ не заслуживало осмѣянія: прямое, неподкрашенное, незамаскированное мнѣніе педагоговъ, которыхъ можно было въ нѣкоторыхъ случаяхъ упрекнуть въ ошибочности взглядовъ, но которыхъ всѣ ошибочныя мнѣнія выкупались добрымъ намѣреніемъ и желаніемъ пользы ввѣренному имъ дѣлу. Между тѣмъ даже упрекнувъ въ невѣжествѣ и верхоглядствѣ одного педагога, отнюдь того незаслуживавшаго, по мнѣнію Рудакова, редакція забыла заявленіе, сдѣланное Рудаковымъ въ первой своей статьѣ о печатаніи протоколовъ, что мнѣнія членовъ педагогическаго совѣта и самые журналы его засѣданій вовсе не назначались для печати, а были писаны для замкнутаго тогда кружка сослуживцевъ... „Если въ обыденной жизни довѣрчивое обращеніе къ кому либо за совѣтомъ и указаніемъ не встрѣчается никогда насмѣш-

---

[1]) № 2-й 1863 года.

кою, писалъ Рудаковъ, то тѣмъ болѣе несправедливо отвѣчать такимъ образомъ на мнѣніе педагоговъ, желающихъ при помощи совѣтовъ и указаній опредѣлить себѣ правила для честнаго и добросовѣстнаго выполненія своего дѣла. Что, если рѣзкіе отзывы редакціи заставятъ въ другой разъ тѣхъ же педагоговъ болѣе замкнуться въ себѣ или высказать мнѣніе, подобное тому, *что все обстоитъ благополучно, или что лучшаго порядка желать ненадо?* Что если искренняго голоса не услышитъ отъ членовъ совѣта нетолько общество, нетолько педагогическіе журналы, но и само начальство гимназіи, чрезъ посредство котораго дѣлаются гласными взгляды педагоговъ?“ Въ статьѣ своей редакція журнала остановилась преимущественно на мнѣніяхъ учителя нѣмецкаго языка и учителя словесности. По поводу заявленія, сдѣланнаго Бостремомъ, что многіе ученики занимаются болѣе у того изъ учителей, который щедрѣе на отмѣтки, редакція говоритъ: „какъ-то больно слышать, что въ наше время есть наставники, торгующіе совѣстью, и учебныя заведенія, въ которыхъ педагогическое сословіе терпитъ такую безнравственную игру въ щедрость“. Очевидно редакція не поняла въ точности заявленнаго мнѣнія. Педагогъ, заявившій это мнѣніе, вовсе не являлся съ жалобою на несправедливость своихъ сослуживцевъ, объяснялъ Рудаковъ, но выставилъ на видъ то, что одинъ и тотъ же отвѣтъ ученика, по разностороннему личному убѣжденію двухъ или нѣсколькихъ наставниковъ, признается заслуживающимъ то одного, то другаго балла. Сличая свои баллы, выставляемые имъ за успѣхи учениковъ, и признавая ихъ строго справедливыми, преподаватель находилъ, что другіе наставники оцѣниваютъ отвѣты учениковъ слишкомъ снисходительно и потому, сравнительно съ его вглядомъ, поступаютъ несправедливо; но онъ указывалъ, что другой наставникъ въ своемъ мнѣніи, наоборотъ, можетъ считать болѣе справедливыми свои личныя болѣе щедрыя отмѣтки. Итакъ здѣсь рѣчь шла не о несправедливости, не о торговлѣ совѣстью, какъ говоритъ редакція, но о различіи взглядовъ и несогласіи убѣжденій, и это то разногласіе и представлялось на обсужденіе педагогическаго совѣта, съ указаніемъ тѣхъ вредныхъ послѣдствій, какія происходили отъ этого разногласія. По поводу заявленія, сдѣланнаго въ педагогическомъ совѣтѣ, что ученики высшихъ классовъ часто не ходятъ на уроки, редакція задаетъ себѣ вопросъ: „любопытно во многихъ отношеніяхъ знать, не занесено ли въ Тобольскъ ясно-полянское повѣтріе?“ и потомъ, разрѣшая этотъ вопросъ посвоему, прибавляетъ: „еще шагъ—и классы Тобольскаго высшаго учебнаго заведенія представятъ уморительную картину тѣлесныхъ упражненій а Іа Ясная Поляна“. Въ этой насмѣшкѣ не было никакого смысла, но Рудаковъ и тутъ счелъ нужнымъ вразумить редакцію. Правда въ школѣ должны быть требованія, которыя ученикъ долженъ исполнять, пишетъ Рудаковъ, но укажите же намъ, что должны мы дѣлать, если мы требуемъ постояннаго и аккуратнаго посѣщенія учениками классовъ, а между тѣмъ нѣкоторые родители не наблюдаютъ за этими аккуратными посѣщеніями, не отвѣчаютъ на наши увѣдомленія о пропускаемыхъ учениками урокахъ, или отвѣчаютъ

иногда, что ученикъ оставался дома по ихъ указанію, или по домашнимъ обстоятельствамъ? Отчего не отвѣчали вы намъ на этотъ вопросъ, неограничиваясь общимъ совѣтомъ, какой нынѣ руководители учениковъ нерѣдко слышатъ, т. е. что надобно принимать должныя мѣры? Какія же эти должныя мѣры? Отчего не высказала редакція свое мнѣніе о томъ положеніи совѣта, которое было высказано по поводу сдѣланнаго заявленія и которое, какъ намъ кажется, все болѣе и болѣе выяснялось въ послѣдующихъ засѣданіяхъ педагогическаго совѣта, т. е. что родителямъ должны быть заявлены требованія, налагаемыя на нихъ учебнымъ заведеніемъ, безъ исполненія которыхъ заведеніе, по необходимости, должно отказаться отъ достиженія своихъ цѣлей въ образованіи ихъ дѣтей? И дѣйствительно, въ настоящее время никто незаставляетъ родителей отдавать ихъ дѣтей въ школы, и слѣдовательно на помѣщеніе родителями дѣтей можно и должно смотрѣть какъ на добровольный контрактъ родителей съ заведеніемъ. Въ этомъ контрактѣ заведеніе говоритъ, что оно обязывается учить дѣтей тому и тому, слѣдить за ихъ успѣхами, наблюдать за ихъ нравственными качествами, употреблять при лѣности и погрѣшностяхъ учениковъ мѣры убѣжденія и наставленія, кромѣ мѣръ, несостоятельность которыхъ признана современною педагогикою (говоримъ о розгахъ, оставленіяхъ безъ обѣда, карцерахъ и т. п.). Принявши на себя эти обязанности, заведеніе наше дало родителямъ полную возможность слѣдить за точнымъ и добросовѣстнымъ ихъ исполненіемъ и, въ случаѣ отступленій, заявить свой протестъ путемъ административнымъ или путемъ гласности, какъ кому угодно. Въ свою очередь заведеніе налагаетъ на своихъ контрагентовъ—родителей, отдающихъ дѣтей въ заведеніе, обязанность подчиняться тѣмъ правиламъ, какія установлены въ заведеніи, какъ-то: наблюдать за своевременнымъ и исправнымъ посѣщеніемъ учениками классовъ, за ихъ домашними занятіями, снабжать ихъ всѣмъ, что нужно при учебныхъ занятіяхъ, слѣдовать тѣмъ указаніямъ, которыя даетъ заведеніе ученикамъ для исполненія внѣ заведенія. Кто изъ родителей находитъ для себя дѣятельность учебнаго заведенія недостаточною, тотъ можетъ отступиться отъ условія, взявъ свое дитя изъ заведенія; съ другой стороны, если родители не исполняютъ требованій заведенія, то заведеніе можетъ отступиться отъ условія, отказавъ дѣтямъ въ посѣщеніи гимназіи". Потомъ, редакція находила страннымъ послѣ всего, что было писано въ педагогической литературѣ о безполезности преподаванія законовѣдѣнія въ гимназіяхъ, читать, что педагогическій совѣтъ Тобольской гимназіи причисляетъ его къ общеобразовательнымъ предметамъ и заботится о дополненіи курса посредствомъ пыльныхъ архивныхъ дѣлъ. Рудаковъ возражалъ: „Дѣйствительно, въ педагогической литературѣ говорено было почти единогласно, что законовѣдѣніе не принадлежитъ къ числу общеобразовательныхъ предметовъ и потому должно быть выведено изъ гимназическаго курса. Мы совершенно соглашаемся съ этимъ заключеніемъ и признаемъ также законовѣдѣніе не принадлежащимъ къ числу общеобразовательныхъ предметовъ, но только тогда, если будемъ говорить о немъ въ томъ видѣ,

какъ оно преподавалось въ большей части гимназіи и излагалось въ существующихъ учебникахъ, т. е. въ видѣ сухаго, далеко не полнаго сборника однихъ постановленій законодательства, безъ всякихъ отношеній къ исторіи и теоріи права. Дѣйствительно, преподаваемое въ этомъ видѣ законовѣдѣніе обременяетъ лишь память ученика, не давая ничего для пищи его самодѣятельности, его уму и сердцу; но есть другая сторона законовѣдѣнія: это теоретическіе взгляды, на основаніи которыхъ могутъ быть повѣряемы существующія законоположенія, о которыхъ и было сказано въ журналѣ совѣта 2 августа 1862 года, что они могутъ дать жизнь преподаванію законовѣдѣнія и безспорно поставить его на ряду съ другими общеобразовательными предметами". Такимъ образомъ, законовѣдѣніе вовсе не было названо общеобразовательнымъ предметомъ, но указана та сторона, которая ставитъ его на ряду съ общеобразовательными предметами. Отвергать вліяніе этой стороны на развитіе умственной самостоятельной дѣятельности, по мнѣнію совѣта, никакъ нельзя, точно такъ какъ нельзя отвергать такого же вліянія всѣхъ вообще философскихъ наукъ, когда, въ особенности при преподаваніи, можетъ быть указано, какимъ образомъ та или другая истина, выработанная наукою, получила дѣйствительное приложеніе къ жизни,—что именно можетъ быть сдѣлано при совмѣстномъ преподаваніи главнѣйшихъ теоретическихъ положеній и положительнаго русскаго права. Что касается до пользованія дѣлами присутственныхъ мѣстъ, то въ этомъ пользованіи, какъ въ наглядномъ способѣ ознакомленія съ дѣловыми сношеніями и порядкомъ дѣлопроизводства, совѣтъ видѣлъ не обремененіе, а облегченіе учениковъ,—что и объяснено въ самомъ журналѣ совѣта, на что однако же редакція не обратила вниманія. „Наконецъ, предстоящія преобразованія въ судопроизводствѣ, до тѣхъ поръ, пока они не обратятся изъ области предположеній въ дѣйствительную жизнь, не должны измѣнять программы курса законовѣдѣнія, хотя конечно преподаватель одновременно долженъ знакомить учениковъ со всѣми важнѣйшими перемѣнами, предположенными въ этомъ дѣлѣ правительствомъ".

Въ слѣдующемъ году, принесшемъ съ собой много новаго и интереснаго, въ тоже время оказалось, что не все то, что было практикуемо въ гимназіи, вполнѣ пригодно для нея. Прежде всего вновь были разработаны нѣкоторые вопросы по учебной и воспитательной частямъ.

При обсужденіи рапорта преподавателя словесности Плотникова въ сентябрѣ 1863 года учитель Емельяновъ относительно преподаванія славянскаго языка въ IV классѣ возражалъ, что обученіе славянскому письму есть только излишняя трата времени и безполезное обремененіе для мальчиковъ, такъ какъ въ практической жизни славянское письмо вовсе не имѣетъ примѣненія, а если бы и случилось таковое, то можно написать по-русски. Мнѣніе Емельянова было поддержано Слаутой и Тверитинымъ. А Шелутковъ заявилъ, что онъ считаетъ славянское письмо даже вреднымъ въ каллиграфическомъ отношеніи. О. законоучитель въ своемъ мнѣніи о преподаваніи Закона Божія высказалъ, что необходимо сдѣлать обязательнымъ посѣщеніе всѣми учениками

гимназіи всенощной и обѣдни въ приходской гимназической церкви. Но это мнѣніе совѣтомъ не было принято. Внушеніе религіознаго чувства мальчикамъ, а также наблюденіе за исполненіемъ ими обязанностей, налагаемыхъ религіей, составляетъ, по мнѣнію совѣта, прежде всего дѣло родителей и воспитателей. Поэтому педагогич. совѣтъ не считаетъ себя вправѣ наложить его исключительно на гимназическое начальство. При томъ же въ дѣлѣ религіи, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, необходимо гимназіи содѣйствіе родителей и воспитателей; безъ этого никакія принудительныя мѣры, предпринимаемыя начальствомъ, не могутъ привесть къ желаемому успѣху. Впрочемъ совѣтъ соглашался принять на себя обязанность слѣдить за исполненіемъ религіозныхъ обязанностей воспитанниками гимназіи, но только въ такомъ случаѣ, если сами родители и воспитатели выразятъ свое желаніе объ этомъ. Подверглось также измѣненію и допущеніе постороннихъ лицъ къ присутствованію въ педагогическомъ совѣтѣ. Относительно предоставленнаго права лицамъ, не принадлежащимъ къ составу гимназіи, заявлять свои мнѣнія о предметахъ, назначенныхъ къ разсмотрѣнію въ совѣтѣ, письменно или словесно кому нибудь изъ членовъ совѣта, въ началѣ 186³/₄ учебнаго года однимъ изъ членовъ Тобольскаго общества было заявлено директору, что право это будетъ до тѣхъ поръ неудобопримѣнимо, пока постороннія лица не будутъ имѣть возможности высказывать свое мнѣніе во время самыхъ засѣданій совѣта, такъ какъ постороннія лица не всегда могутъ знать о предметѣ засѣданій заблаговременно, да и не много найдется такихъ людей, которые изъ любви къ дѣлу воспитанія бросятъ не только удовольствія, но даже свои занятія, и будутъ писать свои мнѣнія о педагогическихъ вопросахъ или искать встрѣчи съ кѣмъ нибудь изъ членовъ совѣта. Заявивъ объ этомъ совѣту, директоръ предложилъ членамъ выразить свои мнѣнія: могутъ ли быть допущены къ участію въ сужденіяхъ совѣта постороннія лица и въ какомъ порядкѣ? Педагогическій совѣтъ, по большинству мнѣній, постановилъ: допустить, въ видѣ опыта, постороннихъ лицъ къ участію въ сужденіяхъ совѣта съ тѣмъ, чтобы по каждому предмету обсужденія въ отдѣльности первоначально были выражены мнѣнія и окончены сужденія между всѣми членами совѣта, а потомъ уже предсѣдатель совѣта приглашаетъ къ заявленію своихъ мнѣній присутствующихъ постороннихъ лицъ, при этомъ за членами совѣта остается право дѣлать или не дѣлать возраженія и тогда уже приступать къ формальному рѣшенію вопроса. Какъ практиковалось Рудаковымъ это право общества покажетъ намъ повѣсть о замѣщеніи должности учителя исторіи въ августѣ 1863 года. Эту должность постановлено было замѣстить посредствомъ конкурса. На основаніи предписанія главнаго инспектора отъ 23 марта 1863 года для конкурса были выработаны слѣдующія условія: 1) къ назначенному сроку должно быть представлено конкуррентами директору училищъ, для разсмотрѣнія въ совѣтѣ, письменное разсужденіе на избранную ими самими тему изъ области всеобщей или русской исторіи; 2) по предварительномъ разсмотрѣніи представленныхъ разсужденій членами совѣта (а также и желающими посторонними лицами) конкур-

ренты должны публично прочесть и защитить свои разсужденія противъ возраженій двухъ оффиціальныхъ оппонентовъ изъ состава педагогическаго совѣта, а также и постороннихъ лицъ; это защищеніе совѣтъ признаетъ необходимымъ для всеобщаго убѣжденія, что представленное разсужденіе есть дѣйствительно трудъ конкуррента; 3) наконецъ конкурренты по очереди въ назначенные дни и также въ присутствіи постороннихъ лицъ должны дать пробные уроки въ одномъ изъ низшихъ классовъ гимназіи; цѣль этихъ уроковъ будетъ ознакомленіе съ методомъ и пріемами въ преподаваніи конкуррентовъ; 4) по выполненіи этихъ условій педагогическій совѣтъ посредствомъ закрытой баллотировки рѣшитъ, кто изъ конкуррентовъ будетъ имѣть предпочтительное право на занятіе должности учителя исторіи. По вызову гимназіи на конкурсъ явились двое: учитель духовной семинаріи Х—въ и смотритель духовнаго училища К—вичъ. Оффиціальными оппонентами были избраны старшій учитель Плотниковъ и младшій—Ефремовъ. Результатъ этого конкурса обсуждался въ открытомъ засѣданіи совѣта 28 августа 63 года и былъ слѣдующій: оба конкуррента не были признаны достойными занять должность учителя исторіи. Диссертація Х—ва оказалась не чисто исторической, а филологической; диссертація К—вича—компиляціей безъ опредѣленной идеи. На диспутахъ оба конкуррента показали недостаточное знаніе исторіи. Пробные уроки ихъ были только простымъ чтеніемъ записокъ, тогда какъ должны были показать на этихъ урокахъ свои педагогическіе пріемы. При рѣшеніи вопроса посредствомъ закрытой баллотировки оказалось: относительно Х—ва всѣ одиннадцать шаровъ были положены неизбирательные, въ пользу же К—вича былъ первоначально положенъ одинъ избирательный; но какъ одинъ изъ членовъ замѣтилъ, что это произошло, вѣроятно, ошибкой, то директоръ предложилъ перебаллотировать въ другой разъ и тогда всѣ одиннадцать шаровъ оказались неизбирательными. Какъ производился экзаменъ конкуррентовъ, мы узнаемъ изъ протокола засѣданія 11 сентября, въ которомъ (засѣданіи) шла рѣчь вообще о порядкѣ замѣщенія открывающихся въ Тобольской гимназіи учительскихъ должностей. Нѣкоторые изъ постороннихъ лицъ, присутствовавшихъ на этомъ засѣданіи, напомнивъ бывшій въ августѣ конкурсъ, находили ошибку со стороны совѣта въ томъ, что совѣтъ при публичномъ разсмотрѣніи представленныхъ конкуррентами сочиненій игралъ только пассивную роль, такъ что, собственно говоря, не совѣтъ разсматривалъ представленныя сочиненія и производилъ испытаніе конкуррентовъ въ присутствіи общества, но общество въ присутствіи совѣта, и что такая передача на обсужденіе обществу дѣла, лежавшаго на обязанности совѣта, сопровождавшаяся усиленнымъ приглашеніемъ на диспуты всего общества чрезъ разсылку пригласительныхъ билетовъ, при томъ незнаніи предмета, которое выказали тогда конкурренты, было какъ бы неуваженіемъ гимназіи къ обществу. При этомъ высказывалось сожалѣніе, что лица, имѣвшія недостаточныя знанія, несправедливо подвергались при защищеніи разсужденія публичному посрамленію. Почему лица, высказавшія подобныя замѣчанія, желали, чтобы на будущее

время совѣтъ предварительно до публичнаго разсмотрѣнія разсужденій производилъ самъ въ открытомъ засѣданіи испытаніе конкуррентамъ и затѣмъ уже, получивъ удовлетворительные результаты, допускалъ ихъ къ публичному защищенію своихъ разсужденій. Испытаніе это, по мнѣнію означенныхъ лицъ, можетъ заключаться въ томъ, что совѣтъ предложитъ конкурренту устно развить нѣкоторыя мѣста въ представленномъ имъ конспектѣ, и такое colloquium и будетъ основаніемъ его заключенія, такъ чтобы общество имѣло возможность при этомъ защищеніи повѣрить и степень основательности заключеній самаго педагогическаго совѣта. На это совѣтъ возражалъ, что вопервыхъ конкурсъ былъ произведенъ согласно съ тѣмъ характеромъ, какой вообще былъ приданъ засѣданіямъ совѣта, т. е. при открытыхъ засѣданіяхъ; а вовторыхъ—что касается до замѣчанія, что совѣтъ при публичномъ разсмотрѣніи разсужденій конкуррентовъ игралъ будто бы пассивную роль, то причиной тому было само же общество, члены котораго, преждевременно вмѣшиваясь въ возраженіе оффиціальнаго оппонента, не давали ему высказать вполнѣ свои замѣчанія, что нѣкоторыми изъ членовъ общества не понято было самое назначеніе диспута, потому что по тѣмъ вопросамъ, которые предложены были конкуррентамъ, это было уже не защищеніе разсужденія, а просто экзаменъ. Но и это расширеніе правъ общества не повело къ развитію открытыхъ засѣданій совѣта, цѣль которыхъ была прекрасная, но она не достигалась по многимъ причинамъ: вопервыхъ лица общества не всегда знали и понимали, для чего они приглашались въ совѣтъ, а вовторыхъ все-таки это дѣло для нихъ было не свое дѣло, и они очень рѣдко посѣщали засѣданія педагогическаго совѣта. При томъ почти ниодинъ родитель или близкій родственникъ кого-нибудь изъ учащихся не принималъ участія въ засѣданіяхъ педагогич. совѣта; въ нихъ являлись большею частью лица, желавшія выставить на показъ свои знанія и порисоваться оригинальностью своихъ мнѣній. Такъ что, когда вѣсти дошли до высшаго начальства о томъ, что родители не посѣщаютъ открытыхъ засѣданій педагогическ. совѣта, велѣно было закрыть ихъ. Главный инспекторъ писалъ Рудакову, что отмѣна открытыхъ засѣданій вызвана несовершеннолѣтіемъ Тобольскаго общества для обсужденія такихъ важныхъ вопросовъ, каковы вопросы о воспитаніи и образованіи. Рудаковъ пробовалъ отстаивать право, данное обществу, но безполезно. Тяжело было это для Рудакова, и главный инспекторъ послалъ ему слѣдующія успокоительныя слова: „Вы затрудняетесь публикаціей объ отмѣнѣ открытыхъ засѣданій, думая, что это можетъ унизить васъ въ глазахъ общества. Мнѣ кажется вы въ этомъ ошибаетесь. Напротивъ, если кто вздумаетъ добиваться причинъ принятія такой мѣры, тотъ, конечно, обвинитъ не васъ, а то общество, которое не хотѣло или не умѣло воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ. Вы можете напечатать въ мѣстной газетѣ, что по распоряженію высшаго начальства открытыя засѣданія педагог. совѣта Тобольской гимназіи на нѣкоторое время отмѣняются, и, конечно, съ тѣмъ, чтобы ихъ болѣе не возобновлять“. Такъ Рудаковъ и сдѣлалъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Перемѣны въ гимназіи въ 1863 году: инспекторъ Плотниковъ, экономъ Малковъ; общее количество учениковъ къ 1 января 1864 года. Перемѣны въ 1864 году: надзиратели—А. Паутовъ и П. Паутовъ, учителя—Бильдинскій и Христофоровъ; количество учениковъ къ 1 января 1865 года. Перемѣны въ 1865 году: учителя—Ливановъ, Сидоренко и Можайскій; общее количество учениковъ къ 1 января 1866 г. и распредѣленіе ихъ по сословіямъ. Отчетъ директора о состояніи гимназіи за 186²/з учеб. годъ: зависимость успѣшности отъ различныхъ причинъ; характеристика преподавательскаго персонала и прочихъ служащихъ въ гимназіи; подготовка учениковъ; поддержка заведенія со стороны общества; нравственное состояніе воспитанниковъ пансіона; хозяйственная часть по пансіону. Состояніе гимназіи по отчету главнаго инспектора и отвѣтнымъ пунктамъ директора на запросы ревизовавшаго учебную часть въ Западной Сибири дѣйст. стат. совѣт. Латышева: недостаточность успѣховъ учениковъ по исторіи, географіи и русскому языку; гимназическія помѣщенія; состояніе библіотекъ, кабинетовъ и учебныхъ пособій. Экзамены въ 1863, 1864 и 1865 годахъ. Общій взглядъ на директорство Рудакова.

Устроенная такимъ образомъ гимназія правильно продолжала свою жизнь, съ небывалою жаждою воспринимая въ свой организмъ все то новое и хорошее, что далъ ей ея дѣятельный директоръ, руководясь требованіями и „вѣяніями" новаго времени. Какъ жила гимназія, какъ примѣнялись всѣ разсказанныя нами мѣры, какой результатъ былъ этихъ мѣръ и какія мѣры къ устроенію гимназіи принимались въ послѣдующее время—мы сейчасъ разскажемъ насколько то возможно, остановившись не на долго на перечисленіи перемѣнъ въ личномъ составѣ, цыфръ и нѣкоторыхъ фактовъ, происшедшихъ за описываемое время до 1865 года. Въ 1863 году произошли въ гимназіи слѣдующія перемѣны: учитель словесности Плотниковъ назначенъ (съ 14 ноября) инспекторомъ вмѣсто Доброхотова, учитель Бѣлорусцевъ выбылъ изъ гимназіи. 6 декабря опредѣленъ экономомъ коллежскій регистраторъ Дмитрій Ивановъ Малковъ. Къ 1 января 1864 года въ гимназіи былъ 161 ученикъ. Въ 1864 году поступили на службу въ гимназію: Александръ Дмитріевъ Паутовъ—надзирателемъ за пансіонерами, Павелъ Семеновъ Паутовъ—надзирателемъ за приходящими учениками. Сверхштатный учитель 4-й Московской гимназіи Петръ Васильевъ Бильдинскій назначенъ учителемъ словесности, учитель семинаріи Иванъ Яковлевъ Христофоровъ всеобщей и руской исторіи. Бильдинскій окончилъ курсъ въ 1858 г. въ Главномъ педагогическомъ институтѣ по историко-филологическому факультету съ званіемъ старшаго учителя гимназіи и съ награжденіемъ золотою медалью и назначенъ учителемъ 4-й Московской гимназіи. П. С. Паутовъ уже исправлялъ должность надзирателя въ Тобольской гимназіи до назначенія его въ 1850 году учителемъ исторіи и географіи въ Ялуторовское уѣздное училище. Въ 1857 г. онъ былъ частнымъ

приставомъ въ Тюмени, въ 1858 году помощникомъ Петропавловскаго городничаго, въ 1860 году участковымъ засѣдателемъ въ Ялуторовскомъ земскомъ судѣ, гдѣ былъ до апрѣля 1863 г. А. Д. Паутовъ воспитывался въ Тобольской гимназіи и въ 1842 г. былъ назначенъ учителемъ искусствъ въ Ялуторовское уѣздное училище, откуда въ 1847 году перешелъ на службу въ Петропавловскую таможню, а потомъ въ Семипалатинскую; въ 1862 г. по прошенію уволенъ былъ въ отставку. Преподаватель математики Криницынъ переведенъ въ Томскую гимназію. Къ 1 января 1865 года въ гимназіи было 160 учениковъ. *)

Въ 1865 г. поступили на службу въ гимназію: дѣйств. студентъ Казанскаго универс. Николай Константиновъ Ливановъ—учителемъ русскаго языка. Переведенъ изъ Томской въ Тобольскую учитель математики Петръ Трофимовъ Сидоренко. По окончаніи курса въ педагогическомъ институтѣ съ званіемъ старшаго учителя гимназіи и серебряною медалью опредѣленъ былъ учителемъ математики въ Томскую гимназію, гдѣ съ октября 1863 г. преподавалъ естественную исторію. 28 мая допущенъ къ исправленію должности учителя исторіи и географіи Константинъ Павловъ Можайскій. Не окончивъ полнаго курса наукъ въ педагогическомъ институтѣ, онъ былъ назначенъ учителемъ русскаго языка въ Енисейское уѣздное училище въ 1858 г., откуда перемѣщенъ былъ учителемъ исторіи и географіи въ Ачинское училище. Въ 1862 г. онъ перемѣщенъ въ Боровичское уѣздное училище, С.-Петербургскаго учебнаго округа, а оттуда чрезъ два года въ Тарское уѣздное училище. Выбыли изъ гимназіи: Кузьминъ, Ефремовъ и Христофоровъ. Къ 1 января 1866 года въ гимназіи было 146 учениковъ, которые по сословіямъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: дворянъ и чиновниковъ было 112, духовнаго званія 10, купцовъ 3, мѣщанъ 6, военнаго званія 3, казаковъ 3 и крестьянъ 12. По вѣроисповѣданіямъ ученики распредѣлялись такъ: 143 было православныхъ, 2 католика и 1 лютеранинъ.

По истеченіи года своей директорской должности Рудаковъ давалъ подробный отчетъ о состояніи ввѣренной ему гимназіи. Этотъ отчетъ прелюбопытнѣйшій, и хотя состояніе гимназіи по нему не можетъ быть названо

*) Въ 1864 году въ гимназію поступилъ самоѣдскій мальчикъ Петръ Юнзій, крестникъ Березовскаго окружнаго начальника Гинца, окончившій курсъ въ Березовскомъ уѣздномъ училищѣ. Его родина—Обдорской волости ватага старшины Ваку Нензи, а самоѣдское имя и фамилія Янсуминъ Тибиттоновъ. Въ увольнительномъ приговорѣ сказано, что онъ отпускается въ Тобольскъ для обученія главнымъ образомъ потому, что онъ одинокій, ничего не имѣющій такого, при помощи чего онъ могъ бы заняться промыслами и скотоводствомъ; его положеніе среди родичей стѣснительно какъ для него самого, такъ и для общества. При этомъ въ приговорѣ прибавлено: „чтобы намъ убѣдиться послѣ окончанія учебныхъ курсовъ Юнзія въ его достоинствѣ и качествахъ, мы самоѣды просимъ прислать къ намъ хотя на время его Юнзія“. Мальчикъ содержался на счетъ извѣстнаго М. К. Сидорова, съ которымъ Рудаковъ встрѣтился на пароходѣ, возвращаясь съ Юнзіемъ изъ Березова. Рудаковъ разсказалъ Сидорову о судьбѣ Юнзія, и Сидоровъ охотно согласился содержать маленькаго самоѣда въ пансіонѣ Тобольской гимназіи. Но 7 февр. 1866 г. Рудаковъ писалъ Гинцу, что его крестникъ зачахъ. Чахотка развилась быстро, и 11 марта Юнзій, уже ученикъ II класса, умеръ.

блестящимъ, но ея директоръ тутъ выказалъ себя, какъ и вездѣ, съ чрезвычайно выгодной стороны. Обыкновенно такіе отчеты бываютъ наполнены, болѣе или менѣе явно, восхваленіями дѣятельности завѣдывающаго учебнымъ заведеніемъ и лицъ, находящихся подъ его властью. Не такъ взглянулъ на дѣло этотъ необыкновенный директоръ. Отчетный годъ былъ годомъ его усиленной дѣятельности, какой Тобольская гимназія еще не видала, директору было чѣмъ похвалиться, но онъ очень хорошо понималъ, что скоро ничего не дѣлается, что его дѣятельность можетъ оказаться только въ будущемъ, что хвастаться рано, да и вообще гораздо полезнѣе обратить вниманіе на то, что̀ не можетъ быть названо удовлетворительнымъ, что̀ нужно исправись. По мнѣнію директора ходъ учебнаго дѣла и большая или меньшая степень его успѣшности зависитъ отъ совокупнаго дѣйствія трехъ причинъ: отъ качества личностей наставниковъ и преподавателей, отъ степени домашней подготовки дѣтей, поступающихъ въ заведеніе, и отъ степени нравственной поддержки, какую встрѣчаетъ заведеніе со стороны общества и въ особенности родителей. Останавливая прежде всего свое вниманіе на личномъ составѣ круга преподавателей, Рудаковъ обращаетъ вниманіе на то, что̀ по его мнѣнію съ перваго раза можетъ броситься въ глаза—это именно: должности старшихъ учителей, на сторонѣ которыхъ большій объемъ служебныхъ правъ, заняты преимущественно людьми, получившими образованіе въ духовныхъ заведеніяхъ. Поэтому можетъ рождаться сомнѣніе и вопросъ, не приносятъ ли эти личности съ собой въ заведеніе тѣ недостатки, какіе свойственны большей части обучавшихся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, не руководятся ли они прежнимъ духомъ рутины, не допускающимъ никакихъ улучшеній и усовершенствованій, не считаютъ ли производительнымъ сухое заучиваніе преподаваемыхъ предметовъ, безъ соображеній о томъ, насколько это заучиваніе отзовется на степени развитія обучаемыхъ дѣтей? Но всѣ эти опасенія исчезаютъ сами собой при ближайшемъ знакомствѣ съ означенными личностями въ отдѣльности: счастливый ли то былъ случай, или дѣйствительно высшія духовно-учебныя заведенія освободились отъ тѣхъ недостатковъ, въ которыхъ ихъ упрекали; но личности преподавателей, перешедшихъ изъ семинаріи, далеко не принадлежатъ къ числу рутинеровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не увлекаются безсознательнымъ стремленіемъ ко всему, что часто незаслуженно носитъ только одно имя прогресса. Обращаясь затѣмъ къ другимъ преподавателямъ, Рудаковъ говоритъ, что всѣ они болѣе или менѣе принадлежатъ къ числу людей, могущихъ вести свое дѣло сознательно и разумно, хотя на нѣкоторыхъ изъ нихъ, конечно, безъ ихъ воли, отразился тотъ общій недостатокъ времени, къ уничтоженію котораго стремится новый университетскій уставъ, т. е. поверхностность взглядовъ и знаній и недостаточно развитая способность къ усидчивому, самостоятельному труду. Впрочемъ директоръ высказываетъ надежду, что при томъ постоянномъ обмѣнѣ мыслей, который происходитъ въ еженедѣльныхъ засѣданіяхъ педагогическаго совѣта, и въ особенности при живомъ участіи инспектора, (А. В. Плотникова), избраннаго нынѣ изъ той же среды и поль-

зовавшагося прежде общею любовью и уваженіемъ, преподаваніе пойдетъ вполнѣ разумнымъ путемъ, безъ непріятныхъ столкновеній съ лицомъ, которому ввѣренъ надзоръ за преподаваніемъ и съ сознательнымъ подчиненіемъ его руководству и указаніямъ.

Болѣе опредѣленную характеристику преподавательскаго персонала, сдѣланную Рудаковымъ же, мы находимъ въ другомъ мѣстѣ. Вотъ она.

Первое мѣсто между преподавателями занимаетъ старшій учитель *Емельяновъ* [1]) по своей аккуратности какъ въ классныхъ занятіяхъ, такъ и въ занятіяхъ педагогическаго совѣта, гдѣ онъ обращалъ на себя вниманіе своими серьезными, строго обдуманными и отвѣчающими достоинству педагога мнѣніями; равно онъ постоянно и аккуратно присутствовалъ на всѣхъ экзаменахъ и принималъ въ испытаніи дѣятельное участіе; кромѣ того, ко дню годичнаго акта онъ написалъ сочиненіе, составляющее дѣльный и серьезный трудъ, въ которомъ онъ предугадалъ и рельефно указалъ истинныя потребности заведенія. За нимъ по достоинству слѣдуютъ старшіе учителя *Слаута* и *Плотниковъ* (потомъ инспекторъ), которые, не смотря на затруднительныя семейныя обстоятельства и постороннія занятія, находили однакожъ всегда время и возможность точно и аккуратно исполнять свои обязанности и кромѣ того удѣлять время для необязательныхъ занятій и руководства учениковъ въ неклассное время и старались всѣми мѣрами привлекать любовь и вниманіе учениковъ къ преподаваемымъ ими предметамъ. Послѣ нихъ обращалъ на себя вниманіе учитель *Шелутковъ*, трудъ котораго, при необязательности рисованія для учениковъ и установившемся взглядѣ въ неважности этого предмета, какъ неблагодарный и болѣе механическій, могъ бы охладить усердіе и стараніе другаго менѣе сознающаго свои обязанности педагога-наставника. За Шелутковымъ слѣдуетъ учитель нѣмецкаго языка *Бостремъ*, который кромѣ аккуратнаго исполненія своихъ обязанностей слѣдилъ за педагогической литературой и старался со всѣмъ усердіемъ облегчить и упростить для дѣтей пріобрѣтеніе ими знаній въ нѣмецкомъ языкѣ. Наконецъ законоучитель *Иваницкій*, отличаясь выработанными въ немъ неизмѣнчивыми убѣжденіями и серьезностью своихъ взглядовъ, старался достичь основательныхъ и точныхъ знаній въ своихъ ученикахъ. Скажемъ здѣсь кстати и о Бильдинскомъ. Въ отчетѣ за 1864 годъ Рудаковъ указываетъ, какъ на важную въ отчетномъ году перемѣну въ личномъ составѣ преподавателей, на назначеніе въ Тобольскую гимназію учителемъ словесности *Бильдинскаго*, человѣка со свѣжими силами, основательно подготовленнаго къ своему дѣлу, способнаго и умѣющаго трудиться. Онъ успѣлъ зарекомендовать себя, какъ

---

[1]) М. И. Емельянову посвящено его ученикомъ (изъ семинаріи) сочиненіе: „Островъ Лесбосъ и лесбійскіе пѣвцы и поэты, А. Иноземцева, Казань 1873 года“. Въ гимназической библіотекѣ имѣется книга Христофорова: „Этнографическіе и біографическіе очерки изъ всеобщей и русской исторіи, С.-Петербургъ, 1873 г.“ съ слѣдующей надписью: „М. И—чу Емельянову, какъ первому моему наставнику въ наукѣ писать и мыслить въ знакъ глубокаго уваженія отъ составителя“.

учитель, и передъ своими сослуживцами и передъ мѣстнымъ обществомъ: для руководства ученикамъ гимназіи имъ приготовлены и отпечатаны двѣ статьи синтаксиса русскаго языка, а съ октября мѣсяца онъ первый съ основанія гимназіи открылъ публичныя лекціи по исторіи литературы. О другихъ лицахъ мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ иныхъ источниковъ. Такъ о надзирателѣ *Католинскомъ* мы имѣемъ слѣдующій отзывъ: „Это былъ старикъ такого представительнаго вида и такой суровой и внушительной наружности, что я когда еще учился въ семинаріи (Тобольской) считалъ его инспекторомъ гимназіи и удивлялся тому строгому порядку, въ какомъ онъ держалъ пансіонеровъ во время прогулокъ по улицамъ Тобольска. Но несмотря на суровую наружность, онъ имѣлъ добрую, любящую душу и не мало дѣлалъ добра какъ гимназистамъ, такъ и пансіонерамъ, предупреждая ихъ проступки и спасая отъ случайныхъ бѣдъ. Гимназисты его боялись и въ то же время любили. Не даромъ же когда Павелъ Петровичъ разъ ѣздилъ въ Петербургъ къ сыну, [1]) Тобольскіе гимназисты будучи уже студентами, сдѣлали ему овацію въ Казани!“ Совершенно противоположный отзывъ читаемъ мы въ томъ же письмѣ [2]) о другомъ пансіонскомъ воспитателѣ, учителѣ нѣмецкаго языка Бостремѣ: „этого гимназисты терпѣть не могли за его манеру подводить ихъ подъ начальническое наказаніе, чтобы этимъ выставить свою педагогическую бдительность и наблюдательность“. Отзывы о другихъ лицахъ мы заимствуемъ изъ рукописнаго сочиненія г. Гашинскаго. Когда, направляясь изъ Тобольска въ Томскъ, Рудаковъ по дорогѣ заѣхалъ въ Омскъ и явился къ главному инспектору, то послѣдній (А. Поповъ) далъ ему слѣдующія наставленія: 1) въ лицѣ нынѣшняго инспектора, говорилъ Поповъ, вы не найдете себѣ помощника и вамъ придется много работать и за себя и за него, но потерпите до января 1864 года, когда онъ выслужитъ срокъ на пенсію; 2) вообще при замѣченныхъ недостаткахъ подчиненныхъ старайтесь щадить людей, давно уже служащихъ, потому что причины недостатковъ по большей части не въ нихъ самихъ, а въ ихъ начальникахъ, которые во время не успѣли исправить ихъ недостатки“. Въ инспекторѣ Рудаковъ, по его словамъ, нашелъ человѣка доброй души и благородныхъ правилъ, но который самъ не только ничего не дѣлалъ, не только не помогалъ директору, но какъ оказывалось въ послѣдствіи еще препятствовалъ, хотя безъ всякаго намѣренія, его распоряженіямъ. Такъ, напримѣръ, если директоръ дѣлалъ какое нибудь строгое распоряженіе, онъ, исполняя его, старался по добротѣ своей сколь можно смягчить его и потому иногда измѣнялъ его вовсе, самъ того не замѣчая. Напакостятъ ли что-нибудь ребятишки, онъ или вовсе скрывалъ отъ директора, или представлялъ ему дѣло въ другомъ видѣ. По совершенному невниманію къ исполненію своихъ обязанностей онъ многое откладывалъ и

---

[1]) Придворному врачу, окончившему курсъ въ Тобольской гимназіи въ 1846 году.

[2]) Инспектора Симбирской гимназіи И. Я. Христофорова, бывшаго въ описываемое время учителемъ исторіи въ Тобольской гимназіи.

многое совсѣмъ забывалъ. Начавшаяся вскорѣ послѣ пріѣзда Рудакова въ іюлѣ болѣзнь его, сначала не казавшаяся опасною, еще болѣе усилилась разстройствомъ по дѣламъ инспекторства. Болѣзнь усиливалась, а онъ не сдавалъ должности, частью потому, что не хотѣлось передать дѣлъ въ безпорядкѣ, который онъ самъ видѣлъ и сознавалъ, а частью потому, что боялся, не смотря на увѣренія директора, чтобы не быть уволеннымъ по болѣзни въ отставку до выслуги срока на пенсію. Наконецъ при сильномъ уже развитіи болѣзни въ концѣ сентября сдалъ кое-что изъ своихъ дѣлъ и обязанностей, но въ полномъ безпорядкѣ: одна изъ шнуровыхъ книгъ сдана была бѣлою съ приложеніемъ нѣсколькихъ клочковъ бумаги съ замѣтками о томъ, что слѣдуетъ записать въ книгу. Но еще труднѣе было Рудакову исполнить второе наставленіе главнаго инспектора. „Предмѣстникъ мой, самъ придерживавшійся въ послѣднее время чарочки, пишетъ Рудаковъ тестю, [1]) оставилъ мнѣ канцелярію, въ которой изъ трехъ человѣкъ—двое, письмоводитель и бухгалтеръ, были горькіе пьяницы. Не проходило мѣсяца, чтобы они по полученіи жалованья не хворали по нѣскольку дней, а иногда и до двухъ недѣль. Добавьте къ этому еще личность бездарнѣйшаго, безграмотнаго и тоже попивавшаго эконома, но въ тоже время отлично воровавшаго казенныя деньги, и вы поймете какова была моя обстановка“. Но возвратимся къ отчету. Переходя къ степени подготовки дѣтей, отдаваемыхъ въ гимназію, Рудаковъ говоритъ, что подготовка эта не вполнѣ удовлетворительна, хотя въ этомъ дѣлѣ сдѣланъ уже шагъ впередъ отпечатаніемъ и разсылкою во всѣ уѣздные города программъ, составленныхъ и разсматрѣнныхъ въ педагогическомъ совѣтѣ и подробно излагающихъ степень требованій, которыя будутъ заявляемы гимназіею при пріемѣ дѣтей въ заведеніе. Правда однако же и то, что гимназія не считала въ минувшемъ году вполнѣ справедливымъ примѣнить во всей точности требованія, изложенныя въ программахъ, по причинѣ замедлившейся ихъ отпечатки и нѣсколько поздней разсылки ихъ предъ началомъ учебнаго года. Касаясь третьяго условія, отъ котораго зависитъ правильный ходъ заведенія, т. е. степени раціональности взглядовъ мѣстнаго общества, къ средѣ которыхъ принадлежатъ родители обучающихся въ гимназіи дѣтей, Рудаковъ отмѣчаетъ тутъ слѣдующія обстоятельства: а) около третьей части общаго числа учениковъ гимназіи составляютъ дѣти лицъ иногородныхъ, слѣдовательно не имѣющихъ возможности мѣняться взглядами и наблюденіями съ наставниками гимназіи, и большею частію помѣщающихъ своихъ дѣтей на квартиры единственно по матеріальнымъ разсчетамъ и по большей доступности квартирной платы, а не по личнымъ качествамъ и достоинствамъ хозяевъ квартиры, которые должны замѣнять для дѣтей внѣ гимназіи мѣсто родителей; б) изъ остальныхъ двухъ третей учениковъ самый незначительный процентъ принадлежитъ къ числу людей, имѣющихъ право называться образованными; большею частію это дѣти или бѣдныхъ тружени-

[1]) У г. Гашинскаго.

ковъ, не имѣющихъ времени и возможности слѣдить за совершающимся развитіемъ дѣтей, или людей податныхъ сословій, желающихъ только одного, чтобы дѣти ихъ сдѣлались чиновниками, или наконецъ такихъ, которые, отдавъ своихъ дѣтей въ гимназію, считаютъ свои обязанности исполненными, уповая, что все остальное будетъ сдѣлано гимназіей. Результатъ всего этого тотъ, что старанія наставниковъ гимназіи не всегда достигаютъ своей цѣли и весьма не рѣдко парализуются или недостаточною подготовкою, или отсутствіемъ домашняго надзора и руководства за учениками. Общее мнѣніе директора выражено такъ: „И можно и должно желать, чтобы учебная часть представлялась въ гимназіи лучшею, чѣмъ какова она въ настоящее время". Переходя къ отчету о состояніи пансіона съ цѣлью очертить нравственное состояніе пансіонеровъ, директоръ, какъ и выше, выясняетъ сначала, въ чемъ должна заключаться добрая нравственность воспитанниковъ. Если для составленія опредѣленія о нравственности, какой можно требовать отъ пансіонеровъ, взять за норму требованія, которыя заявляются въ хорошихъ семействахъ, или другими словами, если предложить вопросъ о томъ, какія добрыя качества желалъ бы умный отецъ видѣть въ своемъ сынѣ до вступленія еще его на поприще гражданской дѣятельности, то, по мнѣнію Рудакова, на вопросъ этотъ можно было бы отвѣчать слѣдующимъ образомъ: можно назвать вполнѣ нравственнымъ того мальчика или юношу, который истинно религіозенъ, чуждъ пороковъ чувственныхъ, честенъ въ матеріальныхъ и личныхъ отношеніяхъ къ сочленамъ своего общества и наконецъ по возможности сознаетъ и сочувствуетъ тѣмъ обязанностямъ, какія лежатъ на истинно полезномъ членѣ гражданскаго общества и на истинномъ патріотѣ. Этими требованіями, кажется, можетъ вполнѣ ограничиться задача общественнаго воспитанія. Примѣняя всѣ эти условія нравственности юношей къ пансіону Тобольской гимназіи, Рудаковъ сдѣлалъ слѣдующіе выводы: религіозность пансіонеровъ не развита въ такой степени, какъ бы можно и должно желать, а по большей части ограничивается исполненіемъ, и то подъ-часъ крайне неохотнымъ, однихъ наружныхъ обрядовъ: мальчикъ идетъ въ церковь и становится на молитву не потому, чтобы душа его жаждала этого общенія съ Богомъ, но потому, что ему приказываютъ молиться. Порокъ чувственности, который увлекаетъ иногда цѣлыя массы только что развивающихся юношей и преждевременно губитъ ихъ способность и молодыя силы, не выказался въ такой степени въ пансіонерахъ гимназіи, чтобы возбуждалъ серьезныя опасенія, хотя однажды были три утвердительныхъ примѣровъ (а можетъ быть столько же неопредѣленныхъ темныхъ догадокъ), что пансіонеры высшихъ классовъ, возвращавшіеся въ пансіонъ послѣ вакаціоннаго времени, возвратились уже не такими непорочными тѣломъ, какими были прежде, а затѣмъ не были поставлены во время кратковременныхъ своихъ отлучекъ изъ пансіона такъ, чтобы могли не поддаваться вновь обаянію порока. Но за то можно утвердительно сказать, что тѣ противоестественныя видоизмѣненія этого порока, которыя проявляются въ общественныхъ заведеніяхъ между дѣтьми, недо-

стигшими юношескаго возраста, совершенно чужды пансіону гимназіи. Другой видъ чувственнаго порока, т. е. наклонность къ одуряющимъ напиткамъ, не проявился въ такомъ видѣ, чтобы требовалъ принятія рѣшительныхъ и энергическихъ мѣръ, хотя былъ одинъ несчастный случай одновременнаго увлеченія нѣсколькихъ пансіонеровъ, вызвавшій необходимость устранить изъ заведенія главнаго виновника изъ числа своекоштныхъ учениковъ. Но вообще среди пансіонеровъ не высказался этотъ порокъ въ своемъ грязномъ и отвратительномъ видѣ. За то начальству пансіона приходится не разъ сталкиваться съ другимъ проявленіемъ, которое могло бы быть разсматриваемо какъ одно нарушеніе порядка школьной жизни, если бы оно не отзывалось также вредомъ для неокрѣпшихъ натуръ и не составляло какъ бы перехода къ употребленію одуряющихъ напитковъ. Здѣсь идетъ рѣчь о куреніи, которое, бывъ, къ несчастію, позволено родителями нѣкоторыхъ пансіонеровъ, по трудности его преслѣдованія, нерѣдко передается отъ однихъ пансіонеровъ другимъ. Обязанность уважать чужую частную и казенную собственность развита между пансіонерами въ достаточной степени; но и здѣсь были два примѣра увлеченій: одинъ—гдѣ мальчикъ посягнулъ на чужую, хотя и не важную по стоимости частную собственность, и другой—гдѣ мальчикъ обратилъ выданную ему казенную вещь въ деньги. Общительность и взаимное сближеніе между пансіонерами, безъ всякаго различія сословій, составляетъ общую принадлежность всѣхъ пансіонеровъ, изъ которой не представлялось ниодного исключенія: между пансіонерами нѣтъ ни подъискиванія другъ подъ друга, ни желанія низкимъ угодничествомъ, при отсутствіи другихъ качествъ, выслужиться предъ начальниками, ни желанія явиться съ доносомъ о шалости, сообща сдѣланной съ товарищами. Начало гражданскихъ добродѣтелей, заключающееся въ обязанности ставить общую пользу выше своей отдѣльной пользы, любить государя и отечество, проводятся въ души воспитанниковъ и, не сталкиваясь ни съ какими превратными толкованіями, можно смѣло надѣяться, будутъ сознательно и разумно ими восприняты. Такимъ образомъ состояніе нравственности пансіонеровъ представляется въ общемъ итогѣ и относительно большинства ихъ удовлетворительнымъ, хотя встрѣчались отдѣльные случаи порчи, съ которыми приводилось бороться воспитателямъ, и которые вынуждали иногда, для огражденія цѣлаго состава пансіона, прибѣгать къ устраненію изъ него нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей. Говоря о порчѣ пансіонеровъ, Рудаковъ отмѣчаетъ, что причина неблагопріятныхъ нравственныхъ проявленій лежитъ иногда не въ винѣ заведенія, но въ отсутствіи домашняго надзора за пансіонерами и въ странномъ иногда взглядѣ со стороны родителей: такъ бывали примѣры, что достаточные родители дарили своимъ дѣтямъ немалую по возрасту дѣтей сумму въ ихъ полное распоряженіе и при томъ безъ вѣдома пансіонскаго начальства,—что и бывало причиною гибельной иногда для самихъ дѣтей траты. Можно упрекнуть кое въ чемъ и воспитателей пансіона, наприм., въ неодинаковости ихъ взглядовъ, при исполненіи обязанностей, что производило иногда нѣкоторый

внутренній разладъ въ порядкѣ по пансіону: такъ одинъ изъ нихъ считалъ необходимымъ условіемъ пансіонской жизни то, на что другой смотрѣлъ какъ на одну форму, а третій—какъ на нераціональное стѣсненіе дѣтской свободы. Для уничтоженія этого разлада между надзирателями директоръ заставилъ разъ надзирателей провести нѣсколько дней въ пансіонѣ вмѣстѣ, съ тѣмъ чтобы одинъ изъ нихъ поочередно считался въ это время дежурнымъ, а прочіе были только свидѣтелями его распоряженій и такимъ образомъ своими глазами видѣли послѣдствія дѣлаемыхъ распоряженій. Это распоряженіе достигло, по возможности, своей цѣли; а дѣятельное участіе вновь опредѣленнаго инспектора, на ближайшей обязанности котораго лежитъ соглашеніе дѣйствій и руководства надзирателей, даетъ увѣренность, что этого разлада между надзирателями не можетъ послѣдовать на будущее время.

Хозяйственная часть по пансіону въ 1863 году представлялась въ самомъ безотрадномъ положеніи. Возвышавшіяся въ теченіе нѣсколькихъ предшествующихъ лѣтъ цѣны на предметы содержанія вынуждали начальство пансіона сокращать количество новыхъ вещей, которыя нужно было заводить для пансіона, а вмѣсто того ограничиваться поддержкою вещей выслуживших уже сроки, такъ что наконецъ поддержка эта сдѣлалась невозможною. Если прибавить къ этому самую печальную меблировку пансіона, состоявшую изъ вещей грубой работы, заведенныхъ назадъ тому болѣе двадцати лѣтъ, или, напр., наружный видъ кроватей въ пансіонѣ, покрытыхъ одѣялами солдатскаго сукна, также выслужившими свой срокъ, то понятно какое грустное впечатлѣніе долженъ былъ производить пансіонъ на всякаго посѣтителя. И выйти изъ этого положенія представлялось рѣшительно невозможнымъ: при составленіи смѣты на содержаніе пансіона въ 1863 г. оказался дефицитъ на 1882 руб. $57\frac{1}{4}$ коп. Въ этой крайности директоръ училищъ представилъ на усмотрѣніе своего начальства представляющуюся необходимость или ассигновать дополнительную сумму на содержаніе пансіона, или же вовсе закрыть пансіонъ при гимназіи. Первое изъ этихъ предположеній было уважено и департаментъ народнаго просвѣщенія ассигновалъ недостающую сумму изъ собственныхъ средствъ. Между тѣмъ для изысканія способовъ къ возможно выгоднѣйшему содержанію пансіонеровъ приняты были усиленныя мѣры: директоръ частію лично самъ, частію чрезъ посредство учителей училищъ, произвелъ закупки нужныхъ для пансіона матеріаловъ прямо съ ярмарокъ, а для воспитательнаго надзора за хозяйствомъ пансіона и въ помощь бывшему инспектору, уже слабому силами и здоровьемъ, составилъ хозяйственный комитетъ подъ его предсѣдательствомъ изъ всѣхъ надзирателей по пансіону. Такимъ образомъ общими усиліями было достигнуто, что хозяйство пансіона приведено было въ должное состояніе. При составленіи смѣты на 1864 г. директоръ ходатайствовалъ объ увеличеніи содержанія пансіонеровъ, такъ, чтобы размѣръ содержанія казенныхъ воспитанниковъ покрайней мѣрѣ приближался къ тому количеству, какое получается на содержаніе демидовскихъ пансіонеровъ. Но и за всѣмъ тѣмъ, говоритъ директоръ въ отчетѣ, безъ поддержки,

получаемой отъ платы за частныхъ пансіонеровъ и остальныхъ пяти пансіонеровъ благотворителей, пансіонъ рѣшительно существовать не можетъ: понятно, что менѣе, чѣмъ на семь рублей въ мѣсяцъ, дать мальчику столъ, одежду, всѣ необходимыя для него учебныя пособія, отопленіе и освѣщеніе, и нанять для него прислугу болѣе, чѣмъ трудно. Напомнимъ, что за каждаго пансіонера казна платила 58 р. 54 к.; съ демидовскихъ поступало по 84 руб.; частныя стипендіи давали по 117 р. 60 к., а съ своекоштныхъ взимали по 130 рублей. Кромѣ того были въ пансіонѣ сверхъ-комплектные (въ 1864 году 3), которые содержались на счетъ общихъ экономическихъ остатковъ по пансіону.

О состояніи гимназіи въ описываемое время—мы узнаемъ, помимо годовыхъ отчетовъ директора, изъ отчета главнаго инспектора, ревизировавшаго гимназію въ началѣ 1864 года, и изъ отвѣтныхъ пунктовъ дирекціи на вопросы ревизировавшаго въ 1865 году учебныя заведенія Западной Сибири помощника попечителя С.-петербургскаго учеб. округа д. с. с. Латышева. Главный инспекторъ прочиталъ въ присутствіи всѣхъ преподавателей отчетъ о своей ревизіи Тобольской гимназіи, и въ немъ указалъ на недостатки, замѣченные имъ въ преподаваніи. Директоръ гимназіи въ засѣданіи педагогическаго совѣта 21 февраля 1864 года предложилъ членамъ обсудить замѣчанія главнаго инспектора и изыскать мѣры къ улучшенію преподаванія тѣхъ предметовъ, на которые обратилъ вниманіе ревизоръ. Прежде другихъ директоръ обратился къ преподавателю исторіи и просилъ его указать способы, посредствомъ которыхъ онъ намѣренъ достигнуть лучшихъ результатовъ въ своемъ преподаваніи. Замѣчанія главнаго инспектора относительно преподаванія исторіи состояли въ томъ: 1) что ученики низшихъ классовъ, въ особенности III класса, не въ состояніи были ясно и отчетливо изложить разсказываемыя ими событія; 2) что при преподаваніи исторіи факты не были освѣщаемы внутреннимъ смысломъ, не указывалось ихъ внутреннее значеніе, и 3) мало было обращаемо вниманія на бытъ, нравы и вообще внутреннюю жизнь народа. Преподаватель исторіи относительно перваго пункта сказалъ, что главной причиной сбивчивыхъ и неясныхъ отвѣтовъ учениковъ III класса онъ считаетъ неимѣніе ими учебника, по которому бы они могли напоминать слышанное въ классѣ. По мнѣнію преподавателя, какъ бы живъ и занимателенъ разсказъ ни былъ, мальчикъ не въ состояніи запомнить всѣхъ подробностей, которые входятъ въ него, а тѣмъ болѣе точно и послѣдовательно, по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, передать слышанное, не имѣя возможности повторить его во время домашнихъ занятій. Употребляемый же нынѣ учебникъ Грубе, по своей цѣнѣ, доступной только немногимъ, находится у учениковъ въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, да и при всемъ томъ, по своему изложенію, не обладаетъ тѣми достоинствами, которыя необходимы при преподаваніи исторіи въ низшихъ классахъ. Другихъ же лучшихъ учебниковъ для приготовительнаго курса исторіи въ русской литературѣ нѣтъ. Но педагогическій совѣтъ взглянулъ на дѣло нѣсколько

иначе. По его мнѣнію цѣль преподаванія исторіи въ III классѣ состоитъ въ ознакомленіи учащихся съ народами, выступающими послѣдовательно на историческое поприще, съ ихъ нравами и обычаями, понятіями и вѣрованіями. А какъ всѣ эти вещи тогда только могутъ быть поняты мальчиками, когда центромъ ихъ изображенія явится лицо, когда характеристическія особенности народа выразятся при изложеніи характеристики какой нибудь личности, такъ какъ въ это время, (т. е. во время прохожденія приготовительнаго курса исторіи) учащемуся всѣ народы представляются чрезъ своихъ героевъ, то понятно, что преподаваніе должно состоять главнымъ образомъ въ живомъ и увлекательномъ разсказѣ, который, задѣвая чувство мальчиковъ и возбуждая любовь къ изображаемой личности, долженъ рѣзко запечатлѣваться въ памяти. Чтобы напомнить потомъ всѣ подробности, слышанныя на лекціяхъ, ученикамъ достаточно будетъ имѣть подъ руками замѣтки, записанныя ими въ классѣ или переданныя учителемъ. Имѣя все это въ виду, педагогическій совѣтъ полагалъ, что можно обойтись и безъ учебника. Затѣмъ директоръ напомнилъ замѣчаніе главнаго инспектора о преподаваніи географіи, которая, по замѣчанію инспектора, преподавалась въ сухихъ и непривлекательныхъ формахъ и представляла собой безжизненную номеклатуру собственныхъ именъ и чиселъ. Второе замѣчаніе главнаго инспектора относительно преподаванія географіи состояло въ томъ, что ученики въ отвѣтахъ своихъ часто выказывали полное незнаніе самыхъ важныхъ вещей, такъ, напримѣръ, нѣкоторые изъ нихъ въ высшихъ классахъ не знали названій столичныхъ городовъ въ европейскихъ государствахъ. Относительно преподаванія законовѣдѣнія главный инспекторъ замѣтилъ, что знанія учениковъ не шли дальше статей свода законовъ, что необходимыя теоретическія понятія о правѣ, государствѣ и обществѣ, какъ видно, не входили въ кругъ объясненій по этому предмету, а потому и самыя знанія учениковъ остались лишенными свѣжести и жизни. Эту необходимость теоріи законовѣдѣнія признавалъ и совѣтъ, въ той мѣрѣ, какъ она проводится въ учебникѣ гражданскаго права проф. Мейера: теорія способствуетъ ясному пониманію духа законовъ, тѣхъ началъ, на которыхъ основано законодательство, а вслѣдствіе этого служитъ лучшимъ средствомъ къ удержанію въ памяти необходимыхъ законоположеній, которыя, какъ показываетъ опытъ, безъ нея легко изчезаютъ изъ памяти. Относительно русскаго языка главный инспекторъ замѣтилъ, что ученики не знали многихъ грамматическихъ правилъ, что нѣкоторые ученики не совсѣмъ удовлетворительно читали порусски. Инспекторъ предложилъ принимать въ гимназію только умѣющихъ твердо и разумно читать. При преподаваніи словесности, по замѣчанію главнаго инспектора, было упущено изъ виду чтеніе отрывковъ изъ лучшихъ писателей и критическая оцѣнка ихъ.

О гимназическомъ помѣщеніи, состояніи кабинетовъ и т. п. мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія въ отвѣтныхъ пунктахъ. Размѣры главнаго корпуса гимназическаго зданія не удовлетворяютъ раціональнымъ требованіямъ учебнаго

и воспитательнаго заведенія. Верхній этажъ, въ которомъ помѣщаются классы, состоитъ изъ проходныхъ комнатъ; нѣтъ въ немъ ни корридора, ни рекреаціонной залы. Единственная въ семъ зданіи зала служитъ помѣщеніемъ и для библіотеки, и для минералогическаго кабинета, и для отдыха учителей во время перемѣны, и для засѣданій педагогическаго совѣта. Физическій кабинетъ помѣщается, по прежнему, въ отгороженной перегородкой части одного изъ классовъ, нумизматическій—въ квартирѣ инспектора. Прочія учебныя пособія размѣщены по классамъ. Нижній этажъ, гдѣ помѣщается пансіонъ, также состоитъ изъ проходныхъ комнатъ, и двѣ такихъ комнаты, соединенныя аркою въ капитальной стѣнѣ, служатъ и столовою, и комнатою для занятій, и для отдыха учениковъ въ свободное отъ занятій время. Только для учениковъ VII класса, работа которыхъ требуетъ болѣе сосредоточенности въ занятіяхъ, найдено возможнымъ дать рядомъ съ означенною общею маленькую отдѣльную комнату; затѣмъ еще одна маленькая комната удѣлена для больныхъ, а прочія помѣщенія занимаютъ спальные номера. Пансіонская кухня тѣсная, мрачная, низкая и совершенно не отвѣчаетъ требованіямъ сколько нибудь порядочнаго хозяйства; прачешная также тѣсна по числу пансіонеровъ. Впрочемъ вновь построенная (въ 1864 г.) баня вполнѣ приноровлена къ потребностямъ гимназіи; точно также и квартиры директора и инспектора помѣстительны и удобны, въ особенности первая, такъ что директоръ нашелъ возможнымъ отдѣлить три комнаты отъ своей квартиры для помѣщенія канцеляріи и архива, отчего освободился отдѣльный флигель при его квартирѣ, обращенной (въ 1864 г.) подъ квартиру надзирателя за пансіонерами. Какъ эта, такъ и другая надзирательская квартира, равно квартира эконома могутъ назваться удобными для людей одиночныхъ или неимѣющихъ большихъ семействъ; но ни при одной изъ этихъ квартиръ нѣтъ никакихъ холодныхъ службъ. Всѣ эти зданія требуютъ ремонта: на главномъ корпусѣ нужно окрасить крышу давно уже крашеную и во многихъ мѣстахъ облинявшую; полы, по большему сравнительно съ помѣщеніемъ числу учениковъ, требуютъ ежегодной окраски, кромѣ залы въ верхнемъ этажѣ и спальныхъ нумеровъ въ нижнемъ; ступени единственной деревянной лѣстницы, ведущей въ верхній этажъ, по которымъ нѣсколько разъ въ день проходитъ до 200 человѣкъ, истерлись до того, что въ срединѣ каждой ступени образовались углубленія, почему представлялась надобность перемѣнить эту лѣстницу и замѣнить новою и, если можно, чугунною; отъ многократной въ теченіи многихъ лѣтъ побѣлки и подштукатурки наружныхъ и частью внутреннихъ стѣнъ главнаго корпуса образовался на нихъ довольно толстый слой, который по временамъ отскакивалъ и требовалъ новыхъ подбѣлокъ, почему представляется необходимость всю старую отстающую штукатурку очистить и оштукатурить заново все зданіе; пристроенныя на дворѣ два зданія деревянныя крыльца требуютъ одно исправленія крыши, а другое по безобразію должно быть замѣнено новою пристройкою или вовсе уничтожено; сдѣлано было потомъ послѣднее.

При гимназіи съ пансіономъ находилось прислуги всего 19 человѣкъ. Изъ нихъ 13 человѣкъ было собственно при пансіонѣ съ жалованіемъ въ мѣсяцъ: гардеробщикъ 7 р., поваръ 7 р. 66 к. (съ добавочнымъ), 4 служителя при столѣ по 4 р., больничный служитель 4 р., ночной караульный 3 р. 50 к., кухарка 3 р. 50 к., водовозъ 3 р. 50 к., три прачки по 3 р. 50 к.; по гимназіи: три служителя въ классахъ, швейцаръ, ночной караульщикъ, служитель при канцеляріи директора по 3 р. 50 коп. Состояніе библіотеки, кабинетовъ и учебныхъ пособій въ гимназіи къ началу 1865 г. представлялось въ слѣдующемъ видѣ. Въ фундамент. библіотекѣ гимназіи состояло 4701 т. (2490 названій). Болѣе другихъ по численности были отдѣлы періодическихъ изданій (1070), исторіи (618), словесности (601), филологіи (397). Сравнительно съ ними были бѣдны отдѣлы математики и естественныхъ наукъ. Въ первомъ изъ нихъ насчитывалось №№ 160, во второмъ 277. Отдѣлъ естественныхъ наукъ состоялъ большею частію изъ книгъ старинныхъ и второстепеннаго значенія: многія изъ нихъ (около 80 №№) были изданы еще въ прошедшемъ столѣтіи. По отдѣлу математики не было ни одного изъ новѣйшихъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій, въ отдѣлѣ словесности многихъ сочиненій по исторіи литературы. Въ 1865 г. получались слѣдующіе журналы: „Отечественныя записки", „Русскій Вѣстникъ", „Православное Обозрѣніе", „Московскія Вѣдомости", „Учитель", „Сѣверное Сіяніе", „Журналъ М. Н. Пр.", „Филологическія записки", „Заграничный Вѣстникъ", „Книжный Вѣстникъ", „Сенатскія Вѣдомости", „Губернскія Вѣдомости". Учебная пансіонская библіотека состояла изъ 742 экз.: по богословію 110, по русскому языку и словесности 117, по законовѣдѣнію 3, по математикѣ 137, по естественной исторіи 21, по исторіи и географіи 96, по латинскому языку 66, по франц. яз. 56, по нѣмецкому 107; пособій было 29. Фундаментальная пансіонская библіотека составлялась со времени преобразованія гимназіи въ 1836 г. изъ книгъ, пожертвованныхъ отчасти министерствомъ народн. просвѣщ., отчасти любителями просвѣщенія, а болѣе пріобрѣтенныхъ на суммы самого пансіона. Въ выборѣ книгъ, очень естественно, не было предварительнаго педагогич. плана, отчего многія изъ нихъ оставались безъ употребленія. Относительно выдачи книгъ воспитанникамъ и наблюденія за чтеніемъ тоже не соблюдалось никакого порядка, почему многія книги пришли въ такую ветхость, что сдѣлались совершенно негодными къ употребленію. Всего книгъ было 443 (въ томъ числѣ 115 названій, негодныхъ къ употребленію). Въ 1865 г. для пансіонской библіотеки выписывались слѣдующіе журналы: 1) Журналъ для дѣтей, Чистякова; 2) Самообразованіе, изд. док. Ханомъ; 3) Натуралистъ; 4) Чтеніе для юношества; 5) Вокругъ свѣта; 6) Природа и землевѣдѣніе; 7) Семейные вечера. Физическій кабинетъ до 1865 г. былъ недостаточенъ, какъ пособіе для опытнаго преподаванія физики. Онъ состоялъ изъ 122 приборовъ, въ числѣ которыхъ было много разбитыхъ и испорченныхъ отъ частаго употребленія. Для пополненія этого кабинета выписаны были въ 1863 году при посредничествѣ профессора С.-Петербургскаго университ. Менделѣева, быв-

шаго воспитанника Тобольской гимназіи, 38-мь физическихъ инструментовъ, которые были имъ куплены за 550 руб. сереб. и присланы въ гимназію въ концѣ 1864 г. Эти новые инструменты отличались совершенною правильностью, точностью и удобствомъ своего устройства. Сверхъ того въ томъ же 1864 г. куплена въ Тобольской гимназіи новая мензула съ полнымъ приборомъ для снятія плановъ (за 18 р. 75 к.) и у бывшаго старшаго учителя Криницына небольшая химическая лабораторія съ 77-ю реагентами (за 75 р.). Такимъ образомъ физическій кабинетъ въ теченіе одного года обогатился пріобрѣтеніемъ многихъ прекрасныхъ машинъ и въ 1865 году заключалъ въ себѣ необходимые инструменты почти по всѣмъ отдѣламъ физики. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ, по отзыву преподавателя, были слѣдующіе: Атвудова и центробѣжныя машины, Паскалевъ гидростатическій приборъ для воздушнаго насоса, барометръ Пиррота, приборы для поляризаціи и диффракціи свѣта, Даніелева гальваническая цѣпь, проводники Ампера, электроиндуктивная машина, электромагнитное колесо Якоби и модели электромагнитныхъ телеграфовъ. Всѣхъ машинъ и инструментовъ считалось въ физическомъ кабинетѣ 174; въ томъ числѣ собственно физическихъ 150, геодезическихъ 8, химическихъ 16; изъ нихъ 12 были совершенно разбитые и негодные къ употребленію, а 10 тоже испорченные, но въ такой мѣрѣ, что послѣ исправленія могли быть годны къ употребленію. Слаута замѣчаетъ, что помѣщеніе кабинета очень тѣсное и для производства опытовъ очень неудобное.

Естественно-историческій кабинетъ состоялъ изъ собранія минераловъ, мѣстныхъ растеній и животныхъ. Въ минералогическомъ кабинѣ считалось до 1359 штуфовъ, хранившихся въ шкафѣ въ залѣ гимназіи. Зоологическій кабинетъ состоялъ изъ собранія мѣстныхъ животныхъ, именно: въ немъ было 8 нумеровъ изъ класса млекопитающихся, 24 изъ класса птицъ и 338 нумеровъ изъ отдѣла животныхъ безпозвоночныхъ, между которыми первое мѣсто, по числу, принадлежало классу насѣкомыхъ. По неимѣнію другаго помѣщенія предметы зоологіи хранились въ залѣ гимназіи, равно и гербарій мѣстныхъ растеній, въ которомъ считалось 310 нумеровъ. Такъ какъ въ Тобольскѣ не было лицъ умѣвшихъ искусно препарировать животныхъ млекопитающихъ, то имѣвшіяся чучела не вполнѣ соотвѣтствовали требованіямъ науки; по той же причинѣ нѣкоторыя шкуры животныхъ оставались безъ препарированія. Довольно удовлетворительно были препарированы птицы; также было удовлетворительно собраніе насѣкомыхъ и гербаріи. Въ 1865 г. выписывались модели разныхъ родовъ обезьянъ, модели хищныхъ, грызуновъ, твердокожихъ и ластоногихъ животныхъ (все это было потомъ получено). Особенныя нужды кабинета представлялись въ недостаткѣ скелета человѣка или обезьяны, въ недостаткѣ породы пресмыкающихся животныхъ и рыбъ, въ недостаткѣ раковинъ и червей; въ минералогическомъ кабинетѣ былъ ощутительный недостатокъ въ образцахъ рѣдкихъ минераловъ; не было, напр., опала, изумруда, яхонта, топаза, хризобергла, алмаза и пр., изъ рудъ не было оловянныхъ, сурьмянныхъ, также образцовъ кобальта, никкеля, висмута, платины и др.

Что касается до помѣщенія естестественно-историческаго кабинета, то главное неудобство замѣчалось въ неимѣніи отдѣльной комнаты для кабинета, шкафа —для помѣщенія чучелъ и столовъ со стекольчатыми закрышками для расположенія минераловъ. Въ оранжереѣ считалось до 200 №№ экзотическихъ растеній, состояніе которыхъ было удовлетворительно. Нумизматическій кабинетъ состоялъ изъ собранія серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, изъ медалей и жетоновъ, сдѣланныхъ изъ разныхъ простыхъ металловъ—чугуна, желѣза, мѣди, олова, свинца и латуни: 1) серебряныхъ монетъ русскихъ было 33 названія въ количествѣ 15 экземпл.; 2) мѣдныхъ монетъ—русскихъ 48 названій въ количествѣ 115, иностранныхъ 23 въ количествѣ 23; 3) медалей и снимковъ 22 назван. въ количествѣ 244 экз. Изъ русскихъ серебряныхъ монетъ замѣчательны: 1) древняя рязанская гривна длиною въ $3^1/_4$ вершка, толщиною въ палецъ, вѣсомъ 46 зол. (присланная департ. Мин. нар. пр.); 2) копѣйки, относящіяся къ царствованію вел. кн. Василія Іоанновича, Іоанна III, царя Іоанна Грознаго, Ѳедора Іоанновича, Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михаиловича и императора Петра I; 3) пять серебряныхъ монетъ, принадлежащихъ царствованію Бориса Годунова; 4) двѣ монеты съ именемъ Дмитрія Іоанновича (самозванца); 5) алтынъ 1704 г.; 6) рубль 1732 г. Изъ иностранныхъ серебряныхъ монетъ замѣчательны: 1) монета Римскаго императора Антонина (138—161 г. по Р. Х.); 2) персидскій и грузинскій абазы,—первый чеканенъ въ Испагани, а другой въ Тифлисѣ въ 1200 г.; 3) двѣ бухарскихъ деньги 1226—27 г. (чеканены въ Бухарѣ); 4) Турецкая пара (чек. въ Константинополѣ); 5) Венгерская монета 1534 г. Изъ мѣдныхъ русскихъ монетъ древнѣе 1707 г., т. е. царствованія Петра Великаго, нѣтъ. Изъ иностранныхъ мѣдныхъ монетъ замѣчательны: 1) хана Шагинъ-Гирея (чек. въ Бахчисараѣ въ 1141 г.); 2) Бухарская пула (чекан. въ Бухарѣ); 3) Китайскій Цянь. Изъ медалей замѣчательны: 1) чугунный медальонъ съ изображеніемъ вел. кн. Игоря, съ надписью: Великій Князь Игорь Сѣверной и Южной Россіи Владѣтель (?); 2) желѣзный медальонъ велик. кн. Юрія Владиміровича Долгорукаго; 3) бородовая квитанція 1700 г.; 4) мѣдная медаль, выбитая по случаю рожденія великаго князя Константина Павловича въ 1779 г. [1]. По классу музыки имѣлись слѣдующія вещи: первая скрипка 1, альтовая 1, віолончель 1, басъ 1, стальной треугольникъ 1, камертонъ для музыкальнаго хора 1, пюпитровъ на винтахъ 4, столовыхъ складныхъ 3; нотъ для означенныхъ инструментовъ, музыкальныхъ сборниковъ новыхъ въ переплетѣ: этюдовъ для квартета 6 книгъ, собранія пѣсенъ и романсовъ 1 кн., метода для альта 1 кн., мелкихъ пьесъ двѣ книги. Классныхъ учебныхъ пособій состояло на лицо: географическихъ картъ 44 (12 подержанныхъ), земныхъ глобусовъ 2 (1 рельефный новый, другой попорченный), 1 небесный

---

[1]) Опись предметовъ нумизматическаго кабинета была составлена еще въ 1841 году извѣстнымъ Н. А. Абрамовымъ, который 1865 г. былъ совѣтникомъ управленія Семипалатинской области.

глобусъ (старый), 1 солнечная система (новая), 1 теллурій, 28 новыхъ таблицъ для естественной исторіи, 39 новыхъ картинъ для русской исторіи, 138 новыхъ картинъ для священной исторіи, 11 новыхъ таблицъ для нѣмецкаго языка, 11 названій книгъ въ 16 томахъ. Художественныхъ пособій было: рисунковъ, разныхъ изданій и сюжетовъ 224 №№, чертежей въ 3 коллекціяхъ 45 листовъ, геометрическихъ деревянныхъ моделей 32 штуки, прописей русскихъ и иностранныхъ 105, готовальня одна. Учебники въ гимназіи были употребляемы слѣдующіе: 1) по Закону Божію: свящ. исторія ветхаго и новаго завѣта *Рудакова;* православный катихизисъ, краткое ученіе о литургіи *Гумилевскаго,* краткое ученіе о богослуженіи *Богданова;* о годовомъ праздничномъ богослуженіи *Дебольскаго* и церковная исторія *Рудакова;* 2) по русскому языку: практическая русская грамматика *Перевлѣсскаго;* 3) по русской словесности: славянская грамматика *Пенинскаго* и истор. грамматика *Буслаева,* хрестоматія *Галахова* и *Филонова;* объ языкахъ вообще и краткая исторія русскаго языка по *Срезневскому* и *Аксакову;* исторія поэзіи—*Линниченко,* теорія прозы по руковд. изд. Мин. нар. пр.; исторія русской литературы *Галахова;* 4) по законовѣдѣнію: руководство къ познанію дѣйствующихъ россійскихъ законовъ, сост. *Проскуряковымъ;* 5) по всеобщей исторіи: исторія *Шульгина,* по русской—очерки русской исторіи *Иловайскаго;* 6) по ариѳметикѣ и алгебрѣ—ариѳметика 1-я и 2-я части и ариѳметическія задачи, изд. Мин. нар. пр.; алгебраическія задачи и приложеніе алгебры къ рѣшенію геометрическихъ задачъ *Больмана,* логариѳмическія задачи, составл. по руководству *Вега;* 7) по геометріи учебникъ *Буссе,* по тригонометріи—руководство *Соколова,* по физикѣ руководство *Ленца,* по математич. и физическ. географіи руководство *Талызина;* 8) по естественной исторіи: зоологія *Симашко,* ботаника *Шиховскаго,* минералогія *Гофмана* и естественная исторія *Горизонтова;* 9) по латинскому языку: грамматика *Кюнера* и христ. *Блюстина;* 10) по географіи: учебникъ географіи *Семенова,* руководств. къ всеобщей географіи *Ободовскаго;* географія россійской имперіи *Кузнецова* и всеобщій атласъ *Симашко;* 11) по французскому языку: азбука *Курпнера,* руководство *Марго* и хрестоматія *Трико;* 12) по нѣмецкому языку: руководство *Фишера,* грамматика *Кейзера,* сборникъ *Кейзера* и *Массона* и стѣнные листы *Редерера* для обученія чтенію; 13) по рисованію рисунки головокъ *Жюльеня,* новый курсъ рисованія его же.

Теперь познакомимся съ результатомъ экзаменовъ за описываемые три года и съ тѣми основаніями, на которыхъ происходили самые экзамены. 24 апрѣля 1863 года въ совѣтѣ были предложены на обсужденіе слѣдующія составленныя директоромъ правила о способѣ производства испытаній оканчивающимъ курсъ воспитанникамъ: 1) начать испытанія съ 21 мая и окончить къ 22 іюня съ тѣмъ, чтобы 30 іюня могъ быть утромъ актъ; 2) испытанія сдѣлать открытыми для постороннихъ лицъ, посему для удобства публики производить ихъ вечеромъ въ присутствіи педагогическаго совѣта изъ всѣхъ безъ исключенія преподавателей; 3) порядокъ экзаменовъ и самыя

правила заблаговременно распубликовать чрезъ припечатаніе въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“; 4) для закона Божія, русскаго языка и математики, какъ наиболѣе обширныхъ предметовъ, назначить по два вечера для испытанія по каждому изъ этихъ предметовъ; а экзамены для практическихъ упражненій, какъ-то: для сочиненія на заданныя темы, для рѣшенія практическихъ задачъ изъ математики, для черченія картъ, для письменныхъ переводовъ съ русскаго на иностранные языки, производить утромъ, когда педагогическій совѣтъ будетъ занятъ производствомъ переводныхъ испытаній; такимъ образомъ экзамены VII класса будутъ произведены въ 15 вечернихъ и 6 утреннихъ засѣданій; 5) отвѣтъ каждаго испытуемаго долженъ продолжаться $1/4$ часа: первыя 10 минутъ онъ долженъ отвѣчать на доставшійся ему билетъ безъ всякаго вмѣшательства со стороны производящихъ испытаніе лицъ, дабы съ одной стороны предупредить нареканія въ томъ, что испытуемый былъ сбитъ или наведенъ вопросами испытующихъ, а съ другой стороны, чтобы видѣть въ какой мѣрѣ самъ ученикъ способенъ основательно излагать предметъ; остальныя же 5 минутъ назначаются для отрывочныхъ вопросовъ по всѣмъ частямъ науки, которые могутъ дѣлать и посторонніе лица; цѣль этихъ отрывочныхъ вопросовъ опредѣлить быстроту соображеній воспитанника и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдиться, что удовлетворительный отвѣтъ на вынутый билетъ не есть дѣло случая; 6) въ годовой вѣдомости, кромѣ средняго вывода изъ всѣхъ мѣсячныхъ отмѣтокъ, предоставить преподавателю въ отдѣльной графѣ выразить свое окончательное заключеніе объ успѣхахъ каждаго ученика, такъ какъ средній выводъ, по мнѣнію многихъ преподавателей, изъ мѣсячныхъ отмѣтокъ не всегда выражаетъ вѣрную оцѣнку знаній ученика; однакоже годовая отмѣтка, при выдачѣ аттестатовъ, въ соображеніе не принимается, но только разногласіе преподавателя въ аттестаціи ученика съ мнѣніемъ совѣта записывается въ журналъ; 7) билеты заготовляются въ присутствіи предъ началомъ испытанія; испытуемый по существующему порядку можетъ брать до трехъ билетовъ; 8) степень знаній, выказанная каждымъ ученикомъ при испытаніи, согласно министерскому циркуляру, обозначается словами: неудовлетворительно, удовлетворительно и весьма удовлетворительно; каждый изъ членовъ совѣта выставляетъ отмѣтку на отдѣльномъ листѣ, и послѣ испытанія дѣлается сводъ этихъ отмѣтокъ; при разногласіи принимается мнѣніе большинства; 9) наравнѣ съ мнѣніями членовъ принимаются только мнѣнія депутатовъ, мнѣнія же постороннихъ лицъ только записываются въ журналъ; 10) при равенствѣ голосовъ въ двухъ различныхъ мнѣніяхъ, по предложенію Емельянова, перевѣсъ остается на сторонѣ мнѣнія, принятаго преподавателемъ, какъ наиболѣе знакомымъ съ познаніями ученика; 11) хотя невыдержавшій экзамена по одному какому нибудь предмету и можетъ продолжать экзамены по другимъ, однако же лишается права на полученіе аттестата, а только получаетъ свидѣтельство, что по такимъ то предметамъ выдержалъ удовлетворительно; 12) переэкзаменовокъ, равно какъ и перемѣнъ отдѣльныхъ мнѣній, въ окончательномъ совѣтѣ не допускается; 13) золотая

медаль должна быть присуждена тому, кто въ двухъ третяхъ предметовъ получитъ „весьма удовлетворительно" и въ прочихъ „удовлетворительно"; серебряная же тому, кто въ половинѣ предметовъ будетъ имѣть „весьма удовлетворительно" и въ прочихъ удовлетворительно"; 14) поведеніе воспитанниковъ обозначается въ годовой вѣдомости, составленной инспекторомъ вмѣстѣ съ надзирателями, тремя отмѣтками: отличное, хорошее и порядочное, такъ какъ дурной отмѣтки въ поведеніи воспитанника, остающагося въ гимназіи, быть не должно; вѣдомость эта повѣряется въ окончательномъ засѣданіи совѣта, заключеніе котораго обозначается въ выдаваемыхъ аттестатахъ и свидѣтельствахъ.

Переводные экзамены постановлено было начать одновременно съ выпускными, преимущественно утромъ, сокративъ время экзамена для отдѣльнаго воспитанника въ IV, V и VI классахъ до 10 минутъ и для воспитанниковъ I, II и III классовъ до 7 минутъ. Каждый преподаватель долженъ быть у всякаго другаго по крайней мѣрѣ на двухъ экзаменахъ съ той цѣлью, чтобы нѣсколько ознакомиться какъ съ методомъ преподаванія другъ друга, такъ и со степенью успѣховъ по каждому предмету. Относительно вопроса о томъ, какъ примѣнить постановленіе педагогическаго совѣта 30 іюля 1862 г. о недопущеніи къ экзаменамъ тѣхъ воспитанниковъ, которые по какому либо предмету получатъ за годъ единицу (1), между членами совѣта произошло разногласіе. Одни утверждали, что послѣдняя отмѣтка преподавателя, какъ результатъ знаній за цѣлый годъ, должна быть принимаема за годовую; но директоръ замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ преподаватель долженъ объяснить причину несогласія послѣдней отмѣтки съ мѣсячными. Можетъ случиться, что нѣкоторые изъ воспитанниковъ останутся недовольны отмѣткой преподавателя и имѣютъ полное право принести жалобу на него главному инспектору, и результатъ этой жалобы, по замѣчанію Палюлона, можетъ быть не выгоденъ для преподавателя, такъ какъ до полученія распоряженія главнаго инспектора по этой жалобѣ воспитанникъ можетъ приготовиться удовлетворительно. Распоряженіе же главнаго инспектора будетъ заключаться, вѣроятно, въ предписаніи проэкзаменовать недовольнаго воспитанника въ полномъ составѣ совѣта. Такимъ образомъ преподаватель легко можетъ получить совершенно незаслуженно выговоръ отъ начальства. Другіе, напротивъ, утверждали, что недопускать къ экзаменамъ слѣдуетъ только тѣхъ воспитанниковъ, у которыхъ за всѣ мѣсяцы по какому нибудь предмету была единица (1) и что послѣдняя отмѣтка (окончательное мнѣніе о воспитанникѣ) преподавателя не должна быть принимаема при переводахъ, а только при опредѣленіяхъ наградъ. А Ефремовъ заявилъ, что слѣдовало бы допустить къ экзамену и слабыхъ воспитанниковъ, такъ какъ несправедливо было бы приготовившагося воспитанника оставить въ томъ же классѣ. Такъ совѣтъ и не пришелъ къ рѣшенію этого вопроса, отложивъ его до разсмотрѣнія окончательныхъ вѣдомостей въ надеждѣ тогда изъ частныхъ случаевъ вывести общія правила. Эти вѣдомости разсматривались 15 мая и совѣтъ пришелъ къ такому общему

выводу: если при равномъ или большемъ числѣ неудовлетворительныхъ отмѣтокъ съ удовлетворительными по всѣмъ мѣсяцамъ года въ какомъ нибудь предметѣ воспитанникъ будетъ имѣть, кромѣ того, годовой баллъ, поставленный по убѣжденію преподавателя, неудовлетворительный, то такой воспитанникъ не допускается къ экзамену. На основаніи этого вывода должны были быть недопущенными изъ всего числа воспитанниковъ 66. Эта столь огромная цифра заставила половину членовъ ослабить выводъ для тѣхъ воспитанниковъ, которые только по одному предмету оказали неудовлетворительные успѣхи, такъ какъ они отлично могутъ приготовиться. Другая же половина членовъ, мнѣнію которыхъ далъ перевѣсъ предсѣдатель совѣта, придерживалась вывода, къ чему побуждали ихъ и нѣкоторыя соображенія чисто практическаго свойства: вопервыхъ постановленіе совѣта отъ 30 іюля 1862 года было утверждено главнымъ инспекторомъ, а вовторыхъ оно было объявлено всѣмъ ученикамъ и кромѣ того было ежемѣсячно напоминаемо директоромъ при дѣлаемыхъ имъ указаніяхъ на слабые и недостаточные успѣхи по тому или другому предмету; слѣдовательно нынѣ должно быть исполнено, иначе ученики потеряютъ убѣжденіе въ неизмѣнности постановленій педагогическаго совѣта и на дѣлаемыя имъ на будущее время предостереженія будутъ смотрѣть только какъ на угрозу, которая никогда не будетъ исполнима, и снова возникнетъ существовавшій въ заведеніи недостатокъ, т. е. убѣжденіе учениковъ, что по одному какому либо предмету можно вовсе не заниматься. Въ виду этого разногласія протоколъ засѣданія былъ представленъ на благоусмотрѣніе главнаго инспектора, который нашелъ возможнымъ изъ недопущенныхъ совѣтомъ нѣкоторыхъ допустить къ экзамену. Окончили курсъ въ 1863 году: Леоновъ Степанъ (съ золотою медалью), Водяниковъ Митрофанъ (съ серебряною медалью), Васильевъ Александръ, Масляниковъ Егоръ (съ серебряною медалью), Поникаровскій Никита, Самойловъ Михаилъ, Сергѣевъ Валеріанъ, Фроловъ Константинъ, Черемшанскій Константинъ, Федяй Александръ. Выпущены со свидѣтельствами: Бобовъ Василій и Арбузовъ Прокопій. Получили свидѣтельства державшіе за окончательный курсъ экзаменъ: Ливенцовъ и Кржижановскій. Фроловъ признанъ достойнымъ къ отправленію въ университетъ на казенный счетъ. Переведено изъ I класса во II-й 14, изъ II въ III-й 26, изъ III въ IV-й 25, изъ IV въ V-й 15, изъ V въ VI-й 11, изъ VI въ VII-й 7. Между ними переведено (1+4+7+1) 13 учениковъ, допущенныхъ къ экзамену по распоряженію главнаго инспектора: I класса П—гъ, имѣвшій неудовлетворительную отмѣтку по черченію, II-го—С—въ по закону Божію, Ху—новъ по французскому и черченію, Ток—въ по нѣмецкому и черченію, Т—въ Николай по нѣмецкому и французскому, III—В—новъ по французскому языку, Г—въ по закону Божію, Пон—ревъ по искусствамъ, Со—новъ по черченію, Кот—ловъ по черченію и французскому, Пав—нъ по тѣмъ же предметамъ, Ѳед—скій по геометріи и искусствамъ, IV—Т—цевъ по французскому языку. Замѣтно, что главный инспекторъ склонился въ своемъ мнѣніи на сторону членовъ, считавшихъ возможнымъ

допустить къ экзамену учениковъ неуспѣвшихъ въ продолженіе года по одному предмету, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ допустить и таковыхъ, которые имѣли двѣ неуспѣшности, особенно если онѣ были по искусствамъ и новымъ языкамъ.

Въ 1864 г. экзамены производились значительно иначе, нежели въ 1863 году. Вѣрнѣе сказать переводныхъ экзаменовъ не было, а были вмѣсто нихъ репетиціи, согласно съ мнѣніемъ преподавателя Плотникова, высказаннымъ имъ еще въ началѣ учебнаго года въ засѣданіи совѣта 17 октября. Во время экзаменовъ уроки не прекращались, въ силу чего испытаніе производилось въ присутствіи директора, инспектора и одного изъ свободныхъ отъ классныхъ занятій учителей, и безъ билетовъ, какъ предоставлявшихъ многое случаю; при томъ было постановлено: опредѣленнаго времени въ томъ или другомъ классѣ для производства испытаній не назначать; но въ выборѣ класса и лекцій предоставить усмотрѣнію директора; съ другой стороны ученики успѣвшіе могутъ быть и не спрашиваемы, такъ что вниманіе испытующихъ должно быть болѣе обращено на учениковъ слабыхъ и сомнительныхъ. Ученикамъ VII класса было дано нѣсколько дней на приготовленіе, и экзаменъ ихъ производился точно такимъ образомъ, какъ и въ предъидущемъ году. Постороннія лица были допущены къ присутствованію по особо посланнымъ имъ приглашеніямъ. Окончили въ 1864 году слѣдующіе ученики: Лавровскій Леонидъ (съ золот. мед.), Вахрушевъ Матвѣй (съ серебр.), Пиленковъ Иванъ (съ серебр.) и Сергѣевъ Николай; со свидѣт.: Ласточкинъ Тимофей и Томашевичъ Авель. Признаны достойными къ отправленію въ университетъ на казенный счетъ: Лавровскій и Сергѣевъ. На основаніи произведенныхъ въ продолженіе іюня репетицій и годовыхъ отмѣтокъ преподавателей переведены изъ I класса во II-й 18 учен. (10 ост.), изъ II въ III—16 (6 ост.), изъ III въ IV—19 (19 ост.), изъ IV въ V—17 (13 ост.), изъ V въ VI—10 (ост. 8; ученикъ К—вскій уволенъ изъ гимназіи за нехожденіе), изъ VI въ VII—9 (3 ост.).

Въ 1865 году были экзамены, а не репетиціи, при чемъ было переведено въ высшіе классы много учениковъ, имѣвшихъ на экзаменѣ отмѣтки неудовлетворительныя, однакожъ такихъ, за которыхъ преподаватель ручался, что въ слѣдующемъ классѣ будутъ проходить курсъ извѣстной науки безъ особеннаго затрудненія. Такихъ учениковъ переведено изъ I клас. во II—11 (10 съ удовлетворительными отвѣтами по всѣмъ предметамъ), изъ II въ III—9 (7 съ удовлетворит.; 1 уволенъ по несоотвѣтственности его возраста классу и малоуспѣшію), изъ III въ IV—2 (7 съ удовлетворител. отвѣтами, 1 уволенъ по малоуспѣшію и нехожденію въ классъ), изъ IV въ V—1 (11 съ удовлетворит. баллами), изъ V въ VI—3 (10 удовлетвор.), изъ VI въ VII—3 (4 съ удовлетворит. отвѣтами). Окончили въ 1865 г. слѣдующіе ученики: Аристовъ Василій, Дрозжиновъ Андрей, Костырко Анатолій, Лузгинъ Николай, Макаровъ Александръ, Синенко Андрей.

Изъ отчета гимназіи за 1864/5 учебный годъ мы узнаемъ, между прочимъ, что на переводъ учениковъ оказалъ вліяніе имѣвшій быть введеннымъ

со слѣдующаго учебнаго года новый уставъ, утвержденный 19 ноября 1864 года. „Число переведенныхъ нынѣ, говорится въ отчетѣ, могло бы значительно уменьшиться, еслибъ педагог. совѣтъ не принялъ во вниманіе уменьшенные по новому уставу размѣры нѣкоторыхъ наукъ", тѣмъ болѣе, что по новому уставу не всѣ науки и оставались въ гимназіи (наприм. законовѣдѣніе). Впрочемъ ожиданіе новыхъ порядковъ оказывало вліяніе не въ одномъ только этомъ случаѣ. Изъ того же отчета мы узнаемъ, что постоянное ожиданіе новаго устава и введеніе его придавало нѣкоторую безцвѣтность сужденіямъ членовъ совѣта, сравнительно съ тѣми оживленными засѣданіями, какія происходили въ предшествовавшихъ годахъ.

Дѣло говоритъ за себя. Три года директорства Рудакова даютъ намъ возможность сказать, что онъ не былъ похожъ на своихъ предшественниковъ. Шестидесятые годы въ исторіи русскаго развитія характеризуются тѣмъ, что въ это время русскій человѣкъ взглянулъ на себя и вокругъ себя, съ цѣлью осмыслить свое существованіе и на будущее время установить новый modus vivendi. Не осталось ничего такого въ жизни русскаго человѣка, чего бы онъ не подвергъ критикѣ, гдѣ бы онъ не старался отбросить все негодное, замѣнивъ старое новымъ хорошимъ, по крайней мѣрѣ по понятіямъ его самого, русскаго человѣка 60-хъ годовъ. Вопросы воспитанія и обученія были подвергнуты такой же безпощадной и широкой критикѣ, какъ и другіе вопросы. Оцѣнка этихъ новыхъ вѣяній и принесенныхъ ими результатовъ не входитъ въ програму нашего изложенія, но факты, сюда относящіеся изъ жизни Тобольской гимназіи, безспорно принадлежатъ исторіи, и на нихъ мы должны указать. Въ числѣ многихъ другихъ Рудаковъ очевидно былъ искренне убѣжденъ, что преобразовательныя начала, положенныя въ основу новаго направленія 60-хъ годовъ, должны были принести полезные плоды на поприщѣ педагогической дѣятельности, почему онъ проявилъ въ этомъ направленіи видимую энергію. Прежде всего онъ старался поднять въ Тобольской гимназіи значеніе коллегіальнаго начала. Не только общіе вопросы воспитанія обсуждаемы были имъ вмѣстѣ съ учителями, но и всѣ частные, какіе только возбуждались въ педагогической литературѣ того времени. Еще болѣе характерно при Рудаковѣ было то обстоятельство, что обсужденіе вопросовъ, касающихся гимназіи, производилось въ педагогическомъ совѣтѣ не только учителями гимназіи, но и всѣми, кто только интересовался дѣломъ воспитанія, т. е. публично. Съ головою, просвѣщенною свѣтомъ современной науки и наполненною всевозможными вопросами, Рудаковъ не считалъ себя чѣмъ-то необыкновеннымъ среди Тобольскаго общества, не думалъ, что только онъ одинъ въ состояніи и въ правѣ рѣшать педагогическіе вопросы. Напротивъ онъ полагалъ, что и головы другихъ также заняты различными тревожными вопросами, что и другіе интересуются успѣхами науки и просвѣщенія и слѣдовательно тоже въ состояніи сказать свое мнѣніе по всѣмъ вопросамъ, интересующимъ его, директора гимназіи. А если такъ, думалъ онъ, то пусть не будетъ ни одного вопроса

по гимазіи, который можно рѣшить одному, безвѣдома своихъ ближайшихъ сотрудниковъ—учителей и даже цѣлаго общества. И Рудаковъ отдалъ на обсужденіе другихъ все, что интересовало его самого, но отдавая не отказывался никогда отъ руководящей роли, къ чему онъ обязанъ былъ своимъ положеніемъ. „Первою нашею мыслію было поддержать и усилить значеніе педагогическаго совѣта, на обсужденіе котораго мы отдавали всѣ вопросы, гдѣ единоличное распоряженіе могло бы производить дисгармонію въ общемъ направленіи учебнаго заведенія“, говорилъ Рудаковъ на публичномъ актѣ гимназіи въ отчетѣ за первый годъ своей дѣятельности. „Мы предоставляли и просили каждаго изъ нашихъ сослуживцевъ высказать съ полною свободой свои мнѣнія по предлагаемымъ вопросамъ и не оставляли ни одного мнѣнія до тѣхъ поръ, пока оно не было обсужено со всѣхъ сторонъ. Мы дорожили общимъ единодушнымъ согласіемъ всѣхъ членовъ совѣта, которое придавало огромную нравственную силу всѣмъ его постановленіямъ. Мы дорожили силою и значеніемъ постановленій педагогическаго совѣта, и какъ бы иногда ни казалися тяжелы ихъ послѣдствія, мы старались приводить въ исполненіе. Таковъ былъ образъ дѣйствій и отношеній нашихъ къ педагогическому совѣту“. „Умъ хорошо а два лучше“—вотъ гласъ народной мудрости, и Рудаковъ не думалъ спорить съ этимъ. Просматривая протоколы педагогическаго совѣта, занимающіе иногда по нѣскольку десятковъ страницъ, мы встрѣчаемъ, что очень часто Рудаковъ предлагалъ на обсужденіе совѣта даже вопросы касающіеся Тобольской Маріинской женской школы, гдѣ Рудаковъ былъ членомъ по учебной части, и дѣла которой ни въ какомъ случаѣ не могли подлежать вѣдѣнію совѣта гимназіи. Впрочемъ здѣсь кромѣ принципіальнаго взгляда на дѣло, что сообща дѣла разрѣшать лучше, значительную долю вліянія оказывала деликатность Рудакова по отношенію къ учителямъ ввѣренной ему гимназіи. Послѣдніе, почти всѣ, несли обязанности учительскія, кромѣ гимназіи, и въ Маріинской школѣ и притомъ безплатно.

Чрезвычайно охотно откликался Рудаковъ на всякій призывъ къ обсужденію вопросовъ воспитанія и нерѣдко самъ побуждалъ къ тому другихъ. Достаточно было ему прочитать въ 36 № „Современной Лѣтописи“ „Русскаго Вѣстника“ извѣстіе, впослѣдствіи оказавшееся ложнымъ, что въ Екатеринбургѣ открылось педагогическое общество, какъ онъ тотчасъ взялся за перо и написалъ директору тамошней гимназіи письмо, въ которомъ просилъ сообщить ему, какъ возникло, изъ какихъ лицъ составилось и на какихъ началахъ существуетъ это общество. А знать все это Рудакову хотѣлось съ цѣлью, какъ онъ писалъ, „не найду ли возможнымъ что нибудь доброе, существующее у васъ, примѣнить къ дѣлу у себя здѣсь“. При томъ Рудакову „хотѣлось бы установить взаимный обмѣнъ мыслей и предположеній между Тобольскою и Екатеринбургскою гимназіями“. Въ 176 № „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за 1862 годъ было помѣщено объявленіе, которымъ объявитель просилъ мнѣнія педагоговъ на счетъ предполагаемаго имъ изданія педагогической газеты. Кто бы могъ подумать, что это объявленіе попадетъ на обсужденіе педагоги-

ческаго совѣта Тобольской гимназіи, а между тѣмъ это такъ и случилось. 13 сентября Рудаковъ писалъ объявителю, что совѣтъ Тобольской гимназіи желаетъ успѣха его предпріятію, но опасается за издателя, что онъ не встрѣтитъ достаточной поддержки въ своемъ дѣлѣ. Причины этихъ опасеній, по мнѣнію совѣта, слѣдующія. Вопервыхъ издатель желалъ своею газетою замѣнить педагогическіе съѣзды. „Но развѣ это возможно?“ откровенно писалъ Рудаковъ: „Какъ бы ни было интересно печатное изложеніе педагогическихъ вопросовъ и сужденій, все же никогда не замѣнитъ того живаго промѣна, который происходитъ при личныхъ бесѣдахъ и совѣщаніяхъ. Здѣсь всякій вопросъ разсматривается и критикуется со всѣхъ сторонъ, и потому являются иногда мимолетныя сужденія, совокупность которыхъ даетъ однакоже вѣрную оцѣнку разсматриваемаго предмета.... Вовторыхъ „издатель разсчитываетъ на доставку статей педагогами даромъ, забывъ, что обращается къ людямъ далеко не обезпеченнымъ въ матеріальномъ отношеніи и обращается въ то время, когда другіе журналы охотно примутъ стоющую вниманія педагогическую статью съ хорошимъ вознагражденіемъ. Что касается до Тобольскихъ педагоговъ, то они не могутъ принять участія въ его газетѣ еще и потому, что для ихъ статей открытъ мѣстный органъ („Губернскія Вѣдомости“). Кромѣ того: имя самого издателя (Мильчевскій) неизвѣстно въ педагогическомъ мірѣ“. Впрочемъ если онъ съумѣетъ устранить всѣ указанныя затрудненія, то можетъ разсчитывать, что подвѣдомая Рудакову гимназія и училища будутъ выписывать его газеты отъ 10 до 15 экземпляровъ.—Получивъ разрѣшеніе печатать въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ протоколы педагогическаго совѣта и напечатавъ ихъ, Рудаковъ разослалъ эти №№ разнымъ лицамъ (директорамъ Томской гимназіи, Пермской, Екатеринбургской и Иркутской), въ Казанскій университетъ, въ журналы „Учитель“ и „Воспитаніе“ съ просьбой обратить вниманіе на это „начало дѣлаемаго въ Тобольской гимназіи опыта сближенія школы съ обществомъ“ и высказать свое мнѣніе о достоинствѣ тѣхъ мнѣній и постановленій педагогическаго совѣта, которыя напечатаны и будутъ печататься въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“. Въ письмахъ къ директорамъ Рудаковъ, допуская возможность обсужденія мнѣній Тобольскихъ педагоговъ на педагогическомъ совѣтѣ, просилъ переслать ему заключенія совѣта. Изъ всего этого Рудаковъ надѣется извлечь указанія вести порученное ему заведеніе правильнымъ и разумнымъ путемъ. Любопытно письмо Рудакова ректору Казанскаго университета: „Между университетомъ и тѣми учебными заведеніями, которыя посылаютъ въ него своихъ питомцевъ, должна быть неразрывная связь. Университетъ по временамъ можетъ слѣдить за попытками, дѣлаемыми въ этихъ заведеніяхъ къ улучшенію учебной и воспитательной части и руководить ихъ своими указаніями. Въ этомъ убѣжденіи позволяю себѣ представить вашему превосходительству № „Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, изъ которыхъ вы изволите усмотрѣть начало нашей мѣстной попытки сближенія школы съ обществомъ. Позвольте ваше превосходительство присылать вамъ тѣ послѣдующіе №№ „Вѣдомостей“, въ которыхъ будутъ помѣщены статьи

педагогическаго содержанія и покорнѣйше просить васъ передавать по принадлежности гг. профессорамъ, передавъ имъ отъ имени гимназіи покорнѣйшую просьбу не оставить насъ своими указаніями къ разумному направленію возложеннаго на насъ дѣла. Мы чувствуемъ и слабость своихъ силъ и недостатокъ знаній и опытности, но честно желали бы выполнить свой долгъ". У себя въ гимназіи безпокойный директоръ не довольствовался одними засѣданіями педагогическаго совѣта, даже съ участіемъ лицъ изъ общества. Въ концѣ втораго года своей службы онъ задумалъ учредить изъ желающихъ лицъ, служащихъ по учебной части въ Тобольскѣ, свой собственный учительскій клубъ—на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) въ члены клуба могутъ поступать по заявленному желанію всѣ преподаватели мѣстныхъ учебныхъ заведеній; прочія лица принимаются не иначе, какъ по баллотировкѣ. 2) Цѣль учрежденія клуба наибольшее сближеніе между членами, чтеніе книгъ и статей, могущихъ имѣть общій интересъ, преимущественно педагогическихъ, и взаимныя товарищескія бесѣды. 3) Карты, шашки, шахматы и прочія игры, какъ неотвѣчающія цѣли клуба, не допускаются. Для собранія директоръ предназначалъ одинъ, выбранный по общему согласію, вечеръ въ недѣлю, во флигелѣ при квартирѣ директора, причемъ расходы по отопленію и освѣщенію этого флигеля относилъ къ членскому взносу въ размѣрѣ рубля ежемѣсячно. На собраніе предполагалось допускать безплатно въ качествѣ гостей и женъ членовъ. Интересно, что когда Рудаковъ предложилъ учителямъ высказаться относительно своего согласія на учрежденіе такого клуба, то въ утвердительномъ смыслѣ высказались далеко не всѣ; нашлось 6-ть учителей, которымъ не понравился проектъ директора. Эти учителя слѣдующіе: Палюлонъ, Емельяновъ, Тверитинъ, Слаута, Шелутковъ и Католинскій. Согласились слѣдующіе учителя: Криницынъ, Ефремовъ, Бостремъ, о. Иваницкій (съ тѣмъ чтобы слово „клубъ" замѣнить словами: „литературное собраніе" или „учительскій совѣтъ"), Христофоровъ, Крестьяновъ (смотр. уѣзд. учил.), Сорокинъ (учитель уѣзд. учил.), Томашевскій (учитель уѣзд. учил.) и Мазуркевичъ (учитель уѣзд. учил.). Мы не совсѣмъ понимаемъ, почему здѣсь Рудаковъ не достигъ единодушнаго согласія. Довольно большой членскій взносъ не могъ остановить учителей гимназіи, когда на него соглашались учителя уѣзднаго училища. Можно думать, что все дѣло въ личномъ характерѣ означенныхъ лицъ тѣмъ болѣе, что на этой сторонѣ оказались все уже люди пожилые. Такъ какъ все-таки желающихъ учредить учительское собраніе было больше, то Рудаковъ представилъ проектъ на утвержденіе главному инспектору. Послѣдній, продержавъ у себя этотъ проектъ 7 мѣсяцевъ, увѣдомилъ Рудакова, что такъ какъ утвержденіе вообще всѣхъ уставовъ собраній зависитъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, то онъ не находитъ въ настоящее время удобнымъ ходатайствовать объ учрежденіи учительскихъ собраній въ г. Тобольскѣ.

Руководимый все одной и той же цѣлью, которая проглядываетъ во всѣхъ его мѣропріятіяхъ, Рудаковъ въ 1863 году возбудилъ предъ своимъ начальствомъ вопросъ объ устройствѣ лѣтомъ 1863 года въ Тобольскѣ педа-

гогическаго съѣзда смотрителей и учителей уѣздныхъ училищъ. Но генералъ-губернаторъ нашелъ этотъ съѣздъ въ 1863 году неудобнымъ по неимѣнію средствъ, изъ которыхъ можно было бы разрѣшить выдачу прогонныхъ денегъ смотрителямъ и нѣкоторымъ учителямъ, а принятіе учителями поѣздки въ Тобольскъ на свой счетъ генералъ-губернаторъ находилъ слишкомъ обременительнымъ, при весьма скудномъ ихъ содержаніи. Самый вопросъ о выдачѣ на проѣздъ прогоновъ смотрителямъ и учителямъ уѣздныхъ училищъ изъ спеціальныхъ средствъ того или другаго училища былъ возбужденъ Рудаковымъ. Но своей мысли объ устройствѣ съѣзда Рудаковъ не оставлялъ и въ продолженіе двухъ годовъ развивалъ ее гдѣ только представлялась возможность: въ ежегодныхъ отчетахъ, при встрѣчѣ съ главнымъ инспекторомъ и проч. Благодаря его настойчивости то, что казалось неудобнымъ въ 1863 году, осуществилось въ 1865 году. Мы не будемъ излагать исторіи этого съѣзда, скажемъ только, что онъ собирался: 1) для выработки мѣръ къ упрощенію и улучшенію методовъ преподаванія, на отсталость которыхъ въ сельскихъ училищахъ почти единогласно указывали смотрителя училищъ Рудакову, при его поѣздкахъ по своему округу; для составленія списка необходимыхъ въ каждомъ училищѣ классныхъ и учебныхъ пособій; для обсужденія возможности при существующихъ средствахъ къ учрежденію при сельскихъ училищахъ библіотекъ и къ учрежденію въ селахъ складовъ продажныхъ книгъ; 2) для обсужденія мѣръ къ лучшему устройству учебной части въ уѣздныхъ, женскихъ и городскихъ приходскихъ училищахъ. Въ виду того, что съѣздъ имѣлъ цѣлью обсудить состояніе учебной части и въ сельскихъ училищахъ, забота о которыхъ лежала главнымъ образомъ на обязанности губернатора, каковое положеніе этихъ училищъ сохраняется до настоящаго времени, то губернаторъ А. И. Деспотъ-Зеновичъ принялъ участіе въ этомъ съѣздѣ тѣмъ, что выслалъ директору для раздачи по принадлежности бланковые билеты на право полученія смотрителями въ проѣздъ до Тобольска и обратно земскихъ лошадей безъ платежа прогоновъ. Изъ гимназическаго персонала, кромѣ директора, особенное участіе въ засѣданіяхъ съѣзда принимали: о. Иваницкій и Шелутковъ.

Но признавая за своими сотрудниками право обсуждать всѣ вопросы по учебной части, Рудаковъ въ первое же время своей службы старался напоминать имъ и объ ихъ обязанностяхъ по отношенію къ гимназіи и по отношенію къ самому директору. При такой постановкѣ вопросовъ, какую практиковалъ Рудаковъ, учителю легко было забыться и дойти до мысли, что онъ можетъ дѣлать все, какъ ему угодно, по собственному побужденію, не обращая вниманія на директора. Но Рудаковъ признавалъ себя все-таки первымъ между равными и требовалъ этого признанія отъ своихъ сослуживцевъ. 12 сентября 1862 г. двое изъ присутствовавшихъ въ педагогическомъ совѣтѣ оставили засѣданіе до окончанія, не предъявивъ директору о причинахъ, препятствовавшихъ имъ выполнить свою обязанность. Вотъ что писалъ по этому поводу Рудаковъ инспектору гимназіи: „Равно дорожа какъ любовью, такъ и уваженіемъ своихъ сослуживцевъ и поставивъ себѣ для этого правиломъ быть сколь можно

вѣжливѣе во всѣхъ своихъ къ нимъ отношеніяхъ, я не счелъ нужнымъ дѣлать кому слѣдовало на этотъ разъ никакихъ замѣченій; но, по обязанности директора, предупреждая подобное отступленіе отъ законнаго порядка, которое могли бы дозволить себѣ на будущее время члены совѣта, и имѣя въ виду, что если мы заботимся объ установленіи порядка въ заведеніи, то прежде всего на самихъ себѣ должны показать примѣръ этого порядка, я счелъ себя обязаннымъ въ повѣсткѣ, посланной отъ моего имени съ приглашеніемъ на новое засѣданіе педагогическаго совѣта, сдѣлать намекъ на это отступленіе отъ порядка, не упоминая именъ лицъ отступившихъ отъ него въ предшествовавшемъ засѣданіи“. Намекъ, конечно, былъ понятъ и 21 сентября одинъ изъ нарушителей порядка Ефремовъ явился къ Рудакову съ докладной запиской, въ которой говорилъ о томъ, что въ его отлучкѣ съ совѣта не было ничего противозаконнаго. Передавъ эту записку инспектору, Рудаковъ писалъ слѣдующее: „Каковъ тонъ и основательность этой записки, вы можете судить сами. Хотя тутъ же я высказалъ г. Ефремову все, что считалъ нужнымъ, и потому, не желая его компрометировать, предлагалъ ему взять свою записку обратно; но г. Ефремовъ не пожелалъ этого возвращенія, и слѣдственно самъ вызываетъ меня на формальное распоряженіе. За несознаніе г. Ефремовымъ своей ошибки, за приписку мнѣ какого-то пренебреженія къ занимаемой имъ должности, за неумѣстное указаніе мнѣ, въ какой по мнѣнію его формѣ и при какой обстановкѣ я долженъ дѣлать свои замѣчанія подчиненнымъ, и вообще за неприличное изложеніе поданной мнѣ записки я имѣлъ бы право представить обстоятельство это на благоусмотрѣніе г. главнаго инспектора и, зная образъ мыслей нашего почтеннаго начальника, я не думаю, чтобы г. Ефремову привелось продолжать службу по учебному вѣдомству; но имѣя въ виду молодость г. Ефремова и не установившійся еще въ немъ въ теченіи шестимѣсячной службы взглядъ на служебныя отношенія, предлагаю вашему высокородію, какъ ближайшему начальнику заведенія, объявить отъ моего имени строгое замѣчаніе съ тѣмъ, что если онъ будетъ позволять себѣ отступленіе отъ порядка подчиненности, то я вынужденъ буду аттестовать его недостойнымъ званія педагога, долженствующаго во всемъ быть образцомъ для руководимаго имъ юношества. Предупреждаю его, чтобы онъ не считалъ это одною угрозою: я умѣю быть вѣжливымъ и внимательнымъ къ достойнымъ своимъ сослуживцамъ, но для пользы заведенія съумѣю быть строгимъ и стойкимъ въ своемъ словѣ“. Кромѣ того Ефремовъ въ своей запискѣ приписалъ, что ему сочувствуютъ *многіе* изъ товарищей по службѣ. Это обстоятельство заставило Рудакова передать записку Ефремова для прочтенія учителямъ. Причемъ Рудаковъ писалъ инспектору, что онъ предоставляетъ имъ полную свободу заявить въ какой угодно формѣ свое сочувствіе или разномысліе и передать имъ, что онъ готовъ выслушать и принять всякій дѣльный и основательный совѣтъ, но предварительно разрѣшивъ себѣ слѣдующіе вопросы: 1) Въ какомъ цивилизованномъ обществѣ существуетъ и одобряется порядокъ, при которомъ членъ какого нибудь коллегіальнаго общества оставляетъ по

своему произволу засѣданіе до его закрытія, не предъявляя предварительно ни предсѣдателю, ни цѣлому составу коллегіи о причинѣ оставленія засѣданій? 2) Какой начальникъ болѣе дорожитъ честью своихъ подчиненныхъ: тотъ-ли, который въ оффиціальныхъ своихъ бумагахъ, повѣсткахъ, наприм., упоминаетъ прямо имена тѣхъ изъ нихъ, которые сдѣлали служебныя ошибки, или который въ общихъ выраженіяхъ говоритъ только, что нѣкоторые изъ нихъ, или двое, трое и т. д., сдѣлали такую-то ошибку? 3) Какая форма для передачи замѣчаній подчиненнымъ лучше: гласное ли обличеніе передъ цѣлымъ служебнымъ составомъ, или та, которую я избралъ и, какъ извѣстно нѣсколькимъ изъ моихъ сослуживцевъ, имѣлъ уже случай примѣнять на дѣлѣ, т. е. единоличное объясненіе съ тѣмъ, кому дѣлается замѣчаніе, такъ что никто другой вовсе не знаетъ о сдѣланномъ замѣчаніи?" Подобное же столкновеніе произошло у Рудакова, и около того же времени, съ законоучителемъ Иваницкимъ. Причиною послѣдняго столкновенія послужили слѣдующія два обстоятельства: первымъ изъ нихъ было обсужденіе расказаннаго нами выше проступка учениковъ VI класса, когда Рудаковъ согласился дозволить ученикамъ VI класса самимъ опредѣлить мѣру взысканія съ своихъ провинившихся товарищей, о. Иваницкому не понравилось это предложеніе, и онъ подалъ особое мнѣніе. По мнѣнію о. Иваницкаго 1) нравственность дѣтей идетъ къ совершенству всегдашнимъ внушеніемъ и неослабнымъ наблюденіемъ воспитателями за исполненіемъ ихъ воспитанниками правилъ религіозно-нравственныхъ и религіозно-назидательныхъ примѣромъ самихъ воспитателей; 2) знать мнѣніе и наводить воспитанниковъ къ правильной и безпристрастной оцѣнкѣ качества дѣйствій товарищей ихъ всего лучше кроткою и разумною бесѣдою воспитателя съ его воспитанниками при всякомъ удобномъ случаѣ. А когда совѣтъ, послѣ четырехчасоваго разсужденія, при извѣстныхъ данныхъ, за извѣстный проступокъ не могъ самъ, безъ участія воспитанниковъ, опредѣлить должную мѣру взысканія, то этимъ самымъ онъ заявилъ свою несостоятельность. Кто можетъ основательно обсудить извѣстный проступокъ—опытный ли педагогъ, или 15 и 16-лѣтній ученикъ, во всемъ только еще руководимый педагогомъ? На своемъ ли мѣстѣ тотъ воспитатель, который не можетъ опредѣлить характера воспитанника? Отдавать на безконтрольный судъ учениковъ проступки ихъ товарищей значитъ не поднимать, а ослаблять добрые нравы учениковъ; потому что чрезъ такой не призванный и выходящій изъ порядка судъ между судьями и осуждаемыми возникнутъ непріязнь, ссора и чувство мстительности, а при стачкѣ учениковъ подстрекательство къ дурному. „Кто насъ будетъ судить?" будутъ говорить они при всякомъ покушеніи на дурное: „вѣдь свой братъ!" Но что всего вреднѣе отъ подобныхъ судовъ, то это проведеніе въ эгоистическое убѣжденіе дѣтей той анархической мысли, что всякая власть, какая бы она ни была, сама собою не въ состояніи разумно разобрать и достойно опредѣлить мѣру взысканія съ виновныхъ, а „вотъ какъ бы мы сами собою", будутъ возглашать непрошенные судьи, „разобрали дѣло, какъ бывало въ гимназіи, то ужъ всегда бы было лучше". Эта то злая идея есть

темная норма всѣхъ и ветхихъ и новыхъ, но ложныхъ прогрессистовъ, которые хотятъ пошатнуть добрые порядки, да и ловить въ мутной водѣ рыбу.— Подозрительность о. Иваницкаго показалась Рудакову оскорбительной. Но тогда Рудаковъ промолчалъ и указалъ на этотъ излишекъ подозрительности потомъ, когда о. Иваницкій дозволилъ себѣ дурно выразиться о нѣкоторыхъ изъ членовъ педагогическаго совѣта. Вотъ это выраженіе: „законоучитель дѣлаетъ болѣе, чѣмъ ваши старшіе учителя, а между тѣмъ и старшіе и младшіе учителя и *какіе нибудь* надзиратели получаютъ больше его жалованья". Сдѣлавъ строгое замѣчаніе о. Иваницкому, Рудаковъ велѣлъ прибавить къ этому, что онъ не допуститъ Иваницкому такихъ выраженій противъ его сослуживцевъ, и разъяснить ему нѣкоторыя положенія, признанныя разумною педагогикою и закономъ, напр.: съ какой цѣлью извѣстные педагоги, заслужившіе вниманіе и довѣріе правительства (какъ Пироговъ), допускаютъ въ извѣстныхъ случаяхъ участіе суда товарищей виноватаго ученика? почему трудъ надзирателей стоитъ наравнѣ, а иногда даже выше труда всякаго преподавателя? Почему за одно отличіе никто двумя наградами не награждается? и т. п.

Разсказанныя нами столкновенія Рудакова съ преподавателями, кажется, даютъ намъ возможность сказать, что всѣ разсужденія о. Иваницкаго относительно „ложныхъ прогрессистовъ и относительно мѣста того воспитателя, который не можетъ опредѣлить характера воспитанника", въ примѣненіи къ Рудакову, положительно не основательны. Рудаковъ прямо отвѣчаетъ, что онъ есть директоръ, обязанный строго наблюдать гимназ. порядокъ, съ его властвующимъ положеніемъ директора и подчиненнымъ учителя, и въ силу предоставленной ему власти онъ постарается карать всякое беззаконное нарушеніе этого порядка, надѣясь въ тоже время, что этихъ нарушеній не будетъ, а правильное теченіе учебной жизни дастъ ему возможность не пользоваться своею властью во вредъ подчиненнымъ и со стороны заимствовать все хорошее, что будетъ признано таковымъ на педагогич. совѣтѣ. Намъ думается, что эти черты въ характерѣ Рудакова, которыя онъ самъ такъ рѣзко подчеркиваетъ—строгость и стойкость, гдѣ нужно, и сознаніе своей власти—не скажемъ спасло, а предохранило и его самого отъ многихъ излишнихъ увлеченій, и Тобольскую гимназію отъ разлива „мутной воды", которой такъ боялся о. Иваницкій. Отъ вліянія времени 60-хъ годовъ трудно было уберечься, и, какъ мы видѣли при разборѣ августовскихъ засѣданій совѣта, „прогрессъ" захватилъ широкой волной и Тобольскую гимназію, но захватилъ ее своей свѣтлой частью, а не мутной. Въ то самое время, когда Тобольская публика, особенно женская ея часть, носила желѣзныя кольца изъ цѣпи государствен. преступника Михайлова, который въ бытность свою въ Тобольской пересыльной тюрьмѣ былъ героемъ вечеровъ, спеціально устраиваемыхъ для него, въ это время Тобольская гимназія тоже шумѣла, но только на почвѣ педагогическихъ вопросовъ, оставаясь спокойною въ отношеніи дисциплины и не отступая отъ образа мыслей, непротивныхъ общимъ гимназическимъ правиламъ. Въ протоколахъ педагогическаго совѣта за эти три года мы не встрѣтили ни одного факта, который давалъ бы намъ право ска-

зать, что и Тобольская гимназія подверглась вліянію мутной воды. Только два мѣста мы нашли въ протоколахъ, которыя даютъ отдаленный намекъ на дурныя, по мнѣнію Рудакова, вліянія, испытанныя гимназіею, но именно отдаленный. Первое мѣсто нами уже приведено въ рапортѣ Бострема, обсуждавшемся 30 іюля 1862 г. (именно тотъ пунктъ рапорта, гдѣ Бостремъ говоритъ, что „вниманіе учениковъ въ послѣднее время слишкомъ развлечено было общественною жизнію"), а второе слѣдующее. Въ протоколѣ 30 января 1863 года мы читаемъ: директоръ заявилъ педагогическому совѣту, что во время посѣщенія имъ лекцій онъ замѣтилъ неправильное направленіе образа мыслей воспитанниковъ. По этому поводу директоръ предложилъ, чтобы каждый изъ наставниковъ, если замѣтитъ въ воспитанникахъ ложный взглядъ на какой—нибудь предметъ, старался тотчасъ же внушить имъ это. Но такъ какъ младшій учитель Палюлонъ возразилъ, что воспитанники, замѣтивъ желаніе учителя толковать съ ними о предметахъ, не относящихся къ уроку, будутъ намѣренно отвлекать его множествомъ вопросовъ отъ занятій дѣломъ, то педагогическій совѣтъ постановилъ, чтобы въ подобныхъ случаяхъ преподаватели назначали время, когда воспитанники могутъ придти къ нимъ на домъ для домашней бесѣды, не вмѣняя впрочемъ этого воспитанникамъ въ непремѣнную обязанность. Здѣсь кстати мы разскажемъ о всѣхъ выдающихся проступкахъ учениковъ за время съ августа 1862 г. по августъ 1865. Кромѣ указаннаго раньше, обсужденію совѣта подлежали слѣдующіе проступки учениковъ въ 1862 году: 12 декабря Емельяновъ заявилъ на совѣтѣ, что, занимая въ этотъ день „лекцію" въ V классѣ, онъ встрѣтилъ препятствіе въ шумѣ, происходившемъ въ VI классѣ, гдѣ была свободная лекція. Для отвращенія шума Емельяновъ приказалъ отворить двери, но ученикъ VI класса Г—въ заперъ ихъ, сказавъ грубо Емельянову, что „намъ нужно говорить", послѣ чего ученики VI класса стали пѣть и кричать громче прежняго, такъ что Емельяновъ принужденъ былъ прекратить занятіе. Подобное же происшествіе случилось съ учителемъ Матросовымъ, при чемъ шумѣли ученики VII класса, одинъ изъ которыхъ оказался ослушникомъ. 13-го ноября слѣдующаго года разсматривалось дѣло объ ученикахъ: вольноприходящемъ К—вѣ и казеннокоштномъ Т—вѣ. К—въ написалъ подложную записку отъ имени Р. В. Амвросова, объ отпускѣ изъ погребка братьевъ Амвросовыхъ двухъ бутылокъ морошки, по полученіи которыхъ онъ роспилъ ихъ въ гимназической солдатской вмѣстѣ съ Т—вымъ, П—мъ, Б—мимъ и Бу—вымъ. Далѣе: К—въ написалъ другую подложную подъ руку и отъ имени г-жи Раз—вой записку, въ которой требовалъ отпуска 2-хъ бутылокъ вина и 4-хъ рублей деньгами, что все и было получено Тю—вымъ, ходившимъ съ этой запиской въ Кокуй (питейное заведеніе г-жи Раз—вой). Наконецъ К—въ написалъ и третью подложную записку подъ руку Амвросова, въ которой требовалъ изъ погребка двухъ бутылокъ разнаго вина и 10 рублей серебр. деньгами, но эта записка была въ погребкѣ заподозрѣна, и такимъ образомъ подлогъ былъ открытъ. Никандръ же Т—въ, получивъ по другой подложной роспискѣ Кремлева 2 бутылки вина и 4 рубля серебромъ,

сказалъ К—ву, что росписку потерялъ и въ Кокуй не ходилъ, а водку роспилъ вмѣстѣ съ Т—мъ, Ст. Д—вымъ, Ар—тъ, Жил—мъ, Бу—мъ, В. Ф—емъ и Дор—мъ, вызывая ихъ поочередно изъ „занимательной" комнаты, а Тюцева и Ст. Дор—ва изъ больницы, отдавъ остатки Б—му, который и выпилъ ихъ на другой день утромъ въ 6 часовъ. Относительно К—ва постановлено было: вмѣсто формальнаго исключенія, чтобы не заградить ему дорогу въ будущемъ, сообщить отцу его, чтобы онъ немедленно взялъ его изъ гимназіи. Относительно Тюменцева, такъ какъ онъ казенный воспитанникъ, живетъ въ пансіонѣ и слѣдовательно долженъ находиться подъ бдительнымъ надзоромъ, совѣтъ постановилъ: подвергнуть его аресту на срокъ не менѣе недѣли, запретивъ ему всякую отлучку изъ пансіона, пока не будетъ очевиднаго раскаянія и исправленія. Что же касается до участвовавшихъ въ распитіи вина воспитанниковъ, то педагогическій совѣтъ положилъ: предоставить инспектору опредѣлить взысканіе съ нихъ, съ разрѣшенія директора. Въ протоколѣ не обоснованы эти рѣшенія. А взглядъ Рудакова на подобные проступки мы находимъ въ его первомъ годовомъ отчетѣ. „Относительно такъ называемыхъ дурныхъ поступковъ дѣтей мы были того убѣжденія, что собственно говоря не можетъ быть такихъ поступковъ, которые не могли бы быть изглажены одними нравственными мѣрами, однимъ разумнымъ правильнымъ образомъ дѣйствій со стороны воспитателя: нѣтъ такой смертельной язвы въ душѣ дѣтей, которая не могла бы быть исцѣлима внимательнымъ и любящимъ уходомъ за больнымъ дитятею со стороны педагога—воспитателя. Но исцѣленіе это не всегда совершается быстро, и въ общественномъ заведеніи злокачественная болѣзнь, прежде чѣмъ она будетъ излѣчена, можетъ привиться къ другимъ здоровымъ организмамъ и только въ этомъ единственномъ и крайнемъ случаѣ, когда воспитатели не принимали на себя отвѣтственности за нравственное здоровье остальнаго дѣтскаго общества, когда, такъ сказать, заявляли они себя несостоятельными въ возможности исправить испорченную натуру, безъ вреда для другихъ натуръ, въ этомъ только случаѣ мы признаемъ необходимымъ отдѣлить больнаго изъ окружающей среды, отказать ему въ правѣ находиться въ заведеніи". 27 ноября совѣтъ снова обсуждалъ поведеніе Н. Т—ва, который былъ уличенъ въ кражѣ изъ чужаго ящика гостинцевъ. Совѣтъ постановилъ исключить его изъ гимназіи. Но такъ какъ исключеніе этого мальчика изъ гимназіи, говорится въ протоколѣ, поставило бы его какъ сироту въ очень тяжелое положеніе, то совѣтъ считалъ своею обязанностью позаботиться о будущей судьбѣ его, и съ этой цѣлью просилъ директора ходатайствовать о принятіи въ Тобольское военное училище на полное казенное содержаніе. Въ 1864 году въ протоколы записаны слѣдующіе проступки: 15 января о дерзкихъ словахъ, сказанныхъ Палюлону ученикомъ VI клас. Г—мъ, 7 октября почти всѣ учителя заявили, что ученики VI класса обращаютъ на себя вниманіе своею небрежностью въ занятіяхъ, грубостью въ обращеніи и несоблюденіемъ классной дисциплины. Въ засѣданіи 17 февраля 1865 года инспекторъ заявилъ о самовольной отлучкѣ изъ пансіона ученика II класса

Ту—на и представленіи имъ подложной записки отъ матери. Ровно черезъ мѣсяцъ тоже сдѣлалъ ученикъ IV класса М—въ съ тою же цѣлью получить отпускъ изъ пансіона. Любопытно постановленіе совѣта касательно М—ва: четыре члена требовали за это исключенія М—ва изъ пансіона и гимназіи; пять—смѣщенія его съ казеннаго содержанія и три члена—только трехдневнаго ареста. *) Одни изъ членовъ объясняли проступокъ М—ва нравственною испорченностью, другіе видѣли въ немъ непростительную дерзость, третьи извинительное увлеченіе мальчика. Въ виду разногласія дѣло было представлено главному инспектору, который отвѣтилъ, что за такой поступокъ, сдѣланный при томъ безъ дурнаго умысла и вредныхъ послѣдствій, слѣдовательно не выходящій изъ предѣловъ дѣтскихъ проступковъ, налагать наказаніе—исключеніе изъ гимназіи будетъ слишкомъ жестоко и не раціонально и что проступокъ этотъ заслуживаетъ не болѣе инспекторскаго замѣчанія и однодневнаго ареста. Вотъ и всѣ проступки учениковъ, доведенныхъ до вѣдѣнія педагогическаго совѣта. Очевидно этихъ проступковъ не много, да и изъ нихъ нѣкоторые попали на совѣтъ напрасно, только въ силу общаго настроенія начальства и учителей: все обсуждать вмѣстѣ. Рѣшенія по указаннымъ дѣламъ даютъ намъ понять, что совѣтъ очень строго относился по всѣмъ проступкамъ учениковъ и при томъ строго, единодушно. Даже при разногласіи и при различныхъ взглядахъ на проступокъ ученика М—ва ни одинъ учитель не отнесся къ этому проступку такъ милостиво, какъ взглянулъ на него главный инспекторъ. Все-таки мы полагаемъ, что существовавшее въ обществѣ въ 1865 году мнѣніе (какъ о томъ заявилъ одинъ изъ учителей на педагогическомъ совѣтѣ, о чемъ Рудаковъ счелъ нужнымъ упомянуть въ отчетѣ за 1864 годъ) это мнѣніе несправедливо. По ежемѣсячнымъ отчетамъ объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ мы можемъ составить представленіе и о другихъ мѣрахъ, которыя практиковалъ въ данное время совѣтъ по отношенію къ ученикамъ малоуспѣвающимъ и дурнаго поведенія. Такъ по отношенію къ пансіонерамъ практиковалось увольненіе изъ пансіона середь года за малоуспѣшность. Постановленіемъ 11 ноября 1864 г. былъ уволенъ съ казеннаго содержанія ученикъ III класса И—въ П. Онъ былъ оставленъ въ томъ же классѣ на другой годъ, велъ себя неодобрительно и въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ 186⁴/₅ учебн. года не оказалъ никакихъ успѣховъ. За непереходъ въ слѣдующій классъ совѣтъ часто увольнялъ по окончаніи учебнаго года, при чемъ не обращалъ вниманія на то, изъ старшихъ классовъ ученикъ или изъ младшихъ. Такъ въ августѣ 1863 года былъ уволенъ съ казеннаго содержанія ученикъ VI класса К. Т—въ за непереходъ въ VII классъ, при чемъ принято было во вниманіе, что въ 1860 году онъ оставался уже за малоуспѣшность въ IV классѣ. По отношенію къ лѣнивымъ и оказывающимъ дурное вліяніе ученикамъ совѣтъ примѣнялъ и

---

*) Протоколъ подписанъ: директоромъ Рудаковымъ, инспекторомъ Плотниковымъ, преподавателями: Иваницкимъ, Емельяновымъ, Слаутой, Тверитинымъ, Бильдинскимъ, Палюлономъ, Бостремомъ.

увольненіе изъ гимназіи, не дожидаясь окончанія учебнаго года. Такъ по постановленію совѣта, состоявшемуся 17 февраля 1865 г., былъ уволенъ ученикъ II клас. К—въ за лѣность, нехожденіе въ классы и дурные успѣхи. Въ мартѣ 1863 г. на совѣтѣ было обращено вниманіе на то, что ученики VI и VII классовъ весьма часто пропускаютъ уроки безъ уважительныхъ на то причинъ; совѣтъ постановилъ объявить ученикамъ, что такое безпричинное нехожденіе на лекціи будетъ одною изъ причинъ недопущенія ученика къ экзамену. Предупредительная же мѣра была предпринята противъ опаздыванія воспитанниковъ послѣ лѣтней и зимней вакаціи. По предложенію директора было постановлено: производить опоздавшему воспитаннику испытаніе за весь пройденный имъ курсъ, и если ученикъ не выдержитъ его удовлетворительно, то переводить его обратно въ предшествующій классъ. Необычайная дѣятельность Рудакова сразу обратила на него вниманіе Омскаго начальства. Вотъ что писалъ Рудакову главный инспекторъ: „Искренно благодарю васъ за благоразумныя ваши распоряженія по управленію ввѣренными вамъ учебными заведеніями. Меня вполнѣ радуютъ всѣ мѣры, которыя вы принимаете къ улучшенію учебной и воспитательной части гимназіи. Прекрасно вы дѣлаете, что всѣ свои предначинанія предварительно подвергаете обсужденію педагогическаго совѣта; этимъ путемъ вы лучше всего достигнете желательныхъ результатовъ, т. е. выясните самое дѣло и ближе ознакомитесь со своими сослуживцами. Дѣйствуйте такъ и впередъ; автономія ваша отъ этого не только не пострадаетъ, напротивъ болѣе получитъ значенія. Сотрудники ваши всегда будутъ видѣть въ васъ своего руководителя и справедливаго оцѣнщика своихъ дѣйствій“. *) Письмо это относится къ октябрю 1862 года, но все это инспекторъ могъ бы написать съ такимъ же правомъ и въ 1865 г. Дѣятельность Рудакова и характеръ ея не измѣнились и черезъ три года. Онъ былъ все тотъ же энергическій, голова его постоянно полна была какими-либо планами къ улучшенію состоянія гимназіи. Послѣднею изъ таковыхъ мѣръ за описанный періодъ является слѣдующая, которую онъ предложилъ вниманію главнаго инспектора въ отчетѣ за 186⁴/₅ учебный годъ: „Существенною мѣрою, которая могла бы служить средствомъ къ постоянному обновленію гимназіи, слѣдовательно и къ поднятію уровня знаній и воспитательныхъ мѣръ, директоръ считаетъ предположеніе свое о томъ, чтобы ежегодно были по очереди командируемы преподаватели гимназіи (не исключая и директора, не видавшаго другихъ гимназій, кромѣ Томской) въ столичные и университетскіе города на опредѣленное время для занятій при университетахъ и другихъ заведеніяхъ или педагогическихъ курсахъ, съ тѣмъ чтобы командированный представлялъ полный и подробный отчетъ о своихъ занятіяхъ“. Закончимъ настоящую главу нашего труда отзывомъ объ описываемомъ времени человѣка, бывшаго тогда въ Тобольской гимназіи учителемъ и принимавшаго очень близкое участіе въ ея жизни. Отдѣленный 24 годами отъ описываемаго вре-

---

*) Письмо приведено у г. Гашинскаго.

мени и за эти годы видавшій много дурнаго и хорошаго, онъ такъ отзывается о первыхъ годахъ директорства Рудакова: „Тобольская гимназія того времени до сихъ поръ рисуется въ моемъ воображеніи въ такомъ совершенномъ видѣ, какой до сихъ поръ мнѣ рѣдко случалось встрѣчать. Директоръ Ф. В. Рудаковъ былъ человѣкъ не сомнѣнной честности, доброжелательный и справедливый въ отношеніяхъ какъ къ учителямъ, такъ и ученикамъ. Какъ воспитатель юношества онъ стоялъ на высотѣ своего положенія“. *)

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ТОБОЛЬСКАЯ ГИМНАЗІЯ

въ періодъ съ 1865 по 1871 годъ.

Преобразованіе гимназіи по уставу 1864 г.—Инструкція инспектору.—Распредѣленіе уроковъ.—Преподаватели: Аристовскій и Водяниковъ.—Недостатокъ въ учебныхъ силахъ.—Введеніе изученія Закона Божія римско-католическаго исповѣданія; законоучитель Концевичъ.—Положеніе стипендіатовъ, смѣщенныхъ изъ пансіона на квартиры.—Производство экзаменовъ и ихъ результаты.—Окончившіе курсъ.—Нѣкоторые §§ устава 1871 года. Стипендіи въ пансіонѣ: Попова, Богашева, Горева, Великаго Князя Алексѣя Александровича, Хрущова, Императора Александра II, Рудакова, Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича.—Посѣщеніе гимназіи Великими Князьями: Владиміромъ Александровичемъ и Алексѣемъ Александровичемъ.

„Учебный 1864/5 годъ останется навсегда памятнымъ годомъ не только для нашей, но и для всѣхъ гимназій имперіи; онъ, подобно 1804 и 1828 годамъ, ознаменованъ событіемъ, долженствующимъ произвести коренное преобразованіе во всемъ строѣ среднихъ учебныхъ заведеній, начать собой новый періодъ ихъ жизни; именно 19 ноября 1864 года послѣдовало нѣсколько лѣтъ съ нетерпѣніемъ ожидаемое Высочайшее утвержденіе новаго устава гимназій и прогимназій вѣдомства Министерства народнаго просвѣщенія“. Такъ говорилъ Рудаковъ на актѣ въ 1865 году, задавшись цѣлью познакомить Тобольскую публику съ новымъ уставомъ. И дѣйствительно, давая собой новую жизнь гимназіямъ, уставъ 1864 года во многомъ измѣнилъ существовавшій порядокъ, или, лучше сказать, совершенно переформировалъ его. Первое и главнѣйшее отличіе новаго устава отъ прежняго это раздѣленіе гимназій на классическія и реальныя. Во основу учебнаго курса первыхъ, предназначенныхъ служить приготовительными заведеніями для университета, положено было изученіе древнихъ классическихъ языковъ, греческаго и латинскаго. Греческій языкъ предполагалось вводить постепенно по мѣрѣ приготовленія

---

*) Изъ письма И. Я. Христофорова.

преподавателей этого предмета. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ гимназіяхъ стало обязательнымъ изученіе только одного новаго языка, французскаго или нѣмецкаго. Въ реальныхъ, для приготовленія учениковъ въ высшія техническія училища, усилено было преподаваніе естественныхъ и математическихъ наукъ и введено было преподаваніе химіи, съ исключеніемъ обоихъ древнихъ языковъ. Низшіе четыре класса гимназіи отдѣлились отъ трехъ высшихъ болѣе рѣзко, чѣмъ это было прежде, такъ что курсъ первыхъ долженъ былъ быть законченнымъ и соотвѣтствовалъ вполнѣ курсу четырехъ-классныхъ прогимназій. Чрезъ это ученики низшихъ классовъ гимназій, которые были не въ состояніи окончить полнаго курса, получили возможность въ четырехъ низшихъ классахъ пройти по возможности законченный курсъ ученія; выходя изъ IV класса они получали свидѣтельство, дававшее имъ нѣкоторыя права. Освобожденіе отъ платы за ученіе по недостаточности родителей ограничено было учениками, какъ и прежде, заслуживавшими этого по своему поведенію и прилежанію, но притомъ общее число освобождаемыхъ не должно было превышать 10% всѣхъ учащихся, не исключая и стипендіатовъ, тогда какъ до этого времени въ Тобольской гимназіи число освобождаемыхъ отъ платы было гораздо значительнѣе. Пріемъ въ гимназію былъ облегченъ; именно для поступленія въ I-й классъ требовалось только умѣнье читать и писать по русски, знаніе главныхъ молитвъ и изъ ариѳметики знаніе сложенія, вычитанія и таблицы умноженія. Дѣти стали поступать въ I-й классъ не моложе 10 лѣтъ, а въ слѣдующіе, имѣвшіе соотвѣтственныя классу познанія и возрастъ. При поступленіи въ гимназію новый уставъ требовалъ только приложенія свидѣтельства о возрастѣ и званіи, освободивъ отъ представленія увольнительнаго свидѣтельства отъ общества и медицинскаго. Введена была новая форма для учениковъ, болѣе приспобленная къ ихъ занятіямъ. Лѣтніе каникулы продолжены были на 6 недѣль вмѣсто прежнихъ четырехъ. Въ пансіонѣ гимназіи положено было содержать только учениковъ первыхъ четырехъ классовъ; при переходѣ же въ V классъ всѣ пансіонеры должны были выбыть изъ пансіона; содержавшимся же на счетъ казны или пожертвованныхъ суммъ д. б. выдаваться на содержаніе денежныя стипендіи. Ученики, пробывшіе два года въ одномъ классѣ и неоказавшіе удовлетворительныхъ успѣховъ, должны были увольняться изъ заведенія (§ 63). По прежнему уставу правило это примѣнялось къ однимъ только казеннымъ воспитанникамъ, да и то въ томъ смыслѣ, что пансіонеръ лишался казеннаго содержанія.

Новый уставъ былъ написанъ подробнѣе стараго. Не смотря на это онъ многое предоставлялъ его исполнителямъ. Желая предоставить возможную свободу дѣятельности, удовлетворить всѣ разнообразныя мѣстныя потребности обширной имперіи, признавая невозможнымъ и не соотвѣтствующимъ времени опредѣленіе каждой мельчайшей подробности, не желая стѣснять полезную свободу дѣятельности самого общества, новый уставъ начертилъ только общія, главныя, основныя черты устройства и учебнаго хода заведеній, такъ сказать, канву, на которой исполнители должны были вышить сообразные мѣстности

узоры. Отъ этого являлись необходимыми многія предварительныя работы: составленіе подробныхъ правилъ, инструкцій, положеній и пр. Составленіе и утвержденіе всего этого новымъ уставомъ предоставлялось частью министерству народнаго просвѣщенія, частью попечителямъ учебныхъ округовъ на основаніи мнѣній педагогическаго совѣта всѣхъ гимназій. На основаніи этого министръ циркуляромъ отъ 10 декабря 1864 г. предписалъ попечителямъ учебныхъ округовъ доставить ему свои соображенія и проэкты различныхъ подробныхъ правилъ, которыя по новому уставу должны были быть предварительно составлены мѣстными педагогическими совѣтами. Нашъ педагогическій совѣтъ, занявшись этимъ дѣломъ въ теченіе января и февраля 1865 года, въ 13 засѣданіяхъ составилъ требуемыя соображенія, по 17 различнымъ вопросамъ, и отдѣльные проэкты: 1) распредѣленіе суточнаго времени для занятія и отдыха учениковъ гимназіи, 2) программы преподаванія по всѣмъ предметамъ, положеннымъ новымъ уставомъ въ гимназіи, 3) правила о храненіи и выдачѣ книгъ изъ библіотеки, 4) разсчеты о годовомъ содержаніи пансіонеровъ и о суммѣ на содержаніе дома; 5) правила о взысканіи съ учениковъ гимназіи и 6) правила о производствѣ испытаній. Всѣ эти проэкты представлены были главному инспектору. Въ половинѣ мая полученъ былъ журналъ совѣта министра народнаго просвѣщенія отъ 6 марта 1865 года, въ которомъ опредѣлено было: ввести неотлагательно большую часть параграфовъ новаго устава, оставивъ невведенными только тѣ §§, которые измѣняли учебный курсъ гимназій, и нѣкоторые тѣсно связанные съ новыми штатами. Впрочемъ скоро исправлявшій должность главнаго инспектора извѣстилъ Тобольскую гимназію о томъ, что уже ассигнованы къ отпуску изъ государственнаго казначейства съ 1 августа 1865 г. суммы на увеличеніе по новымъ штатамъ содержанія преподавателей въ 30 гимназіяхъ, въ томъ числѣ въ трехъ сибирскихъ. Въ тоже самое время стало опредѣленно извѣстно, что министерство предположило сдѣлать Тобольскую гимназію классическою съ однимъ латинскимъ языкомъ. Послѣднее министерское распоряженіе не сошлось съ предположеніемъ совѣта Тобольской гимназіи, который желалъ немедленнаго введенія преподаванія обоихъ языковъ. Совѣтъ даже предположилъ держаться Рейхлиновскаго чтенія. Любопытно, что постановленіе совѣта относительно того, что въ Тобольскѣ должна быть классическая гимназія, а не реальная (за послѣднюю стояли только трое: Слаута, Матросовъ и Кузьминъ) основано было на мнѣніи, которое можетъ быть принято съ оговоркой, что будто бы опытъ прежнихъ лѣтъ доказалъ, что ученики Тобольской гимназіи, съ успѣхомъ окончившіе курсъ и имѣющіе возможность, почти всѣ поступаютъ въ университеты. Что касается до упомянутыхъ соображеній совѣта по 17 различнымъ вопросамъ, то мы познакомимъ нашихъ читателей только съ нѣкоторыми соображеніями. Отвѣчая на вопросъ, какіе изъ постановленій новаго устава могутъ быть немедленно введены и какіе слѣдуетъ отложить до введенія усиленныхъ штатовъ, совѣтъ писалъ, что устройство пансіона по причинѣ сдѣланныхъ уже хозяйственныхъ распоряженій пансіона для всей годовой операціи не можетъ быть измѣнено

до наступленія новаго гражданскаго года и до изысканія источниковъ на жалованье воспитателей пансіона въ размѣрѣ, опредѣленномъ новымъ уставомъ. Не могъ быть исполненъ и § 60 устава относительно 10% освобождаемыхъ отъ платы за правоученіе, такъ какъ однихъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ въ Тоб. гимназіи было болѣе 10% общаго числа всѣхъ учащихся. Совѣтъ постановилъ ходатайствовать объ освобожденіи отъ платы за ученіе пансіонеровъ-стипендіатовъ казны и воспитывающихся на счетъ пожертвованныхъ капиталовъ. По вопросу о срокѣ вакацій зимнихъ и лѣтнихъ сообразно съ мѣстными условіями совѣтъ полагалъ для зимнихъ съ 23 декабря по 6 января, для лѣтнихъ съ 1 іюня по 15 августа. Относительно платы за ученіе совѣтъ былъ того мнѣнія, что существовавшая плата (10 руб. въ годъ) могла быть сохранена и для будущихъ годовъ, такъ какъ къ этому размѣру общество уже привыкло, и онъ не оказывался нисколько обременительнымъ. Разбирая вопросъ о перемѣнахъ въ установленной уставомъ формѣ одежды сообразно мѣстнымъ условіямъ, совѣтъ нашелъ нужнымъ ходатайствовать: 1) о дозволеніи своекоштнымъ ученикамъ употреблять для верхняго платья въ зимнее время шубы и шинели, такъ какъ это болѣе будетъ соотвѣтствовать суровому зимнему времени въ Тобольскѣ, чѣмъ положенное по уставу пальто, и кромѣ того это послужитъ къ облегченію недостаточныхъ родителей учениковъ, освободивъ ихъ отъ обязанности шить теплое пальто, вмѣсто заведенныхъ имъ уже шубъ, составлявшихъ въ Тобольскѣ обыкновенную и болѣе распространенную зимнюю одежду, какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей; притомъ шитье шубъ обходилось дешевле, въ особенности шубъ, крытыхъ не сукномъ, а болѣе дешевой матеріей; 2) о дозволеніи всѣмъ ученикамъ гимназіи носить въ лѣтнее время употреблявшіяся тогда бѣлыя пальто изъ парусины съ бѣлыми пуговицами, такъ какъ эти пальто были и дешевле суконныхъ, и болѣе послѣднихъ удобны и приличны для лѣтняго времени. По этимъ же соображеніямъ совѣтъ постановилъ ходатайствовать о дозволеніи носить лѣтомъ всѣми учениками брюки и жилетъ не суконные, но другой какой либо матеріи, того же только цвѣта, какой положенъ былъ уставомъ. Ни одного изъ названныхъ проэктовъ мы въ рукахъ не имѣли и знаемъ объ нихъ только по постановленіямъ пед. совѣта, по которымъ видно, что гимназія относилась къ возложенной на нее задачѣ съ полной добросовѣстностью. Многіе вопросы были обсуждаемы въ двухъ, трехъ и даже больше засѣданіяхъ, которыя собирались иногда по два раза въ день. Засѣданія совѣта за это время напоминаютъ знаменитыя августовскія засѣданія 1862 года. При обсужденіи программъ за общее правило было принято слѣдующее мнѣніе: первые четыре класса гимназіи должны составить нѣчто законченное, такъ чтобы ученики, неимѣющіе возможности по какой либо причинѣ окончить полный гимназическій курсъ, могли, прошедши первые четыре класса, вынести хоть что-нибудь цѣльное. На основаніи этого общаго взгляда на дѣло нѣкоторые проэкты подвергались неоднократному исправленію; особенно противъ него погрѣшалъ, по мнѣнію совѣта, проэктъ распредѣленія исторіи, гдѣ преподаватель предполагалъ пройти въ IV классѣ древнюю

исторію. Большинство желало, чтобы въ третьемъ и четвертомъ классахъ была пройдена вся русская исторія и разсказаны біографіи знаменитыхъ дѣятелей изъ исторіи другихъ государствъ; изученіе же всеобщей исторіи должно начинаться съ V класса. Преподаватель французскаго языка растянулъ изученіе грамматики на 6 класовъ, отложивъ знакомство съ литературой до седьмаго класса, при томъ мало времени отводилъ на переводъ съ русскаго языка на французскій и ничего не упоминалъ о заучиваніи на память отрывковъ изъ лучшихъ писателей. Члены совѣта единогласно постановили, что грамматика по французскому языку должна оканчиваться въ IV классѣ, причемъ знакомство съ литературой не должно откладываться до седьмаго класса, а совершаться постепенно при чтеніи писателей. Тоже самое рекомендовано было и учителю нѣмецкаго языка относительно нѣмецкой литературы. Разумѣется таковъ же былъ взглядъ совѣта и относительно латинской литературы: преподаватель въ проэктѣ писалъ, что въ VII классѣ онъ будетъ проходить литературу систематически, знакомство же съ біографіями писателей, съ духомъ и языкомъ писателей и т. п. онъ намѣренъ дѣлать при переводахъ. Вырабатывая привила о производствѣ испытаній, совѣтъ коснулся какъ формы ихъ, такъ и цѣли. Относительно цѣли испытаній было высказано, что испытаніе имѣетъ двѣ цѣли (мнѣніе Емельянова): одна состоитъ въ томъ, чтобы узнать, достоинъ ли ученикъ перевода въ высшій классъ, а другая, чтобы удостовѣриться, всѣ ли учителя дѣлаютъ одинаковую оцѣнку знаній ученика. Плотниковъ прибавилъ къ этому, что цѣль испытанія есть пріученіе учениковъ къ самодѣятельному владѣнію знаніями и умѣнью высказывать ихъ самостоятельно, а также къ смѣлости и находчивости въ присутствіи другихъ, Тверитинъ,— что испытаніе есть контроль надъ учителемъ. Палюлонъ призналъ цѣлью испытанія—огражденіе учителя отъ нареканій слабѣйшихъ учениковъ и ихъ родителей въ пристрастіи и несправедливости. Разработывая условія для экзаменовъ, совѣтъ пришелъ къ слѣдующему соглашенію: 1) времени для переводныхъ испытаній назначать отъ трехъ до четырехъ недѣль; 2) совѣту предоставить право опредѣлять, кого изъ учащихся подвергать испытанію, всѣхъ-ли, или только нѣкоторыхъ, замѣняя для другихъ требованіемъ письменныхъ работъ; 3) выставлять отмѣтки и дѣлать выводъ не среднимъ числомъ, какъ это производилось прежде, а по большинству голосовъ, и разрѣшать въ совѣтѣ случаи, когда нельзя будетъ рѣшить большинствомъ, вслѣдствіе разногласія членовъ комиссіи; 4) раздѣлять предметъ на части, причемъ каждую часть считать за отдѣльный предметъ; 5) получившій на экзаменѣ отмѣтку менѣе трехъ по какому-либо предмету, кромѣ чистописанія, черченія и рисованія, лишается перевода въ высшій классъ, но получившій по одному предмету два можетъ быть переведенъ въ слѣдующій классъ съ согласія совѣта и преподавателя того предмета; 6) наградными баллами считаются 4 и 5 и число наградъ не ограничивается. Относительно выпускныхъ экзаменовъ постановлено держаться прежде существовавшихъ правилъ, причемъ большинство членовъ высказалось, чтобы выпускные экзамены производились въ полномъ составѣ

совѣта, не ограничивая количество членовъ пятью съ шестымъ предсѣдателемъ (§ 71 устава).

По обыкновенію Рудаковъ далъ больше, чѣмъ съ него требовали, прибавивъ впослѣдствіи къ поименованнымъ проэктамъ „инструкцію для инспектора гимназіи". Уставъ гимназіи 1864 г. опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ права и обязанности инспектора гимназіи: инспекторъ гимназіи есть помощникъ директора по учебной и воспитательной части и, въ случаѣ его болѣзни или отсутствія, вступаетъ во всѣ его права и обязанности. Инспекторъ гимназіи можетъ, съ разрѣшенія директора, преподавать въ какомъ либо классѣ одинъ изъ учебныхъ предметовъ, безъ особаго за то вознагражденія. Правомъ содержать у себя пансіонеровъ инспекторъ гимназіи не можетъ пользоваться. Инспекторъ гимназіи есть блажайшій помощникъ директора по управленію пансіономъ гимназіи. Онъ наблюдаетъ: а) за точнымъ распредѣленіемъ занятій въ пансіонѣ, б) за сохраненіемъ порядка и в) за неправильнымъ содержаніемъ воспитанниковъ, какъ относительно пищи, такъ и одежды. Сверхъ того онъ распоряжается отпусками воспитанниковъ и завѣдываетъ библіотеками и всѣми учебными пособіями, составляющими собственность пансіона. За труды по пансіону инспекторъ гимназіи получаетъ дополнительное жалованье изъ суммъ пансіона въ количествѣ, зависящемъ отъ его средствъ и ежегодно опредѣляемомъ въ смѣтѣ пансіона. (См. уст. гим. 1864 г. §§ 21, 22, 30, 68, 92 и 94). Таковы въ общихъ чертахъ права и обязанности инспектора. Очевидно безъ особой инструкціи инспекторъ не всегда могъ дѣйствовать правильно на основаніи устава. Въ виду этого Рудаковъ написалъ для инспектора подробную инструкцію, которая была подвергнута имъ обсужденію пед. совѣта. Вотъ эта инструкція:

1) Утреннее классное время, когда заведеніе находится въ полномъ ходу, должно быть главнѣйшимъ временемъ занятій инспектора. Такъ какъ по уставу непосредственное распоряженіе хозяйственною частью пансіона сложено нынѣ съ инспектора, и такъ какъ онъ не можетъ быть отвлекаемъ въ это время никакими посторонними занятіями, потому все это время должно быть инспекторомъ всецѣло отдано заведенію. [1])

2) Находясь постоянно въ гимназіи, инспекторъ долженъ наблюдать за пунктуально-точнымъ исполненіемъ класснаго росписанія, приглашая, въ случаѣ надобности, преподавателей къ своевременному начатію занятій.

3) Во время уроковъ инспекторъ долженъ по своему усмотрѣнію бывать на урокахъ поперемѣнно то у того, то у другого преподавателя, наблюдая за ходомъ ихъ преподаванія, чтобы впослѣдствіи могъ дать полный и подробный отчетъ какъ о достоинствахъ каждаго преподавателя, такъ и о степени усердія и способностей каждаго изъ учениковъ.

---

[1]) Примѣчаніе. Настоящее правило недолжно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что инспекторъ не можетъ дозволить себѣ въ утреннее время нималѣйшей отлучки изъ гимназіи, но только въ томъ, что онъ не можетъ отлучиться, когда его присутствіе необходимо, что отлучки его должны быть кратковременны, что онъ долженъ быть наготовѣ на случай, еслибы потребовались отъ него какія-либо распоряженія.

4) До тѣхъ поръ, пока гимназія не будетъ имѣть, согласно уставу, особыхъ воспитателей, которые обязываются занимать уроки отсутствующихъ учителей, эта обязанность лежитъ на инспекторѣ. Причемъ инспекторъ не обязывается занимать свободный классъ именно тѣмъ предметомъ, котораго преподаватель отсутствуетъ, но можетъ занять учениковъ по своему усмотрѣнію: такъ онъ можетъ потребовать отъ учениковъ разсказа слышанныхъ уже ими уроковъ и въ особенности тѣхъ, на которыхъ онъ самъ присутствовалъ, занять учениковъ подготовкой къ одному изъ слѣдующихъ уроковъ, заняться съ ними устными или письменными переводами изъ другихъ языковъ и преимущественно древнихъ, дать имъ нѣсколько темъ для краткихъ сочиненій во время класса, заняться чтеніемъ образцовыхъ сочиненій и въ особенности тѣхъ, которыя не были ими читаны и т. п. Выборъ того или другаго занятія для учениковъ нисколько не труденъ, если инспекторъ внимательно слѣдилъ за преподаваніемъ и знаетъ потребности учениковъ. Въ случаѣ же отсутствія нѣсколькихъ учителей инспекторъ можетъ замѣнить уроки отсутствующихъ учител. другими.

5) Если бы и за всѣми этими мѣрами оказалось почему либо невозможнымъ замѣстить уроки отсутствующихъ учителей, то инспекторъ можетъ освободить одинъ или нѣсколько классовъ отъ занятій на время уроковъ отсутствующихъ учителей; но о такомъ распоряженіи, съ объясненіемъ причинъ, доноситъ каждый разъ письменно директору для включенія въ ежемѣсячныя донесенія его главному инспектору о ходѣ учебной части въ гимназіи.

6) Дабы не было манкировокъ и опаздываній на уроки преподавателей инспекторъ доноситъ ежемѣсячно директору о количествѣ пропущенныхъ каждымъ преподавателемъ уроковъ съ указаніемъ, сколько изъ того числа пропущены безъ уважительной причины и по таковымъ донесеніямъ директоръ распоряжается объ удержаніи за пропущенные уроки по существующему правилу жалованье.

7) О ходѣ учебной части, независимо отъ дежурныхъ книгъ, которыя ведутся класснымъ воспитателемъ или надзирателемъ, инспекторъ ведетъ свой особый журналъ, въ который записываетъ какъ пропущенные учителями уроки съ указаніемъ уважительности или неуважительности причинъ отсутствія, такъ и вообще о всемъ, что признаетъ нужнымъ замѣтить при наблюденіи за ходомъ преподаванія. Журналъ этотъ, не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ, онъ представляетъ лично директору, который извлекаетъ изъ него ежемѣсячно нужныя свѣдѣнія для включенія въ отчетныя вѣдомости главному инспектору.

8) По окончаніи каждаго мѣсяца въ первомъ засѣданіи пед. совѣта инспекторъ докладываетъ совѣту выводы объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ по отмѣткамъ преподавателей и воспитателей, присовокупляя кто именно изъ преподавателей не выставилъ отмѣтокъ для занесенія объ этомъ въ журналъ совѣта.

9) По разсмотрѣніи въ пед. совѣтѣ ежемѣсячныхъ успѣховъ и поведенія учениковъ, инспекторъ поручаетъ классному надзирателю или воспитателю изготовить отдѣльныя для каждаго ученика аттестаціи, которыя раздаетъ по своимъ соображеніямъ или самимъ ученикамъ, или отсылаетъ живущимъ въ

городѣ родителямъ, равно и иногороднымъ, если имѣютъ отъ нихъ штемпельные конверты или марки на пересылку ихъ по почтѣ. Аттестаціи эти инспекторъ пополняетъ какъ своими личными замѣтками, такъ и тѣми указаніями, какія пед. совѣтъ признаетъ нужнымъ сообщить родителямъ.

10) Инспекторъ наблюдаетъ затѣмъ, чтобы ученики доставляли отъ своихъ родителей, живущихъ въ городѣ, письменныя увѣдомленія о полученіи аттестацій не далѣе трехъ дней послѣ ихъ выдачи, а отъ иногородныхъ по соображенію разстоянія мѣста ихъ жительства.

11) Инспекторъ ведетъ исправный по времени поступленія и выбытія списокъ всѣхъ учениковъ гимназіи, который представляетъ ежемѣсячно на утвержденіе членовъ педагогическаго совѣта.

12) Инспекторъ наблюдаетъ за исправнымъ веденіемъ какъ отдѣльныхъ списковъ учениковъ по классамъ, такъ равно классныхъ журналовъ и дежурной книги, записываетъ въ эти послѣднія, въ случаѣ надобности, свои замѣчанія и распоряженія: для сего классный надзиратель или воспитатель представляетъ инспектору ежедневно на разсмотрѣніе какъ классные журналы, такъ и свою дежурную книгу.

13) Инспекторъ наблюдаетъ, чтобы какъ пансіонары, такъ и приходящіе ученики гимназіи имѣли нужныя для ихъ занятій книги и учебныя пособія и въ случаѣ надобности дѣлаетъ настояніе о заведеніи ихъ родителямъ.

14) Инспекторъ имѣетъ право требовать въ гимназію для личныхъ объясненій о дѣтяхъ родителей живущихъ въ городѣ, назначая преимущественно для этого утреннее учебное въ гимназіи время; въ случаѣ неисполненія двукратнаго о томъ требованія онъ докладываетъ директору.

15) Инспекторъ наблюдаетъ за строгимъ соблюденіемъ учениками классной дисциплины и вообще за точнымъ исполненіемъ объявленныхъ распоряженій директора и пед. совѣта; если эти распоряженія почему-либо оказываются затруднительными или неудобными, то, отнюдь не отмѣняя ихъ, онъ докладываетъ о встрѣченныхъ затрудненіяхъ или неудобствахъ директору и ожидаетъ его распоряженій.

16) Въ обращеніи своемъ съ учениками инспекторъ долженъ постоянно руководиться началами здравой педагогики, не допуская съ одной стороны вредной распущенности и неуваженія къ исполненію объявленныхъ имъ правилъ, но съ другой стороны помня, что онъ имѣетъ дѣло съ дѣтьми, которыя требуютъ постоянной поддержки и на которыхъ болѣе всего и прежде всего должно дѣйствовать кроткими и ласковыми мѣрами, а затѣмъ уже строгими. Поэтому никакой проступокъ ученика не долженъ оставаться безъ соотвѣтствующаго ему внушенія или взысканія, но сдѣланная ученикомъ вина должна быть забыта, какъ скоро онъ исправился, и вспоминаема только тогда, когда онъ новыми проступками самъ напомнитъ ее.

17) Инспекторъ долженъ оказывать постоянную поддержку преподавателямъ и воспитателямъ или надзирателямъ въ дѣлаемыхъ ими распоряженіяхъ, настаивая и наблюдая за точнымъ ихъ исполненіемъ; въ случаѣ же несообраз-

ности или неисполнимости этихъ распоряженій, не отмѣняя ихъ, онъ докладываетъ о томъ директору.

18) Равнымъ образомъ, инспекторъ не можетъ отмѣнить наложенныхъ и объявленныхъ ученикамъ мѣръ взысканія кого-либо изъ преподавателей или воспитателей и надзирателей; но о несообразности ихъ или превышеніи власти докладываетъ директору. Въ экстренныхъ только случаяхъ отмѣнивъ немедленно мѣру взысканія, инспекторъ доноситъ о томъ письменно директору, сопровождая свое донесеніе, въ случаѣ надобности, ходатайствомъ объ увольненіи отъ должности лица, не понимающаго обязанностей преподавателя или воспитателя.

19) Отъ каждаго изъ преподавателей инспекторъ получаетъ ежемѣсячно письменные отчеты и свѣдѣнія объ объемѣ пройденнаго въ каждомъ классѣ курса, соображаетъ эти свѣдѣнія съ утвержденными пед. совѣтомъ программами и если самъ замѣтитъ или получитъ заявленіе преподавателя о томъ, что допущены отступленія отъ утвержденной программы, то докладываетъ о томъ въ засѣданіи педагогическаго совѣта.

20) Для полнаго согласія въ дѣйствіяхъ директора и инспектора инспекторъ присутствуетъ при ежедневныхъ докладахъ дежурныхъ книгъ надзирателями и воспитателями директору и руководится тѣми же началами, какія при этихъ докладахъ будутъ дѣлаемы директоромъ.

21) Инспекторъ завѣдываетъ ученической библіотекой, раздѣляя ее на отдѣлы по возрасту и степени развитія учениковъ и докладывая пед. совѣту свои соображенія о пополненіи этой библіотеки.

22) На особой обязанности инспектора лежитъ надзоръ, чтобы въ рукахъ учениковъ не обращалось какъ печатныхъ, такъ и письменныхъ сочиненій и рисунковъ, какъ вообще вредныхъ по своему содержанію, такъ и въ особенности для юношескаго и дѣтскаго возрастовъ; если бы инспекторъ замѣтилъ, что подобныя сочиненія или рисунки вносятся въ гимназію приходящими учениками, то входитъ немедленно въ сношеніе о томъ съ родителями,докладывая о томъ въ тоже время директору.

23) Инспекторъ всѣми мѣрами способствуетъ развитію и поддержанію въ ученикахъ религіозно-нравственнаго направленія, любви къ своему Государю и отечеству, уваженія къ закону и общественному порядку, пользуясь по возможности представляющимися случаями, чтобы дать ученикамъ практическіе уроки христіанской любви, взаимной общительности и служенія общественной пользѣ. Случаи для такихъ уроковъ при внимательномъ наблюденіи инспектора всегда могутъ находиться въ жизни заведенія, напр., пожертвованія въ пользу бѣдняковъ-товарищей, посѣщеніе больныхъ товарищей и т. п.

24) Наблюдая за методами преподаванія каждаго изъ учителей, инспекторъ, послѣ посѣщенія ихъ уроковъ, можетъ передавать имъ внѣ класса и если нужно наединѣ свои мнѣнія о томъ, въ чемъ бы ему казалось необходимымъ измѣнить принятую ими методу; если же съ его мнѣніемъ преподаватель не соглашается, равно инспекторъ не уважитъ его возраженій на свои

замѣчанія, то вноситъ вопросъ объ этомъ на разсмотріе пед. совѣта.

25) Инспекторъ наблюдаетъ, чтобъ внѣ класса развлеченія и постороннія занятія не препятствовали прямымъ занятіямъ учениковъ; поэтому онъ даетъ ученикамъ письменныя дозволенія на посѣщеніе общественныхъ собраній, равно на занятіе уроками въ частныхъ домахъ, имѣя полное право не давать этого дозволенія тѣмъ ученикамъ, для которыхъ оно можетъ быть вреднымъ.

26) Инспекторъ наблюдаетъ за исполненіемъ данныхъ инструкцій воспитателями и надзирателями, стараясь въ особенности, чтобы въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ надзирателей и воспитателей было полное единство.

27) Инспекторъ наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ всѣхъ указаній гимназическаго врача, какія будутъ имъ сдѣланы въ видахъ укрѣпленія и развитія физическихъ силъ дѣтей; для сего слѣдитъ за возможною чистотою воздуха и опрятностью въ заведеніи, за обязательными для учениковъ прогулками и движеніями на свѣжемъ воздухѣ, за родомъ и качествомъ пищи, какъ употребляемой пансіонерами, такъ и дозволенной къ приносу въ гимназію разнощиками для завтрака приходящихъ учениковъ и т. п.

28) Инспекторъ собственною властью имѣетъ право налагать слѣдующія взысканія на учениковъ и въ слѣдующей постепенности: а) замѣчаніе болѣе или менѣе строгое наединѣ, б) таковое же замѣчаніе въ присутствіи товарищей по классу (а за проступки сдѣланные въ пансіонѣ въ присутствіи товарищей по пансіону), в) выговоръ въ присутствіи товарищей, болѣе или менѣе строгій, г) лишеніе права пользоваться отдыхомъ или участвовать въ играхъ и удовольствіяхъ товарищей, д) ограниченіе въ родѣ пищи пансіонеровъ и сажаніе ихъ за отдѣльный столъ, е) сокращеніе или лишеніе отпусковъ на праздники пансіонеровъ, не болѣе однакоже какъ на три праздника сряду, ж) оставленіе приходящихъ учениковъ послѣ окончанія уроковъ не болѣе какъ на два часа, з) публичная насмѣшка надъ ученикомъ въ присутствіи товарищей по классу или пансіону, а если проступокъ сдѣланъ внѣ стѣнъ заведенія, то немедленно вслѣдъ за совершеніемъ проступка въ присутствіи тѣхъ лицъ, при которыхъ онъ былъ сдѣланъ, и) одиночный арестъ не болѣе сутокъ и і) воспрещеніе посѣщать гимназію впредь до исполненія извѣстнаго требованія или до разрѣшенія пед. совѣта. О послѣднихъ трехъ видахъ взысканій, какъ наиболѣе строгихъ, инспекторъ по принятіи ихъ тотчасъ докладываетъ директору.

29) Инспекторъ распоряжается отпусками пансіонеровъ къ лицамъ, получившимъ на то особые отъ гимназіи билеты, на праздничные дни, имѣя право, какъ выше сказано, сокращать время этихъ отпусковъ для неисправныхъ по успѣхамъ и поведенію и даже вовсе лишать отпуска на три праздичныхъ дня сряду.

30) Наблюдая за образомъ жизни пансіонеровъ и исполненіемъ утвержденнаго распредѣленія ихъ суточнаго времени, инспекторъ избираетъ для своихъ посѣщеній пансіона всякое время дня и ночи, обязанъ быть въ пансіонѣ не во время классныхъ занятій, по крайнѣй мѣрѣ, одинъ разъ въ сутки.

31) Инспекторъ ежедневно просматриваетъ дежурную книгу, которую

ведутъ воспитатели пансіона, записывая въ эту книгу свои распоряженія или лично самъ, или поручая то воспитателю.

32) Инспекторъ какъ лично, такъ и чрезъ воспитателей наблюдаетъ по возможности за образомъ жизни учениковъ внѣ стѣнъ заведенія и особенному надзору его въ этомъ случаѣ подлежатъ вопервыхъ иногородные, живущіе въ наемныхъ квартирахъ, а не у родителей, и вовторыхъ стипендіаты.

33) Подъ надзоромъ инспектора классный воспитатель ведетъ исправный списокъ квартиръ, занимаемыхъ приходящими учениками и стипендіатами. Замѣчанія свои о неодобрительности какихъ-либо ученическихъ квартиръ и о необходимости запретить занятіе ихъ ученикамъ гимназіи, инспекторъ вноситъ на разсмотрѣніе педагогическаго совѣта.

34) Инспектору, какъ ближайшему помощнику директора и какъ члену пед. совѣта, должны быть извѣстны всѣ хозяйственныя распоряженія директора по гимназіи и пансіону; по сему инспекторъ наблюдаетъ и настаиваетъ за точнымъ ихъ исполненіемъ. Съ этою цѣлью онъ просматриваетъ хозяйственный журналъ эконома лично ежедневно и вмѣстѣ съ директоромъ одинъ разъ въ недѣлю тѣмъ порядкомъ, какъ и дежурныя книги воспитателей.

35) Инспекторъ производитъ по порученію директора, или однимъ своимъ лицомъ, или вмѣстѣ съ двумя членами совѣта свидѣтельство разныхъ хозяйственныхъ вещей и припасовъ заготовленныхъ для гимназіи или пансіона; когда же таковое свидѣтельство производится пед. совѣтомъ, то онъ учавствуетъ въ немъ на правахъ члена совѣта.

36) Инспекторъ по временамъ производитъ осмотръ всякаго рода имущества гимназіи и о результатахъ осмотра докладываетъ директору.

37) Инспекторъ собираетъ дважды въ годъ мнѣнія преподавателей о книгахъ и пособіяхъ, которыя должны быть пріобрѣтаемы для пополненія библіотекъ и кабинетовъ, и составленный имъ списокъ вноситъ на разсмотрѣніе педагогическаго совѣта.

38) Инспекторъ ведетъ общій списокъ всѣмъ учебнымъ пособіямъ, находящимся по существующему уставу на отвѣтственности преподавателей по принадлежности.

39) Инспекторъ собираетъ въ установленные сроки деньги за правоученіе и доставляетъ ихъ установленнымъ порядкомъ директору для сдачи въ казначейство; по окончаніи же указаннаго уставомъ срока для вноса денегъ докладываетъ пед. совѣту какъ о тѣхъ ученикахъ, которые представили вмѣсто денегъ свидѣтельства о бѣдности, такъ и о тѣхъ, которые не представили ни денегъ, ни свидѣтельства.

40) Инспекторъ, независимо отъ принадлежащаго каждому члену педагогическаго совѣта права ходатайствовать объ ученикахъ, имѣетъ право собственною властью назначить имъ единовременныя пособія изъ блоготворительной кассы гимназіи до пяти рублей въ теченіе полугода и на всякую безъ ограниченія сумму выдавать имъ для временнаго пользованія книги изъ учебной библіотеки для бѣдныхъ учениковъ.

Эта инструкція была принята преподавателями съ двумя дополненіями, касавшимися 7-го пункта. Преподаватели просили, чтобы здѣсь было прибавлено, что каждый наставникъ имѣетъ право просить инспектора о предъявленіи ему тѣхъ свѣдѣній, какія записаны въ журналъ и лично до него касаются. Другое же дополненіе къ инструкціи было вызвано желаніемъ преподавателей получить отвѣтъ на вопросъ: въ виду столь обширной власти инспектора желательно вообще знать, что же такое послѣ этого инспекторъ по отношенію къ учителямъ: такой же начальникъ, какъ и директоръ, или же такой же подчиненный директора, какъ и другіе учителя? Чтобы успокоить учителей, директоръ согласился ввести въ инструкцію слѣдующій пунктъ: „Инспекторъ не есть начальникъ преподавателей: онъ есть между ними только старшій товарищъ, который на себѣ самомъ долженъ подавать примѣръ точнаго и добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей,—и одною изъ первыхъ его заботъ должно быть пріобрѣтеніе полнаго довѣрія и уваженія со стороны сослуживцевъ“.

Общее число уроковъ по каждому предмету, на основаніи § 46 устава, должно было оставаться неизмѣннымъ, но распредѣленіе числа уроковъ каждаго предмета по классамъ подлежало измѣненію, по ближайшему усмотрѣнію попечителей учебныхъ округовъ. На основаніи этого параграфа, принимая въ соображеніе съ одной стороны, что въ наступавшемъ $186^5/_6$ учебномъ году объемъ преподаванія долженъ былъ быть согласованъ съ инструкціей минист. народ. просвѣщенія, но что по нѣкоторымъ предметамъ пройдено было уже въ прошедшемъ учебномъ году болѣе, а по другимъ менѣе, вслѣдствіе чего и нормальная таблица уроковъ, приложенная къ уставу, по необходимости должна была измѣниться, съ другой стороны принимая въ соображеніе личный составъ классовъ и степень развитія учениковъ, а также наличное число преподавателей, совѣтъ слѣдующимъ образомъ распредѣлилъ число уроковъ по каждому предмету:

ПРЕДМЕТЫ.	Классы.							Всего недѣльн. уроковъ.
	I	II	III	IV	V	VI	VII	
Законъ Божій . . .	2	2	2	2	2	2	2	14
Русскій языкъ съ церковно-славянскимъ.	3	3	3	4	4	4	3	24
Латинскій языкъ . .	6	6	6	6	5	5	5	39
Французскій языкъ . .	2	2	2	2	3	4	4	19
Нѣмецкій языкъ . .	2	2	2	3	3	3	4	19

ПРЕДМЕТЫ.	Классы.							Всего недѣльн. уроковъ.
	I	II	III	IV	V	VI	VII	
Ариѳметика, алгебра и тригонометрія.	2	2	3	2	3	3	2	17 } 22
Геометрія	—	—	—	1	2	1	1	5 }
Исторія	—	—	2	3	3	3	3	14
Географія	1	2	2	2	—	—	1	8
Естественная исторія	2	2	2	—	—	—	—	6
Физика и космографія	—	—	—	—	2	2	2	6
Чистописаніе, рисованіе и черченіе.	4	4	3	2	2	2	2	13
Итого. . . .	24	25	27	27	27	27	27	

Между наличными преподавателями уроки были распредѣлены слѣдующимъ образомъ. Уроки русскаго языка въ I, II и III классахъ взялъ на себя инспекторъ Плотниковъ, а въ IV, V, VI и VII—Бильдинскій. Уроки латинскаго языка въ V, VI и VII (15 ур.) поручены были Емельянову, а въ остальныхъ классахъ: въ I и II (12 ур.) Матросову, за уничтоженіемъ въ гимназіи курса законовѣдѣнія оставшемуся безъ дѣла, въ III—Тверитину, у котораго по естественной исторіи осталось только 6 уроковъ, а въ IV—Слаутѣ, которому, какъ преподавателю математики и физики, были также даны уроки: геометріи (5 ур.) и физики съ космографіей. Прочіе уроки математики (17 ур.) взялъ учитель Сидоренко. Уроки по Закону Божію, французскому языку, нѣмецкому и по искусствамъ были въ рукахъ преподавателей тѣхъ предметовъ: о. Иваницкаго, Палюлона, Бострема и Шелуткова. По исторіи былъ преподавателемъ Христофоровъ, а по географіи и. д. учителя Можайскій. Такимъ образомъ въ годъ преобразованій Тобольской гимназіи по уставу 1864 года въ ней были вакантны только должность учителя русскаго языка и двѣ должности учителей латинскаго языка; но съ этого года въ Тобольской гимназіи вакансіи (особенно по латинскому языку) уже не прекращались не только до конца намѣченнаго нами періода исторіи гимназіи, но и значительно позднѣе, до тѣхъ поръ, какъ С.-Петербургскій историко-филологическій институтъ не далъ ей части своихъ питомцевъ. Въ нѣкоторые годы было по четыре вакансіи, и никогда меньше трехъ. Съ назначеніемъ въ 1866 году (съ 18

апрѣля) учителя латинскаго языка Емельянова инспекторомъ (вмѣсто умершаго Плотникова) каѳедры латинскаго языка (три) пустовали болѣе двухъ лѣтъ до перевода изъ Томской гимназіи учителя Аристовскаго (въ 1868 г.), который однакоже пробылъ только до конца $18^{70}/_{71}$ учебнаго года, а тамъ снова всѣ три каѳедры латинскаго языка осиротѣли. Въ началѣ же $186^{5}/_{6}$ года освободилась и каѳедра исторіи (за переходомъ Христофорова въ Симбирскую гимназію); впрочемъ тутъ на исторію перешелъ учитель Бильдинскій. За то словесность была не занята до конца описываемаго періода; должность учителя по этому предмету исправляли профессора семинаріи И. А. Орнатовъ и Д. И. Тихомировъ. Оба эти профессора занимались въ гимназіи и по другимъ предметамъ: Орнатовъ по исторіи, Тихомировъ—по латинск. языку. Въ 1868 году Бильдинскій совсѣмъ оставилъ Тобольскую гимназію; на его мѣсто былъ опредѣленъ Митрофанъ Алексѣевичъ Водянниковъ (съ 26 декабря 1868 года), бывшій ученикъ Тобольской гимназіи, недавно окончившій курсъ въ Московскомъ университетѣ. Относительно латинскаго языка удивляться не приходится,—этотъ предметъ не имѣлъ достаточнаго количества преподавателей повсюду, но почему же трудно было найти преподавателя, наприм., для словесности? Тобольская гимназія сама давала для университетовъ довольно большое количество слушателей. Однако же отчего ея питомцевъ мало возвращалось назадъ, мало дѣлалось въ ней учителями? Въ отчетѣ за 1867 г. Рудаковъ такъ рѣшалъ этотъ вопросъ: „Слѣдуетъ задуматься надъ знаменательнымъ фактомъ. Отчего сибирскія гимназіи, ежегодно отправляющія довольно значительное число въ сравненіи съ общею цыфрою въ нихъ учащихся въ университеты, не приготовляютъ однако же въ нихъ новыхъ для себя учителей, т. е. учителей сибирскихъ же гимназій? Отчего средства, потраченныя казною на доставленіе способовъ къ университетскому образованію молодыхъ сибиряковъ, даютъ Сибири образованныхъ чиновниковъ для другихъ родовъ службы, но не для учебной? Такъ, напримѣръ, въ Тобольской гимназіи изъ всего личнаго состава ея учителей нѣтъ ни одного бывшаго воспитанника Тобол. гимназіи (кромѣ одного учителя рисованія). Изъ сибиряковъ между учителями Тобольской гимназіи есть недавно поступившій одинъ бывшій воспитанникъ Томской гимназіи, но и этотъ попалъ на учительскую каѳедру какъ бы случайно, вовсе не готовившись къ ней, и едва-ли разсчитываетъ отдать весь періодъ своей службы учительской карьерѣ. Нельзя жаловаться на слишкомъ большую ограниченность средствъ, даваемыхъ отъ казны для университетскаго образованія молодымъ сибирякамъ: доказательство въ томъ, что и понынѣ бываютъ годы, когда не всѣ казенныя сибирскія стипендіи замѣщены въ университетахъ. Но можетъ быть россійскіе университеты съ избыткомъ снабжаютъ сибирскія гимназіи своими питомцами, которые такимъ образомъ загораживаютъ на большой періодъ времени дорогу къ учительскому званію мѣстнымъ уроженцамъ, и слѣдовательно въ этомъ случаѣ не зачѣмъ сѣтовать, что всѣ почти сибиряки, обучавшіеся въ университетахъ, поступаютъ на другіе роды службы? Къ сожалѣнію и здѣсь факты говорятъ противное. Въ Тобольской гимназіи только

одинъ студентъ университета, трое изъ бывшихъ студентовъ педагогическаго института, а остальные учителя лица перешедшія изъ другаго еще болѣе скуднаго средствами и правами вѣдомства—изъ духовно-учебной службы и слѣдовательно изъ бывшихъ студентовъ духовныхъ академій.

Обращаясь къ разрѣшенію причинъ этихъ явленій, должно припомнить, что занятіе должности учителя гимназіи поставляетъ непремѣннымъ условіемъ окончаніе курса въ высшемъ учебномъ заведеніи. Условіе это вовсе не непремѣнное для другихъ родовъ гражданской службы, а опытъ показываетъ, что иногда очень важные посты въ гражданской службѣ замѣщаются съ полнымъ успѣхомъ лицами вполнѣ достойными, но обучавшимися только въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Для того, чтобы получить университетское образованіе, сибирякъ—гимназистъ долженъ гораздо больше перенесть лишеній, чѣмъ такой же гимназистъ во внутреннихъ губерніяхъ. Онъ долженъ ѣхать въ университетъ за цѣлыя тысячи верстъ, оторвавшись отъ родной семьи на цѣлые четыре года.... Подъ часъ это же разстояніе бываетъ иногда причиною большой разницы климата между университскимъ и его гимназическимъ городомъ, а отсюда рискъ здоровьемъ, а иногда и жизнью, не говоря уже о большомъ рискѣ сибиряка противъ другихъ гимназистовъ въ случаѣ неудачи на пріемномъ экзаменѣ: тутъ при неимѣніи средствъ къ возврату прямая возможность умереть съ голода. Чѣмъ же привѣтствуетъ его служба, если бы онъ пожелалъ послѣ окончанія университетскаго курса служить въ Сибири, и между прочимъ служба учителя гимназіи, исключительно требующая людей съ университетскимъ образованіемъ? Заявленіемъ, что никакія преимущества, предоставленныя служащимъ въ отдаленныхъ краяхъ, на него, какъ на сибиряка, не распространяются, съ присовокупленіемъ, что за казенное воспитаніе онъ долженъ служить непремѣнно въ Сибири отъ 8 до 10 лѣтъ, тогда какъ пріѣзжій не сибирякъ и безъ университетскаго образованія, можетъ, воспользовавшись особыми, даваемыми правительствомъ пособіями, возвратиться изъ Сибири чрезъ три года. Правда, учебная служба представляетъ для него наравнѣ съ пріѣзжими значительную выгоду въ сокращенномъ срокѣ на пенсію; но пенсія есть предметъ думъ и мечтаній уже прослужившаго по крайней мѣрѣ половину служебнаго термина, а для молодаго человѣка, начинающаго службу, мечта о послѣдствіяхъ окончанія службы и не естественна и не сообразна съ кипучею тогда жаждою дѣятельности. Еще болѣе кажется несправедливымъ учителю —сибиряку его положеніе чрезъ нѣсколько лѣтъ его службы. Извѣстно, что учебная служба гораздо меньше шансовъ представляетъ прочихъ родовъ службы къ занятію высшихъ должностей по ограниченному числу этихъ послѣднихъ: девять десятыхъ учителей оканчиваютъ пенсіонный срокъ службы тѣмъ, чѣмъ начали, т. е. учительской должностью.... Въ гражданской службѣ не то: тамъ для способныхъ дѣятелей почти безконечная лѣстница повышеній въ должностяхъ, улучшающихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и матеріальный бытъ чиновника. Что же видитъ учитель сибирякъ чрезъ пять лѣтъ? Сослуживцы его, пріѣзжіе въ Сибирь, получаютъ значительное улучшеніе постоянныхъ своихъ

средствъ въ видѣ улучшенія четвертью ихъ окладовъ, черезъ десять лѣтъ половинною, черезъ пятнадцать—тремя четвертями, наконецъ черезъ двадцать лѣтъ они получаютъ двойной окладъ. Сибирякъ—учитель, можетъ быть, сознающій, что онъ иногда полезнѣе своихъ пріѣзжихъ сослуживцевъ, такимъ улучшеніемъ своего матеріальнаго быта не пользуется и опять таки потому, что онъ сибирякъ. По этому справедливость требуетъ, чтобы по крайней мѣрѣ въ учебной службѣ сибиряки, обучавшіеся въ университетахъ, пользовались всѣми преимуществами, предоставленными пріѣзжающимъ въ Сибирь, и въ особенности пятилѣтними прибавками къ жалованью. Весьма небольшое число учительскихъ должностей въ сибирскихъ гимназіяхъ не составитъ для казны новаго слишкомъ большаго расхода, а можетъ быть пополнитъ пробѣлы въ личномъ составѣ сибирскихъ учителей". За отсутствіемъ достаточнаго количества учителей, директоръ и инспекторъ сами несли ихъ обязанности съ перваго же учебнаго года существованія Тобольской гимназіи по уставу 1864 г. Инспекторъ Емельяновъ преподавалъ латинскій языкъ, а Рудаковъ на 186⁵/₆ годъ взялъ на себя преподаваніе ариѳметики во II классѣ и физики въ V. Это отсутствіе учителей, иногда по четыремъ предметамъ, тѣмъ болѣе было грустно, что въ тоже самое время въ Тобольской гимназіи сталъ замѣчаться вновь приливъ учениковъ. Этотъ приливъ въ отчетѣ за 186⁸/₉ годъ Рудаковъ пытался объяснить слѣдующимъ образомъ: „Судя по словамъ нѣкоторыхъ родителей и по надеждамъ, возлагаемымъ ими на наше учебное заведеніе, не происходитъ ли это явленіе отъ слѣдующихъ причинъ. Въ настоящее время многіе бѣдняки, поступающіе въ гимназію, получаютъ отъ нея почти всѣ средства къ образованію. У насъ есть сформировавшаяся и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ поддерживаемая библіотека для бѣдныхъ учениковъ. Съ каждымъ годомъ мы увеличиваемъ ее изъ суммы, собираемой за ученіе, и большею частью на пособіе бѣднымъ ученикамъ. Общество, родители и даже сами товарищи относятся сочувственно къ нуждамъ бѣдныхъ учениковъ. Достаточно сказать, что до настоящаго года ни одинъ изъ хорошихъ учениковъ не вышелъ изъ гимназіи по неимѣнію средствъ продолжать образованіе. Такимъ образомъ гимназія снабжаетъ бѣдныхъ учениковъ нерѣдко всѣмъ необходимымъ, начиная отъ книги и кончая иногда платьемъ, а все это привлекаетъ большее число учениковъ, и бѣднякъ такимъ образомъ получаетъ возможность имѣть одинаковое образованіе съ богатымъ". Учась въ гимназіи, бѣдные ученики получали помощь отъ учебнаго заведенія, а по окончаніи курса тѣ, которые шли въ университеты, отъ общества вспомоществованія бѣднымъ студентамъ Тобольской гимназіи, появившагося въ 1865 г. и продолжающаго свою плодотворную дѣятельность до настоящаго времени. Это общество оказывало двоякую помощь: давало единовременныя пособія или принимало студента на полное содержаніе на все время его пребыванія въ университетѣ, отпуская на его содержаніе ежемѣсячно по 20 руб. (полная стипендія) и 10 руб. (половинная). Изъ учениковъ Тобольской гимназіи за описываемое время воспользовалось помощью общества около 30 человѣкъ.

Съ 186⁹/₇₀ учебнаго года министромъ народнаго просвѣщенія разрѣшено было ввести въ Тобольской гимназіи преподаваніе Закона Божія римско-католическаго исповѣданія. Учениковъ—католиковъ было въ это время въ гимназіи восемь. Священникъ римско-католическаго Тобольскаго прихода Венедиктъ Ивановичъ Концевичъ писалъ въ 1868 г. въ дирекцію, что онъ неоднократно слышалъ жалобы своихъ прихожанъ, у которыхъ въ гимназіи учились дѣти, на то, что ученики—католики не обучаются Закону Божію, при чемъ просилъ директора ходатайствовать о томъ, чтобы ему было позволено преподавать католикамъ Законъ Божій хоть два раза въ недѣлю. Рудаковъ возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи преподавать на слѣдующихъ условіяхъ: 1) преподаваніе Закона Божія производить не иначе, какъ на русскомъ языкѣ; 2) обученіе это производить непремѣнно по печатнымъ учебникамъ также на русскомъ языкѣ и употребляемымъ въ учебныхъ заведеніяхъ по Виленскому учебному округу; 3) со введеніемъ въ гимназіи преподаванія Закона Божія воспитанникамъ римско-католическаго исповѣданія не воспрещать желающимъ изъ нихъ (какъ это было и прежде) посѣщать уроки законоучителя православной вѣры, а тѣмъ изъ нихъ, которые заявили бы готовность постоянно посѣщать уроки законоучителя православнаго исповѣданія, не дѣлать обязательнымъ посѣщеніе уроковъ Закона Божія римско-католическаго исповѣданія. При этомъ Рудаковъ находилъ необходимымъ вмѣнить въ обязанность присутствовать на урокахъ Закона Божія инспектору гимназіи или одному изъ надзирателей, когда инспектору будетъ невозможно присутствовать самому. Сначала Концевичъ преподавалъ Законъ Божій даромъ, а потомъ съ 1873 года, по ходатайству директора, на основаніи § 14 устава гимназіи 1871 года, ему было назначено 120 руб. въ годъ изъ спеціальныхъ средствъ гимназіи примѣнительно къ окладамъ, производившимся таковымъ лицамъ въ другихъ гимназіяхъ, въ которыхъ не преобладали учащіеся римско-католическаго исповѣданія.

Изъ другихъ особенностей описываемаго времени исторіи Тобольской гимназіи заслуживаетъ вниманія, вопервыхъ, положеніе стипендіатовъ, смѣщенныхъ изъ пансіона на квартиры съ сохраненіемъ стипендій, и, вовторыхъ, производство экзаменовъ. На основаніи 80 § устава о гимназіяхъ пансіонеры трехъ высшихъ классовъ выбыли изъ пансіона на квартиры съ выдачею имъ содержанія въ видѣ стипендій съ 1-го января 1866 года. Такихъ учениковъ выбыло 16: 5—изъ V кл., 8—изъ VI и 3—изъ VII. Между ними было три своекоштныхъ. Каждому пансіонеру казны было назначено къ ежемѣсячной выдачѣ 58 руб. 54 коп. въ годъ; каждому Демидовскому пансіонеру по 84 руб., пансіонеру Жилина и двумъ Гасфордта по 117 руб. 60 коп. При выбытіи изъ пансіона ученикамъ выдано было все заведенное уже для нихъ: одежда, ношебное платье, обувь и книги, при чемъ было объявлено, что эта выдача одновременная, что родители ничего болѣе отъ пансіона требовать уже не могутъ. Впрочемъ родителямъ дозволено было, на основаніи устава гимназіи, по особо уважительнымъ причинамъ, оставлять своихъ дѣтей, перешедшихъ

въ V классъ, въ пансіонѣ. Само собой разумѣется, что не всѣмъ родителямъ понравилось это перемѣщеніе учениковъ изъ пансіона на квартиры. Кто изъ учениковъ получалъ на руки большую стипендію, тому не было особенной причины горевать о пансіонѣ, но что было дѣлать на квартирахъ казеннымъ стипендіатамъ, которымъ было назначено по 4 руб. 87 коп.? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это перемѣщеніе равнялось почти лишенію стипендіи. Въ дѣлахъ сохранилось прошеніе Б—го, опредѣленно рисующее намъ положеніе на квартирахъ стипендіатовъ казны, у которыхъ не было ничего, кромѣ маленькой стипендіи. Ба—скій пишетъ: „суммы этой не только не хватитъ на одежду и на учебныя пособія, но даже недостаточно для содержанія. Помогать моему сыну при всемъ моемъ душевномъ желаніи я не могу, такъ какъ получаемое мною по службѣ содержаніе (10 рублей въ мѣсяцъ) едва хватаетъ на самое скудное содержаніе многочисленнаго семейства моего“. И Ба—скій просилъ оставить сына своего въ пансіонѣ. Говоря о положеніи стипендіатовъ на квартирахъ, Рудаковъ въ отчетѣ за 1866 г. писалъ: „Что касается до содержанія стипендіатовъ, то здѣсь представились два совершенно противоположныя обстоятельства. Со стороны родителей тѣхъ стипендіатовъ, которые изъ пансіона возвратились въ свои семейства, не только не было слышно жалобъ на недостаточное содержаніе, но даже былъ одинъ случай, что мать одного пансіонера, малаго возрастомъ, но переведеннаго въ пятый классъ, отказалась отъ предложенія гимназическаго начальства оставить сына по малолѣтству еще въ пансіонѣ на годъ. Причина этого явленія понятна: стипендіаты по выходѣ изъ пансіона получаютъ все заведенное на нихъ и въ хорошемъ состояніи платье, и потому на первое время получаемая ими стипендія не только достаточна для нихъ, но даже служитъ хотя скудною поддержкою для существованія родителей. Не таково было положеніе стипендіатовъ, перешедшихъ по неимѣнію родственниковъ на частныя квартиры, а въ особенности стипендіаты казны почувствовали невозможность пріобрѣсти на эти деньги только столъ и квартиру съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и мытьемъ бѣлья“. Въ отчетѣ за 1867 годъ Рудаковъ писалъ: „Былъ случай, что одинъ стипендіатъ долгое время не посѣщалъ классовъ. Оказалось, что у него нѣтъ сапогъ и разорвалось платье, а завести вновь изъ стипендіи не было никакой возможности“. На помощь такимъ ученикамъ явилась общественная благотворительность, при помощи которой гимназія иногда назначала дополнительныя стипендіи и давала единовременныя пособія. Изъ отвѣта директора на прошеніе Б—го мы узнаемъ, что съ іюля 1867 года директоръ назначилъ сыну его, ученику VII класса, вмѣсто 4 р. 87 к. по 5 р. 78 к. и кромѣ того далъ ему единовременное пособіе въ 50 руб. „Что касается до степени нравственнаго направленія и успѣшности занятій стипендіатовъ, то здѣсь вполнѣ отразилось вліяніе той среды, въ которую они поступили при выходѣ изъ пансіона: тѣ изъ нихъ, на долю которыхъ выпало возвратиться въ хорошія семейства, нашли себѣ въ нихъ твердую опору, тѣ же, кому привелось поступить подъ руководство слабыхъ и недостаточно разумныхъ матерей, или пріютиться у чужихъ людей, смотрѣвшихъ на

ихъ содержаніе единственно какъ на матеріальную выгоду, оказались уклоняющимися отъ общаго порядка и небрежно исполняющими требованія гимназическаго начальства". Болѣе подробно объяснено Рудаковымъ положеніе стипендіатовъ на квартирахъ въ отчетѣ за 186⁸/₉ учебный годъ, изъ котораго мы узнаемъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя гимназія употребляла къ исправленію стипендіатовъ. „Со времени введенія новаго положенія о стипендіатахъ, въ гимназіи стало почти обыкновеннымъ явленіемъ, что ученикъ, жившій до V кл. въ пансіонѣ гимназіи и оказывавшій удовлетворительные успѣхи, исправно державшій себя, словомъ ученикъ вполнѣ благонадежный,—по переводѣ въ V классъ и по выходѣ изъ пансіона, становился непохожимъ на исправнаго мальчика. Успѣхи его мѣсяцъ отъ мѣсяца становились все менѣе и менѣе удовлетворительными, отступленіе отъ школьной дисциплины, непосѣщеніе лекцій, какая-то вялость и холодность къ наукѣ—все это такъ ощутительно высказывается въ ученикѣ, что въ немъ дѣйствительно можно не признать прежняго живаго и разумнаго мальчика. Въ особенности такое неотрадное явленіе представлялось на тѣхъ пансіонерахъ, которые изъ пансіона перешли не подъ кровъ родной семьи, а къ чужимъ людямъ на квартиру и иногда по собственному выбору. При раскинутости здѣшняго края очень многіе иногородные ученики удалены отъ родителей. Бдительный надзоръ родителей за дѣтьми, возможный при недальнихъ и легкихъ путяхъ сообщенія во внутреннихъ губерніяхъ, невозможенъ въ здѣшнемъ краѣ. Есть такіе ученики, у коихъ родители живутъ отъ нихъ на тысячное разстояніе. Понятно, что для такого ученика, мальчика лѣтъ 14-ти, выходящаго изъ пансіона, и выборъ квартиры, и хозяевъ—дѣло его одного. Но съ другой стороны бѣда и въ недостаточности стипендій. Самая высшая цыфра немногихъ стипендій достигаетъ не болѣе какъ 10 рублей въ мѣсяцъ. За такую сумму можно имѣть пожалуй сносную квартиру, но гдѣ же онъ возьметъ денегъ на другія не менѣе важныя потребности; какъ-то: бѣлье, одежду, обувь, учебники и т. п.? А что сказать о той квартирѣ, которую занимаетъ стипендіатъ, не получающій въ мѣсяцъ и 6 руб. Хозяинъ—солдатъ, мѣщанинъ, мелкій отставной чиновникъ; квартира неудобная, пища и обстановка нищенская; хозяева смотрятъ на мальчика какъ на барича, который даетъ имъ лишній кусокъ хлѣба, и его расположенія всѣми мѣрами заискиваютъ; они готовы, въ случаѣ его желанія, дать какое угодно свидѣтельство о болѣзни, даже мнимой: вотъ неизбѣжное зло, встрѣчающее мальчика, какъ скоро онъ переступитъ порогъ пансіона, зло, по мнѣнію совѣта, неисправимое по мѣстнымъ условіямъ. Въ виду всѣхъ этихъ и подобныхъ фактовъ, въ конецъ разрушающихъ педагогическій строй заведенія,—совѣтъ положилъ исходатайствовать отъ генералъ-губернатора Западной Сибири дозволеніе принять къ постоянному руководству слѣдующія правила:

1) Вовсе не смѣщать на стипендіи тѣхъ учениковъ, которые не имѣютъ въ Тобольскѣ родителей или вполнѣ благонадежныхъ родственниковъ.

2) Сохранить за педагогическимъ совѣтомъ право во всякое время

потребовать стипендіатовъ въ пансіонъ, гдѣ бы они ни жили и даже, если нужно, безъ объявленія причинъ родителямъ.

3) Тѣхъ пансіонеровъ, объ оставленіи которыхъ въ пансіонѣ по переходѣ въ V классъ будутъ просить сами родители, оставлять безпрепятственно и безъ всякихъ ограниченій и наконецъ въ 4-хъ) поставить правиломъ, чтобы послѣ заявленія родителями желанія о переходѣ ихъ дѣтей—пансіонеровъ на стипендіи, педагогическій совѣтъ предварительно обсуживалъ бы то положеніе, въ какомъ будетъ находиться будущій стипендіатъ и опредѣлялъ бы это смѣщеніе не иначе, какъ по убѣжденіи, что такое смѣщеніе не отзовется вредомъ для этого стипендіата. Эти предположенія педагогическаго совѣта, по утвержденіи его въ концѣ учебнаго года генералъ-губернаторомъ Западной Сибири, приведены въ исполненіе. На основаніи этого утвержденія потребовано было обратно въ пансіонъ изъ 9 стипендіатовъ, жившихъ на частныхъ квартирахъ, шесть человѣкъ. „Можно было ожидать, говорилъ Рудоковъ, что мѣра эта не встрѣтитъ полнаго сочувствія тѣхъ, къ кому ближе относилась; но мы встрѣтили и встрѣчаемъ со стороны родителей и пансіонеровъ полную благодарность, такъ что въ настоящее время просятъ обратно о помѣщеніи ихъ дѣтей въ пансіонъ и нѣкоторые изъ живущихъ здѣсь родителей. Такимъ образомъ въ настоящее время получаютъ стипендіи вмѣсто пансіонерскаго содержанія въ домахъ родителей только два ученика“. Смѣщеніе пансіонеровъ старшаго класса на стипендіи было вызвано, по объясненію приложенной къ уставу 1864 г. записки, между прочимъ, невозможностью одинаковыхъ требованій для пансіонеровъ высшихъ и низшихъ классовъ. Эта невозможность была причиною со одной стороны неудовольствія, выражавшагося иногда пансіонерами старшихъ классовъ, а съ другой—неестественнаго желанія пансіонеровъ младшихъ классовъ стать на одну доску со старшими. Въ этомъ отношеніи предпринятая мѣра несомнѣнно была полезна, за то вредъ отъ нея произошелъ въ учебномъ отношеніи; оставшіеся въ пансіонѣ ученики низшихъ классовъ лишились поддержки и помощи, какую иногда находили они при своихъ учебныхъ занятіяхъ въ старшихъ своихъ товарищахъ. Предвидя это заранѣе, Рудаковъ при первомъ же смѣщеніи пансіонеровъ оставилъ въ пансіонѣ одного изъ лучшихъ пансіонеровъ, перешедшихъ въ V классъ, для помощи и примѣра младшимъ пансіонерамъ. Съ другой стороны считая по прежнему не педагогическимъ ставить учениковъ старшихъ классовъ въ одни условія съ маленькими учениками, совѣтъ нашелъ однакоже возможнымъ сдѣлать для большихъ нѣкоторыя отступленія отъ общихъ правилъ. Напримѣръ, дозволено было пансіонерамъ высшихъ классовъ заниматься за отдѣльными столами, а не вмѣстѣ съ пансіонерами низшихъ классовъ; постановлено было, чтобы надзиратель дозволялъ пансіонерамъ старшихъ классовъ, въ случаѣ просьбы и надобности ихъ, оставаться для занятій въ пансіонѣ по вечерамъ и въ то время, когда младшіе пансіонеры, по ежедневному росписанію времени, должны уже ложиться спать, съ обязательствомъ однакоже для старшихъ пансіонеровъ вставать поутрамъ не позже младшихъ. Ученикамъ V, VI

и VII классовъ предоставлено было право имѣть у себя на рукахъ деньги съ тѣмъ однакоже условіемъ, что надзиратель имѣетъ право контролировать расходованіе денегъ. Относительно этого пункта главный инспекторъ училищъ писалъ: „Вполнѣ одобряю рѣшеніе педагогическаго совѣта. Кромѣ удержанія отъ увлеченія къ излишнимъ и, можетъ быть, предосудительнымъ расходамъ, эта мѣра пріучаетъ юношей вести аккуратный счетъ своимъ деньгамъ“. Нѣкоторые члены совѣта стояли и за другія права старшихъ пансіонеровъ сравнительно съ младшими, но на бо́льшія совѣтъ не согласился. Наприм., проектировалось дозволить ученикамъ старшихъ классовъ при отлучкѣ изъ пансіона объ этомъ только докладывать дежурному надзирателю, а не спрашивать на то дозволенія, какъ то обязательно было для пансіонеровъ младшихъ четырехъ классовъ. Ученику предоставлялось, по проекту, самому соображать какую пользу или вредъ приноситъ ему предполагаемый отпускъ. Но, по мнѣнію совѣта, трудно ожидать отъ ученика того глубокаго пониманія своихъ собственныхъ силъ и того строгаго обсужденія своихъ занятій, какое требовалось отъ него проектируемымъ правиломъ.

Хотя при смѣщеніи пансіонеровъ старшихъ классовъ имъ было объявлено, что условія ихъ пребыванія въ гимназіи будутъ тѣ же, что и вообще для всѣхъ приходящихъ учениковъ, однако директоръ отдалъ приказаніе надзирателямъ посѣщать ихъ почаще и иногда прилагалъ мѣры наказанія такія, какихъ невозможно было прилагать къ своекоштнымъ воспитанникамъ. Въ апрѣлѣ 1869 года доведено было до свѣдѣнія совѣта о томъ, что нѣкоторые стипендіаты пропускаютъ уроки безъ уважительныхъ причинъ. Въ совѣтѣ постановлено было подвергнуть ихъ денежному вычету изъ получаемыхъ ими стипендій, а вычетъ обратить въ депозиты гимназіи въ сумму на пособіе прилежнымъ бѣднымъ ученикамъ. Этому вычету подверглись слѣдующіе ученики: П—въ—1 руб., Д—въ—2 руб. 12 коп., И—нъ—4 руб., Л—въ—2 руб. 12 коп. и Б—въ Иванъ 5 руб. Въ октябрѣ 1867 г. постановлено было ученика М—рина за большое число пропущенныхъ имъ уроковъ лишить стипендіи за цѣлый мѣсяцъ.

Что касается до экзаменовъ, то въ 1866 и 1867 году они были произведены такъ, какъ производились и прежде, съ той только разницею, что тогда не было дано переэкзаменовокъ; но начиная съ 1868 г. испытанія были раздѣлены на двѣ части: а) до каникулъ и б) послѣ каникулъ. Въ этомъ случаѣ совѣтъ руководился правилами, введенными въ гимназіяхъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, которыя, по отзыву Рудакова, отличались строгостью и цѣлесообразностью предложенныхъ въ нихъ педагогическихъ мѣръ. Въ примѣненіи къ Тобольской гимназіи эти правила были нѣсколько измѣнены. Къ испытаніямъ до каникулъ положено было допустить только тѣхъ учениковъ, о которыхъ, судя по годовымъ балламъ преподавателей, болѣе или менѣе можно было предполагать, что они выдержатъ это испытаніе, именно тѣхъ, у которыхъ не было среднихъ годовыхъ неудовлетворительныхъ балловъ болѣе, чѣмъ по двумъ предметамъ; при этомъ однакоже дозволить тѣмъ изъ допущенныхъ

къ экзамену, которые этихъ экзаменовъ не выдержатъ, держать новое испытаніе послѣ каникулъ только изъ тѣхъ предметовъ, по которымъ они получили неудовлетворительные баллы, такъ какъ въ теченіе каникулъ они могли пополнить при помощи преподавателей своихъ знанія по этимъ предметамъ. Къ экзаменамъ послѣ каникулъ положено было допустить тѣхъ учениковъ, которые имѣли годовые неудовлетворительные баллы болѣе, чѣмъ по тремъ предметамъ, не подавали надежды на выдержаніе ими испытаній безъ особой на то подготовки, для того и было дано имъ свободное каникулярное время. Дѣлая однакоже эту поддержку для учениковъ слабыхъ силами, педагогическій совѣтъ въ 1869 году сдѣлалъ новый шагъ принятія болѣе строгой, но неупотреблявшейся еще до тѣхъ поръ мѣрѣ противъ самыхъ неуспѣшныхъ. Именно совѣтъ опредѣлилъ вовсе не допускать къ экзаменамъ и оставлять въ тѣхъ же классахъ тѣхъ учениковъ, которые, по годовымъ балламъ преподавателей, оказались неуспѣшными изъ половины или болѣе преподаваемыхъ въ классѣ предметовъ. Такихъ учениковъ считалось въ 1869 г. тринадцать. Что касается до упомянутой помощи преподавателей, то это было не пустымъ обѣщаніемъ, а потомъ совершившимся фактомъ. Чтобы экзамены послѣ каникулъ имѣли полезное значеніе, и чтобы ученики дѣйствительно подготовились къ этимъ испытаніямъ, совѣтъ предложилъ (въ 1869 году) родителямъ иногородныхъ неуспѣшныхъ учениковъ оставить ихъ въ Тобольскѣ на каникулы, если они сочтутъ нужнымъ воспользоваться тою помощью въ подготовкѣ, которую предлагало имъ гимназическое начальство. Нѣкоторые преподаватели заявили готовность давать по нѣскольку уроковъ во время каникулъ слабѣйшимъ изъ учениковъ; кромѣ того рѣшено было пригласить изъ учителей мѣстной семинаріи и уѣзднаго училища съ назначеніемъ имъ платы изъ суммъ гимназіи. Занятія съ неуспѣшными учениками начались съ окончанія лекцій, т. е. съ іюня, и продолжалось до начала испытаній въ августѣ, т. е. почти $2^1/_2$ мѣсяца. Во все это время преподавателями гимназіи было дано 137 уроковъ, *) а посторонними лицами 94 урока. Не всѣ учителя гимназіи принимали участіе въ этихъ вакаціонныхъ занятіяхъ—это могло зависѣть отъ чисто случайныхъ причинъ, напримѣръ, отпуска и т. п., но въ протоколѣ есть замѣтка, что эти занятія будутъ безполезнымъ трудомъ, безполезнымъ, конечно, не въ томъ смыслѣ, что слабые ученики не будутъ переведены въ высшіе классы, а въ томъ, что въ вакацію имъ лучше отдохнуть, освѣжиться, запастись физическими силами. Перейти ученики могутъ благодаря успѣшнымъ занятіямъ во время вакацій, но несомнѣнно, они устанутъ, измучаются и не будутъ въ состояніи изучать курса слѣдующаго класса. Эта мысль часто учителями забывается, и вмѣсто желаемаго успѣха получается иногда печальный результатъ.

---

*) Давали уроки: Бостремъ, Сидоренко, Водянниковъ, Тихомировъ, о. Иваницкій и Слаута.

Результатъ экзаменовъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Года.	Изъ I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	Окончили. VII.	Всего.	Уволено на осн. 63 §.
1866.	16	21	17	21	12	15	8	108	11
1867.	16	13	19	14	12	13	15	112	3
1868.	15	16	14	14	12	10	10	91	—
1869.	18	30	12	16	11	6	9	102	6
1870.							6		3
1871.									

Изъ всѣхъ приведенныхъ цыфръ наибольшее вниманіе обращаетъ на себя количество уволенныхъ въ 1866 году по § 63, т. е. какъ просидѣвшихъ два года въ одномъ и томъ же классѣ и неоказавшихъ успѣховъ. Съ педагогической точки зрѣнія тутъ не было ничего необыкновеннаго,—первый годъ новаго устава, въ которомъ предъявлялись иныя требованія сравнительно съ прежними годами, долженъ былъ ознаменоваться именно большимъ количествомъ уволенныхъ по § 63 устава, каковыхъ отъ предъидущихъ годовъ должно было накопиться много, потому что прежде оставляли въ одномъ и томъ же классѣ на три года, иногда на четыре,—но вопервыхъ вслѣдствіе необычайности явленія, а во вторыхъ вслѣдствіе того, что увольненіе состоялось безъ переэкзаменовокъ (тоже новость), гимназія возбудила противъ себя неудовольствіе родителей. Къ главному инспектору поступило много просьбъ о дозволеніи допустить учениковъ, оставленныхъ и уволенныхъ безъ переэкзаменовокъ, вновь къ экзамену. Инспекторъ предписалъ гимназіи нѣкоторыхъ учениковъ переэкзаменовать. Результатъ перевода измѣнился на 6 человѣкъ, а изъ уволенныхъ двое были переведены. Уволенные по классамъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: изъ I кл. уволенъ одинъ, изъ II—три, изъ III—три, изъ IV—четыре. Гимназія, очевидно, сдѣлала уступку обществу и высшему начальству, но на чьей сторонѣ была правда? Не рѣшая этого вопроса въ чью бы то ни было сторону, мы однако же должны сказать, что въ протоколахъ совѣта встрѣчаются поразительные факты вниманія гимназіи къ своимъ воспитанникамъ. 13 августа 1869 года записано слѣдующее постановленіе: „Объ ученикѣ VI кл. А—нѣ Л—вѣ, получившемъ при испытаніи неудовлетворительный баллъ изъ лат. языка, въ совѣтѣ было особое разсужденіе. Совѣтъ принялъ во вниманіе, съ одной стороны, переданное г. инспекторомъ заявленіе отца Л—ва, желающаго на будущій годъ отправить его для дальнѣйшаго образованія въ технологическій институтъ, гдѣ при поступленіи вовсе не требуется знаніе лат. языка, а съ другой стороны то обстоятельство, что при настоящемъ возрастѣ ученика Л—ва (18 л.) трудно ожидать отъ него

усиленой работы по лат. языку, а скорѣе можно ожидать, что по недостаточности знаній въ этомъ предметѣ, онъ не будетъ удостоенъ перевода и на слѣдующій годъ и потому долженъ будетъ вовсе оставить гимназію. Кромѣ того, по нѣкоторымъ предметамъ, какъ по матемматикѣ, по заявленію преподавателей, ему нечего будетъ дѣлать, оставаясь на другой годъ въ томъ же классѣ. До окончанія курса Л—ву остается одинъ годъ и переводъ его въ VII классъ, при недостаточныхъ знаніяхъ въ одномъ лат. языкѣ, не нарушаетъ однако учебнаго строя заведенія. Находясь же въ VII классѣ, если Л—въ захочетъ усилить свою работу по латинскому языку, то можетъ получить гимназическій аттестатъ, дающій ему полныя права окончившихъ курсъ въ классическихъ гимназіяхъ; если же занятія и успѣхи его въ лат. языкѣ будутъ по прежнему слабы, то онъ при достаточныхъ знаніяхъ прочихъ предметовъ получитъ свидѣтельство, хотя недающее ему вышеозначенныхъ правъ, но открывающее ему доступъ въ технологическій институтъ, составляющій предметъ его желанія". Окончили курсъ въ описываемое время: въ 1866 г. Николай Лукьяновъ, Николай Раленбекъ, Сергѣй Мечъ, Павелъ Баландовичъ, Константинъ Померанцевъ, Михаилъ Ѳоминъ, съ свидѣтельствами—Ещенко Александръ, Кремлевъ Леонидъ; въ 1867—Александръ Барковскій, Алексѣй Бучарининъ, Иванъ Бучарининъ, Александръ Дьяковъ, Петръ Кошкинъ, Дмитрій Курбановскій, Евгеній Плотниковъ, Николай Плотниковъ, Иванъ Помаскинъ, Константинъ Протопоповъ, Александръ Смоленъ, Николай Яковлевъ, Дмитрій Жилинскій, съ свидѣтельствами—Аполлонъ Низковскій, Степанъ Тюменцевъ; въ 1868 г.—Вл. Ильинъ, Алексѣй Пищальниковъ, Алексѣй Туполевъ, Никаноръ Черданцевъ, Алексѣй Ширковъ, Александръ Дудоладовъ, съ свидѣтельствами—Александръ Головко, Александръ Краузе, Алексѣй Неводчиковъ, Михаилъ Федоровскій; въ 1869 г.—Петръ Мюнхгаузенъ, Иванъ Побѣдухинъ, Иванъ Папинъ, Николай Суворцевъ, Михаилъ Потоцкій, Александръ Туполевъ, съ свидѣтельствами: Егоръ Александровъ, Александръ Волковъ, Василій Кашлаковъ; въ 1870 г.—Павелъ Волковъ, Сергѣй Моревъ, Иванъ Чуковскій, съ свидѣтельствами:—Влад. Кручокъ-Голубовъ, Аполлонъ Любимовъ, Конст. Ротовъ; въ 1871 г.—Василій Тутолминъ, Антонъ Петржкевичъ, Иванъ Поповъ, Андрей Мазуринъ, Алексѣй Шиповаловъ, Алексѣй Широковъ, Иванъ Михалевъ; съ свидѣтельствами:—Курбановскій Дмитрій, Николай Степановъ; получилъ аттестатъ экстернъ Александръ Албычевъ.

Съ начала 187½ учебнаго года былъ въ Тобольской гимназіи введенъ новый уставъ, дѣйствующій въ настоящее время, впрочемъ съ значительными отступленіями отъ первоначальнаго текста. По новому уставу въ гимназіи прибавился приготовительный классъ, въ которомъ въ первый годъ его существованія законъ Божій и русскій языкъ преподавались учителями гимназіи, а для преподаванія ариѳметики, чистописанія и гимнастики былъ приглашенъ учитель уѣзднаго училища Яновичъ. Приготовительный классъ былъ открытъ 1 октября 1871 года, причемъ при открытіи въ него поступило 12 учениковъ, число которыхъ къ концу учебнаго года возрасло до 20. Курсъ VII класса

вмѣсто годичнаго былъ сдѣланъ двухгодичнымъ. Но чтобы въ $187^1/_2$ уч. году не произошло перерыва въ поступленіи въ университетъ лицъ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, дозволено было выпустить лишь лучшихъ учениковъ. Испытаніе этихъ учениковъ должно было заключаться въ томъ, что они на темы, полученныя отъ окружнаго начальства (въ запечатанныхъ конвертахъ, вскрываемыхъ передъ самымъ началомъ экзамена), написали отвѣты и рѣшили математическія задачи (по одной изъ ариѳметики, алгебры, геометріи и тригонометріи). Этому письменному испытанію придано было рѣшающее значеніе. Затѣмъ уже экзаменующіе должны были держать устное испытаніе и тѣ изъ нихъ, которые при письменномъ испытаніи получатъ по древнимъ языкамъ и математикѣ въ среднемъ выводѣ $4^1/_2$ балла, а въ общемъ результатѣ по всѣмъ предметамъ не менѣе 4, могли быть удостоены аттестатовъ. Въ дополненіе къ этому министерскому циркуляру уже въ маѣ 1872 года полученъ былъ другой циркуляръ, пояснявшій, что къ предстоявшему выпускному экзамену могли быть въ 1872 г. допущены всѣ желающіе ученики VII класса, безъ различія ихъ годовыхъ успѣховъ, но всетаки выпущены съ аттестатами должны были быть тѣ, которые удовлетворятъ вышеприведеннымъ требованіямъ. Изъ сопоставленія требованій, существовавшихъ въ прежніе годы для полученія медалей оканчивающими курсъ, съ требованіями въ 1872 году для полученія аттестатовъ, мы видимъ, что послѣднія приближались къ тѣмъ, какія существовали прежде для полученія золотой медали. Правда, требованія 1872 г. для полученія аттестатовъ были нѣсколько легче существовавшихъ для полученія медали относительно балла, требуемаго въ общемъ выводѣ по всѣмъ предметамъ, за то они были труднѣе тѣмъ, что не дочеты въ баллахъ по основнымъ предметамъ уже не могли быть покрыты баллами по болѣе доступнымъ предметамъ, каковы законъ Божій, исторія, географія и проч. Въ Тобольской гимназіи въ $187^1/_2$ учебномъ году обучалось 12 учениковъ; изъ нихъ трое въ концѣ учебнаго года выбыли изъ гимназіи; къ экзаменамъ оставалось 9 учениковъ, изъ которыхъ по годовымъ отмѣткамъ могли быть допущены къ экзаменамъ только двое. Но одинъ изъ этихъ достойныхъ самъ отказался отъ экзамена. Не смотря на майскій циркуляръ никто не пожелалъ подвергаться испытанію, такъ что въ 1872 году на аттестатъ экзаменовался только одинъ, Однако и онъ экзамена не выдержалъ. Письменные отвѣты его оказались не отвѣчающими министерскимъ требованіямъ, хотя, сказано въ отчетѣ дирекціи за $187^1/_2$ уч. годъ, если бы экзаменъ этому ученику производился по правиламъ прежнихъ лѣтъ, то онъ былъ бы выпущенъ изъ гимназіи съ особымъ отличіемъ. Кромѣ упомянутыхъ перемѣнъ въ личномъ составѣ гимназіи за описываемое время произошли слѣдующія. Выбыли изъ службы: въ $186^4/_5$ уч. году Ефремовъ, въ 1866 г. Католинскій, въ 1867 г.—Матросовъ [1]) и экономъ Мал-

[1]) Матросовъ умеръ въ 1878 году, оставивъ послѣ себя болѣе 10,000 рублей денегъ въ въ различныхъ процентныхъ бумагахъ. Наслѣдниковъ послѣ него не оказалось, и черезъ 10 л. деньги Матросова, возросшія до 15136 руб. 52 к., достались гимназіи, которою употреблены на пріобрѣтеніе мѣста для постройки новаго зданія гимназіи рядомъ съ мѣстомъ, занимаемымъ пансіономъ.

ковъ, въ 187⁰/1 учебн. году Сидоренко и надзиратель П. Паутовъ. На мѣсто Ефремова преподавателемъ русскаго языка опредѣленъ въ 1865 году Николай Константиновъ Ливановъ. По окончаніи курса наукъ въ Томской гимназіи съ серебряной медалью онъ поступилъ въ Казанскій университетъ, гдѣ въ 1857 г. окончилъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента камеральныхъ наукъ и въ томъ же году поступилъ на службу въ главное управленіе Западной Сибири, откуда вышелъ въ отставку въ слѣдующемъ году. На мѣсто надзирателя Паутова былъ назначенъ изъ учителей Тюменскаго уѣзднаго училища Петръ Ѳедоровъ Волоховъ, на мѣсто Малкова—сотникъ Сибирскаго казачьяго войска Семенъ Федоровъ Дѣдовъ, уволенный отъ должности эконома въ 1869 году. Относительно названныхъ прежде лицъ, поступившихъ въ Тобольскую гимназію въ описываемое время, нужно сказать, что Водянниковъ, по окончаніи курса въ университетѣ въ 1868 году, поступилъ на службу въ главное управленіе Западной Сибири помощникомъ столоначальника, а Аристовскій, по окончаніи курса въ Казанской духовной академіи въ 1863 году, былъ опредѣленъ учителемъ словесности и латинскаго языка въ Томскую духовную семинарію, гдѣ также преподавалъ французскій языкъ и библейскую исторію. Изъ семинаріи въ 1864 году Аристовскій перешелъ въ гимназію на должность учителя латинск. языка, гдѣ за отсутствіемъ учителя словесности долгое время преподавалъ и словесность. Въ описываемый періодъ въ пансіонѣ Тобольской гимназіи учреждены три стипендіи: имени бывшаго главнаго инспектора училищъ дѣйств. стат. совѣт. А. В. Попова, имени С.-Петербургскаго 1-й гильдіи купца В. Т. Багашева и имени коллеж. ассесора Флавіана Горева. Первая, Высочайше утвержденная 8 мая 1867 года, составилась изъ пожертвованій, сдѣланныхъ чиновниками и преподавателями Тобольской гимназіи и училищъ Тобольской губерніи (капиталъ 1350 руб., стипендія 67 руб. 50 коп. въ годъ—выдается ученику на руки). Купецъ Багашевъ пожертвовалъ на стипендію 3000 руб.—для содержанія на проценты въ гимназіи одного воспитанника, преимущественно Курганскаго округа—родины жертвователя, съ тѣмъ, чтобы выборъ воспитанника былъ предоставленъ Курганскому городскому обществу, или педагогическому совѣту гимназіи, если общество не найдетъ достойнаго кандидата. Стипендія Высочайше утверждена 8 мая 1867 года; капиталъ въ настоящее время равняется 3900 руб., съ которыхъ получается процентовъ 195 руб. Стипендія имени Горева образовалась изъ пожертвованныхъ вдовой надворнаго совѣтника Маріею Рогальской 2150 руб. и Высочайше утверждена 31 августа 1870 года. Въ настоящее время капиталъ этотъ возросъ до 2200 руб. и даетъ % 109 руб. 66 коп. Къ послѣднимъ годамъ столѣтняго существованія Тобольской гимназіи относится учрежденіе при ней слѣдующихъ стипендій. Жители села Самаровскаго Тобольской губерніи, въ память посѣщенія этого села Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ въ 1873 году, собрали 3000 руб. съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала воспитывался въ Тобольской гимназіи одинъ изъ крестьянскихъ мальчиковъ Самаровской волости, именуясь во время своего обученія стипендіатомъ имени

Великаго Князя Алексѣя Александровича. Согласно Высочайше утвержденному положенію 31 декабря 1873 года, избраніе кандидата принадлежитъ обществу Самаровской волости. Стипендіатъ по окончаніи курса не обязывается какою либо службою. На капиталъ этотъ, возросшій въ настоящее время до 3100 руб., заключающійся въ 5% государственныхъ билетахъ, гимназія ежегодно получаетъ 155 руб. на содержаніе стипендіата имени Великаго Князя. Съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, послѣдовавшаго въ 4-й день апрѣля 1877 г., на счетъ процентовъ съ капитала въ 3000 руб., собраннаго жителями Тобольской губерніи, учреждена при гимназіи стипендія имени генералъ-адъютанта Хрущова. Проценты съ этого капитала, обращеннаго въ 5% государственные билеты и возросшаго въ настоящее время до 3250 руб., въ количествѣ 162 руб. 50 коп., употребляются на содержаніе и первоначальное обзаведеніе въ пансіонѣ гимназіи одного воспитанника изъ недостаточныхъ жителей г. Кургана или Курганскаго округа. Почему зачисленіе на стипендію предоставляется Курганской городской управѣ по сношенію директора Тобольской гимназіи. Стипендіатъ имени генерала Хрущова пользуется полною свободою избранія рода службы и занятій по своему усмотрѣнію. На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 13-й день мая и 13-й октября 1880 г., учреждены двѣ стипендіи при гимназіи на капиталъ, пожертвованный Тобольскою городскою думою, на содержаніе двоихъ стипендіатовъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II, изъ коихъ одна изъ городскихъ средствъ г. Тобольска въ 3000 руб. въ ознаменованіе совершившагося 19 февраля 1880 года—25-ти-лѣтія царствованія Его Величества, а другая изъ средствъ Городскаго общественнаго банка въ 3000 руб. по поводу изреченныхъ Его Величествомъ словъ 20 ноября 1878 года въ Москвѣ. Правомъ на стипендію пользуются дѣти жителей г. Тобольска безъ различія званія и вѣроисповѣданія ихъ родителей. Прошенія о принятіи въ число стипендіатовъ имени Императора Александра II подаются Тобольскому городскому головѣ. Избраніе же стипендіатовъ предоставляется Тобольской городской думѣ, по предварительномъ сношеніи съ директоромъ гимназіи объ успѣхахъ и поведеніи кандидатовъ, если обучаются уже въ гимназіи. Кончившіе и не окончившіе курса въ гимназіи стипендіаты пользуются полной свободой избранія рода службы и занятій по своему усмотрѣнію. Проценты съ этого капитала, въ размѣрѣ 3000 руб. употребляются по назначенію. На счетъ процентовъ съ капитала въ 2000 рублей, заключающагося въ облигаціяхъ 1-го восточнаго займа и въ 5% государственныхъ билетахъ, пожертвованнаго преподавателями Тобольской гимназіи и нѣкоторыми лицами г. Тобольска, въ 13-й день сентября 1881 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на учрежденіе стипендіи имени бывшаго директора Тобольской гимназіи Ф. В. Рудакова. Стипендія въ количествѣ 100 руб. выдается одному изъ бѣднѣйшихъ, но достойнѣйшихъ учениковъ гимназіи и по преимуществу изъ дѣтей лицъ, служащихъ и служившихъ по министерству народнаго просвѣщенія; избраніе кандидата всецѣло принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи. Съ Высочайшаго

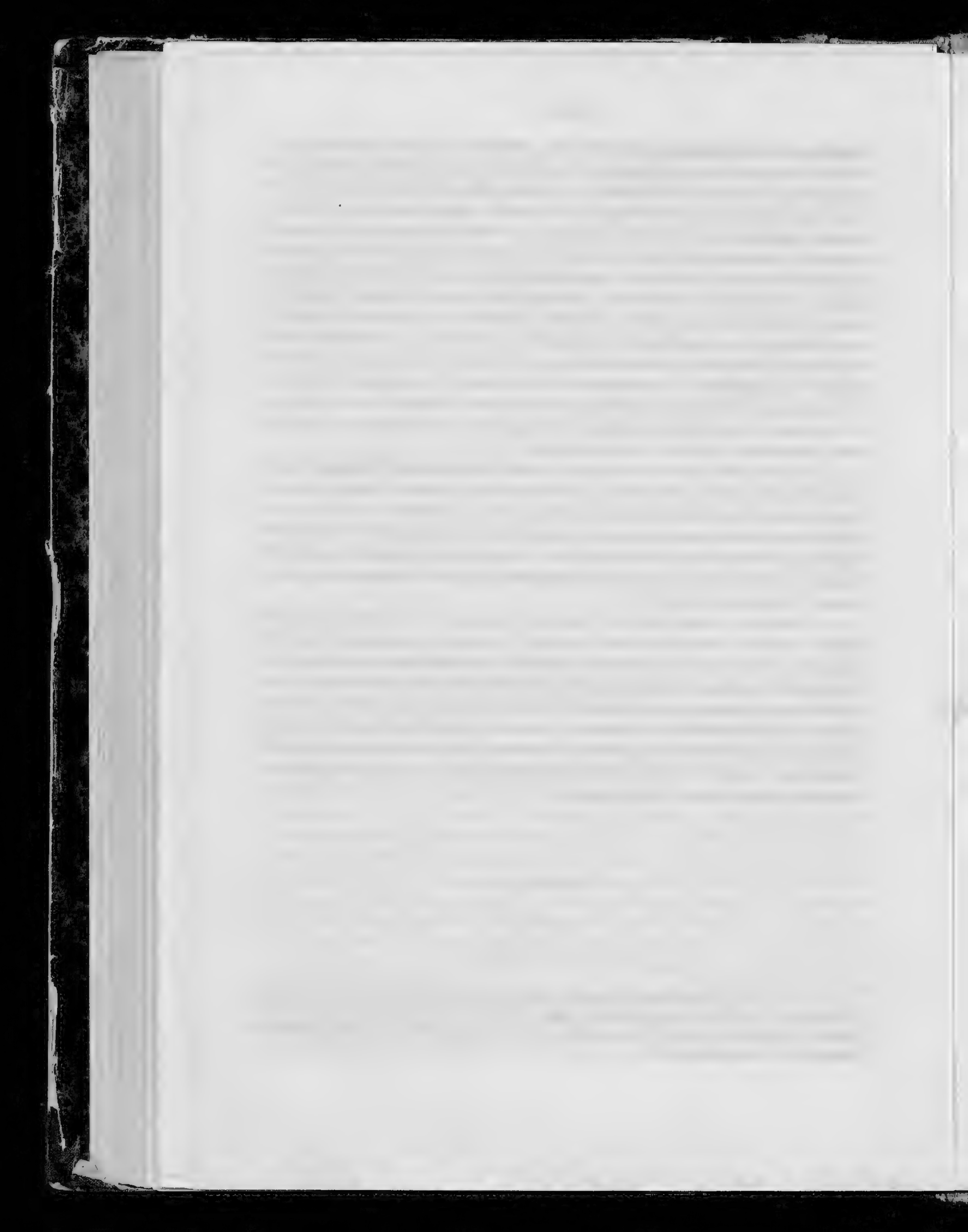
соизволенія, послѣдовавшаго въ 27-й день декабря 1884 года, въ память 300 лѣтняго юбилея Сибири учреждена при гимназіи одна стипендія имени Его Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго коммерціи совѣтникомъ Я. А. Нѣмчиновымъ капитала въ 5000 руб. Правомъ на стипендію пользуются ученики гимназіи, заслуживающіе того по успѣхамъ и поведенію и кромѣ того изъ числа дѣтей жителей г. Тобольска, православнаго вѣроисповѣданія безъ различія сословій. Избраніе въ стипендіаты, согласно волѣ жертвователя, предоставляется педагогическому совѣту гимназіи. Проценты съ капитала въ количествѣ 270 руб. въ годъ расходуются согласно назначенію. Въ настоящее время въ пансіонѣ Тобольской гимназіи считается 12 стипендій казны, 7—Демидовскихъ, *) 1—Жилина, 1—Селиванова, 1—Кичурова, 2—Гасфордта, 1—Попова, 1—Багашева, 1—Горева, 1—имени Великаго Князя Алексѣя Александровича, 1—Хрущова, 2—имени Императора Александра II, 1—Рудакова, 1—Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича.

24 іюля 1868 года осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ Тобольскую гимназію Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Учитель Слаута поднесъ Его Высочеству миніатюрные рукописные святцы, писанные въ 1713 году, а Шелутковъ—акварельный рисунокъ своей работы, изображающій единоборство Ермака, изготовленный для альбома Его Высочества, и надзиратель Павелъ Паутовъ—снятые имъ съ натуры фотографическіе виды историческихъ мѣстностей Тобольской губерніи.

1 іюня 1873 года гимназія была осчастливлена посѣщеніемъ Великаго Князя Алексѣя Александровича. Ученикъ VI класса за письменное привѣтствіе Его Высочеству получилъ въ подарокъ золотые часы съ цѣпочкой съ вырѣзанной на часахъ надписью: „Отъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича ученику Тобольской гимназіи Лавровскому“. Память посѣщенія Тобольской гимназіи увѣковѣчена въ ней золотыми буквами на металлическихъ доскахъ, висящихъ въ залѣ гимназіи рядомъ съ доской, на которой отмѣчено посѣщеніе гимназіи въ 1837 году Наслѣдникомъ престола Александромъ Николаевичемъ.

---

*) До 1881 г. Демидовскихъ стипендій было 10: Такъ какъ онѣ, въ силу дороговизны содержанія въ послѣднее время, оказались малы, то министръ въ 1881 г. разрѣшилъ считать вмѣсто 10 стипендій только 7 Демидовскихъ. По той же причинѣ и количество стипендій казны съ 20 сократилось до 12.

ПРИБАВЛЕНІЕ I.

№	Начальствующіе и учащіе.	Званіе.	Образовательный цензъ.	Время поступленія на службу въ Тоб. гимназ.	Время выбытія изъ гимназіи	Куда выбылъ.
	I. Директоры:					
1	Надворный совѣтникъ Андрей Андреевичъ Мыльниковъ. (и. д.)			съ 11 марта 1789 г.	11 іюля 1790 г.	
2	Титулярный совѣтникъ Иванъ Семеновичъ Булычевъ. (и. д.)			съ 17 іюля 1790 г.	въ сентябрѣ 1891 г.	
3	Надворный совѣтникъ Афанасій Афанасьевич. Дохтуровъ.			съ ноября 1791 г.	1799 г.	
4	Коллежскій асессоръ Іосифъ Филипповичъ Ишимовъ.			съ1799г.	1802 г.	
5	Титулярный совѣтникъ Иванъ Борисовичъ Лафитовъ. (и. д.) (см. ниже).	изъ духовн.	Окончилъ курсъ въ Петербург. учит. семинаріи.	и. д. директ. съ 1802 по 1805 г.		
6	Титулярный совѣтникъ Александръ Петровичъ Протопоповъ (и. д.). (см. ниже).	изъ духовн.	Окончилъ въ Тобольск. главномъ народномъ училищѣ.	и. д. директора съ 1805 по12іюн. 1808 г.		
7	Коллежскій совѣтникъ Августъ Христіановичъ Эйбенъ.	баронъ.		съ 1808 года.	25 сентября 1814 г.	Переведенъ въ Слободско-украинскую гимн.
8	Надворный совѣтникъ Адамъ Ивановичъ Арнгольдъ.	сынъ ювелира.	Экстраординарный проф. хирургіи и повивальнаго искуства при Казан. универ.	съ 1814 года.	въ февралѣ 1817 г.	Въ отставку.
9	Титулярный совѣтникъ Иванъ Андреевичъ Набережнинъ. (см. ниже).	изъ духовн.	Окончилъ курсъ въ Петер. уч. семинаріи. [1]	директ. съ сентября 1818 г.	въ ноябрѣ 1818 г.	Умеръ.

[1]) Изъ Тобольскихъ семинаристовъ.

10	Надворный совѣтникъ Григорій Абрамовичъ Протопоповъ.	изъ духовн.	Окончилъ курсъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ.	съ декабря 1819 г.	1827 г.	Переведенъ въ Пензу.
11	Надворный совѣтникъ Иванъ Павловичъ Менделѣевъ. (см. ниже).	изъ духовн.	Окончилъ курсъ въ глав. педаг. институтѣ.	директоромъ съ ноября 1827 г.	1834 г.	Въ отставку. Умеръ въ 1847 г.
12	Надворный совѣтникъ Василій Осиповичъ Грибовскій.	изъ духовнаго.	Окончилъ курсъ въ главн. пед. институтѣ.	съ 24 апрѣля 1835 г.	въ маѣ 1837 г.	Въ отставку.
13	Статскій совѣтникъ Евгеній Михайловичъ Качуринъ. (см. ниже).	изъ оберъ-офицерскаго.	Окончилъ курсъ въ Тобольской гимназіи.	директ. съ 1837 года.	1849 г.	Въ отставку.
14	Надворный совѣтникъ Порфирій Матвѣевичъ Чигиринцевъ.		Дѣйств. студентъ Харьковскаго университета по юрид. факультету	съ 4 января 1850 г.	1856 г.	Умеръ.
15	Статскій совѣтникъ Петръ Павловичъ Ершовъ. (см. ниже).	изъ штабъ-офицерскаго.	Кандидатъ С.-Петербургскаго университета по философскому факультету. [1])	директ. съ 1856 года.	1862 г.	Въ отставку. Умеръ въ 1869 г.
16	Дѣйствительный статскій совѣтникъ Филологъ Васильевичъ Рудаковъ.	изъ оберъ-офицерскаго.	Кандидатъ Казанскато университета по юридич. факультету.	съ 9 марта 1862 г.	1879 г.	Главнымъ инспекторомъ училищъ Восточной Сибири.
17	Дѣйствительный статскій совѣтникъ Петръ Ивановичъ Пановъ. (см. ниже).	изъ духовн.	Магистръ богословія Казанской дух. академіи.	директ. съ 1879 года.		
	II. Инспекторы:					
1	Евгеній Михайловичъ Качуринъ. (см. выше).			съ 1 мая 1836 г.		
2	Коллежскій совѣтникъ Иванъ Порфирьевичъ Помаскинъ. (см. ниже).	изъ оберъ-офицерскаго.	Окончилъ курсъ въ Тобольской гимназіи.	Инспекторъ съ 1837 г.	1844 г.	Въ отставк. Былъ потомъ почет. смотрител. Тоб. уѣздн. училища.

[1]) Изъ Тобольскихъ гимназистовъ.

3	Петръ Павловичъ Ершовъ. (см. выше и ниже).			Инспекторъ съ 1844 г.		
4	Коллежскій совѣтникъ Михаилъ Ивановичъ Доброхотовъ. (см. ниже).	изъ духовн.	въ главномъ педагогич. институтѣ.	Инспекторъ съ 1856 г.	1863 г.	Умеръ.
5	Статскій совѣтникъ Александръ Васильев. Плотниковъ. (см. ниже).	изъ оберъ-офицерскаго.	Кандидатъ Московскаго университета по философскому факультету. [1]	Инспекторъ съ 1863 г.	1866 г.	Умеръ.
6	Статскій совѣтникъ Македонъ Ивановичъ Емельяновъ. (см. ниже).	изъ духовн.	Кандидатъ Казанской дух. академіи. [2]	Инспекторъ съ 1866 по 1876 г.	1882 г.	Въ отставку; † въ августѣ 1882 г.
7	Петръ Ивановичъ Пановъ. (см. выше).			Инспекторъ съ 1876 г.		
8	Статскій совѣтникъ Францъ Осиповичъ Пикель. (см. ниже).	изъ дворянъ.	Дѣйствительный студентъ Московскаго университ. по математич. факультету.	Инспекторъ съ 1879 г.	1881 г.	Переведенъ въ Тюмен. реал. училищ.; нынѣ засл. преподав. этого учил.
9	Коллежскій совѣтникъ Иванъ Андреевичъ Введенскій.	изъ духовн.	Кандидатъ С.-Петербургскаго университета по филологическому факультету.	съ 1881 года.	1886 г.	Въ Вилен. учебн. окр. Нынѣ инспек. Витеб. гимназіи.
10	Статскій совѣтникъ Александръ Александр Смолевъ. [3] (см. ниже).	изъ дворян.	Дѣйствительный студ. Московск. университета по математическому факультету.	Инспекторъ съ 1886 г.		
	III. Учителя главнаго народнаго училища:					
1	Учитель физико-математическихъ наукъ III и IV классовъ Тимофей Воскресенскій.	изъ духовнаго.	Окончилъ курсъ въ Петербургской учительской семинаріи.	съ 1789 года.	1795 г.	Переведенъ въ Тульское главн. нар. училище.
2	Учитель историческ. наукъ III и IV клас. Иванъ Борисовичъ Лафитовъ. (см. выше).			съ 1789 года.	1810 г.	Умеръ.

[1]) Изъ Тобольскихъ гимназистовъ.
[2]) Изъ Тобольскихъ семинаристовъ.
[3]) Изъ Тобольскихъ гимназистовъ.

3	Учитель II класса Василій Прутковскій. (потомъ учит. матем. наукъ III и IV классовъ).	изъ духовн.	Окончилъ курсъ въ Петербургск. учит. семинаріи.	съ 1789 года.	1802 г.	
4	Учитель I класса Иванъ Андреевичъ Набережнинъ. (см. выше).			съ 1789 года.		
5	Учитель физико-математическихъ наукъ III и IV классовъ Алексѣй Семеновичъ Пискаревъ.	изъ духовн.	Окончилъ курсъ въ С.-Петербур. учит. семинаріи.	съ марта 1802 г.	въ сентябрѣ 1816 г.	Переведенъ въ Симбирскую гимн.
6	Учитель II класса Александръ Петровичъ Протопоповъ. (б. пом. уч. I клас.). (см. выше).			съ февраля 1792 г.	въ мартѣ 1810 года.	Назначенъ смотрителемъ Тоб. уѣзднаго училища.
7	Помощникъ учителя I класса Гавріилъ Кулаковъ.	изъ духов. [1]		съ 1789 года.	1792 г.	
8	Помощникъ учителя I класса Андрей Кузьмичъ Бѣлорусцевъ.	изъ духовн.	Окончилъ курсъ въ Тобольскомъ главномъ народномъ училищѣ.	съ 1795 года.	1810 г.	Назначенъ учителемъ I класса Тоб. уѣздн. училища.
9	Преподаватель татарскаго языка соборный священникъ Іосифъ Гигановъ.	изъ духовн.	Окончилъ курсъ въ Тобольской духовной семинаріи.	съ 1792 года.	1800 г.	Умеръ.
10	Преподаватель татарскаго языка Гассанъ Сейфуллинъ.	изъ казанскихъ татаръ сынъ муллы.	Окончилъ курсъ въ Казанской гимназіи.	съ 1802 года.	1816 г.	Вышелъ въ отставку.
11	**Учителя Тоб. гимн.** [2] Учителя естественной исторіи: [3] Семенъ Алексѣевичъ Гаретовскій. (преподавалъ также латинск. языкъ).	изъ духовнаго.	Окончилъ курсъ въ Петербургскомъ педагогическ. институтѣ.	Декабрѣ 1807 г.	Въ маѣ 1818 г.	Умеръ.

[1]) Тобольскій уроженецъ.

[2]) Изъ главнаго народнаго училища въ гимназію перешли учителя: математики и физики—Пискаревъ, исторіи, географіи и статистики—Набережнинъ.

[3]) До 1819 г. естественной исторіи, коммерческихъ наукъ и технологіи.

12	Учитель тѣхъ же предметовъ (потомъ истор., геогр. и статистики) Иванъ Порфирьевичъ Помаскинъ. (см. выше).			съ февраля 1819 г.		
13	Учитель тѣхъ же предметовъ Александръ Васильевичъ Виноградскій.	сынъ чиновн.	Окончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ. *)	съ авг. 1821 г.	въ авг. 1825 г.	Перев. въ Саратовъ; былъ Тоб. губернаторъ съ 1859 по 1863 г.
14	Учитель тѣхъ же предмет. Александръ Гурьяновъ.	изъ дворян.	Тамъ же.	съ сентября 1825 г.	1831 г.	
15	Учитель исторіи, географіи и статистики Евгеній Яковлевичъ Лебедевъ.	изъ духовн.	Окончилъ курсъ въ педагогич. институтѣ.	съ окт. 1818 г.	1821 г.	Выбылъ къ другой должности.
16	Учитель физико-математическихъ наукъ Василій Петровичъ Вознесенскій.	изъ духовн.	Окончилъ курсъ въ педагогич. институтѣ.	съ іюня 1816 г.	въ іюнѣ 1823 г.	Умеръ.
17	Учитель физико-мат. наукъ Иванъ Семеновичъ Купавинъ.	изъ дворянъ.	Окончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ.	съ декабря 1827 г.	1833 г.	Уволенъ изъ учебн. вѣдомства.
18	Учитель физико-мат. наукъ Петръ Александровичъ Каптеревъ.	изъ оберъ-офицер. дѣтей.	Окончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ.	съ дек. 1833 г.	1841 г.	Въ главное управленіе З. Сибири.
19	Учителя философіи, изящныхъ наукъ и политич. экономіи; (съ 1819 г. логики и русской словесности): Менделѣевъ. (см. выше).			съ декабря 1807 г.	въ окт. 1818 г. назн. б. дир. въ Тамбов. гим., отк. въ 1827 г перев. въ Тобол.	
20	Викторъ Петровичъ Бобановскій.	изъ оберъ-офицер. дѣтей.	Окончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ.	съ декабря 1818 г.	1821 г.	Переведенъ въ Саратов. гимназію.
21	Александръ Семенов. Маклаковъ.	сынъ чиновн.	Окончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ.	съ ноября 1821 г.	1826 г.	Переведенъ въ Казан. гимназію.

*) Изъ Тобольскихъ гимназистовъ.

22	Иванъ Өедоровичъ Шелаевъ.	изъ об.-офицер. дѣтей.	Окончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ.	съ февраля 1826 г.	1831 г.	
23	Константинъ Петровичъ Бобановскій.	изъ об.-офицер. дѣтей.	Окончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ.	въ августѣ 1834 г.	1836 г.	Въ Иркут. гимназ.
24	Законоучители: священ. Петръ Ивановичъ Михайловскій.	изъ духовн.	Окон. курсъ въ Тоб. духовной семинаріи.	съ мая 1812 г.	въ декабрѣ 1827 г.	Уволенъ по прошенію.
25	Священникъ Василій Николаевичъ Поповъ.	изъ духовнаго.	Тамъ же.	съ декабря 1827 г.	1834 г.	въ отставк.; препод. Зак. Божій въ Тоб. уѣзд. училищѣ.
26	Священникъ Стефанъ Васильевичъ Цвѣтковъ.	изъ духовн.	Тамъ же.	съ сентября 1834 г.	1838 г.	Освобожд. отъ должн. законоуч.
27	Учителя лат. языка: Иванъ Оливьеръ.			съ апрѣля 1809 г.	въ іюлѣ 1810 г.	
28	Кондратъ Семеновичъ Сосуновъ.	изъ духовн.	Окончилъ курсъ въ Тобольской духовной семинаріи.	съ декабря 1816 г.	въ іюлѣ 1817 г.	Назначенъ смотр. уѣзд. учил. въ Курганъ.
29	Василій Егоровичъ Яблонскій.	изъ духовн.	Окончилъ курсъ въ Казанской дух. академіи.	съ іюля 1817 г.	1821 г.	Переведенъ въ Пензен. гимназію.
30	Степанъ Александровичъ Троицкій.	изъ духовн.	Окончилъ курсъ въ Московской дух. академіи.	съ августа 1823 г.	1834 г.	Переведенъ въ Астрах. гимназію.
31	Петръ Кузьмичъ Рѣзановъ.	изъ духовн.	Окончилъ курсъ въ Тоб. духов. семинаріи.	съ марта 1834 г.	1851 г.	Въ отставку.
32	Учителя нѣмецкаго языка: Николай Тиманъ.	Шведск. націи. Подпор.		съ марта 1810 г.	1814 г.	
33	Николай Ивановичъ Зибенгаръ.	Саксон. націи. Оберъ-офицер. сынъ.	Окончилъ курсъ въ Петербургской гимназіи.	съ января 1816 г.	1817 г.	Переведенъ въ Вятскую гимназію.
34	Иванъ Богдановичъ Штицингъ.	Прусск. нац. изъ солдат. дѣтей.	Выдерж. экзам. на званіе учителя нѣмец. и франц. языка.	съ марта 1824 г.	въ іюлѣ 1829 г.	Умеръ.

35	Павелъ Осиповичъ Леманъ.	Поселен. изъ иностранц.		съ мая 1830 г.	1840 г.	Умеръ.
36	Учителя рисованія: Александръ Петровичъ Калмыковъ.	изъ черкесовъ.	Окончилъ курсъ въ академіи художествъ.	въ іюнѣ 1809 г.	съ августа 1817 г.	Перемѣщ. смотрител. уѣзд. уч. въ Ишимъ.
37	Павелъ Петровичъ Католинскій.	изъ незаконнорожденныхъ.	Учился въ Тобольской гимназіи.	съ марта 1831 г.	по 1848 и потомъ съ 1851 по 1866 г	Въ отставку.
38	Учитель исторіи и статистики Тимофей Васильевичъ Лукинъ.	изъ оберъ-офицерскаго.	Окончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ дѣйств. студ.	съ 29 августа 1837 г.	въ февр. 1838 г.	Въ Томскую гимназію.
39	Учитель нѣмецкаго языка пасторъ Францъ Богдановичъ Гильденгагенъ.	изъ благородн. званія нѣмецк. націи.	Обученъ въ Дерпт. универ. теологіею.	съ 29 августа 1836 г.	въ март. 1839 г.	Освобожд. отъ должности учителя.
40	Учитель словесности Ершовъ (см. выше).			съ 10 іюня 1836 г.		
41	Учитель русск. истор., исправляв. долж. учит. судопроизводства и судоустройства Андрей Андреевичъ Романовъ.	изъ штабъ-офицерскаго.	Дѣйствительный студентъ Казанскаго университ. по нравственно-политическому отдѣленію. *)	съ 5 ноября 1836 г.	1840 г.	Въ Томскую гимназію.
42	Учитель математики Николай Андреевичъ Романовъ.	Тоже.	Дѣйствительный студентъ Казанскаго университ. по физико-математическому факультету. *)	съ 24 августа 1837 г.	1840 г.	По болѣзни уволенъ отъ службы по Минстерст. народнаго просвѣщен.
43	Законоучитель Степанъ Яковлевичъ Знаменскій.	изъ духовнаго.	Окончилъ курсъ въ Тобольской дух. семинаріи.	съ 12 апрѣля 1838 г.	1840 г.	Архіереемъ переведенъ въ Ялутор.
44	Учитель искусствъ Генрихъ Фридриховъ. Мертличъ.	изъ незаконнорожденныхъ.	Въ академіи художествъ.	съ 15 апрѣля 1838 г.	1846 г.	Уволенъ по прош. для поступ. на граж. служ.
45	Учитель законовѣдѣнія Александръ Павловичъ Озеровъ.	изъ дворянъ.	Дѣйствит. студ. Казан. университета по нравственно-политическому отдѣлен.	съ 28 мая 1838 г.	1841 г.	Въ Томскую гимназію.

*) Романовы изъ Тобольскихъ гимназистовъ.

46	Учитель судоустройства и судопроизводства Дмитрій Яковлевичъ Малосапожковъ.	изъ духовнаго званія.	Въ главномъ педагогическомъ институтѣ.	съ 12 января 1839 г.	1848 г.	Столоначальникомъ въ главное управленіе Западной Сибири.
47	Учитель исторіи и статистики Михаилъ Ивановичъ Доброхотовъ. (см. выше).			съ 12 января 1839 г.		
48	Учитель латинскаго языка Николай Юрьевичъ Козловскій.	изъ дворянъ.	Кандидатъ философіи по физико-математическому отдѣленію въ Виленскомъ университетѣ.	съ 25 мая 1839 г.	1849 г.	Умеръ.
49	Учитель нѣмецкаго языка Титъ Осиповичъ Цеглярскій.	Тоже.	Выдержалъ экзаменъ на званіе учителя нѣмецкаго языка въ Каменецъ-Подольской гимн.	съ 16 декабря 1839 г.	1845 г.	Умеръ.
50	Законоучитель Николай Юшковъ.	изъ духовнаго.	Окончилъ курсъ въ Тобольской дух. семинаріи.	съ 27 января 1840 г.	1845 г.	Умеръ.
51	Учитель русскаго языка и географіи Сергѣй Григорьевичъ Дилигенскій.	изъ духовнаго.	Воспит. въ главномъ пед. институтѣ въ среднемъ отдѣленіи.	съ 28 іюня 1840 г.	1841 г.	Умеръ.
52	Учитель математики Егоръ Ивановичъ Величковскій.	изъ дворянъ.	Кандидатъ Московскаго университета физико-математическаго факультета.	съ 28 марта 1841 г.	1846 г.	Уволенъ по прошенію.
53	Учитель французскаго языка Николай Афанасьевичъ Волковъ.	изъ вольноотпущенныхъ.	Слушалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ.	съ 10 января 1839 г. (учитель съ 28 ноября 1842 г.)	1856 г.	Умеръ.
54	Учитель русскаго языка и географіи Гавріилъ Петровичъ Казанскій.	изъ дворянъ.	Обучался въ среднемъ отдѣленіи главнаго педагогическаго института.	съ 30 октября 1841 г.	1850 г.	По прошенію въ отставку.

55	Учитель законовѣдѣнія Михаилъ Лонгиновичъ Поповъ.	изъ духовнаго.	Окончилъ курсъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ.	съ 12 февраля 1842 г.	1859 г.	Опредѣлен. директоромъ училищъ Томской губ.
56	Учитель математики Иванъ Карловичъ Руммель.	изъ оберъ-офицерскаго.	Въ главномъ педагогическомъ институтѣ.	съ 12 февраля 1842 г.	1850 г.	По прошенію въ отставку.
57	Надзиратель при пансіонѣ Фирсъ Васильевичъ Ростиславовъ.	изъ духовнаго.	Студентъ Вологодской семинар.	съ 1 февраля 1844 г.	1844 г.	Уволенъ отъ должности.
58	Учитель словес и лог. Александръ Васильев. Плотниковъ. (см. выше).			съ 13 іюня 1844 г.		
59	Надзиратель Сильванъ Ѳедотовичъ Маршаловъ.	изъ податн. состоян.	Обучался въ Курганскомъ уѣздн. училищѣ.	съ 15 ноября 1844 г.	1854 г.	Переведенъ учителемъ въ Тобол. уѣздн. уч.
60	Законоучитель Левъ Ѳедоровичъ Ивапицкій.	изъ духовнаго.	Окончилъ курсъ въ Тобольской семинаріи.	съ 15 марта 1845 г.	1875 г.	Въ отставку.
61	Учитель искусствъ Денисъ Петровичъ Шелутковъ.	изъ податн. состоян.	Въ академіи художествъ.	съ 19 апрѣля 1846 г.	1880 г.	Въ отставку.
62	Учитель нѣмецкаго языка Ричардъ Григорьевичъ Бостремъ.	Тоже.	Обучался въ среднемъ отдѣленіи педагогич. института.	съ 25 января 1846 г.	1872 г.	Въ отставку.
63	Учитель математики Николай Алексѣевичъ Стукальскій.	изъ оберъ-офицерскаго.	Дѣйствительный студентъ Казанскаго университ. по физико-матем. факультету *).	съ 5 іюля 1846 г.	1859 г.	Переведенъ въ Томскую гимназію инспектор.
64	Надзиратель Иванъ Осиповичъ Семашко.	Тоже.	Обучался въ Казанской гимн.	съ 19 января 1846 г.	1851 г.	Уволенъ по прошенію.
65	Учитель судоустройства и судопроизвод. Яковъ Ивановичъ Игнатьевъ.	изъ дворянъ.	Дѣйствит. студ. Казан. универс. юридическаго факультета *).	съ 27 марта 1848 г.	1856 г.	
66	Учит. геогр., потомъ законовѣдѣнія Павелъ Трифоновичъ Матросовъ.	изъ податн. состоян.	Кандидатъ Казан. универ. *)	съ 12 ноября 1850 г.	1867 г.	Въ отставку.

*) Изъ Тобольскихъ гимназистовъ.

67	Учитель русск. языка Цевелъ Александров. Бѣлорусцевъ.	изъ штабъ-офицер-скаго.	Дѣйствительный студентъ Казан-скаго универ. *).	съ 14 декабря 1851 г.	1863 г.	
68	Учитель математики Андрей Степановичъ Словцовъ.	Изъ об.-офицер.	Кандидатъ Казанскаго университета *).	1852 г.	1855 г.	†
69	Надзиратель при пансіонѣ Богданъ Брейтфусъ.	Изъ мѣщан.	Обуч. въ Пет. Петроковс. лютер. училищѣ.	съ 3 ноября 1851 г.	1856 г.	Въ Ишим-ское учил.
70	Учитель математики Петръ Карповичъ Криницынъ.	изъ податн.	Дѣйствит. студ. Казанскаго университета.	съ 25 февраля 1857 г.	1864 г.	Въ Том-скую гимназію.
71	Учитель русскаго яз. Капитонъ Ивановичъ Ширскій.	изъ духов-наго.	Окончилъ курсъ въ глав. педагог. институтѣ.	съ 17 августа 1857 г.	1861 г.	Переведен. въ Россію.
72	Учитель географіи Василій Васильевичъ Кузьминъ.	изъ об.-офицер.	Дѣйствительный студентъ Казан-скаго универ. *).	съ 15 октября 1859 г.	1865 г.	Въ отстав-ку.
73	Учитель французъ. яс. Осипъ Станиславов. Палюлонъ.	Тоже.	Окончилъ курсъ въ Кромской гимназіи.	съ 1 апрѣля 1861 г.	1875 г.	отъ службы по разстр. здоровью.
74	Учитель математики и физики Иларіонъ Михайловичъ Слаута.	изъ духов-наго званія.	Окончилъ курсъ въ С.-Петербург. дух. академіи.	съ 29 іюля 1860 г. назнач. учител.	1872 г.	въ отставк.; былъ инсп. Мар. школ. до 1887 г.
75	Учитель лат. языка Македонъ Ивановичъ Емельяновъ. (см. выше).			съ 25 января 1862 г.		
76	Учитель естественной исторіи Иванъ Алексѣевичъ Тверитинъ.	Тоже.	Въ Горыгорѣцк. земледѣльческой школѣ.	съ 8 января 1864 г.	1871 г.	Въ отстав-ку.
77	Надзират. при пансіон. Александръ Дмитріев. Паутовъ.	изъ податн. состоян.	Обучался въ Тобольской гимназіи.	съ 14 февраля 1864 г.	1886 г.	Въ отстав-ку.
78	Надзиратель за воль-ноприходящими Павелъ Семеновичъ Паутовъ.	Тоже.	Окончилъ курсъ въ Тобольской гимназіи.	съ 4 апрѣля 1864 г.	1871 г.	Въ другое вѣдомство.
79	Учитель русск. слов., потомъ истор. и геогр. Петръ Васильевичъ Бильдинскій.	изъ духовн. званія.	Въ главномъ нед. инстит. съ зван. старш. учителя.	съ 20 марта 1864 г.	1868 г.	Въ Том-скую гим-назію.

*) Изъ Тобольскихъ гимназистовъ.

80	Учитель исторіи Иванъ Яковлевичъ Христофоровъ.	Тоже.	Кандидатъ Казанской дух. академіи *).	съ 9 октября 1864 г.	1865 г.	Въ Симбир. гимназію.
81	Учитель русск. языка Николай Константин. Ливановъ.	изъ оберъ-офицер. дѣтей.	Дѣйств. студен. камеральныхъ наукъ Казанск. университета.	съ 30 сентябр. 1865 г.	1871 г.	Въ отставку по болѣзни.
82	Учитель русск. языка Николай Андреевичъ Ефремовъ.	изъ штабъ-офицерскаго званія.	Кандидатъ Каз. университета *).	съ 15 марта 1862 г.	1865 г.	Въ питейно-акцизн. управленіе.
83	Учитель математики Петръ Трофимовичъ Сидоренко.	изъ дворянъ.	Въ недаг. инст. съ зван. старш. учителя.	съ 21 января 1865 г.	1870 г.	Въ Омскую гимназію.
84	Сверхъ штатный учитель географ. и потомъ учитель русск. языка Константинъ Павлов. Можайскій.	изъ штабъ-офицер.	Не окончилъ курса въ главн. педагогич. инст.	съ 28 мая 1865 г.	по 5 янв. 1866 г. и съ 1869 г. 5 сент.	Въ 1881 г. въ отставк.
85	Учитель латинск. яз. Иванъ Александровичъ Аристовскій.	изъ духовн.	Окончилъ курсъ въ Казанской духовн. академ.	съ 11 января 1868 г.	1871 г. мая 10.	Въ Красн. гимн. учит. латин. яз.
86	Учитель истор. и геогр. Митрофанъ Васильев. Водянниковъ.	изъ оберъ-офицер. дѣтей.	Окончилъ курсъ въ Москов. унив. съ зван. дѣйств. студен. **).	съ 26 декабря 1868 г.	1883 г. іюня 1.	Въ Омскую уч. семин.; теперь директоръ ея.
87	Законоучитель римско-католич. исповѣданія Венедиктъ Ивановичъ Концевичъ.	изъ дворянъ	Окончилъ курсъ въ римско-катол. семинаріи.	въ 1869 г.	1879 г.	Уѣхалъ въ Россію.
88	И. д. воспитателя и помощ. клас. наставн. Петръ Ѳедоровичъ Волоховъ.	изъ оберъ-офицер. дѣтей.	Окончилъ курсъ въ Тобольской гимназіи.	съ 25 февраля 1871 г.	1873 г. іюля 23.	Въ отставку.
89	Учитель математики Францъ Іосифовичъ Пикель. (см. выше).			съ 25 ноября 1871 г.		
90	Воспитатель пансіона Василій Александров. Соколовъ.	изъ духовн.	Въ главномъ педагог. инстит.	съ 25 ноября 1871 г.	1883 г.	Въ отставку.

*) Изъ Тобольскихъ семинаристовъ.
**) Изъ Тобольскихъ гимназистовъ.

91	Учитель русскаго яз. Дмитрій Ивановичъ Тихоміровъ.	изъ духовн.	Въ Казан. дух. академіи.	съ 14 октября 1871 г.	1879 г.	Въ Омскую гимназію директор.
92	Учитель матем. и физ. Александръ Александровичъ Смолевъ. (см. выше).			съ 23 марта 1872 г.		
93	Учитель нѣмец. яз. Владиміръ Николав. Никоровичъ.	сынъ священ.	Въ Казан. унив. съ зван. дѣйст. студента.	съ 9 марта 1873 г.	1875 г. февр. 7.	Въ отставку.
94	Воспит. пансіона гим. Викторъ Ивановичъ Соколовъ.	изъ об.-офицер. дѣтей.	Въ главномъ педагогич. инст.	съ 14 іюля 1872 г.	1875 г. нояб. 7.	Въ отставку.
95	Учитель исторіи и географіи Алексѣй Ивановичъ Неводчиковъ.	изъ мѣщанъ.	Въ Казанскомъ универ. съ зван. дѣйств. студ. *).	съ 23 іюля 1873 г.	1875 г. авг. 20.	Для пост. въ другое вѣдомство.
96	Воспитатель пансіона Николай Васильевичъ Яковлевъ.	изъ мѣщанъ.	Въ Казанскомъ универ. со степ. кандидата.	съ 23 іюля 1873 г.	1880 г. сент. 26.	Перешелъ въ другой уч. окр.
97	Помощ. классн. настав. Николай Сергѣевичъ Томошевскій.	изъ дворянъ	Въ Тобольской гимназіи.	съ 14 сентябр. 1843 г.	1875 г. авг. 6.	Въ Омское уѣздн. уч. учит.
98	Учитель древн. язык. Сергѣй Ивановичъ Степановъ.	сынъ чиновника.	Въ Император. филологич. институтѣ.	съ 4 іюня 1874 г.	1876 г.	Въ Томск. гимназію.
99	Священникъ Петръ Дмитріевичъ Головинъ.	изъ духовн.	Въ Казанской дух. академіи.	съ 1 марта 1875 г.	1877 г.	Назн. ректор. дух. семин. въ Тобол.
100	Помощн. клас. настав. Алексѣй Ивановичъ Аѳонинъ.	изъ податн.	Выдерж. испыт. на званіе учит. уѣздн. учил.	съ 11 августа 1875 г.		
101	Учитель нѣмец. языка Магнусъ Богдановичъ Ганфъ.	сынъ канцел. служит.	Выдерж. испыт. въ Немировск. гимназіи.	съ 27 сентяб. 1876 г.	1886 г.	Въ отставку.
102	Учитель исторіи и географіи Иванъ Павловичъ Львовъ.	сынъ священ.	Въ Казан. унив. съ зван. дѣйств. студента.	съ 1 іюля 1876 г.		
103	Учит. русскаго языка и словесности Константинъ Матвѣев. Вяткинъ.	изъ купеческаго.	Въ Казанскомъ универ. съ зван. дѣйствит. студен.	съ 13 іюля 1876 г.	1877 г. іюня 24.	Въ Томск. гимназію.

*) Изъ Тобольскихъ гимназистовъ.

104	Учитель приготовительнаго класса Иванъ Несторовичъ Кизеровъ.	изъ воен. сынъ писаря I клас.	Изъ VII клас. Тобольской гимназіи.	съ 13 октябр. 1876 г.	1877 г.	Смотрит. Ялуторов. училищъ.
105	Законоучит. протоіер. Матѳій Ѳеодоровичъ Боголѣповъ.	сынъ священ.	Въ Казан. дух. академіи.	съ 16 октября 1877 г.		
106	Учитель древн. язык. Степанъ Ивановичъ Гашинскій.	изъ духовн.	Въ Император. историко-филол. институтѣ.	съ 4 іюня 1877 г.		
107	Учитель францүз. яз. Павелъ Спиридоновичъ. Такелла.	иностр. франц. поддан.	Выдерж. экзам. въ испыт. комит. Кіев. учеб. окр.	съ 31 іюля 1877 г.	1884 г.	Въ Петрозаводскую гимназію.
108	Учитель пригот. клас. Михаилъ Алексѣевичъ Заостровскій.	изъ духовнаго.	Выпущенъ изъ II курса Имп. истор. филол. институт.	съ 1 марта 1877 г.	1880 г.	Въ Тюмен. реальное училище.
109	Учит. русск. яз. и слов. Николай Аѳанасьевичъ Куратовъ.	Изъ духовн.	Въ С.-Петерб. историко-филол. институтѣ.	съ 3 іюня 1879 г.		
110	Учитель латин. языка Владиміръ Карловичъ Станкевичъ.	изъ дворянъ.	Въ С.-Петерб. главномъ педаг. институтѣ.	съ 21 іюня 1879 г.	1886 г.	Въ Томск. реал. учил. учит. фран. языка.
111	Учитель пригот. клас. Владиміръ Ильичъ Чайковскій.	изъ дворянъ.	Въ Глуховск. учител. институт.	съ 1 августа 1880 г.	1882 г.	Въ Семипалатинскъ инспектор. город. училища.
112	Помощн. классныхъ наставниковъ Владиміръ Ивановичъ Рачинскій.	изъ оберъ-офицер. дѣтей.	Въ Тоб. гимн. до VII клас.	съ 17 іюля 1880 г.	1873 г.	Въ Берез. смотрител.
113	Помощ. классн. наст. Флегонтъ Яковлевичъ Покровскій.	изъ духовнаго званія.	Въ Томск. дух. семинаріи.	съ авг. 1880 г.	1881 г.	Въ Казен. Палату.
114	Учитель русск. языка Ал. Мих. Усанинъ.	сынъ мѣщан.	Въ С.-Пет. ис.-ф. инстит.	съ іюня 1881 г.	въ авг. 1881 г.	Найденъ † на берегу Иртыша.

115	Учитель математики Алексѣй Петровичъ Доронинъ.	изъ оберъ-офицер. дѣтей.	Въ Казанск. университетѣ.	съ 1 августа 1881 г.	1888 г.	Въ Омскую гимназію.
116	Учит. русск. и лат. яз. Григорій Андреевичъ Цвѣтаевъ.	сынъ священ.	Въ историко-филолог. инстит.	съ 11 октября 1881 г.		
117	Учитель чистописанія Дмитрій Егоровичъ Серебренниковъ.	изъ крестьянъ.	Въ Строганов. центр. училищѣ технич. рисов.	съ 9 іюля 1882 г.	1888 г.	Въ отставку.
118	Учитель приготов. клас. Михаилъ Васильевичъ Орестовъ.	изъ духовнаго.	Въ Омской учительской семинаріи.	съ 3 сентябр. 1882 г.	1888 г.	Въ Ишимъ смотрител.
119	Учитель латинскаго языка Григорій Гавриловичъ Вознесенскій.	изъ духовн.	Въ С.-Петербург. историко-филол. институтѣ.	съ 14 іюня 1883 г.		
120	Воспитатель пансіона Вячеславъ Михайлов. Юхневъ.	изъ мѣщанъ.	Въ Московскомъ университетѣ съ зван. канд. *).	съ 29 сентябр. 1884 г.	1886 г.	Умеръ.
121	Учитель французск. языка Адольфъ Ивановичъ Ниссенъ.	Изъ иностранцевъ.	Выдерж. въ исп. Комит. Харьков. учеб. окр. экзам. на званіе учит. франц. языка.	съ 15 января 1886 г.		
122	Учитель греч. яз. Стефанъ Никаноров. Замахаевъ.	сынъ священ.	Въ Нѣжинск. историко-филог. институтѣ.	съ 28 іюля 1886 г.		
123	Учитель нѣмецкаго языка Эдмундъ Карловичъ Прокторъ.	сынъ пастора.	Въ Митавской гимназіи.	съ 13 сентябр. 1887 г.		
124	Законоучитель куратъ рим. к. церкви ксендзъ Францъ Осиповичъ Пинярович	изъ мѣщанъ.	Въ Мог. Р. К. дух. семин.	съ 1 октября 1887 г.		

*) Изъ Тобольскихъ гимназистовъ.

125	Помощ. класн. настав. Захаръ Александров. Баршъ.	изъ податнаго.	Окончилъ курсъ въ Тобольской гимназіи.	съ 1 августа 1888 г.		
126	Воспитатель пансіона Владиміръ Васильев. Неудачинъ.	изъ штабъ-офицер. дѣтей.	Въ Император. С.-Петербург. университетѣ *).	съ 7 августа 1888 г.		
127	Учитель чистописан. Галактіонъ Егоровичъ Некрасовъ.	изъ податн.	Въ Омскомъ уѣздн. училищ.	съ 25 августа 1888 г.	Въ окт. 1888 г.	Въ отставку.
128	Учитель математики Константинъ Петров. Васильевъ.	сынъ чиновн.	Въ С.-Петербург. университетѣ.	съ 17 сентябр. 1888 г.		

*) Изъ Тобольскихъ гимназистовъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ II.

Окончившіе курсъ въ году:	Окончили курсъ.	Куда поступилъ по окончаніи курса.	Какое положеніе занималъ или занимаетъ.
1813	Иванъ Набережнинъ		
	Владиміръ Протопоповъ		
	Александръ Васнецовъ		
1814	Неизвѣстно.		
1815	Егоръ Виноградскій		
	Василій Воиновъ		
	Иванъ Помаскинъ	въ учителя;	былъ инспектор. Тоб. гимназіи.
1816	Александръ Виноградскій.	Казанскій;	былъ Тоб. Губ.
	Максимъ Деминъ	въ учителя.	
	Павелъ Васильевъ		
	Захаръ Маломаховъ		
1817	Александръ Плотниковъ.		
	Евгеній Качуринъ	въ учителя;	б. дир. Тоб. гимн.
1818	Евгеній Пассекъ		
1819	Ксенофонтъ Бронниковъ		
	Константинъ Бабушкинъ	Казанскій;	
	Иванъ Потаповъ		
	Флавіанъ Горевъ	въ гражд. сл.;	былъ исправник.
	Леонидъ Пассекъ		
	Петръ Коноваловъ		
	Созонтъ Немаломышевъ		
1820	Илья Маломаховъ	— —	учителемъ.
	Өеодосій Епанчинъ	— —	умеръ въ должн. солянаго пристава.
1821	Николай Ананьинъ		
	Василій Богдановъ		
	Яковъ Харламовъ		
	Александръ Поповъ		
1822	Василій Голохматовъ		
	Василій Борисовъ		
	Вадимъ Пассекъ	— —	писатель 30-хъ годовъ.
	Діомидъ Пассекъ	— —	генералъ-майоръ; убитъ на Кавказѣ 1845 г.
	Павелъ Котолинскій	— —	былъ надзирателемъ при пансіонѣ Тобольской гимназіи.
	Петръ Плотниковъ		
1823	Николай Панютинъ		
	Порфирій Андронниковъ		

1824	Александръ Гольстремъ	въ учителя;	былъ смотрител.
	Аполлонъ Шохинъ	въ учителя;	былъ нач. общ. губ. упр.
	Алексѣй Пызинъ		
	Николай Панютинъ		
	Александръ Худяковъ		
1825	Александръ Ѳомичъ		
	Петръ Тихановъ.		
	Василій Панютинъ		
	Константинъ Баршинъ		
	Александръ Рѣзановъ		
	Козьма Чукоминъ		
	Яковъ Русиновъ		
	Александръ Клевновъ		
1826	Иванъ Панютинъ		
	Димитрій Антоновъ		
	Тимофей Каренгинъ	въ учителя;	умеръ смотрит.
	Іосифъ Шиловъ		
1827	Александръ Протопоповъ		
	Александръ Калмыковъ		
	Александръ Безносовъ		
	Любимъ Кругловъ		
	Иванъ Эрнъ	въ учителя;	переш. въ гр. сл.
	Владиміръ Калмыковъ		
1828	Неизвѣстно.		
1829	Алексѣй Безносовъ		
	Николай Эрнъ		
	Ѳедоръ Лагуновъ	въ учителя;	б. секр. губ. суд.
	Василій Уткинъ	въ учителя;	былъ смотрител.
	Александръ Калмыковъ		
1830	Стахій Быковъ	въ учителя;	былъ смотрит.
	Егоръ Ембаевъ	въ гражд. сл.	
	Николай Калугинъ		
	Николай Ершовъ	въ университ.	† по оконч. курса.
	Петръ Ершовъ	въ университ.	б. дир. Тоб. гимн.
	Петръ Худяковъ	въ учителя.	
1831	Петръ Лукинъ	въ учителя.	
	Петръ Соболевъ	въ гражд. сл.	
	Александръ Глаголевъ		
	Ксенофонтъ Деденковъ		
	Петръ Кирилловъ		
1832	Неизвѣстно.		

	Иванъ Ананьинъ		
	Василій Долгушинъ	въ учителя;	былъ прокур. въ
	Алексѣй Ильинъ		Енисейскѣ.
1833	Григорій Кукурановъ		
	Николай Кукурановъ		
	Николай Лебедевъ		
	Павелъ Ѳомичъ	въ гражд. сл.	
	Григорій Бреховъ	въ учителя;	былъ казначеемъ.
	Викторъ Голодниковъ	въ гражд. сл.	
	Димитрій Ильинъ	въ военн. сл.	
	Сергѣй Кукурановъ	въ университ.	
1834	Александръ Сотыгинъ	ост. кн., въ уч.;	переш. въ гражд.
	Антонъ Торопчениновъ	въ корп. п. сооб.	
	Александръ Широковъ	въ казач. вѣдом.	
	Павелъ Ильинъ	въ учителя.	
	Константинъ Романовъ	въ университ.	б. уч. въ Харьк.
	Фортунатъ Вязьминъ		
	Александръ Жилинъ	въ учителя;	былъ непремѣннымъ член. строительной комиссіи.
	Викторъ Ильинъ	— —	умеръ совѣтникомъ Тобольскаго губернскаго суда.
1835	Флегонтъ Кирьяновъ	въ учителя;	умеръ учителем.
	Платонъ Калмыковъ	въ учителя.	
	Иванъ Михайловъ	въ гражд. сл.	
	Василій Серебренниковъ	въ гражд. сл.	
	Алексѣй Андреевъ	въ учителя;	переш. въ гр. сл.
	Сергѣй Юдинъ	— —	занялся своими купеческими дѣлами.
1836	Кесарь Кувичинскій	въ учителя;	кончилъ службу полицеймейстеромъ.
	Александръ Михалевъ	въ учителя;	б. испр. въ Берез.
	Григорій Холмогоровъ	въ учителя;	былъ потомъ начальн. отд. общаго губерн. управленія.
1837	Выпуска не было.		
	Григорій Ещенковъ	въ учителя.	
1838	Алексѣй Нестеровъ	тоже	
	Николай Рихтеръ	въ гражд. сл.	
	Алексѣй Романовъ	въ воен. сл.;	умеръ управл. Моск. таможней.
	Капитонъ Голодниковъ	въ учителя;	Секретарь Тоб.
1839	Александръ Романовъ	въ военную сл.	статист. комитета.
	Александръ Поповъ	въ учителя.	
	Павелъ Андрониковъ	въ уп. на каз. сч.;	былъ врачемъ.
1840	Александръ Плотниковъ	тоже	б. уч. и инс. Тоб. гим
	Михаилъ Неугодниковъ	въ учителя;	былъ смот. уѣзд. уч.
1841	Яковъ Андреевъ	въ уп. на каз. сч.	

	Николай Стукальскій	тоже	былъ уч. Тоб. г., теперь въ отстав. инсп. Том. гимназіи.
	Александръ Аристовъ	въ учителя;	Смот. въ отставкѣ.
	Петръ Бобрикъ	въ гражд. сл.	
1841	Викторъ Залежскій	въ гражд. сл.	
	Капитонъ Мимпнъ	въ учителя.	
	Павелъ Михалевъ	въ учителя;	умеръ Березов.
	Александръ Котельниковъ	въ учителя.	Исправникомъ.
	Алексѣй Пономаревъ	въ гражд. сл.	
	Константинъ Широковъ	въ ун. на каз. сч.;	б. уч. Симбир. гим.
	Владиміръ Ильинъ	въ университетъ	
1842	Николай Лыткинъ	въ ун. на каз. сч.	
	Яковъ Игнатьевъ	тоже	б. учит. Тоб. гим.
	съ свидѣтельствомъ:		
	Константинъ Карпинскій	въ гражд. сл.	
	Павелъ Андреевъ	въ гражд. сл.	
	Андрей Загурскій	въ ун. на каз. сч.	
1843	Александръ Лещевъ	тоже	б. Келец. губернат.
	Иванъ Менделѣевъ	въ гражд. сл.	
	В. Серебряковъ	тоже	
	Александръ Солдатковъ	въ учителя.	
	Осипъ Ларіоновъ	въ гражд. сл.	
1844	Павелъ Родіоновъ	—	генералъ-майоръ.
	Николай Шавринъ	въ гражд. сл.	
	Петръ Шмотинъ		
	Иванъ Бреховъ	въ учителя;	б. смотрителемъ.
	Викторъ Зуевъ	въ гражд. сл.	
1845	Григорій Семеновъ	въ ун. на каз. сч.	
	Владиміръ Фелицинъ	тоже	
	Иванъ Кремлевъ	въ гражд. сл.	
	Ар. Ананьинъ	въ учителя;	б. смотрителемъ.
	Александръ Католинскій	въм.-х. академію	б. гоф-медикомъ.
	Василій Неудачинъ	въ гражд. сл.;	управляющій Тоб.
	Александръ Нѣмцовъ	въ учителя.	казенной палаты †
	Иванъ Поповъ	тоже	
1846	Николай Суворовъ	въ учителя;	† смотрителемъ.
	Ѳедоръ Чернавинъ	въ ун. на каз. сч.	
	Николай Чудиновъ	въ гражд. сл.;	казначей въ Туринск.
	Иванъ Безсоновъ	въ университетъ	
	Павелъ Матросовъ	въ университетъ	былъ учителемъ
	Николай Бедаревъ	въ университетъ	въ Тоб. гимназіи.
	Дмитрій Лѣтешинъ	въ учителя;	б. смотрителемъ.
1847	Петръ Бѣлорусцевъ	въ ун. на каз. сч.;	б. учит. въ Тоб. гим.

1847	Северинъ Бутаковъ	въ гражд. сл.	
	Павелъ Паутовъ	въ учителя;	теперь въ отставкѣ
	Ѳедоръ Тверитиновъ	въ гражд. сл.	
	съ свидѣтельствомъ:		
	Веньяминъ Шишкинъ	въ университетъ	
1848	Андрей Словцевъ	въ ун. на каз. сч.;	былъ учителемъ
	Ѳедоръ Амвросовъ	въ университетъ	въ Тоб. гимназіи.
	Семенъ Капустинъ	тоже	
	Павелъ Дмитріевъ	въ гражд. сл.	
	Павелъ Менделѣевъ	въ гражд. сл.	
	Иванъ Амвросовъ	тоже	
	Николай Ларіоновъ	тоже	
	Василій Власовъ	въ учителя.	
	Гаврило Загурскій	въ учителя.	
	Николай Трифоновъ	въ гражд. сл.	
	Егоръ Сахинскій	тоже	
	Абрамъ Ярцевъ	въ учителя.	
1849	Андрей Чугуновъ	въ ун. на каз. сч.;	б. професс. въ Каз.
	Николай Сильвестровъ	тоже	б. членомъ сов. въ
	Александръ Рогожниковъ	въ гражд. сл.	главн. упр. З. Спб.
	Дмитрій Менделѣевъ	въ пед. инстит.;	проф. СПБ. уни-
	Николай Медвѣденковъ	въ учителя.	верс.
	Александръ Потьковскій	тоже	
	Никаноръ Каренгинъ	тоже	б. смотрителемъ.
	Владиміръ Анненковъ	въ гражд. сл.;	предсѣдат. Самарс.
	Николай Пѣшехоновъ	въ Горыгор. уч.	окружн. суда.
1850	Н. Кожевниковъ	въ учителя;	б. смотрителемъ.
	Алексѣй Львовъ	въ гражд. сл.	
	Николай Рѣзановъ		
	Алек. Трифоновъ	въ гражд. сл.	
1851	Иванъ Асламовъ	въ учителя.	
	Михаилъ Вершининъ	въ гражд. сл.	
	Михаилъ Левантуевъ	въ м.-х. акад.;	б. военн. врач. въ
	Евгеній Доронинъ	въ гражд. сл.	Тобольскѣ.
	Василій Сильвестровъ	тоже	
	Алек. Дорофеевъ (съ сер. м.)	въ ун. на каз. сч.;	товарищъ предсѣдателя Тоб. губ. суда.
	Николай Томашевскій	въ учителя;	ум. смот. въ отстав.
	Константинъ Пономаревъ	въ учителя;	смот. въ отставкѣ.
	Никол. Кремлевъ (съ зол. м.)	въ университетъ	б. ректор. Каз. ун.
	Павелъ Кремлевъ (съ сер. м.)	въ гражд. сл.	
	Ѳома Боровскій	тоже	
	Николай Завьяловъ	въ университетъ	былъ врачемъ.

1851	Константинъ Себякинъ	въ гражд. сл.	
	Николай Текутьевъ	въ учителя.	
1852	Павелъ Боровскій	въ гражд. сл.	
	Викторъ Дамашевъ	въ ун. на каз. сч.	
	Илья Енбаевъ	въ гражд. сл.	
	Александръ Иваницкій	въ университетъ	б. въ Томс. прокур.
	Алексѣй Коминъ (съ сер. м.)	М.-х. академію;	врачъ въ Кроншт.
	Павелъ Петелинъ		
	Александ. Орловъ (съ сер. м.)	въ ун. на каз. сч.;	б. член. сов. главн.
	Яковъ Слащевъ	въ ун. на каз. сч.	управ. З. Сибири.
	Николай Яковлевъ	въ учителя.	
	Павелъ Булановъ		
	Александръ Зданевичъ	въ глав. пед. инст	б. учит. въ 3-й Мос-
	Ѳедоръ Михайловъ	въ учителя.	ковской гимназіи.
	Захаръ Баршъ	въ учителя;	смотрит. въ отстав.
	Василій Пѣшехоновъ	въ учителя;	ум. смотрителемъ.
1853	Викторъ Захаровъ	въ воен. службу.	
	Николай Измаиловъ	тоже	
	Николай Крыловскій	въ гражд. сл.	
	Викторъ Лузгинъ	въ воен. службу.	
	Николай Лещевъ	въ университетъ	
	Александръ Семеновъ	въ учителя.	
	Николай Степовой	въ воен. службу;	б. въ Екатеринбур-
	Викторъ Эшъ		гѣ полицеймейсте-
	Иванъ Анненковъ	въ гвардію.	ромъ.
	Алексѣй Лыткинъ	въ учителя;	смотрит. въ отстав.
1854	Николай Андреевъ		
	Василій Кузьминъ (съ зол. м.)	въ ун. на каз. сч.;	б. уч. въ Тоб. гим.
	Порфирій Сысоевъ (съ сер. м.)	въ университетъ	теперь докторъ.
	Ѳеофилъ Аѳанасьевъ		
	Иванъ Дивногорскій	въ учителя;	б. смотрителемъ.
	Илья Дьяковъ		
	А. Кремлевъ (съ сер. м.)	въ университетъ	докторъ въ Казани.
	Петръ Орловъ	въ университетъ	акцизный надзир.
	Аркадій Петровъ	въ гражд. сл.	въ г. Курганѣ.
	Александръ Скорняковъ	тоже	
	Ѳедоръ Степовой	тоже	
1855	А. Черепшанскій (съ зол. м.)	въ М.-х. академ.;	докторъ въ Петер-
	Мих. Лобковскій (съ сер. м.)	въ ун. на каз. сч.	бургѣ.
	А. Рѣшетниковъ (съ сер. м.)	въ университетъ	
	Матвѣй Андреевъ		
	Николай Голенецкій	въ учителя;	теперь лѣсничій въ Семипалатинскѣ.

	Михаилъ Барцевъ	въ воен. службу;	
	Николай Котовскій	въ университетъ	теперь акцизный
	Владиміръ Поповъ	въ гражд. сл.	ревиз. въ Омскѣ.
	Лаврентій Рожковъ	тоже	
	Василій Смирновъ	тоже	помощникъ испр.
	Константинъ Федяй	въ университетъ	въ Ачинскѣ.
1855	Порфирій Чигиринцевъ	въ воен. службу.	
	Андріанъ Шешуковъ	въ университетъ	
	Михаилъ Буторинъ		
	Владиміръ Бекманъ	въ гражд. сл.	
	съ свидѣтельствами:		
	Николай Бобылевъ	тоже	
	Александръ Дмитріевъ	тоже	
	Алексѣй Рѣзановъ	въ воен. службу.	
	Николай Анненковъ	въ университетъ	
	Владиміръ Еврепновъ	въ университетъ	
	Владиславъ Кондратовичъ	въ гражд. сл.;	полицеймейст. въ
	Петръ Тутолминъ	въ гражд. сл.	Тобольскѣ.
	Вячеславъ Архаровъ	въ гражд. сл.	
	Павелъ Блохинъ		
	Константинъ Гусевъ		
1856	Николай Ефремовъ	въ университетъ	б. учит. въ Тоб. г.
	Н. Копиченко (съ зол. м.)	въ ун. на каз. сч.	
	Василій Пашковъ	въ гражд. сл.	
	И. Черемшанскій (съ сер. м).	въ М.-х. академ.	врачъ въ Туринскѣ
	съ свидѣтельствами:		
	Александръ Дмитріевъ		
	Михаилъ Тваневъ	въ гражд. сл.	
	Өедоръ Шмурыгинъ		
	Петръ Балакшинъ	въ университетъ	
	Александръ Зубовъ	въ университетъ	
	Владиміръ Имсенъ	въ гражд. сл.;	совѣт. Тоб. губ. пр.
	П. Колесниковъ (съ сер. м.)	въ учителя;	б. смотр. въ Тарѣ.
	Петръ Лапинъ	въ учителя.	
	Василій Лукьяновъ	въ учителя.	
1857	Дмитрій Пономаревъ	въ гражд. сл.	
	Эрастъ Поповъ	въ университетъ	професс. въ Варш.
	Александръ Пребстингъ	въ университетъ	
	Өеоктистъ Садковъ	въ учителя;	акц. надз. въ Кург.
	Лук. Зволинскій (съ зол. м.)	въ университетъ	
	съ свидѣтельствомъ:		
	Александръ Затопляевъ	въ гражд. сл.	

1858	Павелъ Андрюковъ		
	Павелъ Арзамасовъ		
	Василій Буторинъ		
	Григорій Голубковъ		
	Михаилъ Глуховцевъ	въ учителя.	
	Александръ Деминъ	въ учителя.	
	Викторъ Крыловъ		
	Николай Лобковскій		
	Иванъ Серебрянниковъ		
	Петръ Фоняковъ	въ учителя;	въ Красн. нач. отд.
	Иванъ Худяковъ *)		каз. палаты.
1859	Иннокентій Амвросовъ	въ университетъ	
	Иванъ Андрюковъ		
	Иванъ Виноградовъ	въ учителя.	
	Николай Карповъ	въ университетъ	
	Петръ Мельковъ	въ учителя;	б. смотрителемъ.
	Михаилъ Ромадинъ	въ учителя.	
	Николай Семеновъ		
	Иванъ Словцовъ		
	Яковъ Сорокинъ	въ учителя;	б. смотрителемъ.
	Николай Туполевъ		
	Андрей Харламовъ *)	въ учителя.	
1860	Ник. Аристовъ (съ зол. м.)	въ университетъ	б. вице-губеранор.
	Анат. Серебряковъ (съ зол. м.)	тоже	Семирѣч. области
	Мих. Памаскинъ (съ сер. м.)	въ университетъ	
	А. Балакшинъ (съ сер. м.)	въ университетъ	
	Иванъ Колпаковскій	въ университетъ	
	Александръ Кремлевъ	въ учителя.	
	Николай Пребстингъ	въ университетъ	
	Николай Черкасовъ	въ воен. службу.	
	Михаилъ Кулябко	въ гражд. сл.	
	Николай Флоровъ	въ университетъ	
	Евгеній Кирилловъ	въ учителя.	
	Яковъ Мазуркевичъ	въ учителя;	смотр. уѣзд. уч. въ
	Александръ Кудринъ	въ университетъ	Тобольскѣ.
	Константинъ Кудринъ	въ университетъ	
	съ свидѣтельствами:		
	Михаилъ Меньщиковъ		
	Петръ Садковъ	въ гражд. сл.	
	Андрей Терновскій	тоже	
1861	Гавр. Тюменцевъ (съ зол. м.)	въ ун. на каз. сч.;	директ. Томскаго
	Николай Доброхотовъ	въ университетъ	реальн. училища.

*) Это учившіеся въ VII кл. въ 1858 и въ 1859 г. но кто изъ нихъ окончилъ курсъ—свѣдѣній въ архивѣ нѣтъ.

1861	Миксимил. Кржижановскій	въ университетъ	
	Дмитрій Папинъ	въ гражд. сл.	
	Николай Соинъ (съ сер. м.)	въ университетъ	
	Н. Цвѣтниковъ (съ сер. м.)	въ университетъ	
	Сергѣй Рѣзановъ	въ гражд. сл.	
	Иванъ Словцовъ	въ университетъ	директоръ Тюм.
	Иванъ Тутолминъ	въ университетъ	реальн. училища.
	Николай Михалевъ	въ университетъ	
	Максимильянъ Софоновъ	въ учителя;	смотрит. Тюменск.
	Николай Бобановскій	въ гражд. сл.	уѣзд. училища.
	Николай Рѣзановъ		
	Өедоръ Карповъ	въ учителя	
	Илья Поповъ	въ гражд. сл.	
	Николай Пушкаревъ	въ учителя.	
1862	Н. Большаковъ (съ зол. м.)	въ университетъ	
	Петръ Волоховъ *)	въ учителя.	
	Владиміръ Котовскій	въ гражд. сл.	
	Александръ Коротнихъ		
	Петръ Моревъ *)		
	Алек. Макаровичъ *)	въ гражд. сл.	
	Никита Поповъ	тоже	
	Инокентій Разгильдѣевъ		
	Иванъ Соболевъ		
	Өедоръ Шадринъ	въ гражд. сл.	
	В. Шапошниковъ *)	тоже	
1863	Степанъ Леоновъ (съ зол. м.)	въ университетъ	
	М. Водяннииковъ (съ сер. м.)	въ университетъ	директоръ Омской
	Александръ Васильевъ		учит. семинаріи.
	Е. Маслянниковъ (съ сер. м.)	въ Петровскую	
	Никита Поникаровскій	землед. акад.	
	Михаилъ Самойловъ	въ университетъ	
	Валерьянъ Сергѣевъ		
	Константинъ Флоровъ		
	Константинъ Черемшанскій	въ университетъ	
	Александръ Федяй		
	Василій Бобовъ	въ учителя.	
	Прокопій Арбузовъ	тоже	
	держали за курсъ гимназіи:		
	И. Ливенцевъ—пол. аттест.		
	Кржижановскій—свид.		
1864	Л. Лавровскій (съ зол. м.)	въ ун. на каз. сч.	
	Мат. Вахрушевъ (съ сер. м.)	въ университетъ	окружный инспекторъ З. С. учеб. округа.

*) Учившіеся въ VII кл. въ 1862 г.

1864	Иванъ Пиленковъ (съ сер. м.)		
	Николай Сергѣевъ	въ ун. па каз. сч.	
	съ свидѣтельствами:		
	Тимофей Ласточкинъ		
	Авель Томашевичъ		
1865	Василій Аристовъ		
	А. Дрожжиловъ (съ сер. м.)		
	Анатолій Костырко		
	Николай Лузгинъ (съ сер. м.)	въ университетъ	врачъ въ степи.
	Александръ Макаровъ	въ учителя;	смотр. въ отставкѣ
	Андрей Спненко	въ учителя.	
	съ свидѣтельствами:		
	Александръ Кикинъ		
	Михаилъ Суворцевъ		
1866	Н. Лукьяновъ (съ сер. м.)		
	Н. Раленбекъ (съ сер. м.)		
	Сергѣй Мечъ	въ университетъ	
	Павелъ Баландовичъ		
	Константинъ Померанцевъ	въ университетъ	
	Михаилъ Ѳоминъ	въ учителя;	смотр. въ Курганѣ.
	съ свидѣтельствами:		
	Александръ Ещенко	въ учителя.	
	Леонидъ Кремлевъ		
1867	Александръ Барковскій	въ университетъ	
	Алексѣй Бучаринииъ		
	Иванъ Бучаринииъ	въ университетъ	
	Александръ Дьяковъ	въ университетъ	б. врач. въ степи.
	Петръ Кошкинъ (съ сер. м.)	въ университетъ	
	Димитрій Курбановскій		
	Евгеній Плотниковъ	въ университетъ	врач. въ россіи.
	Н. Плотниковъ (съ сер. м.)	въ университетъ	
	Иванъ Помаскинъ	въ университетъ	
	Константинъ Протопоповъ	въ университетъ	
	А. Смолевъ (съ зол. м.)	въ университетъ	инсп. въ Тоб. гим.
	Николай Яковлевъ	въ университетъ	учит. въ Благовѣщ. прогимназіи.
	Дмитрій Жилинскій	въ университетъ	врачъ въ Акмолин. области.
	съ свидѣтельствами:		
	А. Низковскій		
	Степанъ Тюменцевъ		
1868	Владиміръ Ильинъ		
	А. Пищальниковъ (съ сер. м.)	въ университетъ	
	Алексѣй Туполевъ	въ университетъ	

1868	Никаноръ Черданцевъ	въ учителя.	
	А. Ширковъ (съ зол. м.)	въ университетъ	учит. въ Нижегор.
	Александръ Дудалодовъ	тоже	воен. корпусѣ.
	съ свидѣтельствами:		
	Александръ Головко	въ учителя.	
	Александръ Краузе	въ военную сл.	
	Алексѣй Неводчиковъ	въ университетъ	б. уч. въ Тоб. г.
	Михаилъ Федоровскій	тоже	
1869	Петръ Мюнхгаузенъ	въ университетъ	
	Иванъ Побѣдулинъ	въ техн. инст.	
	Иванъ Поповъ	въ университетъ	
	Николай Суворцевъ	въ университетъ	врачъ въ Казани.
	Михаилъ Потоцкій	въ университетъ	
	Александръ Туполевъ	въ университетъ	уч. Томск. реальн.
	съ свидѣтельствами:		училища.
	Егоръ Александровъ		
	Александръ Волковъ		
	В. Кашлаковъ	въ техн. инст.	
1870	Павелъ Волковъ		
	Сергѣй Моревъ		
	Иванъ Чуловскій	въ университетъ	
	съ свидѣтельствами:		
	Влад. Кручокъ-Голубовъ	въ М.-х. академ.	
	Аполлонъ Любимовъ		
	Константинъ Ротовъ		
1871	Василій Тутолминъ		
	Антонъ Петржкевичъ	въ М.-х. академ.	врачъ.
	Иванъ Поповъ	въ М.-х. академ.	
	Никаноръ Поповъ	въ М.-х. академ.	врачъ въ Омскѣ.
	Андрей Мазуринъ	въ Каз. универс.	
	Алексѣй Шиповаловъ		
	Алексѣй Широковъ	въ университетъ	
	Иванъ Михалевъ	тоже.	
	съ свидѣтельствами:		
	Димитрій Курбановскій		
	Николай Степановъ		
	получилъ аттестатъ посторон.		
	Александръ Албычевъ		
1872	Выпуска не было.		
1873	Василій Папинъ (съ сер. м.)	въ Пет. универс.	былъ въ воен. сл.
	Вас. Плотниковъ (съ сер. м.)	въ Моск. унив.	врачъ въ Тюкалѣ.
	Григорій Пищальниковъ	въ М.-х. академ.	†
	Павелъ Аланчиковъ	въ М.-х. акад.	врачъ въ Россіи.

1873	Иванъ Броховичъ	въ Каз. унив.	
	Константинъ Щербаковъ	въ Пет. на юрид.	учителемъ въ Омской женской гимназіи.
	Николай Поповъ	въ университетъ	
1874	Александръ Адріановъ	въ Пет. универс.	былъ ред. Спб. Газ.
	Александръ Гасиловъ	въ Моск. унив.	врачъ въ Тюм.
	Мамонтъ Герасимовъ	въ Каз. универс.	учитель въ Омскѣ.
	Николай Чикуновъ	въ Каз. универс.	врачъ.
	Михаилъ Чевскій	въ Каз. универс.	
	Сивиръ Протопоповъ	въ Каз. универс.	† уѣздн. нач.
	Николай Слаута	въ Каз. универс.	врачъ въ Вѣрн.
	Алексѣй Сарафановъ	въ Пет. универс.	судья въ степи.
1875	Григор. Карповъ } съ сер. м.	въ М.-х. акад.	
	Конст. Поповъ } съ сер. м.	въ М.-х. акад.	врачъ въ Петер.
	Александръ Сазоновъ	въ Пет. универс.	†
	Николай Шишкинъ	въ Пет. универс.	†
	Иванъ Лавровскій	въ Каз. универс.	†
	Николай Кашлаковъ	въ Каз. универс.	†
	Владиміръ Лебединскій	въ Каз. универс.	въ Омскѣ учител.
	Александръ Масалитиновъ	въ Харьк. унив.	
	(съ сер. м., изъ мл. отд. VII к.)		
	свидѣт. зрѣл выд. пост. лицу:		
	Владиміру Ершову	въ университетъ	
1876	Павелъ Трегубовъ	въ Пет. универс.	
	Викторъ Голодниковъ	въ Пет. универс.	засѣд. въ Тоб. судѣ.
	Михаилъ Волковъ	— —	былъ въ университетѣ, но не окончилъ курса.
	Александръ Безукладниковъ	въ М. х. академ.	врачъ въ Сургутѣ.
	Александръ Слаута	въ Каз. универс.	
1877	К. Александровичъ (съ с. м.)	въ М.-х. акад.	
	Василій Основинъ	въ М.-х. акад.	† врачомъ.
	Алексѣй Поповъ	въ М.-х. акад.	† врачомъ.
	Александръ Чередовъ	въ М.-х. акад.	врачъ въ Семип.
	Николай Ласкинъ	въ М.-х. акад.	† студентомъ.
	Никаноръ Алексѣевъ	въ Каз. универс.	
	Николай Кремковъ	въ М.-х. акад.	врачъ.
	Яковъ Ивановъ	въ Пет. ун. (юр.)	
	Николай Ермаковъ	въ Каз. универс.	
	Соколовъ (экстернъ)	въ Пет. универс.	
1878	Маркъ Тарховъ	въ Каз. ун. студ.	† студентомъ.
	Димитрій Основинъ	въ Пет. универс.	учитель въ Том.
	Александръ Галлъ	въ М.-х. акад.	
	получилъ свидѣт. зрѣлости		
	Уткинъ (уч. Тарск. учил.)	въ М.-х. акад.	врачъ въ Усс. краѣ.

1879	Кон. Струбинскій (съ з. м.)	въ Каз. ун. (юр.)	
	Яковъ Макеровъ	въ Пет. ун. (ест.)	
	Никаноръ Гурскій	въ Кіев. ун. (юр.)	
	Григорій Поповъ	въ П. ун. (ф. ин.)	учит. въ Ирк. г.
	Мендель Орликъ	въ Каз. ун. (мед.)	врачъ въ Томскѣ.
	Петръ Шейминъ	въ Пет. ун. (юр.)	пр. доц. въ Одессѣ.
	Михель Цемъ	въ Каз. ун. (мед.)	†
1880	Давидъ Ноторинъ (съ з. м.)	въ М. ун. (мед.)	врачъ въ Тюмени.
	Василій Никоновъ (съ с. м.)	въ К. ун. (фил.)	учит. въ Томск. г.
	Николай Кононовичъ	въ Каз. ун. (ест.)	акц. контр. въ Тоб.
	Вячеславъ Юхневъ	въ М. ун. (мат.)	б. воспит. въ Тоб. г.
	Павелъ Маршаловъ		
	Владиміръ Аристовъ	въ М. ун. (мед.)	
	Иванъ Боровскій	въ Каз. ун. (ест.)	столоначальникъ Тоб. общ. губ. упр.
	Павелъ Греченинъ	въ Каз. ун. (мед.)	врачъ въ Курганѣ.
	Болеславъ Козелло		
	Михаилъ Ласкинъ		
	Михаилъ Шамовскій	въ М.-х. акад.	
	Александръ Неудачинъ	въ Пет. ун. (юр.)	засѣд. въ Тоб. судѣ.
	Едвардтъ Леля	въ М. ун. (мед.)	
1881	Николай Архангельскій		
	Димитрій Антипинъ	въ Каз. ун. (мед.)	врачъ.
	Николай Багаевъ		
	Владиміръ Бажановъ	въ Пет. ун. (ест.)	†
	Павелъ Глазуновъ	въ Пет. ун. (ест.)	
	Ѳеимъ Игнатьевъ	въ Каз. ун. (мед.)	врачъ.
	Александръ Кевролевъ	въ Каз. ун. (мед.)	врачъ.
	Поликарпъ Кухтеринъ		
	Николай Неудачинъ	въ Пет. ун. (юр.)	
	Николай Пѣшехоновъ	въ Пет. ун. (в. ф.)	
	Василій Серебренниковъ	въ Каз. ун. (мед.)	врачъ въ Ялутор.
	Витольдъ Станкевичъ	въ Варш. ун. (м.)	
	со свидѣтельств. экстерны:		
	Николай Ершовъ	въ университетъ	
	Семенъ Аркановъ	въ Каз. ун. (ест.)	
	Александръ Кремлевъ		
1882	Хрисан. Лопаревъ (съ с. м.)	въ П. ун. (фил.)	
	Александръ Герцикъ	въ Пет. ун. (ест.)	
	Александръ Греченинъ	въ М. ун. (ест.)	засѣд. въ Кург. суд.
	Абрамъ Коварскій	въ М.-х. акад.	
	Николай Русановъ	въ М. ун. (юр.)	судья въ Тоб.
	Эразмъ Клодницкій	въ М. ун. (юр.)	

1882	Сергѣй Протопоповъ	въ Каз. ун. (мед.)	врачъ въ Каз.
	Адамъ Сегень	въ Каз. ун. (мед.)	врачъ.
	Николай Кирилловъ	въ Каз. ун. (юр.)	
	Валеріанъ Калининъ	въ Каз. ун. (ест.)	
1883	Николай Бисеровъ	въ Каз. ун. (мед.)	
	Иванъ Гурскій	въ Кіев. ун. (ест.)	
	Станиславъ Ержиковскій	въ Каз. ун. (мед.)	
	Израиль Зальмунинъ	въ Каз. ун. (мед.)	
	Флегонтъ Кевролевъ	въ Каз. ун. (ест.)	
	Петръ Лепехинъ	въ М. ун. (фил.)	
	Александръ Русановъ	въ М. ун. (юр.)	
	Константинъ Соболевъ	въ Каз. ун. (мед.)	врачъ.
	Николай Толмачевъ	въ М. ун. (мат.)	
	Владиміръ Неудачинъ	въ Пет. ун. (ест.)	восп. въ панс. Т. г.
1884	Ѳед. Евграфовъ (съ зол. м.)	въ Каз. ун. (мед.)	
	Викентій Горскій	въ М. ун. (мат.)	
	Василій Ставропольскій	въ Каз. ун. (фил.)	
	Петръ Заренбинъ	въ М. ун. (юр.)	
	Адольфъ Кржевскій	въ М. ун. (юр.)	
	Андрей Куминовъ	въ Пет. ф. инст.	
	Николай Львовъ	въ Каз. ун. (юр.)	
	Николай Пѣтуховъ	въ Каз. ун. (мед.)	
1885	Пав. Дорофеевъ (съ зол. м.)	въ М. ун. (мат.)	
	Борисъ Ноторинъ (съ зол. м.)	въ Каз. ун. (мед.)	
	Владиміръ Лысогорскій	въ Пет. ун. (юр.)	
	Брониславъ Воротынскій	въ Каз. ун. (мед.)	
	Станиславъ Кевличъ	въ Каз. ун. (мед.)	
	Владиміръ Гигановъ	тоже (юрист.	
	Алексѣй Стукальскій	лѣтомъ 1885 года утонулъ.	
1886	Анатолій Терновскій	въ Пет. ф. инст.	
	Павелъ Оглоблинъ	въ Каз. ун. (мед.)	
	Александръ Гавриловъ	въ Каз. ун. (юр.)	
	Александръ Кабатъ	въ Каз. ун. (мед.)	
	Димитрій Муринъ	въ Каз. ун. (юр.)	
1887	Димитрій Толмачевъ	въ Каз. ун. (мед.)	
	Николай Сыромятниковъ	тоже (мед.)	
	Альбинъ Бялоусъ	тоже (мед.)	
1888	Кон. Котельниковъ (съ з. м.)	въ Пет. ф. инст.	
	Василій Ширковъ		
	Гиршъ Фридманъ	въ Том. ун. (мед.)	
	Николай Зубовскій	въ Кіев. ун. (ф.)	
	Сергѣй Орнатовъ	въ М. ун. (мат.)	

1888	Александръ Нонява Иванъ Распутинъ Николай Караваевъ	въ Том. ун. (мед.) въ Том. ун. (мед.) въ Яросл. лицей.	
1889	Иванъ Амвросовъ Владиміръ Волковъ Александръ Гвоздицкій Николай Емельяновъ Степанъ Кевличъ Николай Сикорскій Леонтій Цемъ		

ПРИБАВЛЕНІЕ III.

СТАТИСТИКА УЧАЩИХСЯ:

1) по сословіямъ:

Къ 1 января.	Чиновник. и военно-служ.	Дворянъ.	Священно-сл.	Купцовъ.	Мѣщанъ.	Цѣховыхъ.	Солдатъ.	Казаковъ.	Двор. людей.	Бухарцевъ.	Крестьянъ.
1789 (март.)	31	3	5	7	12	4	17	2	4	1	2
1790	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1791	35	5	4	16	26	4	74	4	5	—	2
1792 (іюль)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1793	28	3	8	6	9	1	73	1	6+3 вольноотпущенных.	—	2
1795 (іюль)	-	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1796	11	1	—	2	14	—	42	5	1	—	—
1802 (іюль)	об.-оф. 26	—	9	мал. 18 дѣв. 4	мал. 6 дѣв. 1	—	2	—	—	—	—
1813	21	—	—	2	—	—	—	—	—	—	2
1814	21	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1
1815	22	—	—	2	2	—	—	—	—	—	—
1816	18	—	—	3	5	—	—	—	—	—	—
1817	10	—	—	2	4	—	—	—	—	—	2
1818	11	—	—	1	2	—	—	—	—	—	2
1819	11	—	—	1	7	—	—	—	—	—	2
1820	16	—	—	2	1	—	5	—	—	—	—
1821	17	—	—	4	7	—	3	—	—	—	5
1822	12	—	—	3	4	—	7	—	—	—	4
1823	10	—	—	3	3	—	7	—	—	—	2
1824	19	—	—	1	2	—	3	—	—	—	1
1825	20	—	—	1	3	—	9	—	—	—	1
1826	24	—	—	2	4	—	11	—	—	-	1
1827	24	-	—	1	4	—	9	—	—	—	2
1828	36	—	1	2	3	—	1	—	—	—	2
1829	34	—	1	1	2	—	1	—	—	—	2
1830	33	-	1	—	4	—	1	—	—	—	—
1831	36	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
1832	48	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
1833	48	—	—	1	1	—	—	—	—	—	1
1834	36	—	—	1	2	—	—	—	—	—	2
1835	33	—	—	2	5	—	—	—	—	—	1
1836	33	—	—	2	5	—	—	—	—	—	1

Къ 1 январ.	Чиновник. и дворянъ.	Канцеляр. служит.	Городскаго сословія.	Сельскаго сословія.	Почт. вѣд., аптек. чин. и под.	Духовнаго званія.
1837	76	—	4	—	1	—
1838	—	—	—	—	—	—
1839	110	—	5	2	—	—
1840	109	—	8	3	—	1
1841	118	—	6	2	—	1
1842	99	—	12	2	—	1
1843	—	—	—	—	—	—
1844	91	1	11	—	—	2
1845	110	1	12	1	1	2
1846	118	3	15	2	3	1
1847	124	3	13	2	—	—
1848	119	—	10	1	—	—
1849	95	3	8	1	—	—
1850	95	—	14	1	4	—
1851	112	—	15	1	4	—
1852	113	—	15	1	5	—
1853	111	—	15	1	4	—
1854	102	—	21	6	6	—
1855	115	—	21	9	9	—
1856	107	—	19	10	—	—
1857	106	—	22	8	13	2
1858	130	—	29	16	—	—
1859	142	—	24	30	—	—
1860	140	—	26	22	—	—
1861	—	—	—	—	—	—
1862	—	—	—	—	—	—
1863	—	—	—	—	—	—
1864	—	—	—	—	—	—
1865	132	—	16	2 (1 инор.)	—	9
1866	112	—	9	12	воен. зв. 3 каз. 3	10
1867	111	—	13	4	—	8
1868	111	—	13	3	—	7
1869	117	—	27	7	—	6
1870	109	—	36	5	—	4
1871	114	—	30	15	—	8
1872	131	—	34	9	—	5
1873	146	—	50	6	—	5
1874	150	—	53	19	—	4
1875	130	—	37	49	—	5
1876	137	—	69	13	—	8
1877	128	—	71	16	—	12
1878	130	—	68	12	—	11
1879	124	—	76	19	—	10

1880	114	—	97	13	—	15
1881	135	—	79	17	—	14
1882	157	—	97	12	—	14
1883	153	—	97	12	—	12
1884	149	—	70	23	—	9
1885	149	—	70	23	—	9
1886	133	—	60	21	—	10
1887	118	—	82	10	—	8
1888	99	—	55	7	—	7
1889	90	—	45	6	—	6

2) по вѣроисповѣданіямъ:

Къ 1-му января.	Правосл.	Католик.	Лютеранъ.	Магомет.	Іудейск.	Прочихъ исповѣдан.
1866	146	2	1	—	—	—
1867	127	8	1	—	—	—
1868	125	6	3	—	—	—
1869	145	8	4	—	—	—
1870	139	10	4	—	1	—
1871	147	14	3	—	—	3
1872	157	17	1	1	—	3
1873	182	18	1	1	5	—
1874	197	23	—	1	—	5
1875	194	21	—	—	—	6
1876	195	21	—	—	11	—
1877	203	14	2	—	—	8
1878	188	23	—	—	—	10
1879	184	29	2		14	—
1880	188	34	2	—	15	—
1881	191	36	3	—	15	—
1882	208	44	2	—	24	—
1883	188	37	4	—	—	—
1884	194	42	1	—	14	—
1885	171	36	—	—	13	—
1886	181	32	—	—	11	—
1887	170	37	1	—	10	—
1888	138	20	—	—	10	—
1889	123	19	—	—	5	—

ПРИБАВЛЕНІЕ IV.

Къ 1му январ.	Всѣхъ.	Перев. въ высшіе классы.	Окончило.	% переведенныхъ.
1789 (март.)	88	—	—	—
1790	165	—	—	—
1791	175	—	—	—
1792 (іюль)	149	—	—	—
1793	140	—	—	—
1795 (іюль)	88	—	—	—
1796	76	—	—	—
1802 (іюль)	66	—	—	—
1813	25	16	3	—
1814	23	—	неизв.	—
1815	26	14	3	—
1816	26	18	4	—
1817	18	12	2	—
1818	16	15	1	—
1819	21	12	7	—
1820	24	19	2	—
1821	36	23	4	—
1822	30	17	6	—
1823	25	23	2	—
1824	26	21	5	—
1825	34	25	8	—
1826	42	23	4	—
1827	40	24	6	—
1828	45	24	6	—
1829	41	23	5	—
1830	39	23	6	—
1831	38	25	5	—
1832	50	28	неизв.	—
1833	51	28	7	—
1834	41	27	9	—
1835	41	25	7	—
1836	—	—	5	—
1837	81	41	—	50,6 *)
1838	102	58	4	60,7
1839	117	68	3	60,7
1840	121	52	3	45,4

Годъ къ 1-му январ.	Всѣхъ.	Перев. въ высшіе классы.	Окончило.	% переведенныхъ.
1841	127	65	9	58,9
1842	114	50	5	48,2
1843	114	57	6	55,2
1844	105	67	4	67,6
1845	127	81	5	66,7
1846	142	74	12	59,9
1847	142	54	5	41,5
1848	130	74	12	69,2
1849	107	68	9	71,5
1850	114	—	4	—
1851	132	100	14	87,6
1852	134	97	14	85
1853	131	98	10	82,9
1854	135	90	11	74,7
1855	154	110	18	80,5
1856	136	100	14	84,1
1857	151	—	12	—
1858	175	—	11	—
1859	196	—	11	—
1860	188	97	17	58,7
1861	190	116	16	69,3
1862	—	—	11	—
1863	185	96	14	60,5
1864	161	89	6	59%
1865	160	76	8	52,5
1866	149	102	8	73,8
1867	136	89	15	76,4
1868	134	87	10	72,3
1869	157	89	9	63,7
1870	154	—	6	—
1871	167	—	11	—
1872	179	107	выпуск. не было	59,7 **)
1873	207	131	7	73,1
1874	226	113	8	64,3
1875	221	127	9	73,1
1876	227	—	5	—
1877	227	98	10	62
1878	221	135	4	80
1879	229	138	6	79,1

*) Въ основу процентнаго вычисленія положено количество учениковъ къ 1 января каждаго года.

**) Приготовит. классъ въ счетъ не входитъ.

1880	239	—	13	—	1885	220	114	7	65,7
1881	245	148	15	83,3	1886	224	115	5	64,5
1882	278	127	10	65,2	1887	218	117	3	64,5
1883	274	101	10	—	1888	168	94	8	63,4
1884	251	105	8	58,4	1889	147	—	7	—

Къ 1 января.	Количество учениковъ въ приготовит. классѣ.	Колич. переведенныхъ въ I клас.	Къ 1 января.	Количество учениковъ въ приготовит. классѣ.	Колич. переведенныхъ въ I клас.	Къ 1 января.	Количество учениковъ въ приготовит. классѣ.	Колич. переведенныхъ въ I клас.
1872	12	11	1878	47	23	1884	58	31
1873	21	9	1879	47	31	1885	36	27
1874	38	21	1880	48	28	1886	38	22
1875	35	16	1881	53	24	1887	32	29
1876	48	23	1882	68	38	1888	9	9
1877	53	22	1883	56	30			

Цѣна 1 р., съ пересылкой 1 р. 25 к.

Ростъ начальнаго образованія въ Тобольской губерніи за десятилѣтіе 1907—1916 годовъ.

№№.	Данныя, характеризующія состояніе школьнаго дѣла.	Къ 1-му января 1907 г.	Къ 1-му января 1917 года.	Увеличилось на	Увеличеніе въ %.
1	Число начальныхъ училищъ .	493	1070	577	115%
2	Число учащихъ въ нихъ . .	624	1407	783	125%
3	Число учениковъ	22198	55387	33189	150%
4	Число окончившихъ курсъ . .	2372	5409	2963	125%
5	Годовой расходъ на содержаніе начальныхъ училищъ . . .	336864	1038092	701228	208%
6	Размѣры отпуска изъ казны на содержаніе начальн. училищъ .	129815	701117	571302	439%
7	Средній расходъ на одно училище .	683	970	287	42%
8	Средній расходъ на одного учителя	540	926	386	71%
9	Средній расходъ на одного ученика	15	18 р. 74 к.	3 р. 74 к.	25%
10	Средній расходъ на одного окончившаго курсъ	142	194	52	36%
11	Число постоянныхъ училищъ .	493	938	445	90%
12	Число собственныхъ помѣщеній для постоянныхъ училищъ .	386	769	383	99%
13	Число наемныхъ помѣщеній для постоянныхъ училищъ . . .	107	169	62	58%
14	Число передвижныхъ училищъ .	—	132	132	—
15	Число высшихъ нач. училищъ .	9	17	8	88%
16	Число классовъ въ нихъ . . .	30	69	39	130%
17	Число служащихъ	68	137	69	101%

№№	Данныя, характеризующія состояніе школьнаго дѣла.	Къ 1-му января 1907 г.	Къ 1-му января 1917 г.	Увеличилось на	Увеличеніе въ %.
18	Число учащихся	896	1997	1101	123%
19	Расходы на содержаніе высшихъ начальныхъ училищъ . . .	54784	174744	119960	218%
20	Число ремесленныхъ училищъ .	—	2	2	—
21	Число ремесленныхъ отдѣленій и профессіональныхъ классовъ .	11	19	8	72%
22	Число учительскихъ семинарій .	—	2	2	—
23	Число учительскихъ институтовъ .	—	1	1	—
24	Число краткосрочныхъ педагогическихъ курсовъ . . .	—	10	10	—
25	Число школьныхъ музеевъ . .	1	12	11	1100%
26	Число инспекторскихъ районовъ .	5	11	6	120%
27	Число сельско-хозяйств. отдѣленій	—	3	3	—
28	Число библіотекъ-читаленъ . .	—	130	130	—
29	Число центральныхъ учительскихъ библіотекъ	32	44	12	37%
30	Число запасныхъ учителей . .	—	8	8	—
31	Число учителей и учительницъ—участниковъ въ пенсіон. кассѣ .	139	1407	1268	912%

Тобольскъ. Губернская Типографія.

